

В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

КОЛДОВСКОЙ
МИР

Вся

НОРТОН

КОЛДОВСКОЙ
МИР

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

SCI-FI FOUNDATION

Вся
НОРТОН

Вся
НОРТОН

МАГИЯ
ЗОВ ЛИРЫ
АРОМАТ МАГИИ
КОРОЛЕВА СОЛНЦА
ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ
ПЕРЕКРЕСТКИ ВРЕМЕНИ
ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК
ПОВЕДА НА ЯНУСЕ
ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ
БРАТ ТЕНЕЙ
КОЛДОВСКОЙ МИР

Андрэ

НОРТОН

КОЛДОВСКОЙ
МИР

СЕРИЯ ФАНТАСТИКА

Москва
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н82

Andre Norton

WITCH WORLD

Copyright © 1963 by Andre Norton

WEB OF THE WITCH WORLD

Copyright © 1964 by Andre Norton

THREE AGAINST THE WITCH WORLD

Copyright © 1965 by Andre Norton

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США)
при участии агентства Александра Корженевского (Россия)

Нортон, Андрэ.

Н82 Колдовской мир / Андрэ Нортон ; [пер. с англ. С. Степанова, Д. Арсеньева]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 496 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-699-80236-4

На протяжении более полувека Андрэ Нортон — один из самых популярных авторов научной фантастики и фэнтези в мире. Ее первые произведения были опубликованы в далеких 40-х годах прошлого века и вызвали бурю восторга у читателей всех возрастов, и жанр научной фантастики обрел бесчисленное количество новых поклонников.

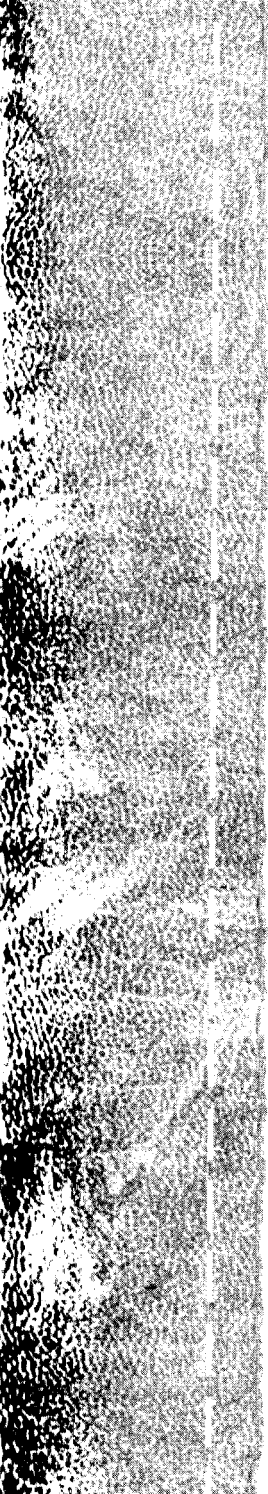
В данное издание помимо заглавного вошли романы «Паутина Колдовского мира» и «Трое против Колдовского мира».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© С. Степанов, перевод на русский язык, 2017
© Д. Арсеньев, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-80236-4

У меня нет дара слагать песни. Недостает мне и терпения, чтобы следить за тем, как я использую слова. Я вовсе не красноречив. Но если человеку случается пережить невероятные события, в нем рано или поздно пробуждается желание поведать о них — пусть и нескладно — своим потомкам, дабы те знали, на что способны были предки, и в этом знании черпали бы силы для себя.

**КОЛДОВСКОЙ
МИР**

Часть первая

СУЛЬКАР

Глава 1

ГИВЛОЕ МЕСТО

Над грязной улицей висела завеса косо­го дождя. Дождь смывал сажу с обшарпанных стен, оставляя кислый привкус во рту рослого мужчины, который, держась поближе к домам, шел широким шагом, настороженно вглядываясь в темные проемы подъездов и расщелины переулков.

Саймон Трегарт сошел с поезда часа два или три назад. Впрочем, ему больше незачем следить за временем, ибо куда же спешить беглецу, загнанному в угол, как крыса. Но нет, он не прячется! Саймон вышел на открытое место — как всегда, в полной боевой готовности, с высоко поднятой головой.

Это сперва, когда все только началось, когда у него оставалась хоть искра надежды и он пускал в ход всю свою звериную ловкость, изворачивался ужом, заметал следы, уходя от погони, — вот тогда все решали минуты, когда он убегал. Теперь он идет и будет идти, пока прямо перед ним не встанет смерть, притаившаяся в одном из этих подъездов или устроившая засаду в каком-нибудь переулке. Но и тогда он не остановится, он еще покажет ей свои когти! Правая рука, глубоко засунутая в промокший карман плаща, сжимала гладкую рукоять смертоносного оружия, пригнанную к его кисти так, что пистолет казался просто продолжением руки.

Красно-желтые кричащие огни рекламы мутными пятнами лежали на мокром асфальте. Его знакомство с этим городишкой ограничивалось прилегающими к отелю кварталами, парой ресторанов и магазинчиков — все, что удается запомнить побывавшему здесь проездом. Саймона тянуло на открытое место. Он был уверен, что конец этой охоте наступит нынче ночью или, в крайнем случае, на рассвете.

Саймон устал, его клонило в сон, но опасность заставляла все время быть начеку. У освещенного входа он все-таки за-

медлил шаг и уставился на вывеску под провисшим тентом. Швейцар распахнул дверь, и утомленный человек принял безмолвное приглашение, шагнув навстречу теплу и запахам кухни.

Скверная погода распугала клиентов, возможно, поэтому к нему сразу подошел метрдотель. А может быть, лучшим столиком и расторопным официантом он был обязан покрою дорогого костюма, не успевшего промокнуть под плащом, или своему усталому виду, впрочем, несколько не умалявшему того врожденного высокомерия, которым отмечены люди, привыкшие командовать другими и не отдающие приказов дважды.

Глядя в меню, Саймон усмехнулся, подумав о том, что и обреченный человек не прочь хорошо поужинать. Он увидел свое улыбающееся отражение, искаженное кривой поверхностью никелированной сахарницы: правильные черты, морщинки в уголках глаз, рот резко очерчен — смуглое мужественное лицо, ничего не говорящее о возрасте его обладателя. Таким оно было в тридцать, таким будет и в шестьдесят.

Трегарт ел медленно, тщательно пережевывая каждый кусок, позволив наконец своему телу расслабиться, насладиться уютом и придиричиво выбранным вином. Но рассудку и нервам эта передышка не давала ничего, Саймон знал — это конец, и был готов ко всему.

— Прошу прощения...

Вилка не остановила своего движения ко рту, но, несмотря на отменную выдержку, веко Саймона дрогнуло. Спокойно прожевав мясо, он поднял голову.

— В чем дело?

Человека, вежливо стоящего у столика, можно было принять за врача или адвоката, он выглядел чересчур располагающе, как-то профессионально располагающе. Такого Саймон не ожидал. Подошедший был слишком респектабелен, слишком учтив и корректен, чтобы оказаться смертью. Впрочем, у организации множество подручных, которые специализируются в самых разных сферах.

— Если не ошибаюсь, полковник Саймон Трегарт?

Саймон разломил булочку и стал намазывать ее маслом.

— Саймон Трегарт, но не полковник! — жестко сказал он. — И вам это прекрасно известно!

Мужчина несколько смешался.

— Простите за бестактность, Трегарт! Осмелюсь заметить, я не являюсь членом организации. И более того, если угодно, я ваш друг. Позвольте представиться — доктор Йорг Петроний. Могу добавить — к вашим услугам.

Саймон поглядел по сторонам. Он полагал, что опущенное ему время истекло, и уж никак не рассчитывал на подобную встречу. Впервые за эти поганые дни в глубине его души затеплился огонек надежды.

У него не было никаких оснований сомневаться в истинности слов невысокого мужчины, который глядел на него сквозь толстые линзы очков. Черная массивная оправа, казалось, скрывает лицо Петрония под полумаской, вроде тех, какие носили веке этак в восемнадцатом. Доктор Йорг Петроний пользовался широкой известностью в тех кругах, где Трегарт вращался последние годы. Если запахло жареным и, на твое счастье, у тебя не перевелись деньги, иди к Петронию. Все, рискнувшие обратиться к нему, исчезали бесследно, избегая карающей длани закона и мести сообщников.

— Сэмми в городе, — сказал Петроний.

— Сэмми? — Саймон пригубил вина. — Весьма польщен.

— Трегарт! У вас отличная репутация. По вашу душу организация отрядила свои лучшие кадры, но вы уже разделались с Кочевым и с Лэмпсоном, и остался один Сэмми, но он из другого теста. Простите за настойчивость, но ведь дела ваши плохи, и вы давно в бегах.

Саймон улыбнулся. Он не терял бдительности, но получал удовольствие от недомолвок доктора, равно как и от вкусной пищи, сдобренной хорошим вином.

— По-вашему, дела мои плохи? Какое же средство вы предлагаете?

— Свои услуги.

Саймон слишком резко поставил бокал с вином, и несколько красных капель выплеснулось на скатерть.

— Говорят, ваши услуги не дешевы.

— Естественно! — Доктор развел руками. — Зато я гарантирую полное исчезновение! Жалоб еще не поступало.

— Жаль, но ваши услуги мне не по карману.

— Как? Вы все растратили? Трудно поверить. В Сан-Педро у вас было двадцать тысяч. Невозможно спустить столько так

быстро. Кстати, если вы встретитесь с Сэмми, то все, что осталось, попросту вернется к Хансону.

Саймон стиснул зубы, в его глазах вспыхнула дикая злоба — именно так он глянул бы в глаза Сэмми, доведись им встретиться.

— Зачем и как вы...

— Зачем? — Петроний снова развел руками. — Вы поймете чуть позже. Я ведь ученый, исследователь, так сказать, экспериментатор. А как выследил? Слухами земля полнится, Трегарт! Человек вы заметный и, надо признать, кое для кого очень опасный, а потому вы под колпаком. Смею заметить также, что, на свою беду, человек вы порядочный.

— Да знаете ли вы, чем я занимался? — Саймон сжал кулаки.

Петроний засмеялся: послышалось легкое пофыркивание, приглашающее собеседника насладиться юмором создавшегося положения.

— Трегарт! Зачастую порядочность и закон несовместимы! Не будь вы человеком исключительной честности, вы бы никогда не пошли против Хансона. Словом, я уверен, вы уже созрели для моих услуг, идемте!

Как бы помимо своей воли Саймон расплатился и последовал за Петронием. Их ждала машина, и, хотя доктор не назвал шоферу адреса, она понесла их куда-то в дождливую ночь.

— Саймон Трегарт. — Голос доктора потерял всякое выражение, словно он читал справку. — Предки из Корнуолла. Десятого марта 1939 года поступил на службу в Армию США. От сержанта дошел до полковника. Служил в оккупационных войсках, отстранен от службы. Посажен в тюрьму... За что, полковник? Ах, да! За махинации на черном рынке. К несчастью, бравый полковник поздновато узнал, что втянут в грязное дело. Тут-то вы и встали по другую сторону закона, не так ли, Трегарт? И, потеряв карьеру, решили не выходить из игры? После Берлина вы участвовали в нескольких сомнительных операциях, а потом не придумали ничего лучшего, как встать Хансону поперек дороги. Опять по неведению? Какой-то вы невезучий, Трегарт! Будем надеяться, удача улыбнется вам этой ночью.

— Мы куда? В порт?

— В ту сторону, но не в гавань. — Саймон снова услышал пофыркивание доктора. — Мои клиенты отправляются не морем, не сушей и не по воздуху. Полковник, вы знакомы с легендами своей родины?

— Какие там легенды у Мэтчема в Пенсильвании!

— Я имею в виду не захоластный шахтерский городишко на этом континенте, а древний Корнуолл.

— Предки мои действительно из Корнуолла, но больше мне нечего добавить.

— В ваших жилах течет благородная кровь, ибо Корнуолл уходит корнями в глубокую древность и легенды его связаны с Уэльсом. Там воевал король Артур, там укрывались римляне, сметенные боевыми топорами саксов. А до римлян там жили другие народы. И они тоже приносили с собой крупницы древнего знания. Честное слово, Трегарт, вы доставите мне истинное наслаждение... — Наступила пауза, предназначенная для вопроса, но Саймон молчал, и доктор продолжил: — Я напому вам одну из древних легенд. Очень интересный эксперимент... Вот мы и приехали!

Машина остановилась перед входом в темную аллею. Петроний выбрался из нее и открыл ворота.

— У моего дома единственный недостаток: дорожка узка для машины, так что придется выйти здесь.

Глядя в темноту, Саймон раздумывал. Не привез ли его доктор в место, уготованное для расправы? Может быть, он в стоворе с Сэмми? Однако Петроний включил фонарик и поволил им перед собой.

— Не беспокойтесь, тут всего несколько шагов. Следуйте за мной.

Дорожка вскоре кончилась, и они оказались перед небольшим домиком, примостившимся между двух массивных зданий с какими-то башенками.

— Перед вами анахронизм, Трегарт. — Доктор возился с замком. — Так сказать, заповедник прошлого, а именно — семнадцатый век посреди двадцатого, если хотите. Возможно, в это трудно поверить, но он существует. Милости прошу.

Обсыхая у камина и потягивая коктейль, Саймон подумал, что «заповедник прошлого» — это сказано точно. Для полноты картины хозяину не доставало только шлема с шишаком и меча у пояса.

— И куда я отсюда? — спросил он наконец.

— Вы отправитесь на рассвете, Трегарг. — Петроний поправил кочергой огонь в камине. — А вот куда, еще увидим.

— Зачем ждать рассвета?

Как бы нехотя Петроний отставил кочергу, вытер платком руки и повернулся к своему клиенту.

— Лишь на рассвете откроется ваша дверь. Именно ваша! Вы все равно не поверите, пока не убедитесь сами. Да, что вам известно о менгирах?

Странно, но Саймон обрадовался, что может ответить.

— Менгиры — это такие камни. В древности их устанавливали в круг, скажем, в Стоунхендже...

— Верно, иногда в круг. Но их использовали и по-другому! — Доктор вдруг посуровел, словно всем своим видом требовал полного внимания к своим словам. — В древних легендах упоминаются магические камни. Один из них — камень Фал, привезенный в Ирландию племенем богини Дану. Когда истинный король ступал на него, камень издавал громкий крик в знак приветствия. Это был коронационный камень, одно из трех великих сокровищ. А короли Англии разве не держат и поныне под своим тронем Скунский камень? Ну, а в Корнуолле был свой магический камень, и называли его Гиблое Место. Говорят, он мог оценить достоинства человека и отдать его на волю судьбы. И будто сам волшебник Мерлин открыл эту тайну королю Артуру, а тот поставил камень вместо одного из сидений за Круглым столом. Шестеро рыцарей сидели на этот камень — и все исчезли. Но двое других выдержали испытание и не пропали — то были Персиваль и Галахад.

— Что вы мелете! — Саймон был жестоко разочарован, тем более жестоко, что он уже начал на что-то надеяться. Петроний — псих, дело ясное, и значит, спасения нет. — Король Артур, Рыцари Круглого стола — это сказки для маленьких детей! Вы говорите так, будто...

— Будто это подлинная история?! — подхватил Петроний. — Да кто же теперь скажет, что было, чего не было! Каждое слово, дошедшее до нас из древности, прошло через призму знания и предрассудков. История питается легендами, но что такое легенда, как не изустное предание? Все искажается даже на глазах одного поколения. Вот вы, к примеру, ложными показаниями совершенно исказили свою жизнь. А эти показа-

ния записаны и теперь принадлежат истории, и, согласитесь, абсолютно ложной истории! История вершится людьми и подвержена всем присущим человеку заблуждениям. В легендах есть крупинки истины, а в общепризнанной истории полным-полно лжи. Я знаю, что говорю, поскольку Гиблое Место существует!

Есть такие теории развития исторического процесса, которые радикально отличаются от всего, что нам вдалбливали в школе. Вы когда-нибудь слышали о ветвящихся мирах, которые расходятся в бифуркационных точках времени? Возможно, в одном из таких миров вы, Трегарт, не солгали той злополучной ночью в Берлине. А в другом — вы час назад не встретились со мной и отправились прямым ходом на свидание с Сэмми!

Петроний встал и начал раскачиваться на пятках. Саймон почувствовал, как энтузиазм доктора передается и ему.

— Какую же из теорий вы намерены проверить на мне?

Петроний рассмеялся:

— Имейте терпение выслушать меня до конца и не принимайте за сумасшедшего, я все объясню! — Обернувшись, он посмотрел на большие настенные часы. — Время еще есть. А дело примерно вот в чем...

Доктор пустился в пространные объяснения, напоминавшие бред сивой кобылы, но Саймон покорно слушал. Тепло, выпивка и передышка — что еще надо?! Все равно рано или поздно придется уйти, и от свидания с Сэмми не отвертеться. Саймон отогнал эти мысли и попытался сосредоточиться на словах Петрония. Трижды раздавался мелодичный бой старинных часов, прежде чем доктор остановился. Трегарт глубоко вздохнул. Возможно, доктор просто болтун, но что, если все это правда? Репутация у Петрония безупречная... Саймон достал бумажник.

— Сакарзи и Вулверстайн после встречи с вами как сквозь землю провалились...

— Вот именно! Каждый из них шагнул в свою дверь и попал в мир, о котором втайне мечтал всю жизнь. Все, как я вам рассказывал. Человек садится на камень — и перед ним открывается бытие, в котором его дух и разум, или, если угодно, душа, чувствуют себя как дома, то есть человек отправляется навстречу своей судьбе.

— Почему же вы сами не воспользуетесь?

— Почему? — Доктор опустил взгляд на свои пухлые руки. — Да потому, что оттуда нет возврата! Мосты сжигают только в безвыходном положении, ибо, войдя туда, не пойдешь на попятный. Я много говорю, но все не подберу нужных слов. У камня было немало хранителей, но редко кто пробовал его силу на себе. Возможно, в один прекрасный день... а пока у меня не хватает духу.

— Вы продаете свои услуги тому, кто хочет лечь на дно. Недурно! Вполне приличный способ делать деньги. Любопытно было бы взглянуть на список ваших клиентов.

— Да уж! Через мои руки прошли многие известные люди! Особенно в конце войны. Вы бы не поверили, обнаружив в нем имена тех, от кого тогда отвернулась фортуна.

— И то сказать, многих военных преступников недосчитались, — заметил Саймон. — Если ваши слова не выдумка, можно представить себе, в какие жуткие миры они перекочевали!

Саймон встал, потянулся, затем подошел к столу и стал отсчитывать деньги. Банкноты были большей частью старые, засаленные, словно грязные дела наложили на них свой отвратительный отпечаток. Когда у него осталась одна-единственная монета, Трегарт подбросил ее, и она со звоном упала на полированный стол. Орел!

— Оставляю себе!

— На счастье? Берите-берите! — Доктор копошился с банкнотами, аккуратно укладывая их в стопку. — Удача вам не помешает. К сожалению, я вынужден поторопить дорогого гостя, ибо сила камня ограничена во времени, мгновение решает здесь все. Пожалуйста сюда!

Саймон подумал, что подобным образом приглашают в кабинет к зубному врачу, и, наверное, поэтому, следуя за доктором, чувствовал себя полным идиотом.

Дождь кончился, но на задворках старого дома было еще темно. Петроний щелкнул выключателем, хлынул свет, и Трегарт увидел ворота, сложенные из трех камней. Прямо перед ними лежал четвертый камень — такой же бесформенный и грубо отесанный. За каменными воротами виднелись прогнившие доски некрашеного, покрытого копотью забора, до которого было метра три черной влажной земли.

Глядя на все это, Саймон проклинал себя за минутную слабость и излишнюю доверчивость. Конечно же, сейчас появится Сэмми — и Петроний получит честно заработанные деньги.

Однако доктор решительно указал на камень.

— Перед вами Гиблое Место. Садитесь, полковник, пора.

Понимая всю нелепость своего поведения, Саймон криво улыбнулся, но, немного постояв под воротами, сел на камень, в котором обнаружил даже округлую выемку для сидения. Пошарив вокруг себя, он нашел еще два углубления для рук — и несколько не удивился.

Ничего не произошло! Тот же забор, та же полоска мокрой земли. Саймон хотел уже встать...

— Время! — торжественно объявил Петроний.

В глазах все помутилось, расплылось...

Перед Саймоном лежало большое болото, над которым вставал серый рассвет. Свежий ветер трепал волосы, доносил незнакомый будоражащий запах, вдруг пробудивший в Треггарте нечто, неодолимо зовущее найти источник этого запаха, заставляющее броситься вперед и нестись по болоту, подобно гончому псу.

— Ваш мир, полковник! Желаю удачи!

Саймон машинально кивнул, но человек, произнесший это, его больше не интересовал. Может, мир вокруг — только иллюзия, и все равно это было именно то, о чем он мечтал всю свою жизнь. Не прощаясь, Саймон встал и шагнул в ворота.

В это мгновение им овладел дикий страх. Он даже представить себе не мог, что существует такой страх, страх, который невыносимее любой физической боли, когда кажется, будто мироздание грубо разрывается надвое и ввергает тебя в ужасное ничто. Саймон ничком упал в осоку.

Глава 2

ТРАВЛЯ НА БОЛОТЕ

Светало, но из-за густого тумана не было видно солнца. Саймон встал, обернулся и увидел два грубо отесанных столба из красноватого камня, а за ними никакого двора, только серо-зеленое болото, уходящее далеко в туман. Петроний не обманул — это другой мир!

Саймон поежился: на нем был плащ, но шляпу он забыл у доктора, и холодные струйки текли с намокших волос за шиворот. Надо что-то делать, куда-то идти. Он осмотрелся по сторонам и решил идти прямо. Да не все ли равно куда, если вокруг, сколько видит глаз, болото?

Пока он пробирался через заросли осоки, небо посветлело, туман рассеялся, и характер местности начал понемногу меняться. Появились выходы красного камня, подъемы и спуски. На горизонте показалась какая-то гряда, наверное, горы, но Саймон не мог определить, насколько они далеко. Хотелось есть. Он сорвал лист с какого-то куста и пожевал — кисло и совсем невкусно. Вдруг откуда-то донеслись звуки охоты: несколько раз протрубил рог, послышался лай собак и какой-то приглушенный крик.

Ускорив шаг, Саймон вышел на край оврага, прислушался и понял, что звуки доносятся с противоположной стороны и определенно приближаются к нему. Будучи в прошлом опытным десантником, он, не теряя времени, спрятался за двумя большими валунами.

Из зарослей на другой стороне оврага выскочила женщина. Она бежала легко и уверенно, но на краю оврага замешкалась и обернулась. Ее гибкое смуглое тело едва прикрывали какие-то лохмотья, и в рассветных лучах на фоне серо-зеленой растительности оно казалось пятнистым. Женщина нетерпеливо отбросила со лба прядь черных волос, провела рукой по лицу и принялась искать спуск.

Снова призывно зазвучал рог и разнесся собачий лай. Женщина вздрогнула, и Саймон поднялся из-за своего укрытия, неожиданно поняв, что именно она является дичью в этой охоте.

Пока женщина пыталась отцепить колючую ветку терновника от своих лохмотьев, он снова присел. От резкого движения женщина поскользнулась, потеряла равновесие и сорвалась, но, даже падая, не вскрикнула. Ухватившись руками за куст, несчастная старалась найти опору для ног, и тут из зарослей выскочили собаки.

Тошгие, белые, они двигались так, словно у них не было костей. На краю обрыва псы остановились и торжествующе завывли, устремив на женщину заостренные морды. А та продолжала отчаянно извиваться, пытаясь за что-нибудь зацепиться

ногами, надеясь все-таки уйти от погони. Возможно, ей и удалось бы это, но появились охотники.

Они были на лошадях. Тот, у которого на ремне, перекинутом через плечо, висел рог, остался в седле, а другой спешился и, распахивая собак ногами, подошел к краю обрыва. Увидев женщину, он потянулся к кобуре.

Несчастливая, повисшая над обрывом, подняла на охотника свое бесстрастное, ничего не выражающее лицо, а тот, доставая оружие, довольно ухмыльнулся, явно наслаждаясь беспомощностью своей жертвы.

В этот момент Саймон выстрелил. Охотник вскрикнул, покачнулся и упал с обрыва.

Еще не смолкло эхо от выстрела, а другой охотник уже скрылся в кустах, и Саймон отметил, что оставшийся противник довольно сообразителен. Собаки же словно взбесились, начав носиться из стороны в сторону с диким лаем.

Тем временем женщина наконец нашла опору для ног и начала медленно спускаться вниз по склону. Краем глаза Саймон заметил какое-то движение сбоку и тут же обнаружил в двух дюймах от себя большую иглу, которая, войдя глубоко в землю, еще покачивалась. Бой принят!

Лет десять назад Трегарт ежедневно играл в такие игры, и, надо признать, с большим удовольствием. Старые навыки не забылись, и он, затаившись в укрытии, стал ждать. Собаки устали и, тяжело дыша, распластались на земле. Теперь все решала выдержка, а уж этого Саймону было не занимать. Наконец, заметив, как на той стороне качнулась ветка, он выстрелил — и в зарослях раздался крик.

Вдруг поблизости послышался какой-то шорох. Саймон подполз к краю обрыва и нос к носу столкнулся с женщиной. Ее темные раскосые глаза на узком лице смотрели так пристально, что Саймону стало не по себе. Ухватив женщину за плечо, он втащил ее в свое укрытие и неожиданно остро ощутил опасность и какую-то дикую потребность бежать через болото, словно спасение было только там, за его краем, в направлении, противоположном тому, откуда он пришел.

Ощущение опасности было таким сильным, что Саймон сначала пополз вдоль кустов, а потом поднялся на ноги и побежал бок о бок с женщиной. Вой собак за их спинами становился все глуше.

Женщина пробежала, судя по всему, уже много миль, но утнаться за ней оказалось непросто. Наконец они добрались до возвышенности, где болото сменили заросшие озерца, окруженные густым тростником. Ветер снова донес издалека зов рога, но женщина только рассмеялась и поглядела на Саймона, словно приглашая его разделить с ней радость. Затем она показала рукой на озерца, поясняя жестом, что им туда.

Впереди клубился густой туман, он стелился по земле, преграждая бегущим дорогу. Саймон пригляделся внимательней, подумав, что за такой завесой можно, пожалуй, чувствовать себя в безопасности, но, странное дело, туман, казалось, исходил из одного источника, и это настораживало.

Женщина подняла руку, на ее широком браслете что-то ярко вспыхнуло, и луч света утонул в плотном мареве. Другой рукой она придержала Саймона, и ему почудилось, что в тумане движутся темные тени.

Вдруг из-за белой завесы раздался голос, и хотя слов Трегарт не разобрал, однако интонация была явно вопросительной. Женщина что-то коротко сказала, но, получив ответ, сразу сникла. Догадавшись, что в помощи им отказано, Саймон сжал ее руку в своей.

— Что дальше? — спросил он.

Понять его слов женщина, конечно, не могла, но смысл определила верно. Она послюнила палец и подняла руку. Ветер сдул с ее лица черные пряди, и Саймон увидел на ее щеке багровый кровоподтек и черные тени под глазами. Не отнимая своей руки, женщина повлекла его налево: они побежали по глубоким вонючим лужам, где какая-то зеленая гадость расступалась под их ногами, приликая к ее голым икрам и его мокрым брюкам.

Они бежали по краю болота, а непроницаемая стена тумана двигалась параллельным курсом. У Саймона сосало под ложечкой, и к тому же он стер ноги в мокрых ботинках. Но рога больше не было слышно — вероятно, собаки сбились со следа.

Они продрались через заросли тростника и выбрались на хорошо утопанную дорогу, скорее даже на широкую тропу, бежать по которой стало значительно легче.

Уже перевалило за полдень, хотя судить о времени в этом сером сумраке было трудно. Они поднимались круто вверх, когда впереди показались какие-то укрепления из красного

камня, напоминавшие грубо сложенную стену; в ней зияла брешь, через которую тропа уходила дальше.

Но уже под самой стеной удача вновь отвернулась от них. Из придорожных зарослей выскочил какой-то черный зверек и бросился женщине под ноги, та упала, вскрикнула и схватилась за лодыжку. Саймон подбежал к ней и, осмотрев поврежденную ногу, понял, что перелома нет, но и продолжать сейчас путь она не сможет. И тут, как назло, раздался звук рога.

— Проклятье! — буркнул Трегарт себе под нос и кинулся к брешу в стене. По ровной, как стол, равнине тропа уходила к реке. Укрыться там было негде. Тогда Саймон внимательно осмотрел стену, быстро сбросил плащ, снял мокрые ботинки и полез наверх. Вскоре он обнаружил небольшой карниз, который с тропы был почти не виден, и вернулся за спутницей, чтобы помочь ей подняться.

Кое-как добрались они до своего не очень-то надежного убежища, а там ледяной ветер заставил их тесно прижаться друг к другу, и Саймон почувствовал на щеке ее горячее дыхание.

Женщину била дрожь, Трегарт набросил на нее свой плащ, она благодарно улыбнулась, и он вдруг заметил, как сильно потрескались ее губы. Вообще, он не решился бы назвать ее красивой — слишком измождена, худа и бледна. И хотя лохмотья едва прикрывали женское тело, он не испытывал к нему никакого влечения. В следующий миг Саймон почувствовал, что женщина каким-то непостижимым образом прочла его мысли, и они вызвали у нее улыбку.

Она придвинулась к краю карниза и прижалась к Трегарту плечом, затем, откинув плащ, положила руку с широким браслетом к себе на колено и начала время от времени потирать пальцами вправленный в него овальный кристалл.

Ветер опять донес до них звуки рога и собачий лай. Саймон достал пистолет, и пальцы женщины устремились к нему, пробежали по холодной стали, словно так она хотела понять, что у него в руке. На тропе появились две белые точки. За собаками следовало четверо всадников, и Саймон сконцентрировал на них все свое внимание.

Они ехали открыто, определенно чувствуя себя в полной безопасности, и это навело его на мысль, что их преследова-

тели еще не знают, что беглецов стало уже двое. Во всяком случае, Саймону очень хотелось в это верить.

Всадники были в железных шлемах с зазубренными гребнями, верхнюю часть их лиц прикрывали резные забрала. Камзолы, напоминавшие покроем гимнастерки, были зашнурованы от пояса до горла. На широкой портупее — кобура, зачехленные ножи, а также разной величины сумки и прочее снаряжение, о назначении которого Саймону приходилось только гадать. Сине-зеленые камзолы, облегающие штаны и ботфорты — все это очень напоминало военную форму, тем более что справа на груди у каждого красовалась одна и та же эмблема.

Змееголовые псы бросились к подножию стены и начали злобно скрести ее лапами как раз под карнизом. Помня о давешней бесшумной игле, Саймон выстрелил первым.

Охотник, ехавший впереди, вскрикнул и сполз с седла, но одна нога застряла в стремях, и лошадь потащила по тропе безжизненное тело. Саймон выстрелил еще раз, и второй охотник с криком схватился за плечо. Лошадь, продолжавшая тащить мертвеца, миновала пролом в стене и понеслась к реке.

Собаки примолкли. Они улеглись под стеной, устало вывалив языки, глаза их горели жутким желтым огнем. В Саймоне при виде их глаз стало расти беспокойство: по лагерям для военнопленных он имел хорошее представление о сторожевых собаках. А эти огромные зверюги явно были убийцами — достаточно посмотреть на их кровожадные морды. Конечно, он мог бы попросту перестрелять их, но не хотелось зря тратить патроны.

Мрачный день близился к концу, но надвигающаяся ночь и темнота тем более не сулили им ничего хорошего. Влажный ветер с болота по-прежнему насквозь продувал их жалкое убежище.

Саймон придвинулся к краю карниза. Одна из собак тотчас же вскочила, заскребла стену и угрожающе зарычала. Женщина тронула Саймона за плечо и настойчиво потянула его назад, а он через прикосновение узнал о том, что она чувствует: несмотря на их отчаянное положение, женщина не боялась. И еще Саймон понял — она чего-то ждет.

«Может, нам стоит перебраться на гребень стены?» — подумал он и заметил, как его спутница отрицательно покачала головой, словно опять прочла его мысли.

Собаки вскоре угомонились, но Саймон еще пристальнее вглядывался во тьму, понимая, что где-то там их хозяева договариваются о дальнейших действиях. Он был отличным стрелком и не сомневался в себе, но сгущающийся мрак мог ему серьезно помешать.

Женщина вдруг шевельнулась, что-то воскликнула и тронула руку, в которой Трегарт сжимал оружие. Он еще ничего не успел понять, как женщина вырвала у него пистолет и со всей силой обрушила его рукоять на ползущую тварь.

Раздался пронзительный визг. Первым делом Саймон отобрал у женщины пистолет и лишь затем поглядел на корчашееся существо, у которого, похоже, был перебит позвоночник. Сначала бросились в глаза зубы — белые кривые иглы, затем — маленькая плоская голова и тело, покрытое шерстью. Наконец, Саймон столкнулся взглядом с красными глазами существа, и — черт возьми! — в них светился разум. Тварь умирала, но даже в предсмертных судорогах все еще пыталась дотянуться до женщины, издавая злобное шипение. Саймон с отвращением спихнул ногой эту тварь с карниза так, что она упала прямо к собакам.

Те кинулись врассыпную, словно он бросил вниз гранату, но сквозь лай и скулеж Трегарт разобрал куда более приятные звуки. Его спутница тихо смеялась, а глаза ее просто сияли ликованием. И пока Саймон вглядывался в темноту под стеной, пытаясь разглядеть, что стало с мерзкой тварью, женщина все кивала и радостно смеялась.

Неужели притаившиеся внизу охотники спустили на них такую гадину? Но почему тогда разбежались собаки? Что-то здесь не сходится... Не могут собаки разбежаться от какого-то трупа ни с того ни с сего. Но он не стал больше ломать голову, а попросту приготовился к бессонной ночи. Ведь если эту тварь подослали их преследователи, значит, последуют и другие ходы.

Тьма сгущалась, однако внизу не было слышно ничего подозрительного, только псы вернулись и опять разлеглись широким полукругом у подножия стены.

Стемнело окончательно, и женщина зашевелилась. Закочевшими пальцами она погладила кристалл на запястье, затем тронула руку Саймона, и в его мозгу сразу возник образ ножа. Ей нужен нож! Он отвел ее руку и едва успел достать складной нож, как женщина быстро выхватила его.

Саймон не понимал, что происходит, но у него хватило ума не мешать ей. Мутный кристалл браслета слабо засветился. Женщина, не раздумывая, вонзила нож себе в палец, кровь капнула на кристалл и затмила его на какое-то мгновение.

Овальный камень светился все ярче и ярче, и наконец из него ударила, подобно молнии, вспышка света. Женщина довольно засмеялась, а кристалл вскоре снова померк. Она положила свою руку на пистолет, и вновь Трегарт понял без слов, что оружие больше не понадобится, помощь близка.

Вокруг стены завывал гнилой ветер с болота, женщину била дрожь, Саймон обнял ее за сутулые плечи и прижал к себе, согревая. И вдруг огромный зазубренный меч багровой молнии рассек небо у них над головами.

Глава 3

САЙМОН ПОСТУПАЕТ НА СЛУЖБУ

Снова прямо над ними небо расколосось от страшного удара молнии. И это были только первые залпы жестокой битвы, которую начали между собой небо и земля. Подобной бури Саймон еще не видывал. Он не забыл, как во время войны вжимался в землю от грохота канонады, подобного шелканью гигантских бичей. Но разразившаяся гроза была страшнее, ибо казалось, что все эти громы и молнии неуправляемы.

Стена содрогалась в такт ударам грома, и, словно два перепуганных зверька, они жались друг к другу, зажмуриваясь при каждой вспышке молнии. Стоявший вокруг непрерывный грохот ничуть не напоминал раскатов обычного грома, скорее можно было представить, будто огромный барабан отбивает какой-то жуткий ритм, от которого стынет кровь и мутится в голове. Женщина спрятала лицо на груди у Саймона, словно

там для нее была единственная надежда на спасение в этом агонизирующем мире, и он крепко обхватил ее дрожащее тело.

А гроза все продолжалась. Вспышка молнии и грохот, новая вспышка и снова грохот, и ветер, ветер, ветер, но ни капли дождя!

После очередного мощного разряда Саймон на какое-то время ослеп и оглох — и вдруг все кончилось... Даже ветер выдохся, ослабел, и Трегарт поднял голову.

Воняло паленым мясом, вокруг стены горели кусты. И тишина... Женщина высвободилась из его объятий, но Саймону уже передалась ее уверенность, уверенность, смешанная с торжеством, словно закончилась какая-то игра, которая, к ее вящему удовольствию, завершилась победой.

Саймон напряженно всматривался во тьму, силясь разглядеть, что там внизу с охотниками и собаками. Под стеной белела куча неподвижных тел, неподалеку на тропе лежала лошадь, а на ее шее покоилась рука придавленного всадника.

Женщина тоже придвинулась к краю карниза и жадно смотрела вниз. Не успел Саймон оглянуться, как она уже спустилась со стены, и он, опасаясь внезапного нападения, быстро последовал за ней, но у подножия стены все было спокойно.

От горящих зарослей на них дохнуло теплом, и его спутница с наслаждением протянула руки к огню. Саймон обошел собак, превращенных ударом молнии в обугленное месиво, и приблизился к мертвой лошади, намереваясь забрать оружие всадника, как вдруг увидел, что пальцы, вцепившиеся в гриву лошади, шевелятся.

Охотник был смертельно ранен, но после давешней охоты на болоте Трегарт не испытывал к нему никакой жалости. Но и оставить без помощи человека, попавшего в такую ловушку, он тоже не мог. Саймон с трудом приподнял мертвую лошадь и выволок из-под нее искалеченного человека поближе к огню, чтобы получше его рассмотреть.

В искаженном, залитом кровью лице раненого не было признаков жизни, но раздавленная грудь все еще вздымалась, и он непрерывно стонал. Саймон затруднялся отнести этого человека к какой-либо известной ему расе, разглядывая коротко стриженные серебристые волосы, орлиный нос и широкие скулы — сочетание довольно необычное. Ему почему-то подумалось, что охотник еще молод, хотя перекошенное от боли

лицо трудно было назвать юным. На ремне, перекинутом через плечо, висел резной рог, а богатое убранство и усыпанная жемчугом брошь говорили о том, что этот всадник не из простых воинов. Поняв, что помочь умирающему невозможно, Саймон переключил внимание на его снаряжение.

Нож всадника он заткнул себе за пояс, а затем осторожно извлек из кобуры какое-то странное оружие, имеющее ствол и нечто похожее на курок. Саймон прикинул самострел в руке — сбалансировано неважно, да и ручка неудобная, тем не менее он сунул его за пазуху.

Трегарт отстегивал какой-то узкий цилиндр, когда из-за его спины метнулась бледная рука и выхватила очередную находку. Охотник пошевелился, словно именно это прикосновение привело его в сознание, и открыл глаза, глаза умирающего, но в глубине их, как у кошки в темноте, бегали дикие искорки. Встретившись взглядом с раненым, Саймон невольно отшатнулся.

На своем веку он достаточно повидал страшных людей: видел убийц, пришедших за его жизнью всего лишь потому, что это их работа; ему приходилось сталкиваться лицом к лицу с теми, кто ненавидел его и кого ненавидел он сам. Но никогда еще не встречал он такой ненависти, какая горела в этих зеленых глазах.

Однако Саймон быстро понял, что этот взгляд обращен не на него. Рядом с ним, немного скособочившись, чтобы уменьшить нагрузку на поврежденную ногу, стояла женщина и вертела в руках жезл, только что выхваченный у него из-под рук.

Вопреки его ожиданиям, женщина смотрела на умирающего совершенно бесстрастно. Тот зашевелил губами, затем с мучительным усилием приподнялся и плюнул в ее сторону. Голова раненого тут же снова откинулась, и он затих, словно на этот заключительный всплеск ненависти ушли его последние силы. Действительно, в следующую минуту лицо охотника вдруг обмякло, и в свете затухающего пламени Саймон увидел, как приоткрылся его рот.

— Ализон, — тщательно выговаривая каждый слог, произнесла женщина, переводя взгляд с Трегарта на труп охотника. — Ализон, — повторила она, ткнув пальцем в эмблему на груди мертвеца.

— Ализон, — повторил вслед за ней Саймон и встал на ноги. У него пропало всякое желание осматривать вещи мертвого.

Женщина повернулась лицом к бреши в стене, куда уходила тропа.

— Эсткарп, — произнесла она столь же тщательно и указала рукой в сторону реки. — Эсткарп, — повторила она и прикоснулась ладонью к своей груди.

Словно в ответ на ее слова, из-за стены донесся пронзительный свист, как будто кто-то дал условный сигнал. Женщина что-то коротко крикнула, ее слова подхватил ветер, и они эхом разнеслись по округе.

Немного погодя послышался стук копыт и позвякивание металла. Поскольку его спутница смотрела на тропу с нескрываемой радостью, Саймон почел за благо ждаль и не открывать огня раньше времени. Лишь ради предосторожности он сунул руку в карман и направил ствол пистолета на проход в стене.

Один за другим появлялись всадники. Двое, держа оружие наготове, миновали стену и остановились по разные стороны тропы. Увидев женщину, они что-то радостно закричали, после чего у Трегарта не осталось никаких сомнений — это друзья. Один из всадников направился напрямиком к беглецам. Его могучая лошадь словно специально была выбрана для тяжелого седока, хотя сидящий в седле был настолько мал ростом, что, покуда не спрыгнул на землю, он казался Саймону мальчиком.

В свете пламени доспехи воина сверкали. Был он действительно невысок, но недостаток роста с лихвой окупался шириной плеч, а такие длинные руки и могучая грудь могли бы принадлежать человеку втрое большему. Одежда его напоминала кольчугу, но так плотно облегалась тело, что казалась сделанной не из металла, а из какой-то эластичной, не стеснявшей движений ткани. Шлем был увенчан изображением птицы с распростертыми крыльями. А может, это и была настоящая птица, застывшая в полете по чьему-то мановению? Ее мерцающие глаза, казалось, следили за Саймоном с невыразимой яростью. Гладкие скаты шлема переходили в кольчужный шарф, спереди и сзади прикрывавший шею воина. Тот нетерпеливым движением откинул шарф, открывая свое лицо, и Саймон обнаружил, что и на этот раз не ошибся в своих до-

гадках — воин с соколом на шлеме оказался очень молодым, но при этом явно и очень сильным человеком.

Изучающе глядя на Саймона, юноша что-то спросил у женщины. Она ответила ему потоком слов и начертила рукой в пространстве между Саймоном и воином какой-то знак, после чего тот сразу же прикоснулся рукой к шлему, очевидно приветствуя чужестранца. Но, судя по всему, право отдавать приказы принадлежало здесь все-таки женщине.

Указывая на воина, она продолжила урок языка:

— Корис.

Саймон сообразил, что так зовут молодого воина. Он ткнул себя в грудь и произнес:

— Трегарт, Саймон Трегарт, — и посмотрел на женщину, ожидая, что та назовет свое имя.

Однако она лишь повторила за ним, по слогам, как бы запоминая:

— Трегарт, Саймон Трегарт.

Не услышав ничего более, Саймон решил спросить прямо. Он указал рукой на свою спутницу.

— Кто?

Корис немедленно схватился за оружие и выступил вперед. Женщина нахмурилась, ее взгляд стал холодным и отчужденным, и Саймон понял, что допустил ошибку.

— Извини, — сказал он, виновато разводя руками и надеясь, что хоть этот его жест будет правильно истолкован. Возможно, он совершил промашку, но ведь только по незнанию. Женщина, похоже, так и поняла, ибо принялась что-то объяснить молодому воину, но Корис еще долго косился на Саймона, не проявляя к нему особого расположения.

С большим почтением, которое не очень-то вязалось с лохмотьями этой, вероятно, привыкшей командовать женщины, Корис посадил ее за собой на спину крупной черной лошади. Саймон уселся за спиной другого всадника и всю дорогу крепко держался руками за его пояс. Они двинулись в сторону реки, и даже крошечная тьма не помешала воинам пустить лошадей рысью.

Много времени спустя Саймон неподвижно лежал на мягком ложе под пологом и тупо смотрел вверх на резной деревянный навес. Если бы не широко открытые глаза, можно было бы подумать, что он спит, но Трегарт тщательно анали-

зировав все свои впечатления и почерпнутые сведения, стараясь по разрозненным фактам составить хоть какое-то представление о том, что находится за каменными стенами этой комнаты.

Дорога, по которой их везли, была, как он понял, одновременно и границей Эсткарпа, так как на всем ее протяжении располагалась цепь фортов, где они меняли лошадей, наскоро ели и вновь продолжали бешеную скачку. Хотя Саймон так и не узнал, чем была вызвана столь дикая спешка. Потом он увидел город с какими-то круглыми башнями, такими же серо-зелеными, как и земля, из которой они поднимались. Вспомнилась кольцевая городская стена в бледных лучах рассвета, и еще какие-то высокие здания, и гордые люди с темными глазами и такими же, как у Саймона, черными волосами; люди с осанкой древних владык и с печатью времени на челе.

Но к тому времени, когда они прибыли в город, Саймон был настолько утомлен, настолько поглощен своим ноющим телом, что в памяти сохранились лишь разрозненные обрывки. Объединяло их разве только общее впечатление невероятной древности. Эти башни и стены, казалось, являли собой продолжение гор. Саймон насмотрелся на старые европейские города, видел дороги, по которым следовали когда-то римские легионы, и все-таки здесь покров времени, лежащий на всем, был гораздо ошутимее.

Его поместили в главном здании города. Эту каменную громаду с равным успехом можно было принять за величественный храм и за неприступную крепость. Саймон с трудом вспомнил, как коренастый воин по имени Корис привел его сюда и указал на ложе. И все, больше ничего...

Так-таки и ничего?

Он сдвинул брови и попытался сосредоточиться. Корис, комната, ложе... Вот и опять, взглянув на хитросплетения резного узора над головой, он уловил в нем что-то знакомое, до боли знакомое, словно эти витые знаки имели тайный смысл, который, того и жди, ему откроется.

Эсткарп древен, очень древен — и страна, и город, и уклад жизни... Саймон напрягся. С чего он это, собственно, взял?.. Да просто так оно и есть, было и есть, и не менее реально, чем ложе, на котором покоится его избитое верховой ездой тело, или деревянный навес над головой. Женщина, за которой гна-

лись охотники, принадлежала народу Эсткарпа, а ее преследователи — другому, враждебному им племени.

В гарнизонах пограничных фортов все воины были высоки, стройны, черноволосы и угрюмы; один только Корис совсем не походил на людей, которыми командовал. И хотя его приказы выполнялись беспрекословно, было очевидно, что спутница Трегарта обладает здесь неизмеримо большей властью.

Саймон посмотрел по сторонам, размял руки под одеялом, приподнялся на ложе и тут же повернул голову налево, туда, где висел тяжелый синий занавес, из-за которого донесся легкий звук шагов. Звякнули кольца, полог раздвинулся, и Трегарт увидел перед собой того, кто только что занимал его мысли.

Без кольчуги и без вооружения Корис выглядел еще безобразнее. Сразу бросались в глаза его непомерно широкие плечи и длинные, достающие до земли руки. Ростом он был невелик, к тому же его тонкая талия и ноги вообще никак не вязались с верхней частью туловища. На широченных плечах сидела голова настоящего мужчины, каковым и был бы Корис, не сыграй с ним природа злую шутку. Пшеничные волосы обрамляли лицо совсем недавно возмужавшего юноши, и он был бы поразительно красив, когда бы не уродство фигуры, при котором голова героя красовалась на теле чуть ли не обезьяны!

Саймон спустил ноги с высокого ложа и встал, испытывая некоторую неловкость от того, что вынуждает этого человека смотреть на себя снизу вверх. Но Корис вдруг по-кошачьи отскочил и очутился на широком длинном камне, лежащем под узкой бойницей, так что глаза его оказались на одном уровне с глазами Трегарта. Изящным жестом, какого трудно было ожидать от него, он указал Саймону на стоящий рядом сундук, где была сложена одежда.

Саймон не нашел там своего твидового костюма, который он снял, перед тем как лечь, но зато пистолет и все прочее содержимое его карманов в идеальном порядке было разложено рядом с новой одеждой. Стало быть, на каком бы положении он ни находился в этой комнате, по крайней мере он здесь не узник!

Трегарт натянул кожаные штаны, такие же, как у Кориса. Кожа была темно-синяя и мягкая, как лайка. У сундука же стояла пара невысоких сапог, сделанных из темно-серого матери-

ала, напоминавшего с виду змеиную кожу. Обувшись, Саймон повернулся к воину и показал жестами, что хочет умыться.

Впервые на лице Кориса появилось подобие улыбки, и он указал на нишу в стене. Там Трегарт обнаружил, что, несмотря на средневековое обличье Эсткарпа, его обитатели имеют вполне современные представления о водоснабжении и гигиене. В его распоряжении оказалась вода, причем теплая, и потекла она из трубы в стене, едва он нажал на рычажок. Тут же стоял сосуд с ароматной пеной, которая, стоило ее наложить на лицо и затем стереть, начисто сняла всю щетину. В процессе этих открытий продолжался и урок языка — словарный запас Саймона пополнился множеством слов, которые Корис терпеливо повторял.

Вообще, воин держался подчеркнуто нейтрально и, если не считать лингвистических упражнений, не выказывал никаких знаков расположения и никак не реагировал на попытки Саймона наладить более дружеские отношения. Покуда Трегарт облачался в нечто среднее между рубахой и камзолом, Корис стоял на камне под окном вполоборота к нему и смотрел на синее небо.

Трегарт прикинул в руке пистолет, наблюдая за реакцией Кориса, но тому, похоже, было безразлично, пойдет он с оружием или без. Саймон сунул пистолет за пояс и сделал знак, что он готов.

Дверь комнаты выходила в коридор, а оттуда вниз вела лестница. Стертые каменные ступени и бегущий по левой стене желобок, вытертый за многие столетия тысячами рук, словно лишний раз говорили о глубочайшей древности этого мира. Слабый свет исходил от шаров, подвешенных в металлических корзинах, но об источнике этого света Саймону приходилось только гадать.

Лестница кончилась, и они вышли в большой зал. Здесь стоял караул гвардейцев, облаченных в чешуйчатые латы, и еще несколько воинов, одетых так же легко, как и он. Воины приветствовали Кориса и с настороженным любопытством молча уставились на Трегарта, отчего ему сделалось немного не по себе. Но тут Корис тронул его за плечо, подошел к занавешенной двери и отдернул портьеру, предлагая следовать за ним.

гарт себя не чувствовал, поскольку он знал тактику иных войн, иных сражений — и к его мнению всегда прислушивались.

Поначалу Саймон недоумевал — как это его взяли в гвардию? Ведь кругом враги, и любой пришлый человек может оказаться шпионом. Но тогда он еще плохо представлял, что такое Эсткарп. Только здесь могли поверить его дикому рассказу, только здесь, ибо сила этой древней страны была в колдовстве!

Потягивая вино, Трегарт размышлял о природе колдовства. Конечно, за этим словом могут скрываться ловкие трюки или невежественное суеверие. Но может стоять, о чем он узнал здесь, и подлинная сила! Колдовство Эсткарпа могло превратить волю, воображение и веру в страшное оружие. Здесь знали такие методы концентрации воли, которые позволяли воспринимать многое из находящегося обычно вне пределов человеческих чувств.

Колдовство Эсткарпа и было причиной ненависти соседей. Для Алисона на севере и для Карстена на юге сила колдуний Эсткарпа была злом. Сколько невинных женщин, по поводу и без повода, пало жертвой «охоты на ведьм» в том мире, откуда Саймон явился сюда...

Только женщины Эсткарпа владели колдовством и при необходимости без колебаний пускали его в ход. Оказывается, Саймон спас колдунью, бежавшую из Алисона, где она была глазами и ушами Эсткарпа.

Колдунья... Саймон отпил вина. Далеко не всякая женщина здесь владела Даром колдовства. Из поколения в поколение этот Дар передавался от матери к дочери. Одаренных девочек отправляли в главный город страны, где их обучали и посвящали в тайны древнего знания. Имена девочек тщательно скрывали, ибо знание имени давало определенную власть над колдуньей. Только теперь Саймон понимал, как нелепо он выглядел, спросив имя женщины, с которой бежал через болото.

Но Дар мог изменить колдунье, мог, против ее воли, отказать в решающую минуту, а после известного момента в их жизни пользоваться им становилось практически невозможно. Поэтому кроме колдуний в Эсткарпе была и вооруженная гвардия, а также цепь пограничных фортов.

— Жарковато что-то, Саймон! — Вошедший тяжело опустился на стул, да так, что тот хрустнул. Он поставил на стол шлем, и его длинная рука протянулась за кубком.

Сокол со шлема пристально смотрел на Саймона стеклянными глазами, а тот разглядывал изумительной работы кованые перья — не отличишь от настоящих! Пока Корис пил вино, на него со всех сторон сыпались вопросы. Вообще в гвардии Эсткарпа порядки были строгие, но вне службы все было равно и за общим столом оживленно обсуждали любые новости. Корис поставил кубок и сказал:

— Слышали рог за час до закрытия ворот? С запада пришел Магнус Осберик. С ним вооруженная свита. Похоже, Горм опять зашевелился.

Гвардейцы притихли. Даже Саймон знал, что значит Горм для капитана гвардейцев. По праву законного наследника Гормом должен владеть Корис. Правда, его несчастья и начались на этом острове, а затем еще более усугубились, когда он покинул его в дырявой рыбацкой лодке, израненный, брошенный всеми на произвол судьбы.

Однажды Хильдер, владыка Горма, во время сильной грозы заблудился на болотах, что между Ализоном и долинами Эсткарпа. Отстав от свиты, он остался один и, упав с лошади, сломал руку. Полуживой, измученный болью и лихорадкой, Хильдер забрел в земли торов — загадочного народа, который ревниво оберегал свои болота от чужих глаз.

Никто так и не узнал, почему торы не убили его и даже не прогнали. Несколько месяцев спустя Хильдер в добром здравии вернулся на Горм, да не один, а с молодой женой. Население Горма, особенно женщины, были недовольны этим браком и распускали слухи, что торы вынудили их господина пойти на него под угрозой смерти. Дело в том, что жена Хильдера была уродлива по их представлениям о красоте и, кроме того, была себе на уме — ведь в ее жилах текла кровь племени торов. В том же году она родила Кориса и вскоре пропала. Может, умерла, а может, сбежала на болота к своим родичам. Хильдер, похоже, знал точнее, но помалкивал. А люди Горма были до того рады избавлению от незваной своей госпожи, что особенно и не расспрашивали.

Но остался Корис — с головой владыки Горма и лягушачьим телом своей матери. Забыть ему об этом, конечно, не давали. Жители Горма воспряли духом, когда Хильдер взял в жены Орну, дочь достойного купца и морехода, а затем с великой радостью приняли рождение Уриана — второго сына

владыки. Любо-дорого было смотреть на его стройное тело, в котором к тому же нет ни капли чужой крови!

Хильдер умер. Он умирал долго, и у заговорщиков было время подготовиться. Но, сделав ставку на Уриана, они просчитались. Орна, как дальновидная женщина, не желала быть игрушкой в руках интриганов, и Уриан был еще ребенком, когда она стала регентшей, а так как это не всем понравилось, ей пришлось употребить власть.

Мать Уриана умело натравливала своих врагов друг на друга, внося раздор в их лагерь и укрепляя тем свои позиции, но однажды она совершила роковую ошибку, обратившись за помощью к чужестранцам. Именно Орна обрекла Горм на гибель, тайно призвав на помощь флот кольдеров.

Кольдеры явились откуда-то из-за моря, но никто не знал, откуда именно. Моряки держались подальше от их берегов и никогда не заглядывали в их мрачные гавани, так как ходили слухи, что кольдеры не похожи на других людей, а связь с ними грозит гибелью.

В ту ночь, когда умер Хильдер, кольдеры высадились на Горме, и началась кровавая резня. Только нечеловеческая сила помогла Корису вырваться из чудовишной ловушки. А Горм, как таковой, перестал существовать — его захватили кольдеры, и с тех пор он стал Кольдером. Та же участь постигла и побережье материка — там на голом берегу всего за год поднялись высокие башни замка Иль, но никто из Эсткарпа не бывал в нем — по доброй воле.

Костью в горле стоял замок Иль между Эсткарпом и его могучим союзником на западе — крепостью Сулькар, в которой жило племя воинов и мореходов, промышлявших торговлей в самых дальних странах. С согласия Эсткарпа они возвели свою крепость-порт на мысу, глубоко вдающемся в море. Мореходы Сулькара были не только славными купцами, но и умелыми воинами, они безбоязненно заходили в любую гавань. Даже воины Алисона и шитоносцы Карстена не осмеливались задирать сулькарцев, хотя прекрасно знали, что те в союзе с Эсткарпом.

— Без особой нужды Магнус Осберик к нам не обращается, — заметил Танстон, один из военачальников Эсткарпа. — Готовьте оружие! Когда Сулькар просит помощи, мы обнажаем мечи!

Корис молча кивнул. С отсутствующим видом он жевал хлеб и, окуная палец в вино, водил им по столу. Заглянув ему через плечо, Саймон увидел, что тот начертил карту побережья — примерно такую он видел в главном зале крепости.

Большой полукруг залива: на южном мысу — Сулькар; на севере — Ализ, главный порт Алисона; в глубине залива — остров Горм. Здесь Корис поставил жирную точку, обозначив город Сиппар.

Как ни странно, замок Иль стоял на юго-западной стороне мыса и выходил не в залив, а в открытое море. Кроме того, здесь было слишком сильное течение, и к скалистому берегу едва ли мог пристать корабль. Южнее лежало герцогство Карстен. Горм издавна считался морскими воротами Эсткарпа.

Некоторое время капитан гвардейцев рассматривал свое произведение. Затем решительно провел по нему ладонью.

— Много ли дорог на Сулькар? — спросил Саймон. — С юга Иль, с севера Горм — кольдеры вполне могли перекрыть дорогу.

Корис рассмеялся:

— Дорога одна, и она стара, как мир. Наши предки даже в страшном сне не могли себе представить кольдеров на Горме. Путь на Сулькар будет безопасен лишь тогда, когда мы будем здесь! — Он ткнул пальцем в Сиппар и с силой надавил, словно у него под ногтем оказалось отвратительное насекомое. — Борясь с болезнью, нужно уничтожить ее очаг, а не лихорадку. Она говорит лишь о наличии болезни. Но мы ничего не знаем о кольдерах! — Корис мрачно взглянул на Трегарта.

— А разведка?

— Мы отправили на Горм двадцать воинов! Они добровольно пошли на перевоплощение, не зная, увидят ли когда-либо вновь свое собственное лицо в зеркале. Снаряжая их, мы задействовали все известные нам средства. Но ни один не вернулся из Сиппара, ни один! Кольдеры не похожи на других людей, и мы ничего не знаем об их обороне, кроме того, что она непробиваема! Кончилось тем, что Верховная Владычица вообще запретила подобные вылазки. Сил уходит много — и все без толку. Я и сам хотел было, но колдуньи наложили на границу заклятье, и пройти мне не удалось. Все говорят, на Горме меня ждет смерть, а я нужен Эсткарпу живым. Э-э, да нет смысла беречь эту рану.

— Но Сулькар в опасности.

— Мы выступим, друг Саймон! — Корис взял со стола шлем. — Кстати, есть одна странная закономерность: когда кольдеры бьются на своей земле или на своих кораблях, победа всегда за ними, но на чужой земле, куда еще не пала их тень, мы можем с ними потягаться.

— Я еду с вами! — решительно сказал Трегарт.

Он готов был ждать и учиться. Последние семь лет жизни еще в том мире научили его терпению. Саймон отлично понимал, что боевое искусство значит здесь жизнь или смерть — и без него нет речи о независимости. Сколько раз, стоя в ночном карауле, задавал он себе вопрос: «Отчего я все это терплю? Или тут замешана хваленая Сила Эсткарпа?» Но если даже так, то сейчас действие чар кончилось! Сейчас он серьезно намерен узнать, как устроен этот мир, и если его не возьмут, он пойдет сам.

Корис внимательно посмотрел ему в глаза.

— Мы отправляемся не на прогулку.

Саймон не вставал, зная, что Корису неприятно, когда на него смотрят сверху.

— Разве я похож на любителя легких побед?

— Тогда готовь самострел. С мечом ты не опаснее карстенского конюха!

Саймон не вспыхнул, ибо Корис был абсолютно прав. В стрельбе из самострела он мог поспорить с лучшими воинами Эсткарпа, и в рукопашном бою без оружия, где он использовал приемы дзюдо, ему не было равных, так что слава его достигла самых дальних фортов Эсткарпа. Но мечом он владел не лучше безусого новобранца. А булава, с которой Корис управлялся, как с игрушкой, казалась ему чугунной гирей.

— Самострел так самострел, — с готовностью сказал Саймон. — Но я еду!

— Хорошо. Но сперва посмотрим, едем ли мы.

Это решал военный Совет, где собрались колдуньи и офицеры во главе с Корисом. Хотя Саймон не был членом совета, он последовал за капитаном гвардейцев, и никто его не остановил. Он отошел к бойнице и оглядел собравшихся.

Возглавляла Совет Верховная Владычица, управлявшая не только крепостью, но и всеми землями Эсткарпа, та самая женщина, которой он добровольно присягнул на верность. За

спинкой ее кресла стояла колдунья, убежавшая от ализонских собак. На Совете присутствовало еще пять колдуний — все женщины как бы без возраста. И каждая обладала столь пронзительным взглядом, что Саймон не хотел бы оказаться в стане их врагов. Он никогда не встречал женщин с такой силой духа.

Перед колдуньями стоял огромный мужчина, в любом другом месте он бы главенствовал безоговорочно. Люди Эсткарпа, стройные и высокие, выглядели просто подростками рядом с этим закованным в броню гигантом. Одной железной пластины, прикрывавшей его грудь, хватило бы на два щита для гвардейцев Эсткарпа. Длинные руки, широкие, как у Кориса, плечи; но и нижняя половина его тела не уступала верхней, не нарушая гармонии.

Саймон присмотрелся к обветренному лицу гиганта. Густые сросшиеся брови и пышные усы, но подбородок тщательно выбрит. Шлем увенчан искусно выкованной головой медведя с угрожающе оскаленной пастью, а вместо плаща — медвежья шкура, отделанная галунами. Под квадратным подбородком поблескивали золотые застежки в виде медвежьих лап.

— Сулькар блюдет торговый мир. — Воин старался говорить потише, но в небольшом зале голос его рокотал подобно морскому прибою. — Однако нас заставляют обнажить мечи! Но что наше железо против колдовства? Нет, я не порицаю древнего знания, — он обращался непосредственно к Владычице. — Все верно, каждому свое. Но ведь Эсткарп никому не навязывает своей воли и веры, а эти кольдеры... Они набегают, как волны, и убивают! Госпожа! Если мы не объединим усилий, наш мир обречен. Нужно остановить волны жестокости и мрака!

— Знаешь ли ты, Мореход, человека, рожденного женщиной, который мог бы управлять волнами?

— Управлять — нет, но одолеть — да! В этом моя сила! — Воин ударил себя в грудь, и никто не усомнился, что он имеет право говорить так. — Кольдеров голыми руками не возьмешь. Они готовят нападение на Сулькар. Умники из Ализона отсиживаются в стороне, но их ждет участь Горма. А Сулькар не сдастся! Но, если волны поглотят нас, они двинутся сюда, госпожа. Говорят, ты имеешь власть над ветром и бурей; твои заклятья могут изменить внешность человека и помутить разум. Может ли твое колдовство противостоять Кольдеру?

Владычица погладила кристалл на груди.

— Скажу тебе правду, Магнус Осберик. Я не знаю. Кольдер загадочен. Мы не смогли проникнуть туда. В остальном же ты прав. Пришло время объединить наши силы. Капитан! — обрattилась она к Корису. — Что скажешь?

Красивое лицо Кориса было мрачным, но в глазах вспыхнуло торжество.

— Если нужны наши мечи, мы готовы! С твоего согласия мы выступаем в Сулькар, госпожа.

— Решено, Эсткарп идет на помощь Сулькару! Ты, капитан, говоришь как воин. Мечи мечами, но с вами будет и наша, дарованная от веку, Сила.

Бежавшая из Ализона колдунья вышла из-за кресла и встала по правую руку от Верховной Владычицы. Ее темные раскосые глаза, оглядев собравшихся, остановились на Саймоне, притихшем в стороне, и по ее губам пробежала тень улыбки. Или ему только показалось? Как бы то ни было, Трегарт почувствовал, как некая невидимая тончайшая нить протянулась между ними.

Их отряд выступил в полдень. К своему удивлению, Саймон обнаружил, что держится рядом с колдуньей, которая, как и все гвардейцы, надела кольчугу с кольчужным шарфом. Словом, с виду женщина ничем не отличалась от других воинов, даже на поясе у нее, как и у прочих, были меч и самострел.

— Мы снова вместе, воин из другого мира! — тихо сказала колдунья, улучив момент.

Ее покойствие почему-то раздражало Саймона.

— Будем надеяться, теперь мы охотники, а не дичь.

— Всему свое время, — сухо откликнулась она. — В Ализоне меня предали и лишили оружия.

— Зато теперь у тебя меч и самострел.

Колдунья посмотрела на свое оружие и рассмеялась:

— Да, Саймон Трегарт, меч, самострел и еще кое-что! Но ты прав в своих предчувствиях — впереди у нас мало хорошего.

— Предчувствия, госпожа? — Он разозлился, не желая верить ни одному ее слову, поскольку больше полагался на силу оружия. А все эти намеки, взгляды, предчувствия...

— Предчувствия, Саймон. — Она пристально посмотрела на него и чуть заметно улыбнулась. — Мне ничего не надо от тебя, чужестранец. Но я знаю, что Верховная Владычица

связала наши жизни воедино. Наши чаяния могут не оправдаться. Скажу одно: берегись места, где высятся скалы и кричат орланы.

— Госпожа, — Саймон принужденно улыбнулся, — в этой стране я, кажется, вижу все, словно у меня глаза на затылке. А воевать мне не в новинку.

— Знаем-знаем! Иначе ты не поехал бы с Соколом. — Она кивнула в сторону капитана гвардейцев. — Корис непревзойденный боец и прирожденный военачальник. Гордость Эсткарпа!

— Ты предвидишь беду в Сулькаре?

Колдунья пожала плечами:

— Наш Дар, как известно, не дает нам полной картины. Лишь обрывки, детали. Но городских стен я не вижу. И кажется, это не у моря. Приготовь-ка лучше самострел и не забудь про свои знаменитые кулаки! — Она дружелюбно засмеялась, и Саймон понял, что должен принимать дружбу на ее условиях.

Глава 5

БИТВА С ДЕМОНАМИ

Войско поспешало, но, когда после ночевки в последнем пограничном форту оно вышло на тракт, ведущий к морю, впереди был еще целый день пути. Продвигаясь от форта к форту, всадники меняли лошадей, и миля за милей войско приближалось к своей цели.

Сулькарцы, не привыкшие к верховой езде, были мрачноваты, да и седла гвардейцев оказались им малы, так как большинство из них своей комплекцией почти не уступали Магнусу Осберику. Но мужественные мореходы не отставали — стиснув зубы, они держались в седлах так, словно само время превратилось в их заклятого врага.

Стояло ясное утро. Множество пурпурных цветов под ярким солнцем развернуло свои лепестки; пахло морем, и у Саймона поднялось настроение, чего уже давненько с ним не случалось. Он и сам не заметил, как стал напевать. Слева раздался знакомый глухой голос:

— Рано пташечка запела!

— Не каркай! День больно хорош! — сказал он добродушно. Колдунья отвернула кольчужный шарф.

— Море... Оно уже близко, оно в ветре... — Она смотрела вперед, туда, куда уходила дорога. — Море в крови у нас. Поэтому и сулькарцы по крови нам не чужие. Когда-нибудь я уйду в море... Сбегающие с берега волны так и тянут меня за собой!

Она не сказала ничего особенного, но Саймон вдруг насто-рожился, даже в горле пересохло. Может, и не было у него дара предвидения, но что-то в нем дрогнуло, напряглось... Он, не раздумывая, поднял руку, давая сигнал к остановке.

— Да! — колдунья тоже подняла руку. Корис обернулся и остановил весь отряд. Он передал командование Танстону и поскакал к ним, выслав вперед дозорных.

— В чем дело? — спросил он, подъехав.

— Впереди что-то есть. — Саймон смотрел вперед, изучая местность, такую тихую и безмятежную в лучах утреннего солнца. Тишина... Лишь высоко в небе кружили большие птицы. Ветер стих. Ни один листик на кустах не шелохнулся. Но Саймон готов был поклясться, что впереди их ждет ловушка.

Корис перевел взгляд с Саймона на колдунью. Женщина вся подалась вперед, ноздри ее раздувались, словно она при-нюхивалась, пытаясь выявить опасность. Наконец, бросив по-водья, колдунья сделала пальцами какие-то знаки и утверди-тельно кивнула.

— Он прав. Впереди пустота, за которой я ничего не вижу. Похоже на силовой барьер, прикрывающий засаду.

— Но как он-то смог? У него же нет Дара? — воскликнул Корис и с подозрением посмотрел на Саймона. Затем, отдав несколько приказов, капитан двинулся вперед — туда, где до-рога делала поворот.

Саймон, доставая самострел, тоже с удивлением думал: «Как мне это удалось?» Хотя нечто похожее бывало с ним и раньше. Скажем, в ночь, когда он встретил Петрония. Но никогда прежде чувство опасности не было таким сильным, тем более, оно все увеличивалось и обострялось...

Колдунья держалась рядом с ним, за спинами передового отряда. Он и не заметил, когда она извлекла из-под кольчуги свое главное оружие — дымчатый кристалл. Подняв камень

над головой, колдунья что-то громко крикнула, но этого языка Саймон не знал.

Впереди показались остроконечные скалы, напоминающие очертаниями клыки чудовищной пасти. Дорога шла как раз между двух таких «клыков», словно под аркой. Подножие гор скрывали густые заросли кустарника.

Вдруг из кристалла колдуни в скалу ударил яркий луч, и тотчас оттуда повалили клубы дыма, застилая все вокруг едкой завесой.

И тут появились нападающие! Закованные в броню воины бежали в полном молчании — ни выкриков, ни приказов. Глухие шлемы с заостренными забралами придавали им вид остроклювых хищных птиц. Это безмолвное нападение казалось каким-то сверхъестественным.

— Сулькар! Сулькар! — грянул боевой клич мореходов. Во главе с Магнусом Осбериком они двинулись навстречу врагам, обнажив мечи. Гвардейцы шли в бой молча. И Корис не отдавал никаких команд, но стрелки уже целились и стреляли, и мечники двинулись вперед, держа оружие наготове. В одном войско Эсткарпа имело безусловное преимущество — безмолвное воинство врага было пешим.

Саймон досконально изучил вооружение Эсткарпа и знал, где слабые места в их доспехах, но какова броня у кольдеров — никому не известно... Саймон прицелился под мышку одному из нападавших; который бросился с мечом на гвардейца. Кольдер неестественно повернулся и рухнул, его заостренное забрало воткнулось в землю.

— Сулькар! Сулькар! — гремел боевой клич.

Поначалу Саймону было не до наблюдений. Он целился и стрелял. Но вскоре действия нападавших показались ему очень странными.

Воины Кольдера совершенно не защищались! Они шли напролом и один за другим находили свою смерть; никто не пытался увернуться от меча, никто не подставлял щита, не парировал ударов противника. Словно ослепленные яростью, пешие воины механически размахивали мечами, в точности, как заводные игрушки! Их завели — они и пошли!

Но кольдеры в этом мире считались непобедимыми! А эти воины падали и падали, будто ребенок играючи толкнул строй оловянных солдатиков.

Саймон опустил самострел, что-то мешало ему стрелять в несчастных кукол. Он повернул лошадь направо, и, кажется, вовремя — прямо на него стремительно бежал кольдер. Но, против ожидания, воин бросился не на Трегарта, а на колдунью, ехавшую рядом.

Лишь то, что колдунья была хорошей наездницей, спасло ее от всей мощи этого натиска. Она взмахнула мечом, обрушивая его на врага, но меч скользнул по шлему, и удар пришелся в плечо.

Как ни странно, кольдер, нападавший на колдунью, отлично владел оружием: меч в его руке так и сверкал на солнце. Неудовимым движением он выбил оружие из рук женщины, а затем, бросив свой меч на землю, начал стаскивать ее с коня. Колдунья отчаянно сопротивлялась, но руки в железных перчатках все-таки вырвали ее из седла, и она уже билась в объятиях кольдера, а Саймон все не решался нанести удар мечом. Тогда, высвободив ногу из стремени, он подъехал сзади и со всей силы пнул врага пяткой по затылку, да так, что отбил себе ногу, а тот, потеряв равновесие, рухнул лицом вниз, увлекая колдунью за собой. Саймон осторожно спрыгнул с коня, оберегая ушибленную ногу, схватил кольдера за бронированное плечо и отвалил его от задыхающейся женщины. Кольдер лежал, словно перевернутый на спину жук, и слабо шевелил конечностями. Прорезь клювообразного забрала была обращена к небу.

Сбросив железные перчатки, женщина встала на колени и принялась расстегивать ремни на шлеме поверженного.

— В седло! — скомандовал Саймон, подводя своего коня.

Колдунья отрицательно качнула головой, продолжая заниматься своим делом. Наконец тугой ремень поддался, и она сняла с воина шлем. Саймон боялся даже представить, что он может увидеть, воображение рисовало ему самые ужасные картины, но открывшееся лицо совершенно не оправдало его мрачных предположений.

— Херльвин!

Над воином склонился шлем Кориса — капитан гвардейцев встал на колени рядом с колдуньей и, казалось, хотел обнять воина, как старого друга.

Взору Трегарта предстало такое же благородное лицо, как у Кориса, такие же сине-зеленые глаза, но они, похоже, ничего

не видели — ни неба, ни склонившихся людей. Колдунья отвела руки Кориса, твердо взяла воина за подбородок, не давая двигаться его голове, и внимательно вгляделась в эти ничего не видящие глаза. Немного погодя она решительно оттолкнула от себя голову поверженного и с ожесточением принялась вытирать руки о траву. Корис, сурово наблюдавший за ней, неуверенно спросил:

— Херльвин?

— Убей! — буркнула колдунья сквозь зубы, и капитан молча потянулся за мечом.

— Стой! — крикнул Саймон. — Нельзя же убивать так безжалостно!

Лежащий, в самом деле, не представлял, на его взгляд, никакой опасности, поскольку находился в полубессознательном состоянии.

Колдунья холодно взглянула на Трегарта и кивнула на дергающуюся голову поверженного:

— Посмотри сам, человек из другого мира!

Саймон почувствовал, что не очень-то хочет это делать, и все-таки взял голову кольдера обеими руками, но тотчас отдернул их, не ощутив тепла человеческого тела. Однако то был даже не холод металла или камня, но холод слизняка, а ощущение отвратительной податливости было тем омерзительней, что внешне голова человека казалась вполне обычной. Посмотрев еще раз в немигающие глаза, Саймон подумал, что никакой удар не мог бы вызвать в человеческих глазах такой пустоты, какую он обнаружил там. Ничего подобного он еще не встречал: даже в человеке, сошедшем с ума, остается хоть что-то, вызывающее жалость, но к существу, лежащему перед ним, Саймон не испытывал вообще никаких чувств и не мог представить, чтобы это отвратительное ничто могло ходить по земле, видеть солнце...

Последовав примеру колдуньи, он вытер руки о траву, быстро встал и пошел прочь, чтобы не видеть, как Корис взмахнет мечом над тем, кто давно уже был мертв, мертв и проклят.

Кольдеров перебили всех, но двое гвардейцев и один сулькарец, рассеченный мечом до седла, тоже остались на поле боя. Нападение казалось таким бессмысленным, что оставалось только гадать, зачем его вообще предприняли. Саймон

шел рядом с Корисом и чувствовал, что капитан тоже находится в недоумении.

— Снимите с них шлемы! — Гвардейцы передавали его приказ по цепочке. Под каждым остроклювым шлемом они находили все те же бледные лица, светлые волосы и сине-зеленые глаза.

— Мидир! — Капитан остановился подле одного тела. Рука поверженного дернулась, в горле застрял предсмертный хрип.

— Убить! — Приказ прозвучал твердо и был немедленно выполнен.

Одного за другим Корис осмотрел всех и еще трижды отдавал тот же приказ — уголки его рта подергивались, и лучше было не видеть его глаз. Они подошли к Магнусу и колдунье.

— Все с Горма! — мрачно произнес капитан.

— Были с Горма, — уточнила женщина. — Горм погиб в ту минуту, когда открыл свою гавань кольдерам. Это не те, кого ты знал, Корис! Они давно уже не люди, очень давно. Ты же сам видел, это — механические солдаты, которыми управляют хозяева. В них нет жизни. Когда Сила выкурила их из засады, они подчинялись одному-единственному приказу — хватать и убивать! Кольдер использует их в войне против нас, чтобы истощить наши силы прежде, чем он прибегнет к другому оружию.

Губы капитана дрогнули в жесткой усмешке.

— Что, если это их слабое место? Может, у них не хватает людей? — Он с силой вложил меч в ножны. — Да вообще, кто знает, что у них на уме? Раз они способны на такое, можно ожидать от них чего-нибудь и похуже.

Саймон поехал в авангарде. Покидая место, где они встретились с войском Кольдера, он не хотел видеть, как исполняется последний приказ колдуньи, и не мог спокойно думать об обезглавленных мертвецах, с трудом веря в реальность происходящего.

— Мертвые не воюют! — Саймон не заметил, как сказал это вслух.

— Херльвин — прирожденный мореход, — откликнулся Корис. — Я помню, как он ходил на меч-рыбу с одним ножом. Мидир — совсем еще мальчик. Он едва владел оружием, когда прозвучал набат и кольдеры вторглись на Горм. Я хорошо знал

их. Но то, что осталось там, на поле, — это не Херльвин и не Мидир.

— Человека определяют тело, разум и душа, — вмешалась в разговор колдунья. — Разве в твоём мире, Саймон, дело обстоит иначе? Вряд ли. Ведь ты двигаешься, думаешь и чувствуешь. Убей тело — останется душа. Убей разум — останется тело, вызывающее жалость у окружающих. Но убей душу, оставив тело и разум, — голос колдуньи дрогнул, — это будет самый тяжкий грех... Воинов с Горма лишили души. То, что двигалось в их обличье, уже давно не люди, Саймон. Каким-то кощунственным вмешательством, чуждым нашему миру, их сделали таковыми.

— То же самое уготовано нам, госпожа. Сулькар ожидает участь Горма, — сказал Магнус Осберик, поравнявшись с колдуньей на своем могучем коне. — Здесь мы их одолели. Но что, если легионы таких мертвецов полезут на наши стены? Гарнизон в крепости невелик, поскольку время горячее и почти все корабли вышли с товаром в море. Придется рассредоточить силы вдоль крепостной стены. Человек силен духом, но силы его не беспредельны. Враг может одолеть нас числом, просто смять, вы же видели — они ничего не боятся и лезут напролом.

Ни Корис, ни колдунья не нашлись что ответить. И лишь несколько часов спустя, когда Трегарт увидел Сулькар, он почувствовал себя несколько увереннее. Хотя сулькарцы были прежде всего мореходами, они знали толк и в фортификации. При строительстве крепости использовались все преимущества выбранного для нее места. С суши Сулькар защищала неприступная стена со сторожевыми башнями, ошетилившимися множеством бойниц. Но лишь когда Магнус Осберик провел их за стены крепости, Саймон оценил всю ее мощь.

С обеих сторон гавани, подобно двум клешням краба, в море выдавались скалы. На каждой «клешне» высились стены укреплений, дозорных постов и фортов, которые были связаны с цитаделью разветвленной сетью подземных ходов. Отвесные стены укреплений уходили прямо в воду, не оставляя никаких шансов подняться на них с моря.

— Похоже, строители Сулькара рассчитывали на военные действия, — одобрительно заметил Трегарт.

Магнус Осберик коротко рассмеялся:

— Сулькарцы кровно заинтересованы в безопасности торговых путей Эсткарпа, а отчасти Карстена и Алисона. И мы платим за это золотом кое-кому. Но кроме того, бывая в других странах, мы показываем не только наш товар, но и наши мечи, ибо Сулькар — лакомый кусочек! Видишь пакгаузы — в них товары, а в торговле вся наша жизнь. Сколько владык и морских разбойников спят и видят себя здесь! Может, кольдеры и есть сущие демоны, да только и они не прочь завладеть нашими богатствами, так и тянут сюда свои грязные лапы. Сулькар — наша твердыня! Но если он падет — захватчикам ничего не достанется! — В сердцах Магнус ударил кулаком по парапету. — Сулькар построен еще во дни моего прадеда, дабы наш народ имел безопасную гавань во время любой бури — будь то ярость волн или войн. И, похоже, час испытаний настал.

— В гавани три корабля, — заметил Корис. — Торговое судно и два военных.

— Торговое прибыло на рассвете с товаром из Карстена. Оно под флагом герцога, и вряд ли его команда схватится за оружие в чужом порту, — сказал Осберик. — Говорят, герцог женится, и в трюме этого судна стоит сундучок с драгоценным ожерельем для белой шеи Альдис. Похоже, Ивиан хочет посадить птичку в клетку, но сам в ней сидеть не собирается.

Колдунья пожала плечами; Кориса тем более не занимали придворные сплетни соседней страны.

— А военные? — спросил он.

— Это наши сторожевые корабли. Они патрулируют подходы к Сулькару.

Саймон пошел вместе с Корисом осматривать укрепления. Он подумал, что хороший бомбардировщик мог бы уничтожить Сулькар за один-два захода, а для тяжелой артиллерии разнести эти толстые стены было бы делом какого-нибудь часа. В скалах под фундаментом располагались склады и подземные ходы. Те из них, что вели к морю, имели крепкие двери и прочные запоры. Если только у кольдеров нет какого-нибудь необычного оружия, мореходам не о чем беспокоиться. Но на это мог рассчитывать лишь тот, кто забыл невидящие глаза давешних воинов с Горма.

Саймон обратил внимание, что в крепости большие казармы и много оружия, но людей явно недостаточно. Кое-где стояли караулы, а все остальные находились на стенах. Суль-

кар мог вооружить тысячное войско, но сейчас здесь не набралось и сотни человек.

Саймон, Корис и колдунья втроем поднялись на сторожевую башню, обращенную к морю. Свежий ветер насквозь продувал их кольчуги.

— Если вызвать сюда подкрепление, Эсткарп останется без гарнизона! — проговорил Корис, словно продолжая с кем-то спор. — И тогда с севера тут же вторгнется Ализон, а с юга — Карстен! Хотя Сулькар — это раковина, которая вряд ли по зубам даже кольдерам, но в ней сейчас слишком мало мяса! О чем Магнус Осберик думал раньше? Будь здесь побольше людей, он устоял бы, но с этой горсткой воинов — сомневаюсь.

— Ты, конечно, можешь сомневаться, Корис, — бесстрастно заметила колдунья, — но все равно примешь бой — так нужно. Может статься, что именно здесь Кольдер обломает себе зубы. А нападут они обязательно, Магнус совершенно прав.

Корис посмотрел на колдунью.

— Ты можешь предсказать что-либо, госпожа?

Она покачала головой.

— Не жди от меня большего, капитан. Я ведь даже засады не видела, лишь натолкнулась на пустоту и только по ней распознала кольдеров. Это пока все, что я могу. А ты, Саймон?

Трегарт обернулся.

— Я? Но я ведь не претендую на владение Даром. — Он помолчал. — Не знаю... Умом я понимаю, что эта крепость неприступна, и все же чувствую себя здесь, как в ловушке. — Саймон говорил, не задумываясь, но был уверен, что он прав.

— Не надо говорить об этом Осберику, — заметил Корис.

Все трое молча стояли и смотрели на гавань, на заходящее солнце, и чем дальше, тем больше эта крепость казалась им не убежищем, а клеткой.

Глава 6

ГИВЕЛЬ В ТУМАНЕ

Она появилась вскоре после полуночи — полоса тумана, ползущая с моря. Туман глотал звезды, а перед ним катилась волна пронизывающего до костей холода. Маслянистыми ка-

плями туман оседал на кольчугах воинов, оставляя на губах слабый привкус гниющих водорослей и соли.

Туман уже поглотил фонари, что освещали выходящие в море укрепления — один за другим они тонули в этой завесе, превращаясь в мутные желтые пятна. Казалось, вот так, дюйм за дюймом, шаг за шагом, белая пелена захватит весь мир.

Саймон мерил шагами небольшую смотровую площадку главной сторожевой башни. Из вида пропала уже половина гавани, непроницаемая завеса рассекла надвое один из военных кораблей. Нет, этот туман был какой-то неестественный, совершенно не похожий ни на знаменитые лондонские туманы, ни на смог больших индустриальных городов Америки. Безостановочно напознал он с запада сплошной пеленой, словно нарочно был послан прикрыть готовящееся нападение.

Вдруг раздались приглушенные удары гонга, донесшиеся с передовых укреплений гавани. В дверях башни Саймон столкнулся с колдуньей.

— Они напали?!

— Еще нет. Это бьют штормовые гонги, такова традиция — по ним ориентируются корабли, находящиеся в море.

— Корабли Кольдера!

— Как знать. Но древних обычаев не изменить в одночасье. Гонги Сулькара веками служат тем, кто в море, и только Магнус Осберик может отдать приказ, чтобы они замолчали.

— Здесь часто такие туманы?

— Туманы здесь не редкость. Но такого что-то не припомню. — Колдунья вышла на смотровую площадку и так же, как минуту назад Саймон, некоторое время смотрела на быстро исчезающую гавань. — Мы, владеющие Силой, можем в известных пределах управлять явлениями природы. Но все равно никогда не знаем заранее, получится или нет. Любая из моих сестер умеет вызывать туман, который не только затмит противнику глаза, но и помутит на время его рассудок. Но это — не такой туман.

— Он хотя бы естественный? — спросил Саймон, почему-то уверенный в обратном.

— Когда гончар кладет глину на гончарный круг, разве она не естественна? Но искусные пальцы мастера придают глине задуманную форму, и она становится произведением искусства, произведением разума. Я думаю, некто — или нечто —

соединил частицы воды и воздуха, придав им задуманную форму и теперь использует в своих целях.

— Что ты скажешь, госпожа? — Корис подошел к ним сзади и, опершись на парапет, встал рядом. — Мы похожи на слепых котят!

Колдунья даже не обернулась. Она по-прежнему не сводила глаз с тумана, как естествоиспытатель, проводящий ответственный эксперимент.

— Есть два способа сделать нас слепыми котятками, и если это наваждение — ответим им тем же!

— Туман против тумана?

— Не совсем так, здесь клин клином не вышибить. Они призвали на помощь воду и воздух. Мы тоже призовем их... но уже по-иному. Сейчас нужен неожиданный ход. Пойдемте спустимся к воде. Пусть Магнус прикажет принести на главный причал несколько поленьев, а еще лучше сухих щепок. Если щепок нет — путь принесут ножи, мы сделаем все сами. Да, и еще нужна материя.

Глухие удары гонга эхом разносились по гавани. На причал принесли охапку щепок, и колдунья выбрала из них самую маленькую. Неумело работая ножом, она выстругала подобие кораблика — заостренный нос, закругленная корма. Саймон взял у женщины нож и принялся обстругивать кораблик сам. Его примеру последовали другие воины.

Вскоре у них появился целый флот из тридцати корабликов, каждый не больше ладони, с мачтой и парусами, сделанными из лоскутков. Игрушечный флот поставили в ряд на краю причала. Опустившись на колени, колдунья склонилась над самой водой и тихо подула в парус каждого кораблика.

— Ветер и вода, ветер и вода, — начала она нараспев. — Ветер, гони! Вода, неси! Туман, обмани! — женщина, быстро перебирая руками, один за другим ставила кораблики на воду. Туманная пелена почти скрывала их, но она была еще не настолько густой, чтобы скрыть от Саймона поразительное зрелище: выстроившись клином, кораблики в боевом порядке двинулись прямо в самую гущу тумана. Когда головной кораблик достиг границы видимости — он был уже не жалкой, наскоро выструганной игрушкой, но великолепным могучим кораблем — не чета сторожевым кораблям Магнуса Осберика, которыми тот так гордился.

Опершись о руку Саймона, колдунья поднялась с колен.

— Не верь глазам своим, человек из другого мира. Это только наваждение, но будем надеяться, что оно окажется не менее действенным, чем их туман, и отобьет у кольдеров охоту нападать.

— Не может быть! Они же не настоящие! — воскликнул Саймон.

— Мы слишком доверяем нашим чувствам. Раз можно обмануть зрение, обоняние и осязание, то почему бы наваждению не обмануть все сразу? Скажи, Саймон, вот если бы ты собирался войти в гавань, чтобы штурмовать крепость, и вдруг увидел в тумане идущий навстречу твоим кораблям вражеский флот, которого ты никак здесь не ожидал, не призадумался бы ты, прежде чем очертя голову броситься на штурм? Я ведь только пытаюсь выиграть время, ибо, подвергшись испытанию на реальность, наваждение быстро исчезает. Первый же корабль кольдеров, который попытается взять наше судно на abordаж, сразу обнаружит обман. Но иной раз и минута решает многое.

Вероятно, колдунья оказалась права. Во всяком случае, если противник и намеревался подойти к крепости под прикрытием тумана, он этого не сделал. В ту ночь сигнал о нападении так и не прозвучал, хотя плотная завеса над городом не рассеялась даже с наступлением рассвета.

Три корабля в гавани тщетно ожидали приказов Магнуса Осберика, а тот переждал туман. Саймон пошел вместе с Корисом проверять посты гвардейцев, выставленные на стене, обращенной к морю. Временами им приходилось цепляться за одежду друг друга, чтобы не потеряться. В соответствии с приказом равномерно били гонги, но уже не для безопасности находящихся в море кораблей, а для того, чтобы посты хотя бы слышали друг друга. Люди устали и, находясь в постоянном напряжении, чуть что — хватались за оружие. Опоздавший произнести пароль рисковал угодить под молниеносный удар меча.

— Если так и дальше пойдет, — заметил Трегарт, едва увернувшись от меча одного из сулькарцев, на которого они неожиданно натолкнулись, — кольдерам незачем штурмовать крепость. Мы сами перебьем друг друга, едва кому-нибудь померещится, что твое забрало похоже на клюв!

— Имей в виду, — откликнулся Корис, — противник тоже использует наваждения, порожденные нашими страхами. Но что еще нам предпринять?

— Пароль нетрудно подслушать. — Саймон не скрывал своих опасений. — Пост за постом, вся стена может оказаться в руках врага.

— Может, нападение уже началось? — полувопросительно произнес Корис. — Человек из другого мира, если ты знаешь, что нам теперь делать, — приказывай! Я охотно подчинюсь твоим приказам. Я воин и умею воевать. Точнее, кажется, умел. Я думал, что знаком и с колдовством, ибо всем сердцем предан Эсткарпу, но, честно говоря, ничего похожего раньше не видел, и полагаю, сделал все, что в моих силах.

— Я тоже не слыхал о подобных методах ведения войны, — поддержал его Саймон. — Такое любого поставит в тупик. Впрочем, мне кажется, с моря они не нападут.

— Потому что мы их оттуда и ждем? — быстро сообразил Корис. — Пожалуй, с суши им Сулькар тоже не одолеть — морские бродяги строили на совесть. Здесь нужны осадные машины и не одна неделя времени.

— Море, суша... Что остается?

— Земля и воздух, — сказал Корис. — Земля! Подземные ходы!

— На все ходы нам не хватит людей.

Вдруг глаза Кориса яростно вспыхнули, как и в тот раз, когда Саймон увидел его впервые.

— Есть способ охранять ходы без людей! Скорее к Магнусу! — Капитан гвардейцев побежал по извилистым коридорам, со скрежетом чиркая ножами по каменным стенам на поворотах.

На столе стояли в ряд пять медных сосудов различной формы. В каждый Корис положил по металлическому шарик, и их унесли, чтобы расставить по крепостной стене, как раз над подземными ходами. Теперь при любой попытке взломать дверь, находящуюся глубоко внизу, шарик в сосуде загремит и даст знать о нападении.

С подземными ходами они разобрались. Оставался воздух. Не потому ли, что Саймон был знаком с воздушными боями, он напряженно вслушивался и до ломоты в шейных позвонках вглядывался во мглу, окружавшую башни крепости? Кол-

довство колдовством, но цивилизация, находящаяся на уровне примитивных самострелов, мечей, щитов и кольчуг, вряд ли может произвести нападение с воздуха — и все же...

Благодаря медным сосудам Кориса защитники вовремя узнали о первой атаке кольдеров, которая началась во всех пяти местах одновременно. Примыкающие к дверям подземные помещения были заранее забиты доверху всевозможными горючими материалами, какие только нашлись на складах крепости: тюками с шерстью и щетиной, дорогими тканями и мешками с зерном. Все это залили огромным количеством масла и смолы, которой корабельные смолили днища судов.

Когда шарики в сосудах загремели, подвалы забросали факелами и наглухо закрыли, перекрыв все проходы в цитадель.

— Пусть попробуют сунуть туда свои собачьи морды!

Магнус Осберик с яростью ударил боевым топором по дубовому столу в главном зале цитадели. С тех пор как туман обложил крепость, владыка мореходов впервые не казался озабоченным. Как всякий моряк, он ненавидел туман и опасался его, будь то порождение природы или сверхъестественных сил.

— Ахххх! — Гул голосов в зале заглушил не просто крик боли. Лишь нечеловеческий ужас мог исторгнуть такой вопль из людских глоток.

У защитников Сулькара кровь застыла в жилах. Магнус Осберик набыччился, словно готовясь ринуться на врага. Корис, держа меч наготове, пригнулся к земле, как будто набирался от нее силы. Остальные войны, находящиеся в зале, мгновенно смолкли.

Саймон напряженно ждал чего-то еще, и, возможно, поэтому первым понял, откуда исходит угроза. Он побежал вверх по лестнице, которая тремя этажами выше выводила к сторожевому посту на крыше строения.

Но до третьего этажа Трегарт не добрался. Его остановили крики и лязг оружия. Саймон замедлил шаг и достал самострел. Какой-то воин кубарем скатился вниз по лестнице, едва не задев его; кровь хлестала на стены и ступени из перерезанного горла сулькарца. Саймон поднялся еще немного и увидел страшную картину.

На площадке третьего этажа двое гвардейцев и трое сулькарцев, прижавшись спинами к стене, отчаянно пытались сдерживать нападавших, которые наступали столь же яростно,

как и те, что набросились на войско Эскарпа из засады. Саймон несколько раз выстрелил, но сверху напирала такая могучая волна остроклювых шлемов, что остановить ее самострелом было немислимо. Очевидно, противник сумел каким-то образом перебросить силы по воздуху и теперь захватил верхние этажи цитадели.

Враг прорвал оборону, но не время гадать, как это произошло, нужно действовать. Упали еще двое сулькарцев, погиб гвардеец. Убитые и раненые, свои и чужие, все тонуло в море остроклювых шлемов, а трупы скатывались вниз по лестнице, не останавливаясь до самого подножия башни.

Саймон пробился на второй этаж и распахнул двери, выходящие на площадку. Мебель сулькарцев оказалась весьма тяжелой, но кое-что можно было все-таки сдвинуть с места. Собрав все свои силы, Трегарт начал выдвигать мебель на площадку, чтобы забаррикадировать проход.

Он как раз выносил тяжеленный стул, когда перед ним появился воин в остроклювом шлеме. Едва увернувшись от меча, Саймон обрушил свою ношу на голову противника, но и у него на щеке появилась большая ссадина.

— Сулькар! Сулькар!

Налившееся кровью лицо Магнуса Осберика стало таким же красным, как медная щетина его усов, — он уже яростно орудовал боевым топором, сдерживая натиск кольдеров у завала на площадке.

Потом Трегарт только и помнил, как непрерывно заряжал самострел, прицеливался, стрелял, снова заряжал, а когда иссяк запас, он стал снимать обоймы с поясов убитых гвардейцев, но ни на минуту не прекращал стрельбы.

Враги оттеснили их небольшой отряд в зал, и оттуда — на другую лестницу, но каждая ступень вниз давалась нападавшим дорогой ценой. Вдруг появились струйки дыма. На мгновение Саймону показалось, что в крепость проникли щупальца тумана, но скоро начало разъедать глаза, запершило в горле, и все-таки он продолжал стрельбу, пока это было возможно.

Лестница кончилась. Люди хрипло кричали, а едкий дым становился все гуще. Тыльной стороной ладони Саймон провел по слезящимся глазам и плотнее запахнул кольчужный шарф. Его душил кашель.

Они отступали почти вслепую, запирая за собой тяжелые пятидюймовые двери, одну за другой, пока не оказались в помещении, где находилась какая-то установка. Она возвышалась даже над гигантом Магнусом, который с безумным взглядом устремился к ней так, что мореходы и гвардейцы расступились.

Магнус Осберик потерял шлем, его лицо побледнело и казалось сильно постаревшим, плащ порвался и висел на одном плече. Боевой топор лежал на коже у установки, и с него на каменные плиты стекала кровь. Широко открытыми глазами Магнус смотрел на окружающих — и не видел их. Саймон понял, что этот могучий человек близок к шоку.

— Уходите! — Владыка мореходов схватил топор и взмахнул им, никого не подпуская к установке. — Они напали с воздуха! Это крылатые демоны! Люди не могут сражаться с демонами! — Он вдруг засмеялся так ласково и радостно, словно собирался обнять возлюбленную. — Но у нас есть управа и на демонов! Сулькар никогда не будет гнездом этих выроdkов!

Магнус взмахнул топором, красноречивым жестом отсекая своих подданных от гвардейцев.

— Вы доблестно сражались, братья из Эсткарпа. Но больше вам здесь делать нечего. Сейчас мы освободим энергию, питающую город, и взорвем крепость. Уходите и постарайтесь отомстить за нас этим летучим демонам! И будьте уверены, мы их всех захватим с собой! Уходите, братья! Предоставьте Сулькар его судьбе!

Гигант был настолько страшен, что гвардейцы, которых осталось человек двадцать, отступили в угол. Среди них, цел и невредим, стоял Корис — только сокол на его шлеме потерял в битве крыло. Тихо шевеля губами, колдунья спокойно подошла к своим воинам.

Обнажив мечи, гвардейцы дружно отсалютовали остающимся.

— Будет вам, люди Эсткарпа. Сейчас не время для парадов. Уходите! — буркнул Магнус, указывая на небольшую дверь в подземный ход.

Капитан гвардейцев уходил последним — плотно затворив за собой дверь, он запер ее снаружи. Шары в подземелье еще горели, пол был ровным, и гвардейцы стремительно продвигались вниз по туннелю к выходу.

Все явственней становился плеск воды, и наконец они вышли в пещеру, где у причала покачивалось несколько шлюпок.

— Ложись! — Корис толкнул Саймона в спину, и тот упал в одну из шлюпок.

Места было мало, и люди набивались плотно, буквально друг на друга, и вскоре Саймон оказался придавленным к самому дну. Дверь, через которую они вышли в пещеру, закрылась, свет погас, и наступила полная тьма. Саймон лежал неподвижно, пытаясь представить, что же будет дальше...

Шлюпки качались на волнах, и людей бросало от борта к борту. Саймон, ожидая взрыва, инстинктивно закрыл голову руками. Но тут качка усилилась, и его стало подташнивать — моряк он был неважный. Пытаясь совладать с тошнотой, он на какое-то время позабыл обо всем, и поэтому чудовищный взрыв застал его врасплох. Трегарту показалось, будто мир обрушился на него в этот миг, оглушив, раздавив...

Стоял полдень, когда Саймон поднял голову и глотнул свежего воздуха. Не обращая внимания на протесты, он выбрался из-под груды тел и осмотрелся: туман исчез, небо было чистым, а их шлюпки несло в открытое море, прочь от источника жара и пламени.

Одна... две... он насчитал три шлюпки. На корме их шлюпки у руля сидел Корис — Саймон сразу узнал его по фигуре. Кажется, они избежали преисподней, в которую превратился Сулькар, но не мешало бы знать, куда они направляются теперь.

Тумана не было и в помине, а весь берег охватило зарево огромного пожара; волнение на море усиливалось. Похоже, этот ужасный шторм был вызван взрывом, уничтожившим Сулькар. Жестокая качка снова заставила Саймона лечь на дно шлюпки, и в тот момент он отчетливо понимал одно — до полного спасения им еще далеко.

Часть вторая

ВЕРЛЕН

Глава 1

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР НА ТОПОРЕ

Всюду, сколько видел глаз, расстиралось тускло-серое море, море цвета мутного стального зеркала, цвета лезвия топора, которое, сколько ни полируй, никогда не заблестит. Небо над морем — столь же блеклое, и кажется, нельзя увидеть, где кончается вода и начинается воздух.

Глядя в узкую бойницу башни, Лоиса поежилась. Она боялась высоты. Выдаваясь полукругом из стены замка, башня нависала прямо над острыми береговыми скалами, окруженными кипящей пеной. У девушки кружилась голова, но ее все время тянуло к бойнице, ибо морская даль, изредка перечеркиваемая полетом птицы, казалась ей воплощением свободы.

Уцепившись длинными пальцами за внешний край бойницы, она подтягивалась поближе и заставляла себя смотреть вниз, точно так же, как заставляла себя делать многое, чему противились ее природа и разум. Ей, дочери Фалька, давно пришлось отгородиться от всего ледяной стеной, стеной, которую не могут пробить ни побои, ни оскорбления.

Похоть ее отца не знала границ. Женщины появлялись и исчезали в Верлене одна за другой, а Лоиса с самого детства равнодушно смотрела на любовниц отца, иногда сравнивая их с собой. Ни на одной из них Фальк не женился, так как ни одна, к тайной радости дочери и великому гневу отца, не принесла ему потомства. Дело в том, что Верлен не принадлежал Фальку по праву рождения, и властвовал он здесь единственно потому, что женился на ее матери. Лишь покуда жива Лоиса, Фальк мог владеть замком, учиняя разбой и мародерство на суше и на море. В случае ее смерти в Карстене нашлось бы немало охотников из числа влиятельных родственников ее матери, готовых немедленно заявить свои права на Верлен.

Но родился у него сын от какой-нибудь из женщин, которые силком или своей волей оказывались на огромном ложе владыки Верлена, тогда другое дело. Тогда он мог бы рассчитывать не только на пожизненное владение замком, но и в соответствии с новым законом герцогства Карстен передать свои права сыну. Согласно древним обычаям наследование шло по женской линии, а теперь — по мужской, но, правда, если мужская линия обрывалась, в силу снова вступал древний закон.

В глубине души Лоиса надеялась сохранить замок за собой. Если Фалька убьют в одном из разбойных набегов или он падет жертвой мести, — а мстить было кому! — тогда и она, и Верлен обретут свободу, и тут уж она всем покажет, на что способна женщина! Они еще увидят, что долгие годы заточения не сломили ее.

Лоиса оторвалась от бойницы и прошла по комнате. Здесь было мрачно, с моря тянуло прохладой, но девушка уже привыкла к холоду и полумраку — они стали неотъемлемой частью ее жизни.

Пройдя мимо ложа, занавешенного пологом, Лоиса остановилась перед тщательно отполированным шитом, заменявшим ей зеркало. В ее безрадостной жизни стало привычным занятием стоять вот так и рассматривать свое тусклое и несколько искаженное отражение.

Лоиса была невысока. Только это и роднило ее с пышнотелыми женщинами, которые ублажали подданных отца. С теми, что получше, владыка Верлена развлекался сам. Лоиса была худа и стройна, как юноша, лишь едва обозначенные округлости бедер выдавали в ней женщину. Прямые распущенные волосы ниспадали по плечам до самого пояса. Чуть желтоватые, даже на солнце они казались седыми, как у старухи. Бесцветные брови и ресницы придавали ее лицу какое-то отстраненное, почти пустое выражение. Тонкое бледное лицо, гладкая кожа, плоская грудь. Казалось, даже губы ее не имеют цвета. Тем удивительнее, что это чахлое дитя полумрака сохранило в себе ту силу, имея которую опытный воин тяжелому топору предпочитает гибкое лезвие меча.

Неожиданно Лоиса подняла руки к груди, сжала их и затем быстро опустила. Под свисающими рукавами она с такой силой стиснула кулаки, что ногти впились в кожу, но не повернулась к двери, ни одним жестом не выдавая того, что услы-

шала звук отодвигаемого засова. Девушка прекрасно знала, что может позволить себе в отношениях с Фальком, и никогда не переступала хрупкой границы. Иногда она в отчаянии думала, что отец вообще не замечает ее неприязни.

Дверь распахнулась. Владыка Верлена не терпел никаких препятствий, он сметал их на своем пути, словно врвался во вражескую крепость. Фальк ввалился в комнату дочери с видом победителя, которому только что на острие меча поднесли ключи от взятого им города.

Если Лоиса была бледным порождением мрака, то Фальк казался повелителем солнца и пламени. Беспутная жизнь уже оставила на его лице свои отметины, но он все еще был красив: благородные черты, огненно-рыжие волосы, голова гордого принца. Люди Верлена боготворили своего господина. Под настроение тот бывал щедр и великодушен, а его пороки несколько не смущали распутных подданных.

Лоиса увидела Фалька в зеркале. В присутствии этого здоровяка она еще более поблекла.

— Приветствую тебя, владыка Фальк, — без особой радости произнесла она, не оборачиваясь.

— Владыка Фальк? Я научу тебя разговаривать с отцом, девка! Сейчас проверим, ледышка ли ты на самом деле?

Он грубо схватил ее за плечо и повернул к себе с такой силой, что синяки, наверное, останутся надолго. Лоиса знала, что это сделано умышленно, и не подала виду.

— Я принес тебе новость, узнав которую любая девка плясала бы от радости. Но что-то я не вижу ничего похожего на твоей рыбьей морде, — с деланным весельем сказал Фальк, но глаза его светились недобрым огнем.

— Мой господин не сообщил мне эту новость.

Пальцы Фалька еще сильнее впелись в ее плечо, словно он хотел переломать дочери кости.

— Сообщи! Такая новость заставит выскочить из груди сердце любой девушки. Свадьба, девочка моя, свадьбочка!

Лоису охватил неведомый прежде страх, но она сделала вид, что не поняла.

— Владыка Верлена женится? Да будет судьба благосклонна к нему на этот раз.

Пальцы Фалька снова сомкнулись на ее плече, и, как бы пугая, он с силой встряхнул девушку.

— Хоть ты и уродина и нет в тебе ничего от женщины, ты вовсе не так глупа, как хочешь казаться. Морочь голову кому-нибудь другому. В твоём возрасте давно пора быть женщиной. По крайней мере, сейчас у тебя появился прекрасный шанс для этого. И послушай моего совета — не вздумай играть в свои игры с будущим мужем. Говорят, в постели он любит послушание!

Итак, случилось то, чего она больше всего боялась и против чего была совершенно бессильна.

— Но брак требует обоюдного согласия... — устыдившись минутной слабости, Лоиса прикусила язык.

Фальк расхохотался, наслаждаясь вырванным из ее уст протестом, и опять так сжал плечо, что девушка невольно застонала. Затем он развернул ее, словно деревянную куклу, и ткнул лицом в зеркальный щит. При этом Фальк с наслаждением обрушил на нее поток оскорблений, зная, что грубость принесет ей куда большие страдания, нежели любая физическая боль.

— Посмотри на это бесформенное ничтожество, посмотри на то, что ты называешь лицом! Думаешь, найдется мужчина, который без содрогания сможет прижаться к нему губами? Благодарю судьбу, девка, что у тебя есть еще кое-что, кроме твоей рожи и костлявого тела. Ты станешь женой любому, кто попросит твоей руки. Да скажи спасибо мне, твоему отцу, который не даст тебя в обиду. Ты вообще должна ползать на коленях и благодарить судьбу за такого отца, как я!

Слова Фалька доходили до ее слуха, словно раскаты отдаленного грома. Объятая ужасом, Лоиса бессмысленно смотрела в зеркало, думая о том, кому из отцовских прихвостней, какому животному она достанется? Какая в том выгода Фальку?

— Сам герцог. — В голосе отца звучали торжество и недоверие одновременно. — Подумать только! Карстен и этот кусок непропеченного теста! И ты еще толкуешь об обоюдном согласии? Да ты просто спятила! — Он неожиданно отпустил ее, Лоиса ткнулась головой в щит, и тот загремел, ударившись о каменную стену. Едва устояв на ногах, девушка повернулась к Фальку.

— Герцог?! — Она не могла в это поверить. Зачем могущественному Ивиану просить руки дочери мелкого барона с побережья, даже если у нее древняя и славная родословная по женской линии?

— Вот именно, герцог! — Фальк плюхнулся на край ложа и принялся болтать ногами. — Тебе повезло, детка! Ты родилась под счастливой звездой. Сегодня утром прибыл герольд герцога с предложением брачного договора на топоре.

— Зачем ему я?

Фальк перестал болтать ногами. Он не то чтобы помрачнел, но лицо его приняло серьезное выражение.

— Причин много. Как и ножей, которые точат за его спиной! — Фальк начал загибать пальцы.

— При всем своем могуществе, прежде чем занять трон Карстена, герцог был простым наемником. Сомневаюсь, вспомнит ли он хотя бы свою мать, не говоря уже об отце. Он сокрушил всех своих соперников, но это было давно. Герцог не желает больше воевать, он устал выкуривать бунтовщиков из замков и хочет провести остаток дней в удовольствиях. Породнившись со знатью, он приобретет залог мира! Хотя Верлен и не самый богатый замок в Карстене, но в жилах его баронов течет благородная кровь. Разве не этим тыкали мне в нос, когда я просил руки твоей матери? Я ведь не из знати — всего-навсего младший сын Фартома с Северных Холмов. — Губы Фалька скривились, словно он вспомнил прежние унижения. — А ты — наследница Верлена. Для герцогини лучшего не придумаешь!

Лоиса рассмеялась.

— Трудно поверить, владыка, что во всем Карстене я единственная девушка из благородного рода.

— Верно, детка, можно найти и получше. Но, как я уже сказал, дражайшая моя, ты имеешь не только костлявое тело, но кое-что еще. Верлен стоит на берегу моря, и очевидно, герцог намерен мирным путем получить куда больше, чем взял силой оружия. Как тебе понравится, детка, если здесь будет большой торговый порт?

— А что на это скажет Сулькар? Мореходы блюдут свои привилегии и не допустят здесь..

— Скоро им будет не до того, — жестко и уверенно сказал Фальк. — У Сулькара беспокойные соседи. Они усиливаются, а Эсткарп, который обычно приходит Сулькару на помощь, ныне пустая раковина, выведенная колдовством. Один хороший удар — и страна колдуний падет. С ними давно пора покончить.

— Значит, Ивиана прельщает моя родословная и планы строительства порта? — Лоиса никак не могла поверить. — Но разве герцог вправе посылать свой топор с предложением брака? Хотя я живу здесь затворницей, но мне известно, что в Карсе у него есть некая Альдис, приказы которой выполняются беспрекословно всеми, кто носит эмблему герцога.

— У Ивиана может быть и Альдис, и еще полсотни женщин, только тебя это не касается, детка. Роди ему сына. Сомневаюсь, правда, что твое чахлое тело вообще способно зачать мужчину. Дай ему сына, сиди с ним за одним столом и не требуй от него ничего, кроме обычной учтивости, да гордись оказанной тебе честью. А если будешь умницей, в свой час разберешься и с Альдис, и со всеми прочими. Помни, Ивиан вспыльчив и злопамятен. — Фальк встал и собрался уходить, но перед уходом он снял с цепочки на поясе маленький ключ и бросил его Лоисе. — Хоть ты и чучело, детка, украшения для свадьбы тебе не помешают. С тобой пойдет Бетти, вкус у нее недурной, она поможет выбрать платье. И фату, фату не забудь. А за Бетти проследи, чтоб не брала себе больше, чем сможет унести.

Лоиса поймала ключ с такой радостью, что Фальк рассмехался.

— Все-таки ты женщина! Любишь украшения, как всякая девка. Ничего. Один-два шторма — и мы снова пополним нашу сокровищницу.

Фальк вышел, оставив дверь открытой. Крепко зажав ключ в кулаке, Лоиса закрыла за ним дверь. Долгие месяцы, пожалуй, даже годы она мечтала заполучить этот кусочек металла, и теперь, когда он у нее в руках, ничто не помешает ей взять из сокровищницы Верлена то, что ей нужно на самом деле.

С тех пор как на скалах между двух мысов, окруженных рифами, поднялся замок Верлен, море принесло его владыкам богатый улов. Все эти сокровища находились в полном распоряжении хозяина замка. Должно быть, сделка с Ивианом была очень выгодна Фальку, раз он так расщедрился. Общества Бетти Лоиса не боялась, зная, что последняя любовница Фалька столь же жадна, сколь и красива. Если не мешать ей поживиться, она и не глянет в сторону Лоисы.

Девушка подбросила ключ на ладони, и улыбка, наконец, появилась на ее бледном лице. Знал бы Фальк, что возьмет

Бетти все еще не могла оторваться от ларца с драгоценностями, и Лоиса не сомневалась, что куча украшений уже перекочевала к той за пазуху, — однако именно это дало ей возможность вести свои поиски почти в открытую. Сложив в сундук, принесенный слугами, еще кое-какие необходимые вещи, девушка прикрыла их сверху шелком, бархатом и меховой накидкой.

Для отвода глаз Лоиса подошла к столу и тоже выбрала себе кое-какие драгоценности, а затем позвала слуг и приказала отнести сундук в свою комнату. Больше всего она боялась, что Бетти увяжется за ней помогать разбирать вещи, но той было не до этого. Ей не терпелось поскорее остаться одной и полюбоваться наворованным.

Не теряя времени, но и не забывая об осторожности, Лоиса принялась за работу. Наспех выбранные платья, кружева и шитье она свалила на ложе, а затем, встав на колени, достала то, что было ей сейчас дороже всего. С великим тщанием, которого не удостоились свадебные наряды, Лоиса складывала в заплечный мешок и в седельные сумки все, что она приготовила заранее, собираясь бежать из Верлена: кольчугу, кожаную куртку под нее, оружие, шлем, золотые монеты и пригоршню драгоценных камней.

Она немного запыхалась, но вовремя успела убрать заплечный мешок и седельные сумки на дно сундука, навалив сверху свадебные наряды. Все было в порядке, когда послышались шаги Фалька, возвращающегося за ключом.

Лоиса быстро накинула на голову кружевную фату, шитую серебром и отделанную жемчугом. Она подошла к зеркальному щиту и усмехнулась: вид у нее был самый дурацкий, но именно этого она и добивалась — ее папаше будет над чем погоготать.

Глава 2

КОРАВЛЕКРУШЕНИЕ

Не прошло и двух дней, а те обстоятельства, которыми Лоиса хотела воспользоваться, чтобы исчезнуть из Верлена, обернулись против нее. Ивиан не соизволил явиться в замок самолично. Он не пожелал даже взглянуть на невесту, полагая, что с нее довольно и герцогских послов. Поэтому Лоисе пришлось

быть на людях и под маской безразличия скрывать нетерпение и еще более возросшее отчаяние.

В конце концов девушка возложила все свои надежды на свадебный пир, рассчитывая на то, что в замке все перепахнутся. Перед приближенными герцога Фальку наверняка захочется показать свое гостеприимство, и он откроет винные погреба, а уж тогда ей представится отличная возможность осуществить свой план.

Накануне вдруг начался сильный шторм. Всю свою жизнь Лоиса прожила у моря, но такого страшного ветра и таких огромных волн никогда еще не видала. Пенные гребни разбивались о стены башни, доставая почти до бойниц ее комнаты. Бетти и служанка, которых Фальк прислал, чтобы они помогли ей подготовить свадебное платье, вздрагивали при каждом ударе.

Вдруг с расширенными от ужаса глазами Бетти встала, уронив на пол шелковую ленту. Она сложила пальцы в священный знак, вспомнив, как это делали в ее деревне, когда она была еще девочкой.

— Колдовской шторм. — Сквозь крики чаек ее шепот едва дошел до слуха Лоисы.

— Здесь же не Эсткарп, — возразила она, спокойно, стезжок за стезжком, пришивая кружево к воротнику платья. — У нас нет власти над ветром и волнами. А Эсткарп не выходит из своих границ. Это самый обычный шторм. Если хочешь нравиться владыке Фальку, ты не должна бояться штормов, они в Верлене не редкость. Да и откуда, по-твоему, берутся все наши сокровища? — Лоиса вдвела нитку в иглолку.

Бетти повернулась к ней лицом и сначала сложила губы бантиком, а затем оскалилась, показывая мелкие острые зубки.

— Я выросла на побережье и знаю, что такое ураган на море! После шторма я ходила по берегу, собирая дары моря, и побольше твоего, госпожа! Но такого шторма я никогда не видала. Да и не слышала о таком! В нем беда, говорю я тебе — большая беда!

— Беда тому, кто оказался в море. — Лоиса отложила платье. Она подошла к окну, но в пенном кружеве ей не удалось ничего рассмотреть.

Служанка и не думала работать. Придвинувшись поближе к пылающему очагу, она раскачивалась назад и вперед, прижи-

мая руки к груди, словно у нее болело сердце, и Лоиса подошла к ней. Обычно у нее не возникало ни жалости, ни интереса к женщинам, живущим в замке, но на этот раз, против обыкновения, она спросила:

— Болит?

Эта служанка выглядела поопрятней других, а может быть, ей просто приказали вымыться, прежде чем идти сюда. Но что-то в ее лице привлекло Лоису. Конечно же, она явно не из деревни, не из тех крестьянских девушек, которых приводят в замок на потеху солдатам, а потом отправляют на кухню. Ее черты были искажены страхом, который, похоже, так долго был с ней, что превратил ее лицо в застывшую маску. Но под этой маской угадывалось и нечто другое.

Бетти зло рассмеялась.

— Ничего у нее не болит. Дурные воспоминанья. Она не так давно пережила кораблекрушение. У, дрянь! — Сафьяновым сапожком Бетти пнула девушку, едва не опрокинув ее в огонь.

— Оставь служанку в покое! — не сдержала гнева наследница Верлена.

Фальк имел право на грабеж, и Лоиса ничем не могла ему помешать, а поэтому, чтобы не растравлять душу ужасными сценами, она после шторма всегда держалась подальше от берега и чаще всего не знала, что или кого выловили подданные отца.

Бетти принужденно улыбнулась — она не смела перечить дочери владыки Верлена, но все же буркнула:

— Гони ты прочь эту упрямую дуру! Все равно, пока шторм не кончится, никакого проку от нее не будет. Да и после придется ждать, когда еще очухается! Одно только и есть, что к шитью способна, а то бы отправить ее на корм угрям.

Лоиса подошла к широкому ложу, где были разложены ее свадебные наряды, взяла большой платок, отделанный по кайме шелком, и набросила его на плечи дрожащей служанки. Не обращая внимания на остолбеневшую Бетти, наследница Верлена опустила на колени, взяла девушку за руки и посмотрела ей в лицо.

Бетти потянула Лоису за рукав.

— Как ты смеешь! — грозно одернула та.

Но к Бетти уже вернулась ее обычная наглость, пухлые губы расплылись в хитрой улыбке.

— Нам некогда, госпожа. Владыка Фальк разгневется, узнав, что в то время как он подписывает брачный договор, ты возишься с этой дрянью. Что я скажу ему о причине твоей задержки?

Лоиса спокойно посмотрела наложнице в глаза.

— Я во всем послушна воле моего отца. Но не вздумай учить меня ты, девка! — Она нехотя отпустила руки служанки. — Оставайся у меня, здесь тебя никто не тронет. Слышишь? Никто!

Поняла ли она? Служанка продолжала раскачиваться из стороны в сторону, очевидно испытывая страшные душевные муки, хотя страдания телесные, казалось бы, давно канули в прошлое.

— Ты мне больше не нужна. — Лоиса повернулась к Бетти, и та вспыхнула, но спорить не стала.

— Госпожа, тебе не мешало бы узнать кое-какие женские хитрости. — Голос Бетти окреп. — Я могу научить тебя обволакивать мужчин. Нужно подчеркнуть брови и ресницы. Алая помада для губ... — Бетти воодушевилась — в ней проснулась кокетка. Она окинула Лоису оценивающим взглядом, а та, вопреки своему презрению к Бетти и ей подобным, молча прислушивалась к ее словам. — Да, госпожа, если послушаешься меня, ты, быть может, отвратишь очи своего господина от этой Альдис. Есть много способов прельстить мужчину. — Бетти облизала губы. — Госпожа, я многому могу научить тебя. — Она придвинулась к Лоисе, в ее глазах вновь появился алчный блеск.

— Ивиан берет меня и так, — сказала Лоиса, отвергая все поползновения Бетти. — И должен быть доволен!

Бетти пожала плечами.

— Как знаешь, госпожа. Но в таком случае ты очень скоро убедишься, что не все обернется по-твоему.

— А когда оно было по-моему? — спросила Лоиса. — Ступай. Ты же сказала, что нам скоро идти, а у меня еще много дел.

Во время подписания брачного договора Лоиса сохраняла свое обычное безразличие. Герцог прислал за своей невестой троих приближенных, их-то она и разглядывала с интересом.

Вот маршал Гунольд, верный друг Ивиана еще со времен наемничества. Даже в такую глухомань, как Верлен, дока-

тилась слава о его воинской доблести. Вопреки ожиданиям, внешность Гунольда никак не соответствовала ее представлениям о прославленном воине. Лоиса ожидала увидеть эдакого громилу, вроде сенешаля отца — ну, может быть, не такого грубого и неотесанного. Гунольд же оказался разнеженным вельможей в шелковом камзоле, и трудно было поверить, что в иные времена он носил кольчугу. Круглый подбородок, гладкие щеки и длинные ресницы придавали ему моложавый и добродушный вид. Пытаясь сопоставить внешность этого человека со всем тем, что она слышала о нем, Лоиса зашла в тупик и начала его побаиваться.

Старик Сирик представлял Храм Судьбы. Завтра, когда ее рука в знак верности Ивиану ляжет на рукоять боевого топора, он скажет положенные слова. Равнодушное красное лицо. Лоб пересечен вздувшейся синей жилкой. Слушал ли он или говорил что-то мягким низким голосом, Сирик непрерывно сосал леденцы. Подле него всегда находился слуга с баночкой наготове. Объемистый живот Сирика облегал желтая ряса священника.

Третьим был Дуарт, представитель знатных семейств Карстена. Маленький и тощий, он тоже не очень подходил для своей роли. Нижняя губа Дуарта постоянно дергалась, казалось, он чувствует себя не в своей тарелке и даже тяготеет к возложенной на него миссии. Этот человек большей частью молчал, открывая рот лишь тогда, когда его о чем-либо спрашивали. Из всех троих он один обратил на невесту хоть какое-то внимание, но в его задумчивом взгляде не было и намека на сочувствие или обещание поддержки в будущем. Скорее, он видел в Лоисе некое препятствие, которое следует рано или поздно убрать с дороги.

А наследница Верлена благодарила в душе древний обычай, избавляющий ее от необходимости присутствовать на ночном пиршестве. Завтра на свадебном пиру ей, конечно, придется сидеть за столом от начала и до конца. Но как только вино польется рекой... Остановившись на этой мысли, девушка поспешила к себе в комнату.

Лоиса совсем забыла о служанке. Войдя в комнату, она обнаружила ее у открытого окна. Вой урагана стихал, и шторм как будто шел на убыль, но ее поразил какой-то неясный звук,

похожий на безнадежный стон. Соленый ветер дохнул на нее из окна.

Раздраженная своими заботами и всем происходящим в замке, Лоиса решительно подошла к окну, оттолкнула от него служанку и с силой захлопнула раму. Хотя ветер ослабел, в тучах по-прежнему сверкали молнии. При очередной вспышке Лоиса, наконец, увидела то, за чем уже давно наблюдала девушка.

Прямо на скалы замка несло корабли. Такие суда каботажных торговцев разбивались здесь и раньше, если во время шторма попадали в коварное прибрежное течение. Именно это течение было источником богатства и проклятий для Верлена.

По всей видимости, на скалы несло остатки большого флота. В свете молний Лоиса не увидела на кораблях ни одного человека, не заметила никаких попыток избежать неминуемой гибели. Корабли, словно призраки, неслись навстречу смерти, но моряков, похоже, это нисколько не волновало.

Люди Фалька уже выходили из ворот, с горящими факелами спеша на берег, — каждый хотел пожить. Хотя вся добыча принадлежала Фальку и сокрытие ее грозило виселицей, многим удавалось на берегу что-нибудь урвать — люди Верлена занимались привычным делом. Они ставили сети, чтобы ловить обломки, а заодно и людей, потерпевших кораблекрушение. Лоиса оттащила служанку от окна и закрыла ставни.

К ее удивлению, на лице девушки уже не было прежнего страха. В глубине ее темных глаз светились ум, воодушевление и нарастающая сила.

Склонив голову набок, служанка прислушивалась, словно пыталась разобрать что-то сквозь грохот волн. Лоисе стало совершенно ясно — в какой бы стране ни жила эта девушка до того, как волны выбросили ее на берег Верлена, она никогда не была простой солдатской девкой.

— Та, что долго жила в заточении, — неожиданно зазвучал глухой, но сильный и твердый голос. — Пришло время выбора. В эту ночь решается судьба стран и народов!

— Кто ты? — спросила Лоиса.

Девушка менялась на глазах. Нет, она не казалась чудовищем, способным по своей воле принимать образ зверя или птицы, что всякие болтуны приписывают колдуньям Эст-

карпа... Но то, что в ней было задавлено, почти вытравлено, вдруг ожило, пробудилось и вышло наружу.

— Кто я? Никто... ничто. Но грядет та, что сильнее меня. Сделаешь верный выбор, Лоиса, наследница Верлена, — будешь жить. Ошибешься — умрешь, как умирала я, по кусочкам, день за днем.

— Корабли... — Лоиса обернулась к окну.

Возможно ли, чтобы нашелся такой отчаянный завоеватель, который готов пожертвовать кораблями ради захвата маленького плацдарма на скалах, чтобы затем атаковать оттуда замок? Безумие! Корабли обречены, и едва ли кто из моряков доберется живым до берега, где их к тому же поджидают грабители Верлена.

— Корабли? — повторила девушка. — Там нет кораблей. Только жизнь или смерть. В тебе, Лоиса, есть что-то от нас. Докажи это — и ты победишь!

— Что-то от вас? Но кто ты?

— Я никто и ничто. Спроси лучше, кем я была, прежде чем ваши люди выловили меня из моря.

— Кем ты была? — как послушный ребенок повторила Лоиса.

— Я из Эсткарпа, женщина с побережья. Теперь ты поняла? Я владела Силой, покуда в зале, что под нами, ее не вырвали из меня гогочущие мужчины. Ибо Дар, которым владеют наши женщины, теряется, когда над нами совершается насилие. В Верлене увидели лишь мое женское тело, и здесь я потеряла все, что было моей жизнью. Я потеряла себя. Понимаешь ли ты, что значит потерять себя? — Она внимательно посмотрела на Лоису. — Я готова поверить, что понимаешь, ибо ты стремишься сохранить в себе то, что имеешь. Дар во мне угас, его затоптали, как затапывают тлеющие угольки в костре. Но зола еще осталась. Поэтому я знаю, что волны несут сюда ту, которая во много раз сильнее меня. От нее зависит наше будущее. И не только наше!

— Колдунья!

Лоиса не отшатнулась в страхе, напротив, она даже воодушевилась. О колдуньях Эсткарпа ходили легенды. Она внимательно выслушивала все рассказы об их чудесах, что доходили до Верлена с севера. Теперь Лоиса корила себя за упущенное время — почему так поздно узнала она об этой женщине?..

— Да, я колдунья. Так называют нас. Но не думай, Лоиса, что я смогу тебе чем-нибудь помочь. Теперь я всего лишь обуглившаяся головешка. Лучше ты сама собери всю свою волю и разум, чтобы помочь той, что грядет.

— Волю и разум! — Лоиса хрипло рассмеялась. — Есть у меня и то, и другое, но нет и не было власти! Ни один солдат не подчинится моему приказу, даже пальцем не двинет! Обратись лучше к Бетти. Когда отец доволен ею, она может оказать протекцию.

— Когда придет та, тебе нужно будет лишь воспользоваться случаем. — Девушка сняла с плеч платок и аккуратно свернула. Положив его на край ложа, она направилась к выходу. — Не упусти случая, Лоиса. Эту ночь можешь спать спокойно. Твой час еще не пробил.

Она быстро вышла. В растерянности Лоиса даже не сделала попытки удержать ее, а в комнате стало настолько пусто, словно девушка унесла отсюда последнюю искру жизни.

Не спеша Лоиса сняла свадебный наряд и, не глядя в зеркало, расплела волосы. Ей почему-то не хотелось смотреть в зеркало, все казалось, будто кто-то стоит у нее за спиной и подглядывает. С тех пор как Фальк стал хозяином Верлена, много грязных дел свершилось в большом зале замка. Но теперь Лоиса была полна решимости отомстить хотя бы за одно преступление, отомстить за эту женщину из Эскарпа.

Погрузившись в мрачные размышления, она совсем забыла, что сегодня канун ее свадьбы. Впервые за последние дни Лоиса не достала со дна сундука военное снаряжение, чтобы проверить его и помечтать.

Над морем завывал ветер, но волны уже не были такими высокими, как прежде. Спрятавшись от ветра, люди Фалька терпеливо ждали добычи. Корабли, так красиво выглядевшие из окна башни, с берега казались еще прекраснее.

Запахнув поплотнее плащ, Гунольд пристально вглядывался во мглу. Корабли не из Карстена. Значит, кораблекрушение только на руку герцогству. Гунольд был уверен, что они станут свидетелями гибели вражеского флота. Как все удачно складывается! Ему выпала возможность проследить за действиями Фалька в таких обстоятельствах. По слухам, благодаря ма-родерству в Верлене скопились огромные богатства. Раз уж Ивиан женится на этой затравленной девке, он вправе потре-

бовать отчета обо всех сокровищах. Гунольд явно повезло — он все увидит собственными глазами и доложит лично герцогу.

Стало уже очевидным, что корабли обречены и не смогут миновать рифов. Люди Фалька дружно высыпали из укрытий и принялись устанавливать на берегу фонари. Если эти дураки на кораблях примут их за маяки — тем лучше. Они только сэкономят им время!

Свет фонарей выхватил из мрака нос первого корабля, волны неумолимо несли его на берег, где мародеры спорили о том, в каком именно месте он разобьется. Высоко задрал нос, корабль поднялся на гребне волны и упал днищем на камни. И вдруг — исчез!

Люди на берегу остолбенели от неожиданности. Они были совершенно уверены, что прямо на их глазах корабль разбился и его обломки плывут в сети. Но сети были пусты, только ветер свистел в них. Ни корабля, ни обломков...

Никто на берегу не мог сделать ни шагу, люди не верили своим глазам, а тем временем приближался второй корабль. Он шел прямо на скалу, где стояли Гунольд и Фальк, словно его направлял невидимый рулевой, ведь у снастей никого не было, и палуба пуста.

Снова волны подняли прекрасный корабль, чтобы обрушить его на острые скалы. На этот раз судно было так близко к берегу, что Гунольду не составило бы труда прыгнуть на пустынную палубу. Нос корабля задирался все выше и выше, резной фантастический зверь на носу поднял к небу оскаленную пасть. И — вниз! Вода закипела...

Но и этот корабль исчез!

Гунольд схватил Фалька за плечо и увидел на его побледневшем лице маску невероятного ужаса. Появился третий корабль, но люди Верлена с дикими криками ринулись прочь. Брошенные на берегу фонари освещали расставленные сети, в которые, помимо грязной пены, не попало в этот раз ничего.

Чуть позже за сеть ухватилась чья-то рука, она вцепилась в нее отчаянной мертвой хваткой. Волны перекачивали тело, но унести в море уже не могли — сеть была закреплена надежно. Затем, отдышавшись, полумертвый, избитый о камни пловец ползком выбрался на пляж, распростерся на песке и затих...

Глава 3

ПЛЕННАЯ КОЛДУНЯ

Все обитатели Верлена решили, что исчезнувшие корабли — не что иное, как насланное демонами наваждение. Даже на следующее утро Фальку вряд ли удалось бы заставить своих людей выйти на берег. Да он и не приказывал им, не рискуя лишним раз испытывать границы своей власти.

Все формальности с брачным договором он хотел завершить прежде, чем слухи о случившемся докатятся до Карса и послужат герцогу предлогом для отказа от наследницы Верлена. А чтобы хоть как-то отвлечь его послов от суеверных страхов, Фальк повел их в сокровищницу. Всем троим он сделал дорогие подарки, самому же герцогу, в знак восхищения его воинской доблестью, владыка Верлена просил преподнести от своего имени меч и ножны, усыпанные драгоценными камнями. Постоянно помня о ночном кошмаре, Фальк покрывался холодным потом и все время боролся с собой, чтобы не отдать приказа обыскать все закоулки и темные углы в замке.

От него не ускользнуло, что посланцы герцога избегают говорить о ночном происшествии, но оставалось только гадать — хорошо это или плохо. Однако примерно за час до брачной церемонии, когда они расположились в покоях Фалька, Гунольд вдруг извлек из своего подбитого мехом плаща какую-то вещицу. Он осторожно поставил ее на подоконник поближе к свету.

Тяжело пыхтя и придерживая руками живот, Сирик наклонился, с любопытством ее разглядывая.

— Что это, маршал? Зачем отобрали игрушку у деревенского мальчишки? — спросил он, отдуваясь.

Гунольд поднял на ладони грубо выструганный игрушечный кораблик с обломанной палочкой вместо мачты.

— Это, Святейший, могучий корабль! — ласково сказал он. — Один из трех, что разбились нынче ночью под стенами замка. Ты прав, Сирик, это игрушка, только мы в такие игры не играем. Именем Карстена я требую от барона Фалька ответа! Что за дела у него с исчадиями тьмы — колдуньями Эсткарпа?

Фальк напрягся, лицо его побледнело, а затем побагровело от прилива крови. С изумлением глядя на деревянный кораблик, он огромным усилием воли подавил гнев, понимая, что если сейчас сорвется — то все пропало.

— Разве послал бы я на берег своих людей собирать обломки такого кораблика? — Фальк старался сохранить видимость спокойствия. — Ты, вероятно, нашел эту штуку на берегу сегодня утром. Но с чего ты решил, что эта щепка и давешние корабли — одно и то же, да еще связал их с колдовством Эсткарпа?

— Да, я подобрал это на песке, — согласился Гунольд. — Но я давно знаю про колдовские наваждения, а поэтому прошел по берегу со своими людьми, и будь уверен: то, что мы нашли, — настоящее сокровище, не чета тому, что ты показывал нам утром. Эй, Марк, Джо!

Вошли два оруженосца и ввели связанную женщину, к которой оба, это было заметно, относились с большой опаской.

— Вот тебе флот! — Гунольд бросил кораблик Фальку. — А вот тебе человек, который, если я не ошибаюсь, и построил его!

Пленники, выброшенные волнами на берег, владыке Верлена были не в диковинку. С пленницами он тоже долго не возился, и дело, как правило, заканчивалось всегда одним и тем же. Похоже, гроза миновала, к Фальку вернулась его самоуверенность.

— Итак, — улыбаясь в предвкушении забавы, он откинулся на спинку кресла, — тебе попалась колдунья! — С видом знатока он окинул женщину взглядом. Кожа да кости, но, несмотря на это, в ней чувствовалась сила. Можно и поразвлечься. Может, Гунольд сам пожелает укротить ее? Хотя колдуньи и не красавицы... А эта вообще выглядит так, словно волны носили ее по морю целый месяц. — Он пригляделся к обрывкам ее одежды, что едва прикрывали тело, покрытое белым налетом высушенной соли.

«Такие кожаные куртки надевают под кольчугу, — подумал он. — Значит, у нее было оружие? — Фальк поежился. — Колдунья в кольчуге и в придачу призрачный флот! Неужели Эсткарп идет походом на Верлен? У колдуний с ним старые счета. Но ведь с севера не поступало никаких тревожных известий. Есть над чем подумать... Но потом, потом. Сейчас все

внимание на Гунольда. Как бы в последний момент не поссориться с герцогом».

Фальк старательно избегал взгляда женщины, но при всем том он чувствовал себя хозяином положения.

— Дорогой маршал, похоже, в Карсе не знают, что колдуньи силой взгляда способны подавить волю человека. Как я вижу, твои оруженосцы не приняли надлежащих мер предосторожности.

— А ты, похоже, хорошо знаком с колдуньями?

«Осторожнее, — подумал Фальк. — Гунольд стал правой рукой Ивиана благодаря не только мечу, и спорить с ним не стоит. Пусть увидит, что в Верлене нет предателей и болванов».

— Просто Эсткарп не впервые платит дань нашим скалам, — улыбнулся Фальк.

Увидев его улыбку, Гунольд тотчас распорядился:

— Эй, Марк! Набрось-ка плащ ей на голову.

Женщина стояла неподвижно. С тех пор как ее привели, она не проронила ни слова. Может, от длительного пребывания в воде или от удара о камни она еще не пришла в себя и находится в полубессознательном состоянии? Но люди Верлена не теряли бдительности, ибо эта женщина не кричала, не просила пощады и не сопротивлялась попусту. Как только ей на голову накинули плащ, Фальк придвинулся поближе. Его слова были обращены к сидящим вокруг мужчинам, хотя на самом деле они адресовались только женщине. По ее реакции Фальк хотел убедиться в правильности своего предположения.

— Разве маршалу не известно, как можно обезвредить колдунью? Это очень просто! И даже немножко приятно... — С видимым удовольствием он пустился в непристойные объяснения.

Сирик расхохотался. Обеими руками он держался за трясущийся живот. Гунольд тоже наконец улыбнулся.

— У вас в Верлене весьма изысканные развлечения.

Один только Дуарт, казалось, не разделял общего веселья.

Опустив глаза, он молча теребил пальцы, но вскоре и на его бледных щеках, которые скрывала коротко стриженная седая борода, проступила краска.

Женщина с плащом на голове стояла неподвижно и не издавала ни звука.

— Уведите ее, — приказал Фальк. — Пусть сенешаль при-
смотрит. Мы еще поразвлекаемся с ней. Всему свое время. —
Он опять стал радушным хозяином, перестав опасаться за
свое положение. — Что же, согласно воле герцога, приступим
к брачному договору.

Фальк терпеливо ждал. Если бы хоть кто-нибудь знал,
с каким нетерпением жаждал он услышать заключительные
слова, которые должен был произнести Гунольд. Даже тогда,
когда Лоиса, положив руки на рукоять топора, будет сто-
ять перед алтарем редко посещаемой часовни Верлена, даже
когда Сирик, таясь, будет произносить положенное
по обряду, Гунольд может еще именем герцога отказаться
от этого брака. Но если Лоиса все-таки станет герцогиней
Карстена — ничто не помешает Фальку осуществить свой
план. Он вынашивал его долго и рассчитал на много ходов
вперед.

— Да-да, — Сирик запыхтел и тяжело встал, поправляя
рясу. — Бракосочетание... Не будем томить невесту, Дуарт...
Эх, молодость, горячая кровь... Да-да... Бракосочетание!

«Теперь все у меня в руках, — подумал Сирик удовлетво-
ренно. — А этому лупоглазому солдафону нечего высказывать.
Другое дело благородный Дуарт. Только ему и приличествует
держат топор от имени своего повелителя. Это он, Сирик,
посоветовал герцогу послать Дуарта. Ивиан все понял и тепло
попрощался с ним перед отъездом из Карса. Скоро Ивиан
поймет и то... А пожалуй, уже понял, что в союзе с Братством
Храма и при поддержке древних родов Карстена ему незачем
якшаться с бунтовщиками вроде Гунольда. Пусть этот брак оз-
наменует собой начало конца Гунольда!»

Похолодало. Лоиса быстро уходила по галерее главного
зала. Она терпеливо выслушала все заздравные речи, но ее
тошнило от этих велеречивых пожеланий счастья. Какое там
счастье... Ей не нужно ничего, кроме свободы!

Захлопнув за собой дверь, она закрыла ее на все три засова.
Теперь, чтобы проникнуть сюда, понадобился бы хороший
таран. Лоиса принялась за работу. Первым делом она сняла
с себя все украшения. Свадебный наряд — долой! Расстелив
на полу платок, она стояла босиком перед зеркальным щитом,
слишком возбужденная, чтобы чувствовать холод, идущий от

каменных плит. Тяжелые распущенные волосы сбегали по ее плечам до обнаженных бедер.

Сначала Лоиса отрезала их на глазок, безжалостно работая ножницами, и волосы, прядь за прядью, бесшумно падали на платок. Затем, более осторожно, девушка подровняла стрижку так, чтобы волос не было видно из-под шлема. Теперь пригодились и наставления Бетти. С большим тщанием Лоиса подчернила сажей белесые брови и короткие ресницы, она так увлеклась деталями, что забыла на миг о целом. Отступив от зеркала, девушка внимательно оглядела свое отражение и просто поразилась происшедшим с ее лицом переменам.

Теперь Лоиса чувствовала себя уверенней и не сомневалась, что ей удастся пройти через главный зал никем не узанной. Она подошла к ложу и стала облачаться в военное снаряжение. Затянув на поясе португепю, она уже нагнулась за седельными сумками, но неожиданно ее рука остановилась. Что-то мешало ей немедленно покинуть Верлен. Весь день, пока длилась брачная церемония, она терпела, и только мысль о бегстве помогала ей держаться. Она так ждала этого вечера, понимая, что для прикрытия ее бегства ничего лучше, чем свадебный пир, и придумать нельзя — весь замок будет кутить, и вряд ли караульные устоят перед хмельным соблазном. А кроме того, она нашла потайной ход!

Но что-то не давало ей уйти, заставляло терять драгоценное время, что-то неодолимо тянуло ее на галерею главного зала, где кипел свадебный пир... Помимо своей воли, Лоиса ринулась к двери.

Что там говорила служанка?.. Кто-то грядет на крыльях бури... Не уппусти случая, Лоиса, наследница Верлена! Вот он, ее случай! Она не упустит его! Она употребит всю свою хитрость, всю осторожность, выработанные за долгие годы унижений в замке Фалька.

Девушка бросилась не в потайной ход, о котором Фальк и его люди даже не подозревали, а в дверь, ведущую к главному залу. Не в силах бороться с этим чувством, Лоиса не заметила, как ее руки сами отодвинули засовы. И вот уже ее каблуки стучат по лестнице на галерею...

Тепло от очага внизу сюда не доходило; даже голосов нельзя было разобрать. Пирующие ели, пили, и похоже, скоро они пе-

рейдут к иным развлечениям. Лоиса вздрогнула от отвращения, но не двинулась с места. Она не отрывала взгляда от главного стола и сидящих за ним людей, словно ей было важно не пропустить ни одного их жеста.

В часовне Верлена Сирик показался Лоисе весьма величественным. А может, это ряса священника преобразила его на время. Теперь же он являл собою сплющенное пузо и все еще отправлял себе в рот содержимое бесконечных блюд и подносов, в то время как его сотрапезники давно насытились и только пили.

Покуда Лоиса не ушла из-за стола, любовнице отца там не было места, и Бетти это прекрасно знала. Фальк настоял на соблюдении всех приличий. Но сейчас Бетти торжествовала. С богатой брошью на груди — той самой, что Лоиса дала ей в сокровищнице, — она вилась у резного подлокотника высокого кресла Фалька и любезничала с ним. Поскольку Лоиса почти ничего не слышала, ее зрение обострилось. От ее внимания не ускользнуло, как Бетти зыркает по сторонам и строит глазки Гунольду, не упуская случая выставить на всеобщее обозрение свои белые плечи и грудь, соблазнительно выглядывающие из открытого красного платья.

Дуарт сидел на краешке кресла, погружившись в какие-то мрачные размышления. Он с таким выражением смотрел на свой кубок, словно на дне его увидел какое-то жуткое предзнаменование. Простой покрой его фиолетового камзола и старческая худоба придавали ему вид лекаря в этой расфуфыренной компании. Он явно не разделял общего веселья.

«Нужно уходить, и немедленно!» — спохватилась Лоиса. В дорожном плаще, прикрывающем кожаную куртку и кольчугу, смутной тенью промелькнет она в затуманенных глазах пирующих и какое-то время сможет чувствовать себя в безопасности. Правда, сейчас холодно, но ничего, скоро весна! Лоиса сделала пару шагов, но немой приказ, который привел ее сюда, опять вернул ее к перилам галереи.

Гунольд наклонился, что-то говоря Фальку. Видный мужчина, не зря Бетти поглядывает на него. Лисье лицо, такие же, как у отца, рыжие волосы. Маршал что-то быстро показал Фальку пальцами, и до слуха Лоисы приглушенным эхом дошел дикий хохот владыки Верлена.

Лицо Бетти вдруг исказилось, она схватила Фалька за рукав, и губы ее зашевелились, а тот даже головы не повернул, но с такой силой оттолкнул любовницу от стола, что она упала на каменный пол позади кресла.

Дуарт поставил кубок и встал. Застегнув меховой воротник плаща, он что-то мрачно сказал, и Лоиса поняла — старик против чего-то возражает. Затем, увидев, как Дуарт отвернулся от стола, девушка догадалась, что он нарвался на очередную пошлость своих сотрапезников.

Гунольд засмеялся, а Фальк ударил кулаком по столу, призывая налить вина. Тем временем старейший из посланцев герцога, петляя между столов, направился к выходу на лестницу, ведущую в отведенные ему покои.

У центральной двери вдруг засуетились. В зал вошли воины в кольчугах и встали в две шеренги, образуя проход к возвышению, на котором стоял главный стол. Шум несколько стих, когда ввели пленника, руки которого были связаны за спиной. Лоисе сначала показалось, что это мужчина. Но зачем у него на голове мешок? Не видя дороги, он спотыкался, а люди вокруг гоготали.

Проведя рукой по столу, Фальк очистил место между собой и Гунольдом. При этом он смахнул со стола недопитый кубок Дуарта, опрокинув его на Сирика, который начал было возмущаться, но никто не обратил на него внимания. Фальк достал из кармана две монеты, подбросил — они упали на стол вверх надписями. Фальк подвинул их Гунольду, предоставляя ему право бросать первым. С интересом разглядев монеты, Гунольд отпустил какую-то шутку и бросил — выпало два профиля. Теперь была очередь Фалька. Несмотря на недавнюю грубость своего любовника, Бетти подползла поближе и не сводила глаз с вертящихся в воздухе монет. Когда они упали, женщина прижалась к креслу Фалька, словно результат придал ей сил и отваги, а Фальк рассмеялся и шутливо отсалютовал своему гостю.

Гунольд встал и направился в конец стола. Воины вокруг пленника расступились. Не снимая с его головы мешка, Гунольд принялся расстегивать ремни его кожаной куртки, затем рывком сдернул ее и обнажил пленника по пояс. От неожиданности все присутствующие ахнули.

Под взглядами ухмыляющихся мужчин Гунольд схватил женщину за плечо. С неожиданной для его телосложения силой он легко поднял женщину на руки и двинулся к лестнице. Видя, что понаблюдать за забавой не удастся, Фальк выразил недовольство, и многие подданные поддержали его, но Гунольд отрицательно покачал головой и не остановился.

Почему-то из всех жертв владыки Верлена, которых Лоиса столько перевидала на своем веку, эту нужно было непременно спасти. Девушка с тревогой подумала о том, что ей не справиться с Гунольдом, а тем более с Фальком, если тот решит отправиться следом, но что-то неодолимо заставляло ее действовать вопреки здравому смыслу.

Лоиса поспешила в свою комнату. В мужской одежде бежать оказалось значительно легче. Снова она заперла дверь на все три засова и, сбросив плащ, стремительно подошла к зеркальному щиту. Не взглянув на свое отражение, она решительно отодвинула щит в сторону, открывая вход в систему потайных ходов замка, которую обнаружила три года назад.

Она побывала здесь много раз, исследуя каменные лабиринты, и сейчас, очутившись в темноте, напрягла память, определяя нужное направление.

Спускаясь, Лоиса считала ступеньки: еще немного вниз — и крутой поворот направо. Чтобы все-таки не сбиться с пути, девушка придерживалась рукой за стену.

Опять ступеньки, но на этот раз они ведут вверх. Вот круглое пятно света — это слуховая дыра. Здесь жилая комната, и в ней кто-то есть. Лоиса привстала на цыпочки и заглянула — все верно, это одна из опочивален.

Дуарт, показавшийся ей еще более изможденным и дряхлым, прошел мимо высокого ложа к камину и протянул руки к огню. Теперь на нем не было плаща с меховым воротником. Губы его шевелились, словно он в бессильной ярости проклинал кого-то.

Лоиса двинулась дальше. Следующая слуховая дыра была темной, и она решила, что это покои Сирика, который еще не вышел из-за стола. Лоиса поспешила к следующему отверстию, откуда бил золотой луч света. Не сомневаясь в том, что она достигла своей цели, и даже не заглянув в дыру, Лоиса принялась открывать потайную дверь.

Послышалось невнятное бормотание... Звуки борьбы... Всем телом Лоиса налегла на скрытую пружину, но механизм заело. Об этих ходах в замке кроме нее никто не знал, и, конечно, никому не было нужды поддерживать двери в рабочем состоянии. Проход был узким. Упершись руками в противоположную стену, Лоиса налегла на дверь спиной; та внезапно подалась, и девушка едва устояла на ногах, ухватившись за косяк. Она развернулась и выхватила меч с ловкостью, которую приобрела за долгие годы тайных упражнений.

Гунольд, борющийся на ложе со своей отчаянно сопротивляющейся жертвой, поднял на Лоису изумленное лицо. С быстротой кошки маршал отскочил к дальней стене комнаты и схватил висевшую на стуле португую с оружием.

Глава 4

ПОТАЙНЫЕ ХОДЫ

Лоиса не сразу сообразила, что в воинском облачении Гунольд принимает ее за мужчину, явившегося помешать его забаве. Держа в руке обнаженный меч, он против всяких правил выхватил из кобуры самострел, но тут его внимание переключилось на женщину, которая, несмотря на связанные руки, ползла на него по смятой постели.

Повинуясь скорее инстинкту, чем рассудку, Лоиса схватила попавшийся под руку камзол Гунольда и швырнула ему в лицо. Это спасло ей жизнь. Рука Гунольда дрогнула, и игла вонзилась в стойку ложа, совсем рядом с девушкой.

Изрыгая проклятия, Гунольд отшвырнул камзол и резко повернулся к женщине, но та уже стояла лицом к нему, пристально глядя в глаза маршала. Когда он обернулся, она даже не шевельнулась, только вдруг разжала губы, из ее рта вывалился овальный предмет и закачался, повиснув на короткой цепочке, которую женщина сжимала в зубах.

Гунольд остолбенел. Его полузакрытые глаза начали блуждать из стороны в сторону, следя за качающимся на цепочке дымчатым камнем.

Лоиса тоже застыла у ложа, наблюдая за происходящим — такое могло привидеться только в кошмарном сне. Женщина повернулась спиной к Лоисе, и Гунольд, не сводя глаз с камня,

Под взглядами ухмыляющихся мужчин Гунольд схватил женщину за плечо. С неожиданной для его телосложения силой он легко поднял женщину на руки и двинулся к лестнице. Видя, что понаблюдать за забавой не удастся, Фальк выразил недовольство, и многие подданные поддержали его, но Гунольд отрицательно покачал головой и не остановился.

Почему-то из всех жертв владыки Верлена, которых Лоиса столько перевидала на своем веку, эту нужно было непременно спасти. Девушка с тревогой подумала о том, что ей не справиться с Гунольдом, а тем более с Фальком, если тот решит отправиться следом, но что-то неодолимо заставляло ее действовать вопреки здравому смыслу.

Лоиса поспешила в свою комнату. В мужской одежде бежать оказалось значительно легче. Снова она заперла дверь на все три засова и, сбросив плащ, стремительно подошла к зеркальному щиту. Не взглянув на свое отражение, она решительно отодвинула щит в сторону, открывая вход в систему потайных ходов замка, которую обнаружила три года назад.

Она побывала здесь много раз, исследуя каменные лабиринты, и сейчас, очутившись в темноте, напрягла память, определяя нужное направление.

Спускаясь, Лоиса считала ступеньки: еще немного вниз — и крутой поворот направо. Чтобы все-таки не сбиться с пути, девушка придерживалась рукой за стену.

Опять ступеньки, но на этот раз они ведут вверх. Вот круглое пятно света — это слуховая дыра. Здесь жилая комната, и в ней кто-то есть. Лоиса привстала на цыпочки и заглянула — все верно, это одна из опочивален.

Дуарт, показавшийся ей еще более изможденным и дряхлым, прошел мимо высокого ложа к камину и протянул руки к огню. Теперь на нем не было плаща с меховым воротником. Губы его шевелились, словно он в бессильной ярости проклинал кого-то.

Лоиса двинулась дальше. Следующая слуховая дыра была темной, и она решила, что это покои Сирика, который еще не выпел из-за стола. Лоиса поспешила к следующему отверстию, откуда бил золотой луч света. Не сомневаясь в том, что она достигла своей цели, и даже не заглянув в дыру, Лоиса принялась открывать потайную дверь.

Послышалось невнятное бормотание... Звуки борьбы... Всем телом Лоиса налегла на скрытую пружину, но механизм заело. Об этих ходах в замке кроме нее никто не знал, и, конечно, никому не было нужды поддерживать двери в рабочем состоянии. Проход был узким. Упершись руками в противоположную стену, Лоиса налегла на дверь спиной; та внезапно подалась, и девушка едва устояла на ногах, ухватившись за косяк. Она развернулась и выхватила меч с ловкостью, которую приобрела за долгие годы тайных упражнений.

Гунольд, борющийся на ложе со своей отчаянно сопротивляющейся жертвой, поднял на Лоису изумленное лицо. С быстрой кошки маршал отскочил к дальней стене комнаты и схватил висевшую на стуле португую с оружием.

Глава 4

ПОТАЙНЫЕ ХОДЫ

Лоиса не сразу сообразила, что в воинском облачении Гунольд принимает ее за мужчину, явившегося помешать его забаве. Держа в руке обнаженный меч, он против всяких правил выхватил из кобуры самострел, но тут его внимание переключилось на женщину, которая, несмотря на связанные руки, ползла на него по смятой постели.

Повинуясь скорее инстинкту, чем рассудку, Лоиса схватила попавшийся под руку камзол Гунольда и швырнула ему в лицо. Это спасло ей жизнь. Рука Гунольда дрогнула, и игла вонзилась в стойку ложа, совсем рядом с девушкой.

Изрыгая проклятия, Гунольд отшвырнул камзол и резко повернулся к женщине, но та уже стояла лицом к нему, пристально глядя в глаза маршала. Когда он обернулся, она даже не шевельнулась, только вдруг разжала губы, из ее рта вывалился овальный предмет и закачался, повиснув на короткой цепочке, которую женщина сжимала в зубах.

Гунольд остолбенел. Его полузакрытые глаза начали блуждать из стороны в сторону, следя за качающимся на цепочке дымчатым камнем.

Лоиса тоже застыла у ложа, наблюдая за происходящим — такое могло привидеться только в кошмарном сне. Женщина повернулась спиной к Лоисе, и Гунольд, не сводя глаз с камня,

повернулся следом за ней. Глаза Гунольда остановились лишь тогда, когда перестал раскачиваться камень, нижняя челюсть маршала отвисла, на лбу выступили капельки пота.

То чувство, которое привело сюда Лоису, по-прежнему руководило ею, все время побуждая исполнять некую, строго отведенную ей роль в этой чужой игре. Девушка молча перерезала мечом веревку, туго стягивающую руки женщины, обрывки упали на пол, оставив после себя багровые рубцы на запястьях, а женщина тяжело уронила руки, словно они больше не повиновались ей.

В это время зашевелился Гунольд — его рука, держащая самострел, стала разворачиваться с таким невероятным напряжением, будто на нее давила огромная сила. Маршал взмок от пота, из приоткрывшегося рта на грудь текли слюны.

В нем жили, казалось, только глаза — они горели ненавистью и ужасом, но отвести их от дымчатого камня он не мог. Рука с самострелом медленно разворачивалась... Плечи маршала тряслись. Стоя в нескольких шагах от него, Лоиса физически ощущала все напряжение этой безмолвной борьбы. Гунольд уже не хотел убивать — он желал только спастись, но спасения для него не было.

Ствол самострела уперся, наконец, в горло, и Гунольд тихо взвыл, как зверь, пойманный в капкан. Щелкнул курок. Из горла хлынула кровь. Гунольд повалился вперед, и женщина отскочила в сторону, оттолкнув Лоису. Маршал рухнул на колени перед ложем и уткнулся головой в пол, словно еще умолял о пощаде, в предсмертной агонии цепляясь руками за покрывало...

Впервые за все это время женщина повернулась лицом к Лоисе. Она попыталась поднять распухшие руки, чтобы взять камень, но не смогла, и тогда снова всосала его в рот, а затем повелительно указала взглядом на проем в стене.

Всю свою жизнь Лоиса жадно слушала рассказы о колдуньях Эсткарпа. Но то были сказки о дальних странах, в которые можно верить, а можно и не верить. Еще сегодня, когда Бетти, помогавшая ей одеваться к брачной церемонии, красочно описывала исчезновение кораблей прошлой ночью, Лоиса была настолько поглощена своими планами и опасениями, что не придавала ее рассказу никакого значения.

Но увиденное сейчас перевернуло все ее представления о женщинах Эсткарпа и их колдовстве. От прикосновения колдуньи Лоиса вздрогнула и шагнула в потайной ход, желая в тот миг лишь одного — поскорее оказаться подальше от этой женщины. Но та решительно двинулась следом, и девушка поняла — у колдуньи еще много сил, несмотря на то, как с ней обращались в плену.

Лоиса торопилась уйти отсюда побыстрее еще и потому, что опасалась появления отца. Ненасытный Фальк мог ворваться в покои Гунольда в любую минуту. Но все же она не пожалела времени и усилий, чтобы закрыть потайную дверь. Почувствовав в темноте прикосновение безвольной руки колдуньи, Лоиса содрогнулась всем телом, но несмотря на это ухватила колдунью за пояс и повлекла за собой.

Они направились в ее комнату. Время дорого. Вдруг Фальку захочется проведать маршала? Или войдет камердинер Гунольда? А может, отцу взбредет в голову послать за Лоисой? Нет, этого она ждать не будет и еще до рассвета покинет Верлен — с колдуньей или без нее! Утвердившись в этом решении, Лоиса почувствовала себя уверенней.

Однако, оказавшись снова в освещенной комнате, Лоиса не смогла в угоду своему рассудку, оставаться равнодушной к мукам своей спутницы. Она обмыла и перевязала мягкой тканью опухшие руки колдуньи, а затем подобрала для нее кое-что из своей одежды.

Немного погодя колдунья смогла наконец поднести руки к губам, и камень скользнул изо рта в ее горсть. Женщина демонстративно отстранилась, давая понять, что Лоисе нельзя касаться камня, но девушка и так не сделала бы этого ни за какие коврижки.

— Мне на шею, — это были первые слова колдуньи.

Лоиса молча застегнула цепочку у нее на шее, заметив, что волосы колдуньи обрезаны так же коротко и неаккуратно, как у нее самой — возможно, с той же целью...

— Благодарю тебя, наследница Верлена, — произнесла колдунья хриплым голосом. — А теперь, прошу, глоток воды.

Лоиса поднесла чашку к ее губам.

— Благодарить меня не за что, — сказала она, набравшись храбрости. — Как я посмотрю, твое оружие посильнее любой стали!

Колдунья смотрела на Лоису поверх чашки, глаза ее смеялись, и девушка почувствовала вдруг, что ей уже не так страшно, хотя рядом с этой женщиной она по-прежнему казалась себе слишком неуверенной, слишком юной и неуклюжей.

— Я не смогла бы применить свое оружие, если бы не твое появление. Одна я бы не рискнула — нельзя, чтобы оно попало в чужие руки. Даже под страхом смерти. Но довольно об этом... — Колдунья осмотрела повязки на запястьях, затем окинула взглядом комнату Лоисы и заметила на полу платок с горкой остриженных волос и седельные сумки на сундуке.

— Похоже, дорогая герцогиня, ты не собираешься отправляться в свадебное путешествие.

То ли твердый голос колдуньи располагал к себе, то ли колдовская сила подействовала, но Лоиса открылась ей.

— Никакая я не герцогиня Карстена, даром что произнесли надо мной все положенные слова и посланцы Ивиана преклонили предо мной колени. — Лоиса улыбнулась, вспомнив, каких мучений это стоило Сирику. — Я не выбирала Ивиана и согласилась на это бракосочетание лишь для того, чтобы бежать из Верлена.

— Но ты пришла мне на помощь. — Колдунья пристально посмотрела на Лоису большими темными глазами, и от этого взгляда девушке стало не по себе.

— Я не могла поступить иначе! — призналась она. — Что-то не давало мне уйти. Твое колдовство, госпожа?

— Как знать, как знать. Я обращалась ко всем, кто здесь способен услышать меня. Похоже, наследница Верлена, нас объединяет нечто большее, чем просто опасность нашего положения. Точнее, — колдунья улыбнулась, — учитывая изменения в твоей внешности, наследник Верлена.

— Зови меня Брайант. Простой наемник. — Лоиса выложила заранее придуманную легенду.

— И куда же ты собираешься, Брайант? В Карс? Или на север? Там наемники скоро понадобятся.

— Эсткарп воюет?

— Лучше сказать, его вынуждают воевать. — Колдунья встала. — Сейчас некогда. Поговорим потом, когда будем подальше от этих стен. Ты ведь знаешь, как отсюда выбраться?

Лоиса вскинула седельные сумки на плечо и натянула на шлем капюшон плаща. Она собралась гасить свет, но колду-

няя указала ей на платок, лежащий на полу. Ругая себя за рассеянность, Лоиса сгребла платок и стряхнула волосы в догорающий огонь камина.

— Вот так-то лучше, — сказала женщина. — Не оставляй ничего, за что тебя могут потянуть обратно. В волосах сила! — Она обернулась к среднему окну. — Оно выходит на море?

— Да.

— Оставим ложный след, Брайант. Пусть смерть Лоисы прикроет нас.

Лоиса быстро открыла окно и бросила свое свадебное платье вниз на скалы. Колдунья подсказала также привязать к подоконнику и спустить из окна скрученную простыню.

— Не думаю, — сказала она, — что, увидев открытое окно, они начнут доискиваться другого выхода из комнаты.

Наконец они юркнули в потайную дверь за зеркальным щитом. Теперь их путь лежал во тьме. Лоиса посоветовала женщине держаться правой стены и спускаться поосторожнее. Пальцы их касались шершавых плит, и вскоре они почувствовали, что стена стала влажной. Пахло морем и затхлой гнилью. Вниз, вниз... Послышался приглушенный плеск волн. Лоиса считала ступени.

— Вот! Здесь проход к одному странному месту.

— Странному?

— Да. Я всегда старалась здесь не задерживаться, но сейчас, боюсь, придется. Нам нужно дождаться рассвета, иначе не видно дороги.

Сделав над собой усилие, Лоиса осторожно двинулась вперед. Она бывала в этом месте трижды и всякий раз испытывала необъяснимые страх и тревогу. Вот и вновь она ощутила нарастающую угрозу, сулящую, казалось, нечто худшее, чем просто смерть. Но девушка шла вперед не останавливаясь и увлекала за собой колдунью, чувствуя за спиной ее дыхание.

Вдруг колдунья еле слышно, будто боясь, что их могут подслушать, прошептала:

— Здесь Место Власти.

— Странное место, — пробормотала Лоиса. — Не нравится оно мне. Однако другого выхода из Верлена нет.

Они ничего не видели в темноте, но почувствовали, что узкий проход кончился. Лоиса уловила слабый луч света над

головой и решила, что в трещину пробивается свет утренней звезды.

Неожиданно она обнаружила и другой источник света, который сначала слабо мерцал, но становился все ярче, постепенно освещая подземелье, словно кто-то поднимал тяжелый занавес. Потом девушка услышала какое-то певучее бормотание, но слов не поняла; голос гулко отзывался в таинственном подземелье. Мутное круглое пятнышко двигалось у самого пола, разгораясь все ярче, и Лоиса догадалась наконец, что это светится камень колдуньи.

По всему телу вдруг побежали мурашки. Казалось, сам воздух здесь насыщен энергией. Лоисе остро захотелось чего-то, но чего — она не понимала. Попадая в это место раньше, Лоиса испытывала невероятный ужас и все же нарочно задерживалась здесь, заставляя себя бороться с ним. Сейчас страха не было, но ее охватило совершенно неведомое чувство, которому она не могла дать названия.

В свете камня Лоиса увидела колдунью: та раскачивалась из стороны в сторону с напряженным лицом и отстраненным взглядом, ее губы не переставая шевелились. Женщина словно просила о чем-то, спорила, заклинала. Кого? Лоиса поняла одно: они находятся во власти какой-то энергии, которая исходит буквально отовсюду — из-под скалы у них под ногами, от стен, словно нечто дремавшее здесь много столетий неожиданно пробудилось и набирало мощь.

Что же это? Лоиса тщетно всматривалась в окружающую мглу, уже едва рассеиваемую слабым светом дымчатого камня. Что скрывается здесь?

— Пора уходить! — твердо сказала колдунья. Ее темные глаза были широко раскрыты, руки безвольно опустились. — Это сильнее меня! Я не могу справиться. Здесь властвует древняя сила, людям ее не одолеть и не постичь. Здесь поклонялись богам, которым уже тысячи лет не воздвигают алтарей. Древние силы пробудились и могут восстать! Где выход? Нужно уходить, пока не поздно.

— Свет твоего камня поможет! — Лоиса прикрыла глаза, вспоминая дорогу. — Сюда! — Она решительно указала рукой.

По широким, грубо вырубленным и источенным временем ступеням, шаг за шагом, колдунья медленно поднималась

в указанном направлении. Свет ее камня, в самом деле, достаточно освещал их путь.

Наконец они добрались до пещеры, от которой начинался подъем, ведущий к выходу на поверхность. В неверном свете кристалла они рисковали свернуть себе шеи среди нагромождения камней, но о промедлении не могло быть и речи.

Опасения Лоисы оправдались — подъем оказался трудным. Она догадывалась, каких мучений стоило колдунье цепляться за камни едва действующими руками, хотя та не проронила ни звука. Лоиса, как могла, помогала женщине, подталкивая и подпирая ее в спину. Камни катились у них из-под ног, и обе каждую минуту рисковали рухнуть вниз. Наконец они выбрались наружу и в изнеможении повалились на жесткую траву, вдыхая соленый морской ветер и глядя на серое предрассветное небо.

— Поищем на берегу лодку или отправимся пешком к холмам? — спросила колдунья.

Лоиса села.

— Ни то, ни другое, — решительно сказала она. — Мы вышли к пастбищу, на котором в это время года пасут коней. Тут поблизости и лачуга, где хранится сбруя. Но ее обычно охраняют.

Колдунья улыбнулась.

— Если там один стражник, то вряд ли он сможет противостоять двум отчаянным женщинам. Покажи мне эту лачугу — и считай, что охраны там уже нет.

Они пересекли пастбище. Лоиса знала, что кони должны быть недалеко от лачуги, поскольку за два дня до шторма там разбросали каменную соль.

Над входом в лачугу горел фонарь. Неподалеку Лоиса увидела и боевых коней, специально выведенных для того, чтобы носить в битве тяжеловооруженного воина. Но где-то здесь должны были быть кони поменьше, с густой жесткой шерстью; они предназначались для охоты на холмах и были значительно выносливее тех, которым отдавал предпочтение Фальк.

Наконец Лоиса заметила как раз двух таких лошадок — словно они явились, повинаясь ее мысленному зову. Девушка сложила на землю седельные сумки и тихонько свистнула. К ее радости, лошадки послушно подошли. Они принюхивались друг к другу, длинные челки спадали им на глаза.

«Только бы они дали себя взнуздать!» — подумала она, обогнула лошадок и осторожно подошла к лачуге, которую, похоже, никто и не охранял. «Неужели караульный оставил свой пост и ушел пировать? — нахмурилась Лоиса. — Если Фальк узнает — охраннику несдобровать».

Она толкнула скрипучую дверь, и ей в нос ударил запах конского пота, кожаной сбруи, а также сильный дух деревенской медовухи. Три кружки крепкой медовухи валялись с ног даже Фалька. Лоиса нечаянно опрокинула ногой кувшин, и из горлышка медленно потекла густая жидкость. Стражник сладко храпел на соломенном тюфяке. Взяв две уздечки и два седла, которыми пользуются охотники, она выскользнула из хижины и затворила за собой дверь.

Лошадки спокойно позволили взнуздать и оседлать себя — Лоисе оставалось только покрепче затянуть ремни. Когда, вскочив в седла, они двинулись по единственной тропе, что вела из Верлена, колдунья спросила ее:

— Так куда же ты собираешься, наемник?

— В горы. — До мельчайших подробностей девушка продумала план бегства из замка, но теперь, сидя в седле, она не представляла себе, что делать дальше. Вырваться из стен Верлена казалось ей столь несбыточной мечтой, столь недостижимой целью, что все свои усилия Лоиса направила на решение этой задачи, особенно не задумываясь ни о чем другом. — Ты говоришь, Эсткарп воюет? — Прежде ей никогда не приходило в голову отправиться в страну, рассказы о которой навевали страх. Но теперь, когда рядом с ней настоящая колдунья из тех краев, почему бы и нет?

— Да, наемник, Эсткарп воюет. Но что ты скажешь о Карсе, герцогиня? Не желаешь ли взглянуть на свое герцогство и собственными глазами увидеть, от какого будущего ты отказалась?

От неожиданности Лоиса пустила свою лошадку в галоп, что было здесь совсем не безопасно.

— Карс? — переспросила она и задумалась.

Конечно, герцогиней она быть не желает, но, с другой стороны, Карс — это центр южных земель; к тому же, если понадобится помощь, там всегда можно отыскать своих родственников. А затеряться в таком большом городе простому наемнику — пара пустяков, и это сейчас самое важное. Больше

того, вздумай Фальк разыскивать ее, вряд ли ему придет в голову искать дочь в Карсе.

— Эсткарп немного подождет, — сказала колдунья. — Из Карстена исходит угроза, и я должна знать, что там замышляется.

Лоиса дала себя уговорить без всякого принуждения. Ей даже показалось, что она наконец нашла ту путеводную нить, следуя которой добьется всего, о чем только мечтала.

— В Карс так в Карс, — решила наследница Верлена.

Часть третья

КАРСТЕН

Глава 1

СКЛЕП ВОЛЬТА

Пять человек лежали на прибрежном песке небольшой бухты — один из них, с разбитой о камни головой, был мертв. День стоял жаркий, и солнце нещадно жгло полуобнаженные тела. Душный воздух был насыщен запахом гниющих водорослей.

Приподнявшись на локте, Саймон закашлялся. Его мучило. Он отполз чуть в сторону и выbleвал то, что еще оставалось в его желудке. Это привело его в чувство, и, справившись с головокружением, Саймон сел и осмотрел себя — все его тело было в синяках.

Мысли путались. Из всего происшедшего память сохранила лишь скудные обрывки. Кошмар начался бегством из Сулькара... Потом Магнус Осберик взорвал силовую установку, и взрыв не только стер с лица земли весь город, но и вызвал шторм, который разбросал по морю спасательные шлюпки с остатками гвардейцев.

Он вспомнил, как, очнувшись первый раз, насчитал три шлюпки, вышедшие из Сулькара, но потом началось что-то ужасное. Волны крутили их, как скорлупку, вертели и в конце концов выбросили на береговые скалы. Сколько все это продолжалось?..

Саймон растер ладонью лицо — оно было покрыто налетом соли, ресницы слипались, глаза открывались с трудом. Оглядевшись, он понял, что, кроме него, в живых осталось только трое.

До самого горизонта расстилалось спокойное море. Волны лениво катали по песку клочья спутанных водорослей. А позади, за спиной, возвышалась отвесная скала. Присмотревшись, Саймон обнаружил много трещин и решил, что здесь можно будет подняться, но пока он не испытывал ни малей-

шего желания карабкаться куда бы то ни было. Ему не хотелось даже шевелиться. После ледяной воды было так хорошо сидеть на солнышке и греться.

— Са-а...

Один из лежащих шевельнулся, и длинная рука отбросила в сторону пучок водорослей. Человек закашлялся, и его вывернуло наизнанку. Затем он поднял голову и тупо осмотрелся. Увидев Саймона, капитан гвардейцев Эсткарпа криво улыбнулся.

Встав на четвереньки, Корис по-крабьи отполз подальше от приборной полосы.

— На Горме говорят, — прохрипел он, — кому суждено кончить жизнь на плахе, тот ни за что не утонет. Похоже, мне уготована плаха. Древние знали, что говорили.

С трудом Корис подполз к лежащему рядом гвардейцу и перевернул безвольное тело на спину: лицо воина тоже было покрыто белым налетом соли, но грудь его ровно вздымалась и опускалась — значит, жив.

— Это Дживин, — сказал Корис. — Отличный всадник, — добавил он задумчиво.

Саймон истерически расхохотался, прижав кулаки к ноющему животу.

— Вот уж действительно, — выдавил он сквозь смех, — это сейчас самое ценное качество!

Но Корис осматривал уже другого гвардейца.

— Танстон!

Услышав это имя, Саймон обрадовался. За свою недолгую службу в Гвардии Эсткарпа он проникся глубоким уважением к этому младшему офицеру. Заставляя себя двигаться, он помог Корису оттащить подальше от воды двух еще не пришедших в сознание гвардейцев. Затем, цепляясь руками за скалу, он поднялся на ноги.

— Воды бы... — Ощущение покоя, охватившее Саймона после того, как он очнулся, прошло. Страшно хотелось пить, каждая клеточка его тела жаждала влаги. Он мечтал не только напиться, но и смыть с тела жгучую соль.

Задрав голову, Корис мрачно осматривал скалу. Выбраться из этой бухты можно было лишь двумя путями: либо попытаться обогнуть скалы вплавь, либо лезть в лоб на утес. Сай-

мона мутило от одной мысли снова войти в воду — и так он спасся каким-то чудом.

— Здесь нетрудно подняться, — сказал Корис, но вдруг слегка нахмурился. — Похоже, углубления в стене вырублены специально. Правда, очень давно... — Прижавшись грудью к скале, он привстал на цыпочки, поднял над головой длинные руки и уцепился пальцами за небольшой выступ. Тело его напряглось: он подтянулся и начал карабкаться вверх.

Кинув последний взгляд на отмель и на двух гвардейцев, лежащих на песке, Саймон полез за ним. Похоже, капитан был прав. Силами природы или людьми сделаны эти углубления; как бы то ни было, но, цепляясь за них руками и ногами, взбираться оказалось значительно легче. Поднявшись метров на десять, они добрались до карниза.

Сомнений не оставалось — карниз дело рук человеческих: отчетливо виднелись следы инструментов каменотеса. Здесь отвесная стена кончалась, и далее шел крутой подъем до самой вершины утеса, но это было все-таки лучше, чем карабкаться по отвесной стене, когда кружится голова и подгибаются колени.

Корис снова заговорил:

— Сможешь дальше один? Я посмотрю, как там Дживин и Танстон.

Саймон закивал, но тут же пожалел об этом и ухватился за скалу, пережидая, пока мир вокруг него перестанет качаться. Стиснув зубы, он полез вверх по откосу, большую часть пути проделывая на карачках, и остановился, лишь когда скала внезапно расступилась перед ним. Потирая израненные пальцы, он вглядывался в темноту пещеры. Дальше наверх пути не было. Оставалось надеяться, что в пещере есть другой выход.

— Саймон! — раздался тревожный окрик снизу.

Он с трудом спустился обратно на карниз и посмотрел вниз. Там, задрвав голову, стоял Корис, а рядом с ним — Танстон, поддерживающий Дживина. Саймон слабо помахал им рукой, и те с невероятными усилиями поволокли Дживина вверх, на карниз.

Саймон ждал, он не хотел входить в пещеру один. Казалось, мужество оставило его и силы иссякли. Но, едва над краем карниза показалась голова Кориса, Саймон снова воспрял духом и помог ему затащить Дживина.

— Здесь какая-то тайна, — сказал капитан. — Я тебя снизу не видел, пока ты не махнул рукой. Кто-то хорошо потрудился, чтобы скрыть вход в пещеру.

— Ты думаешь? — Саймон отмахнулся. — Да будь там хоть сокровища древних королей, они мне не нужны. Вот если бы вода...

— Вода! — эхом повторил Дживин. — Воды, капитан... — жадно попросил он, повернувшись к Корису.

— Воды пока нет, подожди немного.

В пещеру можно было залезть только на четвереньках. Обдирая кожу на плечах и боках, первым протиснулся Корис.

Узкий проход кончился, но свет почти не проникал сюда, и приходилось держаться руками за стены.

— Тупик! — Рука Саймона уперлась в скалу. Но он поспешил с выводами: сбоку сочился слабый свет, и они увидели, что узкий проход сворачивает направо.

Они ускорили шаг, и все-таки в конце прохода их ждало разочарование. Свет не становился ярче, и, выйдя на открытое место, они оказались в сумерках подземелья, а не на солнце.

Источник света настолько поглотил внимание Саймона, что он на время забыл о головной боли. Вдоль стены шел ряд круглых отверстий, похожих на иллюминаторы, и сначала Саймон не мог понять, почему они не видели их с берега, ведь окошечки явно выходят на море. Но затем он решил, что это, возможно, эффект материала, которым были забраны отверстия, — он едва пропускал солнечный свет.

Впрочем, света было вполне достаточно, чтобы увидеть хозяина этой пещеры, который сидел неподвижно на каменном троне, вырубленном прямо из скалы. Руки его лежали на широких подлокотниках, голова склонилась на грудь, и казалось, что он спит.

Лишь когда Дживин шумно вздохнул, будто сдерживая рыдание, Саймон сообразил, что они попали в склеп, и душная тишина пещеры начала давить так, словно они находились в заколоченном гробу.

Преодолевая волнение и благоговейный страх, Саймон приблизился к подножию каменного трона, всмотрелся в сидящего и пришел к выводу, что этот человек — некогда вождь, жрец или король — не принадлежал к расе Эсткарпа или Горма.

Смуглая пергаментная кожа была гладкой, словно искусство бальзамировщика превратило ее в полированное дерево. Черты полускрытого лица говорили о могучей воле и душевной отваге, крупный орлиный нос преобладал над остальными чертами. Подбородок сидящего был заострен, глаза глубоко запали. Казалось, этот человек произошел от птицы.

Это впечатление усиливала одежда, напоминающая оперение. Тонкая талия сидящего была охвачена широким поясом, а на коленях лежал такой огромный боевой топор, что Саймон усомнился, мог ли этот человек при жизни поднять его.

На голове мумии была корона, усыпанная драгоценностями. На пальцах, сжимающих рукоять топора, мерцали перстни. Но на всем вокруг лежала печать такой отчужденности, что Саймон не посмел подойти вплотную к трону.

— Вольт! — сдавленно вскрикнул Дживин, потом забормотал что-то на незнакомом языке. Саймон решил, что это какое-нибудь заклинание.

— Подумать только! Легенда оказалась былью! — Корис подошел к Трегарту. Глаза его горели — как ночью во время битвы в Сулькаре.

— Неужели Вольт? — пробормотал Саймон.

— Вольт Воитель! — уверенно подтвердил Корис. — Вольт Громовержец! Вольт, которым пугают теперь непослушных детей! Эсткарп древен, корни его знаний восходят к доисторическим временам, но Вольт старше Эсткарпа! Он из тех, кто пришел сюда раньше нынешнего человечества. Род его вымер еще до того, как человек вооружился камнем и дубиной против диких зверей. Но Вольт пережил свой род, знал первых людей, а они знали его, знали его топор! Оставшись один, Вольт пожалел людей, и перед тем как уйти навсегда, своим топором он прорубил людям дорогу к знанию и могуществу. Кое-где до сих пор поминают Вольта с благодарностью, хотя и побаиваются его, как боятся всего, что превышает разумения. В иных же местах его ненавидят лютой ненавистью, потому что мудрость Вольта противостояла их низменным побуждениям. Так что одни поминают Вольта молитвой, другие — проклятиями, он Бог и Демон. Теперь мы воочию убедились, что он существовал и даже в чем-то походил на нас. Хотя, кто знает, какими неизвестными нам способностями он обладал.

— Эй, Вольт! — рука Кориса взметнулась вверх. — Я Корис, капитан гвардейцев Эсткарпа, приветствую тебя и сообщаяю, что свет мало изменился с тех пор, как ты покинул его. Мы все еще воюем, и мир у нас недолговечен. А сейчас на нас ползет тьма из Кольдера. И поскольку море лишило меня оружия, прошу, отдай мне свое! Если мне доведется встать лицом к лицу с кольдерами, я не посрамлю твоего славного топора!

Корис подошел к трону и решительно протянул руку. Саймон услышал приглушенное восклицание Дживина и шумное дыхание Танстона. Улыбаясь, Корис взялся за рукоять топора и осторожно потянул его на себя. Сидящий на троне казался совсем живым, и Саймон ожидал, что вот-вот костлявые пальцы сомкнутся и потянут топор обратно. Но этого не случилось. Топор легко перешел в руки Кориса, и казалось даже, будто тот, кто много столетий держал его, не только не противится, но и сам подталкивает оружие Корису.

Саймон ожидал, что рукоять топора прогнила и сейчас же переломится в руках капитана, но тот взмахнул им и рубанул воздух — лезвие остановилось в каком-нибудь дюйме над каменным помостом. В его руках оружие обрело новую жизнь, оно повиновалось воле Кориса.

— Благодарю тебя, Вольт! — воскликнул капитан. — Никогда еще мои руки не держали такого прекрасного оружия. С ним я проложу путь к победе! Я Корис с Горма, Корис Безобразный, но с твоей легкой руки, Вольт, я стану Корисом Завоевателем, и твое имя вновь прозвучит по всей земле!

Наверное, голос Кориса поколебал столетиями недвижный воздух пещеры: это было единственное разумное объяснение тому, что произошло в следующее мгновение. Фигура на троне вдруг кивнула, раз, другой, словно Вольт принимал клятву капитана, и тут тело, еще мгновение назад казавшееся таким прочным, начало рассыпаться прямо на глазах.

Дживин в ужасе закрыл лицо руками, Саймон едва не вскрикнул. Вольт — если это и в самом деле был Вольт — перестал существовать, на троне осталась только горстка праха. Но топор — в руках Кориса! Первым оправился от изумления невозмутимый Танстон, обратившийся к своему командиру.

— Вольт исполнил свой долг. Капитан, теперь твоя очередь. Хорошо, что с тобой его оружие. Оно принесет нам удачу.

Корис еще раз ловко взмахнул топором, и лезвие со свистом рассекло воздух. Саймон отошел от опустевшего трона.

Оказавшись в этом мире, он уже принял как должное колдовство женщин Эсткарпа; оставалось принять и Вольта. Как бы то ни было, легендарный топор Вольта не принес им ни воды, ни пищи.

— Если отсюда нет другого выхода, придется возвращаться на берег и попробовать обойти скалы морем, — заметил Танстон.

Но выход нашелся. Позади трона они увидели проход, заваленный землей и щебнем. Ножами и просто руками они принялись расчищать завал. Даже со свежими силами им пришлось бы нелегко, а тут... Единственное, что заставляло Саймона держаться, — ужас перед возвращением в воду. Наконец они уперлись в закрытую дверь.

Должно быть, она была сделана из какой-то очень прочной местной древесины. Но гниение не тронуло ее. Больше того, казалось, будто естественный химический процесс за долгие века превратил дерево в камень. Вперед выступил Корис.

— Это мое дело.

Вновь взлетел топор Вольта. Саймон едва не вскрикнул, представив, как прекрасное лезвие топора расколется о камень, но раздался звон, и опять топор взмыл в воздух и вновь обрушился на дверь со всею силой могучих плеч капитана.

Дверь расколосась, и часть ее упала наружу. Корис отошел в сторону, а остальные принялись расширять проход. В лицо им ударил яркий дневной свет, свежий ветерок разгонял затхлый воздух подземелья.

Разобрав остатки двери и продравшись сквозь заросли сухого бурьяна, они оказались на другой стороне утеса. Глазам их открылся спуск к ручью через луг с изумрудной весенней травой и маленькими желтыми цветами, разбросанными там и сям, словно золотые самородки.

Не говоря ни слова, Саймон заковылял вниз, чтобы поскорее промочить пересохшее горло и смыть с тела едкую соль. Чуть позже, подняв от воды мокрую голову, он обнаружил, что Корис исчез. Саймон ни минуты не сомневался, что капитан вышел из пещеры Вольта вместе со всеми.

— А где Корис? — Он повернул голову к Танстону, который с наслаждением тер лицо пучком мокрой травы. Дживин, закрыв глаза, лежал на берегу ручья.

— Он вернулся к морю, — тихо сказал Танстон. — Гвардеец не должен оставаться открытым ветрам и воде, если о нем может позаботиться его командир.

Саймон пристыженно умолк. Он совсем забыл о мертвом воине, оставшемся на берегу. Хотя в гвардию Саймон вступил добровольно, он еще не чувствовал себя полноценным гвардейцем. Эсткарп слишком древен, его жители, его колдуньи — слишком чужды ему. Что там обещал Петроний, уговаривая воспользоваться его услугами? Что он отправится в мир, который ему по душе? Саймон солдат — он и попал в воюющий мир, но здесь воюют не так, и порой он чувствовал себя лишним.

Саймон вспомнил женщину, с которой бежал по болоту, не зная еще, что она колдунья... Иногда ему казалось, что они чем-то близки друг другу... Но сейчас не было и этого.

При бегстве из Сулькара она оказалась в другой шляпке. Неужели ее постигла та же участь, что и других в безжалостном море? В нем шевельнулось незнакомое чувство, которому он решил не давать воли, чтобы оставаться в этом мире сторонним наблюдателем. Повернувшись на другой бок, он подложил под голову согнутую руку, заставил себя расслабиться и уснул.

Спал он чутко и недолго, потому что, когда проснулся, солнце стояло еще высоко. Пахло стряпней. На небольшом костерке под скалой Танстон жарил рыбу, нанизанную на прутья. Корис спал в обнимку с топором, его юное лицо осунулось от усталости. Когда он бодрствовал, этого никто не замечал. Дживин, лежа на животе у ручья, голыми руками ловил рыбу, доказывая тем, что он не только отличный всадник.

Когда Саймон приблизился, Танстон приподнял бровь.

— Вот твоя доля, — показал он на рыбу. — Здесь, конечно, не трапезная гвардейцев, но все-таки...

Саймон хотел уже приступить к еде, когда заметил напряженный взгляд Танстона и тоже посмотрел вверх. Над их головами описывала широкий круг черная птица с белым пятном на груди.

— Сокол! — выдохнул Танстон так, будто это слово означало опасность не меньшую, чем засада кольдеров.

Глава 2**СОКОЛИНОЕ ГНЕЗДО**

Распластав крылья, как всякая хищная птица, сокол завис над ними. Разглядев болтающиеся на его лапках красные ленты, Саймон понял, что сокол не дикий.

— Капитан! — Танстон тряс за плечо Кориса.

Тот сел и, как ребенок, стал тереть глаза кулаками.

— Капитан! Сокольничьи!

Корис задрал голову, потом встал, и, заслонив глаза от солнца, некоторое время следил за парящей птицей. Затем капитан свистнул, и Саймон подивился точному маневру сокола. Сложив крылья, он камнем упал вниз — прямо на рукоять топора Вольта, лежавшего в траве. Сокол раскрыл клюв и хрипло заклекотал.

Капитан склонился над птицей, осторожно взяв пальцами одну из лент, привязанных к ее ноге. На солнце сверкнуло металлическое кольцо. Корис пригляделся к нему.

— Налин. Он где-то неподалеку. Лети, крылатый воин! — сказал Корис, обращаясь к соколу. — Мы одной крови с твоим хозяином, и между нами мир.

— Жаль, капитан, что твоих слов не слышит этот самый Налин, — заметил Танстон. — Охраняя свои границы, сокольничьи сначала стреляют, а потом уж задают вопросы. Если, конечно, останется, кому их задавать.

— Именно так!

Эти слова раздались прямо у них за спиной. Гвардейцы резко повернулись, но не увидели ничего, кроме пустынного дуга и скал. Неужели говорила птица? Дживин с сомнением поглядел на сокола, но Саймон, отказываясь верить в подобные чудеса, схватился за нож, единственное оружие, которое осталось у него при себе после бури.

Однако Корис и Танстон сохраняли спокойствие — вероятно, чего-то в этом роде они и ожидали. Медленно и отчетливо, словно желая убедить невидимого слушателя, капитан заговорил:

— Я Корис, капитан гвардейцев Эсткарпа, меня выбросило штормом на этот берег. Со мной трое гвардейцев: начальник караула Цитадели Танстон, Дживин и Саймон Трегарт, чуже-

странец, присягнувший на верность Эсткарпу. Клятвой Меча и Щита, Крови и Хлеба я прошу убежища. Мы не враждуем, но и над вами нависла угроза.

Его слова эхом прокатились по скалам, и все стихло. Сокол вновь хрипло закричал и поднялся в небо.

— Теперь остается ждать либо проводника, либо иглы в спину, — мрачно заметил Танстон.

— От врага-невидимки? — спросил Саймон.

Корис пожал плечами.

— У каждого народа свои хитрости, и сокольничьи — не исключение. Если они вышлют проводника, считайте, что нам повезло. — Он приняхался. — А пока давайте-ка лучше подкрепимся.

Саймон ел рыбу, но не сводил глаз с луговины у ручья. Его спутники, похоже, не особенно беспокоились, а он все пытался понять, откуда шел тот голос. Впрочем, в сложных ситуациях Саймон научился ориентироваться по поведению Кориса: раз капитан спокоен, значит, серьезной опасности не предвидится. И все-таки Саймону хотелось узнать побольше о хозяевах этой земли.

— Кто они такие, эти сокольничьи?

— Подобно Вольту, — Корис ласково погладил рукоять топора, — они выходцы из легенды, хотя род их и не такой древний. Сначала они были просто наемниками и прибыли сюда на кораблях сулькарцев, покинув свою родину из-за нашествия диких племен. Они служили у мореходов в охране и занимались в матросы. До сих пор некоторые молодые сокольничьи нанимаются на корабли. Но большинство из них сейчас уже не думает о море: любовь к горам у них в крови, ибо горы — их родина. Вот почему однажды они пришли к Верховной Владычице Эсткарпа и предложили взять на себя защиту южных границ в обмен на позволение поселиться в наших горах.

— Это было выгодное предложение, — заметил Танстон. — Жаль, что Владычица не смогла принять его.

— Отчего же?

Корис мрачно улыбнулся:

— Саймон! Разве ты недостаточно прожил в Эсткарпе, чтобы понять, что там установлен матриархат? Сила Эсткарпа не столько в мечах его воинов, сколько в его женщинах. Только женщины владеют Даром колдовства. А у соколь-

ничьих свои обычаи, и они дорожат ими ничуть не меньше, чем наши колдуньи — своими. Их мужчины живут в боевых отрядах, отдельно от женщин. Дважды в году избранные молодые воины отправляются в женские поселения, чтобы зачать новое поколение — так в загон к кобылам запускают жеребцов. У сокольничьих нет понятия о страсти, о любви между мужчиной и женщиной. Они и мысли не допускают, что женщина годна на что-либо еще, кроме как рожать им сыновей. Потому-то цивилизованному Эсткарпу они показались дикарями. Верховная Владычица заявила, что, если сокольничьи поселятся в пределах Эсткарпа, колдовской Дар его женщин пропадет. И сокольничьим было отказано в поселении. Но, снабдив их всем необходимым, Владычица разрешила им пересечь нашу страну, чтобы они ушли южнее и искали себе другое место. Она объявила им, что, если они обоснуются за пределами Эсткарпа, колдуньи будут жить с ними в мире и не поднимут на них оружие. Но это было лет сто назад, а то и больше.

— И они укрепились в горах?

— Еще как! — воскликнул Танстон. — Трижды они отбивали нашествие полчищ из Карстена. Похоже, сами горы воюют на их стороне.

— Ты говоришь, Эсткарп не принял их союза, — заметил Саймон. — Тогда что это за Клятва Меча и Щита, Крови и Хлеба? Или все-таки между вами существует определенное взаимопонимание?

Корис сосредоточенно принялся вытаскивать из рыбы кости, но, не выдержав, улыбнулся, а Танстон просто расхохотался. Лишь Дживин выглядел несколько смущенным, словно речь зашла о таких вещах, о которых говорить вслух не следует.

— Сокольничьи же — мужчины...

— Но ведь и гвардейцы Эсткарпа — тоже мужчины! — не отставал Саймон.

Корис мрачно усмехнулся, а Дживин нахмурился.

— Саймон, не пойми превратно. Мы глубоко почитаем Обладательниц Дара. Но по самой своей природе они далеки от нас и живут другими интересами. Ты ведь знаешь, когда колдунья становится настоящей женщиной, она теряет свой Дар. Поэтому они ревниво блюдут себя, оберегая Силу, составляющую весь смысл их жизни. Они гордятся тем, что они женщины. Для них сокольничьи, не признающие ни женскую

гордость, ни их Дар и видящие в женщине лишь бездуховную плоть, неприемлемы. Мы же, гвардейцы, хоть и не разделяем взглядов сокольничьих, но как воины уважаем их и между нами нет вражды. Гвардия Эсткарпа не ссорится с сокольничьими! А кроме того, — Корис выплюнул рыбью кость, — кажется, близок день, когда нам понадобится их помощь.

— Ты прав! — закивал Танстон. — Карстен постоянно угрожает нам. И хотим мы того или нет, если Карстен двинется на Эсткарп — между нами сокольничьи. Это все понимают. Может, потому Верховная Владычица и промолчала, когда после Большого Снегопада в прошлом году мы отправили зерно и скот в их селения.

— Там голодали женщины и дети, — заметил Дживин.

— Да. Запасы подошли вовремя, — добавил Танстон.

— Сокол? — Дживин указал рукой вверх, и они увидели зависшую над их стоянкой птицу. На этот раз сокол оказался предвестником небольшого пограничного отряда. Всадники подъехали и остановились, глядя на гвардейцев.

У них были низкорослые кони, грубошерстные и выносливые, пригодные для езды по узким горным тропам. Седлами служили простые подушечки. У каждого всадника был раздвоенный рог, на котором сидела птица. Дозорный сокол, приведший сюда отряд, подлетел к предводителю всадников и сел на свое место.

Подобно гвардейцам Эсткарпа и сулькарцам, сокольничьи носили кольчуги, за спинами у них виднелись небольшие щиты. Шлемы их напоминали головы все тех же соколов, и хотя Саймон понимал, что в прорези забрала на него смотрят глаза обыкновенных людей, он чувствовал себя не очень уютно под этими взглядами.

— Я Корис, капитан гвардейцев Эсткарпа, — сказал Корис. Он стоял, опершись на топор, и ждал ответа.

Всадник, чей сокол только что вернулся к хозяину, поднял вверх правую руку в жесте, однозначном во все времена.

— Налин с гор! — раздался из-под шлема гулкий голос.

— Между нами мир, — полуутвердительно произнес Корис.

— Между нами мир. Владыка Крыльев примет капитана гвардейцев в Соколином Гнезде.

Саймон поначалу сомневался, что эти лошадки выдержат двойную тяжесть. Но, сев позади одного из сокольничьих, он

убедился, что те крепко стоят на ногах и даже как будто не замечают дополнительной тяжести.

Горная тропа, ведущая в крепость сокольниковых, была явно не рассчитана на слабонервных — лишь усилием воли Саймон заставлял себя не закрывать глаза, когда они продвигались по краю пропасти и его ноги висели над каменной бездной.

Время от времени какая-нибудь птица поднималась в небо, улетала вперед, парила там над глубокими ущельями и снова возвращалась к своему хозяину. Саймона так и подмывало спросить, как птицы общаются с людьми; ему казалось, что крылатые разведчики о чем-то докладывают своим хозяевам.

Наконец отряд спустился в ущелье, вдоль которого шла ровная широкая дорога. Но всадники пересекли ее и снова стали карабкаться по кручам. Саймон решил заговорить со своим напарником:

— Я здесь на юге впервые. Разве эта дорога не ведет через горы?

— Это торговый тракт. Мы его охраняем, и только. Нам это выгодно. А ты тот самый чужестранец, что вступил в гвардию Эсткарпа?

— Да.

— В гвардию не берут простых наемников. — Сокольниковый помолчал. — Похоже, вас изрядно потрепало море.

— Люди не могут управлять бурей, — уклончиво ответил Саймон. — Мы живы... И на том спасибо.

— Благодарю судьбу, что вас не отнесло южнее. Грабители Верлена много чего вылавливают во время кораблекрушений, но не слишком-то заботятся о живых людях. Настанет день, — жестко продолжил всадник, — и Верлен убедится, что ни скалы, ни рифы не спасут его. Когда герцог наложит на замок свою лапу, там будут гореть не просто ложные маяки, там запылывает пожарище!

— А что, Верлен подвластен Карстену? — спросил Саймон. Он давно уже собирал факты вот так, по крупницам, чтобы составить себе представление об этом мире.

— По их обычаям дочь владыки Верлена должна выйти замуж за герцога, поскольку право владения у них передается по женской линии. Тогда герцог сможет присвоить себе все сокровища Верлена, награбленные с разбившихся кораблей. А может, и вообще приберет к рукам все побережье. С давних

пор наши мечи служат мореходам, хотя морские сражения — чуждая нам стихия. Но судя по всему, скоро нас опять позовут.

— Вы воевали на стороне Сулькара?

Сокольникович кивнул.

— Гвардеец, мы пришли сюда из-за моря на кораблях сулькарцев! И с тех пор по первому зову приходим им на помощь.

— Больше вас не позовут... — начал Саймон и пожалел о том, что распустил язык.

— Что ты хочешь сказать? Наши соколы летают далеко, но не до северных гор. Что случилось с Сулькаром?

Саймон замешкался с ответом. Вдруг зависший над ними сокол громко заклекотал.

— Слезай! — резко приказал всадник Саймону, и тот молча повиновался.

Все четверо гвардейцев остались стоять на тропе, а верховые осторожно двинулись вперед. Корис подозвал к себе гвардейцев.

— Засада! Приготовиться к бою! — Вскинув топор на плечо, капитан побежал вслед за удаляющимися всадниками так быстро, что лишь Саймону оказалось под силу не отстать от него.

Впереди послышались крики и лягз оружия.

— Карстенцы? — выдохнул Саймон, догнав Кориса.

— Вряд ли. В этих местах завелись разбойники. Нагин говорит, что они совсем обнаглели. На мой взгляд, появление этих головорезов хорошо вписывается в общую схему. С севера угрожает Ализон, кольдеры давят с запада, здесь — разбойничьи банды и подступает Карстен. Давно уже волки и стервятники мечтают вонзить когти в Эсткарп. Нас пока спасают только их взаимные распри. Да, есть народы, которые, переживая свой закат, уходят во тьму, но защищают остатки того, что им дорого.

— И это закат Эсткарпа? — на бегу спросил Саймон.

— Как знать... А вот и они!

Внизу на торговом тракте кипел бой. Сокольниковичи спешили, поскольку узкое ущелье не давало всадникам преимущества. Они наступали плотной группой, вытесняя разбойников из засады на открытое место. Но в скалах прятались снайперы и осыпали сокольниковичьих градом игл.

Корис спрыгнул с карниза прямо на головы двум затаившимся снайперам. Саймон двинулся вдоль тракта; точно бро-

шенный его рукой булыжник разможил голову одному из разбойников. В одно мгновение он снял с пояса поверженного врага самострел и обоймы с иглами и тут же вступил в схватку.

Птицы тоже не остались в стороне: они с клетотом пикировали на разбойников, выклеывая тем глаза и раздирая когтями лица. Саймон стрелял без передышки, время от времени отмечая возгласом точное попадание. По мере того как таких возгласов становилось больше, в душе Саймона понемногу рассеивалась горечь от поражения в Сулькаре.

Пронзительный сигнал рога перекрыл крики соколов, по ущелью яростно заметался разорванный флаг банды, и уцелевшие разбойники начали отступление, уходя по скалам, где верховые сокольничьи не могли их преследовать. День клонился к вечеру, кругом ложились черные тени.

Разбойники оказались вне досягаемости людей, но скрыться от соколов было практически невозможно. Птицы парили над скалами и, нет-нет, камнем падали вниз, а последующий вопль доказывал, что еще один враг наказан. Саймон искал глазами Кориса. Тот все еще держал в руках обагренный кровью топор, но при этом что-то оживленно обсуждал с одним из сокольничьих. Другие воины ходили между телами поверженных, время от времени они наклонялись и наносили короткий удар мечом, добывая раненых. Словом, делали то же самое, что Саймону уже довелось наблюдать после боя с кольдерами. Не желая смотреть на все это, он занялся подгонкой трофейной портупей.

На свист хозяев из темноты возвращались соколы. Двоих погибших сокольничьих положили на спину нервно вздрагивающей лошади. Многие были ранены, и их поддерживали товарищи. Но разбойники понесли значительно большие потери.

Саймон снова сидел верхом за спиной всадника, но этот сокольничий не был расположен к разговорам. Он держался за раненую грудь и скрежетал зубами при каждом толчке.

Ночь быстро спустилась на горы, черные вершины заслонили небо, ступилась тьма. Теперь они продвигались по широкой и довольно ровной, в отличие от предыдущей, тропе. Она привела их к крутому подъему — здесь сокольничьи основали свою крепость. Глядя на нее, Саймон даже присвистнул от восхищения.

В свое время его поразили древние стены Эсткарпа, которые, казалось, поднялись из земли в момент ее рождения. Удивил его и Сулькар, хоть и был он полускрыт пеленой липкого тумана. Но эта крепость была частью самой горы! Саймон догадался, что строителям удалось найти скалу, изрытую сетью пещер, которые оставалось только расширить и благоустроить, ибо Соколиное Гнездо было не просто крепостью, но горой, превращенной в крепость.

Всадники перешли подъемный мост, переброшенный через пропасть, которую, к счастью, скрывала тьма. Мост был настолько узок, что двигались по нему гуськом, и лишь оказавшись под сводами пещеры, Саймон перевел дух. Он помог спешить раненому всаднику и огляделся в поисках гвардейцев. Неподалеку он заметил высокую фигуру темноволосого Танстона, потом увидел Кориса и Дживина, пробиравшихся к ним.

Казалось, хозяева на какое-то время позабыли о гостях. Лошадей увели, и сокольничьи, посадив своих соколов на кожаные перчатки, уходили в боковые проходы. Наконец к ним подошел начальник пограничного отряда.

— Владыка Крыльев желает говорить с вами, гвардейцы. Кровь и Хлеб, Меч и Щит — к вашим услугам!

Корис подбросил топор, поймал его и с поклоном отвел лезвие в сторону:

— Меч и Щит, Кровь и Хлеб, сокольничий?

Глава 3

КОЛДУНЬЯ В КАРСЕ

Саймон проснулся, сел на своей узкой койке и сжал руками гудящую от боли голову. Ему снился какой-то кошмар, но в памяти не сохранилось ничего, кроме ощущения дикого ужаса. Придя в себя окончательно, Саймон обнаружил, что находится в келье — таковы были жилые помещения сокольничьих. Голова раскалывалась. Но, помимо боли, у него появилось ощущение настоятельной необходимости выполнить какой-то приказ. Или то была мольба о помощи...

Боль ослабла, но тревога нарастала, не позволяя больше оставаться в постели. Он набросил кожаную куртку, которую ему дали сокольничьи, и вышел. Близился рассвет.

Они находились в Соколином Гнезде пятый день, и Корис хотел уже пробиваться на север к Эсткарпу по горам, которые кишмя кишели разбойниками. Саймон понимал, что капитан хочет уговорить сокольничьих пойти на союз с ними. Вернувшись в Эсткарп, он, конечно, употребит все свое влияние, чтобы убедить колдуний отказаться от предрассудков, и тогда храбрые воины горной страны, случись что, выступят на их стороне.

Суровых жителей гор опечалило известие о гибели Сулькара, и они немедленно начали приготовления к войне. В нижних этажах этой удивительной крепости день и ночь трудились кузнецы и оружейники. Хитроумные умельцы готовили те крошечные устройства, при помощи которых передавались сведения от сокола его хозяину. Устройство это являлось самой охраняемой тайной сокольничьих, поэтому Саймон так и не узнал, что это за приспособление.

В этом мире подобные неожиданности часто ставили Саймона в тупик. Как-то не укладывалось в голове, что люди, воюющие мечами, способны в то же время изобрести довольно изощренные средства связи. Такие несоответствия в уровне знаний и технологии сбивали его с толку. Устройство сокольничьих, способное передавать изображение и звук, поразило его куда больше, чем колдовство женщин Эсткарпа.

Колдуньи Эсткарпа... По каменным ступеням Саймон поднялся на сторожевой пост. Туман уже сошел, и взору его открылась величественная горная цепь. За перевалами отсюда была видна и страна за горами. Саймон знал, что это Карстен.

Карстен! Он так задумался, что совсем забыл о часовом, который вдруг спросил:

— У тебя есть сообщение, гвардеец?

Сообщение? Это слово как будто что-то сдвинуло в его мозгу. На мгновение к нему опять вернулась головная боль, словно напоминая: он должен что-то сделать. Да, несомненно, это предчувствие, но не такое, как на пути в Сулькар — сейчас в нем было не предупреждение, а призыв. Пусть Корис с гвардейцами едет на север, если ему так нужно, но Саймон

отправится на юг. Окончательно перестав противиться этому тревожному призыву, он решил слепо подчиниться ему.

— Какие вести с юга? — спросил он часового.

— Спроси Владыку Крыльев, гвардеец.

Часовой подозрительно взглянул на Саймона. Тот повернулся и направился к лестнице.

— Обязательно спрошу!

Но прежде чем идти к командиру сокольничьих, Саймон разыскал капитана. Корис готовился к походу на север.

— Что случилось? — Капитан поднял голову от седельной сумки.

— Смейся, если хочешь, — коротко сказал Саймон, — но я отправляюсь на юг.

Корис уселся на край стола, покачивая ногами.

— Что это тебя в Карстен потянуло?

— Вот именно — потянуло! — Саймон попытался объяснить словами возникшее ощущение. Особым красноречием он никогда не отличался, но тут обнаружил, что и себе-то самому толком объяснить ничего не может. — Меня тянет, и все...

Корис перестал болтать ногами, красивое лицо его стало суровым.

— С каких пор... И как это тебя «тянет»? — жестко спросил он. Так командир требует отчета от своего подчиненного.

Саймон выложил все как есть:

— Мне снился сон, а когда я проснулся, то ничего не мог вспомнить. Но вот только что со сторожевого поста увидел Карстен и понял, что мне нужно именно туда.

— А сон?

— Какой-то кошмар... не помню, не могу объяснить.

Корис ударил кулаком по ладони.

— Ладно! Дорого бы я дал, чтобы Дар твой был посильнее! Но раз тебя тянет — мы отправляемся на юг!

— Мы?

— Танстон и Дживин поедут с известиями в Эсткарп. Пограничный силовой барьер кольдерам пока не по зубам. Танстон временно заменит меня на посту капитана гвардейцев. Пойми, Саймон, я же с Горма! А Горм теперь воюет с Эсткарпом, хотя это уже мертвый, захваченный демонами Горм. С тех пор как Верховная Владычица дала мне приют, я верой и правдой служил Эсткарпу, но и теперь не отступаю! Только, ка-

жется, пришло время, когда пользы от меня будет больше за его границами. Как знать, — лицо Кориса потемнело, словно от тяжких сомнений, — может, именно через меня, поскольку я с Горма, кольдеры ударят в самое сердце Эсткарпа. Ты же видел, что они сотворили с людьми, которых я хорошо знал. И никто не ведает, на что еще способны эти демоны. Они же напали на Сулькар с воздуха!

— Но, может, это и не колдовство? — заметил Саймон. — В моем мире полеты — обычное дело. Интересно посмотреть, как они это делают, многое прояснилось бы...

Корис усмехнулся.

— Можешь не беспокоиться, нам еще не раз предоставится возможность познакомиться с их хитростями. Пойми, Саймон, неспроста тебя на юг потянуло! А два меча вернее, — с улыбкой поправился он, — топор и самострел, это значительно лучше, чем просто один самострел. Сам по себе зов с юга — добрый знак. Значит, та, что бежала с нами из Сулькара, жива и зовет нас на помощь.

— С чего ты взял? — Саймон и сам подумывал об этом, а уверенность Кориса разогнала все сомнения.

— Обладающие Даром способны посылать мысленные сообщения, подобно тому, как сокольничьи посылают своих соколов. Такое сообщение, встретив на своем пути родственный разум, вызывает к нему и предупреждает. Я уверен, Саймон, что зовет тебя колдунья, которую ты спас от ализонцев, поскольку именно с тобой у нее, похоже, установился контакт. Ты, Саймон Трегарт, не нашей крови, и в твоём мире, как видно, Даром обладают не только женщины. Разве не ты первым почуял засаду по дороге в Сулькар? Ничуть не хуже колдуньи! Мне все ясно, едем в Карстен! Колдовство колдовством, но мы с тобой и сражались бок о бок! Сейчас я отдам распоряжения Танстону и передам с ним послание Верховной Владычице. А потом мы с тобой займемся настоящим делом.

Облачившись в кольчуги и вооружившись трофейным оружием, они отправились на юг по торговому тракту, ведущему в Карс. Их щиты без герба должны были свидетельствовать о том, что они свободные наемники. Дозорный отряд сокольничьих проводил их до границ горной страны.

Всю дорогу Саймона терзали сомнения. Не ошибся ли он? Однако ощущение необходимости двигаться на юг не оставляло его, хотя кошмаров он больше не видел. Просыпаясь по утрам, он с нетерпением пускался в путь.

И чем дальше они углублялись в Карстен, тем больше и богаче были селения, расположенные в плодородных долинах широких рек. Многие местные феодалы предлагали двоим воинам с севера поступить к ним на службу. Корис только презрительно усмехался, услышав размеры предлагаемого жалования. Его высокомерие, видимо, вызывало не меньшее уважение, чем огромный боевой топор. Саймон обычно помалкивал, но все время был начеку. Он запоминал местность, присматривался к обычаям и образу жизни карстенцев. Когда они с Корисом оставались вдвоем, он засыпал капитана градом вопросов.

Тот рассказал ему в нескольких словах, что некогда здесь обитал народ, родственник жителям Эсткарпа. И в самом деле, то и дело встречающиеся по пути темноволосые карстенцы с бледными, хорошо очерченными лицами напоминали Саймону людей севера.

— На них обрушилось проклятие Силы, — пояснил Корис.

— Проклятие?

Капитан пожал плечами.

— Тому причиной сама природа колдовского Дара. Его обладательницы не могут иметь детей. Женщин, желающих выйти замуж и рожать детей, год от году становится у нас все меньше. Девушка, достигшая брачного возраста, может выбирать в Эсткарпе из двадцати мужчин. Да и бездетных семей хватает. Так было и здесь. Поэтому, когда сюда пришли дикие племена, они без особого труда захватили побережье и постепенно прибрали к рукам всю страну. Древние роды откочевали на окраины. С течением времени у завоевателей выдвинулись военачальники. Они становились герцогами. Нынешний герцог Карстена поначалу был простым наемником. Но, благодаря своему уму и воинскому искусству, он добился высшей власти.

— Та же участь ожидает и Эсткарп?

— Возможно. Но кровь народа Эсткарпа смешалась с кровью сулькарцев, которые одни, по-видимому, могут иметь детей от женщин Эсткарпа. Так что на севере древняя кровь не-

сколько обновилась. Однако все это не так уж и важно. Ныне самая большая угроза исходит от Горма. Саймон! Как тебе нравится город, к которому мы приближаемся? Это Гартгольм, а за рекой — уже Карс.

— Нам в Карс, — помолчав, ответил Саймон. — Меня по-прежнему что-то давит.

Корис нахмурился.

— Значит, нам следует двигаться осторожно и поглядывать по сторонам. Даром что герцог не из благородных, но он далеко не глуп. В Карсе немало глаз и ушей, которые будут следить за каждым шагом двух новоприбывших наемников, особенно если мы не поспешим встать под его знамена.

Саймон задумчиво смотрел на баржи, стоящие у городского причала.

— Вряд ли кого заинтересует раненый наемник. Разве не в Карсе живут лучшие лекари, пользующие воинов, искалеченных в битвах? Скажем, зачем герцогу полуслепой вояка, у которого помутилось зрение от удара по голове?

— И которого привез подлечиться в Карс его товарищ! — подхватил Корис. — Славно придумано, Саймон! И кто же будет этим несчастным?

— Скорее всего, я. В такой роли мне легче не вызвать подозрений у людей герцога.

Корис одобрительно кивнул.

— Коней мы продадим здесь. Они слишком явно свидетельствуют о том, что мы пришли с гор: в Карсе к горам относятся с большим подозрением. Дальше отправимся по реке на барже.

Капитан немедленно занялся продажей лошадей, и вскоре они с Саймоном уже поднялись на баржу, где Корис пересчитал клинообразные кусочки металла, служившие в Карстене деньгами. Он ссыпал их в кошелек и усмехнулся.

— В моих жилах течет кровь торговцев, и сейчас я лишний раз доказал это, продав коней втридорога. Нам хватит и на еду, и на то, чтобы в Карсе, если понадобится, сунуть в чью-нибудь жадную лапу. — Капитан положил на скамью сумку и топор, с которым не расставался с тех самых пор, как взял его из рук Вольта.

Больше суток провели они на барже, которая неторопливо спускалась по реке. На закате второго дня, когда показались стены и башни Карса, Саймон вновь сжал голову руками — ее

пронзила невыносимая боль. К счастью, боль была непродолжительной, а когда исчезла, в голове у Саймона остался зрительный образ: плохо мощенный переулок, стена и дверь в ней. Вот она — их цель, что находится в Карсе.

— Снова, Саймон? — Рука капитана опустилась ему на плечо.

— Да... — Саймон смотрел на кровавый закат над рекой. Где-то в городе он должен отыскать этот переулок, эту стену и дверь, и там встретит ту, которая ждет.

— Узкий переулок, стена, дверь.

Корис все понял.

— Маловато, — заметил он. Капитан напряженно смотрел в сторону города, словно силой воли хотел преодолеть расстояние, разделяющее баржу и гавань.

Вскоре они были уже на пристани и направились к городским воротам. То и дело спотыкаясь, Саймон старательно разыгрывал из себя полуслеплого. Нервы его были напряжены, и весь он был охвачен одним желанием — отыскать нужный переулок. Ниточка, которая вела его сюда через всю страну, теперь превратилась буквально в прочный канат.

Корис поведал у ворот трогательную историю о ранении Саймона, незаметно сопроводив рассказ щедрым даром начальнику охраны, после чего их беспрепятственно пропустили в город. Едва они завернули за угол, Корис презрительно фыркнул:

— Приди наемник, подобный нам, к воротам Эсткарпа, я отправил бы его восвояси, даже имени не спросив. Доходили слухи, что герцог в последнее время очень изменился. Но я не думал, что он настолько распустил своих людей.

— Говорят, любого человека можно купить, — заметил Саймон.

— Верно. Но хороший командир знает цену своим людям и доверяет им соответственно. А эти продаются задешево. Впрочем, за хорошие деньги они хорошо сражаются. В чем дело, Саймон? — быстро спросил капитан, поскольку тот внезапно остановился.

— Мы идем не в ту сторону. Нам надо на восток.

Корис прошел немного по улице и вернулся.

— Через четыре дома переулок, а ты уверен, что нам туда?

— Уверен.

На случай, если начальник охраны окажется все-таки более бдительным, Корис продолжал вести Саймона медленно, придерживая его под руку. Пройдя переулок, они вышли на другую улицу. Саймон скрывался в подворотне, пока Корис прошел назад, чтобы проверить, нет ли за ними слежки. Несмотря на свою запоминающуюся внешность, капитан умел каким-то образом оставаться незамеченным. Вскоре он вернулся.

— Если за нами следят, то они работают почище моих разведчиков, во что я не верю! Надо побыстрее уходить отсюда, пока нас никто не приметил. Нам все еще на восток?

Тупая боль в голове Саймона то усиливалась, то ослабевала, и он ориентировался по ней совсем как в игре «горячо-холодно». Когда они вошли в очередной кривой переулок, боль усилилась. Вдоль переулка шли глухие стены домов, редкие окна которых были темны и занавешены.

Они ускорили шаг. Саймон с опаской поглядывал на окна. Наконец он увидел дверь — ту самую дверь из видения. Он тяжело дышал, стоя перед ней, но не от усталости, не от быстрой ходьбы, а, скорее, от внутреннего напряжения. Собравшись с духом, он постучал.

Однако ответа не последовало, и это весьма озадачило Саймона. Тогда он толкнул дверь, но она была заперта.

— Ты не ошибся? — спросил Корис.

— Нет!

Саймон твердо знал: то, что привело его сюда, находится по ту сторону двери, которая снаружи не имела даже ручки.

Корис отступил на пару шагов, измеряя взглядом высоту стены.

— Когда стемнеет, тут можно перелезть, но сейчас нас могут заметить.

Однако, позабыв всякую осторожность, Саймон забарабанил по двери кулаками. Корис схватил его за руки.

— Ты что, хочешь собрать сюда все войско герцога? Давай отсидимся в таверне, а ночью вернемся.

Едва он договорил, за дверью послышались шаги. Корис насторожился, приготовив к бою топор, а Саймон нащупал рукоять самострела. Дверь слегка приоткрылась, и послышался негромкий голос.

За полуоткрытой дверью стоял стройный юноша в кольчуге и шлеме, скрывающем верхнюю часть лица. Он был невысок — даже ниже Кориса.

Он перевел взгляд с Саймона на Кориса, и вид капитана, очевидно, его успокоил, так как юноша отступил назад и знаком предложил им войти. Они вошли в сад, миновали аккуратные клумбы, где чернели высокие стебли побитых заморозком цветов, затем высохший фонтан с многовековой рыжей накипью по краям. Каменная птица с отбитым клювом тщетно пыталась увидеть свое давно несуществующее отражение.

Потом они вошли в дом, и в глаза им ударил яркий гостеприимный свет. Юноша замешкался у калитки, запирая ее, но в доме их уже ждали.

Саймон видел эту женщину в лохмотьях, когда она убежала по болоту от охотничьих псов; видел ее в Эсткарпе на Совете в строгом платье, соответствующем ее высокому положению; видел облаченной в кольчугу, когда рядом с ней ехал верхом в Сулькар. Теперь она стояла перед ним в пурпуре и золоте, с бриллиантами на пальцах, с жемчужной сеточкой поверх коротко остриженных волос.

— Саймон! — Женщина не протянула к нему рук, не приветствовала, она лишь назвала его по имени, но на душе почему-то стало тепло и спокойно. — О, и Корис! — Она заговорила ласково, шутливо, имитируя интонации придворных дам. — Вы пришли, рыцари, за советом к Карской Пророчице?

Корис опустил топор и сбросил с плеч седельные сумки.

— Мы пришли по твоему зову, точнее, Саймон привел. А вот зачем — надеемся услышать от тебя. Как бы то ни было, хорошо, что тебе удалось спастись, госпожа.

Саймон молча кивнул. И на этот раз он не смог найти слов, чтобы выразить охватившее его чувство.

Глава 4

ПРИВОРОТНОЕ ЗЕЛЬЕ

Корис опустил кубок и выдохнул:

— Сначала постель, какой не может похвалиться ни одна казарма, затем — две такие трапезы! Подобного вина я не про-

бывал с тех пор, как покинул Эсткарп, да и давненько я не сидел за столом в столь милой компании.

Колдунья тихо захлопала в ладоши.

— Какие манеры, Корис! Однако вы оба терпеливы. За два дня ни один из вас не спросил, чем мы тут в Карсе занимаемся под этой крышей.

— Под этой крышей... — задумчиво повторил Саймон. — Здесь, случайно, не посольство Эсткарпа?

Колдунья улыбнулась.

— Довольно остроумно, Саймон, ты почти прав, только мы здесь — инкогнито. В Карсе уже есть одно посольство Эсткарпа, и там живет самый настоящий посол, не имеющий к колдовству ни малейшего отношения. Он присутствует на официальных приемах, обедает у герцога во время празднеств и вообще имеет безупречную репутацию. Но посольство расположено совсем в другом конце города. А мы здесь...

Колдунья замолчала, и Корис шутливо заметил:

— Кабы не нужна была наша помощь, не болела бы у Саймона голова. Нам что, нужно выкрасть Ивиана? Или просто проломить парочку черепов?

Юноша, которого колдунья называла Брайантом, двигался по комнате легко, большей частью помалкивал, однако всюду поспевал. Колдунья до сих пор не удосужилась рассказать гвардейцам, кто он такой и откуда взялся. Брайант потянулся к вазочке с печеньем. Без кольчуги и шлема он выглядел довольно щуплым и слишком юным, чтобы хорошо владеть оружием, висевшим у него на поясе. Но его решительный взгляд и плотно сжатые губы говорили о том, что колдунья знала, кого выбирала себе в помощники.

— Что скажешь, Брайант? — обратилась она к нему. — Не притащить ли сюда Ивиана? — В ее вопросе прозвучало озорство.

Не переставая грызть печенье, юноша пожал плечами:

— Ну, если тебе хочется его видеть... А мне не очень.

Брайант произнес это с ударением на слове «мне», что не ускользнуло от внимания мужчин.

— Нет, герцог нам пока не нужен, — усмехнулась колдунья. — Пожалуй, мы займемся его дамой...

Корис присвистнул.

— Альдис! Не думал я...

— Что нам есть дело до возлюбленной герцога? Ты, Корис, заблуждаешься, как и все мужчины. У меня есть все основания познакомиться поближе с этой Альдис. К тому же имеется отличный повод заманить ее сюда.

— Эту шлюху? — воскликнул Саймон.

— Ее положение в герцогстве держится исключительно на благоволении Ивиана. Пока герцог прикован к ее постели, она может властвовать, хотя нарядами и драгоценностями тоже не брезгует! Мужчины, добивающиеся осуществления своих планов, идут на поклон к Альдис, даже люди из старой знати! Что же касается женщин знатных родов — Альдис жестоко мстит им за прежние обиды. Когда она добилась внимания Ивиана, ей поначалу было вполне достаточно богатых подарков и роскоши. Лишь потом, со временем, потребности ее возросли. Но без герцога Альдис — не больше чем портовая девка, и она это прекрасно понимает.

— А что, Ивиан уже воротит от нее нос? — поинтересовался Корис.

— Герцог женился!

Саймон следил за рукой Брайанта, потянувшейся было к вазочке с печеньем. Рука резко изменила направление, и вместо печенья юноша взял кубок с вином.

— В горах сказали, что Ивиан женился на наследнице Верлена.

— Да, брачный договор на топоре, — усмехнулась колдунья. — Герцог даже не видел свою молодую жену.

— Стало быть, Альдис опасается соперничества. Если молодая жена окажется еще и красавицей... — небрежно сказал Саймон и перехватил косой взгляд Брайанта.

— Она не красавица! — бросил юноша с таким вызовом, что Саймон несколько смутился. Кто он, этот Брайант? Где откопала его колдунья? Может, он влюблен в наследницу Верлена или рассчитывал на наследство и теперь злится, что остался на бобах?

Колдунья рассмеялась.

— Ну, это дело вкуса. А ты, вероятно, прав, Саймон. Я думаю, с тех пор как Альдис узнала о женитьбе Ивиана, она плохо спит по ночам, мучаясь сомнениями, долго ли еще герцог будет держать ее подле себя. Если это так, то она вполне созрела для наших целей.

— Я готов поверить, что в такой ситуации Альдис станет искать помощи, — заметил Саймон. — Но почему именно у тебя?

Колдунья укоризненно покачала головой:

— Конечно, мне нельзя действовать здесь открыто, как колдунье из Эсткарпа, но в Карсе я не впервые, и у меня есть определенная известность. Видишь ли, мужчины и женщины, а особенно женщины, всегда желают знать, что их ждет. За последние три дня ко мне дважды приходили служанки Альдис под чужими именами и с вымышленными историями. Когда же я назвала их настоящие имена и кое-что о них рассказала, девицы с круглыми глазами побежали к своей госпоже. Поэтому можно не сомневаться, скоро заявится и сама Альдис.

— Но зачем она тебе, если ее влиянию на герцога скоро придет конец?.. — Корис помотал головой. — Женщин вообще-то трудно понять, а сейчас я совсем запутался. Наш враг — Горм, а не Карстен! По крайней мере, мне так казалось.

— Горм! — За внешним спокойствием колдуньи таилась буря эмоций. — Горм всюду тянет свои грязные лапы!

— Ничего не понимаю! — Корис тяжело опустил кулаки на стол. — Как Горм может дотянуться до Карстена?

— Вернее сказать — Карстен тянется к Горму, проще — продает им людей! — возбужденно произнесла колдунья и закрыла лицо руками. — Мы уже видели в Сулькаре, что кольдеры сделали с воинами Горма, превратив их в послушное оружие. Но Горм всего-навсего маленький остров, и прежде чем он пал, многие его защитники погибли, лишь оставшихся в живых сделали одержимыми.

— Верно! — Корис помрачнел. — Едва ли на Горме они взяли много пленных.

— Вот именно. А когда Магнус Осберик взорвал Сулькар, то, наверное, прихватил с собой немало таких заводных солдатиков, сослужив последнюю службу своему народу.

— Должно быть, с живой силой у кольдеров туговато, — полувопросительно сказал Саймон, напряженно обдумывая различные варианты.

— Очень на то похоже. Во всяком случае, сами они почему-то не могут или не хотят воевать. Даже сейчас, когда кольдеры стоят буквально у нас на пороге, мы почти ничего о них не знаем. Верно одно — они покупают людей!

— Но из рабов плохие воины, — заметил Саймон. — Кроме того, дай рабам в руки оружие — и они восстанут.

— Саймон, Саймон, неужели ты забыл о засаде под Сулькармом? Подумай сам, разве такие люди могут восстать? Нет, кто марширует под гром боевых барабанов Кольдера, не имеет собственной воли. К тому же достоверно известно, что последние шесть месяцев в гавань Карса заходят баркасы, на которые грузят заключенных из тюрем герцога. Иногда хватают прохожих на улице или в порту, и особенно тех, за кого некому заступиться либо кого не сразу хватятся. А такие дела долго не утаишь — один сболтнет здесь, другой там — так по словечку мы и вызнали все. Людей продают кольдерам! Но если так обстоят дела в Карстене, то отчего не быть тому же в Ализоне? Теперь, по крайней мере, я поняла, почему моя миссия там не удалась и меня так быстро раскрыли. Они сумели выследить меня, как собаки, что гнались за нами по болотам. В общем, сейчас мы совершенно уверены, что Кольдер собирает на Горме войско, чтобы совершить вторжение на материк. Тогда, пожалуй, и Карстен, и Ализон поймут, что поставляли на Горм оружие для собственного уничтожения. Собственно, Альдис нужна, чтобы узнать все подробности этой грязной торговли с Гормом, она ведь не может вестись без ведома и согласия герцога.

Корис заерзал на стуле.

— Госпожа! Воины тоже любят поболтать, и если наемник пройдет по кабачкам, да с туго набитым кошельком, он может принести свежие новости.

Колдунья с сомнением посмотрела на него.

— Ивиан далеко не глуп. У него повсюду есть глаза и уши. Стоит только человеку вроде тебя, капитан, показаться в кабаке — и это сразу станет известно герцогу.

Кориса ее замечание несколько не смутило.

— Разве Корис с Горма не потерял своих людей и свою репутацию в Сулькаре? Не бойся, госпожа, на случай расспросов у меня готова отличная легенда. А тебе, — Корис перевел взгляд на Саймона, — лучше не показываться на людях, чтобы не мозолить глаза. Наверняка история, рассказанная у городских ворот, всюю уже пошла гулять по городу. А как насчет молодого человека? — Капитан покосился на Брайанта.

К удивлению Саймона, невозмутимый юноша мягко улыбнулся и взглянул на колдунью, как будто спрашивал у нее разрешения. Та лукаво улыбнулась в ответ.

— Брайант, конечно, не рубака, дорогой капитан, но мы знакомы давно, и уверяю тебя, не стоит недооценивать его искусство владения мечом. Я думаю, он еще удивит вас — и не раз!

Корис засмеялся.

— Ну, госпожа, если это говоришь ты, значит, так оно и будет. — Он потянулся за топором.

— А эту игрушку лучше оставить дома, — остановила Кориса колдунья. — Ее-то уж обязательно приметят. — Она положила руку на рукоять.

Пальцы колдуньи словно примерзли к топору, и Саймон впервые за все их пребывание здесь увидел, что она выведена из равновесия, больше того — потрясена!

— Откуда это, Корис? — Голос колдуньи дрогнул.

— Разве ты не знаешь, госпожа? Топор перешел ко мне по доброй воле от того, о ком сложены легенды. И я готов отдать за него жизнь!

Женщина отдернула руку, будто обожглась.

— По доброй воле?

Корис вспыхнул.

— В таких случаях я не имею привычки лгать! Я принял топор, и он будет служить только мне!

— Тогда тем более не таскай его по улицам Карса. — Это был наполовину приказ, наполовину — просьба.

— Хорошо, но покажи мне здесь укромное местечко, где я могу его оставить, — с большой неохотой согласился капитан.

Колдунья на минуту задумалась, потирая пальцем подбородок.

— Ладно, сходи в город, я надеюсь услышать от тебя подробный отчет. Ступай за мной, я покажу тебе укромное местечко.

Саймон и Корис прошли за ней в комнату, стены которой были увешаны старинными гобеленами с едва различимым уже рисунком. Колдунья отогнула один из гобеленов, открыв деревянную панель с резным рельефом диковинного зверя. За панелью была скрыта ниша, в угол которой Корис и поставил свой топор.

Точно так же, как Саймон ощутил груз столетий в древнем Эсткарпе, так же, как уловил нечто сверхчеловеческое в пыльном склепе Вольта, сейчас он, казалось, кожей почувствовал какое-то странное излучение, идущее от стены. Во всяком случае, по телу у него побежали мурашки.

Несмотря на то что Корис так трясся над своим сокровищем, колдунья с самым безразличным видом закрыла нишу, словно там осталась обыкновенная метла. Брайант невозмутимо стоял у входа в комнату. Саймон пытался разобраться в своих ощущениях, все еще ничего не понимая, и когда все вышли, он задержался, чтобы осмотреть комнату.

Мебели почти не было, только кресло черного дерева с высокой спинкой стояло тут, словно взятое из зала для аудиенций, и напротив него, черного же дерева — стул. Между ними на полу были разложены довольно странные предметы, принесенные сюда непонятно зачем. Разглядывая их, Саймон задумался...

Сначала его внимание привлекла небольшая, на пригоршню угля, жаровня, что стояла на отполированной доске. Затем он перевел взгляд на глиняную чашку с каким-то сероватым порошком, на пузатую склянку... Да... никакой мебели, и все эти странные вещи...

Он не слышал, когда вернулась колдунья. Пристально глядя на него, женщина вдруг спросила:

— Кто ты, Саймон?

Он обернулся.

— Ты же все знаешь, ты же присутствовала тогда... Да и невозможно солгать при вашем-то способе собеседования!

— Верно, ты не лгал. Но я все-таки спрашиваю вновь — кто ты, Саймон? По дороге в Сулькар ты раньше меня почувствовал засаду. Но ты же мужчина! — Колдунья опять потеряла самообладание. — И ты почувствовал, ты ведь понял, что делается здесь.

— Не совсем. Я только знаю, что здесь присутствует что-то невидимое — но оно тем не менее существует.

— Вот! — колдунья сжала кулаки. — Ты не должен этого чувствовать, но все-таки чувствуешь! Я здесь колдую, чтобы узнать, о чем думают и чего хотят люди, приходящие ко мне, но я далеко не всегда прибегаю к этой Силе, которая сильнее моей. Три четверти моего Дара — это наваждения, в Суль-

каре ты имел случай видеть это. Мое колдовство не призывает ни демонов, ни пришельцев из других миров. Но есть иная Сила — и она иногда приходит на мой зов. Тогда я могу творить самые настоящие чудеса! Могу, например, предвидеть несчастья, хотя и не всегда знаю, откуда они придут, могу вызвать разрушения... И клянусь жизнью — это уже не наваждения!

— Верно, — сказал Саймон. — И в моем мире случались события, которые никак не укладываются в рамки здравого смысла.

— И это делают ваши женщины?

— Нет, и мужчины тоже. Некоторые мои солдаты предвидели несчастья, смерть, свою или чужую. Я знал старинные дома, где тоже таилось нечто такое, чего нельзя увидеть, но только чувствуешь — нечто не менее странное, чем то, что скрывается здесь.

Колдунья смотрела на Саймона с нескрываемым изумлением. Затем ее рука начертила в воздухе между ними какой-то знак, и тот на мгновение вспыхнул огнем.

— Ты видел?

Было ли в ее голосе обвинение или радостное признание, Саймон не успел понять: на весь дом загремел гонг.

— Альдис! И с ней наверняка охрана! — Колдунья подошла к стене и открыла нишу, где был спрятан топор Кориса. — Прячься! — приказала она. — Они непременно обыщут дом, и будет лучше, если тебя не увидят.

Времени на возражения не оставалось, и Саймон с трудом втиснулся в не очень-то просторное укрытие. Колдунья быстро задвинула панель, и он оценил, как прекрасно приспособлено это место для наблюдений: в резном орнаменте панели были просверлены отверстия как для доступа воздуха, так и для подглядывания.

Заточение произошло настолько быстро, что Саймон не успел опомниться, а когда попытался было сдвинуть панель с места, то обнаружил, что изнутри она не открывается и он практически замурован в этой камерке вместе с топором Вольта. Оставалось только ждать, когда колдунья соизволит выпустить его отсюда.

Саймон с раздражением прильнул к одному из глазков, чтобы посмотреть, что делается снаружи. Как раз в этот мо-

мент двое воинов, втолкнув в комнату колдунью, принялись рысать по всем углам, отдергивая гобелены.

Глядя на них, женщина рассмеялась и с сарказмом бросила через плечо кому-то, ожидавшему на пороге комнаты:

— Похоже, в Карсе на слово не верят. Бывало ли такое, чтобы обитатели этого дома впутались в неблагоприятное дело? Твои ищейки, госпожа, не найдут здесь ничего, кроме пыли и паутины. Признаться, я не очень хорошая хозяйка. Но мы просто теряем время.

Саймон восхитился ее актерским искусством: колдунья говорила об обыске, как о детской шалости, намекая своей собеседнице, что пора прекратить это ребячество, коль скоро они намерены заняться серьезным делом.

— Гальсфрик! Доннар!

Воины встали по стойке «смирно».

— Если хотите, ищите в других комнатах, а нас оставьте в покое!

Ищейки вытянулись в струнку у двери, и в комнату вошла женщина, которую Саймон, наконец, увидел. Она сбросила с плеч роскошный плащ, а колдунья, плотно прикрыв за воинами дверь, повернулась к ней:

— Добро пожаловать, госпожа Альдис!

— Как ты верно заметила, женщина, мы теряем время. — Слова прозвучали резко, но все-таки бархатный голос вошедшей мог обворожить любого мужчину.

Возлюбленная герцога вовсе не походила на пышную, перезрелую портовую девку, как ее представила им колдунья. Напротив, это была еще не вполне сформировавшаяся девушка с небольшой высокой грудью, скромно прикрытой складками платья. В ее внешности весьма противоречиво присутствовали сладострастие и холодность одновременно, и, разглядывая Альдис, Саймон понял, почему ей удастся удерживать подле себя сластолюбца герцога.

— Ты сказала Фирте... — снова те же резкие нотки, обернутые в бархат.

— Я сказала твоей Фирте, что могу сделать и что я за это хочу! — Колдунья заговорила не менее резко, чем ее посетительница. — Ты принимаешь мои условия?

— Я приму их не раньше, чем ты докажешь свои способности. Дай мне то, что я хочу, а потом называй свою цену.

— Хороший же у тебя способ торговаться, госпожа. Все имущества на твоей стороне.

Альдис улыбнулась.

— Раз ты утверждаешь, что у тебя есть Сила, значит, ты можешь не только помогать, но и заставлять, мудрая женщина. В таком случае, я для тебя легкая добыча. Говори, что мне делать, и не тхни, я могу доверять тем, за дверью, лишь до тех пор, пока их жизнь висит на кончике моего языка. Но в Карсе есть и другие языки!

— Дай руку! — Колдунья взяла чашку с порошком.

Альдис протянула унизанную кольцами руку, и колдунья уколола ее иглой, вынутой из складок платья. Когда капля крови упала в чашку, она долила туда жидкости из бутылки и все перемешала. Затем колдунья раздула огонь под жаровней.

— Сядь. — Она указала Альдис на стул и, едва та села, положила ей на колени доску и поставила на нее жаровню. — Думай о том, кого желаешь! Думай только о нем, госпожа!

Месиво в чашке, словно тесто, стало подниматься над огнем, и колдунья запела. Саймон почувствовал, что тревожное чувство, охватившее его, когда колдунья начертила в воздухе огненный знак, схлынуло и стало исчезать.

В ее пении таилось нечто чарующее, навевающее сладкие грезы, будоражащее воображение. Саймон прикусил губу. Это волнение исходило от женщины, которую он, казалось, начал понимать. Но подобные чары, скорей, присущи Альдис и ей подобным женщинам, а от бесстрастной колдуньи Эсткарпа он такого не ожидал! Пение все сильнее действовало на Саймона, и тогда он закрыл ладонями уши, чтобы не слышать больше этих звуков, звуков, которые, властно врываясь в него, горячили кровь в жилах, наполняли жаром все тело.

Лишь увидев, что губы колдуньи перестали шевелиться, Саймон отнял руки от ушей. Лицо Альдис разрумянилось, губы увлажнились, широко раскрытые глаза невидяще смотрели перед собой. Колдунья сняла с ее колен жаровню и доску, переложила содержимое чашки в кусок ткани и подала сверток своей посетительнице.

— По шепотке добавляй это ему в еду и питье. — Голос колдуньи ослабел, она, казалось, валилась с ног от усталости.

Альдис взяла сверток и спрятала его за лиф платья.

— Не сомневайся, я использую это как следует! — Она подхватила свой плащ и пошла к двери, бросив на ходу: — Я дам тебе знать, как пойдут дела.

— Я узнаю сама, госпожа.

Альдис вышла, а колдунья так и стояла, опершись на спинку кресла, как будто ноги не держали ее. На усталом лице женщины застыло выражение брезгливости, смешанной со стыдом, словно она прибегла к дурному средству для достижения благородной цели.

Глава 5

КОГДА ТРИЖДЫ ПРОТРУВИТ РОГ...

Корис усердно полировал лезвие топора куском шелковой тряпки. Вернувшись из города, он немедленно потребовал свое сокровище назад и теперь, сидя на подоконнике, рассказывал:

— ...Он ворвался с таким видом, словно по пятам за ним гнались кольдеры, и выложил все сержанту! Тот с перепугу аж пролил вино, за которое, кстати, платил я! А этот парень орал как ненормальный. Мне, по правде, вся эта история кажется чистой выдумкой, и все же я готов поспорить на недельное жалованье карстонского наемника — в ней что-то есть!

Пока Корис говорил, Саймон внимательно наблюдал за колдуньей и за Брайантом. Впрочем, колдунья все равно ничем бы не выдала того, что нечто подобное она уже слышала. Зато молодой человек не имел, конечно, ни ее выдержки, ни достаточного жизненного опыта, и его реакция на рассказ капитана несколько удивила Саймона — Брайант держался чересчур безразлично.

— Вижу, госпожа, — заметил Саймон, — эта история вовсе не кажется тебе выдумкой.

После визита Альдис его отношения с колдуньей стали несколько напряженными, она это безусловно чувствовала, но пока не предпринимала никаких шагов, чтобы изменить существующее положение.

— Гунольд действительно мертв, — спокойно сказала женщина. — Его больше нет, как нет и Лоисы, наследницы Вер-

лена. Так что, Корис, этот солдат соврал разве самую малость. — Колдунья посмотрела на капитана. — Но то, что эти события связывают с нападением Эскарпа, разумеется, совершенная чушь.

— Знаю, госпожа. Мы никогда не действуем исподтишка. Однако, может быть, здесь что-то другое? Я не люблю задавать лишних вопросов, но скажи, может, на скалы Верлена выбросило кого-нибудь из гвардейцев, покинувших Сулькар?

Колдунья отрицательно покачала головой.

— Сила говорит мне, что в живых остались только вы четверо, капитан.

— Но ведь эти события или слухи о них могут стать предлогом для войны, — нахмурился Корис. — Гунольд был другом Ивиана; не думаю, чтобы герцог оставил его гибель неотмщенной. Тем более что маршал умер при таких загадочных обстоятельствах.

— Фальк! — Это имя, как игла из самострела, вырвалось из уст Брайанта. — Отвечать будет Фальк! — Лицо юноши побледнело. — Ему еще предстоит объясняться с Сириком и Дуартом! Что и говорить, владыке Верлена сейчас не позавидуешь. Но этот твой болтун сообщил сержанту такие подробности, словно слышал отчет из первых уст.

— Корабль с посольством герцога только что прибыл в Карс. А посол, как утверждают, любит поболтать, — заметил Корис.

— Корабль! — Колдунья резко встала, и ее расшитое золотом алое платье всколыхнулось, подобно языку пламени. — Фалька на мякине не проведешь. Но как-то уж все слишком быстро. Не думаю, чтобы Фальк так спешил, дабы только отвести гнев Ивиана...

Темные глаза колдуньи хмуро осмотрели собравшихся, словно она сравнивала свои силы с силами противника.

— Не нравится мне это. Людей из Верлена, конечно, следовало ожидать — Фальку просто необходимо заговорить зубы герцогу, иначе башни его собственного замка обрушатся ему на голову. Он найдет способ склонить на свою сторону Сирика с Дуартом, чтобы те подтвердили его выдумки. Все так. Но события развиваются слишком быстро. Уж очень это похоже... Я готова поклясться, что...

Колдунья стала расхаживать по комнате, шурша платьем.

— Мы, колдуньи Эсткарпа, владем наваждениями, но, клянусь Даром, тот шторм не был таковым! Разве что кольдеры умеют управлять силами природы... — Колдунья замерла на месте и прижала пальцы к губам, как бы боясь проговориться. — Если кольдеры умеют... — Она перешла на шепот. — Не могу поверить, что мы оказались здесь по воле кольдеров! Не желаю верить! И все же... — Женщина повернулась лицом к Саймону. — Я понимаю Брайанта, зная мотивы его поступков, понимаю, что движет Корисом, но тебя, человека, появившегося на болоте торов, я не понимаю! Если ты не тот, за кого себя выдаешь, значит, мы сами виноваты в своих несчастьях.

Корис насторожился, с силой сжав рукоять топора, и шелковая тряпка упала на пол.

— Он принят Верховной Владычицей, — сказал капитан спокойно, но Саймон видел, что Корис следит за каждым его движением, будто ждет внезапного нападения.

— Это так! — кивнула женщина. — И не хочется верить, что кольдеры проникли к нам в самое сердце, а мы не сумели этого распознать. Кольдеры могли поставить завесу, — продолжала она рассуждать вслух, — но это уже само по себе вызывало бы подозрения! Хотя... Есть еще один способ проверки! — Она расстегнула воротник платья, достала колдовской камень и немного подержала на ладони, вглядываясь в его дымчатую глубину. Затем, сняв цепочку с шеи, колдунья протянула камень Саймону: — Возьми!

Корис вскрикнул и соскочил с подоконника, но Саймон спокойно принял камень. Гладкий кристалл сначала был холодным, как всякая полированная вещица, а потом вдруг стал нагреваться, делаясь все горячей, и странное дело — этот жар не обжигал ладоней. Камень словно ожил. На его поверхности появилось мерцающее свечение.

— Я знала! — хрипло прошептала колдунья. — Ты не кольдер! Нет! Кольдер не смог бы держать камень, ибо в нем — Пламя Силы! Я рада тебе, брат по Дару! — Женщина вновь начертила в воздухе перед собой тут же вспыхнувший знак и, когда он погас, взяла у Саймона камень.

— Но он — мужчина! Клянусь, прошедшие перевоплощения не могут так себя вести! К тому же мы жили с ним бок о бок в казарме! — зачастил Корис. — Я не возьму в толк, как это Даром владеет мужчина?

— Он человек из другого мира, другого времени, а что мы знаем о других мирах? Во всяком случае, теперь я уверена в одном — он не кольдер. Возможно, конечно, что именно таких людей кольдеры готовят для решающей битвы... Но сейчас нам нужно...

Рассуждения колдуньи были прерваны звоном гонга. Саймон и Корис переглянулись; Брайант достал самострел.

— Это у входа, — сказал он.

— Звон-то условный, да слишком не вовремя, — нахмурилась колдунья. — Посмотри, Брайант, но будь осторожен.

Корис и Саймон молча последовали за молодым человеком. Они еще не дошли до дверей, когда услышали снаружи какой-то шум, и Саймон напрягся, уловив в нем что-то очень хорошо знакомое. Корис помрачнел.

— Это толпа! Гул разъяренной толпы!

Саймон, сразу вспомнив пережитый им когда-то ужас, утвердительно кивнул и приготовил самострел.

Пришедший, безо всякого сомнения, принадлежал к древней расе Эсткарпа, и синяки на лице не могли этого скрыть. Когда они открыли дверь, человек буквально упал им на руки, и Корис еле успел подхватить его. Толпа на улице загудела, да так, что земля вздрогнула под ногами, но Брайант уже запер дверь на все засовы.

Человек вымученно улыбнулся Корису и хотел было что-то сказать, но из-за рева толпы никто ничего не слышал. Отложив разговоры, Саймон и Корис затащили беглеца в дом.

Когда появилась колдунья, он уже оправился настолько, что даже пытался поприветствовать ее. Женщина налила в чашку немного какой-то синеватой жидкости и поднесла к его губам.

— Что с Вортимером?

Человек откинулся на спинку кресла.

— Ты можешь послушать, как его гонят, госпожа! Вместе с ним и другие наши, те, кто успел вовремя добраться до посольства. За остальными же охотятся на улицах. Перед выходами из Эсткарпа и перед теми, кто принадлежит древней расе, герцог приказал трижды протрубить в рог! Он просто сошел с ума!

— И их тоже? — Колдунья прижала ладони к вискам, словно хотела унять нестерпимую головную боль. — У нас мало времени! Нельзя терять ни минуты!

— Вортимер послал меня, чтобы я тебя предупредил. Ты последуешь за ним, госпожа?

— Пока нет.

— Тех, перед кем трижды протрубили в рог, всякий может убить в любую минуту. А в Карсе теперь убивают, сперва вволю поиздевавшись, — бесстрастно сказал беглец. — Не знаю, насколько ты можешь рассчитывать на Альдис..

Колдунья засмеялась.

— Я вовсе не рассчитываю на Альдис, Ворттин. Нас пятеро... — Она вертела в руках чашку. — Но сейчас речь идет не о наших жизнях. На окраинах Карстена живут древние роды, и, если их вовремя предупредить, они, может быть, успеют уйти через горы в Эсткари. К тому же все, что мы узнали здесь, необходимо сообщить Верховной Владычице. Боюсь, не хватит сил, одной мне не справиться. — Она посмотрела на Саймона. — Ты должен помочь мне, брат!

— Но я не знаю как! — воскликнул он. — У меня нет опыта.

— Ты просто встанешь рядом, и совместными усилиями мы... В этом вся наша надежда, Саймон.

Корис смотрел через окно в сад и спросил не оборачиваясь:

— Перевоплощение, госпожа?

— А что мы можем предпринять еще? — Колдунья пожала плечами.

Ворттин облизнул сухие губы.

— Делай что хочешь, госпожа, но надо уходить из этого проклятого города. Тогда я смогу привести под твои знамена людей провинции, у меня там много родственников, и мне поверят.

— Идемте! — Колдунья повела их все в ту же таинственную комнату, где она колдовала. Уже в дверях Корис остановился.

— Я возьму с собой подарок Вольта. Не изменяй меня так, чтобы я не смог поднять топора.

— Я назвала бы тебя сумасшедшим, — резко сказала колдунья, — если бы не знала истинной ценности этого оружия. Но учти, оно сделано не человеком, поэтому не знаю, получится ли. А теперь помогите мне, да поживее!

Когда Корис и Саймон отнесли к стене комнаты кресло, стул и другие вещи, колдунья убрала ковер и колдовским камнем провела на полу несколько линий, которые вспыхнули,

приняв форму огненной пятиконечной звезды. Немного поколебавшись, Корис положил топор Вольта в ее центр.

Колдунья повернулась к Саймону.

— На самом деле мы все останемся такими, какие есть, и лишь на время изменим облик, чтобы обмануть тех, кто встанет на нашем пути. Дай мне опереться на твою Силу, чтобы сконцентрировать свою. — Она все оглядела, поставила рядом с топором жаровню и раздула в ней угли. — Приготовьтесь! И будь что будет!

Корис тронул Саймона за руку.

— Раздевайся донага, иначе Сила не подействует, — сказал он, стягивая с себя куртку. Саймон последовал его примеру, а потом они вместе помогли раздеться Вортгину.

Наполняя комнату красноватым маревом, из жаровни повалил дым, почти скрыв из виду неуклюжую фигуру Кориса и мускулистое тело Вортгина.

— Встаньте по лучам звезды! — приказала колдунья и добавила: — А ты, Саймон, встань рядом со мной.

Он пошел на ее голос и сразу потерял из виду Кориса. Потом он увидел бледную руку колдуньи, что тянулась навстречу его руке. Под ногами пылал контур звезды, ничего другого не возможно было разглядеть — туманная завеса поглотила комнату.

Откуда-то издалека послышалось пение. Саймону показалось, что он стал растворяться, что его тело вот-вот распадется на мельчайшие частички и сольется с этим маревом. И в то же время он ощущал тепло, но не снаружи, а изнутри — больше того, он чувствовал движение этого тепла — оно потоком уходило из его тела через правую руку. Саймон подумал даже, что мог бы увидеть, как это происходит, если бы не дымная завеса. Впрочем, это было не так уж важно: главное, сам он не стал этим туманом, он по-прежнему существует!

Пение стало громче. Саймону уже доводилось слышать такое, но тогда оно будило в нем вожделение, с которым пришлось бороться усилием воли. Теперь пение действовало как-то иначе, во всяком случае желания противиться его воздействию не возникало.

Саймон невольно закрыл глаза, внимая ему, и звуки, казалось, проникали в каждую клеточку его тела, но в то же время

он знал, что поток тепла, исходящий через его руку, питает силой эти звуки.

Немного погодя руки Саймона безвольно повисли, движение тепла прекратилось, и пение смолкло. Саймон открыл глаза. Мареву понемногу редело, в нем появились просветы. В одном из них Саймон увидел мерзкую рожу головореза, которую и лицом-то трудно было назвать. Но на жуткой этой физиономии сияли лукавые глаза Кориса! А рядом с ним стояло другое страшилище с изъеденной язвами кожей и пустой глазницей.

Разбойник с глазами Кориса перевел взгляд с Саймона на соседа и ухмыльнулся, обнажив гнилые, желтые зубы.

— Славная компания!

— Одевайтесь! — раздался откуда-то голос колдуньи. — Теперь вы — негодяи, вылезшие из подвалов Карса, чтобы убивать и грабить. Именно такие красавчики выползают на улицы, когда трижды звучит рог!

Все снова облачились в свою одежду, хотя она не очень подходила для таких подонков, какими они выглядели сейчас. Корис поднял с пола какую-то ржавую железную палку с крючьями, на которую Саймон даже внимания не обратил.

В комнате не было зеркала, и Саймон не знал, как выглядит он сам, но догадывался, что его внешность не менее отвратительна, чем у остальных. Он предполагал, что измениться должны были и колдунья, и Брайант, но то, что через минуту открылось его взору — превзошло все ожидания. Колдунья превратилась в горбатую седовласую старуху с лицом, искаженным гримасой лютой злобы. А вместо молодого человека рядом с ней стояла девушка в расшитом золотом алом платье.

Да, невзрачный Брайант превратился в пышнотелую красотку, которая даже не позаботилась о том, чтобы завязать шнурки на корсаже. Старуха ткнула пальцем в Саймона.

— Это твоя добыча, молодчик! Взвали красотку на плечо, а когда устанешь, вот эти разбойнички пособят тебе. И смотри, не выходи из образа! — Она толкнула мнимую девушку в спину с такой силой, что та, споткнувшись, упала в объятия Саймона. Он легко подхватил ее и вскинул на плечо. Колдунья еще раз осмотрела всю братию взглядом опытного режиссера, и напоследок, для полноты картины, сдернула платье с одного плеча девушки.

Саймон же только подивился колдовскому искусству. Он был уверен, что все они изменятся лишь для зрительного восприятия, но его не покидало ощущение, что он держит в объятиях самую настоящую женщину! Ему все время приходилось напоминать себе, что в действительности у него на плече Брайант.

По улицам Карса разгуливала не одна подобная им разбойничья шайка. Но каково же было видеть мнимым разбойникам сцены грабежа и насилия и не иметь возможности помочь несчастным. Это мучило их всю дорогу до пристани. Там у ворот стояла охрана. Когда Саймон со своей вопящей жертвой на плече подошел к воротам, сопровождаемый бандой оборванцев, колдунья с мешком за спиной забежала вперед, неожиданно споткнулась и упала, рассыпав награбленное добро. Содержимое мешка сверкало и переливалось в дорожной пыли.

Стражники бросились собирать драгоценности, а их офицер грубо оттолкнул старуху в сторону. Однако один из них, похоже, решил не изменять своему воинскому долгу, а может, его больше привлекала добыча Саймона. Как бы то ни было, он преградил дорогу копьем и нагло ухмыльнулся.

— Эй, оборванец! Оставь-ка здесь свой скоропортящийся груз! Тебе больно жирно будет, а тут есть кому за ней присмотреть.

Едва он договорил, Корис зацепил его своей ржавой палкой за ногу, стражник рухнул, и вся компания бросилась через ворота к причалу. За ними по пятам гнались разъяренные охранники.

— В воду! — крикнул Брайант и, вырвавшись из рук Саймона, бросился в реку.

Капитан прыгнул следом за ним и вынырнул рядом с алым платьем, вздувшимся на воде. Вортгин, прихрамывая, тоже бежал к берегу. Саймон оглянулся, ища глазами колдунью.

За ними больше никто не бежал, а на дороге завязалась какая-то потасовка. Вытащив самострел, Саймон ринулся туда со всех ног. Трижды он останавливался, чтобы выстрелить, и трижды игла достигала цели. А потом он увидел распластанную на земле старуху и приставленный к ее горлу меч.

Саймон успел сделать еще два выстрела, после чего пустил в ход кулаки и, вероятно, переломал немало костей: в общем, охранники, оставшиеся на ногах, попросту разбежались. Сай-

мон взвалил на плечо бесчувственное тело колдуньи и двинулся к ближайшей барже. С большим трудом ему удалось подняться на палубу.

Неожиданно женщина очнулась и начала вырываться, решив, по-видимому, что оказалась в руках насильника. От неожиданности Саймон потерял равновесие, и они вместе полетели в воду. Наглотавшись воды, он вынырнул, оглянулся — женщина была рядом.

— Эй!

Их окликнули с плывущей по течению баржи и бросили веревку. Саймон и колдунья взобрались на судно и увидели Кориса, машущего им рукой.

У противоположного борта баржи покачивалась на воде небольшая шлюпка, в которой сидели Вортгин и склонившийся над водой Брайант — его тошнило. В мокром платье, облепившем тело, он поистине выглядел, как жертва насилия. Когда все спустились в шлюпку, Корис оттолкнулся от баржи своей крючковой палкой.

— Я думал, ты потерял ее у ворот, — заметил Саймон.

— Скорей меня убьют, чем я ее потеряю! — обиженно воскликнул капитан. — Да что об этом: главное — нам удалось оторваться от охранников, и у нас появилась небольшая передышка. Надеюсь, нам удастся добраться незамеченными до другого берега, ведь они, наверное, решили, что мы укрылись на барже. Подождем, пока она отойдет подальше от гавани, и отчалим.

С его предложением все согласились, однако еще довольно долго беглецы оставались под прикрытием баржи. Брайант, наконец, пришел в себя и все норовил отвернуться, словно стесняясь своей новой внешности. Колдунья сидела на носу шлюпки и внимательно осматривала противоположный берег.

На их счастье, вскоре начало темнеть. Под покровом ночи беглецы рассчитывали уйти как можно дальше от Карса. Вортгин хорошо знал здешние места и мог провести их полями, минуя селения, близ которых можно было нарваться на заставу.

— Нынешним приказом Ивиан самого себя обрекает на гибель, — сказал Вортгин. — Старая знать недолгоблудит герцога, а с нами они связаны кровными узами. Может, они и не встанут на нашу сторону, но, во всяком случае, людям герцога

помогать не будут. Уж скорее закроют глаза и уши, сделав вид, что ничего не знают.

— Да, Карстен отныне для нас закрыт, — согласилась колдунья. — Думаю, нужно уходить к границе, пока не поздно. Так-то... Тьма наступает!

Встретив ее взгляд, Саймон понял, что колдунья говорит не о ночной тьме, которая быстро сгушалась над их головами.

Глава 6

ПОДДЕЛЬНЫЙ СОКОЛ

Саймон, Корис и Вортгин, прикрывшись ворохом сена, лежали в поле за стогом и наблюдали, что делается в деревушке у перекрестка дорог. Там мелькали сине-зеленые плащи наемников герцога. Четверо хорошо вооруженных всадников явно были снаряжены для дальнего похода. Соблюдая церемониал, предводитель этого небольшого отряда подъехал к Столбу Объявлений и приложил к губам рог. Его латы сверкали серебром в лучах утреннего солнца.

— Раз... два... три... — вслух считал Корис.

Звуки рога разносились по всей округе, но что говорили наемники селянам, отсюда разобрать было невозможно.

Корис повернул голову к Вортгину.

— Герцог поспешает. Тебе нужно отправляться к своим, чтобы успеть их предупредить.

Вортгин с силой воткнул в землю кинжал, словно перед ним была грудь наемника в сине-зеленом плаще.

— Пешком я все равно не успею.

— Верно. Но у них есть как раз то, что нам требуется. — Корис ткнул пальцем в сторону верховых.

— За мостом дорога проходит через лес, — заметил Саймон.

На лице капитана, и без того ужасном, появилась злобная гримаса.

— Скоро они закончат разговоры. И нам пора.

Покинув засаду, они перешли вброд реку и двинулись по запущенной лесной дороге, которая уходила на север. Здешняя старая знать недолюбливала герцога, не любили его и простые люди, поэтому, кроме главных трактов, все остальные дороги постепенно приходили в негодность.

Дорога шла между холмов, поросших травой и кустарником — места небезопасные для любого путника, а тем более, если на нем плащ наемника. Саймон укрылся в кустах, Корис занял позицию поближе к реке, чтобы отрезать противнику путь к отступлению, а Вортгин засел по другую сторону дороги напротив Саймона. Теперь оставалось только ждать.

Предводитель наемников оказался толковым командиром. Один его человек ехал впереди и внимательно осматривал придорожные кусты, но он миновал спрятавшихся, не обнаружив их. Следом проехали двое — сам предводитель и его адъютант. Четвертый всадник замыкал отряд.

Когда он поравнялся с Саймоном, тот выстрелил, но не в него, а в адъютанта.

Выстрел оказался точным. Демонстрируя отличное владение конем, предводитель мгновенно развернулся и увидел, как замыкающий всадник тоже упал с лошади, кашляя кровью.

По плечу Саймона чиркнула игла — разорвав одежду, она оцарапала кожу, и он понял, что противник ему попался достойный. Ехавший впереди шитоносец ринулся было на помощь командиру, но тут Вортгин поднялся из-за куста и бросил в него кинжал. Оружие сверкнуло на солнце и вонзилось воину в горло — тот рухнул на землю, даже не вскрикнув.

В следующее мгновение над самой головой Саймона пронеслись копыта лошади, которая, вдруг потеряв равновесие, упала на спину и подмяла под себя хозяина. Тут из засады выскочил Корис и обрушил на голову тщетно пытающегося освободиться офицера свою железную палку.

Они быстро раздели наемников и поймали коней. Упавшая лошадь, к их радости, поднялась и как будто ничего себе не повредила, но перепугалась и беспокойно ржала. Оттащив тела наемников в кусты, они привязали снаряжение воинов к седлам, после чего направились к заброшенной овчарне, где оставили колдунью и Брайанта.

Когда они подходили к овчарне, двое оставшихся о чем-то жарко спорили: раздраженные возгласы Брайанта прерывал суровый голос колдуньи.

Но едва в проеме ветхой изгороди показался Саймон, они замолчали и не проронили ни слова, пока мужчины заводили коней с поклажей. Вдруг Брайант вскрикнул и бросился к узлу с кольчугой и кожаной курткой.

— Я хочу свою внешность обратно! И немедленно! — крикнул он запальчиво.

Впрочем, Саймон вполне разделял чувства молодого человека — в его-то возрасте играть ненавистную роль девицы — да это хуже рабства! Даже им, людям, давно уже подчинившим свою жизнь приказу, и то не хотелось больше оставаться в столь отвратительном обличье, хотя, возможно, только оно и спасло им жизнь.

— И то верно, — поддержал юношу Саймон. — Можем ли мы стать прежними по своей... точнее, по твоей воле, госпожа? Или требуется выждать какой-то срок?

Колдунья хмуро посмотрела на них из-под спутанных косм.

— Зачем тратить на это время? Нас еще могут настичь люди герцога. Вижу, вы уже встретились с ними. — Она взяла в руку сине-зеленый плащ, словно намереваясь примерить его к своей согбенной фигуре.

Брайант угрюмо смотрел на колдунью, прижимая к груди узел с кольчугой и курткой, его губы были плотно сжаты.

— Я уйду отсюда сам собой! Или вообще никуда не пойду! — воскликнул он, и Саймон ни на минуту не усомнился, что так оно и будет.

Колдунья сдалась. Достав из-за пазухи небольшой мешочек, она бросила его юноше.

— Ступай к ручью, омойся. Но порошка больше щепотки не трать, а то другим не хватит.

Брайант поймал мешочек и, прижимая к груди узел с одеждой, стремглав выскочил из овчарни, как будто боялся, что его остановят.

— А с нами как? — твердо спросил Саймон, готовый двинуться вслед за Брайантом. Корис привязывал лошадей к покосившейся изгороди. Его бандитская физиономия была отвратительна, но он умудрялся по-прежнему заразительно смеяться.

— Пусть птенчик спокойно избавится от своих нарядов, Саймон. В конце концов, он же столько терпел. Это платье, наверное, совсем вывело его из себя.

— Платье? — с удивлением спросил Вортгин. — Но...

— Саймон не принадлежит древней расе, — перебила его колдунья, проведя растопыренными пальцами по своим космам. — Он еще плохо представляет себе, что такое перевопло-

шение. Ты прав, Корис. — Колдунья как-то странно посмотрела на капитана. — Нужно дать Брайанту спокойно прийти в себя.

Сине-зеленый плащ незадачливого наемника мешком висел на юном воине, который много бодрее возвращался от ручья. Он швырнул алый комок ненавистного платья в угол овчарни и яростно принялся забрасывать его землей. Саймон, Корис и Вортгин направились к ручью.

Прежде чем окунуться самому, Корис тщательно обмыл и протер свою ржавую палку с крючьями. Выходя из воды, он уже держал в руках топор Вольта. Они разобрали одежду. Корис вновь надел свою кольчугу, которую захватил из Карса: никакая другая не подошла бы ему. В целях маскировки поверх кольчуги он накинул плащ наемника, так же поступили и остальные.

Вернувшись в овчарню, Саймон отдал мешочек колдунье. Та некоторое время подержала его, о чем-то раздумывая, а затем снова убрала себе за пазуху.

— Вы — славные воины герцога, а я — ваша пленница. В шлемах и капюшонах вы почти не похожи на людей древней расы, во всяком случае, это не так бросается в глаза. Ну разве что немножко у Вортгина. Но если меня увидят в истинном обличье, то всё пропало. Я сразу выдам всех, поэтому, пожалуй, со сменой внешности повременю.

Так они и покинули заброшенную овчарню — четверо воинов в сине-зеленых плащах наемников герцога и старуха, сидящая за спиной Брайанта. Лошади отдохнули, но всадники не торопились. Нужно было пересечь всю страну, и они двигались, избегая больших дорог и поселений. Наконец они достигли места, откуда Вортгину надлежало отправиться на восток.

— А мы вдоль торговых трактов на север, — сказала колдунья из-за спины Брайанта. — Если успеем предупредить сокольничьих, они беспрепятственно пропустят беженцев через горы. Скажи своим людям, чтобы не брали с собой много скарба — только оружие и провизию, сколько выдержит лошадь. И да будет с тобой Сила, Вортгин! Те, кого ты приведешь в Эскарп, станут кровью в его жилах!

Корис снял с плеча рог наемника и протянул его Вортгину.

— Он послужит тебе пропуском, если встретишься ненароком с людьми герцога. Удачи тебе, брат! Попадешь на се-

вер — приходи в гвардию. Для тебя там всегда найдутся подходящие доспехи!

Вортгин махнул рукой на прощание, пришпорил лошадь и галопом поскакал на восток.

— Что дальше? — спросила колдунья Кориса.

— К сокольничьим!

Она фыркнула.

— Ты забыл, капитан, хоть я стара и немощна с виду и кажется, что все соки из меня уже высосаны, я все же остаюсь женщиной — и значит, ворота крепости сокольничьих для меня закрыты. Переведи меня с Брайантом через границу, а потом отправляйся к своим женоненавистникам и сделай все, чтобы они были с нами! Граница, оцетинившаяся мечами, заставит Ивиана трижды подумать, прежде чем напасть на нас. Даже если сокольничьи только переведут наших родителей из Карстена через горы, мы и то будем у них в неоплатном долгу. Но прежде сбросьте вот это! — Она дернула рукой сине-зеленый плащ Брайанта. — Иначе в горах вас пригвоздят к какому-нибудь дереву, прежде чем разберутся, кто вы есть на самом деле.

На этот раз, когда над ними закружился сокол, Саймон не удивился тому, что Корис назвал птице настоящие имена членов отряда и объявил, зачем они направляются в горы. Капитан ехал впереди, Саймон — сзади, а в середине ехали Брайант с колдуньей. Они расстались с Вортгином в полдень, а теперь солнце уже клонилось к закату. Весь день они почти ничего не ели, если не считать скудных запасов из седельных сумок наемников.

Корис натянул поводья и подождал остальных. Он не сводил глаз с приближающихся гор, и Саймону показалось, что капитан потерял свою обычную уверенность.

— Что-то мне это не нравится, — проговорил Корис. — Мое сообщение давным-давно должно было попасть по назначению, и пора бы уже появиться дозорному отряду. Почему их нет? Когда мы были в Соколином Гнезде, сокольничьи прямо выступали за союз с Эсткарпом.

Саймон с тревогой смотрел на горные склоны.

— Без проводника я бы не отважился в темноте ехать дальше. К тому же, если ты считаешь, капитан, что сокольничьи ведут себя странно, тем более лучше не углубляться в их

владения. Давайте станем лагерем в первом же подходящем месте.

Саймона прервал Брайант, который, запрокинув голову, внимательно следил за парящей над ними птицей.

— Странный какой полет... — Юноша, бросив поводья, изобразил руками движение крыльев. — Сокол обычно машет крыльями вот так... Я часто наблюдал за ними. А эта птица, смотрите — хлоп, хлоп, хлоп!

Теперь уже все наблюдали за кружащей над ними птицей. Саймон не заметил в этом пернатом часовом ничего особенного. Точно такой же сокол, какого встретили они, выйдя из склепа Вольта. Впрочем, он ничего не смыслил в орнитологии.

— Ты можешь высвистеть его вниз? — спросил он Кориса. Капитан вложил пальцы в рот и громко свистнул.

В тот же момент Саймон вскинул самострел. Корис с криком ударил его по руке, но тот уже успел выстрелить. Игла попала точно в белое пятно на груди сокола, однако птица как ни в чем не бывало продолжала кружить над их головами.

— Я же говорил, что это не птица! — воскликнул Брайант. — Колдовство!

Ожидая объяснений, все повернулись к колдунье, но она не сводила глаз с сокола, который с торчащей в груди стрелой делал над ними очередной круг.

— Это не наша Сила, — вырвалось у нее невольно. — Не знаю, что это, но оно не живое!

— Кольдер! — воскликнул Корис и сплюнул.

Колдунья медленно покачала головой.

— Если это и кольдер, то не одержимый, как это было сделано с людьми Горма. Не знаю, ничего не могу понять...

— Нужно его поймать, — предложил Саймон. — Смотрите, он снижается. Может, стрела тянет его вниз? Дай-ка мне твой плащ, — обратился он к колдунье и спешился.

Она протянула ему свой драный плащ, и, перекинув его через руку, Саймон начал взбираться на скалу, мимо которой шла тропа. Он рассчитывал на то, что птица никуда не улетит за это время, и не ошибся. К тому же с каждым кругом сокол спускался все ниже и ниже.

Саймон ждал удобного момента, расправив плащ, и, держа его за угол, наконец бросил его в сокола, и птица забилась в этой импровизированной сети. Саймон потянул плащ на

себя, но сокол рванулся в сторону, вырвался и, как слепой, ударился головой о скалу.

Саймон бросился на него, ощутив под руками настоящие перья, но под ними... Он даже присвистнул от удивления. Под покровом сломанных перьев и прорванной кожи виднелась пучина мелких металлических деталей, колесиков, проводков и небольшое устройство, напоминающее мотор. Подняв сокола за крыло, Саймон спустился со скалы к товарищам.

— Ты уверен, что у сокольников только настоящие соколы? — спросил он Кориса.

— Соколы для них священы, — сказал Корис и побледнел, увидев внутренности птицы. — Нет, это не их выдумка. Ученые соколы — их сила, зачем им подделки?

— Но кому-то же понадобилось поднять в небо механического сокола! — воскликнул Саймон.

Колдунья склонилась над птицей и тоже дотронулась до нее. Когда она подняла глаза на Саймона, в них был вопрос и тревога.

— Другой мир... — прошептала она. — Это не наше колдовство. Такое не может быть порождено ни нашим временем, ни нашим миром. Чужое, Саймон, чужое...

Ее прервал возглас Брайанта, который, подняв руку, снова смотрел вверх. Еще одна черно-белая птица снижалась над ними плавными кругами. Саймон опять потянулся за самострелом, но юноша резко ударил его по руке.

— Этот — настоящий!

Корис свистнул, и птица, повинувшись приказу, как и положено ученому соколу, села на ту самую скалу, рядом с тропой.

— Я Корис из Эсткарпа! — крикнул капитан. — Пусть тот, кто послал тебя, крылатый брат, поторопится. Уже вершится большое зло, а впереди, возможно, еще большее. — Он взмахнул рукой, сокол поднялся в небо и улетел в горы.

Саймон убрал механическую птицу в свою седельную сумку. Еще в Соколином Гнезде он заинтересовался средствами связи сокольников и устройствами, которые они крепили к лапам соколов. Создание столь миниатюрных и точных приборов требовало соответствующих знаний, но откуда они у жителей средневековой крепости? Такое же недоумение вызывали у него искусственное освещение и система отопления Эсткарпа и Сулькара, а уж об энергетической установке, кото-

рую взорвал Магнус Осберик, и говорить нечего. Может быть, все это — остатки достижений древней цивилизации? Или все-таки пришло из другого мира?.. Ничего не видящими глазами Саймон смотрел вперед, силясь разрешить загадки этого мира.

Корис говорил ему о сверхчеловеческой расе Вольта, предшествовавшей нынешнему человечеству. Может, это и есть следы знаний вымершей расы? А может, сокольничьи и сулькарцы получили необходимые им знания где-нибудь за морем? Саймон хотел получше рассмотреть поддельного сокола, чтобы определить хотя бы, какой тип разума мог его создать.

Сокольничьи появились неожиданно, просто как из-под земли выросли перед ними. Они ожидали приближения отряда, не преграждая дороги, но и не приглашая следовать за ними.

— Фальтьяр с Южных Ворот! — Корис узнал их предводителя и снял с головы шлем, чтобы в лучах заходящего солнца можно было увидеть его лицо.

— Я Корис из Эсткарпа, со мной гвардеец Саймон...

— И женщина! — холодно сказал сокольничий, а его сокол заклекотал и взмахнул крыльями.

— Эта госпожа из Эсткарпа! Я должен провести ее через горы, — сказал капитан столь же холодно и жестко. — Мы не просим у вас убежища, но у нас есть важные известия для Владыки Крыльев.

— Путь через горы открыт для тебя, гвардеец. А известия ты можешь передать через меня: еще до восхода луны я доложу их Владыке Крыльев. Но ты сказал соколу, что здесь творится большое зло, а впереди еще большее. Я должен знать, в чем дело. Неужели Карстен двинул сюда свои войска?

— Герцог приказал трижды протрубить в рог перед людьми древней расы, и они, спасая жизни, обратились в бегство. А кроме того... Саймон, покажи им.

Саймон замешкался, ему не хотелось отдавать механическую птицу, пока он сам не успел в ней как следует разобраться. Горец осмотрел останки сокола, провел пальцем по крылу, тронул стеклянный глаз, отогнул прорванную кожу и увидел под ней металлические детали.

— Он летал? — недоверчиво спросил сокольничий.

— Летал, как твой, и следил за нами точно так же.

Фальтьяр ласково погладил по голове свою птицу, словно желал убедиться, что она настоящая.

— Здесь и впрямь творится большое зло. Ты сам должен говорить с Владыкой Крыльев! — Было видно, как горец разрывается между желанием соблюсти древние обычаи своего народа и необходимостью немедленных действий. — Если бы не женщина... госпожа... — неохотно поправился он. — Ей невозможно войти в Соколиное Гнездо!

Тут вмешалась колдунья.

— Мы с Брайантом останемся здесь, капитан, вы же с Саймоном поезжайте к Владыке Крыльев. А ты, сокольничий, запомни мои слова: близок день, когда придется отказаться от многих древних обычаев — и нам в Эсткарпе, и вам в горах. Лучше жить и сражаться, чем умереть связанным цепями предрассудков. Над миром нависла небывалая угроза, и мы должны быть вместе!

Сокольничий опустил глаза и молча неуклюже отсалютовал, всем своим видом давая понять, что идет на большие уступки. Затем его сокол с клетотом взвился в небо, а хозяин обратился к Корису:

— Будь спокоен, мы обеспечим госпоже полную безопасность. Едем!

Часть четвертая

ГОРМ

Глава 1

ПРОРЫВ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

В небо поднимался столб черного дыма, озаряемый время от времени языками пламени. Саймон привстал на стременах, чтобы лучше видеть завершение схватки его партизанского отряда с карстенским войском. На этот раз им тоже повезло. Но как знать, долго ли это будет продолжаться?.. Во всяком случае, до тех пор, пока удача не отвернется от них, они будут совершать свои вылазки в долины, прикрывая отход темноволосых беженцев из Карстена, что пробираются к границе целыми кланами, в полном вооружении и в одиночку, страдая от ран и истощения. Вортгин сделал свое дело. Древняя раса, точнее, то, что осталось от нее, через открытую сокольничьими границу уходила в Эсткарп.

Люди, не обремененные семьями и горящие желанием с оружием в руках отомстить врагу, оставались в горах, пополняя отряды Саймона и Кориса. Когда же капитана гвардейцев отозвали в Эсткарп, Саймон остался командовать один.

Они вели партизанскую войну, методы которой Саймон хорошо изучил в другое время в другом мире. В горах такая война была эффективна вдвойне, поскольку люди Саймона, в отличие от карстенских наемников, знали здешние места прекрасно. Кроме того, он заметил, что хмурые молчаливые всадники, которые ехали теперь за его спиной, какой-то неразрывной связью связаны с самой этой землей, с ее горами, животными и птицами, хотя те и не служили им так же, как ученые соколы сокольничьим. Например, Саймон обратил внимание на то, что стада оленей затаптывают следы их лошадей, а вороны с криками кружат над засадами карстенских наемников. Поэтому перед каждой вылазкой Саймон непременно выслушивал соображения своих сержантов и серьезно обдумывал их советы.

Хотя люди древней расы отлично владели оружием, они все-таки не были рождены для войны и к ратной службе относились как к неприятной обязанности, которую надлежит побыстрее выполнить и забыть. Убивая, они не истязали людей, поскольку вообще были неспособны на жестокость — в отличие от карстенских живодеров, которые чинили зверства над захваченными в плен беженцами и вырезали целые деревни.

Однажды, в одной из деревень, где произошла резня, побелевший, усилием воли сдерживающий тошноту, Саймон поразился словам одного из своих молодых офицеров.

— Не могли они сотворить такое по своей воле.

— А я такое и раньше видал, — возразил Саймон. — И все это делали самые обыкновенные люди.

Офицер, который прожил в этих местах всю свою жизнь и месяц назад бежал отсюда в горы, покачал головой.

— Ивиан — солдат, бывший наемник, и воевать — его дело. Но учинить такую расправу — значит посеять к себе лютую ненависть на многие-многие годы. А ему ведь здесь править. Герцог совсем не глуп, чтобы уничтожать свое собственное достоинство. Не мог он отдать приказ творить такие зверства!

— Но ведь эта резня не случайность... И мы видим подобное не первый раз! Словно здесь орудует какая-то банда, возглавляемая извергом!

— Верно. Мне кажется, что мы сражаемся с одержимыми.

Одержимые!.. Саймон вспомнил, в сочетании с каким словом говорили так в его прежнем мире — одержимые дьяволом! Что ж, пожалуй, после всего увиденного с этим офицером можно согласиться. Одержимые дьяволом... Опять вспомнилась засада на дороге в Сулькар. Да, одержимые, лишённые души! Неужели снова кольдеры?

Саймон начал делать записи о таких событиях, хотя вести дневник он не имел привычки. Больше всего его удивляло то, что ни разу не удавалось застать этих убийц на месте преступления. Ему хотелось посоветоваться с колдуньей, но та вместе с Брайантом ушла на север вслед за первой волной беженцев.

Многочисленные дозоры партизан ежедневно доставляли Саймону разведанные. По вечерам, уединившись в очередном наспех оборудованном командном пункте, он пытался осмыслить их и свести воедино, но ничего определенного до сих пор сказать было невозможно. Тем не менее он все больше

убеждался, что некоторые карстенские отряды действуют не свойственным им образом, и предполагал, что в войска герцога проникло чье-то чужое влияние.

Чужаки! Как и прежде, Саймона терзала мысль о таинственном несоответствии уровня развития общества и его технических достижений. Люди, бежавшие из Карстена, рассказывали ему, что энергетические установки появились у них давным-давно — их привезли откуда-то «из-за моря». Оттуда же, «из-за моря», привезли свои энергетические установки и сулькарские мореходы, а древняя раса приспособила эти установки для освещения и отопления помещений. И сокольничьи со своими удивительными средствами связи приплыли сюда «из-за моря». И кольдеры — тоже «из-за моря»! И что это вообще означает? Неужели все идет из одного источника?

Добытые сведения Саймон отправлял с гонцами в Эсткарп, получая от колдуний, в свою очередь, новости с севера. Единственное, в чем Саймон был уверен, — пока его отряд пополняют воины древней расы, он может не бояться проникновения чужаков, поскольку эти люди сразу почувствовали бы присутствие одержимых.

В горах обнаружили еще трех поддельных соколов. Но пока их ловили, все они разбились, и Саймону принесли только жалкие обломки. Кто и зачем сделал их? Это так и оставалось загадкой.

Ингвальд, офицер из карстенских беженцев, стоял рядом с Саймоном и смотрел в долину на уничтоженную деревню.

— Основные наши силы, с трофеями, уже отошли в горы, командир. На этот раз мы кое-что прихватили с собой. После пожара они не смогут определить, что попало в наши руки. Там взяли четыре ящика игл и поряточно провизии.

— Многовато для небольшого отряда, — Саймон нахмурился. Его мысли вернулись к текущим делам. — Похоже, герцог собирается где-то здесь базировать свои войска, а это может означать подготовку массированного наступления.

— Не понимаю, — задумчиво сказал Ингвальд. — С чего все это вдруг началось? Конечно, мы не особенно любим — да и не за что! — людей с побережья. Явившись из-за моря, они оттеснили нас в глубь страны. Но ведь десять поколений мы жили с ними мирно, не вмешиваясь в дела друг друга. Древняя раса никогда не помышляла о войне и не давала повода для столь

внезапного нападения. Но чем дальше, тем больше становится ясно, что все это давно и тщательно продумано.

— И не обязательно герцогом! — Саймон тронул коня. Адъютант ехал по тропе бок о бок с ним. — Мне нужен пленник, Ингвальд! Один из тех извергов, что развлекались в деревне у развилки дорог.

Темные глаза воина сверкнули.

— Если мы схватим такого, командир, его немедленно приведут к тебе.

— Живого и способного говорить! — предупредил Саймон.

— Живого и способного говорить! — повторил приказ Ингвальд. — Мы тоже считаем, что такой пленник многое бы мог прояснить. Но мы ведь ни разу не видели убийц! Только следы их работы! И думаю я, что зверствуют они намеренно, пытаясь запугать нас.

— Тут много неясного, — начал Саймон размышлять вслух. — Похоже, некто считает, что жестокостью нас можно запугать. Однако тогда этот некто не понимает, что этим он лишь усиливает сопротивление. А может... — Саймон помолчал. — Может, он делает это намеренно, чтобы направить нашу ярость на герцога и на Карстен вообще, втянуть Эсткарп в войну на юге, а затем ударить совсем в другом месте.

— А может быть, то и другое одновременно, — добавил Ингвальд. — Я знаю, командир, что ты ищешь чужаков в карстенском войске. Слышал и о событиях под Сулькарром, и о людях, проданных на Горм. Среди нас таких точно нет, мы бы их сразу распознали, как с самого начала поняли, что ты не из нашего мира.

Саймон удивленно обернулся и встретил спокойную улыбку Ингвальда.

— Да-да, человек из другого мира! Конечно, до нас дошли слухи о тебе, но уже после того, как мы сами поняли, что ты пришелец. Странно, ты из другого мира и все-таки не чужой нам. Кольдер, к примеру, не смог бы жить и воевать вместе с нами. Да и к сокольничьим он ни за что бы не проник — его бы сразу распознали соколы.

— Как это? — заинтересовался Саймон.

— Птицы и звери легко отличают чужаков, даже лучше колдуний. Так что люди, подобные тем, с Горма, сразу будут ими

обнаружены. Ученые птицы Соколиного Гнезда обеспечивают безопасность горной страны.

Как бы то ни было, еще до заката Саймону пришлось убедиться в том, что эта хваленая безопасность не более надежна, чем уязвимое тело птицы.

На стоянке воины разбирали трофеи. Саймон откладывал в сторону то, что собирался отправить в Соколиное Гнездо, когда услышал оклик часового и ответ приближающегося сокольничьего. Обрадованный возможностью переслать горцам их долю трофеев и тем самым разгрузить своих людей, Саймон двинулся ему навстречу.

Однако всадник почему-то, вопреки обычаю, не поднял забрало, как это было принято делать при встрече с союзниками. Впрочем, не только это заставило Саймона остановиться — его воины неожиданно насторожились и, оставив свои дела, двинулись к верховому, заходя ему в тыл. Как это уже бывало не раз, Саймона охватило чувство надвигающейся опасности.

Ни секунды больше не раздумывая, он молча бросился на всадника и схватил его за пояс, с удивлением отметив, что сокол даже не шелохнулся припадении на своего хозяина. Саймон действовал столь стремительно, что всадник не успел достать оружие, но затем, будто опомнившись, он всем телом навалился на Саймона и повалил его на землю. Руки в железных перчатках неумолимо потянулись к горлу Трегарта.

Его отчаянное сопротивление было подобно борьбе со стальной машиной — уже через мгновение Саймон понял, что пытается совершить невозможное. То, что было скрыто под доспехами сокольничьего, немыслимо одолеть в одиночку и голыми руками. К счастью, Саймон был не один: крепкие руки воинов стащили с него противника и, несмотря на то, что он яростно отбивался, прижали его к земле. Потирая исцарапанное горло, Саймон привстал на колени.

— Снимите с него шлем! — приказал он.

Ингвальд занялся ремешками шлема и, наконец, с трудом расстегнул их.

Весь отряд собрался вокруг воинов, прижимающих к земле чужака, который не переставал вырываться. У всех мужчин горной страны была характерная внешность — рыжеватые волосы и желто-карие глаза, как и у их пернатых слуг. Таким же был с виду человек, прижатый к земле, но собравшиеся около

него воины твердо знали, что перед ними лежит кто угодно, только не сокольниковый.

— Покрепче свяжите его! — приказал Саймон. — Я думаю, Ингвальд, мы нашли то, что искали. — Он подошел к лошади, на которой приехал в лагерь мнимый сокольниковый, — она была вся в поту, с удил свисали клочья пены. Похоже, ее едва не загнали. В глазах животного стоял дикий страх, однако, когда Саймон потянулся к узде, лошадь даже не шевельнулась и по-прежнему стояла, опустив голову, только крупная дрожь пробежала по всему ее телу.

Сокол сидел совершенно спокойно: он не бил крыльями, не норовил клюнуть Саймона. Тот, осторожно протянув руку, схватил птицу и сразу ощутил, что держит в руках нечто неживое.

С соколом в руке он повернулся к адъютанту:

— Ингвальд, позови сюда Латора и Карна. — Он назвал имена двух лучших разведчиков. — Пусть срочно отправляются в Соколиное Гнездо, надо выяснить, как далеко проникла эта зараза. Даже если там все в порядке, мы должны предупредить сокольниковых. А вместо доказательств, — Саймон поднял с земли птицеключевой шлем всадника, — пусть покажут вот это. Я уверен, шлем настоящий и сделан руками горцев. — Он подошел к связанному пленнику. Тот молчал, но глаза его горели ненавистью. — Нет, не могу поверить, что это один из них...

— А мы не возьмем его с собой? — спросил Карн. — Или хотя бы птицу?

— Нет. Мы еще ничего не узнали, поэтому пока оставим их у себя. А этого нужно хорошенько стеречь, — он кивнул на связанного.

— Пещера у водопада, командир! — воскликнул Вальдис, юноша из клана Ингвальда, последовавший за ним в горы. — Там достаточно одного часового у входа. И никто не знает о ней, кроме нас.

— Хорошо. Ингвальд, проследи за этим.

— А ты, командир?

— Я хочу выяснить, откуда идет его след. Как знать, может, он явился из Соколиного Гнезда, тогда чем раньше мы узнаем печальную правду, тем лучше.

— Вряд ли, командир. Но даже если и так, то он ехал круглым путем, ведь крепость сокольничьих находится от нас к востоку, а всадник появился с запада, на тропе, что идет от моря. Санту! — Ингвальд позвал одного из тех воинов, которые связывали пленника. — Поставь на тропе часовых и пришли ко мне Калуфа — который первым окликнул этого всадника.

Саймон оседлал лошадь и пристегнул к седлу сумку с провизией. В нее же он положил и механическую птицу, впервые попавшую к нему в руки неповрежденной. Он заканчивал сборы, когда к нему подбежал Калуф.

— Ты уверен, что всадник появился с запада? — спросил Саймон.

— Я готов поклясться в этом на камне Энгиса, командир! Сокольничьи не любят море, хотя иногда они и служат у мореходов. Но я не слышал, чтобы они патрулировали побережье. А этот появился как раз между скал, что прикрывают тропу, идущую от бухты, и ехал он так, словно хорошо знал дорогу.

Саймон встревожился не на шутку. Эту бухту они обнаружили пять дней назад, и она была его единственной надеждой на организацию морской связи с севером. В бухте не было скал и подводных камней, которыми изобиловало все побережье, и Саймон вознамерился соорудить там гавань для небольших судов, чтобы переправлять на Север беженцев и в то же время снабжать защитников границы оружием и боеприпасами. Если бухта находится в руках врага, это надлежит выяснить — и немедленно!

В сопровождении Калуфа и еще одного воина Саймон покинул лагерь. По пути он внимательно изучал местность, отмечая все, что могло пригодиться для будущих операций. Но мысли о делах насущных перемежались раздумьями совсем иного рода.

Когда он сидел в тюрьме, у него было предостаточно времени, чтобы довольно глубоко заглянуть в самого себя. А глубины эти были мрачны. Его душа словно спала до сих пор под спудом повседневных забот воинской службы. Порой ему казалось, что кроме них ничего и нет, что там, внутри, — пустота. А может, Саймон просто не давал выхода тому, что там было?

Он познал страх, но это преходящее чувство обычно только побуждало его к действию. Некогда он поверил Петронию, что, шагнув за ворота, он найдет себя вновь. Но пока этого не произошло. Ингвальд говорил об одержимых... Одержимые дьяволом... Но как узнать, владеешь ли ты собой сам или тобой руководит некто?

Саймон как бы раздвоился, постоянно наблюдая за собой со стороны. Чужак... Его войны сразу это почувствовали. Может быть, он сам — так же неуместен в этом мире, как те несоответствия, над которыми он ломает голову? Саймону показалось, что он находится на пороге какого-то открытия, которое значит очень много не только для него самого, но и для дела, которому он служит.

Ход его мыслей мгновенно прервался, когда он увидел большую ветку дерева, изогнутую горными ветрами и почти лишенную зелени. Она черной линией выделялась на фоне ясного неба, но еще чернее было то, что висело на ней.

Саймон пригнулся в седле, рассматривая три маленьких тельца, раскачивающиеся на ветру — раскрытые клювы, остекленевшие глаза, когтистые лапы с алыми лентами и серебряными пластинками. На ветке висели три настоящих сокола со свернутыми шеями, которых специально повесили здесь, чтобы всякий, проезжающий по тропе, наткнулся на них.

— Зачем? — воскликнул Калуф.

— Вероятно, предупреждение. — Саймон спешил и бросил поводья Калуфу. — Оставайтесь на месте. Если меня долго не будет, возвращайтесь и доложите все Ингвальду. За мной не ходите, мы не можем зря терять людей.

Воины начали было возражать, но Саймон решительно остановил пререкания и углубился в заросли. Вскоре он обнаружил следы множества ног, сломанные ветки, вытопанную траву, обрывки каких-то тряпок. Саймон приближался к морю: послышался шум прибоя. Все следы свидетельствовали о том, что люди пришли со стороны бухты.

Он уже дважды ходил этой тропой и теперь восстанавливал в памяти картину местности. К сожалению, берег бухты был совершенно лишен растительности, и по обе ее стороны возвышались голые скалы. Оставалось одно — сделать крюк и забраться на утес.

Этот подъем напомнил Саймону другую скальную стену, по которой он карабкался к склепу Вольта. Вот и сейчас он цеплялся руками и ногами за малейшие трещины в камне и наконец добрался до верха, лег на живот и посмотрел вниз.

Саймон ожидал увидеть все, что угодно — голый прибрежный песок безо всяких следов присутствия человека, отряд карстенских наемников, стоящий на якоре корабль... Но увидел он такое... В первый момент Саймон подумал, что перед ним просто очередное наваждение этого странного мира. Потом испугался — уж не галлюцинации ли у него начались, а вдруг то, что он видит, — порождение его собственного мозга? Но, присмотревшись внимательнее к совершенно гладкому металлическому корпусу, Саймон понял, что он, хотя и очень напоминает ему нечто знакомое, но все же отличается от всего, что он видел раньше.

Очевидно, это все-таки какой-то корабль, несмотря на то что у него почему-то нет ни надстроек, ни мачт, ни снастей. Нос и корма судна были заострены, и это придавало ему сходство с торпедой. На гладкой палубе Саймон увидел трех человек, которые стояли возле люка. Все они были в птицеклювых шлемах сокольниковых, но он, непонятно каким образом, вдруг понял, что среди них нет ни одного настоящего горца.

И вновь Саймон, разглядывая таинственное судно, подумал о загадках этого мира. Ведь корабли сулькарцев ходили под парусами и не имели двигателей. А этот корабль как будто явился из его собственного мира! Как могут сосуществовать два таких различных уровня цивилизации? Неужели опять кольдеры? Чужое, чужое... Ему казалось, что он вот-вот поймет, вот-вот догадается...

На какое-то мгновение Саймон, увлекшись рассуждениями, потерял бдительность. Только крепкий шлем, добытый им в Карсе, спас ему жизнь — обрушившийся неизвестно откуда удар оглушил его. Он уловил запах мокрых перьев и еще чего-то незнакомого... Плохо соображая, Саймон попытался встать, но последовал очередной удар, и он краем глаза заметил крыло повергнутого врага. Сокол! Настоящий или поддельный? Этот вопрос он унес с собой в непроницаемую мглу, сомкнувшуюся над ним.

Глава 2

ПРОДАННЫЕ НА ГОРМ

От тупой, пульсирующей боли разламывалась голова, в висках стучало так, словно кто-то там, внутри, колотил в барабан. Саймона бил озноб. Стоило ли приходить в сознание, чтобы терпеть такие муки? Вскоре он понял, что этот стук у него в висках усиливается каким-то внешним, ритмичным постукиванием. То, на чем он лежал, равномерно, в такт ударам, вздрагивало.

Открыв глаза, Саймон не увидел света, а шевельнувшись, обнаружил, что связан по рукам и ногам. У него возникло ощущение, что он находится в заколоченном гробу, и Саймон прикусил губу, чтобы не закричать от ужаса. Борьба со страхом на какое-то время притупила восприятие, и он далеко не сразу обнаружил, что в этом гробу есть и другие пленники.

Справа от него время от времени кто-то постанывал, слева — кого-то рвало, и это лишь добавляло зловония в спертую атмосферу их общей темницы. Как ни странно, эти звуки успокоили Саймона, и он позвал:

— Кто здесь? И где это мы? Кто-нибудь знает?

Стонущий человек как будто всхлипнул, но ничего не ответил — то ли он не мог справиться с болью, то ли не понял.

— Кто ты? — послышался тихий шепот справа.

— Я с гор. А ты? Это что, карстенская тюрьма?

— Уж лучше бы так! Бывал я в карстенских застенках, да и в камере для допросов — тоже, а потому повторяю — лучше бы уж попасть туда.

Саймон начал вспоминать, что с ним произошло. Он забрался на скалу осмотреть бухту, обнаружил там странный корабль... Потом его атаковал сокол, поддельный, конечно! А дальше — мрак. Вывод напрашивался сам собой — он находится в трюме необычного корабля!

— Мы в руках тех, кто скупает людей для Горма? — спросил он.

— Ты не ошибся, человек с гор! Тебя не было с нами, когда приспешники Ивиана продали нас кольдерам. Значит, ты один из захваченных позже горцев?

— Эй, сокольничьи! Люди Крылатого Племени! — громко крикнул Саймон, и эхо его голоса прокатилось из одного конца трюма в другой. — Сколько вас тут? Вас зовет один из защитников границы!

— Нас трое. Правда, Фальтьера бросили сюда без сознания, и мы не знаем, жив ли он еще...

— Фальтьяр! Страж Южных Ворот! Как вы попали в плен?

— Мы узнали о бухте, куда могут приставать корабли, а вскоре прибыл гонец из Эсткарпа и сообщил, что нам могли бы доставлять оружие морем, если бы было где высадиться. Тогда Владыка Крыльев и приказал нам разведать эту бухту. Мы были близки к цели, когда на нас напали соколы, но это были чужие птицы. Очнувшись мы уже на берегу, без доспехов и без оружия, а потом нас затащили на этот ни на что не похожий корабль. Это говорю я, Тандис, который пять лет прослужил матросом на кораблях сулькарцев и повидал столько портов и столько кораблей, что и за неделю не пересчитаешь, но ничего подобного еще не встречал!

— Тут колдовство кольдеров, — послышался слабый голос справа. — Невозможно уследить за временем, когда сидишь в непроглядной тьме. Ночь или день теперь? В Карсе меня бросили в тюрьму за то, что, когда прозвучал рог, я спрятал у себя женщину и ребенка из древней расы. Всех, кто помоложе, перевезли из тюрьмы на остров в устье реки. Там нас осматривали...

— Кто? — быстро спросил Саймон. Подумать только, рядом находится человек, который, возможно, видел этих таинственных кольдеров!

— Не помню... — еле слышно донеслось справа. — У этих людей с Горма какое-то колдовство... Голова начинает кружиться, а потом ничего не помнишь... Говорят, что они демоны из-за моря, я думаю, так оно и есть!

— А ты, сокольничий? Ты видел их?

— Да, видел. Но мне почти нечего добавить. Нас втащили сюда карстенские наемники, ну а эти — известно, оболочка без разума и воли, железные мышцы на службе у своих хозяев. И одежду у нас забрали, чтобы наших же людей одурачить.

— Одного такого мы поймали, — сказал Саймон. — Может, хоть отчасти дело прояснится.

Он спохватился, подумав, что сболтнул лишнее, ведь у этих стен могут быть уши и, возможно, кто-нибудь подслушивает беспомощных пленников.

В трюме оказалось десять карстенцев, бывших заключенных, которых арестовали за нарушение приказов герцога, а также — трое сокольничьих, захваченных в бухте. Большинство пленников находилось в полубессознательном или близком к тому состоянию. Если они и могли что-нибудь вспомнить, то воспоминания одних заканчивались прибытием на остров в устье реки, других — на берег бухты.

Продолжая расспросы, Саймон обнаружил одну закономерность: в этот жуткий трюм попали люди крепкого телосложения, энергичные и хорошо владеющие оружием. Именно такими здесь были все, начиная от сокольничьих, которые, постоянно живя в военных поселениях, по существу, являлись профессиональными воинами, и кончая соседом справа от Саймона, карстенцем, который был мелким провинциальным землевладельцем и командовал отрядом самообороны. Все — в возрасте от двадцати до сорока, и все — совершенно здоровы, если не считать синяков, полученных в застенках герцога. Среди карстенцев Саймон нашел даже двух братьев из знатной, но обедневшей семьи. Молодых людей тоже бросили в тюрьму за то, что они укрывали беженцев. Однако ни одного человека древней расы здесь не было. Опять же, по рассказам пленников он понял почему: всех представителей древней расы — мужчин, женщин и детей — убивали на месте, в плен не брали никого.

Наконец, один из братьев, которого Саймон вывел из оцепенения терпеливыми расспросами, сообщил ему очень важные сведения.

— Наемник, который оглушил моего брата, — да грызут его день и ночь крысы! — не хотел брать в плен Ренстона, нашего побратима. Мы вместе ели, пили и учились владеть мечом. А когда был объявлен этот приказ, он прятался, и мы понесли ему провизию и оружие, чтобы он попытался уйти за границу. Но нас выследили и схватили, правда, трое из них заплатились за это жизнью! Потом один наемник начал связывать Ренстона, но офицер сказал, что он зря старается, поскольку торговцы с Горма не берут людей древней крови. Тот начал убеждать командира, что Ренстон столь же молод и си-

лен, как и мы, и что за него хорошо заплатят. Но офицер оборвал его и заявил, что древнюю расу можно сломить, но не согнуть, и тут же пронзил грудь Ренстона мечом.

— Сломить, но не согнуть... — медленно повторил Саймон.

— Люди древней расы одной крови с народом Эсткарпа, — добавил юноша. — Наверное, демоны с Горма не могут подчинить их себе так же легко, как это удастся с другими.

— Но почему Ивиан столь внезапно ополчился на древнюю расу? — полушепотом спросил Саймона карстенец справа. — Ведь они ушли на окраины и не мешали нам. А те, кто подружился с ними, говорили о них только хорошее, и дружбе не мешали ни их древние знания, ни странные обычаи. Неужели Ивиан действует по чьему-то приказу? Тогда кто отдает такие приказы? И зачем? Как знать, братья мои по несчастью, может, люди древней крови, жившие среди нас, служили своего рода препятствием для проникновения зла с Горма. Ну вот Горм и решил устранить его!

Что же, вполне логично. Саймон и сам думал о происходящем примерно так же. Он собирался продолжить расспросы, но сквозь тихие стоны еще не пришедших в сознание пленников он уловил какое-то шипение — звуки до ужаса ему знакомые. Спустя минуту он понял — в трюм поступает какой-то газ.

Люди задыхались и кашляли, бились в конвульсиях и затахали. Саймон думал лишь об одном: едва ли четырнадцать человек заташили в этот трюм только для того, чтобы умертвить газом. Он, успокоенный этой мыслью, сделал глубокий вдох, почему-то вспомнив анестезию у зубного врача в его прежнем мире.

— Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... — Слова не слова, непонятные звуки, какой-то высокий голос... Он приказывает. Следуя инстинкту самосохранения, Саймон лежал не двигаясь.

— Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... Бу-бу-бу...

Боль в голове притупилась. Саймон понял, что он уже не на корабле — под ним больше ничего не вздрагивало и не качалось; он был раздет донага и дрожал от холода.

Голос смолк, но Саймон продолжал лежать неподвижно, как будто помимо воли подчиняясь какому-то приказу.

Пытаясь вывести себя из этого состояния, Саймон дважды сосчитал до ста. Ни звука. Он поднял веки и тотчас опустил

их — в глаза ударил яркий свет. Мало-помалу глаза привыкли, он осмотрелся, насколько мог это сделать, лежа и не шевелясь, и увиденное поразило его не меньше, чем странный корабль.

Не так уж часто Саймон бывал в лабораториях, но ряды банок, мензурок и пробирок на полках прямо перед ним свидетельствовали о том, что он находится именно в лаборатории.

Один ли он тут и зачем? Сантиметр за сантиметром он медленно и осторожно осматривал все, что попадало в поле его зрения. Судя по всему, лежал он не на полу, но поверхность под ним достаточно жесткая, значит — стол. Саймон очень медленно повернул голову, полагая, что осторожность не помешает. Теперь ему была видна стена — серая, голая, с какой-то линией... Еще чуть-чуть повернув голову, он понял, что это дверь...

Так... Это одна сторона комнаты. Все так же осторожно Саймон повернул голову в другую сторону и увидел на столах, стоявших в ряд, еще пятерых голых людей. Все пятеро были либо мертвы, либо без сознания. Скорее, пожалуй, второе..

Потом Саймон увидел высокую худощавую фигуру человека, стоявшего к нему спиной. Человек склонился над первым в ряду столом. Кроме серого комбинезона да такой же шапочки, Саймон пока ничего не видел и не мог определить ни пола, ни расы оператора, целиком поглощенного своей работой. Рядом с ним стоял передвижной столик со всевозможными склянками. На голове распростертого человека Саймон увидел круглую металлическую шапку, а в его вены были введены иглы, к которым крепились трубочки, идущие от склянок. Похолодев от ужаса, Саймон наблюдал за умерщвлением человека в человеке, за той смертью, после которой превращаются в существо, подобное тем одержимым, с какими он сражался под Сулькармом.

То же самое ждет и его! Саймон пошевелил руками и ногами — вроде порядок. Хорошо еще, что он оказался в этом ряду последним! Саймон немного замерз, но, похоже, вполне владел своим телом.

Серая фигура, по-видимому, закончила с первым человеком и перешла ко второму. Саймон сел. Слегка закружилась голова, и он невольно ухватился руками за край стола, но, к счастью, это резкое движение не выдало его.

Очевидно, работа на другом конце комнаты была весьма сложной и требовала от оператора полного внимания. Чувствуя, что от смещения центра тяжести стол под ним вот-вот опрокинется, Саймон спустил ноги и перевел дыхание лишь тогда, когда его ступни твердо встали на гладкий холодный пол.

Он с надеждой взглянул на своего соседа, думая, что и тот, может быть, очнулся. Однако юноша лежал совершенно неподвижно с закрытыми глазами, а грудь его поднималась и опускалась с поразительно большими интервалами.

Саймон шагнул к полкам — только там он сможет найти какое-нибудь оружие. Даже если ему удастся добраться до двери незамеченным, бежать отсюда, не разобравшись в обстановке, довольно рискованно. А кроме того, он не мог оставить здесь пятерых человек, обреченных на смерть, — что хуже смерти!

Он взял с полки большую бутылку, наполовину заполненную какой-то желтой жидкостью. На ощупь бутылка казалась стеклянной, но была значительно тяжелее. Взяв ее за горлышко, Саймон осторожно двинулся к столу, над которым склонился оператор.

Босиком он двигался совершенно бесшумно и, наконец, подкравшись со спины к ничего не подозревавшему оператору, со всей силы ударил его бутылкой по голове.

Не издав ни звука, тот мешком повалился на пол и потащил за собой провода, которые только что собирался укрепить на голове очередной жертвы. Саймон бросился было на упавшего, схватил за горло, но тут же остановился, увидев разбитый, залитый кровью затылок. Саймон приподнял тело, оттащил его в проход между столами и только там взглянул в лицо тому, кого определенно считал кольдером.

То, что он увидел, несколько разочаровало его. Вопреки всему тому, что рисовало его богатое воображение, перед ним лежал обыкновенный человек. У него были мелкие черты, широкие скулы и очень маленький узкий подбородок, никак не соответствующий верхней половине лица. И что бы там ни таилось в его голове при жизни, во внешности человека не было ничего демонического.

Саймон снял с кольдера комбинезон, затем, хоть ему и не хотелось трогать разбитую голову, снял шапочку и отправился с ней к раковине в другом конце комнаты, чтобы смыть кровь. Под комбинезоном на человеке оказалось какое-то плотно

прилегающее одеяние, причем Саймон не нашел никаких застежек, и снять его не удалось, поэтому он удовольствовался только верхней одеждой.

Тем двоим, которых оператор уже подключил к трубочкам, Саймон вряд ли уже мог помочь — он просто ничего не смыслил в этих устройствах. Однако, осмотрев оставшихся троих и попытавшись поднять их, Саймон понял, что и это тоже невозможно. Вероятно, они находились в состоянии, подобном наркотическому трансу. И как это он сам избежал участи, постигшей его товарищей по несчастью?

Ничего не добившись, Саймон подошел к двери, на которой не было ни щеколды, ни ручки, но, поднажав на нее, он обнаружил, что она отодвигается вправо. Он выглянул. Стены, пол и потолок пустынного коридора были того же унылого серого цвета, что и в лаборатории. Слева от себя Саймон увидел еще несколько дверей и подошел к ближайшей из них.

Осторожно, так же осторожно, как он пошевелился, приходя в сознание, Саймон приоткрыл дверь. Заглянув в щель, он увидел людей, которых кольдеры привезли на Горм, если, конечно, он находится на Горме. Там было человек двадцать: они лежали в ряд и пока еще в одежде, но, как Саймон понял после беглого осмотра, все тоже были без сознания. Надеясь, что те трое, оставшиеся в лаборатории, придут в себя, он перетащил их в эту комнату и положил рядом с остальными.

Осмотрев лабораторию, Саймон нашел несколько ланцетов и прихватил с собой самый большой. Он срезал оставшуюся одежду с убитого оператора и положил тело на один из столов так, чтобы разбитая голова не бросалась в глаза при входе. К сожалению, он не понял, как запирается дверь в лабораторию, а то бы запер ее непременно.

Заткнув ланцет за пояс, он брезгливо натянул на голову влажную шапочку. Несомненно, в этих бутылках и банках, что поблескивали на полках, можно было найти оружие и более действенное, но, подумав немного, Саймон махнул рукой — это не его стихия, ему сподручней, уж если на то пошло, орудовать ланцетом да собственными кулаками.

Саймон вышел в коридор и направился к следующей двери. Интересно, долго ли они еще не хватятся убитого им оператора?

Две двери открыть не удалось, но в конце коридора Саймон увидел еще одну. Она была приоткрыта, и он проскользнул внутрь, заключив после осмотра, что попал в жилую комнату. Строгая мебель, кресла, кровати, и... Саймон не верил своим глазам! То, что он сначала принял за стол, было скорее пультом управления. Его мозг отказывался связать воедино мир Эсткарпа, Соколиного Гнезда, Карса с тем, что он увидел здесь, ибо там было прошлое, а это — будущее!

Открыть ящики стола Саймон не смог, хотя на каждом из них были, казалось бы, специальные углубления для нажатия пальцем. Он присел на корточки, чтобы разобраться получше.

По стенам шли такие же ящики, в них тоже были углубления для пальцев, но и эти ящики не поддавались! Стиснув зубы, Саймон решил взломать хоть один из них ланцетом.

Сделать этого он не успел — в комнате раздался чей-то голос. Саймон резко обернулся и никого не обнаружил — он слышал речь, но не видел говорящего. Языка этого Саймон не знал и, конечно, не понял ни слова, но судя по интонации, ему задавали вопрос, на который следовало дать немедленный ответ.

Глава 3

СЕРЫЙ ХРАМ

За ним наблюдают? Или он слышит какое-то сообщение по системе оповещения? Убедившись, что он по-прежнему один в комнате, Саймон прислушался, пытаясь сориентироваться по интонации говорящего. Спустя немного времени он понял — повторяется один и тот же вопрос, но значит ли это, что его обнаружили?

Интересно, скоро ли невидимый диктор начнет действовать? Немедленно, если не дождется ответа? Может быть, это предупреждение, но о чем? Саймон вышел из комнаты.

Поскольку коридор здесь заканчивался тупиком, он двинулся в другой его конец, мимо комнат, где уже побывал... Но никаких комнат не было! То есть он не видел больше ни одной двери; его глазам предстала голая сплошная стена. Вспомнив о наваждениях колдуний Эсткарпа, Саймон провел рукой по серой поверхности — ничего. Если там и были скрыты двери,

то не при помощи наваждения. Его убеждение в том, что кольдеры представляют собой совсем иной тип цивилизации, нежели жители Эсткарпа, и для достижения своих целей опираются на знания, а не на колдовство, окончательно укрепились в нем.

Даже технические достижения его прежнего мира показались бы людям Эсткарпа колдовством, и это значит, что в Эсткарпе лишь он, Саймон Трегарт, может осмыслить и отчасти понять творящееся на Горме, а может быть, и сделать то, что не по силам ни одной колдунье.

Саймон медленно шел по коридору, ведя рукой по стене в надежде обнаружить выход. Неужели удача отвернулась от него?

Снова над его головой раздалась команда на непонятном языке — в голосе звучали железные нотки приказа. Почувствовав опасность, Саймон замер на месте — в любое мгновение он может оказаться в западне.

И тут он обнаружил выход! Но вовсе не там, где ожидал — дальше по коридору он увидел боковой ход, откуда лился яркий свет. Саймон вытащил из-за пояса ланцет и, приготовившись к неожиданному нападению, свернул за угол.

Вновь тишину нарушил лающий металлический голос, и Саймон пришел к выводу, что здешние хозяева еще не вполне разобрались в ситуации: по-видимому, в комбинезоне и шапочке его принимали за оператора, который ведет себя ненадлежащим образом, и требовали от него отчета.

Решив не выходить из роли как можно дольше, Саймон почувствовал себя увереннее и, возможно, в результате этого потерял осторожность. Он едва не запаниковал, когда в помещении, куда он вошел, закрылась дверь, и он оказался в замкнутом пространстве, как в мышеловке. Однако, прислонившись к стенке и почувствовав слабую вибрацию, Саймон понял, что находится в лифте. Это открытие несколько успокоило его, еще больше утвердив в мысли, что цивилизация кольдеров по своему типу близка цивилизации его прежнего мира. И, что ни говори, Саймон чувствовал себя куда спокойнее, находясь в лифте кольдеров, нежели в комнате, заполненной клубящимся туманом, и глядя, как твой друг превращается в отвратительного бродягу.

Однако, несмотря на то, что увиденное показалось ему отчасти знакомым, изнутри Саймона пробирал холодок, поскольку вся здешняя атмосфера была чуждой. И не только чуждой, и не только угрожающей, но отрицающей все то, что Саймон мог назвать близким себе. Он совершенно не представлял, как соотнести кольдеров с родом человеческим, в то время как колдуньи Эсткарпа — все-таки люди!

Вибрация прекратилась. Саймон не сомневался, что дверь откроется, вот только где она, с какой стороны?

На этот раз снаружи послышались какие-то звуки — тихое гудение и приглушенные голоса. Одна из стен кабины отошла в сторону, и Саймон осторожно вышел, очутившись в небольшом помещении. И снова его глазам предстало нечто до боли знакомое: вся стена напротив была занята большой картой, на которой он обнаружил изрезанную береговую линию, знакомые горы и разноцветные огоньки, разбросанные по всей карте. На побережье, где находился разрушенный Сулькар, и в заливе, где находился Горм, — бледно-фиолетовые, на равнинах Эсткарпа — желтые, в Карстене — зеленые, а в Ализоне — красные.

Вдоль всей стены под картой стоял длинный стол, на котором через равные промежутки были установлены какие-то приборы — мигали сигнальные огни, время от времени раздавался треск, и перед каждым таким устройством спиной к Саймону сидела фигура в сером комбинезоне и шапочке. Все были настолько поглощены делом, что никто даже не обернулся при появлении Саймона.

Немного в стороне стоял другой стол, похожий скорее на пульт, за которым сидели еще трое кольдеров. Тот, что посередине, был в металлическом шлеме, от которого за спину кольдера тянулась паутина кабелей и проводов. Лицо его не имело никакого выражения, глаза были закрыты, но он явно не спал — время от времени его пальцы пробегали по клавишам и тумблерам на пульте. Чем дольше Саймон наблюдал за происходящим, тем больше он убеждался в том, что попал в некий центр управления. Голос, который Саймон прежде слышал как бы ниоткуда, принадлежал кольдеру, сидевшему слева от фигуры в шлеме. Вдруг он заметил Саймона, и в первую минуту на его широком лице можно было прочесть лишь

нетерпение, но почти сразу же оно сменилось ненавистью — кольдер понял, что перед ним чужой!

Саймон прыгнул. До пульта было далековато, но один из операторов, сидевших за приборами, оказался в зоне его досягаемости. Саймон нанес ему страшный удар ребром ладони — от такого удара обычно ломается позвоночник, только на этот раз он хотел просто оглушить свою жертву. Прикрываясь обмякшим телом оператора, как щитом, он стал пятиться к стене, где увидел еще одну дверь, за которой и надеялся скрыться.

К изумлению Саймона, кольдер, первым заметивший его, даже не пошевелился, не делая никаких попыток помешать ему. Он лишь медленно повторял, на этот раз на языке жителей материка:

— Вернись в свой отсек и доложи своему начальнику!

Саймон продолжал пятиться к выходу. Оператор, сидевший рядом с тем, которого он оглушил, перевел изумленный взгляд с Трегарта на кольдера за главным пультом и снова на Саймона. Потом в его сторону обратились недоуменные лица и других операторов, и каждый из них явно ожидал со стороны Саймона немедленного повиновения. Кольдер встал из-за пульта и твердо сказал еще раз:

— Вернись в свой отсек! Немедленно!

Как бы не так! Саймон рассмеялся, совсем не предполагая, какой эффект произведет его смех — все кольдеры, за исключением фигуры в металлическом шлеме с проводами, повскакивали с мест. Операторы тревожно уставились на кольдеров за пультом, словно ожидая приказа.

Саймон подумал, что не засмейся он, а заори во все горло, они все равно удивились бы меньше. Неповиновение казалось им чем-то непостижимым.

Тот, что отдавал приказы, положил руку на плечо кольдера в шлеме и потряс его, явно забеспокоившись не на шутку. Потрявоженный кольдер открыл глаза, осмотрелся, и его взгляд застыл от неожиданности — теперь он смотрел на Саймона, как на привидение.

Затем последовала атака. Нет, никто не сделал ни шагу в его сторону, но какой-то мощный силовой удар придавил Саймона к стене, да так, что он едва мог вздохнуть. Тело оператора, которым Саймон прикрывался, выскользнуло из его рук и сползло на пол — он не мог его удержать, поскольку каждый

вдох давался ему с огромным трудом. Если он так и будет стоять, прижатый к стене этим чудовищным прессом, едва ли его хватит надолго. Саймон лихорадочно думал, что делать. Колдовство Эсткарпа, по-видимому, обострило его восприятие, и он сообразил, что западня, в которую он попал, создана исключительно силой духа, а значит, и бороться с ней возможно только тем же средством.

Правда, хоть он и имел некоторое представление о методах колдуний, у него не было практически никакого опыта. Собрав всю свою волю, Саймон сконцентрировал ее на том, чтобы поднять руку. Это давалось с таким неимоверным трудом, что казалось, он вот-вот лишится сил.

Подняв одну руку, он так же, затрачивая огромные усилия, поднял и другую. Напрягая волю, он заставил работать мышцы ног и начал потихоньку перемещаться к выходу. По широкому лицу кольдера в шлеме пробежала тень удивления, а может, это ему только показалось?

То, что Саймон сделал в следующее мгновение, произошло как бы само собой, как бы помимо его воли — он вдруг поднял руку до уровня груди и начертил в воздухе знак.

Этот знак он уже видел дважды, когда его чертила колдунья, и тогда на краткий миг знак вспыхивал в воздухе.

Теперь же он вспыхнул просто ослепительно и погас не так быстро, и Саймон неожиданно почувствовал, что давление заметно ослабло и он может двигаться!

Саймон бросился к выходу, надеясь скрыться — но не тут-то было! Едва он выскочил в коридор, на его пути оказалось трое вооруженных воинов. В их молчаливом приближении таилась смертельная угроза, и он понял это, увидев горящие ненавистью глаза. На него шли одержимые, те самые рабы кольдеров, которые не задумываясь исполняют любой приказ.

Без колебаний Саймон двинулся им навстречу. Резко прыгнув вправо, он схватил ближайшего к нему воина за ногу и рывком повалил его на пол.

Гладкий пол коридора неожиданно очень ему помог — не устояв на ногах после резкого толчка, Саймон вместе с поверженным противником прокатился по полу мимо двух других воинов. Потом он почувствовал, как чей-то меч чиркнул по его ребрам, и в тот же миг ударил ланцетом куда-то вверх. Засто-

нав, один из воинов рухнул, и Саймон выхватил у него из-за пояса самострел.

Он успел выстрелить вовремя, и меч, готовый сразить его, обрушился на того раненого, что лежал рядом. Третий его противник замешкался, и Саймон, не упустив случая, выстрелил еще раз.

Он прихватил с собой два других самострела и побежал по коридору. К счастью, этот коридор заканчивался не тупиком, а винтовой лестницей, каменные ступени которой шли круто вверх, видимо, внутри башни. Гладких серых поверхностей здесь уже не было.

Босые ноги то и дело скользили на каменных ступенях, но он неуклонно поднимался все выше и наконец обнаружил проход, точно такой же, как и в крепости Эсткарпа. По-видимому, вся эта техника будущего была упрятана внутри обычного для здешнего мира сооружения — в крепости.

Дважды Саймону приходилось надолго затаиваться, держа наготове самострел, когда мимо проходили отряды одержимых. Одержимые воины шли ровным шагом, не рыскали по углам, и Саймон никак не мог определить — объявлена ли общая тревога, или они совершают обычный обход.

В коридорах с искусственным освещением утрачивалось чувство времени, и Саймон не знал, день сейчас или ночь и долго ли он уже находится в этой крепости. Однако он давно был голоден, и его мучила жажда. Кроме того, в тонком комбинезоне он продрог, чему, кстати, очень способствовало и сомнительное удовольствие ходить босиком по холодным каменным плитам.

Если бы иметь план лабиринта, из которого он пытается выбраться! Да хотя бы знать, где он все-таки находится? На Горме? А может, в таинственном замке Иль, который кольдеры возвели на побережье? Или еще на какой-нибудь другой базе захватчиков? В том, что это база, у Саймона не было никаких сомнений. Голод и жажда, а также желание найти хоть какое-нибудь убежище заставили его внимательно осмотреть помещения верхнего этажа. Здесь он уже не видел такой мебели, как внизу. Резные деревянные сундуки, столы и кресла — все было сделано местными мастерами. В некоторых помещениях Саймон обнаружил следы поспешного бегства и грабежа, но

сейчас на всем лежал толстый слой пыли, словно уже много лет здесь никого не было.

В одной из таких комнат Саймон нашел подходящую по размеру одежду. Искал он и оружие, ведь кроме трех самострелов, ничего другого у него не было, да и доспехи ему бы не помешали. И все же в первую очередь ему были необходимы вода и пища, и он уже начал подумывать о возвращении на столь опасные нижние этажи. Но, помышляя о спуске, он продолжал, тем не менее, подниматься по лестнице, осматривая все ее ответвления, попадавшие на пути. Он обратил внимание на то, что все окна наглухо забиты и лишь искусственное освещение позволяет хоть немного ориентироваться здесь. Но чем дальше уходил Саймон от помещений кольдеров, тем слабее становился свет.

Наконец показался узкий лестничный марш, которым, по-видимому, пользовались часто. Саймон достал самострел и осторожно двинулся по ступенькам вверх, к двери. Она легко подалась, и Саймон выглянул на плоскую крышу, часть которой закрывал навес. То, что стояло под навесом, не особенно его и удивило после всего увиденного внизу. Саймон ни минуты не сомневался, что перед ним самолеты.

Заостренные крылья небольших самолетов были отогнуты назад, тупые носы задраны. Каждая машина могла нести пилота и двух пассажиров. Вот вам и разгадка таинственного нападения на Сулькар. Ясно, что у кольдеров таких самолетов не один десяток.

Если не будет другой возможности, то придется воспользоваться такой машиной для бегства. Знать бы только, откуда он собирается бежать? Еще раз оглядев этот импровизированный и, похоже, никем не охраняемый ангар, Саймон подобрался к краю крыши, надеясь увидеть хоть что-нибудь, что помогло бы ему определить, куда он попал.

На мгновение ему показалось, что он вновь находится в Сулькаре: внизу лежала гавань, стояли на якоре корабли, вдоль улиц, спускавшихся к морю, шли ряды домов. Однако планировка здесь была иной, чем в крепости мореходов. К тому же город был значительно больше, и там, где у сулькарцев располагались склады, здесь Саймон увидел жилые кварталы. Хотя стоял ясный день, улицы были пустынные, а дома казались необитаемыми, но при этом он не заметил никаких

признаков разрушения, которыми обычно отмечены города, брошенные людьми.

Поскольку архитектура зданий в основном напоминала Карстен и Эсткарп, значит, это не мог быть замок Иль, возведенный кольдерами. Вывод напрашивался сам собой — он на Горме, а внизу, перед ним, очевидно, Сиппар — то самое злое место, куда не смогли проникнуть разведчики Эсткарпа.

Если город и в самом деле пуст, то будет нетрудно найти в гавани подходящую шлюпку, чтобы переправиться с острова на материк. Но, раз уж он попал в это наглухо закрытое от внешнего мира место, стоит воспользоваться случаем и по-лучше осмотреться.

Он стоял на крыше самой высокой в городе башни. Наверное, это цитадель древнего замка, где жили правители из клана Кориса. Если бы капитан был сейчас с ним, задача Саймона сильно бы упростилась!

Обойдя крышу, Саймон понял, что крыши других домов к ней нигде не примыкают.

Он неохотно направился к навесу, под которым стояли самолеты. Опробетчиво, конечно, залезать в машину, которой не умеешь управлять, но ничего другого ему не оставалось, и он решил попробовать в ней разобраться. Успокоенный тем, что его никто не тревожит, Саймон невольно расслабился, но, спохватившись, все-таки принял некоторые меры предосторожности и, закрыв дверь, ведущую из башни на крышу, заклинил ланцетом засов.

Потом Саймон вернулся к ближайшему самолету и легко выкатил машину на открытое место. Откинув панель в носовой ее части, он осмотрел двигатель. Мотор этого самолета мало чем походил на те двигатели, что он видел раньше, да и не очень-то он в них разбирался, но, судя по всему тому, с чем он столкнулся внизу, — эта штука может летать, справиться бы только с управлением...

Прежде чем продолжить изучение машины, Саймон рукояткой самострела, как мог, разбил моторы у остальных, рассудив, что если он и полетит, то воздушный бой ему совершенно ни к чему.

Когда он занес свой импровизированный молоток над двигателем четвертого самолета, враг снова атаковал его. Не грохотали сапоги охранников на лестнице, никто не ломился

в дверь, даже к стене его не прижало, как первый раз, но сомнений не было — последовал новый удар невидимой силы — и на этот раз, как ему показалось, его неумолимо тянуло к источнику этой силы. Саймон ухватился руками за самолет, но его продолжало тащить вместе с машиной, и он не мог сделать ничего, чтобы хотя бы замедлить это движение. Еще через мгновение Саймон ужаснулся — его тащило не к двери! Очевидно, вместо сомнительного будущего на нижних этажах башни ему уготована скорая смерть при падении с крыши.

Саймон упирался вовсю, прилагая невероятные усилия. Он попытался вновь прибегнуть к помощи колдовского знака, который так помог ему в прошлый раз, но тщетно, может быть, потому, что теперь он не видел противника.

Саймон мог лишь замедлить это сползание, выиграть секунду, минуту — но конец все равно неизбежен. Попытка продвинуться к двери не удалась, хотя он рассчитывал на то, что враг примет ее за капитуляцию. Теперь Саймон знал наверняка — они хотят только его смерти. Нужно немедленно на что-то решаться.

Он по-прежнему держался за самолет, которым собирался воспользоваться лишь в крайнем случае. Ну что ж, вот он и крайний случай! Машина находилась как раз между ним и краем крыши, куда неумолимо его влекла невидимая сила.

Шанс ничтожный, но все-таки — шанс, другого выхода у него нет. Саймон уступил силе пару шагов, делая вид, что больше не может сопротивляться. Еще шаг. Его рука легла на ручку двери в кабину пилота. Напрягая последние силы в этой дьявольской схватке, Саймон протиснулся внутрь.

Его отшвырнуло к задней стенке, и самолет вздрогнул от удара. Саймон обратился мысленно к Силам, о которых в Эсткарпе и понятия не имеют, поднял налитую свинцом руку и потянул один из рычагов на себя.

Глава 4

ГОРОД МЕРТВЫХ

Саймон наивно ожидал, что немедленно взлетит, но машина только покатила по крыше, набирая скорость. Она ударила носом о низкий парапет с такой силой, что казалось,

должна была развалиться на части. Саймон понял, что падает, но все-таки это не то падение, на которое рассчитываликольдеры, — он падает в кабине самолета.

Еще мгновение спустя Саймон осознал, что падает не отвесно, а под углом. Без особой надежды он дернул за рычаг еще раз.

Последовал удар, треск, и все сменила кромешная тьма — без света, без звука.

Сначала во тьме появился красный огонек. Вскоре слуха достиг какой-то слабый повторяющийся звук, словно тикали часы или капала вода. А потом он ощутил ужасный запах. Именно он и привел Саймона в чувство окончательно. Сладковатый запах разложения бил в нос и, казалось, застревал в горле.

Саймон сел и осмотрелся. Огонек загорелся, видимо, при ударе. Невидимая сила, преследовавшая его на крыше, словно отступилась от него — он мог совершенно свободно двигаться и дышать.

Не считая многочисленных синяков, авиакатастрофу Саймон перенес вполне благополучно, очевидно потому, что при падении большая часть удара пришлась на машину. Красный огонек горит, наверное, на приборной доске... Капает где-то совсем рядом... Ну и вонь!

Саймон попробовал вылезти из кабины. Послышался металлический скрежет, и часть кабины просто отвалилась. Преодолевая боль, он выбрался из искореженного самолета и посмотрел вверх. Прямо над ним в крыше зияла огромная дыра, из которой торчали обломки стропил. Пока он смотрел вверх, еще один обломок рухнул вниз прямо на развороченный фюзеляж. Похоже, машина упала на крышу одного из соседних домов, и приходилось только удивляться, как ему удалось при таком ударе остаться в живых, да еще и не переломать костей.

Судя по тому, что в проломе виднелось темнеющее вечернее небо, он довольно долго пролежал без сознания. Вновь дали о себе знать голод и жажда, побуждая его отправиться на поиски воды и пищи.

Почему до сих пор враги не схватили его? Наверняка они видели, куда рухнула его машина. Разве только они не знали,

что он воспользовался самолетом, и следили за ним лишь при помощи психического контакта? Тогда им известно одно: его нет на крыше, и контакт прерван. А он всего лишь потерял сознание, но кольдеры вполне могли интерпретировать это как его гибель. Если эти предположения верны, тогда Саймон и в самом деле свободен, по крайней мере здесь, в Сиппаре.

Сначала он решил найти воду и пищу, а уж затем попытаться сориентироваться и выйти в гавань.

Саймон отыскал дверь на лестницу, ведущую, как он надеялся, вниз на улицу. Тяжелый воздух и здесь был пропитан запахом разложения. Саймон давно понял, чем это пахнет, и поспешил к выходу, но внизу запах смерти был еще сильнее.

Окна были открыты, и вечерний свет падал на лестничные площадки. Саймон шел мимо дверей, но ни одну из них не решился открыть, поскольку именно возле них тошнотворный запах был просто невыносим.

Еще один марш вниз, и открылся вход в зал, который оканчивался широким порталом. Саймон надеялся, что там и найдет выход на улицу, но прежде осмотрелся и в одной из кладовок нашел сухари, которые главным образом и составляли рацион гвардейцев Эсткарпа, а также горшок с сушеными фруктами — они тоже оказались вполне пригодными в пищу. Сгнившие остатки других припасов говорили о том, что в этом доме уже давно никто не живет. Из трубы в раковину капала вода, и, прежде чем заняться сухарями, Саймон с жадностью напился.

Несмотря на голод, есть было трудно, поскольку зловоние стояло здесь повсюду. Хотя Саймон побывал лишь в одном доме, этого было достаточно, чтобы понять: Сиппар — город мертвых, если не считать самой цитадели с горсткой кольдеров и их одержимых слуг. Похоже, захватчики безжалостно избавились от всех, кто им не был нужен, и не только убили их, но к тому же оставили лежать непогребенными в их собственных домах. Неужели чтобы запугать тех немногих, что остались в живых? Или просто потому, что им было все равно? Скорее, второе... И странное чувство некоторого родства с широколицыми захватчиками, которое Саймон испытывал недолго, исчезло вдруг бесследно.

Саймон забрал с собой все найденные сухари и наполнил водой бутылку. К своему удивлению, он обнаружил, что вход-

ная дверь заперта изнутри — неужели обитатели этого дома заперлись и совершили групповое самоубийство? Или их уничтожила та же сила, что стащила его с крыши?

Улицы оказались такими же пустынными, какими Саймон увидел их сверху, и все-таки он шел, прижимаясь поближе к домам, вглядываясь в каждый переулок. Но все двери были заперты, и ничто не шелохнулось на всем его пути до гавани.

Саймон понимал, что ни одной двери ему не открыть. Да и зачем это делать? Чтобы посмотреть на мертвецов? Неужели город вымер сразу после того, как во имя притязаний Орны и ее сына на Горм явились кольдеры? А может, значительно позднее, тогда, когда остров оказался отрезанным от внешнего мира? Впрочем, сейчас это представляло интерес разве что для летописцев, и как бы то ни было, перед ним лежал город мертвых — мертвых телом, а в цитадели — мертвых духом. Да и сами кольдеры, внешне нормальные живые люди, очень уж походили на мертвецов.

Саймон пришел к твердому убеждению, что освободить Горм можно, лишь уничтожив цитадель. На ходу он запоминал дорогу, думая о том, что, оставив у себя под боком вымерший город, кольдеры сделали большую ошибку. Разве только в этих пустых домах у них установлена сторожевая сигнализация... В таком случае это хорошая ловушка для вражеского десанта.

Саймону вспомнился рассказ о разведчиках, которые несколько лет назад пытались проникнуть на Горм. Да и сам капитан пробовал сделать это, но не смог преодолеть какого-то таинственного барьера. Теперь же, на собственной шкуре испытав оружие кольдеров, Саймон все понял. Лишь ему удалось уйти из их логова, да и то благодаря самолету. А кольдеры даже не пытались преследовать его в городе, и уже этот факт говорил о том, что они совершенно уверены в своем оружии.

И все-таки ему не верилось, что безмолвный город никем и ничем не охраняется, и Саймон продолжал жаться к домам, пока не добрался до гавани. Гавань была мертва, как и город, а корабли, стоявшие в ней, представляли собой жалкое зрелище: снасти многих сгнили, борта зияли пробоинами, и кое-где над волнами виднелась лишь верхняя палуба. Все свидетельствовало о том, что на этих судах уже давно не выходили в море. От материка Саймона отделяла широкая гладь залива.

Если он находится в Сиппаре, а у Саймона уже не было в этом никаких сомнений, то по другую сторону залива лежит мыс, в основании которого расположен построенный кольдерами замок Иль, а на самом конце — был когда-то Сулькар. Но с тех пор, как крепость мореходов пала, весь этот мыс наверняка контролируется кольдерами.

Если найдется подходящая шлюпка, Саймону придется гребти на восток к бутылкообразной губе в устье реки Эс и дальше в Эсткарп. Он понимал, что нужно торопиться, ибо время теперь работает против него.

Наконец, он нашел подходящую лодочку — небольшую скорлупку, стоявшую в доке, и хоть не был моряком, но все же, как мог, проверил, пригодна ли она для плавания. Дождавшись полной темноты, Саймон взялся за весла; саднило ободранные ладони, ныло все его разбитое тело, но, стиснув зубы, он ровно греб, огибая гниющие остатки гормского флота.

Отойдя от гавани подальше, Саймон поднял парус, но вскоре нарвался-таки на оборону кольдеров. Упав на дно лодки, он ничего не видел и не слышал, зажав руками уши, зажмурив глаза, чтобы спастись от чудовищных, неслышимых звуков, от жуткого невидимого света, которые рвались из его черепной коробки наружу, грозя расколоть ее. А ведь казалось, что, выдержав удар дважды, он достаточно хорошо познакомился с оружием кольдеров, но то, что происходило сейчас, это раздираание мозга, оказалось куда страшнее.

Сколько все это продолжалось — час? день? год? — он не знал... Ослепший и оглохший, Саймон потерял всякое представление о времени и лежал на дне шлюпки, которая покачивалась на волнах, подгоняемая ветром. Где-то позади остался мертвый и страшный, освещенный лунным светом Горм.

Ближе к рассвету, в устье реки Эс Саймона подобрала шлюпка береговой охраны Эсткарпа. К тому времени он уже несколько оправился, хотя чувствовал себя совершенно разбитым. Потом на перекладных, от форта к форту, он добрался до замка Эс.

В цитадели Эсткарпа, в том же самом зале, где он впервые увидел Верховную Владычицу, Саймон доложил Совету о своих приключениях на Горме и о встрече с кольдерами. Во время доклада он все время искал глазами среди колдуний ту, единственную, и не находил ее.

Когда Саймон говорил о городе мертвых, лицо Кориса окаменело. Его рассказ ни разу не прерывали и по окончании почти не задавали вопросов. Затем Верховная Владычица позволила одну из колдуний.

— А теперь, Саймон Трегарт, возьми ее за руки и думай о том человеке в шлеме, оживи в памяти малейшие детали его лица и одежды, — приказала Владычица.

Саймон подчинился, хотя и не понимал, зачем все это нужно. Он держал в своих руках сухие холодные пальцы колдуньи и мысленно представлял себе серый комбинезон, металлический шлем с проводами, странное лицо, нижняя половина которого не соответствовала верхней, и властное выражение на нем, сменившееся замешательством, когда Саймон отказался подчиниться приказу. Колдунья отошла от него, и Владычица спросила:

— Ты видела, сестра? Ты можешь это сделать?

— Видела, — ответила женщина. — И могу воспроизвести то, что видела, поскольку Саймон Трегарт выдержал борьбу духа, и изображение было отчетливым. Хотя... — Она опустила глаза на свои руки и стала разминать пальцы, словно готовилась к какой-то тонкой работе. — Хотя не знаю, сможем ли мы воспользоваться тем же приемом. Было бы лучше, если бы лилась кровь.

Саймону никто ничего не объяснил, да и на вопросы времени не оставили. Когда Совет закончился, Корис сразу отвел его в казарму. Сидя в той же комнате, откуда они отправились в поход на Сулькар, Саймон спросил командира:

— А где госпожа?

Его всегда выводила из себя невозможность называть ее по имени, а теперь особенно. Но Корис прекрасно понял, о ком речь.

— Объезжает пограничные форты, — коротко сказал капитан.

— Она в безопасности?

Корис пожал плечами.

— Да кто теперь в безопасности, Саймон? Не беспокойся, колдуньи попусту не рискуют, они берегут свой Дар. — Он подошел к окну, выходящему на запад, и впился взглядом в горизонт, словно хотел увидеть что-то там, за равнинами

Эсткарпа. — Значит, Горм мертв. — Слова его падали, как свинцовые гири.

Саймон снял сапоги и вытянулся на постели — он устал до предела.

— Я рассказал то и только то, что видел собственными глазами. Жизнь есть лишь в центральной башне Сиппара, больше я ее не нашел нигде, правда, не очень-то и искал.

— Жизнь? Какая жизнь?

— Спроси у кольдеров. Или у колдуний, — сонно ответил Саймон. — Может, они понимают жизнь по-другому?

Саймон догадался, что командир отошел от окна и стоит рядом с постелью, заслонив солнце широченными плечами.

— Мне кажется, Саймон Трегарт, ты тоже вернулся другим. Ты видел Горм, так ответь — жив он или мертв?

— Он порочен, — пробормотал Саймон. — Но точнее можно будет сказать в свое время. — Он уже засыпал, а потому и сам не понял, почему ответил именно так.

Саймон спал, просыпался, чтобы поесть, и снова засыпал. Никто его не беспокоил, а потому он не знал и знать не хотел, что происходит в Эсткарпе, уподобившись медведю, забравшемуся в берлогу и залегшему на зимнюю спячку. В очередной раз проснувшись, он, наконец, почувствовал себя бодрым и полным сил. Давненько уже не было у него такого прекрасного самочувствия, пожалуй, с самого Берлина. Берлин... Что?.. Где это — Берлин?.. В его памяти странно перемешалось прошлое и настоящее.

Саймон то и дело вспоминал комнату в заброшенном доме Карса, где на стенах висели потрепанные гобелены и где с изумлением во взоре на него смотрела женщина, рука которой начертила между ними огненный знак. Вспоминалась и другая сцена, когда та же женщина стояла с потухшим взором, опущенная, истратившая свой Дар в колдовстве для Альдис...

Наконец, о нем вспомнили. Пока Саймон отсыпался, Эсткарп собирал в кулак все свои силы. Увидев сигнальные огни на холмах, в Эсткарп прибыли отряды из Соколиного Гнезда и с южной границы. Словом, пришли все, кто горел желанием противостоять кольдерам и той судьбе, которую олицетворял собой Горм. Полдюжины бездомных теперь сулькарских кораблей пристали к берегу в бухте сокольничьих. Отправив в горы свои семьи, сулькарцы вооружались и готовили корабли к во-

йне. И все были согласны с тем, что нужно напасть на Горм прежде, чем Горм нападет на них.

В устье реки Эс разбили военный лагерь, палатки стояли прямо на берегу залива, и воины видели, не выходя из них, остров, встающий на горизонте черной тенью. Чуть поодаль курсировали корабли сулькарцев, ожидая сигнала к выступлению, к которому готовились, помимо мореходов, отряды сокольничьих и беженцев из Карстена.

Конечно же, первым делом необходимо было разрушить градительный барьер вокруг Горма, но с этой задачей могли справиться лишь колдуньи Эсткарпа. Неожиданно для себя и Саймон оказался в их компании. Они рассаживались за столом, который, казалось, служил для игры. Однако шахматных клеток на нем не было, и только перед каждым креслом на столе был изображен символ.

Место Саймона оказалось рядом с Верховной Владычицей, и символ был у них один на двоих — бурый сокол в золотом овале, а над овалом — рогатая морская раковина. Слева в синезеленом ромбе была изображена рука, держащая топор. Далее — колючая рыба в красном квадрате.

Справа на столе было еще два символа, но Саймон не мог разглядеть какие, так как колдуньи, сидевшие у этих символов, прикрывали их руками. Кто-то еще сел слева, Саймон повернул голову и почувствовал необычайный прилив сил, встретив знакомый взгляд серых глаз. Но женщина промолчала, и он тоже не проронил ни слова. Шестым, и последним, за столом сидел юный Брайант, бледный от напряжения, устремивший неподвижный взгляд на изображение рыбы, как будто рыба была живой, а он силой взгляда старался удержать ее в красном квадрате.

В палатку вошла колдунья, которую Саймон держал за руки, когда ему приказали думать о кольдере с Горма, и с ней еще две женщины. Обе внесли по небольшой глиняной жаровне, от которых шел сладковатый дымок, и поставили их на край стола. Первая же колдунья, принесшая с собой большую корзину, сняла с нее тряпку, и он увидел на дне ее несколько восковых фигурок.

Взяв одну фигурку, колдунья дважды поместила ее в дым от жаровен, а затем подошла к Брайанту и поднесла ее к гла-

зам юноши. Маленький человечек с копной рыжих волос был сделан так искусно, что казался живым.

— Фальк, — сказала женщина и поставила человечка в центр красного квадрата прямо на рыбу. Брайант, наверное, побледнел бы еще сильнее, но его кожа и так была почти бесцветной, и Саймон заметил только, как юноша проглотил комок в горле, прежде чем произнести:

— Фальк, владыка Верлена.

Женщина достала из корзины вторую фигурку, подошла к соседке Саймона, и теперь он смог полнее оценить совершенство ее работы — в дым жаровен рука колдуньи поместила прекрасную копию женщины, которая не так давно просила приворожить Ивиана.

— Альдис.

— Альдис из Карса, — кивнув, произнесла колдунья, когда фигурка опустилась на сине-зеленый символ.

— Сандар из Ализона. — Третья фигурка опустилась на стол справа от Саймона.

— Сирик. — Заняла свое место фигурка толстого человека в сутане.

Прежде чем поместить в дым жаровни последнюю фигурку, колдунья критически осмотрела ее. Затем, остановившись возле Саймона и Верховной Владычицы, она, не называя никакого имени, подержала ее перед глазами Саймона, чтобы тот смог оценить — похожа ли? Перед ним была фигурка, изображающая главного кольдера в шлеме, которого он видел на Горме. Сходство было потрясающее!

— Горм! — не найдя других слов, произнес Саймон.

Женщина аккуратно поставила фигурку в золотой овал на бурого сокола.

Глава 5

ИГРА СИЛЫ

Пять изящных фигурок заняли свои места на символах, нарисованных на столе. Но зачем все это? Саймон повернул голову влево. Тонкие ножки восковой фигурки Альдис были зажаты в руках колдуньи; то же самое сделал Брайант с фигуркой Фалька, и при этом они пристально смотрели на то,

что сжимали их руки. Было заметно, что юноша сильно волнуется.

Саймон опустил глаза на фигурку, стоящую перед ним. В его памяти всплыли смутные воспоминания о древних легендах, и он подумал, что сейчас в восковые фигурки начнут втыкать иголки, чтобы те, по образу и подобию которых они изготовлены, зачали и умерли...

Верховная Владычица взяла Саймона за руку так же, как тогда, в Карсе, брала его за руку колдунья, рассчитывая на его помощь. Кистью другой руки Владычица образовала полукруг у основания фигурки в шлеме, и Саймон сообразил, что нужно сделать то же самое. Теперь их пальцы соприкасались, заключая фигурку кольдера в круг.

— Думай о том, кто перед тобой, с кем ты связан борьбою духа. Оставь все прочие мысли. Сосредоточься на том, кого ты должен достать и согнуть, подчинить своей воле. За этим столом, в этот час победим либо мы, либо они! Это Игра Силы!

Саймон так пристально смотрел на фигурку в шлеме, что и не знал, смог ли бы он оторвать взгляд от нее, даже если бы захотел. Наконец-то он понял и другое — его вовлекли в это таинственное действие лишь потому, что он — единственный в Эсткарпе, кто видел этого кольдера с Горма.

Маленькое лицо фигурки в металлическом шлеме стало расти, оно словно оживало, увеличиваясь. И вот Саймон снова смотрит на него — точно так же, как совсем недавно в башне Сиппара.

Вновь, как и тогда, глаза кольдера были закрыты — он всецело занят своим таинственным делом. По мере того как Саймон продолжал пристально смотреть на врага, он чувствовал, что вся неприязнь к кольдерам, вся ненависть, рожденная тем, что он видел в мертвом городе, и тем, что кольдеры творили с пленными, превращая их в одержимых, — все это собралось воедино в его душе. Так человек собирает смертоносное оружие из мелких деталей.

Теперь Саймон был уже не в палатке, за столом с символами, теперь он стоял перед кольдером в башне Сиппара, заставляя его открыть глаза, чтобы встретить его, Саймона Треггарта, взгляд и вступить в жестокую схватку разума и воли.

Глаза кольдера открылись, и Саймон заглянул в черные зрачки, которые внезапно расширились, словно кольдер узнал его и ощутил надвигающуюся угрозу.

Между ними началась борьба духа. Постепенно черты широкого лица кольдера, его шлем и прочие детали одежды исчезли — остались одни глаза. Подобно тому как в Карсе Саймон ощущал поток энергии, исходящий из его руки в руку колдуньи, сейчас он чувствовал, как сила, сконцентрированная в его мозгу, подпитывается эмоциональной энергией, куда более могучей, чем та, которую он мог бы генерировать сам, без посторонней помощи. Поддерживаемый Силой Владычицы, он на какое-то мгновение показался сам себе иглой, готовой сорваться и поразить цель.

Поначалу кольдер выглядел довольно уверенно, но вот он попытался уйти от этой борьбы — глаза в глаза, сила духа на силу духа, — да видимо, слишком поздно понял, что попал в капкан — и тот захлопнулся! Но кольдер все еще не сдавался и боролся так, будто не мог смириться с поражением.

Саймон остро чувствовал все нарастающее напряжение этой борьбы. Наконец он дал выход переполнявшей его энергии — глаза кольдера потемнели от страха, а еще через мгновение неимоверный ужас пожирал их, словно пламя, пока не испепелил окончательно. Саймон вдруг осознал, что противник превратился в пустую оболочку, и сейчас он выполнит любой его приказ точно так же, как беспрекословно повинуются рабы Горма.

И Саймон начал приказывать. Его по-прежнему поддерживала Сила Верховной Владычицы — она внимательно наблюдала за происходящим и была готова в любую минуту прийти на помощь, но пока не вмешивалась. А Саймон уже не сомневался в победе — кольдер сломлен, и барьер будет снят! Теперь у Эсткарпа есть свой послушный робот в самом сердце цитадели врага.

Саймон поднял голову и открыл глаза. Его пальцы по-прежнему соприкасались с пальцами Владычицы, охватывая стоящую на символе фигурку, но теперь она потеряла былое совершенство — шлем кольдера превратился в бесформенный ком расплавленного воска.

Владычица высвободила руку, Саймон повернулся налево и увидел уставшее, посеревшее лицо и запавшие темные глаза.

Его соседка, что концентрировала волю на фигурке Альдис, откинулась без сил на спинку стула. Голова ее восковой противницы тоже оказалась расплавленной.

Фигурка Фалька, владыки Верлена, лежала на столе, а склонившийся над ней Брайант сидел, закрыв лицо руками. От напряжения он весь взмок.

— Сделано, — нарушила тишину Верховная Владычица. — Все, что может Сила, сделано. И никогда еще она не действовала с такой мощью, как сегодня! Теперь слово за огнем и мечом, ветром и волнами. Да послужат они нам, если мы сумеем ими воспользоваться! — От нервного истощения голос Владычицы был еле слышен.

Лязгая доспехами, к столу подошел Корис и, взмахнув топором Вольта, сказал:

— Не сомневайся, госпожа! Мы сумеем использовать любое оружие, данное нам судьбой. Сигнальные огни зажжены, наши войска выступают!

Саймон встал, покачнулся, но шагнул к Корису. Женщина, сидевшая слева, сделала быстрое движение рукой, будто хотела его остановить, да так и не дотронулась до Саймона, опустив свою руку на стол, но и словами она бы не выразила того протеста, который можно было прочесть в каждой линии ее напряженного тела.

— Теперь битва пойдет под знаком вашей Силы, — заговорил Саймон, обращаясь к ней, словно они были одни в палатке. — Так воюют в Эсткарпе. Но я из другого мира, знаю другие войны, и в этом — моя Сила! В вашу игру я уже сыграл, госпожа, а теперь хочу сыграть в свою!

Саймон вышел из-за стола и присоединился к Корису, который замешкался и стоял рядом с Брайантом, положив руку на стол. Молодой человек мрачно смотрел на лежащую перед ним фигурку, которая хоть и упала, но осталась неповрежденной.

— Я никогда и не претендовал на обладание Силой, — глухо сказал он. — Похоже, здесь я потерпел поражение, так может, с мечом в руках мне повезет больше!

Корис сделал рукой протестующее движение, но колдунья, которая была с ними в Карсе, быстро заговорила:

— Всякий, кто выступил под знаменем Эсткарпа, волен в выборе, и никто никому не должен мешать.

Верховная Владычица кивнула в знак согласия. Так втроем они и вышли из палатки на берег залива: оживленный Корис, высоко подняв свою красивую голову над непомерно широкими плечами — ноздри его раздувались, словно он чувствовал не только запах соленого ветра; чуть живой Саймон, на которого вдруг навалилась огромная усталость, и все же он горел желанием поскорее завершить начатое дело; и угрюмый, но полный решимости Брайант, надевший шлем и обмотавший горло кольчужным шарфом — глаза его были устремлены вперед, словно его подгоняло в бой нечто большее, нежели собственная воля.

Когда они достигли шлюпок, на которых воинов должны были перевезти на корабли, Корис обернулся.

— Вы пойдете со мной на флагмане. Ты, Саймон, будешь проводником. А ты... — Он посмотрел на Брайанта и заколебался. Юноша с вызовом вскинул голову и сверкнул глазами, и Саймон, почувствовав, что между этими людьми происходит какая-то борьба, касающаяся только их двоих, молча ждал, чем Корис ответит на вызов юноши.

— Ты, Брайант, зачисляешься в отряд моих щитоносцев. И не отходи от них ни на шаг!

— А я, не будь я Брайант, — вскинулся юноша, — буду рядом с тобой, капитан гвардейцев Эскарпа, тогда, когда сочту это нужным! Но в этой и в любой другой битве я сам распоряжусь своим мечом!

Казалось, вот-вот Корис возразит, но в этот момент их поторопили со шлюпки. Когда все разместились, Саймон заметил, что юноша старается держаться как можно дальше от своего командира.

Флагманский корабль был небольшим рыболовным судном, и гвардейцам приходилось стоять на палубе, прижавшись плечом к плечу. Следом за ним шел весь флот Эскарпа.

Когда они подошли к Горму настолько близко, что стала видна заброшенная гавань, с кораблей сулькарцев с их разношерстной командой, состоящей из сокольниковых, карстенских беженцев и уцелевших сулькарцев, раздался сигнал, и корабли выстроились в линию.

Саймон совершенно не помнил, где он нарвался на загадочный барьер при бегстве с Горма. Как бы, чего доброго, не привести весь флот в ловушку... Но он очень надеялся на то, что Игра Силы сделала свое дело и барьер будет хотя бы ослаблен.

Стоя на носу рыболовного судна, Саймон смотрел на гавань мертвого города и все ждал появления хоть каких-нибудь признаков силового барьера. А может, они подвергнутся нападению тех странных кораблей, в трюме одного из которых он побывал? Ветер раздувал паруса, и перегруженные корабли Эсткарпа тяжело рассекали волны. Вдруг какая-то посудина, сохранившая еще обрывки парусов, вышла из гавани и, таща за собой якорными канатами шлейф морских водорослей, направилась им наперерез.

На палубе этой развалюхи не было ни души. С одного из сулькарских кораблей взметнулся какой-то шар и угодил в парусник. Он пробил палубу, а из пролома взметнулись языки пламени. Сухое дерево вспыхнуло мгновенно, и пылающая посудина, минуя корабли Эсткарпа, продолжила свой последний путь неизвестно куда.

Саймон повернулся к Корису и улыбнулся. Он чувствовал, что они успешно преодолели первое препятствие.

— Мы уже прошли твой барьер? — спросил Корис.

— Пожалуй. Если только они не перенесли его поближе к острову.

Положив подбородок на рукоять топора Вольта, Корис мрачно смотрел на то, что некогда было цветущим городом, то и дело стискивая зубы — так волк показывает клыки перед началом жестокой схватки.

— Похоже, на этот раз Сила сработала, — сказал он. — Теперь дело за нами.

Однако Саймон не терял бдительности.

— Не стоит недооценивать противника. Мы прошли только первый рубеж их обороны, возможно, самый слабый. — Воодушевление Саймона быстро улетучилось — вокруг него были мечи, стрелы и щиты, а ведь у кольдеров есть оружие, основанное на достижениях науки далекого будущего: в любую минуту могло произойти что-нибудь неожиданное.

Войдя в гавань, корабли сулькарцев начали лавировать между стоящих на якоре ветхих судов, чтобы подойти поближе к берегу, а Сиппар по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. Угрожающая тишина мертвого города давила на эсткарпских воинов, пугала, гасила их боевой дух и уменьшала радость от того, что им беспрепятственно удалось преодолеть заградительный барьер.

Корис почувствовал это и, пробившись через толпу гвардейцев, ожидающих высадки, разыскал капитана судна и приказал ему побыстрее причаливать. Однако тот возразил ему, сказав, что командир гвардейцев Эсткарпа может командовать на суше, а действовать на море пусть предоставит тому, кто лучше его знает, и что он не желает распороть днище корабля, натолкнувшись на какую-нибудь затонувшую посудину.

Саймон внимательно изучал глазами берег, вглядывался в пустынные улицы, идущие вверх от гавани к цитадели Сиппара. Он даже не знал, чего теперь больше бояться — авианалета или появления на улицах затаившейся армии противника. Впрочем, отсутствие какого бы то ни было сопротивления казалось ему куда более зловещим, чем встреча с таинственным оружием кольдеров или с ордами его рабов. Все шло слишком уж гладко... Его опасения были вызваны тем, что Саймон все-таки не очень верил в успех Игры Силы, сомневаясь в том, что расплавленная голова восковой фигурки обеспечит им победу.

Высадка прошла без происшествий: часть сулькарцев высадилась несколько в стороне, чтобы прикрыть основной десант от возможного нападения с фланга. Войско Эсткарпа двинулось по пустынным улицам города, по которым Саймон шел всего несколько дней назад. Ожидая засады, воины внимательно осматривали все закоулки, дергали запертые двери, но так никого и не обнаружили на улицах Сиппара.

Они добрались уже до центра города, когда наконец встретили сопротивление. Враг напал не с воздуха и не с помощью невидимой силы — на них обрушились полчища пеших воинов, которые сражались так, как воюют в этом мире уже много поколений.

Неожиданно улицы заполнили вооруженные мечами воины, которые грозно наступали — стремительно и молча. Одни из них были в доспехах сулькарцев, другие — карстенцев, мелькнуло и несколько клювастых шлемов сокольниковых.

На войско Эсткарпа шли не просто опытные воины, но люди, лишенные инстинкта самосохранения, все те же одержимые, что погибали не защищаясь и убивали не задумываясь. Их первый натиск был подобен удару танка по пехоте. Саймон занялся привычным делом — он стрелял и стрелял, а Корис орудовал топором Вольта, размахивая им направо и налево, выкашивая ряды противника.

Наступавшим явно не хватало разумных действий, чтобы вовремя перестроиться и использовать преимущество своего численного перевеса. Они знали только, что должны нападать, куда способны стоять на ногах и держать оружие, — что они и делали с упорством безумцев, и началась настоящая бойня, какой не могли припомнить даже выдавшие виды гвардейцы.

Топор Вольта теперь уже не сверкал на солнце — он был залит кровью. Наконец, Корис поднял его, подавая сигнал, и гвардейцы двинулись вперед, оставляя улицы за собой уже не пустынными, но усеянными трупами одержимых.

— Это чтобы задержать нас, — заметил Саймон, приблизившись к командиру.

— Я тоже так считаю. Но что будет дальше? Смерть придет с неба, как было в Сулькаре? — Корис поднял голову, с беспокойством глядя на крыши.

Возможно, именно этот его взгляд и подсказал Саймону план дальнейших действий.

— Не думаю, что нам удастся пробиться в башню снизу, — начал Саймон и услышал, что Корис рассмеялся.

— Ошибаешься! Я знаю потайной ход, о котором едва ли пронюхали кольдеры. Как-никак, это моя бывшая крепость!

— У меня тоже появился план, — настаивал Саймон. — На кораблях есть веревки и абордажные крючья. Пока ты будешь пробиваться с отрядом подземным ходом, пусть другой отряд пойдет по крышам и, может быть, нам удастся взять их в клещи.

— Отлично! — согласился Корис. — Ты же у нас большой мастер по полетам с крыш! Подбери себе людей, но не больше двух десятков.

Еще дважды бросались на них полчища живых мертвецов, и хотя всех их удалось перебить, потери гвардейцев тоже с каждым шагом росли. Наконец, силы Эсткарпа разделились. Саймон с отрядом из двадцати человек, взломав дверь, ринулся вверх и поднялся на крышу. Трегарт сориентировался верно — в крыше соседнего дома зияла дыра от его недавнего падения в самолете.

Саймон стоял в стороне, пока моряки перебрасывали абордажные крюки через широкую улицу на крышу возвышающегося над ними соседнего здания. Затем воины пристегнули ремни, затянули потуже свои портупей и с решимостью по-

глядывали на две тонкие веревки, зависшие над улицей. Саймон отобрал с собой только тех, кто не боялся высоты, и все же теперь, оценив реальную опасность предстоящего испытания, он немного засомневался в успехе.

Саймон полез первым. Грубая веревка обдирала руки, и временами ему казалось, что он не выдержит.

Наконец, перебравшись на крышу башни, Саймон снял с пояса еще одну веревку и привязал ее к стойке навеса ангара, а второй конец бросил через улицу гвардейцу, которому предстояло лезть следом за ним. Эта веревка значительно облегчила подъем всем остальным воинам.

Самолеты, которые он вывел из строя, стояли на месте, однако открытые капоты двигателей, разбросанные кругом инструменты свидетельствовали о том, что их пытались отремонтировать. Саймон оставил четверых гвардейцев охранять веревочную переправу и с остальными двинулся вниз.

В башне их встретила все та же гнетущая тишина. Они шли по коридорам мимо запертых дверей, спускались по лестницам, но не слышали ни единого звука, кроме топота собственных сапог. Неужели башня пуста?

Гвардейцы приближались к самому сердцу цитадели, и в любую минуту можно было ожидать нападения. Свет становился все ярче, появились какие-то незнакомые запахи, говорящие о том, что если башня и пуста, то опустела она совсем недавно.

Отряд Саймона достиг, наконец, того лестничного марша, который врезался ему в память еще с прежнего посещения этого логова. Ниже находилось серое обиталище кольдеров. Саймон прислушался: откуда-то из глубины помещения донесся слабый ритмичный звук, подобный биению его собственного сердца.

Глава 6

ОЧИСТКА ГОРНА

— Командир! — К Саймону подошел Танстон. — Что ждет нас внизу?

— Я знаю не больше твоего, — рассеянно ответил Саймон, продолжая размышлять о том, что в этом гибельном месте он

почему-то вообще не чувствует никакой опасности. Но что-то там все-таки есть, иначе не было бы звуков.

Вытащив самострел, сначала осторожно, а потом все увереннее Саймон двинулся вниз по ступеням. Все двери были заперты, и открыть их не удавалось. Наконец гвардейцы добрались до комнаты с картой на стене.

Здесь пощелкивание, которое они слабо слышали наверху, стало громким и барабанной дробью отдавалось в ушах.

Огоньки на карте погасли, на столах больше не было приборов, лишь остатки проводов и металлические крепления указывали, где они стояли. Однако за выносным пультом, как и прежде, неподвижно сидел кольдер в шлеме с проводами. Глаза его были закрыты — совсем как в прошлый раз, когда Саймон увидел его впервые.

Сначала ему показалось, что кольдер мертв. Он осторожно подошел к нему и пригляделся, с удовлетворением отметив, что именно этот образ он себе и представлял, держа за руки искусницу-колдунью, — зрительная память его не подвела!

В следующее мгновение Саймон застыл на месте, заметив, как рука кольдера, лежащая на пульте, шевельнулась и он нажал пальцем одну из кнопок.

Саймон прыгнул, на короткое мгновение взглянув в открытые глаза кольдера и его искаженное ненавистью лицо, а может, не столько ненавистью, сколько страхом... Руки Саймона вцепились в провода, что тянулись от головы кольдера к щитку на стене, он рванул их что есть силы и порвал. Кто-то тревожно крикнул, предупреждая его, и Саймон увидел направленный на него ствол какого-то оружия.

Болтающиеся обрывки проводов мешали движениям кольдера, и это, возможно, спасло Саймону жизнь. Он с размаху ударил самострелом по перекошенному лицу кольдера и рассек его до крови. Противник так и не издал ни звука, он лишь смотрел на Саймона полными ненависти глазами, и хорошо, что тот вовремя заметил оружие, появившееся в руке врага. Перехватив руку кольдера, он вывернул ему запястье так, что тонкий луч ударил в потолок, а не ему в лицо.

Оба повалились в кресло, с которого кольдер только что вскочил, и сразу послышался резкий щелчок, а затем шею Саймона обожгло огнем. Кольдер сдавленно крикнул, его

окровавленное лицо исказила гримаса, но железные мышцы еще не ослабли.

Его глаза... Эти огромные глаза, они все увеличивались, заполняя собой всю комнату... И Саймон, казалось, тонул в них, и вот это уже не глаза, но затуманенное окно в какой-то иной мир, а может быть, и в другое время. Между колоннами виднеются фигуры людей в серых комбинезонах, потом они на каких-то странных машинах приближаются к нему, от кого-то отстреливаясь, и он понял, что это остатки какой-то армии уходят от преследования...

Они двигались узкой колонной, а их ужас, раздирающий на части сердце и мозг, передался Саймону. Он и представить себе не мог, что такие муки могут существовать. Ворота... им нужно туда — за Ворота... Там у них будет время, чтобы восстановить силы и возродить на новом месте все то, чем они жили. О, у них еще хватит для этого и ума, и воли. За спиной они оставляли разбитую империю и разграбленный мир... Зато впереди — новый мир, свободный и богатый, который им предстоит завоевать.

Мираж исчез... Перед Саймоном вновь было лишь окровавленное лицо кольдера. В воздухе стоял запах горелой ткани и паленого мяса. Видение продолжалось, очевидно, не больше секунды, и Саймон продолжал схватку, еще сильнее заламывая руку противника и прижимая ее к креслу. Еще дважды он нанес мощные удары кулаком, и наконец пальцы кольдера разжались, выпустив оружие.

Кольдер издал слабый звук — послышалось невнятное бормотание, вызвавшее у Саймона жалость. Секундное видение бегущих людей и их эмоции, передавшиеся ему и вызвавшие невольное сочувствие, подействовали на него, как удар. Подоспевшие гвардейцы повалили кольдера на пол. Последний раз в голове Саймона мелькнула мысль о какой-то близости с этим человеком, и в это мгновение он почти догадался, кто такие кольдеры, — по крайней мере, твердо знал, что они явились из другого мира. Оцепенение сменилось безразличием, и Саймон отошел от поверженного тела.

Над кольдером склонился Танстон и попытался снять железный шлем с его головы. Удивленный возглас собрал вокруг него всех гвардейцев — Танстон не мог снять шлем, поскольку

выяснилось, что он является неотделимой частью тела кольдера.

— Оставьте его! — приказал Саймон. — И пусть никто не касается этих проводов.

Тут он вдруг обратил внимание на то, что трескотня, встретившая их барабанным боем, прекратилась, и понял — кольдер в шлеме как раз и был тем самым сердцем, которое, перестав биться, прекратило существование неприступной цитадели, и жизнь ушла из нее, как некогда ушла из Сиппара.

Саймон подошел к нише, в которой находился лифт, и подумал на ходу, что вряд ли он работает — ведь перестали работать все механизмы. Однако лифт оказался незакрытым, и Саймон, передав командование Танстону, вошел с двумя гвардейцами в кабину и руками закрыл дверь.

Удача, видимо, вновь была на его стороне, по крайней мере закрывшаяся дверь привела в движение механизм лифта. Саймон почему-то ожидал, что они окажутся на том этаже, где находится лаборатория. Однако, когда дверь открылась, он от неожиданности замер на месте, а оба гвардейца вскрикнули от удивления.

Они оказались на берегу подземной гавани, где отчетливо пахло морем и еще чем-то незнакомым. Освещенный мол уходил прямо в темную воду. На берегу лежали тела людей, среди которых не было ни одного в сером комбинезоне.

Если одержимые, встретившие гвардейцев на улицах города, были в полном воинском снаряжении, то эти люди в основном лежали совершенно голыми либо же в каких-то жалких лохмотьях.

Одни люди лежали кучами подле небольших повозок, с которых они, судя по всему, сгружали ящики, но еще не успели закончить своей работы, другие — рядами, словно, прежде чем упасть, были построены. Саймон подошел к одному из лежащих, склонился над ним и тотчас понял, что человек мертв по меньшей мере уже сутки.

Стараясь держаться подальше от трупов, они с опаской пошли вдоль причала, и вскоре Саймон отметил, что среди мертвых нет никого из древней расы. Похоже, в самом деле всех рабов кольдеры набирали из других рас.

— Командир! — крикнул гвардеец, с удивлением разглядывая труп человека, возле которого он стоял. — Таких людей я

никогда не видел! Посмотри на цвет его кожи, а волосы — он явно не из наших земель!

Несчастный раб кольдеров лежал на спине, как будто спал. У него была красно-бурая кожа, волосы сильно курчавились — Саймон тоже не встречал таких людей на побережье и, мысленно соглашаясь с гвардейцем, подумал о том, как же далеко раскинули свои сети кольдеры.

Саймон зачем-то прошел в другой конец гавани и осмотрелся — либо Горм изначально был построен над огромной подземной пещерой, либо кольдеры вырубили ее для своих целей, о которых ему нетрудно было догадаться после того, как он побывал в трюме их корабля. Неужели это замаскированный док флота кольдеров?

— Командир! — позвал Саймона гвардеец, который шел впереди, стараясь не задерживаться подле мертвых тел. Сейчас он стоял на самом краю каменного мола и подзывал к себе Саймона.

Вода вдруг забурилась, волны начали заливать мол, и войнам невольно пришлось отступить. Даже при скудном освещении подземной гавани они увидели, что из глубины всплывает какая-то громада.

— Ложись! — быстро приказал Саймон.

Вернуться к лифту они все равно бы уже не успели, поэтому оставалось только распластаться среди тел, притворившись мертвецами.

Все трое лежали рядом. Саймон, подложив руку под голову и держа самострел наготове, внимательно наблюдал за происходящим. Из воды показался металлический корпус с заостренными носом и кормой, с обшивки корабля потоками сбегала вода. Его предположение оказалось верным — в гавань пришел один из кораблей кольдеров.

Сначала Саймон почему-то подумал о том, что неужели он дышит так же громко, как и лежащие рядом гвардейцы? Потом представил, как блестят их доспехи среди мертвецов... А может быть, в полумраке их кольчуги не очень-то и сверкают? Смогут ли они хоть что-либо предпринять, прежде чем кольдеры пустят в ход какое-нибудь свое оружие?

Однако серебристый корабль, всплыв, равномерно покачивался на волнах, и больше не происходило ничего, словно

судно было так же мертво, как и расprostертые вокруг люди. Гвардеец справа тронул Саймона за руку и зашептал что-то.

Впрочем, вряд ли Саймона нужно было предупредить — он не отводил от воды глаз и, конечно, тоже заметил, когда она снова забурилась. Поднявшиеся волны прибили к причалу первый корабль — похоже на то, что он не слушается руля.

И все-таки, не в силах поверить, что на борту корабля никого нет, гвардейцы продолжали выжидать. Лишь когда на поверхность поднялся третий корабль, а два других беспомощно закачались на поднятых им волнах, Саймон, наконец, встал, решив, что субмарины либо пусты, либо выведены из строя, но одно было бесспорно — они неуправляемы.

Не открывались и люки кораблей, а это позволяло думать, что на них нет ни экипажа, ни пассажиров. Правда, судя по обстановке на причале, все говорило о недавней поспешной погрузке — то ли при подготовке к нападению, то ли при отступлении с Горма. Но, если кольдеры готовились к нападению, зачем убивать рабов?

Попробовать проникнуть внутрь этих серебристых торпед без всякой подготовки было бы опрометчиво, но и без пристрастия оставлять их не стоит. Гвардейцы направились к лифту.

— Останетесь здесь? — обратился Саймон к своим спутникам, скорее спрашивая, чем приказывая. Мужественные гвардейцы вряд ли ослушались бы его, но он не хотел оставлять их здесь насильно.

— Эти корабли... Конечно, нужно узнать их тайну... — начал один воин. — Но не думаю, что они уйдут из этой гавани, командир.

Саймон принял эти слова как вежливый отказ. Все трое вошли в лифт, оставив за спиной подземную гавань и груды трупов. Прежде чем закрыть кабину лифта, Саймон поискал глазами панель управления — он хотел попасть на те этажи, где мог бы встретиться с отрядом Кориса, а не возвращаться в комнату с картой.

Однако стены лифта оказались совершенно голыми, делать было нечего — он закрыл дверь кабины, ожидая подъема. Когда стены лифта начали вибрировать, Саймон мысленно представил себе коридор, где находилась лаборатория, напряженно думая о том, что хорошо бы попасть именно туда.

Лифт остановился, дверь отъехала в сторону, и трое находящихся в кабине гвардейцев увидели перед собой изумленные лица вооруженных воинов. Лишь секундное замешательство спасло оба отряда от непоправимой ошибки, а затем кто-то окликнул Саймона по имени, и он увидел Брайанта.

Тут же к лифту протиснулся Корис.

— Откуда вы взялись? — воскликнул он. — Из стены выпрыгнули, что ли?

Саймон сразу узнал этот коридор, где сейчас собрались воины Эскарпа: именно об этом месте он думал. Так неужели лифт доставил их сюда, повинувшись его желанию? Желанию!

— Вы нашли лабораторию?

— Мы много чего нашли, но мало что поняли. Но мы не встретили ни единого кольдера! А вы?

— Только одного, да и тот теперь уже мертв. Хотя кто знает, может, и все остальные — тоже... — Саймон подумал о кораблях в подземной гавани. — В общем, я почти уверен, что здесь мы можем не опасаться встречи с ними.

Последующие несколько часов подтвердили, что слова Саймона оказались пророческими. Если не считать кольдера в металлическом шлеме, никого больше из прежних хозяев Горма обнаружить не удалось. И только по всей крепости гвардейцы находили мертвых рабов-воинов, которые лежали на полу где по два-три человека, а где и целыми отрядами. Создавалось такое впечатление, что все они одновременно рухнули в то самое мгновение, когда сила, заставлявшая рабов двигаться, неожиданно оставила их, бросила, превратив в ничто.

Обнаружили гвардейцы и тех пленников, что остались в соседней с лабораторией комнате; среди них Саймон нашел людей, вместе с которыми он не так давно мучился в мрачном трюме. Все они тяжело отходили от наркотического сна, а очнувшись, не помнили, что было после того, как в трюм корабля пошел газ. Но все благодарили своих богов, что попали на Горм слишком поздно и не разделили печальной участи всех рабов Кольдера.

Корис и Саймон привели в подземную гавань сулькарских мореходов и вместе с ними на шлюпке обследовали пещеру, пытаясь найти выход. Но всюду им преграждала путь скальная стена, и это означало одно — выход из гавани находится под

водой, но по какой-то причине он оказался закрытым для этих серебристых кораблей.

— Если тот, в шлеме, управлял здесь всем, — рассуждал Корис вслух, — значит, с его смертью закрылся и выход. Да вообще, наверное, после того как он был побежден в Игре Силы, его приказы стали противоречивы и кольдеры просто-напросто запутались.

— Может, и так, — согласился Саймон, вспомнив все то, что промелькнуло перед его глазами в последние мгновения жизни кольдера в шлеме с проводами. Если остальные кольдеры и впрямь замурованы в своих кораблях, то Эсткарп вполне может праздновать победу.

К одному из кораблей кольдеров привязали канат, подтащили его к причалу и попробовали открыть крышку люка, но это не удалось. Оставив сулькарцев ломать голову над этой загадкой, Корис и Саймон вошли в лифт.

— Вот еще одна тайна кольдеров, — сказал Корис, когда закрылась дверь. — Наверное, тот, в шлеме, лифтом не управлял, ведь иначе мы не смогли бы им воспользоваться.

— Ты сам можешь запросто управлять им, — сказал Саймон и прислонился к стене кабины — на него вновь навалилась усталость. До полной победы, кажется, еще далеко, хотя все, о чем он думает, — только смутные предположения... И поверят ли ему колдуньи? — Представь коридор, где встретил меня, представь и удерживай в сознании.

— Так?.. — Корис снял шлем, прислонился плечом к стене и, сосредоточившись, закрыл глаза.

Дверь открылась. Перед ними был тот самый коридор, где находилась лаборатория. Капитан засмеялся, как счастливый ребенок, которому подарили новую игрушку.

— Эге! Да мне, Корису Безобразному, подвластно колдовство! Знать, у кольдеров Силой обладают не только женщины.

Саймон вновь закрыл дверь и мысленно представил себе комнату с картой на стене, находящуюся выше. Лишь когда они оказались на нужном этаже, Саймон ответил на восклицание Кориса.

— Возможно, именно этого наследства кольдеров нам и следует опасаться более всего. У них своя Сила, и ты сам видел, какого свойства, капитан. После кольдеров Горм остается сокровищницей их знаний.

Корис бросил свой шлем на стол, стоящий под картой, и, опираясь на топор Вольта, пристально посмотрел на Саймона.

— И ты хочешь, чтобы эта сокровищница не была разграблена? — Корис мгновенно уловил смысл сказанного.

— Не знаю... — Саймон тяжело опустился в кресло и, подперев голову руками, отрешенно смотрел перед собой. — Я не ученый и не разбираюсь ни в их технике, ни в их колдовстве. Сулькарцев будут искушать корабли кольдеров, колдуний — что-нибудь другое...

— Искушать? — Кто-то повторил это слово, и Корис с Саймоном обернулись. Увидев садящуюся рядом колдунью, Саймон встал и заметил неподалеку Брайанта.

Колдунья была в шлеме и в кольчуге, но он подумал, что даже если бы она, перевоплотившись, изменила свою внешность, он все равно узнал бы ее.

— Искушать... — снова повторила колдунья. — Верно замечено, Саймон, ты прав — нас многое будет искушать, и потому-то я здесь. Лезвие этого меча обоюдоостро, по неосторожности можно и пораниться. Быть может, стоит закрыть глаза на эти знания и уничтожить здесь все, оградив тем самым себя от опасности, но нельзя быть уверенными, что при этом мы не оставим открытой дверь для нового нападения кольдеров. Трудно защищаться, когда не знаешь, каким оружием пользуется противник.

— Кольдеров пока нечего опасаться, — осторожно начал Саймон. — Их тут и было-то немного, а если кто ушел, так и тех, пожалуй, можно преследовать до того места, откуда они явились. Но и там теперь закрыто!

— Закрыто? — спросил Корис.

— В последней схватке с предводителем кольдеров мне удалось узнать их тайну.

— Что они пришельцы из другого мира?

Саймон резко повернул голову. Колдунья вновь прочла его мысли, или она знала что-то раньше, но молчала?

— Ты знала, госпожа?

— Я не читаю твоих мыслей, Саймон, но мы и сами узнали об этом совсем недавно. Да, они пришли сюда так же, как и ты, — но думаю, с совсем другой целью.

— Они беглецы... бежали от какой-то катастрофы, которую вызвали сами, оставив за спиной пылающую пустыню. Не думаю, чтобы они осмелились оставить дверь открытой, и все-таки мы должны знать точно, ибо сейчас это самое главное.

— Ты считаешь, что, если мы воспримем их знания, нас может затронуть и их зло? Вряд ли. Долгие века Эсткарп жил в безопасности, охраняемый своей собственной Силой.

— Госпожа! Что бы вы ни решили, я не думаю, что Эсткарп останется прежним. Либо он изменится, либо погрязнет в зстойе, а это ведь равносильно смерти.

Они говорили так, словно находились в комнате только вдвоем, и ни Корис, ни Брайант не имели никакого отношения к обсуждаемому вопросу. Колдунья разговаривала с ним, как равная с равным; раньше у Саймона такого с женщинами Эсткарпа не бывало.

— Ты прав, Саймон. Наверное, древнее единство моего народа нарушится; появятся те, кто захочет жить в обновленном мире. Но останутся и другие, которые откажутся от этих изменений. Однако все это в будущем. А что сейчас делать с Гормом, как ты думаешь?

Саймон устало улыбнулся.

— Я человек действия и отправлюсь на поиски Ворот, через которые пришли кольдеры, — выяснить, не собираются ли там свежие силы. Приказывай, госпожа, — я готов! Что же касается Горма, то я бы закрыл остров, пока не выяснится, что делать дальше. Ведь наверняка кое-кто не прочь овладеть тем, что здесь осталось после кольдеров.

— Верно. И Карстен, и Ализон дорого бы дали, чтобы хозяйничать в Сиппаре! — быстро согласилась колдунья, извлекая из-под кольчуги колдовской камень. — Слушай приказ, капитан! — обратилась она к Корису. — Пусть будет так, как предлагает Саймон. Эта сокровищница чуждых знаний должна быть закрыта. И пусть Горм будет очищен. Здесь останется гарнизон до тех пор, пока мы не решим, что со всем этим делать. — Колдунья улыбнулась Корису. — А командовать им будешь ты, Хранитель Горма.

Глава 7

НОВОЕ НАЧАЛО

Краска медленно заливала лицо Кориса. Он покраснел до ушей. В уголках его рта появились горькие складки, сразу состарившие его красивое юношеское лицо.

— Разве ты забыла, госпожа, — он со стуком бросил на стол топор Вольта, — что много лет назад Кориса Безобразного прогнали с этих берегов?!

— А что стало с Гормом потом? И с теми, кто прогнал тебя? — спокойно спросила колдунья. — Ты не забыл, капитан?

Рука Кориса сжала рукоять топора так, что побелели костяшки пальцев.

— Поищи другого Хранителя Горма, госпожа. Клянусь, я не вернусь сюда! Для меня это место проклято. Надеюсь, что у Эсткарпа нет претензий к капитану гвардейцев? Да и война, похоже, еще не кончена.

— Ты знаешь, он прав, госпожа, — вмешался Саймон. — Может, кольдеров и немного и большинство их замуровано в кораблях, что стоят в гавани, но необходимо добраться до их Ворот и убедиться, что они не собирают силы и не предпримут нового нападения. К тому же есть ведь еще замок Иль. И не осталось ли их гарнизона в Сулькаре? Мы не знаем и того, насколько далеко они зашли в Карстене и Ализоне. Может статься, это лишь начало большой войны.

— Хорошо. — Колдунья поглаживала камень. — Раз у тебя, Саймон, есть конкретный план — будь Хранителем ты.

Саймон не успел ничего ответить, как вмешался Корис:

— Я согласен. Владей Гормом! Вот тебе и мое благословение! И не думай, что я когда-нибудь заявлю на Горм свои права.

Но Саймон отрицательно покачал головой.

— Я солдат, и кроме того, я из другого мира. Каждому свое. А мне — погоня за кольдерами. — Саймон провел рукой по глазам, зная, что если закроет их, то увидит узкий проход и ожесточенно пробивающихся через него людей.

— Ты собираешься в замок Иль? В Сулькар и дальше? — впервые заговорил Брайант.

— А тебе куда хочется? — спросил его Корис.

— В Карстен!

Если раньше Саймон считал Брайанта чересчур спокойным и безликим, то теперь он усомнился в своей оценке.

— А что там сейчас такого важного в Карстене? — почти добродушно спросил Корис, но Саймон уловил в его голосе нечто такое, чего никак не мог определить словами. Похоже на то, что идет какая-то игра, но он не знал ни ее цели, ни правил.

— Ивиан!

Это имя прозвучало, как боевой клич, и Брайант поднял глаза на Кориса, ожидая, как тот примет его вызов. Саймон переводил взгляд с одного воина на другого. Точно так же, как чуть раньше он разговаривал с колдуньей, теперь говорили эти двое, не обращая внимания на присутствующих.

Вновь Корис покраснел до ушей, затем побледнел, как человек, который вынужден вести борьбу и не в силах уклониться от нее. Когда капитан гвардейцев стремительно подошел к Брайанту, топор Вольта впервые остался лежать забытым на столе.

Со смешанным выражением вызова и надежды Брайант смотрел на Кориса, а тот положил руки ему на плечи и с такой силой сжал их, что у Брайанта наверняка остались синяки.

— Ты и в самом деле хочешь этого? — с трудом выдавил из себя капитан.

Ответ Брайанта был уклончивым.

— Я хочу свободы, — тихо сказал он.

Корис убрал руки с плеч юноши и рассмеялся с такой горечью, что Саймон невольно содрогнулся.

— Не беспокойся, она — твоя!

Корис так и отошел бы, если бы Брайант не схватил его за руку.

— Свобода мне нужна лишь для того, чтобы сделать свой выбор, и... он уже сделан. Неужели ты сомневаешься? Или тебя смущает то, что у меня нет той силы, которой обладает Альдис?

Альдис? Наконец-то Саймон все понял.

Корис держал Брайанта за подбородок и смотрел ему в лицо — на него капитан мог смотреть сверху вниз, а не снизу вверх, как на других.

— Ты отвечаешь ударом на удар, — заметил он. — Неплохо. Да, у Ивиана есть Альдис, и пусть они милуются друг с другом

сколько угодно, хотя, на мой взгляд, его выбор не очень удачен. Но если на одном топоре был заключен брак, почему бы не заключить его на другом?

— Брак, заключенный лишь бормотанием Сирика! — вспыхнул Брайант, но он уже больше не вырывался из рук капитана.

— Нет нужды говорить мне это, наследница Верлена! — улыбнулся Корис.

— Лоиса, наследница Верлена, мертва! — сказал Брайант. — У меня нет наследства, капитан.

Корис слегка наморщил лоб.

— И об этом не стоит говорить. Разве я похож на того, кто ищет богатую жену?

Пальцы девушки выскользнули из руки Кориса и легли ему на губы, призывая к молчанию. В ее глазах горело возмущение.

— Корис, капитан гвардейцев Эсткарпа, ты не должен так говорить о себе! И тем более такой женщине, как я, — без наследства и далеко не красавице.

Саймон подошел к колдунье, понимая, что этим двоим теперь не до них, тронул женщину за плечо и улыбнулся.

— Оставим их сражаться друг с другом, — прошептал он.

Колдунья тихо рассмеялась.

— Я думаю, что этот разговор о том, кто чего стоит, скоро закончится полным молчанием.

— Насколько я понял, она и есть пропавшая наследница Верлена?

— Верно. И лишь с ее помощью мне удалось оттуда бежать — с Фальком шутки плохи.

Саймон, чутко улавливающий все оттенки ее голоса, помрачнел.

— Думаю, Фальк и его грабители скоро получат хороший урок, — заметил он.

Зная сдержанность колдуньи, Саймон никак не ожидал услышать подобного признания. И уж если обладательница Дара признается в таком, значит, было и в самом деле очень опасно. У него возникло внезапное желание взять один из сулькарских кораблей, погрузить на него отряд воинов-горцев и отправиться в поход на юг.

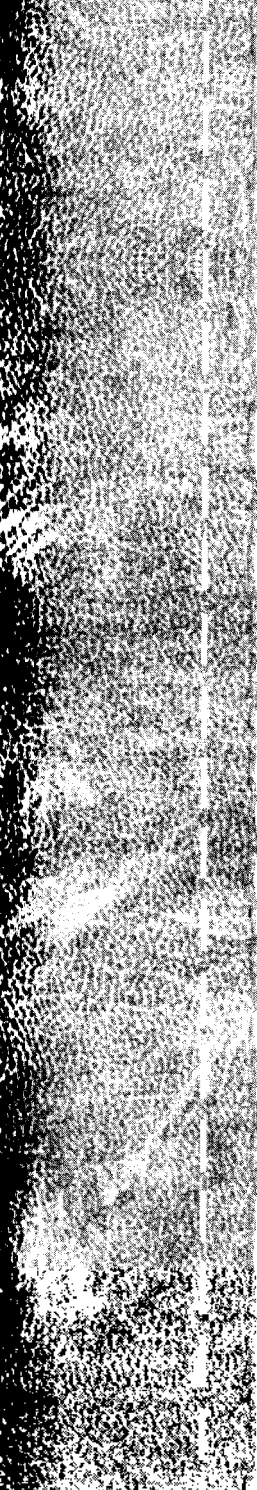
— Да, Фальк получит хороший урок, — повторила колдунья, сохраняя свое обычное хладнокровие. — Но, как ты сказал, мы еще не окончили войну, и до победы еще далеко. Без-

условно, Верлен и Карстен нельзя оставлять без присмотра. Саймон, меня зовут Джелита.

Это было так неожиданно, что Саймон даже не сразу понял, что произошло. Зная древний обычай, которому колдуньи столь неукоснительно следовали, он глубоко вздохнул, с удивлением принимая такую безоговорочную капитуляцию. Ведь имя — самое сокровенное достояние колдуньи, имени они не открывают никому!

Подобно Корису, оставившему топор лежать на столе, Джелита положила на стол свой колдовской камень, подошла к Саймону, и он понял, что это означает — она сознательно обезоружила себя, сознательно отбросила всякую защиту и теперь отдает ему в руки то главное, что составляло ее жизнь. Саймон мог только догадываться, чего это ей стоит, и у него перехватило дыхание.

Он сделал шаг навстречу Джелите и обнял ее; его губы искали ее жаждущих губ, и в этот миг Саймон понял, что наконец-то и он сам изменился, наконец-то стал частью этого мира, его жизнь навсегда переплелась с ее жизнью. И так будет до конца его дней. И ничего другого не надо.

**ПАУТИНА
КОЛДОВСКОГО
МИРА**

Глава 1

ПЕРЧАТКА БРОШЕНА

Ночью бушевала гроза, сердитые порывы ветра сотрясали древние стены, тугие капли бились в ставни. Но внутри Южного Форта завывания ветра казались отдаленным ворчанием, и Саймону Трегарту в этих звуках чудилось даже нечто успокаивающее.

Нет, то, что угнетало, невозможно было объяснить — просто он ощущал томительное беспокойство, которое грызло его в предрассветной мгле, и Саймон лежал, напряженно вслушиваясь в темноту, словно часовой на посту.

Холодный пот струйками стекал у него из-под мышек, выступал бисеринками на щеках и массивном подбородке. В сероватой предрассветной мгле таяли тени, ни единый звук не нарушал тишину комнаты, где стояла их кровать, и все же...

Рука непроизвольно потянулась вправо. Саймон не сразу понял — зачем, но он вдруг ощутил необъяснимую потребность в дружеской поддержке, помощи — против кого? Он не смог бы найти названия тому странному, охватившему его чувству.

Рука коснулась теплого тела, скользнула по шелковистой коже. Он повернул голову и в слабом свете пробуждающегося утра посмотрел на ту, что лежала рядом. Настороженный взгляд открытых глаз бесстрашно встретился с его взором, и где-то в самой глубине зрачков Саймон уловил легкую тень, которая была точным отражением его все возрастающего беспокойства.

Джелита, которая была одной из волшебниц Эсткарпа, а теперь стала всего лишь его женой, вдруг резко подняла голову и села на постели. Пушистая прядь черных волос нежно коснулась его щеки, и волосы плащом окутали ее плечи; Джелита стиснула руки под упругой маленькой грудью. Она больше не

смотрела на него и беспокойным взглядом обводила комнату: полог кровати, раздвинутый из-за жары, открывал ее взору весь их огромный покой.

Эта странная комната в который раз поразила Саймона: до сих пор временами настоящее казалось ему каким-то колдовским сном, особенно когда он вспоминал о прошлом. Временами именно это прошлое казалось ему призрачным сном. Кто же он такой в сущности? Саймон Трегарт — разжалованный армейский офицер, преступник, бежавший от карающей руки закона, подобно тому, как скрывается от стаи провинившийся волк. Он, Саймон Трегарт, решился на единственный отчаянный шаг, который мог обеспечить ему надежное убежище. Йорг Петроний открыл тогда ему тайну Ворот в этот злой мир — древний камень, который переносил смельчака, решившего усесться на него, в новый мир, где он мог найти себе место в соответствии со своими возможностями и талантами. Вот кто такой был Саймон Трегарт — тот, настоящий, Саймон Трегарт.

А здесь находился совсем другой — в Южном Форте Эсткарпа сейчас лежал другой Саймон Трегарт, Хранитель Южных Границ, присягнувший на верность Владычицам. И он взял себе в супруги одну из самых могущественных волшебниц из тех, кого так боялись все вокруг в этой древней земле Эсткарпа, уходящего историей вглубь времен. И в этот самый миг прошлое казалось Саймону навсегда сметенным настоящим, ибо, пересекая таинственную границу миров, он и не предполагал, что его союз с этим миром окажется вскоре столь тесным.

Кинжалом пронзила мысль — что же он все-таки делает здесь сейчас? Он сел в постели так же внезапно, как и Джелита; плечи их соприкоснулись, в руке его уже был стиснут самострел. Однако, выхватывая его из-под подушки, Саймон уже знал, что ведет себя глупо, ведь то, что его встревожило, — вовсе не призыв к битве, а совсем иное и потому еще более устрашающее беспокойство.

— Саймон... — неуверенно произнесла Джелита; голос дрожал и звучал гораздо выше обычного.

— Я знаю, — он уже соскользнул с широкого ложа, ноги его нащупали первую ступень лестницы, ведущей к возвышению, на котором оно стояло, а руки тянулись к одежде, оставленной вчера на стуле.

Где-то рядом, может быть, в самом Южном Форте или поблизости от него, происходит нечто, в чем таится опасность! Он лихорадочно перебирал в памяти все возможные нападения. Нападение со стороны моря — из Карстена? Но он был уверен, что войска Герцога не могли бы незамеченными пробраться через горы, ведь там неусыпно несли стражу сокольничьи и его собственные отряды пограничников. А может быть, это атакуют войска Алисона?.. Ведь уже несколько месяцев в той стороне идет глухая война. Или же...

Саймон лихорадочно зашнуровал пояс и натянул сапоги; он чувствовал, что буквально холодеет при мысли, что есть ведь и третья возможность — и самая худшая: а что если Кольдер не сокрушен и зло, которое так же было чуждо этому миру, как и он сам, снова зашевелилось и приблизилось к ним?

С тех пор как последние атаки безжалостного врага были отражены и пала его твердыня на острове Горм, а инспирированное им восстание в Карстене было подавлено, Кольдер исчез. Все было тихо в мрачных краях Иля, хотя армия не смогла бы преодолеть полосы укреплений, воздвигнутых там на морской и сухопутной границах. Но Саймон не верил, что это поражение означает полный разгром Кольдера. Он считал, что покончить с этим врагом можно только после того, как будет сметено с лица земли гнездо вместе со всеми его чудовишными обитателями. Однако до тех пор, пока на юге им по-прежнему грозит Карстен, а с севера — Алисон, вряд ли они смогут что-либо предпринять для этого.

Он прислушался, не гудит ли на сторожевой башне набат — ведь не могли же стражи Южного Форта оказаться застигнутыми врасплох, они всегда были начеку. Но все было тихо.

— Саймон! — голос ее прозвучал так твердо и повелительно, что он снова схватился за оружие.

Лицо Джелиты казалось в сумраке спальни белым пятном, но все же он видел крепко сжатые губы и огонек, зажегшийся в ее глазах. Она набросила на себя широкое красное одеяние, небрежно прихватив на груди его складки обеими руками, так что подол волочился по полу, когда она неуверенными шагами, словно во сне, подошла к ложу. Но Джелита уже совсем проснулась, пришла в себя, и двигал ею вовсе не страх.

— Саймон! Я снова единое целое! — эти слова поразили его в самое сердце — куда сильнее, чем сигнал опасности,

прозвучавший в его мозгу. Все же, это значило для нее так много? То, что она как бы утратила часть своего «я» после случившегося между ними? Но тут же он постарался найти оправдание — волшебство играло такую роль в ее жизни! Как и все сестры по духу, Джелита находила в нем высшую радость и гордилась им. И все же с готовностью отказалась от того, что составляло саму ее жизнь, когда пришла к нему, ни на минуту не сомневаясь, что в соединении их тел утратит все, что было ей так дорого!

Саймон протянул к ней руку, и их пальцы сплелись. Неожиданная радость, казалось, согревала Джелиту изнутри, и этот Дар передался Саймону. Он почувствовал ответное горячее пожатие ее тонких пальцев.

— Откуда же... — начал было он, но она перебила:

— Это все еще со мной, по-прежнему со мной! О, Саймон! Я не только женщина, я еще и волшебница!

Она отпустила одеяние, которое придерживала одной рукой, и поднесла руку к груди, ища то, чего у нее больше не было, — волшебный драгоценный камень, она навсегда отдала его накануне свадьбы.

И сразу же лицо ее побледнело — ведь только через этот камень Джелита могла пользоваться той энергией, которая — она ощущала это так ясно — по-прежнему в ней кипела. Она опустила руку и замерла, высоко подняв голову, словно прислушиваясь к чему-то.

— Тревоги не было, — сказал Саймон, наклоняясь, чтобы подобрать с пола упавшую одежду и закутать жену.

Джелита кивнула:

— Не думаю, что это было нападение. Но произошло что-то нехорошее, стряслась какая-то беда.

— Да, но только где и что именно?

Она все еще стояла, словно прислушивалась, но на этот раз Саймон ясно видел — она не слушает, а воспринимает какие-то волны, направленные прямо на нее. И он тоже ощутил это смутное беспокойство, которое быстро переходило в желание немедленно действовать.

— Лоиса! — прошептала Джелита. Она круто повернулась и бросилась к своему сундуку, стала одеваться так же поспешно, как это раньше сделал Саймон, но только не в обычный домашний наряд, а в костюм из мягкой кожи, который

надевался под кольчугу, когда они отправлялись верхом на вооруженную вылазку.

Лоиса? Саймон не был в этом так уж уверен, хотя и не стал задавать вопросов. Их было четверо — бойцов за освобождение Эсткарпа и за собственное освобождение от того зла, которое Кольдеру удалось так глубоко внедрить в этом мире, некогда бывшем столь справедливым. Саймон Трегарт — пришелец из другого мира; Желита — волшебница Эсткарпа; Корис, бежавший из Горма после того как остров погрузился во тьму, — капитан гвардии, а позднее — сенешаль и маршал Эсткарпа; и Лоиса — наследная принцесса Верлена, твердыни разбойных властителей Побережья. Из-под венца с Ивианом Лоиса бежала, с ней вместе из Верлена бежала и Желита. Они укрылись в безопасном месте, а потом, пробравшись в Карс, долгое время тайно боролись за свержение Ивиана. Лоиса, надев кольчугу, сражалась с мечом в руках в битве под Гормом, а после, в крепости Сиппар, поклялась в вечной верности Корису. Лоиса, бледная, хрупкая — девушка по-настоящему мужественная и бесконечно храбрая! И сигнал был об опасности, грозящей именно ей.

— Но ведь она в замке Эса, — запротестовал Саймон, торопливо натягивая кольчугу — точную копию той, которая уже позвякивала кольцами на плечах Желиты.

— Нет, — ее голос звучал твердо. — Здесь что-то, связанное с морем.

— Корис?

— Я не ощущаю его. Если бы только у меня был мой камень! — она натягивала сапоги. — Такое чувство, будто я пальцами пытаюсь поймать туман. Все в какой-то дымке, но я точно знаю, что Лоиса в опасности, и эта опасность связана с морем.

— Неужели Кольдер? — со страхом спросил Саймон.

— Нет. Я не вижу пустоты защитной стены Кольдера. Но помощь необходима срочно! Мы должны скакать, Саймон, к юго-западу. — Она смотрела на стену, словно видела сквозь нее то, о чем рассказывала.

— Мы отправляемся!

Торопливо шагая к лестнице, ведущей вниз, они услышали привычные звуки смены караула, но в остальном в крепости было все спокойно. Саймон крикнул вниз:

— Трубите сбор!

Его возглас гулом раскатился под массивными сводами, и тотчас же снизу донесся ответ. Они едва успели достичь середины лестницы, когда раздался сигнал трубы.

Гарнизон был хорошо подготовлен для внезапных набегов. Много раз и весной, и осенью по сигналу трубы вылетали за стены отряды пограничников. Те, кто входил в ударные силы под командованием Саймона, были набраны главным образом из числа беглецов — потомков Древней расы. Изгнанные из Карстена кровавыми порядками Кольдера, они имели более чем достаточно оснований ненавидеть насильников и убийц, завладевших их исконными землями, а теперь время от времени предпринимавших попытки разрушить и последнее прибежище этих бездомных — Эсткарп. Эти люди, темноволосяе и темноглазые, сохранили многовековую мудрость Древней расы. В их жилах текла необычная кровь, их женщины владели тайнами волшебства, а мужчины были непревзойденными воинами.

Ингвальд, первый заместитель Саймона еще с тех старых времен, когда они сражались рядом, стремя к стремени, ожидал их во дворе.

— Мы поскачем к юго-западу, — коротко сказал Саймон в ответ на вопрошающий взгляд Ингвальда. — Там стряслась беда. Я забираю с собой половину отряда. Ты остаешься командовать здесь.

Ингвальд кивнул.

— С тобой поскачут люди Доротана. Они все равно должны сегодня нести дозор на холмах, так что все в сборе.

— Годится.

К ним подбежала одна из служанок с блюдом в руках. На нем лежали большие ломти свежеиспеченного хлеба, поверх которых дымились куски мяса. За ней спешил мальчик, неся доверху наполненный кувшин с вином.

Джелита и Саймон поели стоя, пока слуги снаряжали коней, приторачивая к седлам сумки с припасами, готовили оружие.

— Вестница! — Джелита рассмеялась коротким счастливым смешком. — Она уже знает! Если бы у меня снова был камень, мы бы могли и вовсе освободить ее от обязанностей вестницы!

Саймон моргнул. Значит, Джелита все же сумела, даже без своего камня, послать мысленную весть той молодой волшебнице, которая должна была теперь служить им для связи с ко-

мандованием армией Эсткарпа. И, возможно, сообщение теперь на пути к Совету.

Он стал вспоминать края, которые им нужно было пересечь по пути на юго-запад... Там были, главным образом, горы и заброшенные пастбища, а на западе — морское побережье. Одна или две деревушки, два центра торговли, несколько временных сторожевых пунктов.

Что может Лоиса делать в тех местах? Почему она решила покинуть замок Эс и отправиться в те дикие края?

— Ее пленили хитростью, — Джелита снова прочитала его мысли. — Хотя какой именно хитростью, сказать не могу. Зато догадываюсь о причине... Это дело рук Ивиана!

Собственно, это было единственное логичное объяснение любых действий против наследницы Верлена. По законам Карстена она все еще была женой Ивиана — обладая ею, он мог претендовать на трон. Достаточно ему заполучить Лоису в свои руки, и сделка, которую Фальк заключил с герцогом, будет завершена. Карстен, по слухам, был охвачен волнениями... Ивиан — в прошлом он был всего лишь наемником, — сумевший огнем и мечом добыть себе власть, оказался лицом к лицу со знатью древних родов, пылавшей ненавистью к нему. И ему необходимо было разделаться со знатью, иначе трон его рухнет.

А в жилах Лоисы текла кровь старинного и благородного рода, она могла похвастаться родством, по крайней мере, с тремя из наиболее могущественных домов. Если Ивиан воспользуется браком с Лоисой, ему удастся поправить положение. Но ему необходимо было торопиться. Хотя Саймон знал, что у Эсткарпа нет намерения вести войну за пределами своих границ — разве только против Кольдера, — Ивиан, конечно, в это не поверит. Ему наверняка плохо спится при мысли о том, что кровавая резня, которой он подверг потомков Древней расы, непременно должна привести к тому, что волшебницы обратят против него свое искусство ради мести. И Лоиса, бесспорно, отличное оружие против этой угрозы, так что Ивиан был готов на все, чтобы захватить ее в плен.

Они выехали из крепости рысью. Джелита — за скакавшим во главе отряда Саймоном, позади следовали двадцать солдат Доротана. Перед ними, на добрых четыре часа пути, расстилалась дорога, ведущая к побережью. Прежде это была цен-

тральная торговая артерия Эсткарпа, но когда во время вражеского набега был разрушен и сожжен Сулькар, крупный портовый центр, движение по этой дороге почти прекратилось, если не считать объездов патрулей, которые время от времени расчищали ее от упавших деревьев и обломков, принесенных штормом.

Кони процокали копытами по мостовой Ромсгарта — городка, где обычно проводились ярмарки окрестных ферм. Ранние прохожие с любопытством смотрели на кавалькаду, изредка обращаясь к проезжавшим с вопросами. Саймон заметил, как Доротан сделал знак городскому стражу, — здесь они оставляют бдительную, всегда готовую к бою охрану на сторожевом посту. Карстен и Ализон прекрасно понимали, что потомки Древней расы даже в своем теперешнем положении не собираются сдаваться без боя и при всяком удобном случае унесут с собой много вражеских жизней, — именно это удерживало оба государства от попытки напасть на Эсткарп.

В нескольких лигах от Ромсгарта Джелита сделала знак остановиться. Она ехала с непокрытой головой, ее шлем свешивался с седельного рожка. И сейчас она медленно поворачивала голову, словно пытаясь уловить запах следов. Но Саймон уже сам нашел их.

— Вон там!

Ощущение опасности, которое все это время ни на секунду не покидало его, стало необыкновенно острым. К югу от большой дороги виднелась тропа. Поперек нее лежало сваленное дерево, на котором виднелись свежие затесы. Один из верховых спешился, чтобы внимательно осмотреть тропу.

— Следы копыт... свежие...

— Рассеяться, — приказал Саймон.

Они рассыпались в разные стороны и, чтобы не ехать по тропе, стали прорубаться сквозь кустарник. Джелита надела шлем.

— Торопитесь!

Она пришпорила своего коня, он перепрыгнул через дерево и поскакал вперед. Саймон помчался следом. Любому наблюдателю показалось бы, что их всего двое — остальная часть отряда отстала.

В лицо бил пахнувший морем свежий ветер. Что было там, в бухте? Быть может, корабль, пришедший сюда, чтобы похи-

тить Лоису и умчаться обратно в Карстен? Жаль, что с ними нет ни одного сокольного с их приученными птицами, которых можно было бы послать на разведку.

Саймон услышал торопливое цоканье копыт: их поспешно догоняли остальные спутники, ведь здесь опасно было находиться без защиты. Совершенно неожиданно они очутились на широкой, поросшей травой поляне, которая плавно спускалась к берегу. На ней паслись две лошади с пустыми седлами. В отдалении покачивался на волнах корабль, и ветер туго надувал его разрисованные паруса. Он был вне пределов досягаемости.

Джелита спешила и побежала к тому, что ярким пятном выделялось на белом песке прибрежной полосы. Саймон последовал за ней. Они остановились у тела, глядя на уже застывшие в мертвой неподвижности черты женского лица. Руки женщины были крепко стиснуты на груди: они вцепились в рукоять кинжала, пронзившего ее. Саймон не знал погибшую.

Джелита нахмурилась.

— Кто она? — спросил Саймон.

— Я видела ее когда-то. Она откуда-то из-за гор. Ее имя... — с торжествующим возгласом Джелита извлекла имя из тайников памяти. — Ее звали Бертора, и когда-то она жила в Карсе.

— О, Великие!

Саймон посмотрел туда, куда указывал один из его людей. Там, у самой воды, среди гальки и песка, было воткнуто копьё, которое лениво лизали зыбкие волны. И на него была надета латная рукавица. Объяснений никому не требовалось. Здесь побывали люди герцога, более того, они хотели, чтобы об их появлении стало известно. Ивиан открыто вызывал на бой. Саймон сомкнул вокруг рукавицы пальцы и сдернул ее с копья.

Глава 2

ПОГРАНИЧНЫЙ НАБЕГ

Лучи солнца нестерпимо светили прямо в глаза, отражаясь от лежащего на столе предмета, словно от драгоценного камня. На самом деле это была всего лишь латная перчатка, лежавшая металлической частью вверх, кожаной ладонью вниз.

— Лоиса исчезла два дня назад, и никто не знает, куда и зачем она направилась, — тихим голосом сказал Корис из Горма. Он стоял у края стола, наклонясь вперед и вцепившись в рукоятку своего топора так сильно, что выступили побелевшие костяшки. — И я только вчера вечером узнал об этом! Только вчера... Зачем, зачем она это сделала?

— Мы можем считать, что это — работа Карстена, а о причинах можно только догадываться, — сказал Саймон, встретившись глазами с тревожным взглядом Джелиты.

Если Корис так близко к сердцу принимает происшедшее, так сильно переживает, то шаткое равновесие сил Эсткарпа против враждебных государств вполне может рухнуть. Ибо даже сила волшебства будет не в состоянии удержать молодого сенешаля от попытки разыскать Лоису. По крайней мере, пока он не будет в состоянии спокойно размышлять о случившемся. Разве, впрочем, и Саймон не вел бы себя так же, если бы этот корабль увез Джелиту?

— Карс падет!

Эти слова были произнесены совершенно спокойно, даже безразлично.

— Это будет так просто? — возразил Саймон. — Ведь если бы Корис из Горма рванул сейчас через границу со своими небольшими силами, это было бы величайшей глупостью. Карс, конечно, падет, — продолжал Саймон, — но только если мы все тщательно обдумаем, а не просто ринемся в атаку, очертя голову.

— Корис, — рука Джелиты с длинными тонкими пальцами появилась в полосе света над перчаткой, — тебе не следует недооценивать Лоису!

— Недооценивать? — спросил Корис. Слова Джелиты дошли до него, хотя слов Саймона он словно бы и не слышал.

— Вспомни Брайанта. И не отделяй их друг от друга сейчас в своих мыслях.

Брайант и Лоиса — она снова права, его жена-волшебница. Лоиса и в самом деле под видом наемника Брайанта жила вместе с Джелитой в Карсе, вела разведку в самом логове врага. Под этим же именем Лоиса не только сумела вырваться из Верлена, но еще и увезла с собой пленницу Джелиту. И это как раз тогда, когда все в этой неприступной крепости — и сам герцог,

и все его люди — были против нее. И Лоиса, которая одновременно была Брайантом, — вовсе не беззащитная девушка, она обладает умом, волей и решимостью.

— Она ведь принадлежит Ивиану — по их проклятым законам! — Корис махнул своим топором, описав дугу над сверкающей перчаткой.

— Нет. Она принадлежит только самой себе, пока не решит иначе. Корис! Я не понимаю, каким образом им удалось выманить ее к себе, но только сомневаюсь, чтобы они смогли надолго удержать ее. Но подумай вот о чем, капитан: стоит только ворваться в Карс, как ты того хочешь, как Лоиса немедленно станет орудием против тебя в руках Ивиана. Неужели ты этого не понимаешь?

Корис повернул к ней голову и поднял глаза вверх, чтобы встретиться со взглядом Желиты — ему всегда приходилось делать так из-за своего маленького роста. При слишком широких плечах он казался еще ниже, чем был на самом деле.

— Я не оставлю ее там...

— Мы тоже не оставим, — согласился с ним Саймон, — но суди сам: они потому и увезли ее туда, что рассчитывали — мы ключом на эту приманку. И тогда ловушка сработает.

Корис прищурился:

— Так что же ты предлагаешь? Предоставить ей самой позаботиться о себе? У нее достаточно храбрости — у моей леди, но ведь она не волшебница. И не сможет одна сражаться против всех!

Но у Саймона ответ был наготове: в его распоряжении, к счастью, было несколько часов, прежде чем Корис со своим отрядом примчался в крепость, и он успел все обдумать. Он бросил на стол рядом с перчаткой карту, нанесенную на пергамент.

— Мы не помчимся прямо в Карс. Все равно не сможем захватить этот город без большой армии, да и тогда бы нам пришлось жестоко сражаться. Но наш авангард проникнет в город по приглашению самого Ивиана.

— Изменить облик?.. — Корис постепенно начал успокаиваться.

— Вот именно, — кивнул Саймон. — Мы очутимся вот здесь...

В этом, конечно, был некоторый риск. Он обдумывал эту кампанию уже давно, но до сих пор считал, что слишком много остается доводов против такого плана. Но сейчас надо было что-то противопоставить вылазке Карстена, и Саймон считал этот выход единственно правильным.

Корис внимательно изучал карту.

— Верлен! — Корис искоса посмотрел на Саймона.

— Ивиану нужен Верлен. Он издавна мечтает о нем. Он и на Лоисе-то женился главным образом ради него. И дело тут не только в награбленных сокровищах, которые там хранятся, хотя наемная армия и обходится Ивиану очень дорого. Гораздо больше его интересует сама крепость — ее так легко превратить в порт, откуда можно совершать разбойничьи набеги на нас. А теперь, когда сокровища Древней расы уже разграблены, он особенно остро нуждается в Верлене. Фальк вел себя более благоразумно, не осмеливаясь вторгнуться на территории Ивиана. Но если все же он пошел бы на это...

— Предложить Верлен в обмен на Лоису? Ты предлагаешь именно это? — Красивое лицо Кориса нахмурилось.

— Мы должны внушить Ивиану, что он может получить Верлен без лишних неприятностей.

Саймон впервые говорил вслух о том, что раньше хранил при себе. Слушая его, Корис постепенно перестал хмуриться, но внимательно обдумывал план, ища в нем слабые места. Однако он не перебивал Саймона, который приводил все новые факты, добытые сокольничими и разведчиками, соединяя все, что удалось установить, и то, что ему было известно из прошлого опыта военачальника.

— Если они увидят перед замком корабль, то немедленно организуют вооруженную вылазку. Внутри крепости у них тоже надежная охрана, но внутри крепостных стен и под покоем имеются старые ходы, о которых Фальку ничего не известно. Они, разумеется, не охраняются. Именно этими ходами пробралась Лоиса, и они известны моей жене. Отряд, который спустится с гор, проникнет в эти ходы, и тогда — крепость наша! А потом мы разделаемся с теми, которые рыщут по побережью.

— Но ведь на это потребуется время, я думаю, и хорошая буря, и немалое везенье.

Но возражения Кориса были не весомее пуха, и Саймон это отлично понимал. Капитан непременно примет его план, а значит, угроза немедленной атаки вражеской территории отпала. По крайней мере, до тех пор, пока Корис занят Верленом.

— Что же касается времени, — Саймон развернул карту снова, — мы уже предприняли кое-какие шаги к нашей цели. Я послал сообщение сокольничим, и они рассеялись по вершинам. Разведчики пограничников отлично знают каждый уголок в тех местах, а сулькарцы должны привести в порядок одно из брошенных суденышек в нашей гавани Сиппар. На нем поставят новые паруса, и оно будет двигаться достаточно быстро, а балласт даст нужную осадку, как будто это обычное грузовое судно. На нем будет вымпел с торговыми знаками Алисона. Что же касается шторма...

Джелита рассмеялась.

— А, шторм! Неужели ты забыл, Саймон, что ветры и волны подвластны нам? Когда пробьет час, я позабочусь о ветре и волнах.

— Но ведь...

Корис снова взглянул на нее, на этот раз в его взгляде был ясно выраженный вопрос.

— Ты считаешь, что я теперь не имею прежней Силы, Корис, но это далеко не так — могу тебя в этом заверить! — В голосе ее звенела радость. — Едва я получу обратно мой волшебный камень, ты сам в этом убедишься! Итак, Саймон, пока ты отправишься к границе и раскинешь там свою сеть против Фалька, я поскачу в Эс за тем, что снова принадлежит мне по праву!

Он кивнул, но где-то в глубине души снова шевельнулось сожаление, почти боль. Ему казалось, что она отказалась ради него от этого камня с радостью и без сожалений. А теперь, когда выяснилось, что жертва вовсе и не была принесена, Джелита не утратила того, с чем, казалось бы, рассталась навеки, она снова окутала тайной все то, что открыто было ему в ней. И опять странное отчуждение возникло между ними — ему вдруг стало холоднее. Что если это отчуждение со временем превратится в стену, и она разделит их навеки? Но тут же Саймон отогнал от себя эти мысли — сейчас нужно думать только о Верлене.

Саймон послал известие, но не с помощью сигнального огня, который могли заметить шпионы Карстена, а с помощью вестниц, где это было возможно. Там, где такой возможности не было, приказ Саймона передавали верховые нарочные. Гарнизоны укреплений сокращались: где на пять, где на десять-двенадцать человек. Те, кого отбирали, должны были осторожно пробираться небольшими группами в горы под видом обычных патрулей и там дожидаться решающего приказа. Корис договорился с Эннером Осбериком, начальником отряда торговцев-рейдеров, которые поселились в порте Эс с тех пор, как их береговая крепость была захвачена врагом. Когда-то в Сулькаре погиб отец Осберика, ненависть которого к кольдерам и всему их клану была так же велика и грозна, как волны бушующего моря. Эта ненависть досталась по наследству его сыну, и потому Эннер Осберик всегда готов был выступить против общего врага.

План начал претворяться в жизнь, и все, о чем оставалось договориться, было только время выступления.

Саймон распластался на самом краю утеса. День был пасмурный, но тумана не было, и потому Саймон ясно видел две арки башен Верлена; поднеся к глазам прозрачную кварцевую линзу — эсткарпский вариант земного бинокля, — он внимательно оглядел высокие стены крепости. Вдали маячил когтеобразный риф — тот самый, что приносил добычу обитателям крепости, промышлявшим морским разбоем. Именно на этот риф и должен был высадить своих лжеторговцев Эннер. Таким образом, они окажутся достаточно далеко от крепости, чтобы выманить наружу гарнизон в надежде поживиться за счет очередной жертвы моря.

Серое небо и влажный воздух предвещали шторм. Однако им нужна была управляемая стихия, которая сработала бы на них. Саймон продолжал изучать местность через линзу, но его мысли были заняты совсем другим. Джелита уехала в Эс, к Владычицам, полная радости и восторга перед своим открытием, что она не утратила колдовских способностей. Но с тех пор он не слышал от нее ни единого слова, не было между ними и той мысленной связи, которой Саймон ожидал. И теперь он уже почти был готов поверить, что те недели в Южном Форте были всего лишь сладким сном, что никогда не было в его жизни столь полного свершения желаний, какое он ис-

пытал в тот миг, когда она слилась с ним воедино. Ведь тогда ему показалось — отныне он точно знает, что такое блаженство, с которым не сравнится даже рай.

И снова его охватил холодный страх, и снова почудилось, что между ними вырастает стена. Нет, лучше всего гнать от себя прочь все мысли об этом, иначе он, подобно Корису, забудет свой долг и сломя голову кинется на поиски Джелиты.

Времени было мало, очень мало. «Сегодня ночью, — подумал Саймон, убирая в карман кварцевую линзу, — сегодня ночью они выступают». Прежде чем уехать, Джелита передала ему все сведения о подземных ходах Верлена, и теперь они запечатлены навсегда в его мозгу. Прошлой ночью он с Ингвальдом и Доротаном спустились в пещеру, где начинались эти ходы. Молча смотрели они на старинный алтарь, воздвигнутый в честь богов, обратившихся в прах вместе с теми, кто их почитал. Он ощутил нечто странное, что невозможно было определить, оно висело в воздухе, и становилось трудно дышать. И это нечто оказало настолько сильное противодействие способности Саймона воспринимать происходящее сверхчутким, что он едва совладал со своим телом, которое задрожало, словно в лихорадке. В этих подземных тайниках Древнего Мира, без сомнения, противоборствовали друг другу многие таинственные силы.

Саймон соскользнул с утеса, перебрался к расщелине, где притаились три разведчика пограничников и один сокольный.

Саймон спросил:

— Сообщения были?

«Глупый вопрос, — тут же подумал Саймон, — ведь он и сам бы в тот же миг узнал о ее прибытии, будь она здесь». Но юноша в кожаном костюме и кольчуге разведчика вскочил на ноги при виде Саймона.

— Есть сообщение от сенешаля. Осберик полностью подготовил судно. Он может спустить его на воду по сигналу, но только не уверен, что ветер продержится достаточно долго.

Время... Саймон не обладал способностью управлять стихией, и потому, если Джелита не вернется в срок, им придется рискнуть и положиться на волю наступающего шторма, не рассчитывая на помощь волшебства... И это должно быть сделано сегодня ночью, самое позднее — завтра.

Раздался резкий крик птицы, и черно-белый сокол, глаза и уши Ункара, камнем упал на подставленную руку хозяина.

— Сенешаль идет, — сообщил Ункар.

Саймон никак не мог разобраться в той связи, которая существовала у птиц с человеком, но он давно убедился, что такие сообщения всегда точны и птичья служба сокольничих куда надежнее, чем любая разведка на этих высотах. Корис идет сюда, и он настроен выступить немедленно; на этот раз Саймону придется уступить настояниям других. Но где же Джелита?

Несмотря на неуклюжее тело, Корис двигался с той расчетливой экономией энергии, которая отличает всякого опытного бойца. Огромный топор, который он вынул из руки легендарного Вольта, птичьего бога, в тайной гробнице, скрывался под складками плаща, но на сенешале был боевой шлем и оружие. Красивое лицо, так странно сочетавшееся с уродливым телом, светилось мрачной радостью.

— Мы выступаем этой ночью! Эннер говорит, что ветер и волны благоприятствуют нам. А позже он не может поручиться за это. — Он помолчал, потом тихо добавил: — С севера нет никаких сообщений.

— Пусть будет так! Подавайте сигнал, Вальдис. Мы выступаем в сумерках.

Юноша исчез среди скал с быстротой стрелы, выпущенной из лука. Худое лицо Ункара выглянуло из узкой щели шлема в виде птичьей головы.

— Скоро пойдет дождь. Это будет весьма кстати в сумерках, Хранитель Границ.

И он последовал за Вальдисом, чтобы собрать своих людей.

Заката в этот вечер не было — настолько тяжелые облака. А море бушевало все сильнее. Скоро Осберик пустит свое судно-приманку на волю волн. У морских грабителей было три наблюдательных пункта: два на рифе и один на центральной башне крепости; в плохую погоду на всех трех пунктах непременно стоят часовые. Охраны на рифах бояться не приходится, но подступы к крепости, где должны двигаться атакующие, находятся в поле обзора сторожей на центральной башне. И потому Саймон все же беспокоился, хотя было решено использовать все мало-мальски пригодные укрытия на

этом пространстве. Теперь же им очень поможет приближающийся дождь.

Но штормовой ветер опередил дождь. И только сумерки скрывали теперь пограничников и сокольников, которые цепочкой шли к нужной пещере и осторожно вползали в ее черное жерло. В темноте вдруг что-то вспыхнуло, и Саймон услышал тихое восклицание Кориса.

Лезвие топора Вольта тоже вспыхнуло огнем, и Саймон сразу же ощутил веяние какой-то силы от покосившегося алтаря, прилив непонятной мощной энергии, которую он не мог бы описать, но все же страшился.

— Свет сражения! — раздался безрадостный смех Кориса. — Благодарю тебя, Вольт, за эту новую милость.

— Необходимо идти! — поторопил его Саймон. — Кто может знать, что вызывает здесь к жизни оружие?

Они быстро нашли начало подземного хода. По спине у Саймона бегали мурашки, волосы под тяжестью шлема шевелились — так велика была наэлектризованность атмосферы подземелья. По стенам полосами сползала слизь, мерцавшая в свете их факелов. Чем дальше они уходили, тем более спертым становился воздух, пропитанный сыростью и пахнущий плесенью. Почва под ногами вздрагивала от глухих ударов бьющего внизу моря.

Наконец перед ними возникла лестница, металлические поручни и ступени которой казались какими-то гигантскими сплетениями паутины на фоне темных стен пещеры. Именно по этим лестницам Джелита бежала из крепости вместе с Лоисой, и Саймону приходилось полагаться на эти сведения, проверить которые не было возможности. Оттуда, из этой комнаты, они могут попытаться застигнуть Фалька врасплох и захватить его, но только при условии, что гарнизон будет занят мародерством за стенами крепости.

Ступеней было бесчисленное количество, и Саймон в конце концов сбился со счета. Они не заканчивались даже перед дверью, которую им указала Джелита, — лестница уходила дальше вверх. К счастью, замок на двери оказался самым примитивным и без всякого хитроумного приспособления. Саймон немного повозился с запором, и пятифунтовый овал медленно отошел в сторону.

В комнате царила тьма, так что они не загасили факелы. Прямо перед ними был альков с кроватью, рядом — красный сундук, еще один стоял под окном, за которым бушевал шторм.

— Пора!

Впрочем, Саймону незачем было отдавать приказ. Солдат из охраны Кориса уже вскочил на стоявший под окном сундук, отодвинул ставень и просунул руку с факелом в отверстие. Несколько условных жестов рукой, в такт которым замигали факелы остальных членов отряда, и Эннер Осберик примет условный сигнал — если, конечно, он уже на месте. И тогда он снимет с якоря свое судно. Теперь им оставалось только ждать, пока сигнал о приближении корабля поднимет гарнизон крепости.

Это ожидание было для них мучительнее всего. Две небольшие группы — одна под началом Ингвальда, другая под руководством Ункара — осмотрели ближайшие помещения. Ункар сообщил, что за соседней дверью находится еще одна пустая спальня — запасной путь к отступлению.

Время тянулось нестерпимо медленно. Саймон мысленно перебирал все возможности провала. Фальк, конечно, должен быть настороже и всегда готов отразить нападение извне. У него были свои разведчики, как это выяснили люди Саймона. Но о потайных ходах в крепости не должен знать никто; так, по крайней мере, считала Лоиса.

Рядом послышался вздох облегчения, тут же потонувший во взорвавшемся над их головами отчаянном шуме и бряцании оружия.

— Вот оно! — Корис стиснул плечо Саймона и рванулся к двери комнаты. — Набатный колокол, возвещающий о крушении! Теперь-то уж эти крысы вылезут из своих нор!

Глава 3

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Терпение! Терпению Лоиса научилась давным-давно. Ей снова придется воспользоваться им как оружием против страха и паники, которые стлы внутри, тисками схватывали горло, придавливая тяжелым грузом. Терпение... и собственный ум — вот что оставили ей.

В комнате, где Лоису надолго оставили одну, царил мертвая тишина. Не было нужды пытаться проверить прочность ставен или двери; они даже ободрали драпировки со столбов у постели, чтобы она ничего не сделала с собой, — так решила Лоиса. Но до этого пока что не дошло. О, нет и нет! Губы Лоисы сложились в подобие улыбки, но в глазах застыла горечь.

Она чувствовала себя очень плохо. Комната плыла и раскачивалась перед глазами, никак не удавалось собраться с мыслями. Еще на борту корабля стала мучить тошнота, и она не могла ничего есть. Сколько времени она не ела? Лоиса по-детски загибала пальцы, подсчитывая дни. Три, четыре... пять дней? И все время перед ее мысленным взором стояло лицо той темноволосой женщины, которая однажды утром явилась в Эс и предстала перед ней с какой-то сказкой. Что она напала?

Лоиса изо всех сил напрягла память, стараясь вспомнить все подробности той встречи. Страх ее стал еще сильнее, когда она вдруг отдала себе отчет в том, что провал в памяти не имеет ничего общего с недомоганием и потрясением, которое она испытала. Нет, это была блокировка памяти, которая никак не могла быть связана ни с ее физическим состоянием, ни с эмоциями. Эта женщина... Бертора! Лоиса испытала острую радость, когда все же сумела вспомнить ее имя. Эта Бертора увезла ее из замка Эс, принесла ей какое-то сообщение. Но что это было за известие? И от кого? О, почему, почему она в такой глубокой тайне сохранила свой отъезд с Берторой из Эса? Сохранились какие-то отрывочные воспоминания о дороге через лес, шторме и о том, как они искали убежища от волн и ветра среди скал. А потом они спустились к самому морю и стали ждать.

Почему? Почему она так спокойно оставалась с Берторой, не испытывая ни беспокойства, ни подозрения? Быть может, ею двигала какая-то посторонняя сила? Нет, в это трудно поверить. В Эсткарпе у нее были только друзья, не враги. А вот теперь, соединяя отрывочные воспоминания, Лоиса начала понимать, что Бертора вела с ней себя так, словно бежала от врагов на чужой земле! Неужели и у Карстена также есть волшебницы?

Лоиса сжала руками щеки, она была холодна, как лед. Но ведь поверить во все это — значит усомниться в своей родине. С тех пор как потомки Древней расы были объявлены в Кар-

стене вне закона — их убивали на месте по любому поводу, — там не осталось волшебниц. И все-таки, она больше не сомневалась, что ей была навязана чужая воля, что ее, помимо желания, кто-то принудил идти на юг, к морю, где ждал корабль.

И что-то еще там было... что-то, связанное с Берторой. Она должна вспомнить, ведь это так важно. Лоиса стиснула судорожно кулаки — так, что побелели костяшки пальцев.

Да, верно... Бертора что-то кричала им.

Лоиса не могла вспомнить слов Берторы, но интонации были сначала молящие, потом отчаянные. И один из тех, кто прибыл на корабле, прекратил эти крики, спокойно, почти небрежно проткнув женщину кинжалом. Бертора пала навзничь, руки ее вцепились в рукоять клинка так сильно, что владелец оружия не смог выдернуть его из груди женщины. Потом раздался короткий приказ, другой из прибывших наклонился над Берторой, пошарил в складках ее туники и извлек оттуда какой-то предмет, который зажал в кулаке, — что именно? Лоиса не сумела увидеть.

Бертора отдала ее в руки Карстена, и за это ей заплатили смертью. Но сделать это помогло какое-то оружие, неизвестное Лоисе.

Впрочем, неважно, как это было сделано. Теперь она в Карсе, в руках Ивиана. Даже если ее сейчас ищут в Эсткарпе, то все равно могут строить только догадки о том, куда она исчезла. К тому же... если даже они догадаются... понадобится целая армия, чтобы выручить ее из Карса. А такую армию Эсткарп сейчас послать не может. Лоиса достаточно часто присутствовала на военных советах, чтобы отдавать себе отчет, как непрочно сейчас положение Древнего Королевства. Стоит только им отправить армию против Карстена, и Ализон немедленно нападет на них с севера.

Когда-то в Верлене она была одна против могущества, против всей власти Фалька, и не было у нее ни одного друга в стенах этой морской твердыни. И снова она оказалась одинокой против могущественного врага; если бы только не эта ужасная тошнота, если бы только не кружилась так голова, она бы могла мыслить более ясно. Но стоило ей лишь пошевелиться, как пыльный пол начинал уходить из-под ног...

Внезапно отворилась дверь, темноту комнаты разрезал узкий луч света лампы, на мгновение ослепивший Лоису. Перед ней стояли трое: двое герцогских слуг в ливреях (один из них держал лампу, другой — поднос, уставленный тарелками) и женщина, судя по изящной фигуре и шарфу, накинутому на голову...

Поставив лампу и поднос на столик, слуги удалились, и только тогда женщина подошла к Лоисе и откинула густую вуаль.

Она была выше ростом, чем наследница Верлена, отлично сложена и держалась с непринужденной грацией и изяществом, чем не могла похвастаться Лоиса. Светлые густые волосы были уложены в замысловатую прическу и убраны под золотую сетку в драгоценных камнях. Такие же украшения сверкали на шее, руках и подоле тяжелого платья, ее тонкие запястья унизывали браслеты. Можно было подумать, что, готовясь к встрече, эта женщина специально нарядилась со всей пышностью и великолепием, какие были ей доступны. Но увидев спокойные глаза, серьезное лицо, Лоиса подумала, что незнакомка вряд ли нуждается в такой поддержке, как вся эта мишура.

Женщина протянула сверкающую драгоценностями руку, взяла лампу со столика и подняла ее выше, глядя прямо в лицо Лоисе оценивающим взглядом, который мог бы вызвать у нее краску смущения, но девушка даже не дрогнула. Она не могла, разумеется, соперничать с такой красотой. Взамен золотой копны у Лоисы была гладкая прическа из бесцветных прядей; против изысканной грации движений, не заученной, а природной, Лоиса отличалась неловкой угловатостью. Что же касается ума, то и здесь она не могла превзойти эту женщину, ибо леди Альдис славилась своим умением искусно плавать в мутных волнах двора Ивиана.

— Должно быть, в вас есть что-то такое, чего сразу не увидишь, — первой нарушила молчание Альдис. — Но только уж очень глубоко это, видимо, скрыто, милая герцогиня.

Голос ее звучал шутливо, но в словах таилась дерзкая насмешка.

Все еще не выпуская из рук лампу, Альдис отвесила поклон, и ее юбки грациозно взметнулись с непревзойденным изяществом, не доступным никакой другой женщине.

— Милая герцогиня, не хотите ли перекусить? Я думаю, вы должны были проголодаться за долгую дорогу?!

Она поставила лампу на стол, подвинула поближе к Лоисе стул, и все это — с преувеличенной услужливостью, в которой сквозило явное пренебрежение. Лоиса не шевельнулась и ничего не ответила. Альдис озадаченно поднесла к губам палец, потом улыбнулась:

— А... я ведь еще не представилась Вашей Светлости! Меня зовут Альдис, и я очень рада приветствовать вас в вашем городе Карсе; здесь вас так давно ждут. Ну, теперь, быть может, вы изволите пообедать?

— Разве Карс — не ваш город? — спросила Лоиса так бесхитростно, как мог спросить только ребенок.

Она пока не знала, какую роль ей лучше всего играть, но на всякий случай решила держаться так, чтобы любовница Ивиана скорее недооценила ее.

Улыбка Альдис стала еще шире и яснее.

— Все это — лживые сплетни. Им бы вовсе не следовало касаться ваших ушей, дорогая герцогиня. Когда во дворе нет настоящей госпожи, кто-то ведь должен позаботиться о том, чтобы все шло как подобает и как угодно нашему лорду-герцогу. Я льщу себя надеждой, что вы не захотите ничего изменить в налаженном порядке.

Что это — угроза или предупреждение? Во всяком случае, сказано это было самым небрежным легким тоном. Лоиса считала, что Альдис никогда не согласится уступить свое место и власть, которой она здесь обладала, жене по браку из государственных соображений.

— Известие о вашей смерти было большим ударом для нашего герцога, — продолжала Альдис. — Он ведь был готов приветствовать свою супругу, а вместо этого ему сообщили о том, что окно башни открыто и за ним болтается разорванная веревка, а внизу бушует море; как будто эти волны жаднее его объятий! Немало огорчений принесло это нашему герцогу! Зато каким большим облегчением было для него известие о том, что Лоиса из Верлена жива! Правда, ее околдовали эти собаки с севера и держат у себя в качестве заложницы. Но теперь-то все в порядке, не так ли? Вы в Карсе, и сотня мечей образует надежный заслон между вами и вашими врагами! Так что поешьте, миледи, а потом отдохните! Недалек тот час, когда вы

будете должны во всей своей красе предстать перед взором своего супруга!

Насмешка больше не была легкой — на сей раз Альдис выпустила коготки и вонзила их поглубже.

Она сбросила салфетки со стоявших на подносе блюд, и запаха пищи снова вызвал у Лоисы приступ тошноты. Сейчас не время для проявления гордости, не время бросать вызов врагу.

Лоиса закрыла лицо руками, словно ребенок, который устал от рыданий, и с трудом поднялась на ноги, держа за спинку кровати. Ее качнуло к столику, она с трудом двинулась и почти упала на стул.

— Бедное дитя! Вы и в самом деле измучены, — но Альдис не подошла, чтобы помочь ей, и Лоиса была искренне благодарна за это.

Лоисе пришлось взять бокал двумя руками, чтобы поднести его ко рту, — до такой степени она ослабла. Было неприятно, что Альдис видит, как у нее дрожат руки, и догадается о ее слабости.

Впрочем, особого значения это сейчас не имело. Зато силы постепенно возвращались к ней, и прояснились мысли. То, что Альдис пришла сюда, — неспроста, но пока Лоиса не знала, сможет ли извлечь какую-нибудь пользу из этого визита.

По телу разлилось приятное тепло: тот страх, который грыз ее все время, понемногу начал ослабевать. Лоиса поставила кубок на столик, пододвинула тарелку с супом и стала есть, с удовольствием вдыхая аромат навара. У герцога Ивиана отличный повар. Против своей воли Лоиса расслабилась, наслаждаясь вкусной едой.

— Говядина в красном вине, — весело прокомментировала Альдис. — Это блюдо вам будут подавать теперь часто, ведь наш дорогой герцог обожает его. Джаппон, наш шеф-повар, особенно славится этим блюдом. Герцог желает, чтобы мы все учитывали его вкусы и всячески угождали ему.

Лоиса отпила еще немного вина.

— Отменно выдержанное вино, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал так же весело и непринужденно, как и у той... другой. — Похоже, что ваш герцог — тонкий ценитель напитков. Правда, мне-то казалось, что его нёбо больше привыкло к грубому вину таверн...

Альдис улыбнулась еще слаще.

— Наш герцог не любит, когда намекают на... Как бы это сказать?.. Не совсем обычное начало его карьеры. На то, что он завоевал Карстен силой своего оружия...

— И при поддержке наемников, — холодно перебила ее Лоиса.

— И с помощью своих сторонников, — согласилась Альдис. — Он гордится этим и часто рассказывает об этом в кругу друзей.

— Тот, кто забирается на самую вершину, должен всегда помнить о том, что внизу, — Лоиса отломилла половинку корочки орехового хлеба.

— Тот, кто поднимается к вершинам, всегда позаботится о том, чтобы внизу все было гладко и спокойно, — возразила Альдис. — Он научен не доверяться случаю, ибо фортуна слишком капризна.

— А мудрость уравнивает силу оружия, — ответила Лоиса пословицей жителей холмов.

Поев, она уже не чувствовала себя так отчаянно плохо. Но не следовало переоценивать себя. Ивиан далеко не глуп, не привык попусту размахивать мечом, и его нелегко провести. Ивиан завоевал Карстен не только силой оружия, но и остротой ума. А уж эта Альдис... Тише, тише, Лоиса, будь внимательна, ступай осторожно, чтобы ни один лист не шелохнулся...

— Наш герцог — непревзойденный искусник во многих вещах: и в обращении с мечом, и в совещательной комнате... В постели тоже. Да и тело у него не искалечено, он отлично сложен...

Лоиса надеялась, что Альдис не заметила, как она похолодела при этих словах, но на это было мало надежды. И следующее замечание Альдис подтвердило опасения Лоисы.

— Говорят, что на севере замышляются великие дела, и во главе всего этого стоит какой-то несчастный карлик, который изо всех сил размахивает краденным топором...

— Да? — Лоиса открыто зевнула, потом еще раз и еще. Ее усталость вовсе не была наигранной. — Слухи всегда преувеличены и мало похожи на правду. Я уже поела, можно мне теперь поспать?

— Но, миледи, вы говорите так, будто считаете себя пленницей! А ведь вы — могущественная повелительница Карса и Карстена.

— Я это буду иметь в виду. Но все же эта мысль, как бы отрадна она ни была, приносит мне меньше радости, чем принес бы отдых. А потому, пожелаю вам всего доброго, миледи Альдис!

Еще одна улыбка, легкий смешок, и она исчезла. И Лоиса тут же услышала ожидаемый звук — скрежет ключа в замке. Какой бы могущественной повелительницей Карса она ни была, во всяком случае, на эту ночь она — пленница, запертая в этой комнате, и ключ от замка не в ее руках. Лоиса больно закусила губу при самой мысли о том, что именно это может означать.

Она внимательно осмотрела комнату. Кровать без полога, который непременно должен быть в таких покоях, стояла на возвышении в две ступеньки. Когда она отодвинула ставни на одном из двух окон, рука еще нашарила прочную металлическую сетку, через ячейки которой проходила только первая фаланга ее указательного пальца — не больше.

У дальней стены стоял комод, в его ящиках лежала какая-то одежда, но Лоиса не стала ее рассматривать. Она чувствовала страшную усталость, все тело ныло от желания растянуться на постели. Но ей нужно было еще кое-что сделать перед тем, как лечь. И, когда задача была выполнена, Лоиса почувствовала, что лишилась последних сил и вся дрожит от изнеможения. Сейчас она ляжет и уснет, но теперь никто не застигнет ее врасплох, потому что к самой двери был придвинут тяжелый стол.

Несмотря на свинцовую усталость, сковывавшую все ее члены, Лоиса долго лежала без сна. Она не загасила лампу, так что даже самые дальние углы комнаты были освещены.

Томило мучительное беспокойство — она уже испытывала подобное... И чувство было таким же сильным сейчас, как в тот миг, когда она пробиралась по подземелью, мимо древнего алтаря забытого народа, прежде чем выйти под ясное небо. Подземелья Верлена... Она на мгновение будто снова ощутила их гнетущую атмосферу и страшную наэлектризованность воздуха...

Волшебство! Если когда-то хоть раз сталкивался с ним, то безошибочно определяешь снова и снова... В конце концов, ей вовсе не известны все тайны Эскарпа, ведь было же когда-то время, когда они с Джелитой провели много дней в самом сердце Карса под личиной воинов-наемников, собирая инфор-

мацию, столь необходимую делу Севера. И вот сейчас здесь тоже могут быть агенты Владычиц.

Она вцепилась руками в покрывало. Ах, если бы она только обладала такой Силой, если бы только могла послать сообщение, которое мог бы принять дружественный разум! Лоиса страстно желала этого, слезы струились по ее щекам; нужна была не столько помощь, сколько поддержка, участие, сознание того, что она не одинока. Когда-то это было так, но потом появились Джелита и Саймон, этот высокий чужестранец, которому она сразу поверила, и вместе с ним — Корис! Слабый румянец выступил на ее щеках при воспоминании о насмешке Альдис. Несчастный карлик. Какая нелепость, какая ерунда! В нем была смешанная кровь, это правда, кровь матери из рода торов, с их приземистыми могучими телами, и кровь отца из благородного семейства из Горма — людей, отличавшихся редкой красотой. Все равно ее сердце выбрало лишь его одного — из всех мужчин, с того самого дня, когда она увидела его рядом с Саймоном. Лженаемники ждали ее у ворот Карса, вызванные колдовскими чарами Джелиты.

Вызванные колдовством! Но ведь она не может послать такое сообщение! Лоиса еще раз попыталась разобраться, что за барьер возник в ее мозгу, стараясь преодолеть его. Нет, здесь определенно было какое-то волшебство! Она совершенно уверена в этом!

Лоиса соскользнула с кровати на пол и, сама того не сознавая, принялась отодвигать стол от двери, словно выполняла приказ неведомой силы. Все внутри ее протестовало, и все же через минуту стол был отодвинут.

Послышался звук поворачиваемого ключа в дверном замке, тяжелая ручка повернулась. Снова Альдис! На мгновение Лоиса расслабилась и посмотрела вошедшей в лицо. Оно было точно такое же, как и раньше — красивое, спокойное... и все же не совсем такое!

Что-то неуловимо изменилось в ее чертах; Лоиса не смогла бы даже сказать, что именно. Как будто та же самая легкая улыбка, то же ясное лицо. И все же, всем своим существом Лоиса чувствовала, что это — не та Альдис, которую она уже видела.

— Вы боитесь, — сказала Альдис, и ее голос звучал почти так же, как раньше. — У вас есть основания бояться, герцо-

гиня! Наш герцог не любит, когда ему идут наперекор. А вы несколько раз обставляли его! Он должен вас сделать своей верной женой, вы ведь знаете, иначе ему не достигнуть своей цели. Но не надейтесь, что вы найдете в нем нежного возлюбленного! Отнюдь нет! И поскольку вы в какой-то мере меша-ете и мне, я решила дать вам один шанс, миледи.

Что-то сверкнуло в воздухе и упало на край постели — маленький кинжал, из тех, которые когда-то Лоисе приходилось носить на поясе, но все же — настоящее оружие.

— Это подарок, — сказала Альдис (и не Альдис) таким тихим голосом, что Лоиса едва разбирала ее бормотание. — Интересно, как вы решите им воспользоваться, Лоиса из Верлена? Так или иначе?

И она исчезла. Лоиса уставилась на тяжелую дверь, недоумевая, будто увидела призрак (без плоти и крови), иллюзию и только.

Иллюзия? Оружие и защита волшебниц. А была ли здесь Альдис на самом деле? Быть может, это всего лишь уловка со стороны какого-то агента Эсткарпа, который хотел хоть так помочь пленнице из Верлена? Но нет, ей не следует питать таких призрачных надежд.

Лоиса бросила взгляд на постель, словно ожидая, что кинжал тоже исчезнет. Но он лежал там по-прежнему и в руках ее был холодным и гладким на ощупь, с остро отточенным тонким лезвием.

Что ж, значит, она должна им воспользоваться. Только против кого же, интересно? Против Ивиана? Или против себя самой? По-видимому, для Альдис — или для призрака Альдис — особой разницы в том не было.

Глава 4

ФАЛЬК И.. ФАЛЬК!

Саймон стоял на лестнице, прислушиваясь. Снизу доносились звуки битвы. Гремел боевой клич сулькарцев: «Суль! Суль!». Но Саймон прислушивался совсем к другим звукам, они должны идти сверху. Он не мог ошибиться. Где-то на верхних площадках этой лестницы должен быть Фальк.

Вот оно! Скрежет металла по камню. Какую еще ловушку приготовил Фальк для своих преследователей? И все же, именно Фальк был им необходим для осуществления задуманного плана. А время работало против них и было союзником врага.

Правда, пока что все шло, как они и рассчитывали. Судно, выброшенное на риф, открыло перед ними ворота крепости, выманило гарнизон за стены, привлекло всеобщее внимание. Так что нападавшие проникли в крепость прежде, чем люди Фалька успели опомниться.

Но это не означало, что они готовы сдаться, наоборот — они сражались отчаянно, как люди, у которых нет пути к отступлению. Только потому, что в разгаре сражения Саймон оказался отброшенным вражеским ударом далеко в сторону, он успел заметить, как правитель Верлена (высокий человек с огненно-рыжей гривой волос — шлем с него свалился) побежал. Саймону приходилось слышать много легенд о том, как Фальк бросается в атаку впереди своих людей, но на этот раз властитель Верлена повел себя почему-то иначе. Вместо того, чтобы повести своих воинов в яростный бой против пограничников, Фальк метнулся в сторону и помчался к одной из внутренних лестниц. И Саймон, в голове которого все еще гудело от страшного удара, последовал за ним. Снова послышалось звяканье металла о камень. Быть может, там готовится оружие более грозное, чем меч или топор? Оттуда, где он стоял, Саймону была видна только верхняя площадка лестницы. И там вдруг стал разгораться бледный свет.

Свет мигнул, Саймон задержал дыхание. Мерцание продолжалось несколько минут. Наконец Саймон не выдержал и сделал шаг вверх, потом еще один... Следующий шаг привел его на площадку, где его ожидало неведомое... Саймон считал колебания света. Он знал, что шаровые лампы, освещающие стены коридора, разгораются сильнее, если постучать по стене. Их никогда не меняли, и этот секрет был давно утерян. Теперь лампы стали тускнеть. Если они погаснут...

Саймон двинулся вперед, прижимаясь спиной к стене с самострелом наготове. Четыре ступени, шесть, осторожная перебежка по узкому коридору... Саймон очутился перед баррикадой — сваленный в кучу всякий хлам, вытащенный второпях из соседних комнат. Быть может, Фальк лежит где-то рядом

с оружием наготове, целясь в того, кто первым намерен разнести это нагромождение столов и стульев?

Саймон почувствовал смутное беспокойство. Поступки Фалька странным образом не совпадали с тем, что ему было известно о береговом властителе. Он вел себя как человек, стремящийся выиграть время. Для чего? Все силы Фалька были брошены в бой, кипевший внизу. Он не мог надеяться на подкрепление. Нет, он пытается спастись в одиночку! Саймон и сам не понимал, откуда у него такая уверенность, но был убежден в этом.

Может быть, Фальку был известен какой-то потайной ход, и он теперь его ищет?

Снизу больше не доносился шум битвы — вероятно, в живых осталось лишь несколько бойцов Фалька.

Лампы сильнее замигали, и Саймон услышал наконец какой-то слабый звук, инстинкт бойца заставил его отступить. Белое пламя взрыва! Ослепленный сиянием, Саймон закрыл глаза руками. Но шума от взрыва не было. Что бы это ни было, для Саймона оно было новостью. Поплыли клубы дыма, горло стало немилосердно жечь. Он закашлялся, еще раз протер глаза, но ничего не смог разглядеть.

— Саймон! В чем дело?..

— Фальк! — ответил Саймон Корису. — Будь осторожен... Он там, наверху...

— Фальк! — Корис твердой рукой поддержал Саймона. — Что он там делает?

— Чинит любое зло, какое только сумеет, — раздался позади них голос Ингвальда.

— Осторожно, — сказал Саймон. Зрение к нему вернулось. Он скользнул вверх по лестнице, опережая Кориса. Дымовая завеса рассеялась, на стене виднелись обугленные участки дерева, в воздухе носились хлопья золы.

Ни звука не доносилось на площадку, куда выходили двери. Саймон продвигался вперед шаг за шагом. Из-за одной двери послышался громкий шорох, и, прежде чем Саймон успел сделать движение, огромный топор Вольта обрушился на створку двери. Дверь разлетелась, и они увидели комнату; прямо перед ними было широко распахнутое окно, из которого свисал обрывок веревки, прикрепленный к сундуку.

Корис положил топор на пол и вцепился в веревку. Напрягая могучие мышцы, он стал тянуть веревку вверх. Саймон и Ингвальд подбежали к окну. Ночь была темная, но все происходящее внизу было достаточно ясно видно. Фальк собирался с помощью этой веревки спуститься на следующую, более низкую, крышу. Но сейчас веревка медленно и неуклонно ползла вверх — дальше и дальше от того места, где Фальк мог безопасно спрыгнуть вниз.

Саймон увидел белое пятно лица Фалька, обращенное вверх. Дергаясь на конце веревки, словно марионетка, властитель Верлена поднимался все выше — туда, где они его ждали. И тогда он разжал руки и с глухим звуком упал на соседнюю крышу. И падая, он издал отчаянный крик, словно то, что он сделал, свершилось помимо его воли. Неужели он и в самом деле до последней секунды надеялся спастись подобным образом? Теперь Фальк неподвижно лежал на крыше, одна его рука судорожно дернулась вверх и тут же замерла.

— Он еще жив, — Саймон потянул к себе веревку. Он и сам не мог бы объяснить, почему было так необходимо заглянуть в лицо Фальку. — Я должен спуститься туда, — он поспешно привязывал веревку к поясу.

— Ты думаешь, что за этим что-то кроется? — спросил Корис.

— Думаю, да.

— Тогда спускайся. Только будь осторожен. Даже с вырванным жалом змея опасна. А у Фалька нет оснований оставлять в живых своих врагов.

Саймон выбрался через окно, и они стали осторожно спускаться вниз. Наконец ноги коснулись крыши, он сбросил веревку и пошел к неподвижной фигуре.

Поднеся фонарь к распростертому телу, Саймон опустился на колени и сразу же убедился — несмотря на страшные увечья, Фальк еще жив. Отчаянным усилием властитель Верлена повернул голову, и взгляды их встретились.

Саймон хрипло вздохнул, едва подавив крик, ибо то, что он увидел в этих тускнеющих глазах, было поистине страшно. В них была ненависть и боль. И что-то еще, совершенно отличное, — и это нечто было несравнимо ни с какими человеческими эмоциями.

— Кольдер! — громко сказал Саймон.

Он и в самом деле был кольдером... эта зловещая угроза на лице умирающего человека. И все же Фальк не был одним из тех одержимых, которых кольдеры использовали в своих битвах, похищая у них душу и заставляя принимать в свое тело некую неведомую силу, от которой бежало прочь все человеческое. Нет, Саймону приходилось видеть таких одержимых. А здесь было что-то совсем иное, ибо личность Фалька не была уничтожена — ведь боль и ненависть становились в глазах Фалька все сильнее, а то, что было злом Кольдера, постепенно исчезало.

— Фальк! — Корис тоже прыгнул на крышу и подошел к Саймону, волоча за собой веревку.

— Это я, Корис.

Фальк с трудом скривил рот.

— Я умираю... но и ты умрешь... болотный червь!

— Как и все люди, — пожал плечами Корис.

Саймон наклонился к Фальку.

— И как те, кто не является людьми!

Он не был уверен, что то, что осталось от кольдера, поняло его слова. Губы Фалька снова зашевелились, на этот раз на них лишь выступила кровь. Он попытался было приподнять голову, но она упала, и его глаза остекленели.

Саймон посмотрел на Кориса.

— Он был кольдером.

— Но ведь он не был одержимым!

— Нет, и все же он был кольдером!

— Ты уверен в этом?

— Как в самом себе. Он оставался Фальком и в то же время был кольдером.

— Что же, в таком случае, мы здесь открыли?

Корис был ошеломлен тем, что узнал, предвидя ужасные последствия.

— Если у них есть среди нас и другие слуги, кроме одержимых...

— Именно так, — мрачно ответил Саймон. — Я считаю, что Владычицы должны узнать об этом как можно скорее!

— Но ведь кольдеры не могут воспользоваться телом потомка Древней расы, — заметил Корис.

— Будем и впредь надеяться на это. Но кольдеры были здесь, значит, могут находиться и в любом другом месте. Пленники...

— Их совсем немного, — пожал плечами Корис. — Человек десять-двенадцать. И главным образом, простые воины. Зачем понадобилось бы Кольдери воспользоваться кем-то из них? Фальк — другое дело. Он мог быть крупной фигурой в их игре. Впрочем, посмотри на них сам, может быть, ты увидишь то, чего мы не заметили...

Солнце заливало стол ярким светом. Саймон отчаянно боролся с желанием уснуть и черпал силы в растущем глухом раздражении. Он хорошо знал эту женщину в сером платье, с суровым лицом и гладко зачесанными назад седыми волосами. На ее груди переливался дымчатый драгоценный камень — символ ее ремесла и грозное оружие власти, руки были сложены на коленях. Да, Саймон хорошо знал ее, хотя и не мог бы назвать по имени, ибо имена волшебниц Эскарпа никому не были известны и никогда не произносились вслух, ведь это была величайшая тайна каждой из них, которую нельзя было отдать в руки толпы, чтобы ею не завладели враги.

— Значит, это ваше последнее слово, — он не пытался смягчить резкого тона, задавая этот вопрос.

Она не улыбнулась, только тень промелькнула в спокойных глазах.

— Не мое слово, Хранитель Границ, и не наше слово. Это — закон, по которому мы живем. Джелита... — Саймону показалось, что в ее тоне звучит неодобрение. — Джелита сама сделала свой выбор. Возврата нет.

— Но если Дар остался с ней, что тогда? Ведь вы же не можете оспаривать это?

Она не пожала плечами, но Саймон понял, что его речь и гнев нисколько не тронули ее.

— Если обладаешь какой-то вещью, пользуешься ею и притом долгое время, то ее тень может еще некоторое время оставаться с тобой, даже если этой вещи больше нет. Возможно, ей еще доступно то, что остается лишь бледной тенью ее прежних возможностей. Но она не может требовать обратно камень и снова стать одной из нас. Я надеюсь, Хранитель Границ, что вы не для того вызвали сюда Владычицу, чтобы обсуждать этот вопрос и возражать против решения, которое вас совершенно не касается.

Вот он, снова этот барьер между волшебницами и простыми смертными. Саймон постарался обуздать свой гнев, ибо сейчас и в самом деле не время бороться за дело Джелиты. Сейчас нужно думать только об осуществлении задуманного плана.

Он коротко объяснил, что нужно сделать.

Волшебница кивнула:

— Кто именно из вас изменит облик?

— Я, Ингвальд, Корис и еще десять человек из отряда пограничников.

— Я должна видеть тех, чей облик вы хотите принять, — она поднялась со стула. — А они готовы?

— Их тела...

Она не изменилась в лице при этом сообщении, а спокойно стояла, ожидая, чтобы ей указали дорогу. Тела положили в дальнем углу зала — десять воинов, выбранных среди убитых в последней схватке, и среди них один офицер, судя по знакам на мундире, покрытый шрамами и с перебитым носом. Фальк лежал поодаль.

Волшебница постояла немного возле каждого тела, пристально вглядываясь в черты лица каждого. Многие ее сестры по ремеслу могли совершить временное превращение, но только она одна обладала Силой производить полное превращение одного человека в другого, до самых мельчайших черточек лица.

Подойдя к Фальку, она остановилась, наклонилась над ним и долго рассматривала лицо. Наконец она повернулась к Саймону:

— Вы совершенно правы. В этом человеке есть нечто большее, чем его собственный разум, душа и мысли. Кольдер... — это последнее слово она произнесла хриплым шепотом. — И, зная об этом, вы все же пытаетесь занять его место?

— Наш план зависит от появления Фалька в Карсе, — ответил Саймон. — И я не кольдер...

— Что с легкостью установит первый же кольдер... — предупредила она.

— Мне придется рискнуть.

— Пусть будет так. Приведите сюда тех, кто должен пройти превращение. Сначала семь человек, потом еще троих. Отшлите остальных из зала, никто не должен мешать нам.

Саймон кивнул. Ему приходилось и раньше подвергаться превращению, но это делалось наспех, ненадолго, только чтобы скрыться из Карса. Теперь же он должен стать Фальком, это совсем другое дело.

Пока Саймон собирал своих добровольцев, волшебница занялась приготовлениями. Нарисовав на полу две пятиконечные звезды, которые частично накладывались одна на другую, она поместила в центре каждой звезды небольшую жаровню из ящика, который несли за ней вслед прислужники, сопровождавшие ее. Затем она стала отмерять и взвешивать различные снадобья из множества колбочек и пиал; смешала их в две кучки на специальных лоскутках тонкого шелка, вытканного причудливым узором.

Они не могли воспользоваться одеждой убитых, слишком она была окровавленной и грязной, но в комодах, стоявших в зале, нашлось все необходимое, к тому же в их распоряжении находились пояса и оружие погибших.

Волшебница бросила свернутый шелк со снадобьем в жаровни и начала нараспев произносить заклинания. От жаровен поднялся густой дым, который скрыл стоявших в зале обнаженных мужчин — каждый из них стоял на одном из лучей нарисованных на полу звезд. Теперь тем, кто стоял под этой пеленой тумана, трудно было поверить, что существует мир за пределами этого сизого дымка, который окутывал их все плотнее и плотнее. Слова заклинаний медленно и гулко отдавались в ушах, и все вокруг качалось и плыло в тумане.

Он рассеялся так же медленно, как и возник, воздух наполнился приятным ароматом, и Саймон ощутил, что постепенно возвращается в реальный мир. Стало холодно, он бросил взгляд вниз и увидел незнакомое, начинающее полнеть тело с курчавыми рыжими волосами, покрывающими кожу. Он стал Фальком.

Корис или, по крайней мере, человек, который сошел с того луча звезды, где до этого стоял Корис, был немного ниже — они постарались подобрать себе прототипы более или менее похожие на них, — но зато у него не было непомерно широких плеч сенешаля и длинных болтающихся рук. Старый шрам вздернул его губу на манер волчьего оскала. Ингвальд утратил свою молодость, в его волосах пробивалась седина, морщини-

стое лицо носило на себе печать долгой и беспутной разбойничьей жизни.

Они подобрали себе одежду, надели кольца, шейные цепочки, разобрали оружие погибших.

Саймона окликнул один из его людей:

— Позади вас лежит что-то. Выпало из пояса Фалька.

Это был странной формы кусочек металла — ни серебро, ни золото — с зеленым оттенком, по виду напоминающий сложно завязанный узел, состоявший из множества хитросплетений. Саймон нашел на поясе Фалька крючок, на котором, по-видимому, раньше был прикреплен этот странный предмет, и водворил его на место. Нельзя было упускать даже такую мелочь в обличье Фалька.

Волшебница оглядела Саймона критичным взглядом, как художник — свое творение.

— Желаю удачи, Хранитель Границ, — сказала она. — Сила волшебства будет с вами в полной мере.

— Благодарим вас за добрые пожелания, Мудрая, — сказал Саймон. — Мне кажется, нам очень потребуется помощь этой Силы.

— Прилив заканчивается, Саймон, — крикнул от двери Корис, — пора отплывать.

Глава 5

КРАСНОЕ УТРО

На рассвете судно входило в воды золотистой реки первой верфи Карса. Утро было ясным.

— Сигнальные флаги! — Один из стоявших на носу кивнул на полоскавшиеся на ветру разноцветные полосы, укрепленные на шесте.

Другой — мужчина в богато украшенном плаще — склонил голову и взялся за рукоять кинжала.

— То, чего и ожидали? — вопрос прозвучал настойчиво и выжидательно.

— Как и положено для тех, за кого мы себя выдаем, — улыбнулся первый. — Теперь остается только выяснить, собирается Ивиан приветствовать своего тестя как дорогого гостя

или саблей. Мы идем прямо в пасть змее; пасть может захлопнуться прежде, чем прибудет подкрепление.

Третий тихонько рассмеялся.

— Любая змея, Ингвальд, которой вздумается сомкнуть челюсти, чтобы проглотить нас, наткнется на несколько футов хорошо отточенной стали! К тому же, от наемников ему тоже хорошего ждать не приходится — они всегда становятся на сторону того, кто им лучше платит. Сначала нам надо разделаться с Ивианом, а тогда уж и Карс будет наш!

Саймон беспокоился из-за самонадеянности Кориса. Он отнюдь не умалял достоинств военного руководителя, но ему очень не нравилось то лихорадочное возбуждение, которое снесало сенешаля на всем пути к Карсу. Команда их состояла из сулькарцев, которые не раз в качестве торговцев совершали этот переход и отлично знали все течения и излучины реки.

Тем временем основные силы Эсткарпа совершали пеший переход, готовясь атаковать Карс по первому сигналу.

Саймон бросил взгляд на большую плетеную сетку-корзину, на которую было наброшено легкое покрывало. Это был вклад сокольничих в экспедицию. В клетке находился один из соколов, но не из тех черно-белых, служивших воинственным горцам разведчиками и товарищами в сражениях. Это была птица, в которой нелегко было признать союзника Эсткарпа.

Крупнее, чем те соколы, которые обычно сидели на луках седел сокольничих, с сизым оперением, переходившим в белое на голове и у хвоста. Сокольничие, плававшие на судах сулькарцев, отыскивали где-то за морями пять таких птиц и уже из них выводили породу новых соколов. Они были тяжелее собратьев, и поэтому не могли служить в качестве боевых соколов, зато у них был гораздо сильнее развит инстинкт родного гнезда, и поэтому из них получились отличные посланцы-вестники, особенно если учесть их умение постоять за себя в воздухе.

Для целей Саймона такая птица была незаменима. Он не мог бы взять с собой обычного сокола: они были известными союзниками Эсткарпа, а эта новая разновидность — на редкость красивая, и поэтому птица вполне могла сойти за подарок (особенно если учесть, что она умела охотиться).

Итак, десять человек, птица — и целый город против них. На первый взгляд, эта экспедиция была безумной затеей. Но ведь когда-то их было только четверо против этих стен, и они

выстояли и спасли не только свои жизни, но и многие другие. Четверо! Рука Саймона скользнула к поясу Фалька. А теперь их трое: он сам, Корис и где-то упрятанная в глубине этого города Лоиса. А четвертая? Но нет, о ней сейчас думать нельзя. И все же, почему она не вернулась, почему допустила, чтобы он случайно узнал от волшебницы, прибывшей в Верлен, что ее миссия не удалась? Где она теперь? Переживет ли эту обиду? Но ведь она сама согласилась уплатить эту цену за их брак, она сама пришла к нему! Почему же?..

— Нас встречают! — окликнул Саймона Ингвальд.

Группа воинов со знаками отличия Ивиана и в самом деле ожидала их на пристани. Саймон невольно сомкнул пальцы вокруг приклада самострела, но плащ, к счастью, скрыл его движение. Однако, повинувшись отрывистому приказу офицера, стоявшие на пристани сложили ладонь к ладони и высоко подняли их вверх — это было дружественное приветствие. Карс говорил им: «Добро пожаловать!»

У ворот крепости группа воинов также приветствовала их. Насколько они могли судить, проходя по улицам, все в Карсе шло как обычно, не было никаких видимых признаков беспокойства.

Однако когда их с подобающей церемонностью придворного этикета проводили в отведенные им покои, Саймон сделал знак Ингвальду и Корису отойти с ним к окну.

— Почему нас всех собрали в одном месте? — спросил он.

— Чтобы легче было защищаться, — сказал Ингвальд. — И, по-видимому, их несколько не волнует, что мы можем об этом догадаться. И потом — где Ивиан или хотя бы главнокомандующий? Нас ведь встречал младший офицер — не больше. Быть может, они и встретили нас как гостей, но не слишком-то вежливо и любезно.

— И в этом кроется не только оскорбление Фальку, — Саймон снял шлем погибшего, и легкий ветерок, пробивавшийся в окно, разбросал буйные рыжие пряди, украшавшие голову Саймона с момента перевоплощения. — Собрать нас всех вместе — это понятно по соображениям безопасности. Ивиан не питает такое уж почтение к Фальку. Но здесь кроется что-то еще...

Он закрыл глаза, чтобы дать возможность таинственному шестому чувству предупредить об опасности, ощущение ста-

новилося все сильнее с тех пор, как он сделал первый шаг по вражеской земле.

— Сообщение! Ты получил сообщение? — нетерпеливо спросил Корис.

Саймон открыл глаза. Нет, ничего похожего на ту горячую волну, которая когда-то схватила его тут, в Карсе, и заставила, словно в трансе, идти вперед, вперед — туда, где находились тогда Джелита и Лоиса. На этот раз у него возникло что-то вроде предчувствия, которое возникает, когда собираешься сделать непоправимый шаг. Оно было связано не совсем с ним лично. Словно бы он собирался совершить какой-то поступок, последствия которого не понимал.

— Нет, не сообщение, — запоздало ответил он. — Что-то здесь должно произойти...

Корис поднял свой топор — он никогда не выпускал дар Вольта из рук. Только теперь, на время пребывания в Карсе, топор замаскировали фольгой и разукрасили в цвета Фалька.

— Топор шевелится, — сказал Корис. — Вольт ведет нас вперед! — Он понизил голос до шепота. — Мы сейчас в центральном блоке. — Саймон понял, что Корис мысленным взором видит план крепости. — Личные покои Ивиана находятся в Северной башне. В верхних коридорах, наверное, не больше двух часовых в дальнем конце. — Он двинулся к двери.

— Ну так как? — Ингвальд посмотрел на Саймона. — Будем ждать или начнем?

По плану они должны были выждать некоторое время, но тревога Саймона становилась сильнее...

— Вальдис! — Один из мужчин в форме Верлена быстро поднял голову. — На судне мы забыли мешок с птичьим кормом. Сейчас он нам понадобится.

Саймон отдернул покрывало с клетки птицы. На него смотрели темные глаза, в которых светился разум — пусть не человеческий, но все же разум. Голова птицы была повернута к двери, она словно прислушивалась к чему-то, чего не различало человеческое ухо. Потом кривой клюв раскрылся, и птица издала пронзительный крик тревоги. В тот же миг Саймон ощутил толчок: опасность вокруг них!

Корис устался на дар Вольта. Тонкая фольга не смогла скрыть мерцания лезвия, оно словно горело огнем, и это было

не отражение солнечного света, а пламя, что вспыхнуло внутри самого топора. И столь же внезапно этот огонь погас.

Белые перья птицы растопырились, и она крикнула во второй раз. Саймон открыл дверцу клетки, подставил руку, и птица очутилась на этом живом мостике. Она была тяжелой, но этот вес подействовал успокаивающе на Саймона. Широко взмахнув крыльями, птица перелетела на спинку стула.

Один из пограничников распахнул дверь, и вошел Вальдис. Он тяжело дышал, в руке у него было обнаженное оружие с обгаренным кровью лезвием.

— Они все сошли с ума! — прокричал он. — Они гоняются друг за другом по всем залам и кромсают друг друга в клочья!

Это не могли быть силы Эсткарпа, ведь сигнал еще не подан! Неужели случилось непоправимое? Ингвальд схватил юношу за плечо:

— Кто гоняется? Кого кромсают? — спросил он хрипло.

— Не знаю. У них у всех знаки людей герцога. Один из них, я слышал, кричал, что нужно позвать герцога: он, мол, со своей супругой...

— Я думаю, пора начинать, — сказал Корис отрывисто, дыхание со свистом вырывалось из его груди.

— Отворите окно, — приказал Саймон ближайшему пограничнику.

Сейчас самое правильное — воспользоваться начавшейся внутри крепости суматохой, хотя Саймон и не знал ее причины. Он сделал знак соколу, и тот вылетел в окно, держа уверенный курс к тем, кто ожидал его появления. Тогда Саймон повернулся к двери и бросился вслед за Корисом.

В конце площадки лежал лицом вверх убитый; судя по одежде, он принадлежал к числу высших чиновников двора. На лице застыло удивленное выражение, словно он не ожидал получить смертельный удар. Но не это привлекло внимание Саймона — в глаза бросился широкий пояс, перехватывающий талию убитого. На нем было три розетки с красным драгоценным камнем посередине. Там же, где положено быть по орнаменту четвертой розетке, Саймон увидел совсем другое изображение — сложный узел из перекрученных и переплетенных линий, точно такой же, какой висел на поясе Фалька, бывшем сейчас на нем самом. Это новомодное украшение или...

Корис неся прыжками по лестнице, ведущей на другой этаж, где находились покои Ивиана. Туда, где была Лоиса, если, конечно, им повезет. Сейчас некогда было раздумывать о поясах и орнаментах.

Теперь им ясно слышались звуки боя, бряцание оружия. Саймон и Корис одновременно бросились к перилам лестницы и поглядели в ту сторону, откуда доносились крики и отчаянный грохот. В дальнем конце площадки несколько человек пытались высадить крепко запертую дверь, остальные стояли с оружием наготове.

— Я-а-а-а! — гигантским прыжком Корис покрыл разделявшее их расстояние, двое из карстенцев услышали его крик и повернулись ему навстречу. Саймон выстрелил, и оба врага упали, пораженные его стрелами. Саймон не очень хорошо сражался на мечах, но в меткости стрельбы из самострела ему не было равных ни среди пограничников, ни среди воинов Эсткарпа.

Корис перепрыгнул через трупы и обрушился всей тяжестью тела на дверь. Топор Вольта сверкнул в воздухе — дверь затрещала и распахнулась. Пограничники рванулись вслед за Корисом, сметая с пути оставшихся врагов.

Корис был уже посредине зала, рванул занавес, за которым открывался проход — наверх вела узкая лестница. Корис действовал так уверенно, что Саймон без слов последовал за ним. Еще один зал, на полу — желтое пятно. Корис поддал его топором, и это оказался мужской дорожный плащ. Отшвырнув его в сторону, Корис с разбега остановился еще перед одной дверью.

Она не была заперта, и поэтому распахнулась настезь при легком толчке. Они очутились в спальне, где стояла кровать без полога. Покрывало на кровати было разодрано в клочья, обрывки его валялись на полу. Ничком на постели лежал человек, кулаки его судорожно сжимали остатки покрывала. Ноги его едва заметно дергались, словно он пытался подняться. Корис подошел к кровати, взял человека за плечо и перевернул на спину.

Саймон никогда не видел Ивиана из Карстена, но сейчас он безошибочно узнал этот твердый подбородок, песочного цвета кустистые брови, нависшие над орлиным носом. Жизнь еще

теплилась в могучем теле бывшего наемника, который огнем и мечом завоевал свое герцогство.

На нем был простой халат, который свалился с плеч, когда Корис схватил его, и теперь обнажилось могучее тело, сплошь покрытое старыми шрамами. Грудь была обтянута широкой повязкой, мокрой и красной. Дыхание со свистом вырвалось сквозь стиснутые зубы, полоса становилась все краснее и шире на его груди.

Корис опустился на колени, стараясь заглянуть в глаза герцогу:

— Где она? — спросил он ровным голосом и тоном, не терпящим умолчания.

Саймон усомнился, что до сознания Ивиана дошли сейчас какие-нибудь слова.

— Где она? — повторил Корис. Под его рукой шевельнулся топор Вольта, бросив отблеск на лицо герцога.

— Вольт... — губы Ивиана зашевелились, точно он видел лишь этот топор и не слышал, о чем спрашивает его Корис.

— Да, это топор Вольта, а я — тот, кто носит его, Корис из Горма, — сказал Корис, заметив, что Ивиан перевел взгляд с топора на его лицо.

Слабая усмешка появилась на лице Ивиана, и губы его снова с трудом скривились, выдавливая слова:

— Из Горма? Ну, значит, ты знаешь своих хозяев. Будь ты проклят.

Последним усилием Ивиан оторвал руку от покрывала, сжал ее в кулак и ударил, стремясь попасть Корису в лицо. Она тут же обмякла и упала, герцог дернулся и затих навсегда.

В соседней комнате, как и в других, кроме Ивиана они никого не нашли. Корис, который все время шел впереди в этих отчаянных поисках, остановился посреди комнаты, широко открыв глаза:

— Она была здесь!

Саймон был согласен с ним. Но думал он сейчас о последних словах умирающего Ивиана. Почему герцог сказал о «хозяевах» Горма? Ведь об Эскарпе было бы правильное сказать «хозяек», ибо всему Карстену было известно, что на севере правит Совет Владычиц. Но на Горме... на Горме были зловещие хозяева — кольдеры! Кто-то начал здесь свару между людьми, и это не было делом рук Эскарпа. Ивиана смертельно ранили.

Но у них не было времени на дальнейшие поиски. Охрана герцога искала своего повелителя, и пограничникам было необходимо срочно пробиться на свободу...

Наступил вечер. Саймон, сгорбившись, сидел на стуле и, жуя жесткое мясо, слушал рапорты; он пытался решить, что же им делать дальше?

— Мы не можем дольше удерживать Карс, — сказал сокольниковичий Гуторм, наливая вино в чашу дрожащей от усталости рукой. Десять часов понадобилось ему, чтобы со своим авангардом пробиться от северных ворот крепости к тому месту, где он сейчас находился.

— Это и не входило в наши планы, — сказал Саймон. — Мы пробивались сюда, чтобы сделать...

— То, что не сделано! — Топор Вольта с гневным стуком упал на пол. — Ее нет в городе, разве только они спрятали ее так, что даже волшебница не чувствует ее присутствия. А в это я не верю!

Ингвальд с гримасой боли погладил свою раненную руку:

— Я тоже. Но волшебница говорит, что здесь нет даже ее следов. Словно ее здесь никогда и не было...

Саймон зашевелился:

— Есть только один способ скрыть человека так, что никакая Сила его не обнаружит.

— Кольдер, — ровным тоном сказал Корис.

— Кольдер, — согласился Саймон. — Вот что мы узнали от пленных. На рассвете офицеры получили приказания, якобы от герцога, тихонько собрать своих людей в одном из залов, а потом наброситься друг на друга. Каждому командиру было сообщено, что кто-то из его товарищей — предатель. Что еще могло вызвать такой переполох? Ну а потом они не смогли найти Ивиана, хотя и понимали — что-то неладно с этими приказами. И паника стала еще сильнее, когда прошел слух, что Ивиана убили.

— Это было сделано для прикрытия, но не нами, — заявил Гуторм, — в схватке участвовали только люди Ивиана.

— Прикрытие, — кивнул Саймон, — и единственное событие, которое стоило прикрывать таким образом, является смерть Ивиана. При таком беспорядке в его охране некому было охотиться за убийцей...

— Быть может, не только Ивиана, — вмешался Корис, — но и Лоисой тоже!

— Но зачем кому-то могла понадобиться Лоиса? — утомленный мозг Саймона работал медленнее обычного, но все же он тут же сообразил: она могла понадобиться кольдерам в качестве приманки!

— Не знаю зачем, но я это намерен выяснить! — и снова топор Вольта энергично стукнул по полу.

Глава 6

ГЕРЦОГИНИ КАРСТЕНА

Лоиса сидела на широкой постели, обхватив колени руками, и не сводила глаз с лежавшего перед ней кинжала. Какую цель преследовала Альдис? Ведь она же не могла бояться утраты своей власти над Ивианом, она прекрасно знала, что герцог желает иметь рядом с собой Лоису только по политическим соображениям.

Когда много месяцев назад Джелита жила в Карсе, Альдис однажды тайно явилась к ней с просьбой продать ей секрет заклинаний, которые могли бы навсегда привязать к ней Ивиана. Она, безусловно, не сомневалась, что такое заклятие ей необходимо, иначе не пришла бы к Джелите. А позже, когда настало время противоборства духов (когда Владычицы прибегали к самым сильным внушениям, которые только были в их власти), изображение Альдис стало объектом воздействия Джелиты. Ее всячески склоняли к действиям в пользу Эсткарпа, и она пользовалась своей властью над Ивианом, сама того не ведая, чтобы исполнить пожелания волшебниц.

А вот теперешнюю Альдис Лоиса просто не могла представить в подобной роли. Эта Альдис никогда не обратилась бы за помощью к Джелите, разве что тайно желая вступить в противоборство с волей волшебницы. Однако тогда Альдис искала помощи совершенно искренне, иначе Джелита немедленно выяснила бы обратное. И той, прежней Альдис, на самом деле была навязана воля волшебниц безо всякого ее ведома — ведь если бы попытка оказалась неудачной, то Джелита тотчас бы узнала об этом.

Лоиса прикусила нижнюю губу. Нет, Альдис, которую она встретила здесь, совсем не похожа на ту, ранее знакомую ей. Она ведет какую-то свою игру, и в этой игре Лоисе отводилась роль пешки, которую Альдис будет передвигать по своему желанию. Лоиса постаралась подавить все сильнее поднимавшийся в ней гнев и спокойно обдумывать свое положение. Несомненно, ее увезли из Эсткарпа сюда, потому что она является женой Ивиана, добытой мечом. Но что получил Ивиан, привезя ее сюда? Во-первых, то, чего жаждал с самого начала: Верлен с его морскими сокровищами, низко расположенной гаванью и опытными морскими грабителями — все это вместе обеспечит ему опорный пункт для набегов на Эсткарп.

Во-вторых, она, Лоиса, родом из старинной знати, и их супружество может принести Ивиану поддержку многих могущественных домов. Ведь ходят же слухи, что он решил порвать свои прежние связи и укрепить герцогский трон, объединившись с главами старинных родов.

В-третьих, — Лоиса крепче стиснула руками колени — ее бегство из-под венца и союз с врагами Ивиана в Эсткарпе наверняка вызвали у него немалую ненависть к ней, а тут еще обет верности Корису, этому отщепенцу из Горма, которого она предпочла герцогу Карстена... Лоиса презрительно усмехнулась: как будто этих двоих можно хоть на мгновение поставить рядом! Корис! Это все, о чем она когда-либо в жизни мечтала!

Итак, у Ивиана было целых три причины привезти ее сюда, и все же за ними крылось что-то еще, о чем она могла только смутно догадываться. Лоиса ломала голову, мучительно пытаясь найти разгадку. Почему-то, она была совершенно уверена, что дело здесь не только в Ивиане, но и в Альдис. Какая же причина могла быть у Альдис? Зачем понадобилось заманивать сюда наследницу Верлена, почему она старалась запугать Лоису тем, что ждет ее со стороны Ивиана? Зачем она дала Лоисе оружие? Чтобы девушка обратила его против себя самой? На первый взгляд, это основательная причина, но не слишком убедительная. Или ожидалось, что Лоиса вонзит кинжал в грудь Ивиану, когда он захочет взять ее силой? Так ведь Ивиан — единственный источник власти над Альдис, настоящей повелительницей герцогства! Значит, к этому подарку Альдис следует отнестись осторожно.

Лоиса соскользнула с кровати, подошла к окну и распахнула ставень. Свежий ветер с гор ворвался в комнату, освежил ее пылающее лицо, принес с собой прохладу и покой. Где-то там, за много лиг отсюда, ее друзья не сидят сложа руки. Корис, Саймон, Джелита — Лоиса не сомневалась, что они ищут ее повсюду. «Но вряд ли они смогут добраться до Карса», — подумала она. Нет — и на этот раз ее будущее зависело только от ее ума, находчивости и мужества. Она вернулась к кровати, подобрала кинжал. Возможно, дар Альдис — на самом деле ловушка, но Лоиса почувствовала странное облегчение, когда пальцы сомкнулись на холодной рукоятке кинжала.

Веки отяжелели, и она упала на постель без сил... Спать... она должна уснуть. Снова придвинуть стол к двери? Не было сил даже пошевелиться. Свежий ветерок навевал такую сладкую дремоту... И она уснула.

Быть может, многие месяцы кочевой жизни в горах и на границе, которые приучили ее быть начеку даже во сне, помогли Лоисе развить то необыкновенное чутье, столь часто выручавшее ее. Где-то в глубине затуманенного сном сознания прозвучал сторожевой сигнал. Она проснулась мгновенно и, хотя не открыла глаз, стала прислушиваться, замерев от страха.

Тихонько скрипнули железные петли — и дверь стала медленно отворяться. Лоиса рывком села на постели среди сбитых в сторону простынь. Утренний свет лился в комнату сквозь открытые ставни, но дальний угол все еще был погружен в полумрак. Лоиса тихонько подползла к краю кровати и быстро нырнула вниз, забившись в угол между каменной стеной и ступеньками возвышения, ведущего к постели. Вошедший в комнату мужчина повернулся к ней спиной, неторопливо закрывая дверь, на сей раз изнутри.

Он был высок ростом, как Саймон, и даже просторный халат не скрывал ширины его широких плеч. Такой же сильный, как Корис, — он был могучим бойцом. Когда мужчина повернулся к Лоисе, она заметила, что он улыбается небрежной, чуть презрительной улыбкой, но девушка в ней увидела жестокость и злобу.

Что-то в нем напомнило отца, Фалька из Верлена, только черты этого лица были еще жестче, волосы были не рыжие, а выцветшие, песочного цвета, безобразный шрам пересекал

щеку. Вот он каков, Ивиан, наемный вояка, Ивиан-непобедимый!

Он неторопливо пересек комнату, направляясь к кровати, не сводя с девушки глаз. Он улыбался все шире. Остановившись рядом с Лоисой, он отвесил ей насмешливый поклон, как это сделала ранее Альдис.

— Вот мы наконец и встретились, миледи. Немало воды утекло, и слишком долго эта встреча откладывалась — по крайней мере, мне так казалось.

Он рассматривал ее с тем же легким презрением, какое она замечала и в глазах отца.

— Ну и заморыш же ты, в самом деле, — с удовлетворением кивнул он. — Пожалуй, тебе и действительно нечем хвастаться, моя госпожа.

Лоиса молчала; она не знала, как себя вести, боялась, что он начнет действовать, если заговорить сейчас. Пока он сам говорит, у нее остается время собраться с духом.

— Да, ни один мужчина не прельстился бы твоим лицом, Лоиса из Верлена. — Он коротко рассмеялся. — Разве что государственные соображения... Только они могут заставить мужчину сделать то, от чего у него начинаются спазмы в желудке. Потому я и женился на тебе, а теперь вот ложусь с тобой в постель, леди из Верлена...

Он медленно подходил, шаг за шагом, не набрасываясь, как она опасалась. И Лоиса, которая все теснее прижималась к шершавому камню стены, прочла объяснение в его глазах. Охота и победа — неизбежная победа — вот что принесет ему наибольшее наслаждение. Она поняла, что он продлит это удовольствие, наслаждаясь ее страхом, отчаянием и ужасом. Охота будет продолжаться, пока ему не надоест, а потом... потом, наконец... на его условиях, и когда ему вздумается.

Что же, она постарается доставить ему удовольствие. С неожиданной легкостью, которой она научилась у пограничников, Лоиса сделала отчаянный прыжок, но не к запертой двери, как мог ожидать Ивиан. Она пала плашмя на кровать, и прыжок ее был таким стремительным, что Ивиан не успел поймать ее. А Лоиса тут же вскочила на ноги, подпрыгнула — пружины матраса послужили ей трамплином — и, ухватившись руками за столбики, на которых должен был висеть полог герцогской кровати, в мгновение ока очутилась на самом верху шеста,

торчавшего в изножье. Теперь Ивиан не мог ее достать, стоя на полу. Он молча уставился на нее, на лице больше не было улыбки, глаза злобно сощурились.

Лоиса сомневалась, что он решится взобраться вслед за ней на шест — ведь весит Ивиан вдвое больше, а шест уже и так раскачивался и трещал, рассеивая клубы пыли. Долгая минута потребовалась Ивиану, чтобы осознать это. Тогда его ручищи обхватили шест, он принялся его отчаянно трясти. Скрипело дерево, клубилась пыль, дыхание со свистом вырывалось из груди Ивиана. Спокойная жизнь размячила его мышцы, но он все еще оставался сильным бойцом, который победил не одного противника в кулачном бою.

Постепенно шест расшатывался, Ивиан медленными толчками выдергивал его из гнезда. Лоиса впилась в верхушку побелевшими пальцами. Наконец шест рухнул, сбив Ивиана с ног, так что он упал на спину. Лоиса свалилась на пол, больно ударившись плечом о столбик кровати. Кошачьим прыжком Ивиан вскочил на ноги и теперь глядел на нее, распростертую на полу, и презрительная ухмылка снова расплзлась на его лице.

Но у Лоисы в руках уже был неожиданный подарок Альдис и, превозмогая отчаянную боль в плече, она изо всей силы полоснула по протянувшейся к ней лапище. Ивиан взревел и, выбросив вперед ногу, выбил кинжал из ее рук. Но пола его халата зацепилась за обломок шеста, свисающий с кровати, и на какую-то долю секунды он замешкался, прежде чем снова кинуться на Лоису. Этой секунды было достаточно, чтобы девушка отпрыгнула за кровать.

Ивиан рванул полу халата, глаза его побелели от бешенства, на губах показалась пена... Лоиса держала кинжал на уровне груди острием вперед. Благодаря судьбе, на ней был костюм для верховой езды, в котором она была подвижна и легка, словно мальчишка. И все же против нее был огромный мужчина, опытный воин, для которого не было тайн в любой схватке.

Сорвав с постели разодранную простыню, он скрутил ее жгутом и этим импровизированным грубым хлыстом изо всей силы ударил Лоису. Удар пришелся прямо по щеке, и Лоиса застонала от жгучей боли. Она отступила на несколько шагов, но не выпустила кинжала. И снова Ивиан яростно хлестнул ее

и бросился вперед, широко разведя руки в стороны и намереваясь схватить девушку.

На этот раз ее спас стол: Лоиса ухитрилась проскользнуть мимо его края, а Ивиан налетел на массивное сооружение всей своей тяжестью, запутавшись в широких полах своего же собственного халата.

С проклятиями он собирался отшвырнуть в сторону препятствие, как вдруг замер: глаза его широко раскрылись, и он уставился на что-то за спиной Лоисы. Неужели он настолько глуп, что думает купить меня столь древним трюком, подумала презрительно Лоиса и приготовилась отразить натиск Ивиана из последних сил. Но вдруг кто-то железной хваткой стиснул ее занесенную вверх руку и отшвырнул в сторону. Лоису обдало сильным запахом мускуса, шелковое платье коснулось ее тела. Кто-то легко вытащил кинжал из руки Лоисы, словно в ней вовсе не было силы.

— Значит, у тебя не хватило мужества убить, — раздался голос Альдис. — Что ж, дай возможность сделать это тому, у кого оно есть!

Изумление на лице Ивиана сменилось жуткой гримасой гнева. Он оторвался от стола и сделал быстрый шаг вперед. И тут же остановился, словно наткнулся на что-то, а потом медленно двинулся прямо на Лоису, хотя в груди у него уже торчал кинжал, а по халату медленно расплзлось красное пятно. Отчаянным усилием Лоиса оттолкнула его, он пошатнулся и рухнул на кровать, цепляясь за покрывало.

— Зачем, зачем? — Только это слово и могла выдавить из себя Лоиса, в то время как Альдис, подойдя к кровати, склонилась над Ивианом, пристально вглядываясь в его лицо, словно желала вызвать последнее сопротивление.

Затем Альдис выпрямилась и подошла к полуоткрытой двери. Она не обращала внимания на Лоису, молча прислушалась, потом быстро отошла от порога и снова схватила девушку за запястье, но на этот раз не для того чтобы обезоружить, а чтобы увлечь за собой.

— Идем!

— Зачем? — Лоиса попыталась освободиться.

— Дура! — Альдис приблизила свое лицо к лицу Лоисы. — Неужели ты не слышишь — сюда ломятся телохранители Ивиана. Ты хочешь, чтобы они нашли тебя здесь — с ним вместе?

Теперь и Лоиса слышала доносившийся снизу странный грохот. Она была потрясена: Альдис метнула кинжал, который поразил герцога в самое сердце, охрана Ивиана ломится в его покои... Почему? Зачем? Она ничего не могла понять и поэтому больше не сопротивлялась Альдис, тащившей ее к двери. Было заметно, что та сама чего-то боится, что им нужно торопиться, и вся эта неразбериха вызвала в душе Лоисы еще больший ужас и смятение.

Они очутились в небольшом зале, который тянулся вдоль фасада крепости, шум же снизу стал еще громче. Альдис подтащила ее к окну, и они выскочили на балкон. Здесь на соседнюю крышу была перекинута узкая балка. Альдис подтолкнула Лоису к перилам балкона.

— Иди! — коротко приказала она.

— Я не могу!

Балка висела над пустотой и казалась такой узенькой, что при одном взгляде на нее у Лоисы закружилась голова.

Альдис с минуту смотрела на девушку, потом поднесла руку к броши, сверкавшей у нее на груди. Сжав в кулаке брошь, она снова приказала:

— Поднимайся и иди туда!

И на этот раз Лоиса, словно Альдис с помощью своей броши подчинила ее волю своей, беспрекословно повиновалась приказу. Она больше не владела своим телом, как это было тогда, когда за ней явилась Бертора. Словно со стороны наблюдала Лоиса за тем, как ее тело послушно шагнуло на балку и перешло над пропастью на другой балкон. Там она послушно подождала Альдис. Карстенка столкнула хрупкий мостик вниз, балка раскололась на куски, и никто не мог теперь преследовать беглянок.

Альдис больше не прикасалась к Лоисе — в этом не было необходимости. Девушка не могла сбросить с себя узы, приковавшие ее к Альдис. Они прошли с балкона в комнату, оттуда перешли в другую, побольше. Почти сразу же наткнулись на раненого воина, который полз на четвереньках и оставлял за собой кровавый след, но он их даже не заметил. Также незамеченными проскользнули они и мимо других раненых и даже среди сражающихся воинов: никто не обратил на них никакого внимания. Что здесь происходило? Кто сражался? Эсткарп? Корис и Саймон — может быть, это они пришли за ней?

Теперь и Лоиса слышала доносившийся снизу странный грохот. Она была потрясена: Альдис метнула кинжал, который поразил герцога в самое сердце, охрана Ивиана ломится в его покои... Почему? Зачем? Она ничего не могла понять и поэтому больше не сопротивлялась Альдис, тащившей ее к двери. Было заметно, что та сама чего-то боится, что им нужно торопиться, и вся эта неразбериха вызвала в душе Лоисы еще больший ужас и смятение.

Они очутились в небольшом зале, который тянулся вдоль фасада крепости, шум же снизу стал еще громче. Альдис подтащила ее к окну, и они выскочили на балкон. Здесь на соседнюю крышу была перекинута узкая балка. Альдис подтолкнула Лоису к перилам балкона.

— Иди! — коротко приказала она.

— Я не могу!

Балка висела над пустотой и казалась такой узенькой, что при одном взгляде на нее у Лоисы закружилась голова.

Альдис с минуту смотрела на девушку, потом поднесла руку к броши, сверкавшей у нее на груди. Сжав в кулаке брошь, она снова приказала:

— Поднимайся и иди туда!

И на этот раз Лоиса, словно Альдис с помощью своей броши подчинила ее волю своей, беспрекословно повиновалась приказу. Она больше не владела своим телом, как это было тогда, когда за ней явилась Бертора. Словно со стороны наблюдала Лоиса за тем, как ее тело послушно шагнуло на балку и перешло над пропастью на другой балкон. Там она послушно дождала Альдис. Карстенка столкнула хрупкий мостик вниз, балка раскололась на куски, и никто не мог теперь преследовать беглянок.

Альдис больше не прикасалась к Лоисе — в этом не было необходимости. Девушка не могла сбросить с себя узы, приковавшие ее к Альдис. Они прошли с балкона в комнату, оттуда перешли в другую, побольше. Почти сразу же наткнулись на раненого воина, который полз на четвереньках и оставлял за собой кровавый след, но он их даже не заметил. Также незамеченными проскользнули они и мимо других раненых и даже среди сражающихся воинов: никто не обратил на них никакого внимания. Что здесь происходило? Кто сражался? Эсткарп? Корис и Саймон — может быть, это они пришли за ней?

Но все, кто сражался друг с другом, носили знаки Карстена, словно началась гражданская война.

Обе прошли мимо огромных кухонь, покинутых поварами, хотя на вертелах шипело мясо, в котлах перекипал бульон, от сковородок шел удушливый чад подгоревшей еды; и вышли в сад, где деревья ломились под тяжестью фруктов. Альдис подобрала подол своих пышных юбок, чтобы было удобно бежать. Один раз она остановилась, потому что ветка дерева вцепилась в драгоценную сетку, прикрывавшую волосы. Она сломала ветку, и обломок остался торчать в прическе. Лоиса была уверена, что Альдис руководствуется определенной целью, но не могла понять, какой именно, — до тех пор, пока они не очутились возле узкой речушки, где на легких волнах покачивался маленький челнок.

— Влезай туда и ложись! — указала Альдис на челнок.

Оставалось только подчиниться, и вода тотчас же насквозь промочила ее одежду. Альдис тоже забралась в челнок, который сразу же накренился под двойной тяжестью, и устроилась рядом. Несколько мгновений спустя Лоиса ощутила, что челнок движется по течению, унося их вперед, вероятно, в большую реку, разделявшую герцогство на две части.

Лоиса лежала ничком, задыхаясь от запаха тины и стоячей воды, нестерпимо хотелось поднять голову и вдохнуть свежего воздуха, но она по-прежнему повиновалась приказу Альдис. Куда все-таки они направляются? Лоиса почувствовала, что Альдис накинула на них сплетенную из травы циновку, и дышать стало еще труднее. Девушка отчаянно стиснула зубы, задыхаясь от сознания собственной беспомощности. Когда она последовала за Берторой, она чувствовала себя иначе: тогда Лоиса принимала все происходящее, как само собой разумеющееся, ничего не боялась и сама не понимала, что делает. Но на этот раз она отчетливо сознавала, что находится под действием какой-то силы, которая принуждает ее поступать именно так, как того желает Альдис. Но почему все это произошло именно с ней?

— Зачем? — Раздался над ухом тихий голос Альдис. — Неужели ты еще не догадалась, моя госпожа? Ведь ты же теперь герцогиня, и весь этот город, вся эта страна — в твоей власти! Понимаешь ли ты, что это значит, мое маленькое ничтожество из ниоткуда?

Лоиса пыталась сообразить, она изо всех сил хотела понять, в чем тут дело, но так и не сумела.

Раздался звук рожка, и Альдис, сбросив циновку, села в лодке. Свежий речной ветерок пахнул им в лица. Прямо перед ними возвышался нос какого-то судна, и Альдис уже тянулась к веревке, спущенной для них.

Глава 7

ВЫСОКИЕ СТЕНЫ ИЛИ

Саймон сидел у стрельчатого окна, спиной ко всем находившимся в комнате, но отчетливо слышал все происходящее за его спиной: рысьи шаги Кориса, рапорты воинов и короткие приказания, приход и уход офицеров. Они по-прежнему находились в самом сердце Карса — и это было величайшей глупостью, но убедить в этом капитана было невозможно. Корис пребывал в таком состоянии, что мог бы сейчас разнести цитадель по кирпичику, если бы это приблизило его к цели, к которой он столь отчаянно стремился.

Мог ли он винить Кориса за то, что тот думал лишь об одной единственной женщине, и эта навязчивая мысль грозила погубить их общее дело? Объективно говоря, да. Полгода назад Саймон не понял бы той муки, той пытки, которая терзала Кориса. Но с тех пор, как он, Саймон, и сам попал во власть того же дьявола... И хотя он не метался, как Корис, муки его от этого не были менее горькими. К тому же, в их положении все же была некоторая разница — Корис лишился самого дорогого на свете благодаря вражескому вероломству, а Джелита ушла от Саймона по доброй воле, ушла и не вернулась. Быть может, когда она ощутила, что прежняя Сила осталась с ней, она поняла, как дорого было все то, чем она пожертвовала ради их любви, и теперь просто не в силах навсегда расстаться с этим.

Саймон сделал над собой усилие, чтобы отогнать мысли о Джелите и вернуться к событиям, столь важным для дела Эсткарпа: к смерти Ивиана, захваченной ими цитадели Карса и исчезновению Лоисы (тайну, которую не смог раскрыть ни один из захваченных пленных).

Эсткарп и Карс — вот две самые важные проблемы в настоящее время, но Корис не способен трезво мыслить в таком

ужасном состоянии. Саймон отошел от окна и крепко схватил нетерпеливо шагающего по комнате Кориса за руку.

— Ее здесь нет, значит, нам следует искать в другом месте. Но мы ни в коем случае не должны терять голову...

Саймон говорил таким резким тоном намеренно, рассчитывая, что это приведет Кориса в чувство, как пощечина действует на человека, впавшего в истерику.

Корис сощурился, сбросил руку Саймона торопливым движением плеча, но остановился и стал слушать.

— Если она убежала... — начал он.

— Тогда, наверное, кто-нибудь увидел бы ее, — сказал Саймон. — Давай лучше подумаем, зачем ее захватили. Мы прибыли сюда и обнаружили, что люди Ивиана заняты междоусобной резней. Это было сделано, чтобы скрыть какое-то событие. И это могло быть либо смертью Ивиана, либо еще чем-то...

— Либо еще чем-то, — услышали они позади мелодичный голос и, обернувшись, увидели волшебницу, прибывшую с пограничниками. — Неужели вы не понимаете, милорды, что со смертью герцога Ивиана его супруга, герцогиня, становится полновластной госпожой Карса и Карстена? Особенно если учесть, что Лоиса принадлежит к старинной аристократии, и ее притязания никто не станет оспаривать. Они воспользуются ею, чтобы превратить в послушную пешку, прикрыть ею свои действия, свою силу. Все это было сделано с особой целью, но вот что это за цель? И чья именно? Кого недостает среди убитых и пленных? Лучше бы выяснить, не кто убит и почему, а кто исчез, кто скрылся и по какой причине.

Саймон кивнул. Вполне основательная причина — привезти Лоису в Карс, утвердить в качестве герцогини, супруги герцога Ивиана, а следовательно — и его наследницы; Ивиан, вероятно, знал только часть плана и был полностью уверен, что действует по собственной воле. А потом, избавившись от Ивиана, воспользоваться Лоисой как марионеткой, чтобы прикрыть установление в Карсе другой власти. Но у кого из властителей мог оказаться столь изощренный ум, столь совершенная и могущественная организация, чтобы осуществить такой план? Как было известно разведке пограничников — а это, Саймон знал наверняка, была очень серьезная организация — никто из глав пяти-шести самых могущественных фамилий не обладал мужеством, энергией и людьми, необходимыми

для осуществления подобного плана. Да и сам Ивиан никогда бы не доверился кому-то из представителей старинной знати, чтобы так или иначе не допустить их в эту крепость, где они смогут действовать совершенно свободно. Саймон так и сказал волшебнице.

— Фальк был не просто Фальком, — ответила та. — Здесь тоже могут найтись те, кто выдает себя за других.

— Кольдер! — Корис ударил кулаком по ладони другой руки. — Повсюду Кольдер!

— Да, — устало сказал Саймон. — Ведь мы не могли надеяться, что они откажутся от борьбы, потерпев поражение под Сиппаром, не так ли? Разве мы не знали давным-давно, что главная слабость кольдеров — отсутствие достаточно мощной армии? Вполне вероятно, что после сражения при Горме, когда мы сильно потрепали врага, кольдеры больше не могут полагаться на силу своего оружия и поэтому решили компенсировать количество возможным качеством — подбирают себе в помощники, пусть невольные, людей, занимающих ключевые посты...

— И среди них есть женщины! — перебил его Корис. — Мы ведь здесь до сих пор не видели ту, которую непременно должны были встретить, — Альдис!

Волшебница нахмурилась:

— Альдис ведь откликнулась на наше послание в Битве Духов перед атакой на Горм. Возможно, после этого в Карсе ей не было места!

— Есть лишь один способ выяснить это!

Саймон торопливо подошел к столу, за которым сидел Ингвальд, записывая последние данные на портативной фономашине, оставленной сокольничими, — усовершенствованный вариант аппарата, которым они снабжали своих разведчиков-птиц.

— Что говорят здесь о леди Альдис? — поинтересовалась волшебница.

— Очень мало, — едва улыбнулся Ингвальд. Он пояснил. — Три раза приказания, заставляющие этих волков вцепляться в глотки друг другу, исходили от леди. И поскольку она, как им было известно, находилась в тесной близости с Ивианом, то слова ее принимались за чистую монету. Какая бы там ни

плелась сеть, она к этому наверняка приложила руку, и весьма основательно.

Волшебница прошла на середину комнаты и тихонько потерла в ладонях драгоценный камень — символ своего Дара.

— Я хочу взглянуть на комнату этой женщины. Скорее, — сказала она коротко.

Они пошли все вместе: Владычица, Саймон, Ингвальд и Корис.

Роскошные апартаменты выходили в тот же зал, что и покои, где они нашли умирающего Ивиана. В дальнем конце комнаты высокие окна выходили на большой балкон, свежий ветерок шевелил полог кровати и играл кончиком кружевного шарфа, свисающего из ящика комода. Резкий запах мускуса наполнял комнату. Саймону стало дурно от этого запаха, и он подошел к открытому окну.

Волшебница, по-прежнему крепко сжимая в ладонях волшебный камень, прошла по комнате, держа пред собой руки на уровне груди. Саймон не догадывался, что именно она делает, но понимал — все это имеет значение. Волшебница провела руками по воздуху над кроватью, над обоими комодами, туалетным столиком с целым набором коробочек и чаш, вырезанных из драгоценных камней. Где-то на полпути ее руки вдруг замерли в своем плавном движении и беспомощно упали, словно ударившись обо что-то, невидимое Саймону.

Она обернулась к мужчинам:

— Здесь находился какой-то талисман — символ Силы, которым пользовались много раз. Но Сила эта — не наша. Кольдер! — Она с отвращением сплюнула. — Это связано с превращением.

— Изменение облика! — воскликнул Корис. — Значит, та, которую принимали за Альдис, вовсе и не была ею!

— Не совсем так, лорды! — покачала головой волшебница. — Это не изменение облика, к которому мы так давно прибегаем. Это внутреннее превращение, а не внешнее. Разве не вы сказали мне, что Фальк не был прежним Фальком, хотя он и не был полностью одержим? Он вел себя в битве иначе, не стал сражаться вместе со своими воинами до конца, а сделал попытку скрыться. Потом же предпочел разбиться насмерть, чтобы утаить от нас то, что было его частью. Так же обстоит

дело с этой женщиной, ибо я твердо уверена — у нее внутри находится нечто, принадлежащее кольдерам.

— Кольдер, — процедил сквозь зубы Корис.

Глаза его широко открылись, и он повторил, на этот раз совершенно другим тоном:

— Кольдер!

— Что?.. — начал было Саймон, но Корис перебил его:

— Где же находится последняя твердыня этих проклятых похитителей? Иль! Говорю вам: та, которая была когда-то леди Альдис, сейчас похитила Лоису, и они отправились в Иль.

— Это всего лишь догадки, — возразил Саймон. — К тому же, даже если ты и прав, Иль очень далеко отсюда, и мы еще вполне можем догнать их...

И мысленно добавил: «Любой повод хорош, если только он уведет тебя, наконец, из Карса, пока все не погибли...»

— Иль? — Волшебница задумалась.

Саймон молча ожидал ее решения. Владычицы Эсткарпа были отличными стратегами, и если она внесет какое-то предложение, то, безусловно, его стоит выслушать. Но она молчала. Саймон знал, что задавать вопросы в такой ситуации совершенно бесполезно.

В том, что Корис, возможно, прав, они убедились еще до наступления ночи. Не желая оставаться в Карсе, рейдеры отступили к стоявшим в гавани кораблям, которые должны были увезти их на запад. Угрюмые матросы молча повиновались распоряжениям сулькарских капитанов, работая под наблюдением охраны солдат из Эсткарпа.

Ингвальд одним из последних поднялся на палубу торгового судна и присоединился к Саймону; тот молча наблюдал за набережной, где бушевал ветер, вызванный им в помощь волшебницей.

— Мы оставляем позади себя бурлящий котел, — сказал пограничник.

— Ты ведь сам из Карстена, так, может быть, тебе все же хочется остаться в этом котле? — спросил Саймон.

Ингвальд рассмеялся неприятным резким смехом:

— Когда убийцы Ивиана подожгли мой дом, застрелив отца и брата, я поклялся, что эта земля больше не моя! Мы ведь не новое поколение Карса, и поэтому нам всем лучше присоединиться к тем потомкам Древней расы, которые живут в Эст-

карпе, — мы с ними одной крови. Нет уж, пусть в этом котле варится теперь тот, кто сам пожелает! Я присоединяюсь к Владычицам. Они считают, что Эсткарпу не нужно ни чужих стран, ни чужих народов, над которыми можно властвовать. Посмотри сам: разве ты стремишься сделать Карс нашим? Ведь тогда нам пришлось бы организовать не меньше сотни очагов восстаний и пожаров по всей границе герцогства. И при этом сильно ослабить наши северные укрепления. Ализон только этого и ждет... Мы избавили этот город от Ивиана, сильного правителя, который удерживал в повиновении многих врагов, и теперь начнется грызня между шестью береговыми правителями за власть. Они будут заняты этим слишком важным для них делом и перестанут быть для нас угрозой на севере. Так что анархия сослужит нам службу даже лучшую, чем временная оккупация.

Саймон обернулся на зов капитана-сулькарца:

— У меня тут есть один матрос, который кое-что знает. Возможно, его история представляет для вас интерес.

Капитан подтолкнул мужчину в грубой, запачканной матросской робе, он быстро преклонил колени перед победителями Ивиана.

— Ну? — спросил Саймон.

— Вот как было дело, лорд. Эта самая-то шхуна... она стояла в доке два дня, может больше, но команда вела себя странно, никто не сходил на берег. И не разгружались они, да и по осадке не видно было, чтобы она была груженная. Ну вот мы и стали приглядываться к этой посудине, уж больно чудным нам все это показалось... Но мы с приятелем так ничего и не заметили; ничегошеньки. Когда в городе началась драка, только тогда они там и оживились. Матросы взялись за весла и стали грести. Ну, так же поступили и другие суда, так что мы не удивились. Только остальные-то суда так и отплыли, а вот эта посудина...

— Не отплыла? — Саймон пока не видел причины, зачем ему выслушивать этот рассказ, но, вполне доверяя опыту капитана, решил дослушать до конца.

— Они только поднялись вверх по течению реки, — матрос кивнул на устье реки, почтительно не отрывая глаз от палубы. — Там они оставили свои весла и стали чего-то ждать. И тут появился этот челнок. Он просто плыл вверх по течению, словно оторвался где-то на реке от привязи. Вот тогда

они снова заработали веслами и подплыли к челноку, загородив его от наших глаз. А после снова быстро заработали веслами и стали спускаться вниз по течению. А челнок куда-то исчез.

— Они кого-то подобрали с челнока, — довольно уверенно сказал Ингвальд.

— По-видимому, так, — согласился Саймон. — Но кого именно? Кого-то из своих офицеров?

— Ты никого не заметил в этом челноке? — вмешался в разговор капитан.

— Вот в этом-то и вся штука, лорд, — проговорил матрос. — Там никого не было. У нас, конечно, не было подзорной линзы, да только мы ясно разглядели, что там валялась тростниковая циновка и все. Никто не греб, и вообще никого не было... Если же там кто и был, то лежал на дне, под этой самой циновкой.

— Быть может, это какой-нибудь раненый? — вслух подумал Ингвальд.

— Или кто-то прятался. Значит, судно потом пошло вниз по течению, к берегу?

— Да, лорд. И шло оно тоже как-то странно. Вообще-то там сидели ребята на веслах, да только они словно притворялись и не гребли по-настоящему. Словно бы под килем у них такое сильное течение, что оно само их несет, и грести не требуется. Вообще-то, там и на самом деле есть течение, но совсем не такое сильное. Обязательно надо налегать изо всех сил, если нет попутного ветра и хочешь идти быстро. А именно так и было — безветренно, но шли они очень быстро.

Капитан бросил на Саймона взгляд поверх склоненной головы матроса:

— Я не знаю других способов передвижения по реке, кроме попутного ветра и весел. Если корабль движется как-то иначе, то мне никогда не доводилось видеть такие суда — ни мне, ни моим собратьям: нам известны только ветер и весла, а все остальное — волшебство.

— Но только неизвестное Эсткарпу, — ответил Саймон. — Капитан, дайте сигнал судну сенешаля. Затем переправьте меня туда вместе с этим человеком.

— Ну, капитан Осберик, — обратился Корис к командующему флотом сулькарцев, выслушав историю моряка, — как по-вашему, все это почерпнуто из бочонка с вином или правда?

— Нам неизвестны такие суда, что описывает этот человек, но я верю, что он его видел. Ведь существуют суда, принадлежащие не нам.

— Это не была подводная лодка? — спросил Саймон.

— По-видимому, нет, раз они скопировали внешний вид наших судов. Во всяком случае, они сделали все, чтобы их не опознали, эти кольдеры! И если бы не то, что на берегу поднялась суматоха и появились наши люди, они бы себя ничем не выдали. Только когда им стала грозить опасность, они решили пренебречь безопасностью и выдали себя, чтобы использовать преимущество во времени.

Корис подбросил в руке топор Вольта.

— Вниз по реке к морю, а потом — в Иль.

Он уже принял решение:

— Осберик, приготовьте нам самый быстроходный корабль. Посадите на весла, если потребуется, наших людей. Мы отплываем.

Если это судно и впрямь идет туда, куда они думают, то оно их здорово опередило. К вечеру, когда поднявшийся ветер наполнил паруса, Осберик дал сигнал к отправлению. Шхуна помчалась под ветром с такой скоростью, что не надо было налегать на весла. Позади на берег высаживались те, кто участвовал в налете на Карс: они отправлялись к границе. Только судно Осберика и два других, выбранных для сопровождения, продолжали свой путь по реке.

Саймон спал несколько часов, завернувшись в плащ, все еще в кольчуге Фалька. Они снова обрели свой привычный облик, но одежда и оружие оставались прежние.

Сон был беспокойным (терзали сновидения), и каждый раз он просыпался, не в силах связать канву сна воедино, мучаясь от мысли, что это очень важно. Наконец он окончательно проснулся и лежал, разглядывая звезды и прислушиваясь к свисту ветра. На расстоянии вытянутой руки от него лежал Корис, и Саймон надеялся, что усталость сморила сенешаля и он забылся сном.

Иль и Кольдер. Теперь уже никаких сил не хватит удержать Кориса от нападения на Иль — разве только заковать в цепи. Да, они должны взять Иль, но разве несколько месяцев назад они не пытались разгрызть этот орешек? Они победили в битве при Горме только потому, что по воле случая

Саймон оказался там пленником и смог выведать уязвимые места в броне Кольдера. Но ведь тогда кольдеры относились к противнику со слишком большим пренебрежением, тем самым подставляя себя под удар. А поражение под Сиппаром наверняка послужило им хорошим уроком. Взять хотя бы то, что теперь Иль окружен невидимым барьером на море и на суше, и этот барьер не в состоянии преодолеть ни одна сила — даже Сила Владычиц. В течение многих месяцев Иль остается совершенно недоступным, огражденным от внешнего мира. Солдаты появляются оттуда и возвращаются только морем, и не по его поверхности, а под водой. Корабли кольдеров — подлодки подобные тем, какие сулькарцы захватили в Горме. Но...

На Саймона вновь нахлынули сомнения, как и много месяцев назад, когда он стоял перед Советом Владычиц и высказывал свое мнение: нужно оставить все, захваченное у врагов в Горме, как есть, ни к чему не прикасаться, чтобы не рисковать, ведь во всем может таиться опасность, о которой они и понятия не имеют. Был ли он тогда прав? Теперь Саймон сомневался в этом, но все же внутренний голос говорил, что он не заблуждался тогда, и что воспользоваться оружием кольдеров — значит (так или иначе) оказаться во власти врагов.

Саймону было известно, что волшебницы неторопливо и внимательно изучали находки, сделанные в Горме. Знал он и то, что их Сила была барьером между ними и могуществом кольдеров, который те не могли преодолеть. Но отдавать эти машины в руки простых воинов...

И все же сейчас им совершенно необходимо найти способ проникнуть в Иль. Саймон и раньше думал об этом, но никогда, даже с Джелитой, не делился этими мыслями.

Очень возможно, что только он, Саймон, в состоянии пробить брешь в броне кольдеров, как это однажды уже случилось. И не с помощью подлодок, ибо таких знаний у него не было; они до сих пор не узнали, какая же сила движет эти суда, если только не мысленная энергия командира — кольдера, который умер вслед за своими воинами, не сняв с головы металлический шлем. Нет, Саймон может ворваться в Иль не морем, а только по воздуху. Ибо те летательные аппараты, которые рядами стояли на крыше над ныне покинутым Сиппаром, вполне могут быть ключом к Илью. Но посвятить в это Кориса сейчас было бы величайшей глупостью.

Глава 8

ПОД ВЛАСТЬЮ КОЛЬДЕРОВ

— Заперто прочно... — Красное лезвие топора Вольта сверкнуло в воздухе и вонзилось в мох с такой силой, словно Корис метнул топор во врага. Они стояли на холме, оглядывая подступы к Илю.

Горм был освобожден от людей этого мира и времени, но здесь, в Иле, кольдеры были у себя дома. «Можно было ожидать, — подумал Саймон, — что они прибегнут к помощи металла и станут сооружать причудливые башни и здания». Но кольдеры воспользовались тем же камнем, из которого строились здания в Эсткарпе, с той только разницей, что дома и строения в стране волшебниц были древними. Такими древними, что казались рожденными из плоти и крови той земли, на которой стояли, а не созданными рукой человека.

Иль, несмотря на древний строительный материал, выглядел новеньким, как с иголочки. И не только новым, но и странно чужеродным на этой каменистой почве — Саймон ясно ощущал это, хотя и не мог объяснить словами. Ему казалось, что даже если бы он и не знал, что Иль — твердыня кольдеров, он все равно понял бы, что этот город не имеет ничего общего ни с Эсткарпом, ни с одним из соседних с ним государств.

— Там раньше был вход, — Корис указал топором на казавшуюся совершенно гладкой стену. — Теперь даже дверь эта исчезла. И никто туда не сможет пробраться ближе, чем вон тот ручей в долине.

Барьер, подобный тому, который ограждал в свое время Горм, держал их на почтительном расстоянии от Иля, не давая возможность произвести разведку. Саймон беспокойно шевельнулся. Одна и та же мысль не давала ему покоя, сверлила его мозг с того самого дня, как они покинули Карс, и приходилось все время бороться с собой.

— Должно быть, они покидают город и возвращаются в него под водой, как это было на Горме, — сказал он.

— Значит, нам остается только отступить и признать свое поражение. Кольдер победил? Я никогда не соглашусь с этим, пока легкие мои полны воздуха, а в руке достаточно силы,

чтобы удержать вот это! — топор снова вонзился в мох. — Есть же какой-то путь туда, должен быть!

Что заставило произнести Саймона эти проклятые слова, которые он обещал самому себе никогда не произносить? И все же они сами сорвались:

— Может быть, туда и есть один путь...

Корис резко повернулся, напрягшись, словно встал перед противником на дуэли.

— По морю? Но как мы сумеем...

Саймон медленно покачал головой:

— Вспомни, как пала твердыня сулькарцев, — начал было он, но Корис живо перебил:

— По воздуху! Летающие корабли! Но ведь мы не можем воспользоваться ими, не зная их секретов. — Его сверкающие глаза сверлили Саймона. — Или ты что-то знаешь, брат? Ты рассказывал когда-то, что такие машины использовали во время войны в мире, откуда ты пришел к нам. Обратить такое оружие против хозяев этого исчадия зла! Вот это был бы недурной сюрприз! Ай-и-и-и! — Он подбросил огромный топор в воздух, поймал его за топорнице, высоко поднял голову навстречу солнечным лучам. — В таком случае, немедленно в Горм, за этими летающими кораблями!

— погоди! — Саймон схватил Кориса за руку. — Я ведь даже не уверен, что смогу вести такой корабль! Не уверен, что сможем полететь на них!

— Если только они помогут нам сокрушить берлогу этого зверя, то мы сумеем все на свете! — Ноздри Кориса раздувались, рот застыл в суровой усмешке. — Я понимаю, что вражеским оружием пользоваться рискованно, но бывают минуты, когда приходится за любую возможность хвататься обеими руками. Говорю тебе, мы должны отправиться в Сиппар и воспользоваться тем, что нам необходимо!

Саймон уже много месяцев не видел такого ужаса и хаоса, каким стал бывший главный город Горма. У него даже не возникло желания принять участие в работе тех отрядов, которые прочесывали здания, освобождая их от трупов погибших островитян, столь охотно призывавших Кольдер на помощь в борьбе двух династий. С него хватало Горма и Сиппара в битве, которая изгнала кольдеров из этого прежде уютного гнезда.

Сегодня он понял — была и другая причина, помимо этих старых ужасов, которая вызывала в нем ненависть к Сиппару. Он снова стоял в просторном зале — своего рода центре управления сложными механизмами, — где когда-то сидели за своими столами облаченные в серое офицеры Кольдера, непрерывно колдуя над пультами управления. Ими руководил старший офицер с металлической каской на голове. Именно его приказы — Саймон был в этом уверен — контролировали всю жизнь внутри осажденной цитадели. Тогда Саймон будто подключился к мыслям старшего офицера и узнал о том, что эти люди Кольдера были пришельцами, подобно ему самому, они так же проникли в этот мир сквозь какую-то дверь в пространстве и времени, ища прибежища, спасаясь от преследования. Да, в тот день он проник в мысли этого офицера, и сейчас, вновь стоя в этом зале, опять так ярко вспоминает все пережитое им в те минуты, словно его мозг и мозг того офицера стали единым целым, хотя уже прошло много месяцев с тех пор, как тот, второй, умер.

И все же, в этом зале Саймон ощутил себя не только в какой-то мере единомышленником кольдеров.

Именно здесь, в этом зале, волшебница Эсткарпа, с которой делил он многие тяготы и приключения, отложила в сторону свой волшебный камень — символ Силы и власти — и отдала в его руки свою жизнь, всю себя. Именно здесь произнесла она вслух свое имя — святая святых, которое ей не следовало доверять никому на свете, чтобы тот, другой, не стал ее властелином. И сделала она это ради него, Саймона. Джелита...

Неужели теперь она так возненавидела его, что не хочет даже мысленной связи? И уж совершенно не в силах увидеться с ним?

«Кольдер! Сейчас нужно думать только о Кольдере», — мысленно одернул себя Саймон.

— Саймон! — окликнул его с порога Корис. — Воздушные корабли точно в таком виде, как мы их оставили.

Корабли для нападения на Иль. Почему он всегда опасался пользоваться вражеским оружием? Почему боялся сесть за руль воздушной машины? Разумеется, Корис абсолютно прав в этом вопросе.

Они взобрались на крышу, где стояли летательные аппараты. Два из них, как видно, ремонтировались, когда началось сражение: рядом с машинами лежали инструменты и за-

пасные части. Саймон подошел к ближайшему летательному аппарату. Да это совсем просто! Оказывается, ничего не стоит привести механизмы в действие: надо поставить эту деталь вот сюда, подкрутить эту гайку... Саймон работал быстро и споро, с такой уверенностью, словно всю жизнь занимался этим. Он поставил на место последнюю гайку, завинтил ее потуже, забрался в кабину на водительское место, нажал кнопку стартера и ощутил вибрацию... Все было в порядке, можно подниматься.

Снизу раздался громкий крик, постепенно стихавший по мере того, как летательный аппарат набирал высоту. Саймон проверил приборы. Иль... он направлялся к Илю, предстояло важное задание. Заградительный барьер продержится недолго, слишком уж велик расход энергии. Раньше или позже эти варвары его прорвут, и тогда магия этих проклятых колдуний потрясет стены Иля, сметет их с лица земли.

Проклятых колдуний?.. Да, вероломные, злобные существа! Выйти замуж за человека, а потом сбежать от него, даже не простившись, видно считая его слишком глупым, чтобы иметь с ним дело... Ведьма! Ведьма!

Саймон нараспев кричал это слово, пролетая над волнами залива. Горм... Они потеряли Горм. Быть может, они сейчас потеряют Иль тоже, но только на время. Потому что план их все равно осуществляется. И пусть только откроются ворота — тогда эти тупые дикари, эти ведьмы узнают, почему фунт лиха! Падение Сулькара покажется сухой ерундой перед тем, что произойдет в Эсе... Нажать там, дернуть тут, привести дикарей в действие, заставить колдуний беспокойно зашевелиться. Нужно только выиграть время — и тогда план будет осуществлен.

Значит, если потребуется, сдадим временно Иль — это все равно ничего не изменит. Пусть эти дикари верят, что и на сей раз они победили, что Кольдер изгнан. Но Кольдер только скроется на время, чтобы окончательно собраться с силами, окрепнуть, а затем ударить с новой силой в Эс!

Саймон зажмурился. Помимо собственной воли в нем крепла уверенность и сознание того, что он все сделает, как надо. И в то же время все сильнее охватывало беспокойство — словно в нем противоборствовали две силы, и каждая стремилась к победе. А впереди его ждет Иль. Они все знают, они дали ему приказ, они ждут его!

Руки уверенно двигали рычаги, нажимали кнопки, хотя он даже не сознавал, что делает. Внизу мелькали огни — армия этих дикарей. Губы его скривились в улыбке. Ладно, пусть уж пока что торжествуют! К тому времени, когда они наконец соберутся с силами с помощью своих колдуний, от их армии все равно ничего не останется. Ну, а теперь — вниз, он должен сесть вон на ту крышу.

Саймон с минуту ошеломленно смотрел вниз — да ведь это действительно Иль! Как же он добрался сюда? Корис, армия... Он обернулся... Нет, это не сон. Он сидит один в кольдерском летательном аппарате, взятом в Сиппаре. Голова страшно болит, к горлу поднимается горький комок. Рука его невольно оторвалась от кнопок управления, пальцы бессознательно потянулись к поясу Фалька, коснулись его металлической бляхи, пробежали по завитушкам и изгибам.

Да, это Иль, и задание его только начинается. Вот они идут — те, кого он должен увезти отсюда, прежде чем город падет перед дикарями. В крыше — отверстие, квадратный люк, снизу поднялась платформа, на которой стояли две женщины. Одна будет отдавать ему приказы — она раньше так успешно потрудилась для выполнения их плана в Карсе. А вторая послушно подчиняется ей — она служит приманкой.

Саймон открыл дверцу летательного аппарата и стал ждать женщин. Лоиса широко раскрыла глаза, увидев его, но не издала ни звука, ведь она была полностью под властью чужой силы. Она послушно устроилась на сиденье позади него, как было приказано. Теперь уселась и вторая — Альдис. Альдис?

— К морю!

Саймон почувствовал глухое раздражение. Ему не требуется никаких указаний. Он сам знает, куда лететь. Самолет взмыл вверх.

Странно. Вокруг них густой туман. Альдис напряженно наклонилась вперед, тревожно вглядываясь в окутавшее летательный аппарат облако, словно боясь его. Ну конечно, ведь это не просто облако, — это дьявольское наваждение, проклятая уловка колдуний. Но с машиной им все равно не сладить. Он только должен внимательно наблюдать за белым колышущимся предметом, легкой тенью скользящим впереди летательного аппарата, — это и есть его ориентир. А туман становился все гуще, сделав слежение за белым пятном почти

невозможным, но Саймон по-прежнему не сводил с него глаз. Туман искажал представление о направлении и времени... Это все их проклятая «магия». А они и в самом деле ловко умеют дурачить, чертовы колдуньи! Но он все равно летит туда, вперед и вперед!

— Что вы делаете? — Альдис наклонилась к нему, не сводя взгляда с приборной доски, где светились указатели. — Куда вы летите?

Голос ее звучал резко и пронзительно.

— Куда приказано...

Саймона раздражала необходимость объясняться с ней. Эта женщина в самом деле неплохо справилась со своим заданием, но это не значит, что она имеет право допрашивать его, сомневаться в его действиях.

— Но ведь это не тот курс!

Разумеется, тот. Он выполняет приказ, в точности следуя за ориентиром. Как она смеет заявлять такое!

— Тихо! — приказал он женщине.

Но та вцепилась в его руку:

— Это не тот курс! — она кричит так пронзительно, что у него начинает звенеть в ушах. Трудно повернуться, но он все же с силой отталкивает ее правой рукой. Альдис не успокаивается и снова тянется к нему, на этот раз вцепляется ногтями в руку, так что Саймон чуть было не потерял курс, и белое пятно скрылось в тумане... Саймон снова отталкивает ее, все его внимание вернулось к белому ориентиру.

И только теперь пятно видно вполне отчетливо, правда, всего лишь мгновение. Это птица! Большая белая птица! Он знал таких птиц раньше — и тут туман в его голове рассеивается. Белый сокол, тот самый тренированный посланец-сокол, которого они возили с собой в Карс. В Карс?..

Саймон издал сдавленный крик. Кольдер! Кольдер влиял на него, направлял его все это время... Саймон озадаченно посмотрел на свои руки, совершенно не понимая, что должен делать, как разобраться с этими кнопками и рычагами. Его охватила паника, рот наполнился горечью. Им каким-то образом воспользовались... Левая рука Саймона произвольно потянулась к поясу Фалька, скользнула по металлической бляшке, отливающей зеленью.

Собрав всю свою волю, Саймон медленно оторвал руку от бляшки; от этого отчаянного усилия он покрылся потом. Он повернул голову: Альдис поднесла руку к груди и крепко прижала ее к чему-то. В глазах, обращенных к Саймону, — темная ненависть и что-то еще... страх?

Саймон схватил ее за тонкое запястье, с трудом оторвал руку от того, что она пыталась скрыть. На какое-то мгновение, прежде чем она прижала руку к груди, он успел разглядеть брошь, отливающую металлической зеленью, — точную копию бляшки на поясе Фалька.

Летательный аппарат ходил ходуном, нырял в туман. Саймон понимал, что если он не вернет руку на пояс Фалька, то не сможет больше вести машину. Но и сделав это, он снова попадет во власть уз, соединявших его с Кольдером. Если же они разобьются, то погибнут безо всякой пользы. Попасть под чары кольдеров — значит хотя бы отсрочить свою гибель, выиграть время. Саймон больше не сопротивлялся и нащупал пальцами талисман на поясе Фалька.

Где он, что случилось? Опять эти колдовские штучки — они его заморочили! Ну нет, хватит!

Раздался отчаянный крик (не человеческий, нет) — он вырвался из горла птицы. И прямо на стекло пилотской кабины кинулся сокол, словно целясь своим страшным клювом в лицо пилота. Саймон вцепился в рычаги, стараясь предотвратить последствия неожиданного нападения. Туман вдруг стал красным, летательный аппарат отшвырнул прочь зловещую красную тень, машина дернулась в сторону. Альдис отчаянно закричала. Саймон ругался, нащупывая рычаги. Они все еще были в воздухе, но набрать высоту Саймон больше не мог. Рано или поздно они вынуждены будут приземлиться, и все, что ему оставалось, — это постараться сесть благополучно.

Летательный аппарат отчаянно трянуло. Саймон ударился головой о стенку кабины и едва не потерял сознание. Когда он собрался с мыслями, машина уже находилась на земле, зарывшись носом в почву. Дверца кабины была распахнута, тянуло запахом болота, стоячей воды и гниющих водорослей. Альдис приподнялась на заднем сиденье, огляделась, глубоко вдыхая зловонный воздух. Голова ее дернулась, словно реакция на оклик, и рука потянулась к талисману кольдеров.

Она наклонилась вперед. Летательный аппарат сильно качнуло; Саймон ударился головой снова, на этот раз о приборную доску, и потерял сознание. Альдис стащила с головы Саймона шлем. Вцепившись в густые волосы, откинула его голову на спинку сиденья. Глаза Саймона были плотно закрыты, по виску стекали струйки крови, но Альдис не обратила на это никакого внимания. Она притянула его голову как можно ближе к своим губам и вдруг заговорила ему прямо в ухо. Не на языке Карстена, древнем языке Эсткарпа, — звуки, которые она издавала, были больше похожи на звяканье металла о металл, чем на человеческую речь.

Саймон не открыл глаза, но голова его дернулась. Он сделал слабое усилие, чтобы освободиться, но Альдис крепко держала его за волосы. Она второй раз повторила приказание на ухо Саймону, но он не шевельнулся. Тогда она отпустила его волосы, и голова Саймона упала на грудь.

Женщина с раздражением что-то выкрикнула и высунулась из кабины, осматриваясь. Искореженные деревья, пучки серого мха, зеленоватая ряска на поверхности пруда, серое небо — безрадостная картина предстала перед ее взором. И вдруг что-то зашуршало почти у самой дверцы летательного аппарата. Безобразное существо, напоминающее ящерицу и все покрытое пятнами, с отвратительной чешуйчатой кожей и огромными острыми зубами, торчавшими из полураскрытой пасти, медленно ползло к их машине.

Альдис судорожно прижала руку ко рту. Где же они... Ни ей самой, ни тем, кому она служила, не была известна эта страна. Она повернула голову вправо: здесь был кто-то из них или кто-то из тех, кто им служит. Значит, помощь близка. Она стиснула руками талисман и, собрав все свои силы, позвала.

Глава 9

ЗЕМЛЯ ТОРОВ

Саймон открыл глаза. Голова нестерпимо болела, все плыло и кружилось перед глазами. Он шевельнулся, шаткое сиденье под ним зловеще покачнулось. И даже при том, что сознание его не совсем прояснилось, Саймон понял — ему грозит большая опасность. Только прозрачное стекло кабины отде-

ляло его от зубастого чудовища; когти скребли по фюзеляжу машины — оно пыталось подползти к открытой двери. Саймон молча наблюдал за этим неторопливым продвижением. Чудовище напоминало огромную ящерицу, но только, в отличие от милых юрких зверушек, хорошо знакомых Саймону в его прежнем мире, кожа этого была покрытая язвами и бородавками, словно какая-то страшная болезнь поразила его. В огромных белесых глазах сверкала лютая злоба, так что не приходилось сомневаться, какую цель преследует его медленное продвижение.

Саймон осторожно повернул голову. Дверца кабины была открыта — еще несколько футов, и чудище достигнет цели. Саймон медленно, дюйм за дюймом, потянулся к самострелу. Потом он вспомнил о женщинах. Со всей осторожностью, на какую только был способен, Саймон переменял положение, и летательный аппарат сразу же закачался... Чудище злобно плюнуло, зашипев, мутная жидкость попала на стекло и стала медленно растекаться струйками.

Саймон не видел Лоису, бывшую позади, но Альдис сидела с закрытыми глазами, ее руки сжимали колдовской талисман. Видно было, что она вся поглощена чем-то.

Саймон не решился потянуться к двери, чтобы закрыть ее: летательный аппарат балансировал на какой-то одной точке и с каждым толчком все глубже зарывался в почву.

— Альдис! — резко произнес Саймон, стараясь пробиться сквозь отрешенность женщины. — Альдис!

Она даже не пошевелилась, но позади раздался тяжелый вздох.

— Она разговаривает с ними, — слышался голос Лоисы, тихий шелест, слабый и едва различимый.

Саймон встрепенулся от мелькнувшей надежды:

— Дверь. Ты можешь до нее дотянуться?

Лоиса сделала легкое движение, и летательный аппарат накренился.

— Сиди тихо! — вскрикнул Саймон и тут же убедился, что толчок хоть в одном помог им: омерзительное чудище, которое уже начало карабкаться на нос корабля, соскользнуло вниз. Издав отвратительный хриплый крик, оно вновь поползло к открытой двери, на этот раз — по земле, если можно было считать землей болото.

— Лоиса, — быстро сказал Саймон, — отодвинься как можно дальше...

— Да!

Летательный аппарат опять качнулся, но на этот раз Саймон знал, что нос медленно поднимается.

— Ну же!

Краешком глаза он заметил, что Лоиса, раскачиваясь на сиденье, вцепилась в плечи Альдис и рванула ее к себе, чтобы сделать толчок сильнее. Саймон изловчился и дотянулся до открытой дверцы, но захлопнуть ее все же не хватило сил.

Альдис билась в руках Лоисы, и с каждым ее движением летательный аппарат раскачивался все сильнее. Саймон размахнулся и ударил Альдис, она сразу обмякла на руках у Лоисы.

— Она умерла? — со страхом спросила та и отодвинула неподвижное тело.

— Нет. Но некоторое время она не будет мешать нам.

Вместе они оттолкнули Альдис назад, и сразу же положение летательного аппарата изменилось — больше он не раскачивался под ними, если двигаться осторожно. Только теперь Саймон мог внимательно осмотреть местность, хотя краем глаза все время косился на дверь, держа самострел наготове.

Полузатоленный мертвый лес, затянутые ряской водоемы и хилая растительность — ничего подобного раньше ему не приходилось видеть. Он понятия не имел, ни где именно они находились, ни как сюда попали. Зловоние болота само по себе производило удручающее впечатление, от него было трудно дышать и стучало в висках.

— Что это за место? — первой нарушила молчание Лоиса.

— Не знаю.

Но где-то в глубинах памяти Саймона смутно зашевелилось воспоминание. Болото... Что знал он о болоте? Тростники... Ветер шевелит седые нити мха... Что-то знакомое чудилось Саймону в этом. От напряжения заболела голова — он силился припомнить. Откуда эти воспоминания? Из своего мира и времени? Нет...

А! На какой-то миг он стал прежним Саймоном Трегартом и увидел все отчетливо: он бежал вместе с волшебницей Эсткарпа, спасаясь от охотничьих псов Алисона, несшихся за ними по пятам. И они остановились в точно таком же месте, и волшебница взмолилась к обитателям этой страны, прося их о помощи, но не дождалась ответа.

Болота торов! Тор, запретная страна, куда ни один человек — кроме Того — еще не проникал и не возвращался обратно! А тот единственный стал потом отцом Кориса из Горма. Он увез из этого края девушку и сделал ее своей женой. Правда, его народ очень боялся и этого брака, и такого кровосмешения, и потому в наследство сыну, родившемуся от этой женщины, отец оставил только печаль и горечь.

— Тор... Болота Тора, — эхом откликнулась за спиной Саймона Лоиса.

Она протянула руку. — Но ведь Альдис вызывает помощь, а люди Тора не имеют дела с пришельцами из других стран.

— Что мы знаем о тайне Болот торов? — возразил Саймон. — Кольдер проник даже в Карстен, и я готов поклясться, что точно так же проникли кольдеры и в другие страны. Только потомки Древней расы не принимают кольдеров и распознают их мгновенно. Потому-то последние так ненавидят Древнюю расу. И очень возможно, что в Болотах Тора нет такой преграды к смешению с кольдерами.

— Она вызывает их! Они опять нас найдут! — крикнула Лоиса.

Возможно, идти в неизвестность — величайшая глупость, но каждая клеточка в Саймоне протестовала против того, чтобы оставаться на месте и быть захваченными теми, кого вызывала Альдис.

— Не знаю, — запоздало ответил он. — Нужно убираться подальше отсюда, и как можно скорее!

— Да! О да! — Она осторожно перебралась через Альдис к открытой дверце. — А с ней что будет? — кивнула Лоиса на женщину.

— Она останется здесь...

Машина приземлилась на крошечный островок твердой земли, трава вокруг была примята, так что можно было, пожалуй, ступать без опасения. Ползучее чудище куда-то исчезло, по крайней мере, поблизости его не было видно.

Саймон спрыгнул вниз, сапоги его погрузились в мягкую почву, но вода не выступила. Протянув Лоисе руки, он помог ей выбраться из летательного аппарата и подтолкнул к хвосту машины. Потом изо всей силы дернул за дверцу и захлопнул ее так сильно, что ту заклинило, и открыть теперь было невозможно. Альдис оказалась запертой внутри, к тому же он не мог

оставить женщину — пусть даже агента Кольдера — на съедение здешним тварям.

Кругом простиралась болотистая топь, поросшая мхом и подернутая ряской. Саймон не видел другого пути, как только по стволам упавших деревьев. Он оставил себе самострел и протянул Лоисе кинжал.

— Не ступай на ствол, пока я не проверю его, — приказал он. — Быть может, мы увязнем в этом болоте, но не думаю, чтобы нам стоило двигаться по воде.

— Разумеется, — быстро и твердо согласилась она. — Будь осторожен, Саймон!

Он выдавил усталую улыбку, от которой стало больно разбитому лицу.

— Будь уверена, этим советом я воспользуюсь в полной мере!

Саймон ухватился за ветку поваленного дерева и сделал шаг вперед. Источенный временем ствол прогнулся, но не слишком сильно, выдавив из воды пузырьки, а вместе с ними такое зловоние, что Саймон закашлялся. Захлебываясь кашлем, он пробирался по сплетенным сучьям и корням. Идти было нетрудно, но тело ныло от страшного напряжения. Нашупывать ногой дорогу, перебираться через корневища — это отнимало все силы. Саймон остановился передохнуть, поджидая Лоису, которая двигалась по проверенному им пути. Лицо ее было бледным, губы решительно сжаты. Сколько времени они вот так ползут по этим стволам и корням? Саймон дважды оглядывался, но каждый раз убеждался, что летательный аппарат по-прежнему совсем близко.

Но все же, наконец, он совершил последний прыжок и очутился на другом травянистом островке. Протянул руки Лоисе — и вот они уже сидят рядом, дрожа от усталости и растирая ноющие икры.

— Саймон... — он посмотрел на девушку. Она провела языком по пересохшим губам. — Эта вода... ее нельзя пить... — В ее голосе звучала слабая надежда, что он рассеет опасения.

Саймона тоже мучила жажда, он думал о том, сколько еще они смогут продержаться, прежде чем жажда вынудит испробовать то, что вполне могло оказаться ядом.

— Она грязная, — ответил он. — Может, мы найдем какие-нибудь ягоды или дальше встретим родник...

Очень слабая надежда, но она поможет преодолеть искушение.

— Саймон... — Лоиса рещительно отвела взгляд от затянутой ряской лужицы и смотрела теперь на ту дорогу, которая привела их сюда. — Эти деревья... Они ведь росли не беспорядочно, — голос ее зазвучал не так слабо, как раньше. — Даже те, которые упали... Они раньше были посажены линиями.

Он проследил направление, куда указывал ее палец. Лоиса была права — когда деревья стояли на корню, они были высажены рядами. Вероятно, это была заброшенная дорога. Но интерес Саймона тут же угас, ибо этот путь все равно заканчивался на том островке, где они сидели.

— Дорога, Саймон? Старая дорога? Но ведь она должна вести куда-то? — Лоиса поднялась на ноги и стала осматриваться.

Саймон понимал, что надежды очень мало, но все же нужно было воспользоваться любой возможностью уйти подальше от этого гиблого места. И несколько минут спустя он убедился в правильности их догадки. Трава, покрывавшая островок, росла не сплошным ковром, а кустиками, пробиваясь в расщелинах между каменными плитами. Плиты были гладко отполированы и тщательно пригнаны друг к другу — это была мостовая! Лоиса топнула сапогом и рассмеялась:

— Вот она, дорога! И она выведет нас отсюда! Вот увидишь, Саймон!

«Но у каждой дороги два конца, — подумал Саймон, — и если она уведет нас в глубь страны торов...»

Им потребовалось немного времени, чтобы пересечь более возвышенный участок суши, и вновь перед ними было болото. Но на его противоположном берегу стояла каменная колонна, замшелая, словно выросшая из самой земли. Она была не слишком высокой, и верхушка ее была увенчана виноградной лозой, побеги которой змеями вились вокруг каменного лица.

Горбатый нос, торчащий подбородок, черты лица, непривычные для человеческого глаза.

— Вольт!

Именно такой предстала на несколько мгновений перед ними та мумия, на которую они тогда наткнулись в тайной пещере закрытого для всех утеса, когда Корис взмолился, принес клятву и принял из рук мумии — вернее, высохших когтей — огромный топор. Что сказал тогда сенешаль? Что Вольт — это

легенда, полубожество-полудьявол, последний представитель вымершей расы, который еще долго продолжал жить во времена расы человеческой и иногда делился своими знаниями из сострадания и своего одиночества. И вот сейчас они оказались в стране, где Вольт был настолько хорошо известен, что на большой дороге воздвигли его монумент.

Лоиса улыбнулась при виде колонны:

— Ты видел Вольта? Корис рассказывал о той встрече, когда он попросил у Древнего его топор и не встретил отказа. И теперь я уверена, что эта статуя — добрый знак для нас. К тому же, этот камень указывает, куда идет дорога.

Но впереди по-прежнему поблескивала вода. Найдя среди разбросанного гнилья достаточно прочную ветку, Саймон опустил ее в воду, чтобы нащупать дно. Оказалось, что глубина воды всего несколько дюймов, ветка почти сразу уперлась в твердый камень. Дорога лежала под топкой зыбью. Но Саймон не торопился, осторожно шагнул вперед и только потом сделал знак Лоисе следовать за ним.

Перед самым столбом с головой Вольта дорога снова стала подниматься, и постепенно полоса твердого покрова расширялась. Саймон догадался, что на этот раз перед ними не островок, а солидный кусок суши. Значит, тут они смогут как-то устроиться на время, не опасаясь того, что их обнаружат торы.

— Здесь кто-то жил раньше, — сказала ему Лоиса, указывая на остатки каменных стен.

Что было здесь? Всего лишь одно здание? Или это — руины целого города? Саймона больше устраивали густые заросли, скрывающие их. Он считал, что никакая живая тварь, кроме разве мелкой ящерицы, не сможет пробраться к ним сквозь густую поросль. А ему отсюда будет виден любой, кто пожелает на них напасть со стороны древней дороги.

Дорога, которая до сих пор шла прямо, вдруг повернула направо, и Саймон схватил Лоису за руку, чтобы она остановилась. Каменные плиты, раньше разбросанные в траве, здесь были аккуратно выложены, образуя каменную ограду. А за ней что-то росло аккуратными рядами: по всему было видно, что за этой растительностью тщательно ухаживают — здесь не было сорняков, высокие стебли подвязаны к колышкам. Солнце светило здесь ярче, чем на болоте, и в его бледных лучах красными и малиновыми пятнами вспыхивали цветы, над которыми деловито жужжали насекомые.

— Локус, — определила Лоиса название растения, служившего основным сырьем для ткачей Эсткарпа. Эти пурпурные цветы становились в свое время коробочками, наполненными шелковыми нитями, их собирали и пряли. — Погляди-ка! — добавила она, быстро шагнув к стене и указывая на четырехугольную нишу, в которой стояла грубая деревянная фигурка с уже знакомым орлиным носом. Ошибиться было невозможно: хозяева поля, кем бы они не были, поставили здесь Вольта, чтобы он охранял их урожай.

Но Саймон заметил и еще кое-что: отлично утрамбованную дорожку, которая вовсе не была продолжением старой, а убежала направо, огибая поле.

— Уйдем отсюда! — теперь Саймон был уверен, что дорога привела их не к границе, а в глубь страны. Но ведь и возвращаться было нельзя: у летательного аппарата их, несомненно, ожидают враги.

Лоиса тоже все поняла:

— Дорога ведет дальше.

Она произнесла это полупшепотом. Дорога впереди выглядела достаточно заброшенной, чтобы быть уверенными — теперь торы ею не пользуются.

Им больше не попадались ухоженные поля, исчезли даже каменные руины, и только то, что они время от времени наткнулись на каменные плиты, пригнанные друг к другу, убеждало, что они все еще идут по древней дороге.

Жажда мучила все сильнее, во рту горел огонь. Саймон видел, что Лоиса едва бредет. Он обнял ее за плечи, чтобы помочь. Когда они достигли конца дороги — каменного столбика, за которым начинались непроходимые топи, — они шатались от усталости уже оба. Лоиса пронзительно вскрикнула, когда Саймон последним рывком остановился перед злованной трясинной.

Глава 10

ДЖЕЛИТА НАШЛАСЬ

— Я не могу идти дальше...

Саймон с трудом поддерживал Лоису, не давая упасть. Она так шаталась, что стоило большого труда удержать ее. При виде

топи, в которую обрывалась дорога, ее покинули последние силы. Саймон едва держался на ногах, но упорно продолжал стоять, поддерживая Лоису, так как боялся — стоит им присесть, сил подняться на ноги уже не будет. Он был в таком состоянии, что не сразу заметил, как к его ногам стали падать какие-то странные мячики, которые лопались, рассеивая вокруг себя белую пудру. Только после третьего мяча Саймон очнулся и отступил назад, увлекая за собой Лоису. Однако мячики продолжали падать совсем близко, словно замыкая их в тесный круг. Саймон привлек к себе Лоису и приготовил самострел, в нем был полный заряд трехдюймовых игл. Но ведь не будешь же стрелять в облако мучнистой пыли, которое двигалось все ближе к ним! Частицы пыли вдруг начали плясать вокруг них с такой бешеной скоростью, что вскоре перед глазами Саймона и Лоисы повис плотный белый туман, за пределами которого ничего не было видно.

— Саймон, мне кажется, они идут! — Лоиса схватилась за свой кинжал.

— Я думаю так же!

Возможности защищаться у них не было. Еще один глухой шлепок, и прямо у их ног лопнул очередной мяч побольше, а отступать было некуда — они оказались замкнуты в кольце белого тумана. Оба упали навзничь, закрыв лица руками. Саймон ясно ощущал, что он очутился в каком-то тесном ящике, и воздух медленно выходит из его легких. Он не мог дышать... не мог дышать! Тело корчилось от отчаянных усилий вздохнуть. Задыхаясь и хрипя, Саймон открыл глаза, пытаясь отмахнуться от белой муки, безжалостно засыпавшей его сверху. Он отчаянно бился, чтобы покончить с этой пыткой. Почувствовал, что теряет последние силы... и тут же понял, что снова может дышать и зрение вернулось.

Слабый тусклый свет лился с каменного потолка, а от стен помещения, где он лежал, несло могильной сыростью и холодом. Кто-то держал над его головой сосуд, из которого вились клубы дыма. Саймон с усилием поднял голову и взглянул на державшего сосуд. В сумрачном свете он сумел разглядеть, хотя и не слишком отчетливо, что это был юноша. Он сидел на табурете. Невысокого роста, чересчур широкоплечий, со слишком длинными руками и короткими ногами, юноша казался поразительно уродливым. Тем более странным выглядело его

лицо с необыкновенно правильными чертами. Оно было красиво, хотя своеобразно и непривычно для глаз. Однако чувства, отражавшиеся на нем, были непонятны Саймону.

Тор поднялся. Он был еще очень молод, совсем мальчик, как показалось Саймону. В бриджах привычного для Эсткарпа покроя, но поверх них была надета кольчуга из металлических бляшек шириной в ладонь.

Бросив еще один взгляд на Саймона, мальчик пересек комнату, двигаясь с той кошачьей грацией, которая так поражала Саймона в квадратном и неуклюжем с виду Корисе.

Мальчик что-то произнес (больше всего эти звуки напоминали голоса болотных птиц) и вышел, вернее сказать, — исчез из поля зрения Саймона.

Комната плыла перед его глазами, но он все же собрал все силы и сел на постель. Рука его скользнула по шелковистому одеялу. Кроме кровати и табурета, на котором сидел юный тор, в комнате больше ничего не было. Низкий потолок нависал над каменными стенами. По нему были рассеяны светильники, точнее, — они были сгруппированы по несколько штук в разных местах. И вдруг на глазах у Саймона один источник света медленно оторвался от своей группы и пополз туда, где был всего один светильник.

Хотя стены были сырыми и холодными, в помещении не ощущался затхлый запах. Саймон с трудом поднялся на ноги. В тусклом свете перемещающихся светильников он оглядел все четыре стены: ни в одной из них не было никаких отверстий. Как же ушел молодой тор?

Он все еще ломал голову над этим, как вдруг позади него послышался тихий звук. Саймон так резко обернулся, что чуть не потерял равновесия. В ногах его постели стояла какая-то фигура, более хрупкая, с чуть менее нарушенными пропорциями, чем у мальчика, но без сомнения — той же расы.

На ней было длинное платье, переливающееся огоньками, и эти блески не были вышиты или приколоты — они являлись как бы частью самой ткани. Пушистое облачко, не похожее на волосы (такое же облачко Саймон заметил и у мальчика), окружало ее голову легким пухом, падавшим на плечи. У мальчика же оно плотно прилегало к голове, лишь на висках были видны серебряные заколки.

В руках у женщины был поднос, она поставила его на край постели и только тогда подняла глаза на Саймона.

— Ешьте! — это был приказ, а не приглашение.

Саймон сел, придвинул к себе поднос, но смотрел больше на женщину, нежели на еду. В тусклом обманчивом свете ему все же показалось, что она немолода. И дело было не в признаках возраста — они вообще отсутствовали, а в том неуловимом, что исходило от нее: зрелость, мудрость и... властность! Несомненно, эта женщина занимала высокое положение.

Саймон взял обеими руками кубок и поднес к губам: сосуд был, как ему показалось, из дерева, но шелковистая и тщательно отделанная поверхность и красивая полировка делали его произведением искусства.

В кубке была вода, в которую что-то подмешали: не эль и не вино, а какой-то настой из трав. На вкус питье слегка отдавало горечью, но после первого глотка Саймон нашел его восхитительным и освежающим. Такой же вкус имела и еда: разложенные на деревянном подносе твердые кубики, по виду напоминающие сыр, сначала чуть горьковатые, потом восхитительные и аппетитные. Пока Саймон ел, женщина стояла перед ним, не спуская с него глаз. Но вся ее поза выражала такую отчужденность, словно она исполняла свой долг, принося пищу кому-то, кого она находит для себя совершенно неприемлемым. Саймону стало от этого неуютно.

Он покончил с едой и сразу же почувствовал, что к нему вернулись силы. Он поднялся на ноги и отвесил своей посетительнице такой же церемонный поклон, каким приветствовал обычно Владычицу.

— Благодарю вас, леди.

Она не стала забирать поднос, но сделала шаг вперед, и теперь Саймон мог видеть ее более ясно в свете двигающихся огней, которые, как Саймон теперь убедился, ползали по потолку, собираясь группами.

— Вы из Эсткарпа? — Это было почти утверждением и вопросом одновременно, словно женщина, взглянув на него, усомнилась в своей догадке.

— Я служу Владычицам. Но я не принадлежу к Древней расе.

— Из Эсткарпа... Скажите мне, воин волшебниц, кто командует армией в Эсткарпе?

— Корис из Горма, маршал и сенешаль Эсткарпа. Я — Хранитель Южных Границ.

— Что он за человек — Корис из Горма?

— Великий воин, добрый друг, человек, который всегда держит слово, и тот, кто несчастен от рождения.

Откуда взялись у Саймона все эти слова? Он никогда не говорил так. Но, тем не менее, эта речь в точности соответствовала тому, что он думал о Корисе.

— А как же стал владелец Горма служить волшебницам?

— Потому что он никогда не был настоящим повелителем Горма. Когда его отец умер, мачеха призвала кольдеров, чтобы они помогли установить власть ее собственного сына. И Корис, спасаясь от кольдеров, прибыл в Эсткарп. Ему не нужен Горм, потому что Горм по милости кольдеров погиб, а он сам все равно никогда не был там счастлив.

— Не был счастлив... Почему же? Ведь его отец был добрым и хорошим человеком.

— Но те, кто наследовал ему, никогда не давали возможности Корису забыть, что он... чужой.

Саймон запнулся, не зная, как лучше выразить свою мысль. Ведь мать Кориса была из рода торов, и эта женщина вполне могла оказаться ее родственницей.

— Да... — Больше она ничего не сказала и спросила совсем другим тоном. — Эта девушка, которая пришла сюда с вами, — кем она вам приходится?

— Она — мой друг... Мы вместе сражались на поле боя. И она помолвлена с Корисом, который сейчас разыскивает ее...

Если можно извлечь хоть какую-то пользу из отношений Лоисы с сенешалем, сейчас самое время.

— Да... Говорят, что она — герцогиня в Карстене. А ведь между волшебницами и Карстеном идет война...

Похоже было, что в Болота торов, несмотря на изолированность от внешнего мира, проникают все новости извне.

— Это долгая история...

— Времени хватит, — сказала она кратко, — и я готова слушать.

В ее тоне был приказ. Саймон начал свой рассказ, опуская детали, но поведал о той вынужденной свадьбе, к которой принудили Лоису в Верлене, и обо всем том, что случилось дальше. Когда Саймон дошел в своем рассказе до того места,

как они с Корисом очутились в заброшенной гробнице Вольта, как Корис храбро вынул топор из рук мумии, женщина резко велела ему остановиться и стала расспрашивать о мельчайших подробностях этого события.

— Топор Вольта... Значит, сейчас он носит топор Вольта! — сказала она наконец. — И об этом следует подумать.

Саймон едва не задохнулся от изумления — женщина вдруг исчезла, словно испарилась, словно ее вовсе не было здесь. Саймон, растерянный, шагнул вперед, он был один!

Неужели это галлюцинация? Но ведь раньше и мальчик-тор исчез с его глаз точно таким же способом.

Саймон вернулся к кровати: поднос с кувшином и тарелками по-прежнему стоял там, к тому же, его голод и жажда прошли бесследно — и это не было галлюцинацией. Его захватили в плен и заточили в темницу. Но в то же время накормили, и пока что ему ничего не угрожает. Самострел исчез, но в этом ничего необычного не было. Чего хотят торы? Они с Лоисой случайно попали на эту землю. Саймон знал, что торы не терпят вторжения на свою территорию, но неужели они настолько фанатичны, что и такое вынужденное появление считают вторжением? Для всех ли в равной мере закрыты их границы? Ведь Альдис вызывала на помощь кольдеров, и, значит, они уже должны быть где-то здесь, в стране торов, словно тот отвратительный гад, который полз к их летательному аппарату.

Кольдеры! Для волшебниц Кольдер никогда не бывает тайной, они ощущают его по странной пустоте, доступной только их пониманию. Раньше Саймон тоже умел распознавать кольдеров — не по пустоте, а по ощущению угрозы, опасности. Может быть, это и теперь ему удастся?

Саймон оставил поднос на табурете, бросился на кровать, закрыл глаза и расслабился. У него всегда был этот странный дар предвидения, Дар, который не поддавался никакому реальному объяснению, но служивший ему еще в прежней жизни. А со временем его появления в Эсткарпе этот Дар усилился, стал более действенным. Джелита... при одной мысли о жене у Саймона, как и раньше, защемило сердце. Джелита дважды пользовалась его Даром, чтобы послать ему известие, и оба раза ее послания находили у Саймона отклик.

И сейчас, когда он пытался сосредоточиться на мысли о Кольдере, ему почему-то вспоминалась Джелита, какой она была, когда скакала рядом с ним в кольчуге и доспехах в сражении за Сулькар. Джелита, стоящая на коленях и произносящая шепотом слова заклития, чтобы ветер дул в паруса на море и они могли обрушиться на вражеский флот... Джелита в обличье гадалки и ворожеи, торговки приворотным зельем в Карсе — ведь это она тогда послала ему мысленный вызов, просьбу прийти к ней на помощь. Джелита в Горме, где она впервые объяснила ему, на свой лад, что отныне ее путь — рядом с ним. Джелита в его объятиях, слитая с ним воедино, и то упойтельное ощущение, которого не приносила ему больше ни одна женщина в мире. Джелита, взволнованная и с широко распахнутыми глазами, в то утро, когда поняла, что Дар волшебства не покинул ее навеки и она осталась волшебницей. Джелита, которая ушла от него, исчезла, словно ей известна тайная магия торов.

— *Джелита!* — Саймон не выкрикнул ее имя вслух, но все внутри него мучительно сжалось, и словно безмолвный вопль тоски прозвучал в его душе, — *Джелита!*

— *Саймон!*

Глаза его широко открылись, он уставился во мрак, едва освещенный тусклыми огоньками на потолке.

— *Джелита?*

— *Саймон!* — твердый, уверенный тон, какой он привык слышать раньше. Но это не был реальный, настоящий голос, это звучало у него в голове. Глубоко вздохнув, он снова закрыл глаза.

— *Ты здесь?* — он мысленно произнес эту фразу, неуверенно, словно говорил на иностранном языке.

— *Нет — не телом...*

— *Но ты ведь здесь!* — сказал он с убеждением, которого и сам не понимал.

— *В некотором роде, Саймон. Только потому, что ты там. Скажи мне, где ты?*

— *Где-то в глубине Болот торов.*

— *Это нам уже известно, потому что твой летательный аппарат опустился именно в тех краях. Но ты больше не находишься во власти кольдеров...*

— *Пояс Фалька... Одна из брошек на нем — их устройство.*

— Да. Оно-то и открыло им дорогу. Но ты не настолько принадлежал им, чтобы мы оказались не в состоянии изменить заклятие. Потому-то ты и не полетел к морю по их приказу, а полетел внутрь страны... Болота торов... там у нас нет союзников... Но, может быть, мы все же сумеем с ними договориться скорее, чем с кольдерами.

— Кольдеры есть и здесь тоже. Альдис призывала их на помощь.

— А!

— Джелита! — исчезновение испугало его.

— Я слышу. Но если Кольдер с тобой...

— Я как раз пытался это выяснить...

— Что ж, может быть, вдвоем нам это удастся лучше, мой дорогой. Сосредоточься на мысли об Альдис; если она вызвала помощь, тебе, может быть, удастся это установить.

Саймон попытался представить себе Альдис, какой видел ее в последний раз — лежащую без сознания в летательном аппарате, когда он захлопнул дверцу. Но почему-то эта картина не воскресла в памяти, вместо нее ему виделось другое: Альдис сидит, наклонясь вперед, и что-то торопливо говорит в пустоту. А потом все исчезло.

— Кольдеры! — Джелита сказала это торопливо, открытие было внезапным. — И они не бездействуют, как я понимаю. Слушай меня, Саймон, внимательно. Владычицы говорят, что моя теперешняя Сила — только отголосок прежней, и со временем она совсем исчезнет, так что теперь мне нет места в Совете Эса. Но я говорю тебе, что между нами возникло нечто, чего я пока не знаю. Во всяком случае, я обладаю каким-то Даром, который сама не слишком хорошо понимаю, кроме того, что он проявляется только в общении с тобой. Возможно, мы с тобой — вместилище новой Силы. Иногда эта Сила бушует во мне с такой яростью — начинаю бояться, что мне ее не сдержать. Но у нас слишком мало времени, чтобы выяснять это. Кольдер собирается нанести удар, и, возможно, нам не удастся вызволить тебя из Тора прежде, чем этот удар будет нанесен...

— У меня больше нет их талисмана, но они могут снова захватить меня, — предупредил Саймон. — Сможешь ли уберечься ты, чтобы они не добрались к тебе через меня?

— Не знаю. Я так мало узнала об этом! Такое чувство, словно я пытаюсь голыми руками удержать огонь! Но вот что мы можем сделать...

Мелькнула вспышка — еще более резкая, чем та, что образовала связь между ними и Альдис в летательном аппарате.

— *Джелита!* — беззвучно выкрикнул Саймон, но на этот раз ответа не было.

Глава 11

ОДИН ИЗ КОЛЬДЕРОВ

Саймон лежал, обливаясь потом, и тело его было сковано неподвижностью по чужой воле. И вот женщина снова появилась в ногах постели, но в ее глазах нельзя было прочесть ничего — была ли она врагом или другом или ей все было безразлично.

— Они пришли, — сказала она. — Они пришли в ответ на приказ той женщины.

— Кольдер! — Саймон обнаружил, что язык и губы повинуются ему.

— Те мертвые, которые служат ему, — ответила женщина. — Слушайте, человек, который служит Эсткарпу, мы никогда не ссорились с волшебницами. Мы с ними не в дружбе, но и не враждуем. Мы уже были на этой земле, когда появилась Древняя раса и построила Эс и другие города. Мы существуем с незапамятных времен и еще помним ту пору, когда люди не только не были хозяевами земли, их вообще было очень мало. Мы из тех, кого выбрал Вольт и с кем поделился своей мудростью. И мы не хотим иметь дела с теми, кто живет за болотами. Вы же явились сюда и принесли с собой войну, которая нас не касается. И потому, чем раньше вы от нас уйдете, тем будет лучше для нас.

— Но если вы не хотите союза с волшебницами, почему благосклонны к кольдерам? Ведь они стремятся захватить власть над всеми людьми, в том числе — над народом Тора, — возразил Саймон.

— Мы вовсе не благосклонны к ним, мы только хотим, чтобы в нашем собственном мире нам дали возможность жить спокойно. Но те, кого вы называете кольдерами, показали нам,

что произойдет, если мы не выдадим вас. И потому было решено, что вы должны уйти...

— Но Эскарп защитит вас от кольдеров, — начал было Саймон, но она холодно улыбнулась в ответ.

— Неужели они и впрямь это сделают, Хранитель Границ? Между нами нет войны, но они боятся Болот — боятся их древних тайн и странных людей. Неужели они станут драться, чтобы защитить нас? Думаю, что нет. К тому же, у Эскарпа сейчас нет людей, которые могли бы вступить в сражение.

— Почему же?

Она сказала так уверенно, что Саймон даже вздрогнул от испуга:

— Ализон поднялся. Эскарпу придется бросить все свои силы на север, чтобы там защищать свои границы. Нет, мы должны заключить сделку, более выгодную для нас.

— Значит, меня отдадут кольдерам? — Саймон постарался придать своему голосу спокойствие и твердость. — А как насчет Лоисы? Неужели и ее вы передадите в руки самого страшного врага?

— Самого страшного? — воскликнула женщина. — Мы видели, как поднимались и исчезали многие нации, и в каждом поколении всегда есть один враг более могущественный, чем другие. Что же касается девушки, то она входит в условия сделки.

— Но ведь она принадлежит Корису, и я думаю, что вы убедитесь, какое это имеет значение. По крайней мере, я был свидетелем того, какую цену заплатили за нее Верлен и Карс. Ваши болота не остановят того, кто крепко держит в руках топор Вольта.

— Сделка уже заключена, — сказала она отчужденно и сделала рукой в воздухе знак, полный таинственного смысла. — И эта бледнолицая девушка так много значит для Кориса, что он, как вы считаете, непременно явится сюда, чтобы отомстить?

— Именно так. Те, кто причинит ей зло, должны бояться возмездия.

— Но сейчас он слишком занят войной с Ализоном, и пройдет немало дней, пока он сможет просто подумать о чем-то другом. К тому же, кто знает, быть может, он обретет на по-

лях Алисона тот вечный покой, когда уже не смущают никакие вопросы...

— И все же, я предупреждаю вас, Мудрая, что топор Вольта обрушится на эти топи, если вы сделаете это!

— Если я это сделаю! Но я ничего не решаю в такого рода вопросах.

— Неужели? — Саймон постарался вложить в это слово весь сарказм, на какой был способен. — А мне кажется, что ваше мнение народ уважает.

Она долго не отвечала, не сводя с него пристального взгляда.

— Возможно, когда-то это было так. Но теперь я не имею права голоса ни на одном Совете. Я не желаю вам зла, Хранитель Границ. И думаю, что вы не желаете зла ни мне, ни кому-то из нас. Но когда вынуждает необходимость, придется покориться. Одно только я могу сделать для вас: я пошлю сообщение в Эс, чтобы они знали, где вы и куда направляетесь. Возможно, волшебницы сумеют вам помочь, и все тогда закончится не так уж плохо. Я поклялась не делать ничего, кроме этого, и больше ничем не могу вам помочь.

— Кольдеры уже прибыли за нами?

— Они прибыли на корабле по внутренней реке.

— Но ведь нет реки, соединяющей Болота торов с морем.

— Внешней — нет. Но есть подземная, которая течет по болотам. Однажды они нашли этот путь, и уже навещали нас.

«Субмарина прошла по подземной реке, — подумал Саймон. — Даже если послание достигнет Эскарпа вовремя, чтобы можно было послать на помощь небольшой отряд, все равно они никогда не найдут пленников и не смогут им помочь».

— Если вы и вправду хотите мне помочь, как сказали, то пошлите сообщение не в Эс, а леди Джелите.

— Если это ваша супруга, то она больше не волшебница и ничего не сможет сделать.

— Все равно, пошлите сообщение именно ей.

— Я обещала, пусть будет по-вашему. Леди Джелита получит сообщение. Ну, а теперь вам пора. И если вы все же уцелеете и избежите плена, то помните, Хранитель Границ, что Болота торов — древняя страна, которую непросто смести с лица земли.

— Лучше скажите об этом тому, кто носит дар Вольта. Из рук кольдеров мало кому удастся спастись. Но Корис жив, он на свободе... и он полон ненависти...

— Пусть он ненавидит и покажет свой топор Ализону, там его сила нужнее. Вы говорите так, будто уже покорились судьбе, но я этому не верю. А теперь... — Она снова сделала в воздухе тот же знак. — Врата открыты, и вам пора идти.

Саймон не мог бы описать, что произошло с ним в следующий миг. Просто исчезли потолок и стены, исчезли невидимые пути, и он стоял на пустынном берегу озера, вода в котором была темной и густой.

Откуда-то доносились звуки голосов, он оглянулся и увидел позади себя группу торов — мужчин и женщин. Немного поодаль находились кольдеры.

Альдис стояла с видом полной уверенности в себе и неторопливого ожидания. Лоиса держалась слишком прямо, Саймон понял, что она во власти чар. Кроме того, здесь были еще два тора и шестой член группы — пришелец из-за границы Болот. Это не был кольдер. По крайней мере, он не походил на тех, кого Саймон видел в Горме. Среднего роста, круглолицый и смуглокожий, в плотно прилегающем костюме, подобной тем, какие носили все кольдеры, но без шлема, хотя волосы были схвачены металлическими пластинами.

Он был безоружен, на груди красовался такой же знак из зеленоватого металла, какой был у Фалька и Альдис.

Слыша позади себя бормотание торов, Саймон на мгновение усомнился, что решение выдать их кольдерам было столь единодушным, как сказала женщина. Но тут же один из торов поднял руку и резко взмахнул ею в воздухе. Раздался мелодичный перезвон невидимых колокольчиков (единственный приятный звук, услышанный Саймоном за все время пребывания у торов), и тут же на той стороне, где стояли торы, стало пустынно и тихо.

И почти сразу же из темной глубины воды поднялся тупой нос подводной лодки, иссеченной и изъеденной морем. Без единого всплеска лодка подплыла к берегу, в ней открылось отверстие, и появился трап, который соединил лодку с берегом, и Альдис с улыбкой пошла по нему. За ней последовала Лоиса, держась так же напряженно, словно их с Альдис связывала невидимая нить. Затем наступила очередь Саймона —

и тело вдруг перестало ему повиноваться. Только разум в этой, ставшей вдруг чужой оболочке, бился, возмущенный столь полным порабощением.

Точно механическая кукла, он пошел к люку в корпусе корабля кольдеров, подчиняясь чужой воле, взялся за поручни лестницы и начал спускаться в чрево лодки. Вслед за Лоисой он вошел в маленькую каюту, в которой не было мебели. Дверь позади них захлопнулась. Только тогда их тела расслабились, и они снова могли владеть собой.

Лоиса с тихим стоном покачнулась, и Саймон едва успел подхватить ее. Он опустил девушку на металлический пол и почти сразу почувствовал, что корабль вибрирует; какая бы сила ни приводила его в движение, он уже тронулся в путь.

— Саймон, — Лоиса повернула голову, едва сдерживая рыдания, — куда нас везут?

Сейчас правильнее всего было бы сказать ей правду.

— Туда, куда мы и сами стремились — хоть и при других обстоятельствах. На базу кольдеров.

— Но, — голос дрогнул, и она была вынуждена помолчать, — ведь это где-то за морем. — Теперь она говорила более спокойно.

— Мы плывем сейчас под водой.

Саймон прислонился спиной к стене. Кюта без мебели — они были безоружны. К тому же, кольдеры в любую минуту могли снова полностью завладеть им, так что надежда на сопротивление отсутствовала. Впрочем, может быть, кое-что им еще осталось...

— Они никогда не узнают, где мы. Корис не сможет... — Лоиса думала о своем.

— Сейчас Корис занят, они об этом позаботились, — Саймон рассказал ей о нападении Ализона. — Кольдеры решили натравить на Эсткарп всех своих псов, чтобы страна была вынуждена по мелочам расточать силы. Ни один из таких ударов не будет роковым, но военная мощь страны будет подточена, ресурсы истощатся...

— Обычная тактика кольдеров — заставлять других сражаться за них, — горько сказала Лоиса.

— У них и относительно нас есть планы, — сказал Саймон, кивнув. — Ты ведь теперь по праву брака герцогиня Карстена и потому стала важной фигурой в их дьявольской игре. Я же —

Хранитель Границ. Они могут использовать меня как заложника или же... — Ему тяжело было произнести вслух те слова, которые объяснили бы наиболее логичную причину того, зачем он понадобился кольдерам.

— Или же они рассчитывают сделать из тебя одержимого и превратить в предателя, который станет служить их целям в Эсткарпе! — сказала за него Лоиса. — В таком случае, нам все же остается один выход, чтобы не допустить этого: мы можем умереть.

— Только в крайнем случае, — ответил Саймон резко, — но не раньше.

Саймон размышлял. Они давно хотели установить расположение базы кольдеров, мечтая не только отрубить лапы чудовища, но и обезглавить его. Но мир огромен, и у Эсткарпа не было ни малейших догадок о том, где может находиться эта база. То, что кольдеры пользуются подводными лодками, делает невозможным даже для сулькарцев, которые считают море родным домом, найти их. А если кольдеров все же можно выследить?.. Ведь сулькарцы — отличные моряки, пусть и неважные воины на суше. Если бы их флот можно было направить на базу кольдеров, то команды судов могли бы застать врага врасплох на его же собственной территории, они вполне в состоянии продержаться, пока основные силы Эсткарпа доберутся до места и нанесут кольдерам сокрушительный удар.

— У тебя есть какой-то план?

Страх Лоисы, искажавший черты ее лица, постепенно исчезал.

— Не совсем план. Только маленькая надежда. Но...

Вот это-то «но» и было сейчас самым важным: субмарину кольдеров необходимо выследить. Можно ли это сделать с помощью того контакта, который ему удалось установить с Желитой во время пребывания в Болотах торов? Или тот же барьер, который кольдеры так надежно устанавливают между собой и магией волшебниц Эсткарпа, окажется непроницаемым для такого двустороннего контакта? Так много «если» и «но», и только ничтожная крупица надежды вместо ответа на все вопросы.

— Послушай... — И Саймон больше для себя самого, нежели для Лоисы, обрисовал в общих чертах, на что он надеется. Она ухватилась за его план со всей силой отчаяния.

— Попытайся, Саймон! Попытайся сейчас же связаться с Джелитой! Прежде чем они увезут нас так далеко, что ни одна мысль не достигнет нас! Сейчас же!

Она скорее всего была права. Саймон закрыл глаза, откинул голову назад и снова ощутил горячее желание связаться с Джелитой. У него не было никакого представления, как это сделать, только вся его воля, вся собранная в кулак мысленная энергия.

— Я слышу...

Сердце Саймона отчаянно подпрыгнуло при этом ответе.

— *Нас увозят... на корабле кольдеров... на их базу, вероятно... Ты сможешь следовать за нами?*

Ответ последовал не сразу.

— *Не знаю, но если это возможно, я сделаю это!*

Снова молчание, однако чувство их близости не покинуло Саймона. И тут лодку так сильно трянуло, что он соскользнул по стене кабины, и Лоиса упала на него сверху.

— Что такое? — голос девушки стал снова тихий и дрожащий.

За первым толчком последовал еще один, а затем корпус лодки начал сильно вибрировать, словно отчаянно борясь с какой-то силой. Саймон вспомнил о страшных шрамах и бородах, которые заметил на корпусе лодки. Видимо, плавать по подземной реке было вовсе не так уж комфортно. Они вполне могли сесть на мель. Он так и сказал Лоисе.

— Смогут ли они снять лодку с мели? — спросила она с ужасом, и Саймон увидел, как глаза ее наполнились страхом.

— Я думаю, что капитан лодки должен иметь опыт в таких делах, — сказал он в ответ. — Ведь они не впервые идут этим путем, как мне сообщили в Болотах торов.

Впрочем, несчастье всегда случается когда-то впервые. Никогда Саймон не подумал бы, что будет так страстно желать достигнуть базы кольдеров по доброй воле. Их по-прежнему бросало из угла в угол, лодка дрожала, как раненный загнанный зверь. Наконец вибрация прекратилась, они ощутили сильный толчок, за которым последовал ровный гул механизмов, сопровождавший обычный ход лодки.

— Интересно, далеко ли мы от моря?

Саймон и сам думал об этом. Он не знал, где находится Джелита и сколько времени ей понадобится, чтобы связаться

с каким-нибудь судном сулькарцев и пуститься по их следу. И Джелита сама непременно должна оказаться на этом корабле, чтобы поддерживать с ним постоянный контакт. Но ведь они не смогут так быстро собрать целый флот, а один-единственный корабль очень легко обнаружить, особенно кольдерам! Невероятная глупость с его стороны, что он предложил Джелите следовать за ними! Он не должен больше пытаться связаться с ней.

Джелита... Кольдер... Неужели он настолько сошел с ума, что вовлек ее в осуществление этого безумного плана?

— *Это вовсе не глупость, Саймон! Мы пока что не знаем пределов того, что возникло между нами, чего мы можем добиться с помощью этой Силы...*

На этот раз он не пытался связаться с ней, но она все равно прочитала его мысли и проникла в его опасения.

— *Помни, я следую за тобой! Найди это научье гнездо — и мы его очистим!*

Доверие. Она верила в него от всего сердца. Но Саймон видел перед собой только острые камни, и неведомо ему было, как проскользнуть между ними невредимым.

Глава 12

ТА, КОТОРАЯ НЕ ХОТЕЛА ЖДАТЬ

Комната была длинной и узкой, если не считать скудного света, проникавшего сквозь приоткрытый ставень. Женщина, которая сидела за столом в полумраке, сохраняла лишь внешнее спокойствие: внутри нее все бушевало, словно волны, которые плескались за открытыми ставнями.

Она была в кожаном костюме и кольчуге, на голове был такой же крылатый шлем, подвязанный шарфом, как и у всех пограничников. Слева от нее стояла клетка, в которой молчаливо сидел белый сокол, такой же настороженный, как и она. Женщина теребила в руках кусок свернутой в трубочку коры.

Волшебница? Капитан одного из сулькарских крейсеров пытался догадаться, кто она такая, идя к ней от двери. За ним послали в таверну, где он проводил время перед отплытием.

За ним пришел пограничник, но не смог сообщить, зачем его ищут.

Однако когда женщина подняла на него глаза, он решил, что она не волшебница: у нее на груди не было камня. И все же она не была обычной женщиной, это он понял сразу, поэтому на всякий случай отсалютовал ей, как приветствовал бы собрата по профессии рангом не ниже себя.

— Я — Котий Стимер, с вашего позволения. Явился по вашему вызову, Мудрая...

Он намеренно обратился к ней так, ожидая ответа.

— Я — Джелита Трегарт, — ответила она без промедления. — Скажите, капитан, вы собираетесь патрулировать в море?

— Отправляюсь в береговой рейд к Ализону.

Сокол шевельнулся на своем насесте, как бы проявляя интерес разумного существа к их беседе. Капитану стало не по себе от внимательного взгляда его блестящих глаз.

— Береговой рейд, — повторила она. — Я хочу предложить вам нечто другое. И хотя то, что я предлагаю, не обязательно принесет вам добычу, и может оказаться намного опаснее, чем рейд к Ализону...

Джелита внимательно посмотрела в лицо капитану. Как и все представители своей расы, он был светловолос, высок и широкоплеч. Хотя Стимер был совсем молод, он держался твердо и уверенно, что говорило об успехах в прошлом и о надеждах на будущее. У нее был не слишком богатый выбор, но то, что она слышала о Стимере, заставило ее остановиться именно на его кандидатуре из всех капитанов, находившихся сейчас в порту устья Эса.

Была в характере сулькарцев одна примечательная черта: страсть к приключениям и авантюрам иногда пересиливала в них стремление к собственной выгоде, к добыче. И именно эта черта делала их такими отважными мореплавателями, первопроходцами морей. На эту-то страсть она и рассчитывала.

— И что же вы хотите предложить мне?

— Шанс найти базу кольдеров, — смело сказала она. Сейчас не время прибегать к уловкам: его нет даже для объяснений.

Он долго думал и, наконец, произнес:

— Мы долгие годы ищем эту базу, леди. Как же попали эти сведения к вам, что вы так уверенно говорите об этом? Быть может, у вас есть карта?

— Карты нет, но есть способ найти базу. Вот только все зависит от времени. И расстояния, — добавила она.

Быть может, Саймон уже на таком расстоянии от них, что никакой контакт невозможен...

Джелита теребила трубочку, которую ей доставили из Болот торов, она-то и была основным доводом в беседе с Владычицами.

Ее волнение передалось и соколу, потому что он беспокойно завопил в клетке и даже издал боевой крик.

— Вы понимаете, что говорите?! База колдеров! — Он помолчал, потом поднял на нее глаза. — Среди моряков ходят рассказы, что кольдеры умеют принимать любое обличье и могут даже заставить наших лучших друзей, товарищей по застольям, выполнять их приказания.

Джелита кивнула.

— Это в самом деле так, капитан, и хорошо, что вы подумали об этом. Но только я принадлежу к Древней расе, а раньше была волшебницей. Вам известно, что над такими, как я, кольдеры власти не имеют?

— Была волшебницей... — он уловил только это.

— Почему «была», хотите вы спросить? — она собралась с мужеством, хотя и нелегко было отвечать на такой вопрос. — Теперь я стала женой того, кто является Хранителем Границ Эсткарпа. Вам не приходилось слышать о пришельце из другого мира, что помогал нам в битве за Сиппар, — о Саймоне Трегарте?

— Он? — теперь в голосе капитана звучало удивление. — Ну, о Трегарте-то мы слышали. Это, значит, вы, леди, сражались в Сулькаре во время последней битвы! Вы уже встречали кольдеров и знаете их! Расскажите мне, что вы замыслили?

Джелита начала свой рассказ. Когда она закончила, любопытство капитана было вконец взбудоражено.

— И вы думаете, что мы сможем это сделать, леди?

— Я сама отправлюсь с вами.

— Найти базу кольдеров и навести на нее наш флот! О, это подвиг, о котором барды будут слагать песни многие сотни лет! Великое дело задумали вы, леди! И где же наш флот?

— Флот последует за нами, но впереди должен идти только один корабль. Мы ведь не знаем, каким образом защищаются кольдеры, какими они располагают приборами. Быть может,

они в состоянии легко обнаружить флот на поверхности моря. Но если впереди будет только один корабль, и не слишком близко, — они не смогут его найти, так я думаю.

— Верно, — кивнул капитан Стимер. — И в таком случае, как мы вызовем флот на подмогу?

Джелита указала на клетку:

— С помощью этой птицы. Сокольничьи обучили ее возвращаться туда, откуда она и прибыла, неся с собой сообщение. Я уже договорилась с теми, кто распоряжается флотом. Флот соберут в гавани; он будет ждать сообщения. Но все дело во времени. Если подводный корабль уйдет слишком далеко из подземной реки, то я не уверена, что мы сможем связаться с Саймоном, который захвачен в плен кольдерами и находится на этой лодке.

— Река, текущая из Болот торов... — Капитан, очевидно, пытался представить себе, какие пункты минует подводный корабль. — Я думаю, что это будет к северу от Ункара. Так что мы могли бы отправиться в намеченный рейд к Ализону, а уже оттуда, не вызывая никаких подозрений, дальше к северу.

— И мы можем скоро отплыть?

— Как только пожелаете. Все припасы уже на борту. Правда, их мало для дальнего похода, но если вы облечены полномочиями, то можно пополнить запасы немедленно. В порту находится «Невеста Севера» с полным запасом продовольствия для армии; мы можем взять у них все необходимое.

— У меня есть такие полномочия. Давайте не будем медлить.

Владычицы, хотя и не верили, что к Джелите вернулись способности, которые она должна была утратить, все же обеспечили ей полную поддержку. К тому же, она сумела доказать, что то, что возникло между ней и Саймоном, — нечто важное, этим нельзя пренебрегать, ведь только благодаря ей удалось вырвать Саймона с его летательным аппаратом из власти кольдеров. И если теперь им вдвоем с Саймоном удастся выследить базу кольдеров, то Владычицы во всем их поддержат.

Капитан Стимер не подвел. За несколько часов до наступления ночи «Быстрый» уже вышел из гавани, направляясь в открытое море. Выбор был тем удачнее, что это оказался скорее крейсер, нежели торговое судно.

— Вы, наверное, один из открывателей морских путей? — спросила она, стоя рядом со Стимером на корме судна.

— Да, леди. Я как раз собирался отправиться подальше на север, когда началась война с кольдерами. Там есть деревушка, в которой я уже однажды побывал. В ней живут странные люди — маленького роста, смуглые и говорят на таком цокающем наречии, которому очень трудно подражать. Но у них такие меха, каких мне нигде больше встречать не доводилось: серебристые, с длинным ворсом, исключительно мягкие. Когда мы их спросили, откуда берутся эти меха, они нам объяснили, что раз в год к ним прибывает караван диких людей откуда-то с севера. У них бывают и другие товары. Вот, взгляните. — Он снял с запястья металлический браслет и протянул его Джелите.

«Странный металл, чем-то похожий на золото, только немного бледнее», — подумала Джелита. Это была старинная вещь, и рисунок на ней почти весь стерся — оставались только линии и выбоинки. Но это явно было произведение искусства, и очень древнего.

— Это я выменял два года назад в той самой деревушке. Все, что я узнал у них, так это то, что и этот браслет привезли с собой дикари с севера. Но вы посмотрите вот сюда. Здесь изображена звезда. Она полустерта, но это, безусловно, звезда. А на очень-очень древних вещах моего народа всегда стоит этот символ. И в наших старинных песнях говорится о том, что пришли мы из какого-то места, где было очень холодно, много снега и много чудовищ, с которыми приходилось сражаться.

Джелита вспомнила о том, что Саймон пришел в их мир из своего через какие-то Ворота в пространстве и времени, точно так же, как и кольдеры. Что ж, сулькарцы всегда были одержимы жадной путешествий, недаром в мирное время они брали с собой на корабли всех своих домочадцев, словно отправлялись куда-то, откуда и не предполагали вернуться. Только в дни войны сулькарские суда не напоминали плавучие деревни. Видно, их снедало смутное беспокойство: быть может, и они когда-то явились в этот мир из другого, и ими руководил подспудный инстинкт, побуждавший искать утраченную родину? Джелита вернула браслет Стимеру.

— Ценная вещь, капитан. Быть может, у каждого из нас есть такой заветный талисман, к которому мы будем стремиться все долгие годы нашей жизни.

— Хорошо сказано, леди. Мы приближаемся к устью Эн-кора. Не хотите ли попытаться установить более точные координаты субмарины кольдеров?

— Да.

Она растянулась на рундуке в маленькой каюте, куда проводил ее капитан. Здесь было жарко и душно, кольчуга стесняла грудь, но Джелита усилием воли отогнала от себя посторонние мысли и напрягла свое воображение, чтобы представить Саймона.

— *Саймон!* — послала она мысленный призыв.

Но ответа не было. Тряхнуло так сильно, что она даже ощутила физическую боль. Джелита открыла глаза: потолок каюты дрожал и качался — «Быстрый» несся с такой скоростью, что эта скорость, быть может, и не давала возможности сосредоточиться по-настоящему.

— *Саймон!* — на этот раз она звала его настойчиво, отчаянно. Она много лет проходила тренировку, ее долго обучали концентрировать и направлять свою энергию на выбранную цель, вот только с помощью волшебного камня, который был символом и орудием ее ремесла. Быть может, сейчас ее усилия напрасны именно потому, что у нее отобрали этот камень?

Но ведь в то утро она услышала призыв Лоисы и с такой уверенностью помчалась в Эс, надеясь снова стать одной из Владычиц, и лишь для того, чтобы убедиться — эти двери для нее навсегда закрыты! И тогда она уединилась, чтобы выяснить, что же с ней произошло, — так требовали обычаи ее ремесла. Когда она услышала о том, что Саймон поступает против своей природы, то сразу же поняла — он находится во власти кольдеров. И тогда она прибегла к помощи своей новой Силы, хотя так мало о ней знала. И ей удалось отстоять Саймона, который только благодаря ей приземлился в Болотах торов. А затем она предприняла еще одну попытку... И все же, неужели Владычицы правы, и ее новая Сила — только отголосок прежней, которая рано или поздно совсем в ней угаснет?

— *Саймон!* — Джелита снова стала думать о нем, на этот раз вне всякой связи со своей прежней целью. И снова заглянула вглубь самой себя. Она пожертвовала своей волшебной Силой ради Саймона, когда вышла за него замуж, купив та-

кой ценой возможность их союза. Тогда она думала, что супружество с ним — все, чем она дорожит на свете. Но почему же она так отчаянно ухватилась за призрачную надежду, что ее Дар останется, и что эта жертва — не жертва вовсе? Она ведь поехала в Эс убеждать Владычиц, что ее Дар остался с ней. Когда же у нее ничего не вышло, она не вернулась к Саймону, а предпочла остаться наедине с собой, а после решила сделать все, что в ее силах, чтобы доказать Владычицам, как они заблуждаются! Словно Саймон больше ничего для нее не значил! Всегда только эта Сила! Только этот Дар! Неужели то, что разбудил в ней Саймон, оказалось лишь мимолетной тенью и на самом деле вовсе не затронуло ее по-настоящему? Саймон...

Но вдруг ее охватил мучительный страх, которого она никогда раньше, до того, как перестала быть волшебницей, не испытывала.

— *Саймон!* — этот был не просто призыв, это был крик, полный отчаяния, боли и страха.

— *Джелита...* — слабый, далекий, и все же отклик сразу подбодрил ее, но не принес ответа на терзавшие ее сомнения.

— *Мы приближаемся...* — она коротко, как могла, сообщила ему, что нужно делать дальше, чтобы осуществить их план.

— *Я не знаю, где мы,* — ответил он. — *И я едва ли смогу отвечать тебе.*

В этом-то и таилась опасность. Их связь может нарушиться. Если бы они нашли способ укрепить ее!.. В волшебном ритуале изменения внешности волшебницы пользовались силой общего желания, оно и способствовало изменению внешнего вида. Общее желание... но ведь их только двое... Впрочем, нет. Ведь есть еще *Лоуса*, и ее желание может усилить связь. Правда, девушка из Верлена не была волшебницей, но изменить облик могли и те, кто не относился к Древней расе, и Лоуса однажды уже испытала такое превращение. Она, конечно, не в состоянии сама вызвать энергию, но воздействовать на нее могла. Не предупредив Саймона, Джелита разорвала их связь и вызвала в своем воображении другой образ.

— *Лоуса!* — Перед мысленным взором Джелиты мелькнула стена, кусок пола, две скрюченные фигуры. Одна из них — Лоуса. В этот краткий миг Джелита видела ее глазами, но ей нужно было совсем другое — не владение личностью Лоисы,

а контакт между ними. Это удалось не сразу, но все же Джелита добилась своего. Контакт возник, сначала робкий, неопределенный, потом все более прочный, и вот, наконец, она надежно связалась с Лоисой. Теперь Саймон...

Нащупала контакт, закрепила его:

— *Саймон, Лоиса*, — связь становилась все более прочной, Джелита нашла направление! То, что им нужно было с самого начала, — направление! Оно найдено!

Джелита поспешно поднялась наверх по трапу, цепляясь за поручни. Ветер надувал паруса, корма судна ныряла в бушующих волнах. Небо нахмурилось, горизонт перерезали красные отсветы заходящего солнца. Прическа растрепалась, и волосы развевались по ветру, когда она подошла к стоявшему на борту капитану.

— Курс, — сказала она и покачнулась от неожиданного толчка, едва успев удержаться на ногах. — Надо идти этим курсом.

Он внимательно посмотрел на нее, кивнул и отдал команде распоряжения.

Где-то под бушующими волнами шла подводная лодка, и «Быстрый» начал стремительно разворачиваться влево, ложась на нужный курс. Джелита совершенно не сомневалась в правильности курса. Она знала, что информация будет точной до тех пор, пока ей удастся поддерживать трехстороннюю связь.

Брызги соленой воды окатывали ее с ног до головы, волосы мокрыми прядями облепили лицо, свисали на плечи. Из виду исчезла последняя полоска береговой линии Эсткарпа. Она так мало знала о море. Быть может, этот свирепый ветер заставит их свернуть, и они потеряют с таким трудом найденный курс?

Джелита высказала эти сомнения капитану.

— Шторм, — до нее еле слышно донесся его ответ. — Но нам приходилось видеть непогоду и похлеще и все же не потерять курс. Остальное же — во власти Старой Владычицы! — и он суеверно сплюнул через плечо, как того требовал морской обычай.

Но Джелита не нашла в себе сил снова спуститься вниз; все стояла на корме, вглядываясь в даль так пристально, словно этот взгляд мог помочь ей укрепить возникшую связь.

Глава 13

ГНЕЗДО КОЛЬДЕРОВ

Трудно было иметь представление о времени, находясь в каюте подводной лодки. Саймон лежал, расслабившись, на рундуке, все еще сохраняя нить связи с Джелитой и — в меньшей степени — Лоисой. Девушки больше не было с ним, но она присутствовала в его мыслях.

До сих пор Саймон не видел никого из тех, кто захватил его.

Вскоре после начала их путешествия появилась Альдис и увела с собой Лоису. Когда он повторно осмотрел каюту, то заметил, что со стены откидывается узкая койка, а на другой есть столик, на котором время от времени появлялась скудная пища и питье. Ее было достаточно, чтобы голод и жажда не слишком сильно его донимали. В остальном время тянулось мучительно уныло и однообразно. Он немного поспал, передав Лоисе контакт с Джелией. Он знал, что Лоиса теперь делит каюту с Альдис, но та оставила девушку в покое, радуясь, что Лоиса так пассивна и ко всему безразлична.

Пища появлялась за это время восемь раз, но Саймон все равно не мог составить представление о времени — он не знал, сколько дней и ночей провел в этой каюте. Его кормили, два раза в день или только один — он не знал. И всего мучительнее было бесконечное и томительное ожидание; Саймон был человеком действия, и это ожидание превратилось для него в настоящую пытку. Только раз в своей жизни он испытывал подобное; тот год Саймон провел в тюрьме, пылая ненавистью к мучителям, и вынашивал планы мщения. Но теперь он думал о будущем, совершенно ничего не зная о враге, кроме картины, возникшей в мозгу умирающего главаря кольдеров при осаде Горма. Саймон видел узкую долину, по которой мчались странного вида экипажи, по ним стреляли люди из других таких же. Значит, кольдеры — пришельцы из какого-то иного мира, где дела их шли негладко. Каким-то образом они тоже открыли временные и пространственные Ворота в другой мир, где цивилизация Древней расы Эсткарпа находилась на исходе, пыль древних веков уже начинала засыпать и древний Эс, и такие же древние города и деревни. А на побережье варварские государства — Ализон и Карстен — постепенно наби-

рали силу, оттесняя в сторону Древнюю расу, хотя они все еще боялись легендарных волшебниц и поэтому не осмеливались бросить им открытый вызов. До тех пор, пока не появились кольдеры. И если сейчас не вырвать с корнем Кольдер, Ализон и Карстен попадут под их чудовищную власть, как это уже случилось с Гормом. В Эсткарпе всегда были твердо убеждены в том, что кольдеры сами по себе очень малочисленны, и поэтому им необходимо захватывать пленников и превращать в «одержимых». И теперь, когда Горм пал, а Иль эвакуирован...

Иль эвакуирован! Глаза Саймона широко открылись, он уставился в потолок. Откуда ему стало известно, что Иль эвакуирован и единственная твердыня кольдеров на побережье — всего лишь пустая оболочка? И все же он теперь был в этом уверен.

Быть может, кольдеры стягивают сейчас силы, чтобы защитить свою основную базу? Ведь при осаде Горма они нашли всего пять мертвых кольдеров... только пять, и все они погибли не от меча или стрелы нападающих, а словно бы растаяли с жизнью по своей воле, будто погасла искра, согревавшая их тело! Но было-то их всего пятеро! Неужели потеря пятерых могла так ослабить военную мощь Кольдера, что им приходится стягивать все силы в одно место? Сотни «одержимых» погибли в Горме, а кроме них были еще агенты в Карстене — Фальк и другие, подобные Альдис, которые еще живы и заняты своим делом. Это не настоящие кольдеры, а местные жители, которые стали служить врагу — и не как лишенные собственного разума «одержимые», но как вполне сознательные помощники. Никто из потомков Древней расы не мог попасть в подобные сети, потому-то кольдеры и решили, что Древняя раса должна исчезнуть!

И снова Саймон подивился — откуда у него такая твердая уверенность? Они давно уже знали, что кольдеры никогда не использовали потомков Древней расы в качестве своих помощников или «одержимых». Но им даже не приходило в голову, что причина столь очевидна, а теперь это стало ему так ясно, как будто он услышал объяснение из уст самих кольдеров.

Услышал? Неужели у кольдеров есть свои средства общения, подобно связи, возникшей между ним и Джелитой? Эта мысль потрясла его. Саймон мгновенно послал мысленное со-

общение той, которая следовала за ними и, услышав его, ответила, причем в ее ответе тоже ощущалось беспокойство.

— *Мы теперь совершенно уверены в курсе, Саймон,* — сказала она. — *Не зови меня снова, если не будет большой необходимости.*

Большая необходимость... Эти слова эхом отдались у него в мозгу, и почти сразу же Саймон ощутил, что вибрация, слегка сотрясающая стены его каюты, прекратилась, а гул моторов утих, превратившись в ровное гудение, — лодка замедляла ход. Неужели они уже достигли порта?

Саймон сел на койке лицом к двери. Оружия при нем не было, но он имел опыт рукопашных схваток... Однако, как только открылась дверь каюты, он сразу же понял, что больше не владеет своим телом, как и перед посадкой в лодку. Им опять распоряжались кольдеры. По чужой воле он медленно поднялся и вышел в узкий коридор.

Здесь стояли двое мужчин и, взглянув на них, Саймон не смог подавить невольной дрожи. Это были «одержимые» — мертвецы, которых кольдеры использовали в качестве рабов, хотя на самом деле они оставались живыми. Один, судя по его волосам, росту и стати, был сулькарцем, другой принадлежал к тому желтокожему, смуглому народу, как и тот офицер, который сопровождал Саймона при посадке на лодку.

Они не дотронулись до него, молча стояли и ждали, устремив на него безжизненные глаза. Потом один из них повернулся и пошел к выходу, другой прижался к стене, пропуская Саймона, а затем двинулся следом. Вот так, идя между ними, он подошел к трапу и поднялся на поверхность подлодки.

Саймон очутился в скалистом гроте. Вода тихо билась о причал; он сразу же обратил внимание на сходство этой гавани с гаванью Сиппара. Все еще повинувшись чужой воле, Саймон спустился на берег по узенькому трапу.

На пристани молча работали люди — полураздетые, угрюмые; они не разговаривали между собой, только ворочали какие-то тяжелые ящики, освобождая место. Казалось, каждый точно знал, что именно он должен делать и как это делать быстрее всего. Пристань была довольно большая, и, идя деревянной походкой между своими сопровождающими, Саймон заметил еще две подводные лодки. Именно их и разгружали рабочие. Открылись два выхода из грота; слева Саймон увидел

тоннель и ведущую наверх лестницу. Тот, который шел впереди, выбрал именно эту дорогу. Пять ступенек вверх, и они очутились перед кабиной подъемника. Как только они вошли внутрь, кабина медленно поползла вверх — это был лифт, такой же, как и в Сиппаре. Поднимались очень долго, потом дверь кабины отодвинулась влево, и они очутились в узком коридоре. Скользкие серые стены с металлическим отблеском, ряд закрытых дверей. Минувя шесть из них, по три с каждой стороны, они увидели распахнутую дверь. Саймон когда-то бывал в жизненном центре Сиппара и ожидал увидеть нечто подобное и здесь: сидящий на стуле перед пультом управления кольдер с металлическим шлемом на голове.

Но эта комната была намного меньше того зала. Резкий луч света бил прямо в центр с потолка; источником его были расположенные рядами светильники, которые образовывали правильный геометрический рисунок. Ковров на полу не было, но, тем не менее, он пружинил у Саймона под ногами. Три стула с изогнутыми спинками, плавно переходящими в сиденья, и в центре комнаты — настоящий кольдер.

Охранники Саймона не вошли вслед за ним, но та же сила, которая заставляла его двигаться все это время, вынудила сделать несколько шагов и остановиться перед кольдерским офицером. Серый костюм чужеземца был такого же цвета, что потолок, стены и стулья в этой комнате. Унылую гамму нарушали только его мертвенно-бледная физиономия да резкий луч света. Голову кольдера прикрывала шапочка и, насколько Саймон сумел разглядеть, волос у него совсем не было.

— Наконец-то вы здесь!

Звуки чужой речи, но Саймон почему-то все понял. Смысл сказанного удивил его — можно было подумать, что разговаривают не тюремщик и заключенный, а два человека, заключившие договор, и им осталось только встретиться, чтобы прийти к общему согласию. Из осторожности Саймон решил молчать — пусть лучше говорит кольдер.

— Вас прислали торы? — кольдер продолжал рассматривать Саймона. — Но ведь вы не из их мира? — Недоверие, сначала появившееся во взгляде кольдера, сменилось неприкрытой враждебностью. — Кто вы такой?

— Саймон Трегарт.

Кольдер продолжал смотреть на него, сощурился глазами.

— Вы не из туземцев! — Это было утверждение, а не вопрос.

— Нет.

— Значит, вы пришли извне. Но вы не из внешнего мира и, уж конечно, не настоящей крови. Я спрашиваю вас: кто вы такой?

— Человек из другого мира, возможно — из другого времени...

Саймон не видел причин скрывать правду — это может вызвать интерес у кольдера.

— Из какого мира и какого времени?

Саймон не мог ни покачать головой, ни пожать плечами.

— Я из своего мира и своего времени. Я не знаю, в каком отношении они стоят к этому миру и времени. Просто мне открылся путь сюда, и я прошел по нему.

— Зачем вы это сделали?

— Чтобы скрыться от своих врагов...

«Точно так же, как и вы и вам подобные», — он добавил это мысленно.

— Была война?

— До этого была война. А я солдат и никому не нужен в мирное время. У меня были личные враги...

— Солдат... — кольдер снова смерил Саймона взглядом. — А теперь вы сражаетесь на стороне этих колдуний?

— Сражаться — моя профессия, и я поступил к ним на службу.

— Но ведь они туземцы-варвары, а вы — цивилизованный человек. О, не удивляйтесь понапрасну. Разве трудно узнать себе подобного? Мы тоже солдаты, и наша война принесла нам поражение. Правда, в конце концов победа осталась за нами, раз мы очутились в этом мире и обладаем всем, что необходимо для того, чтобы этот мир принадлежал только нам. Подумайте об этом, пришелец! Целый мир будет у нас в руках. — Он протянул руку, и пальцы его хищно сжались в кулак. — И он будет к нашим услугам скоро! Эти туземцы не могут бороться с тем, что есть у нас. И... — Он помолчал и добавил, подчеркивая каждое слово. — Мы должны использовать такого человека, как вы.

— Потому-то я пленен и доставлен сюда? — сказал Саймон.

— Да. Но вы будете не пленником, если пожелаете. Саймон Трегарт, Хранитель Границ Юга. А! Мы знаем вас всех — всех

«великих» Эсткарпа! — Выражение его лица не изменилось, но в голосе послышалась насмешка. — И где же теперь ваша супруга, Хранитель Границ? Вернулась к своим дьяволицам? Немного же времени ей понадобилось, чтобы убедиться, что вы ей совершенно не нужны, а? О, все, что происходит в Эсткарпе, Карстене и Ализоне, известно нам до мельчайших подробностей. Мы могли бы превратить вас в «одержимого», если бы захотели. Но мы предоставим вам выбор, Саймон Трегарт. Вы ведь ничем не обязаны этим дьяволицам из Эсткарпа и тем безмозглым дикарям, которыми они распоряжаются благодаря своей магии. Разве ваша волшебница не доказала, что они не способны на верность и преданность? И поэтому мы предлагаем вам присоединиться к нам, помочь нам осуществить Великий План. И тогда Эсткарп будет у ваших ног, вы сможете делать там все, что захотите. А пока возвращайтесь обратно, будьте Хранителем Границ и ждите нашего сигнала.

— А если я не соглашусь?

— Было бы жаль потерять человека с вашими возможностями. Но те, кто не с нами, те — против нас. Вы уже испытали на себе нашу силу — тело не повинуется вам, вы и шага не в состоянии сделать по собственной воле. А ведь мы можем сделать так, что и дышать вы будете по нашей воле. Не хотите ли попробовать?

И тут же грудь Саймона словно стиснуло обручем, он судорожно попытался вздохнуть, и его охватил смертельный ужас. Это длилось не более секунды, но даже когда все кончилось, страх не покинул его. Он несколько не сомневался, что колдун выполнит свою угрозу, если решит, что Саймон им не нужен. Лишит его легкие воздуха.

— Зачем же вам эта сделка? — едва прохрипел Саймон.

— Потому что мы нуждаемся в агентах, действующих не по принуждению. Если человека нужно постоянно проверять и контролировать, то он не сможет выполнить задачу, как нужно. Дайте свое добровольное согласие сотрудничать с нами, и вы немедленно получите свободу.

— Только в пределах, установленных вами?

— Вот именно. В определенных пределах. А поэтому не надейтесь, что можете согласиться только для вида. В вас произойдет перемена, хотя вы и сохраните внешний облик, свой разум и свою личность, те желания и намерения, которые не

идут вразрез с нашими планами. Вы будете не просто телом, которое послушно выполняет наши приказания, как те, которых вы по-своему называете «одержимыми», и вы не умрете.

— Я должен сделать выбор прямо сейчас?

Кольдер с минуту помолчал, потом коротко ответил, и в голосе его была угроза:

— Нет... не сразу.

Он сделал какой-то знак, который Саймон не смог уловить, и Саймон послушно пошел к выходу. На этот раз никто не охранял его, словно в охране не было нужды. Да и в самом деле, Саймон был словно в невидимых оковах, которые ни за что не смог бы сбросить.

Он прошел по коридору, снова вошел в лифт. Лифт пополз вверх, остановился, Саймон вышел и очутился перед раскрытой дверью. Он вошел в комнату и тут же почувствовал, что снова владеет своим телом. Он быстро повернулся, но дверь уже закрылась, и сразу стало ясно, что пытаться ее открыть бессмысленно.

Здесь не было резкого искусственного освещения, как в нижней комнате. Два окна открывались на скалистый берег, откуда доносился резкий запах водорослей. Саймон подошел к окну и выглянул: насколько он мог судить, глядя из своей комнаты, здание напоминало строения Иля. Оконный же проем был слишком узок, чтобы попытаться сквозь него выбраться наружу. Стена круто обрывалась к громоздившимся на берегу острым скалам. Никакой растительности — только камни да лижущее их море.

Послышался какой-то звук, словно двигалась машина. Саймон высунулся из окна насколько мог и убедился, что внизу ползет автомобиль, но не похожий на те грузовики, которые он знал в своем прежнем мире. У этого автомобиля вместо колес были гусеницы, и двигался он не быстрее пешехода. Под гусеницами машины виднелась глубокая колея — значит, это был не первый вездеход, прошедший здесь. Он был тяжело нагружен, на подножках стояло четверо мужчин, тела которых были едва прикрыты, — рабы, подобные тем, которых Саймон видел в гавани. Он проводил вездеход взглядом, пока тот совсем не скрылся за скалой. Только тогда он повернулся и стал рассматривать свое новое обиталище.

Унылые цвета стен и потолка, узкая откидная койка, покрытая пушистой тканью. По стенам — шкафы и буфеты с за-

крытыми дверцами. Постепенно Саймон нашел стол, умывальник, туалет — точно такой же, как и на подводной лодке. Все было уныло в этой комнате и наводило тоску. Возможно, это входило в планы тюремщиков, решил Саймон.

Однако в одном он был совершенно уверен — это на самом деле база кольдеров. И весьма вероятно, что они держат его под наблюдением. Очень может быть, что контроль над его телом снят только потому, что они хотят видеть, что именно он станет делать дальше, как использует свою относительную свободу. Что, если они заподозрили связь между ним и Джелитой и теперь хотят сделать из него приманку?

Чем готовы кольдеры пожертвовать ради того, чтобы заполучить в свои руки одну из волшебниц? Саймон считал, что они готовы ради этого на все. Что если все произошедшее с ним с самого начала, когда он пришел в себя на Болотах торов и вновь обрел Джелиту, было специально подстроено кольдерами? Саймон не был уверен в обратном.

Что же ему сейчас делать? Вызывать Джелиту или нет? Он ведь обещал ей дать знать, когда доберется до базы кольдеров. Ведь ей необходимо получить информацию, чтобы вызвать флот Эсткарпа. Но сколько на это потребуются времени? И сумеют ли стрелы и мечи, и даже эсткарпские чары противостоять оружию кольдеров — всему тому, что собрано здесь. Наверняка здесь есть много такого, чего они даже не видели на Горме и в Иле! Вызывать Джелиту или нет?

Снова звуки за окном: вездеход ползет обратно. Вероятно, это уже другой, потому что пустой, а разгрузить его так быстро не могли. Вызывать или нет? Медлить больше нельзя... Саймон подошел к койке, лег и сосредоточился. Риск, конечно, был, и очень большой, но приходилось на это идти. Ибо если он может послать это сообщение, то больше откладывать нельзя.

Глава 14

ОРУЖИЕ ВОЛШЕВНИЦ

Джелите и раньше приходилось путешествовать на кораблях сулькарцев, но никогда она еще не бывала в открытом океане. Пустынные волны дышали таким величием, спокойствием и безразличием ко всему, что Джелите становилось не

по себе, и она ощущала, как вера в собственные силы временами слабеет. Единственной поддержкой было сознание того, что волшебная Сила не покинула ее. Волшебницы славились своей властью над стихиями, но то было на суше, а здесь, в открытом море, которое само по себе было грозной силой, Джелита чувствовала себя все менее уверенно.

Как ни странно, но опасения Саймона, что они вызовут подозрения у кольдеров, не пугали ее, а поддерживали. С людьми, пусть даже и с такими, как кольдеры, она умела управляться куда лучше, чем с этими огромными волнами.

— Ни на одной карте не отмечена в этих водах земля, — сказал капитан Стимер, разворачивая карты.

— Неужели ни одно из ваших судов раньше не достигало этих широт? — спросила Джелита, находя странным его замешательство. Капитан внимательно рассматривал карту, водя по ней пальцем. Потом бросил через плечо:

— Вызовите Джокула.

На вызов явился маленький, согбенный годами человек со сморщенным лицом, продубленным морским ветром. Он прихрамывал и раскачивался на ходу: Джелита заметила, что левая нога у него короче правой и не гнется.

— Джокул, — сказал капитан, хлопнув по карте ручищей, — где мы сейчас находимся?

Человек стащил с головы вязаный колпак, и ветер сразу же начал трепать пряди его выцветших волос.

— На заброшенном пути, кэп.

Стимер нахмурился еще сильнее, он устремил взгляд на выгнутые паруса, бившиеся над их головами, словно они предвещали беду. Джокул втянул ноздрями огромного носа свежий ветер и указал на море:

— Водоросли...

Красновато-коричневые нити колыхались в зеленых волнах совсем рядом с кораблем. Джокул перевел взгляд туда, где на горизонте виднелась целая полоса такого же цвета. Лицо капитана настолько изменилось, что Джелита нарушила молчание:

— В чем дело?

Он стукнул кулаком по карте.

— Вот оно что! — лицо его разгладилось. — Водоросли — и заброшенный путь! — Он повернулся к Джелите. — Если

курс, который вы нам дали, лежит вон туда, то... — Он безнадежно махнул рукой.

— Что случилось? — спросила она снова.

— Водоросли. Они живут в океане, качаются на воде в этих теплых широтах. Мы их давно знаем и привыкли к этому. Иногда их можно найти даже на берегу, их выбрасывает шторм. Но вот в чем штука — их становится все больше и больше, и теперь некоторые из них убивают...

— Каким же образом?

Стимер покачал головой:

— Мы сами не знаем, леди. Стоит только дотронуться до этих водорослей, и руки начинает жечь, как огнем. Потом на коже появляются красные пятна, они разливаются по всему телу, и человек словно сгорает в огне, погибает. В этих водорослях какой-то яд. И там, где они плавают, не ходят наши суда.

— Но ведь водоросли в воде, а вы на корабле, что же тут для вас опасного?

— Как только корабль коснется этих водорослей, они начинают расти со страшной скоростью, опутывают весь корабль и выползают на борт! — вмешался Джокул. — Раньше такого не было, это случилось всего несколько лет назад, леди. И поэтому мы теперь избегаем тех коротких путей, где они водятся.

— Только недавно! — повторила Джелита. — С тех пор, как кольдеры так осмелели?

— Кольдеры? — Стимер ошеломленно уставился на красноватые нити. — Кольдеры и водоросли. При чем здесь они?

— Кольдерские корабли ходят под водой, — сказала Джелита. — Как же лучше они могли защитить себя и свой путь, как не посеяв беду на том пути, по которому их должны будут преследовать враги?

Капитан повернулся к Джокулу:

— Куда ведет заброшенный путь?

— Не туда, куда нам хотелось бы приплыть, — быстро ответил моряк. — Несколько пустынных островов — там нет ни людей, ни воды, ни пищи. Даже морские птицы встречаются там редко.

— Пустынные острова? И на вашей карте их нет, капитан?

Он снова провел рукой по карте:

— Их нет, миледи. Но если это на самом деле заброшенный путь, то мы не сможем идти дальше. Ибо эти водоросли

сначала образуют отдельные островки, потом целые полосы, а дальше уже они собираются в такую плотную массу, что судну сквозь нее не пробиться. Раньше так не было — водоросли не были такими плотными и опасности в себе не таили. Теперь они даже по виду напоминают кровь и наводят на мысль о смерти!

— Откуда же стало известно про эти острова, если никто не может проникнуть за водоросли?

— Сначала об опасности и не подозревали, а однажды из этих водорослей выплыл корабль с умирающей командой на борту. И те, кто пытался помочь им, тоже погибли. Вот так мы и узнали обо всем, леди. Если кольдеры и в самом деле устроили себе такие заграждения, то мы не сможем с ними справиться, если что-нибудь не придумаем.

Плавучие водоросли... Джелите приходилось верить морякам на слово, что они опасны. Ведь сулькарцы отлично знали свое дело. Джелита стиснула голову руками, она больше не видела волн, не замечала водорослей. Саймон! Саймон на базе кольдеров, за этими водорослями, он вызывает ее...

— *Саймон*, — взволнованно ответила она. — *Между нами — опасность.*

— *Остановись! Не рискуй!*

Между ними внезапно возникла преграда... Глухая стена, сквозь которую она не могла пробиться, несмотря на отчаянные усилия... Занавес; знают ли кольдеры об их контакте или это обычная предосторожность?

— *Саймон!*

Джелита мысленно выкрикнула его имя и, открыв глаза, удивилась, что никто на палубе ее не услышал.

— То, что мы ищем, находится за этими водорослями, — сказала она, мрачно указывая на горизонт. — И, возможно, они уже знают, что мы идем по следу...

— Капитан, водоросли!

Это крикнул не Джокул, а марсовый, не спускавший глаз с моря.

На волнах уже качалось с десятков-другой красных нитей. Они медленно ползли к кораблю, словно намереваясь охватить его кольцом. Стимер закричал, приказывая дать задний ход. Джелита бросилась к большой клетке, стоящей на палубе. Белый сокол приветствовал ее радостным клекотом. Она подста-

вила ему руку, и птица тяжело вылетела из клетки. Джелита постаралась унять колотившую ее дрожь и осторожно нащупала на ноге птицы крохотный стерженек, в который был вмонтирован запоминающий аппарат — последнее изобретение сокольников, их великая гордость и тайна. Птица без труда могла нести на себе это устройство во время дальних перелетов, а оно регистрировало курс пути, совершаемого соколом. Джелита затаила дыхание, нажала ногтем большого пальца едва заметный выступ на стерженьке, кодируя сообщение о кровавых водорослях — сокольников потом расшифруют ее сообщение.

Необходимо было предупредить флот о грозящей ему опасности. Сделав это, Джелита поднесла птицу к борту, все время тихонько с ней разговаривая. Она не знала секретов ремесла — сокольничьи скрывали их даже от своих союзников — и потому не могла бы сказать уверенно, что птица понимает слова... Ведь неизвестно было, на самом ли деле эти птицы так разумны или же просто отлично выдрессированы... Но, во всяком случае, это был единственный шанс сообщить об опасности.

— Лети вперед, лети быстро, крылатый! — Она провела пальцами по голове птицы. — Твой час настал!

Сокол с криком взмыл в поднебесье, сделал круг над кораблем и помчался, как стрела, к давно исчезнувшей из вида земле. Джелита снова бросила взгляд на море. Водоросли подбирались все ближе к кораблю и угрожающе смыкались кольцом. Без сомнения, в этом было что-то неестественное. Сами по себе водоросли не могли так себя вести, в этом Джелита была совершенно уверена! О, если бы только у нее был при себе ее волшебный камень! С помощью этого магического кристалла иногда удавалось совершать многие даже недоступные простому воображению вещи. Но у нее не было камня, а то, чем она собиралась воспользоваться, — совсем иная сила, нежели та, к которой она привыкла, и вряд ли ей сейчас поможет. Джелита судорожно зашептала слова самого простого заклинания, которому ее учили в раннем детстве:

— Воздух и суша, вода и огонь...

Огонь — антипод воды. Огонь сушит воду, и вода гасит огонь. Огонь... будто слово билось в ее мозгу, ища выхода на свободу. И Джелита ощутила знакомую пульсацию, как в прежние времена, знака, которого с нетерпением ждет каждая волшебница... Огонь!

— Капитан! — она повернулась к Стимеру. — Морское масло... есть у вас на корабле морское масло?

Выражение его лица изменилось, словно он увидел перед собой сумасшедшую. Но она не обратила на это внимания.

— Водоросли... Они будут гореть!

— Гореть? На воде? — Протесты замерли у него на губах, словно его поразила какая-то мысль. — Морское масло — огонь! — Мозг его работал быстро, как у всех, кто привык принимать мгновенные решения. — Нет, леди, я не знаю, будут ли они гореть, но можно попробовать! Алавин, Джокул, тащите сюда кожаные мешки, три мешка с маслом!

На палубу вынесли три мешка с густым маслом, отжатым из глубоководных растений, — им пользовались, чтобы влиять на волны во время штормов. Капитан собственноручно сделал надрезы на мешках, их спустили за борт, и за быстрым судном сразу же потянулся масляный след.

Масляное пятно становилось все больше по мере того, как распоротые мешки подпрыгивали и раскачивались на волнах. Капитан сделал знак одному из матросов, тот выступил вперед. В руках у него был самострел, заряженный самовоспламеняющимися шариками, — таким оружием пользовались, когда хотели поджечь паруса вражеских кораблей.

Все с нетерпением смотрели на водоросли. Горящее масло быстро приближалось к полосе, и вдруг вспыхнул яркий, слепящий белый огонь, который стал жадно пожирать водоросли. Стрелок продолжал выпускать один за другим свои шарики, масло загоралось и ползло к живым нитям. Поднялся удушливый черный дым, и ветер нес его прямо на стоявших на палубе людей, вызывая кашель. Пламя вздымалось все выше и выше. Стимер засмеялся:

— Горят! Водоросли горят!

Но будут ли гореть и остальные водоросли или же только те, которые пропитаны маслом? Ведь если сгорит только часть, они лишь выиграют время, и не больше того!

Если бы только у нее был волшебный камень, Джелита терзалась своим бессилием... Губы ее беззвучно шевелились, пальцы двигались, словно ощупывая камень, который она так привыкла держать в руках с ранних лет. Она начала тихонько напевать слова заклинания.

Никто из волшебниц не знал тайны, связанной с действием волшебных камней. Если когда-то их секрет и был известен людям, то он давно утрачен и затерялся в сумраке веков. Они лишь умеют шлифовать эти камни, умеют настраивать их и приводить в соответствие с личностью той, которая должна была носить его всю свою жизнь, но на том все и заканчивалось. С ранних лет волшебниц обучали тому, как пользоваться камнем, но никто не смог бы объяснить, как и почему он действует...

Сами по себе слова старинного заклинания сейчас ничего не значили. Джелита знала только одно: эти слова помогут ей сконцентрировать всю энергию, направить ее в одну точку, заставить ее изливаться из Джелиты туда, куда она направит поток. И хотя в ладонях у нее не было волшебного камня, происходило то, что должно было произойти. Джелита не видела ни капитана, ни его команду, потеряла всякое ощущение пространства и времени. Вся воля и энергия, собранная в теле, все то, что было заключено в ней все эти долгие дни с тех пор, как она отдала свой волшебный камень, — все это было сейчас обращено к огню, словно в руках она держала копье, острие которого нацелено на языки пламени, что пожирала водоросли. А оно поднималось все выше и выше, потом концы языков изогнулись и потянулись прочь от корабля, в самую гущу водорослей. Все дальше и глубже вонзались огненные мечи в плотную массу. Заклинание Джелиты превратилось в монотонное бормотание. Капитан и его команда стояли у борта, изумленно вглядываясь в бушующий посреди волн пожар.

Раздался резкий звон, потом сильный грохот. Джелита окаменела, голос ее дрогнул, но только на миг. Это гибли устройства кольдеров! Там, в самой гуще водорослей, Джелита ясно ощущала пустоту, связанную для волшебниц с присутствием кольдеров. И, быть может, подводные корабли отправляются на бой? Но огонь по-прежнему был покорен ей. Взрывы становились все сильнее. Казалось, пламенем охвачен весь горизонт. Нестерпимый жар достигал стоявших на палубе людей: они задыхались и кашляли от удушья. Джелита по-прежнему пела заклинания, отдав этому всю себя, и они погибли, только пепел качался теперь на волнах. Безумная радость охватила Джелиту, ощущение безмерного торжества захлестнуло ее.

На воде больше не было красных нитей — пламя сожрало их дотла. И теперь оно стремительно двигалось к дальней полосе водорослей, маячившей на горизонте.

День сменился вечером, но по-прежнему огненное зарево польхало в небе. Джелита обессиленно повисла на поручнях, она хрипела. Стимер поддерживал ее, чтобы она не упала, и приказал принести чашу вина. Корабельным вином оказалась кислая и слабая жидкость, но она живительной влагой струилась по губам Джелиты, освежала саднящее горло. Она пила и пила, пока не почувствовала, что силы возвращаются к ней.

— Я думаю, пламя уничтожит водоросли окончательно, — шепотом сказала она, улыбаясь капитану.

— Это было великое колдовство, Владычица.

В голосе сулькарца чувствовалось то глубокое уважение, которым отдавали дань победителям в великих войнах.

— Вы даже не представляете, капитан, каким оно было великим. Масло и шарики вызвали его к жизни, но форму оно обрело только благодаря моей воле... И... — она высоко подняла руки и удивленно посмотрела на них. — У меня ведь даже не было камня. Его не было! — Она оторвалась от поручня и неверными шагами пошла вперед, словно встав с постели после тяжелой болезни.

Джелита почти висела у капитана на руках, он помог ей добраться до каюты и улечься на койку. Она вся дрожала от чудовищного напряжения и усталости. Никогда еще, с самых первых дней обучения, она не ощущала ничего подобного. Но прежде чем погрузиться в забытье, она схватила Стимера за руку:

— Теперь мы плывем вперед?

Он внимательно посмотрел на нее.

— Быть может, это только первая ловушка на пути к их логову. Но после того, что я видел... Да, леди, мы плывем вперед!

— Если будет нужно, разбудите меня...

На губах его появилась улыбка.

— Будьте уверены, ни один мужчина не станет колебаться, если у него под рукой есть такое могучее оружие. К тому же у нас припасено еще несколько мешков с маслом.

Он вышел, и она опустила голову на подушку со вздохом облегчения. Она сейчас была не в силах анализировать то, что

произошло. До сих пор она думала, что та новая Сила, которая возникла в ней, — это только связь с Саймоном. А оказалась чем-то неизмеримо большим. Но она разберется во всем позже... Джелита сладко потянулась, расправила затекшие члены и уснула с улыбкой на губах.

Глава 15

МАГИЯ И МАГИЯ

Саймон стоял у выходящего на морской берег окна своей комнаты-камеры. На горизонте больше не было ночи — там висела сплошная стена огня, она достигала неба, словно само море и все, в нем живущее, питало этот огонь! Каждой своей жилкой Саймон жаждал действия. Он знал, что за этой стеной огня, где-то там, — Джелита. Но между ними не было контакта. Последнее из того, что он услышал, — это ее призыв, словно крик о помощи. Видимо, какой-то новый трюк кольдеров. Ни одно деревянное судно не рискнет пробиться сквозь эту огненную стену.

Однако внизу, среди утесов началась какая-то суматоха: видимо те, кто служил кольдерам, собрались на берегу и наблюдали за стеной пламени. Саймон был уверен, что среди них находился по меньшей мере один настоящий кольдер, — он заметил серый костюм, шлем на голове, белое пятно лица. Было похоже, что происходящее на море настолько важно, что хозяин решил сам удостовериться, не полагаясь на донесения слуг.

Откуда-то выползли на берег вездеходы, теперь они были с зажженными фарами, освещавшими дорогу среди скал. Саймон был уверен, что где-то далеко, за скалами, виден яркий свет, происхождение которого было ему непонятно.

Кольдеры явно торопились. Но ведь еще не прибыла армада Эсткарпа. К тому же, этот странный пожар на море задержит любые корабли. Но тогда в чем же дело? С тех пор, как Саймон очутился в этой комнате, никто к нему не приходил. Оставалось только наблюдать через окно и ждать. Вся эта суета и возня кольдеров наводили на мысль о том, что они заняты чем-то очень для них важным. Быть может, они возятся со своими Воротами в пространстве и времени? Может быть, они

собираются возвратиться в свой мир? Нет, вряд ли, они ведь стремятся к власти в этом мире. Значит, скорее всего, сейчас заняты переброской своего оружия или подвозом новобранцев, ведь их так мало, самих кольдеров. И, скорее всего, они заняты именно этим, так как вряд ли могут вернуться в свой мир, который их изгнал когда-то.

Саймон прислонился головой к прохладной стене и попытался сосредоточиться, чтобы вызвать Джелиту. Но он ощутил только непроницаемую стену защиты кольдеров.

Лоиса! А где сейчас находится Лоиса? С тех пор, как они прибыли, он не видел девушку и не знал, где она. Саймон сосредоточился на мысли о Лоисе... и позвал ее:

— *Я здесь...* — ответ был тихим и слабым.

Саймон отчаянно напрягся, испытывая почти физическую боль.

— *Где ты находишься?*

— *Комната... скалы...* — слабо донеслось до него.

— *Джелита?* — с надеждой спросил он.

— *Она приближается!* — на этот раз ответ был твердый, уверенный.

Саймон был поражен. Откуда же Лоиса может знать это, да еще утверждать с такой уверенностью? Он снова попытался связаться с Джелитой, но барьер не исчез.

— *Откуда ты знаешь?* — резко спросил он Лоису.

— *Альдис знает...*

— *Альдис!* — Саймон больше не сомневался, что кольдеры устроили ловушку для Джелиты.

— *Да,* — подтвердила Лоиса.

— *Каким же образом?*

— *Ты... я...* — ответ едва донесся до него, и сколько он ни бился, контакт с Лоисой был потерян.

Саймон отошел от окна и в который раз оглядел комнату. Он прекрасно знал, что выхода отсюда нет, но он должен что-то непременно предпринять, иначе сойдет с ума! Должен же быть какой-то выход. Можно же как-то помешать кольдерам!

Саймон напряг память и постарался припомнить убранство того зала в Сиппаре, где он нашел мертвого кольдера в шлеме, соединявшемся проводами с многочисленными машинами. Саймон уже тогда понял, что кольдеры управляют машинами силой своей мысли. В этом мнении его утвердил лифт в Сип-

паре — сначала им страшилось пользоваться, а потом поняли, что лифт повинуется мысленным приказам. Стоит только подумать о нужном этаже, и лифт туда доставит.

Итак, кольдеры действуют силой своей мысли, заставляя работать механизмы.

Сила волшебниц Эсткарпа — это тоже сила мысли, но только те оказывают прямое воздействие на стихии без тех посредников-механизмов, которыми пользуются колдеры. А это значит, что Сила волшебниц вполне может оказаться более могучей, чем сила кольдеров!

Саймон сжал кулаки. Он не мог идти на врага с голыми руками, у него не было никакого оружия... кроме собственного разума. Но он никогда еще не пытался сражаться силой мысли. Владычицы соглашались с Джелитой, что он обладает Даром, никогда не проявлявшемся ни у одного мужчины в этом мире. Но этот Дар был всего лишь бледной тенью могучего Дара волшебниц, которые, к тому же, специально обучались пользованию им. А он никогда этому не учился, не тренировал своих способностей...

Саймон перевел взгляд со своих рук на запертые дверцы столиков и стоящих по стенам шкафов. Он непременно должен сделать что-нибудь, пусть даже разум его не выдержит такого напряжения. Он должен, должен!

И он напряг всю свою волю, желание вырваться из темницы стало таким сильным, что затопило остальные чувства. Он пожелал, чтобы дверь перед ним открылась. Саймон представил себе в мельчайших подробностях замок, каким он был в его родном мире, потом стал подробно представлять процесс открывания замка. Вполне возможно, этот чужой механизм сильно отличается от того, к которому он привык, и все его усилия окажутся тщетными. Но Саймон не сдавался, он разжигал в себе желание открыть замок, и это желание было таким жгучим, что силы покинули его. Он едва добрал до койки и рухнул на нее. Но все время не отводил взгляда от дверцы одного из шкафов. Замок должен покориться его воле!

Саймон весь дрожал от отчаянных усилий, когда дверца шкафа распахнулась, и показалось содержимое. С минуту он неподвижно сидел на койке, сам себе не веря. Но это не было галлюцинацией, не было обманом — у него получилось!

Саймон подошел к шкафу и опустился на колени. То, что лежало внутри, не давало никаких средств к побегу: груды корбочек, внутри которых находились узкие металлические полоски, свернутые в тугие спирали, на них были выдавлены какие-то знаки. Саймон решил, что это своего рода записи. Но сейчас его интересовало только устройство замка. Он лег на пол и наполовину ошупью, наполовину зрительно несколько минут изучал механизм. Затем встал, подошел к другому шкафу. Открыть его теперь было делом нескольких минут. Внутри Саймон нашел то, что могло послужить ему пропуском внутри здания: прозрачные мешки с одеждой кольдеров. К сожалению, тот, кому эта одежда принадлежала, был не таким крупным, как Саймон, но выбирать не приходилось.

Брюки были чуть ниже колен, а пиджак трещал на плечах Саймона. Но, в конце концов, сойдет и так. Теперь замок на двери. Если только он действует по тому же принципу, что и замки шкафов...

Саймон представил себе замок в мельчайших подробностях. Отопрись!

Отопрись!

Раздался шелчок, но дверь не отошла в сторону, как дверцы шкафов, и поэтому Саймону пришлось толкнуть ее рукой. Он выглянул в коридор с некоторой опаской, потому что помнил, что в Сиппаре, когда кто-то шел по коридору, откуда-то сверху голос предупреждал, что замечено какое-то движение. Здесь могла быть такая же система, и поэтому приходилось рисковать. Он двинулся по коридору, внимательно прислушиваясь.

Если он воспользуется лифтом, то сможет попасть вниз, но как раз там сейчас полно людей. Ему же необходимо получить свободу действий. Лоиса! Саймон нахмурился. Лоиса и Альдис... ловушка для Джелиты. Где же может быть в этом сооружении девушка? Он не осмеливался снова вступать в контакт.

В этом коридоре еще четыре двери: кольдеры, возможно, помещают пленных поближе друг к другу. Что Лоиса сказала: «Комната и скалы...»? Очень может быть, что окна ее комнаты выходят на скалы. Те комнаты, двери которых находились слева от него, как раз и должны выходить на скалы.

Саймон толкнул дверь первой комнаты, она сразу же поддалась под его рукой. Он быстро отошел к соседней двери — эта дверь была заперта. Правда, Лоиса не обязательно должна

была оказаться за этой дверью, но придется рискнуть. Саймон сосредоточился на замке. Теперь все было гораздо легче, раз он уже представлял механизм замка.

Он ощутил уверенность в себе, внутри этой крепости кольдеров он больше не пленник. Правда, оставалось то оцепенение, которым они сковали его тело. Сможет ли он при необходимости так же успешно справиться с ним — Саймон этого не знал и не стремился проверить.

Дверь открылась со второй попытки. Саймон осторожно отодвинул ее и заглянул в комнату. Лоиса стояла спиной к нему, облокотившись на подоконник, и смотрела в ночь. Она казалась такой маленькой и беззащитной.

Как показалось Саймону, она была одна, но твердой уверенности в этом не было. И тогда он снова прибегнул к своей новой способности: пожелал, чтобы она повернулась. Она чуть слышно вскрикнула, увидев его, потом отшатнулась и закрыла лицо руками. Саймон понял, что она приняла его за одного из кольдеров.

— Лоиса... — произнес он шепотом и стащил с головы плотно прилегавший кольдерский шлем.

Ее билась дрожь, но, услышав его шепот, девушка опустила руки и уставилась на него. Страх на ее лице сменился удивлением. Оторвавшись от стены, она кинулась к нему, вцепилась пальцами в этот серый костюм; глаза ее были широко открыты, губы побелели, она едва сдерживала крик.

— Пошли! — Саймон крепко обхватил ее за плечи и вывел в коридор. Понадобилось одно мгновение, чтобы закрыть дверь, и они двинулись в путь.

Но все, что Саймону было известно, — это два коридора. Тот, в котором они сейчас находились, и другой, ведущий в комнату, где Саймон разговаривал с кольдером. На нижних этажах наверняка полно этих крыс, занятых разгрузкой припасов и высадкой людей. Этот кольдерский наряд не выдержит внимательного взгляда. Но ведь эти рабы внизу — одержимые, они не станут к нему присматриваться. Когда они высаживались с подводной лодки, никто даже глазом не повел в их сторону! Может быть, и сейчас его появлению вместе с Лоисой они не придадут значения.

— Альдис, — Лоиса вцепилась в его руку.

— Что с ней? — они уже были в лифте, который мог доставить их напрямик в руки врага.

— Она узнает, что я ушла!

— Каким образом?

Лоиса покачала головой.

— Колдовской талисман. Он как-то узнает о каждом моем шаге. Поэтому она и узнала о моем контакте с Джелитой — она была рядом и прочитала мои мысли!

Саймон не мог оспаривать заявления Лоисы, особенно учитывая собственный опыт. Но он не представлял себе, куда направить лифт. Разве только в одно-единственное место — правда, приходилось отчаянно рисковать. Но ведь если Лоиса права, и охота за ними вот-вот начнется, то лучшего поля сражения все равно не придумаешь.

Саймон подтолкнул девушку вперед. Он представил себе коридор, ведущий к комнате, где был кольдерский офицер, и дверца лифта закрылась за ними.

— Ты не ощущаешь Джелиту? Не знаешь, где она сейчас находится? — обратился он к Лоисе.

— Нет, не знаю, — покачала она головой. — Им нужна Джелита... волшебница. Когда они почувствовали, что она следует за нами, они весьма заволновались. Им не было страшно, что она плывет на корабле. А потом что-то случилось с их системой защиты, и они составили новый план. Альдис была очень довольна. Она сказала, что все работает на них. Но только я не понимаю, отчего они так беспокоятся... Ведь Джелита больше не волшебница.

— Не такая, как прежде, — сказал Саймон. — И все же она могла бы вступить с нами в контакт только при наличии у нее старого волшебства. Есть магия и магия, Лоиса.

Но сможет ли его магия и магия Джелиты противостоять мощи Кольдера?

Слабый шелест, и дверь отворилась. Перед ними был коридор. Они сделали всего несколько шагов вперед, когда знакомое оцепенение охватило обоих. И теперь, уже совершенно беспомощные, они продолжали свой путь в зал, где сидели офицеры, похожие на живых кукол.

«Беспомощные?» — спросил себя Саймон. Если бы не его опыт с дверями, дерзкая мысль не пришла бы в голову. Он был

во власти Кольдера, но почему бы не попробовать разорвать и эти путы, как он прежде открывал двери?

Дверь была открыта: шагая рядом с Лоисой, Саймон очутился в комнате, где их ждали двое кольдеров. Один из них — тот офицер, с которым Саймон уже разговаривал, а другой — с металлическим шлемом на голове — сидел, откинув голову на высокую спинку стула. Его глаза были закрыты, и по всему было видно, что он полностью поглощен своими мыслями и совершенно отрешился от происходящего в зале. Здесь находились еще двое одержимых с оружием в руках; в стороне стояла Альдис, она была взволнована — глаза сверкали и губы приоткрылись.

Первым заговорил офицер:

— Похоже, что от вас можно ждать большего, чем кажется, Хранитель Границ. Вы обладаете некоторыми неожиданными для нас способностями. Может, это и хуже для вас. Но сейчас вам придется помочь нам, ибо, оказывается, ваша супруга-волшебница не предоставила вас своей судьбе, а поспешила на помощь, как и подобает преданной жене. А Джелита из Эсткарпа для нас очень важна — настолько важна, что мы не можем позволить себе хоть что-то упустить в наших планах относительно нее. Итак, приступим к выполнению плана.

Тело Саймона подчинилось чужой воле. Он повернулся к двери, оба стража встали по бокам от него. Сзади шли Альдис и, как понял Саймон, один из кольдеров. Человек в металлическом шлеме остался в зале.

Они подошли к лифту и стали спускаться вниз. Но Саймон все это время осторожно испытывал свою волю, свою силу. И к тому времени, когда они спустились до уровня моря, он уже готов был действовать, почти уверенный в успехе.

Набережная была пуста. Четыре подводные лодки неподвижно стояли у причалов. Все люди куда-то исчезли. Но те, кто сопровождал Саймона, повели его с Лоисой к проему в скале, где были вырублены ступени. Они стали взбираться, пока в лицо не пахнул свежий морской ветер.

Саймон шел впереди, за ним — Лоиса и Альдис, замыкал шествие кольдерский офицер. Огонь, красной полоской пылавший на горизонте, погас, хотя вдали еще поднимался к звездам дым. Они стояли на пустынном берегу, усеянном камнями. По-видимому, это и была цель их путешествия. Сай-

мон и Лоиса переглянулись, охранников рядом не было, но Саймон ощущал их присутствие.

— Ну а теперь, — резко приказал кольдер Альдис, — принимайтесь за девчонку!

Саймон услышал, как Лоиса вскрикнула от страха и боли, и сразу же услышал прозвучавший в его мозгу приказ. Но в этот момент он уже нанес свой удар. И удар был направлен не на то, чтобы обрести физическую свободу, возможность распоряжаться своим телом, нет. Саймон нацелил все свои силы, всю свою мысленную энергию, которую копил с той минуты, как они вышли из зала, на того кольдера в металлическом шлеме, который оставался в зале... Ибо, если его догадка была правильной, именно там был жизненный центр. Он, как и ожидал, ощутил сопротивление, но удар, нанесенный Саймоном, был таким неожиданным, что ответная реакция запоздала... Саймон успел проскочить барьер. Он еще раз напряг все силы. Ответная же атака Кольдера уже не достигла цели. Неожиданно оковы рухнул. Саймон стоял в ожидании, не меняя неловкой позы...

Глава 16

ВОРОТА КОЛЬДЕРОВ

Лодка двигалась почти бесшумно, разрезая волны носом, вода с тихим плеском скатывалась с весел. Саймон уже видел, что в лодке — трое, и одной из них была Джелита.

Рядом с ним зашевелилась Лоиса, она неловко шагнула вперед, словно механическая кукла, и приготовилась приветствовать прибывших. Саймон отлично понимал, что здесь подготовлена ловушка для Джелиты.

— Суль! — он издал в полный голос боевой клич, который так часто раздавался в битвах, и бросился на стоявшего рядом с ним кольдера.

Чужеземец свалился со сдавленным криком, и тут же Саймон получил возможность убедиться — если кольдеры и прибегают к помощи машин в сражениях, то когда нужно спасти собственную шкуру, они неплохо сражаются и голыми руками. Неожиданное нападение Саймона давало небольшое преимущество, которое он постарался использовать в полной мере.

Он не знал, что происходит на берегу, все внимание было поглощено борьбой с кольдером... Наконец тело кольдера обмякло, Саймон еще держал его пару минут за горло, боясь, что враг очнется.

— Саймон!

В ушах шумело от страшного напряжения, но все же он услышал этот голос.

— Я здесь! — крикнул он, повернувшись в ту сторону, откуда послышался зов.

Джелита шла к нему по камням, позади нее двигались остальные. Она подошла к нему и положила руки на плечи. Саймон сразу же ощутил, что никогда не будет между ними большей близости, чем в этот миг.

— Он мертв, — сказала Джелита, и Саймон тут же поднялся с колен, отпустив бездыханное тело. Он схватил ее в объятия и стиснул изо всех сил, словно пытаясь убедиться, что это не сон. А она рассмеялась таким счастливым смехом, как смеялась раньше.

— У меня есть господин, великий воин! — она сказала это тихим шепотом, чтобы никто, кроме них, этого не услышал.

— А у меня есть госпожа, волшебница, и Сила ее немалая! — он вложил в эти слова всю гордость, которая переполняла его.

— Ну, а теперь, отдав друг другу должное, — сказала она весело, — вернемся к действительности. Что это такое? На самом деле база кольдеров, Саймон?

— Сколько с тобой людей? — Саймон не стал отвечать на вопрос, а сразу перешел к делу.

— Армии нет, Хранитель Границ, лишь два сулькарца, которые должны были доставить меня на берег, да и тех я обещала отослать обратно на корабль.

— Двое! — Саймон был поражен. — А команда корабля...

— На них мы не можем положиться, пока не придет флот. Что нужно сделать здесь сейчас? — Она спросила это таким тоном, словно командовала целым отрядом.

— Совсем немного. Здесь всего-навсего крепость кольдеров и их Ворота... проход в другой мир...

— Леди! — это был негромкий, но тревожный крик с берега.

И прежде чем они успели откликнуться, на берегу вспыхнул ослепительный свет. Слобно кнут, он хлестал по воде и берегу,

и там, куда он падал, вода начинала кипеть, от нее поднимался пар, а камни на берегу дымились.

— Назад! — Саймон схватил Джелиту за руку и потащил под защиту скал. Найдя расщелину, он подтолкнул волшебницу так, что она упала на колени, и коротко приказал: — Оставайся тут!

Саймон помчался на берег.

Лодка по-прежнему стояла на песке, около нее лежал мертвый кольдер.

— Быстро в укрытие! — крикнул Саймон на берегу. — Где Лоиса?

— Я здесь, Саймон, — ответила она откуда-то из тьмы. — Что это такое?

— Кольдерская дьявольщина! Скорее!

Он схватил Лоису и потащил за собой. Сулькарцы, отчаянно ругаясь, побежали следом.

Когда они добрались до расщелины, где, скорчившись, сидела Джелита, Саймон обнаружил, что их шестеро: сулькарцы притащили с собой еще кого-то. Все, как по команде, повернулись к берегу. Луч света метался по узкой прибрежной полосе, словно зловещее оружие, нацеливаясь на малейшие предметы, чтобы ничего живого не осталось на берегу. Легкий челнок, на котором приплыла Джелита, пылал, словно облитый маслом. Саймон снова услышал, как стоявшие рядом с ним сулькарцы изрыгают проклятия... И почти сразу же Джелита сказала ему на ухо:

— Они уже идут...

Он и сам почувствовал приближение врага. Нужно было как можно быстрее уходить отсюда, но как сориентироваться в этом нагромождении камней и скал? Пока что нужно немедленно отойти от крепости кольдеров. Саймон так и сказал всем.

— Ясно! — откликнулся один из сулькарцев. — Куда идти, Саймон Трегарт?

Саймон распахнул кольдерский мундир, снял с себя пояс и протянул один конец сулькарцу.

— Надо связать наши пояса и держаться за них, чтобы не потеряться в темноте... Какое у вас при себе оружие?

— Самострелы и кортики — мы ведь простые моряки, лорд.

Саймон едва не рассмеялся: холодное оружие против тех аппаратов, которыми владеют кольдеры! Разве только неровная местность да темнота помогут беглецам.

Они двинулись вперед: Желита в паре с ним, Лоиса с одним из сулькарцев, а второй вел с собой молчавшую Альдис — это ее они притащили в укрытие. Желита настояла, чтобы они взяли Альдис с собой, считая, что та будет им полезна.

Они не могли двигаться быстро, но, к тому времени, когда на берегу замелькали огни, означавшие, что их ищут, беглецы были уже довольно далеко от своего первоначального укрытия. Саймон все время старался держаться в тени скал, и вскоре выяснилось, что эта предосторожность не была излишней: прямо над их головами с двух сторон загорелись ослепительные лучи беспощадного света.

Они бросились ничком на землю под защиту нависавшей скалы, и только это укрытие спасло их от участи быть заживо сожженными. Луч висел над ними довольно долго, но когда он наконец погас, Саймон еще долго не подавал знака продолжать путь. Только убедившись, что кольдеры, очевидно, считают их сгоревшими, Саймон решил, что можно идти дальше. Но двигаться можно было только в одном направлении — в сторону той дюны, за которой скрылась машина, замеченная Саймоном из окна комнаты. Видимо, там лежало нечто такое, на что кольдеры не решатся обрушить свой смертоносный луч. Если они направятся туда, будет хоть какой-то шанс на спасение.

Саймон сказал об этом своим спутникам.

— Эти Ворота... Думаешь, они именно там? — спросила Желита.

— Это только догадка, но мне она кажется правильной. Либо они готовятся проникнуть за эти Ворота, либо уже проникли. Им почему-то необходимо связаться со своим прежним миром.

— Именно там мы натолкнемся на большинство воинов, — сказал один из сулькарцев.

— У нас нет выбора: или идти туда, или снова попасть в крепость. И, говоря по чести, я предпочитаю находиться под открытым небом, чем в этой кольдерской норе.

Сулькарец согласился.

— Лучше быть на открытом воздухе, — сказал он. — Что ж, Инглин готов поразмяться, порубить саблей.

— А сабля Сигрода всегда наготове, — добавил второй. — Эту женщину мы возьмем с собой?

— Да, — ответила Джелита. — Она еще будет нам полезна. Пока не знаю, как именно, но точно будет.

Саймон был готов довериться интуиции жены, но его беспокоила мысль о талисмане в руках Альдис.

— Может быть, забрать у нее талисман кольдеров?.. — начал он.

— Нет, — возразила Джелита. — Каким-то образом он послужит ключом, чтобы открыть перед нами двери. Не думаю, что он может сыграть свою роль, если будет в руках кого-то другого. Если она пустит его в ход, я сразу узнаю! Тотчас же!

Саймон не стал больше спорить, полностью доверяя жене.

И снова побрели они вперед гуськом, держась друг за друга, не пренебрегая малейшим укрытием. Саймон шел впереди, осторожно ощупывая ногой камни и песок. Двигались они мучительно медленно. По временам отдыхали, и тогда особенно начинали болеть спины, синяки и ссадины. Рассвет застал их совсем обессиленными, измученными и грязными. И вместе с рассветом пришли звуки...

Распластавшись на скалистом склоне, они наблюдали за тем, как внизу полз вездеход. Его фары ярко освещали все вокруг. Саймон облегченно вздохнул. Больше всего он боялся, что они все время шли не в том направлении, заблудившись среди скал. Теперь же он убедился, что они уже должны быть совсем близко от цели.

Машина возвращалась в крепость разгруженной. Припасы, вода и пища — в этом пустынном месте все находилось в руках кольдеров. А жажда уже терзала и Саймона, и его спутников. Их всего пятеро и одна пленница, а против них — вся кольдерская мощь. Может быть, проще всего было ринуться в крепость?

— Проще, но не лучше! — произнесла Джелита, и он вздрогнул, только сейчас отдавая себе отчет, что эти слова произнес не он сам.

Он бросил взгляд на жену: на ней все еще была кольчуга, в которой он видел ее в последний раз, шарф, собранный из металлических колечек, наполовину прикрывал лицо, но глаза ее твердо встретили его взгляд.

— Нет, я не прочитала твои мысли, — снова ответила она на невысказанный вопрос. — Просто мы одновременно думаем об одном и том же. Ведь сейчас речь идет не только о нашей безопасности. Речь идет о гораздо большем!

— Ворота!

— Ворота, — подтвердила она. — Ты ведь считаешь, что кольдеры должны получить из своего мира помощь в том, что они замыслили против нас. Теперь я тоже в это верю. И, значит, мы не должны допустить этого.

— Все зависит от устройства Ворот в их мире...

Те Ворота, которые открыли путь Саймону в этот мир, были очень просты. Грубый камень, покоившийся между двумя колоннами из того же грубо обтесанного материала... Нужно было сесть на этот камень — там были углубления для ног и кистей рук, так что положение строго фиксировалось. Саймон так тогда и сделал и стал дожидаться рассвета, а на рассвете Ворота открылись перед ним. Хранитель этих Ворот в долгие ночные часы, которые Саймон провел в ожидании рассвета, рассказывал ему старинные легенды. В них говорилось, что камень этот лежит со времен короля Артура, что он волшебный и читает в душах людей. А потом переносит каждого, кто сядет на него, в тот мир, который этому человеку более всего подходит.

Но Ворота кольдеров, несомненно, не были похожи на этот камень. И какими бы они ни были, Саймон совершенно не представлял себе, как они впятером сумеют их закрыть. Но Джелита совершенно права — сделать это необходимо. Один из моряков взял на себя охрану, а остальные прилегли прямо на камнях, чтобы немного отдохнуть. Только Альдис сидела, уставившись в пространство невидящим взглядом и вцепившись связанными руками в талисман кольдеров на груди.

Она была на редкость красивой женщиной, но прямо у них на глазах начала стариться: щеки провалились, глаза глубоко запали в глазницы. Спутанные золотистые волосы казались теперь такими неуместными, словно девичий парик на голове старухи. За все время путешествия она даже ни разу не посмотрела на своих спутников, производя впечатление одержимой, но Саймон считал, что она просто ушла в себя и очнется, когда потребуется. А потому за ней приходилось все время наблюдать, а может быть, ее следовало даже бояться. Роль охран-

ницы Альдис взяла на себя Лоиса, и Саймон видел, что она находит большое удовольствие в обмене ролей со своей бывшей тюремщицей.

Саймон лежал, закрыв глаза, но уснуть не мог. Энергия, которую он так щедро изливал в крепости кольдеров, по-прежнему бурлила в нем; было такое чувство, словно разгадка всех тайн Кольдера где-то совсем близко, и он вот-вот нащупает ее. Он открыл глаза и встретил взгляд Желиты, которая полулежала рядом, прислонившись к скале. Она улыбнулась, и впервые за все это время он задумался над тем, как странна была их последняя встреча. Тот барьер, который, как он считал, возник между ними и становился все прочнее, словно рухнул и исчез навсегда. И теперь Саймон сомневался, существовал ли он вообще или это просто плод его воображения. Во всяком случае, ничего подобного больше не было.

Жена не дотронулась до него, но Саймона сразу же захлестнула волна тепла и такой нежности, каких он не знал всю свою жизнь. И, купаясь в этих сладостных волнах, он позволил себе расслабиться.

Послышалось легкое звяканье — Саймон сразу же вскочил на ноги и увидел Сигрода, который вернулся из разведки. Лицо моряка покраснело, по вискам ручьями тек пот, он задыхался от быстрого бега и подъема.

— Они вон там, справа, целый лагерь. И еще там стоит какая-то штука... — он нахмурился, пытаясь подобрать определение, чтобы описать поточнее то, что видел. — Там такие колонны... — он провел по воздуху черту указательным пальцем. — А между ними — перекладина. И все это сделано из металла зеленоватого цвета.

Лоиса зашевелилась. Наклонившись, она с силой отвела от груди Альдис ее сцепленные руки, открыв талисман кольдеров.

— Вот такая?

Сигрод наклонился вперед, внимательно рассматривая талисман.

— Да, такая, только очень большая. Через нее одновременно могут пройти четыре-пять человек.

— Или же один из их вездеходов? — спросил Саймон.

— Да, пройдет. Но только сооружение это стоит в совершенно пустынном месте, и там больше ничего нет.

— Словно этого места следует избегать, — прокомментировала Джелита. — Да, они имеют дело со странными силами. И опасными к тому же, если они решились открыть такой проход.

Саймон принял решение.

— Вы остаетесь здесь с Лоисой, — сказал он морякам. — Если мы не вернемся до конца дня, пробирайтесь к берегу; может быть, вам удастся каким-то образом добраться до судна и спастись...

Никто не стал с ним спорить, словно молча склонились перед его авторитетом. Джелита поднялась, улыбаясь ему, и дотронулась до плеча Альдис. И хотя никто не указывал ей направления, она молча поднялась и пошла к выходу из ущелья. Саймон обернулся и отсалютовал оставшимся, но слова его были обращены к Лоисе:

— Ты выполнила свою часть работы. Оставайся с миром, удачи тебе.

Та молча кивнула, в глазах ее были боль и протест, но она только произнесла:

— И тебе удачи...

И они ушли, не оглядываясь. Им предстояло подойти к лагерю кольдеров с юга, а это был неблизкий путь. Солнце уже припекало, наверняка скоро здесь все будет раскалено — еще раньше, чем они выберутся отсюда. Куда? Спрячутся около Ворот кольдеров или?..

Почему-то Саймон был уверен, что достичь Ворот — не единственная предстоящая им задача.

Глава 17

ВЗОРВАНЫЙ МИР

Солнце стояло высоко, и, как предвидел Саймон, стало так жарко, что даже легкая рубашка нестерпимым грузом давила на плечи. Вместо шлема он обмотал голову своим кольдерским мундиром на манер тюрбана, но все равно было очень жарко, когда они добрались до Ворот. Саймон долго их рассматривал, но, как и в тот далекий день, когда он впервые увидел старинное сооружение в саду у Петрониуса, позади Ворот он не заметил ничего, кроме той же скалистой пустыни, что была вокруг.

И эти Ворота, быть может, действовали лишь в определенное время суток? Он решил, что строительство Ворота завершено, так как возле них никого не было, хотя в лагере там и сям лежали люди, словно свалившись в изнеможении.

— Саймон!

Джелита и Альдис устроились под козырьком скалы, и это было единственное возможное укрытие от солнца. Альдис поднялась на ноги, глядя на своих спутников, а потом туда, где стояли в мерцающем воздухе Ворота. Руки ее сжимали талисман, лицо оживилось, на нем теперь было такое выражение, словно она видит перед собой долгожданную цель. Она двинулась вперед, сначала неторопливо, а затем все убыстряя шаг. Саймон хотел было остановить ее, но Джелита подняла руку в предупреждающем жесте. Альдис бежала под палящими лучами солнца, не обращая на них никакого внимания, ее изодранное платье волочилось по камням.

— Скорей! — крикнула Джелита, бросаясь за нею вслед, и Саймон побежал.

Они были ближе к Воротам, чем те, что в лагере, и враги заметили их не сразу, потому что некоторое время они укрывались позади застывших в неподвижности вездеходов и наваленных рядом с ними ящиков.

Альдис бежала к Воротам, и хотя на всем пути до этого места она постоянно спотыкалась и падала, сейчас от ее усталости не осталось и следа. Она бежала с невероятной, нечеловеческой скоростью впереди своих преследователей.

В лагере раздался крик, но Саймон не осмелился даже повернуть голову, ибо нужно было следить за Альдис, которая выбежала на ровное место и неслась как птица. Джелита не слишком от нее отставала, а Саймон бежал позади.

Джелита сделала отчаянный рывок и сумела ухватиться за подол платья Альдис. Материя затрещала, но Джелит не выпустила Альдис, которая изо всех сил рвалась к Воротам, волоча за собой волшебницу. Саймон подбежал к женщинам, тяжело дыша и задыхаясь от бега. Почти сразу же что-то просвистело над головами, их спас только очередной отчаянный рывок Альдис. Их начали обстреливать из лагеря, но Саймон сделал то единственное, что могло вывести их из поля огня, — всей своей тяжестью он навалился на борющихся женщин, рванулся, и все трое оказались на поперечине Ворота.

Их словно поглотила ночь после сияющего дня. Ощущение того, что он вторгается туда, где нет места ему подобным, охватило Саймона с такой силой, что эти несколько мгновений показались вечностью. А потом он провалился во мрак, и косяе струи дождя хлестали его тело.

Сверкнула молния, и раздался оглушительный раскат грома. Желита, лежавшая в его объятиях, всем телом прижалась к нему.

Дождь бил им прямо в лицо. Саймон задыхался и отплевывался, и стал упорно пробираться вперед, волоча за собой Желиту. Она что-то крикнула, но он не услышал за свистом ветра, и только при свете вспыхнувшей молнии увидел лежащую ничком Альдис. Вода хлестала ее неподвижное тело. Саймон наклонился и взвалил на плечи бесчувственную женщину: ее глаза были закрыты, голова беспомощно болталась.

Они находились в долине между двумя каменными стенами, и вода быстро заполняла эту впадину. Саймон добрался до стены и осмотрел ее, ища точку опоры. Подъем на нее оказался изнурительным, особенно из-за Альдис, но в конце концов они выбрались наверх и рухнули рядом на камни. Саймон лежал спиной к ветру, прикрыв голову рукой.

Когда он собрался с силами и сел, чтобы оглядеться, обе женщины даже не пошевелились. Небо было темным, дождь лил по-прежнему. Неподалеку Саймон увидел какую-то темную массу и решил, что там они найдут убежище от непогоды.

Он легонько встряхнул Желиту, но она едва нашла в себе силы открыть глаза, потом с трудом встала на четвереньки, и Саймону удалось поставить ее на ноги. Он довел ее до укрытия и пошел за Альдис.

Только вернувшись обратно, Саймон заметил, что укрылись они не под нависшей скалой и не в расщелине, а в развалинах какого-то здания. Стены комнаты, в которой они очутились, наполовину обвалились, в крыше зияли отверстия. Между плитками пола там и сям пробивалась трава — значит, развалинам было несколько веков. И, несмотря на свежесть гулявшего по развалинам ветра, здесь воняло тлением и гнилью.

На полу валялись камни, обломки чего-то непонятного, но Саймон решил осмотреть комнату. Спотыкаясь и едва не падая, он пошел в дальний угол, где стены обрушились сильнее всего, и почти сразу же наткнулся на какой-то предмет, затре-

щавший от толчка. Саймон протянул руку и нащупал шелковистую ткань, тут же разорвавшуюся под его руками, затем — металлический стержень. Саймон взял прут и вернулся обратно к двери, где мрак, казалось, начинал понемногу рассеиваться.

То, что было у него в руках, вполне могло сойти за оружие и чем-то смутно напоминало ружья его мира. Во всяком случае, здесь были ствол и барабан, но весило все это поразительно мало.

Джелита положила руку на лоб Альдис.

— Она умерла? — спросил Саймон.

— Нет; вероятно, ушиблась, когда падала. Это и есть тот самый мир, из которого пришли кольдеры? — в ее голосе не было страха, только интерес.

— Похоже на то...

В одном он был уверен: им не следует удаляться от того места, где они прошли через Ворота. Если они заблудятся, то вряд ли сумеют вернуться обратно в свой мир.

— Интересно, есть ли с этой стороны какой-нибудь след Ворот? — Джелита, как всегда, прочитала его мысли. — Ведь должны же они иметь ориентир, если хотят проходить сквозь Ворота туда и обратно!

Постепенно буря утихала. Темнота ночи, встретившая их, сменилась серым светом приближающегося рассвета. Саймон стал с интересом рассматривать окрестности. Это была пустыня, как и по ту сторону Ворот: было видно, что некогда здесь обитали люди. То, что он поначалу принял за обломки скал, оказалось многочисленными развалинами домов.

Некогда ему приходилось видеть подобные картины: когда армия с боями проходила через Францию и Германию. И там все выглядело примерно так же: здания в руинах, и сквозь плитки пола пробивалась трава (последствия войны или, по крайней мере, великого бедствия).

Солнце так и не появилось, но уже наступил день. И теперь Саймон разглядел, что земля в руинах местами запеклась, напоминая черный шлак, и перед ним снова воочию возник кошмар его родного мира. Атомная война? Радиоактивная земля? Но ведь атомная бомба не могла бы вот так снести половину здания, оставив вторую половину в целости и сохранности. Значит, какое-то другое оружие.

— Саймон!

Он и сам заметил какое-то движение за разрушенной стеной. Что-то живое, такое огромное, что внушало ужас, двигалось в направлении их убежища. Саймон бросил взгляд на оружие, которое нашел на полу. Джелита потянулась к ножу, висевшему на поясе. Саймон вновь подивился сходству этого стержня с земным ружьем, но его озадачило слишком узкое выходное отверстие — через него не проникла бы даже игольчатая стрела эскарпских самострелов... Чем же могла служить такая тонкая трубочка? Ведь тут не было курка, только какая-то крохотная кнопочка. И, не ожидая никакого результата, Саймон нажал на эту кнопку.

Куст, на который он направил чужеземное оружие, вздрогнул, роняя капли воды, потом его побеги склонились до самой земли, листья стали сворачиваться в трубочки. Саймон не верил своим глазам: растение дрожало и гнулось все ниже и ниже. Рядом тихонько вскрикнула Джелита. Они оба, замерев, уставились на серый комочек, тихо упавший на землю, — все, что осталось от цветущего куста. И все это произошло без единого звука, без всякого видимого движения... они увидели только результат действия чужого оружия.

— Саймон! Что-то приближается...

Он и сам почувствовал то же самое: ничего не было видно, но он ясно понимал, что сейчас должно что-то произойти. Он отчетливо ощущал опасность.

— Будь наготове...

Слова едва сорвались с губ Джелиты, это было больше похоже на тихий вздох. Она сжала его руку. Напряжение Саймона достигло крайнего предела. И вот...

Они появились с трех сторон и молча бежали к их укрытию. Один выскочил из-за стены, другой — из густых зарослей, последний — из полуразрушенного здания. Это были люди, вернее, поправил себя Саймон, имели их облик. Лохмотья одежды еще кое-как прикрывали их тела, но это только производило жуткое впечатление и не прибавляло им ничего человеческого, ибо тела их были невообразимо тощи, руки и ноги — костлявы настолько, что кости едва не прорывали туго натянутую кожу. Головы на вытянутых тонких шеях больше всего напоминали высохшие черепа. Словно в этих руинах вдруг ожили мертвецы, встали на ноги и двинулись вперед.

Саймон обратил свое ружье против этой троицы, повел им из стороны в сторону. Несколько секунд ему казалось, что в ружье больше нет заряда, так как некоторое время они еще бежали вперед. Потом вдруг остановились как вкопанные, и тела их обратились в пепел, как тот куст, в который Саймон стрелял раньше.

Но перед смертью они вдруг закричали высокими странными голосами, и заплясали, и задрожали на месте, словно в странном танце. Только потом они рухнули, и на месте тел осталась кучка пепла. Саймон ощутил приступ тошноты, рот наполнился горечью. Джелита вскрикнула и вцепилась ему в руку.

— Вот как...

Они оба вздрогнули, услышав позади себя голос. Альдис стояла у них за спиной, придерживаясь рукой за стену. Улыбка на ее лице, которая появилась при виде того, что осталось от живых мертвецов, вызвала у Саймона новый прилив тошноты.

— Значит, они все еще живы — последний гарнизон? — Она не обращала внимания на Саймона и Джелиту, словно их не было вовсе. — Что ж, их вахта все равно должна была закончиться.

Джелита отпустила руку Саймона.

— Кто это такие? — спросила она.

Альдис даже не обернулась. Все еще улыбаясь, она рассматривала останки.

— Гарнизон... Они были оставлены, чтобы защитить последний барьер. Они не знали, разумеется, что их единственная обязанность — продержаться до тех пор, пока командиры не окажутся в безопасности. Они считали, бедные дурачки, что им вот-вот придут на помощь. Но у командиров были совсем другие проблемы. — Она рассмеялась, потом продолжила. — Во всяком случае, это неожиданность для хозяев, потому что гарнизон продержался дольше, чем можно было ожидать.

Откуда она все это знала? Альдис ведь не была кольдером по рождению. Насколько известно, среди кольдеров вообще не было женщин. Но почему-то Саймон не сомневался, что все обстояло именно так, как она говорит. Джелита снова сделала предупреждающий жест.

— Там есть еще...

И на этот раз Саймон не нуждался в предупреждении, ибо чувство опасности не уменьшилось. Но никакого движения впереди он не заметил. Джелита повернулась в ту сторону, откуда они пришли.

— Они собираются, но не против нас...

Альдис издала короткий смешок, в котором была нечеловеческая злоба.

— О, они ждут, — подтвердила она. — Ведь они ждали долго, очень долго. А теперь они вышли на охоту, и охота будет отчаянной... — она снова засмеялась горьким смехом, похожим на крик боли.

В том, что она говорила, не было ничего неожиданного. Кольдеры непременно пойдут в Ворота, охотясь за тремя беглецами. А эти существа — они наверняка собираются у Ворот, чтобы встретить тех, кто сейчас должен явиться. Едва ли кольдеры знают, кто ждет их...

Саймон бросил короткий взгляд на край утеса, по которому они взобрались. Из укрытия выйти, конечно, очень опасно, но ведь только так они смогут увидеть Ворота в действии. И поэтому не приходится считаться с тем гнетущим страхом, который мучил его все это время.

Если встать спиной вон к тому каменному остову, то можно будет наблюдать за Воротами. Стиснув в руке ружье, Саймон схватил Альдис за руку и потащил вперед. Джелита следовала за ними.

То, что ночью Саймон принял за ложе ручья, на самом деле оказалось остатками каменной мостовой, заваленной обломками камней. Но в середине той впадины бежал ручей. Немного вправо от того места, где они сейчас стояли, через дорогу виднелись колонны из зеленоватого металла.

— Ворота! — сказала Джелита.

— И их защитники, — добавил Саймон.

Теперь уже ясно были видны фигуры, движущиеся по дороге. И хотя вид у них был совершенно жуткий, хотя в них не было совершенно ничего человеческого, действовали они как разумные существа или, по крайней мере, как существа, разум которых еще не совсем угас. У некоторых из них Саймон заметил в руках трубки, подобные той, которая была у него.

— Они проходят через Ворота!

Металлические колонны нисколько не изменились, словно никто ими не пользовался. Но внезапно, словно из воздуха, перед ними стали появляться люди...

Одержимые воины из мира Джелиты двигались с осторожностью, а те, что притаились в укрытии, поджидая их, не показывались... И солдаты кольдеров двинулись вперед. Через Ворота уже прошел большой отряд, вслед за ним показался бампер одного из вездеходов, за ним двигались остальные. Один из одержимых вел вездеход, но рядом с ним сидел кольдерский солдат.

Саймон ощутил, что вокруг них в воздухе что-то реет, он явственно ощущал, как тяжело давила атмосфера.

— Они ненавидят... — прошептала Джелита. — Как они ненавидят!

— Ненавидят! — передразнила ее Альдис. — Но пока что они ждут. Они ведь научились ждать, потому что жили только ради этого.

Из пустоты появился второй вездеход. К тому времени пешие силы захватчиков прошли уже добрую часть дороги. Кабина второго вездехода была намного больше, с прозрачным куполом. Внутри сидели два настоящих кольдера, один из них — в металлическом шлеме.

Облака носящейся в воздухе ненависти так сгустились, что Саймону казалось — сейчас все вокруг задымится. Но по-прежнему те, что ждали, тихо сидели в засаде. Группа одержимых шла вперед по дороге.

— Вот оно!

Низкий звук, словно отдаленный раскат грома, полный звариной ненависти, в котором не было ничего человеческого. Ярость, которую так долго сдерживали, выплеснулась наружу! Одержимые содрогались, тряслись, словно в лихорадке, складывались пополам, падали один за другим.

Вездеходам негде было развернуться на узкой дороге. Тот, в котором сидели кольдеры, дал задний ход, безжалостно давя шедших за ним одержимых. Но вот водитель тоже вздрогнул, затрясся и упал на пол кабины. Вездеход еще некоторое время продолжал двигаться, затем ударился об обломок скалы и замер. Гусеницы его беспомощно вращались, тщетно пытаясь вернуть машине подвижность.

Кольдер в шлеме даже не пошевелинулся, не открыл глаз. Возможно, он пытался усилием воли заставить вездеход двигаться, а может быть, это именно его воля спасала обоих кольдеров от участи, постигшей тех, кто был вокруг них.

Его спутник все время вертел головой, рассматривая дорогу, но лицо его ничего не выражало.

— Они получили то, что хотели, — сказала Альдис с тем же смешком. — Они поймали хозяина, который даст им ключ от Ворот.

Наконец живые скелеты показались из укрытий — кольдеры были в западне, и бояться было нечего. Некоторые шли с голыми руками. Через минуту эти привидения облепили вездеход и стали лезть на стеклянный колпак.

Сразу же раздались дикие крики, и половина нападающих свалилась на землю: обугленные тела с отчаянно дергавшимися в судорогах ногами. Но остальные не отступили. Несколько человек отошли и сразу же вернулись со стальным тросом. Трижды они забрасывали металлическую петлю, пока она наконец не обвилась вокруг стеклянного колпака вездехода. Потом по тросу побежала огненная полоса, и когда петлю убрали, дело было сделано. Верхушка колпака отвалилась, и те, что сидели внутри, теперь были во власти нападавших.

Джелита закрыла лицо руками: ей приходилось видеть, как грабили города и издевались над потомками Древней расы, но то, что происходило сейчас, было ни с чем не сравнимо. Она не могла смотреть на это.

— Только одного... — поперхнулась смехом Альдис, — одного надо сохранить — им ведь нужен ключ!

Кольдер в металлическом шлеме бился в руках нападающих, глаза его все еще были закрыты. Живые скелеты сгрудились вокруг вездехода; теперь те, у кого не было такого ружья, как у Саймона, подобрали оружие одержимых. И ненависть их все еще была отчаянной и жаркой. Подхватив кольдера, они двинулись вперед, словно на марше, как будто в них ожила былая привычка. К Воротам...

Саймон вздрогнул от ужаса. Сначала — кольдеры, теперь — вот эти... Какое еще зло будет развязано в том мире, который он привык считать своим?

— О да! О да! — воскликнула Джелита. — Сначала ветер, потом гроза, а теперь еще и буря!

Глава 18

ОСАДА КОЛЬДЕРА

Только мертвые остались на дороге, когда Ворота поглотили всю эту орду. Сколько же их прошло? Пятьдесят или сто? Саймон не мог сосчитать, но надеялся, что не больше сотни. А что могут они поделать против той огромной мощи, что таится позади Ворот? Однако кольдеры все же будут теперь слишком заняты, чтобы помнить о беглецах, так что сейчас было самое время возвращаться, держась позади беснующейся орды.

— Мы возвращаемся обратно...

Альдис снова издала злобный смешок. Она отошла от них и стояла сейчас на краю оврага, поглядывая с лукавой усмешкой на тонких губах. Последние следы былой красоты исчезли с ее лица.

— И как же вы пойдете? — крикнула она. — Эта дверь без ключа, вы не сможете ее открыть! Как насчет этого, великий воин и леди волшебница?

Она бросилась бежать зигзагами обратно к провалу.

— За ней! — воскликнула Джелита. — Разве ты не понимаешь? Этот талисман — ключ для нее! И для нас!

Если она права... Саймон бросился за Альдис. Чужое ружье, хотя и легкое, мешало бежать, но он не мог его бросить. Он мчался вперед, замечая на бегу, что эти развалины — все, что осталось от огромного города, так обширны они были. И спрятаться здесь было проще простого. Саймон и Джелита выбежали на открытое пространство, но Альдис нигде не было видно.

— Где она? — Он заметил, что во взгляде Джелиты не было обычного понимания. — Она должна быть где-то поблизости, но где именно?

Джелита прикрыла глаза руками и с минуту стояла неподвижно и молча, а Саймон ждал, полагаясь на нее. Наконец она опустила руки и повернулась к нему.

— Вон туда!

— Откуда...

— Откуда я знаю! Там кольдерский барьер, пустота, а у нее талисман кольдеров.

Слабая ниточка, но единственная, других у них не было. Саймон кивнул и пошел за Джелитой. Она повела его по узень-

кой тропинке между развалинами. Саймон старался оставлять заметки на камнях, пригибать ветки, чтобы можно было найти дорогу обратно.

Они вышли на открытое место, где вокруг мощеной площадки стояли менее разрушенные здания. В них проскальзывало что-то знакомое: они напоминали суровую архитектуру кольдерской твердыни. Как видно, красота и грация, которые были известны миру Саймона и Джелиты, были совершенно чужды тем, кто строил эти здания. И в любом уголке этих развалин Альдис могла надежно укрыться.

— Где же она? — спросил Саймон.

Джелита положила руку на остатки невысокой стены, за которой открывалось свободное пространство. Она тяжело дышала, глаза ее были обведены темными кругами, и хотя они вдоволь напились дождевой воды, но не ели уже много часов. Саймон сомневался, что они смогут продержаться здесь долгое время. Джелита медленно покачала головой:

— Я не знаю... я ничего не ощущаю...

Она готова была разрыдаться. Саймон обнял ее и привлек к себе, и она с благодарностью прижалась к нему, словно черпая в его утешении и поддержке силу.

— Послушай, — мягко сказал он, — ведь мы могли бы, наверное, заставить ее выйти на открытое пространство?

— Мы должны непременно это сделать! — голос ее звучал хриплым шепотом, и в нем слышались истерические нотки.

— И мы можем это сделать... Припомни-ка, ведь во время осады Карса, когда срочно было нужно вызвать превращение, ты сказала, что воспользуешься моей волей, чтобы ускорить церемонию. И теперь будет то же самое: мы соединим наши воли, и ты сделаешь то, что нужно.

Она повернулась, не отрываясь от него, так, чтобы стоять лицом к открытому пространству. Пальцы ее стиснули его руку и впивались в нее все сильнее, по мере того как она собиралась с силами. И тихонько запела ту самую песню, которую Саймон впервые услышал во время осады Карса. Песня начиналась с низких нот и поднималась все выше и выше, с каждым звуком Саймон ощущал все сильнее растекающиеся по его телу горячие волны. Вскоре напряжение достигло такого предела, что Саймону приходилось напрягать всю волю, чтобы только устоять на ногах. Ничего не было в мире, кроме той песни-

заклинания, ничего... ничего... Исчезло время, не стало пространства, только эти звуки... только они...

А потом вдруг все вокруг затихло, и он очнулся посреди развалин покинутого города. Только теперь среди обломков что-то двигалось. Существо ползком выбиралось на открытое пространство. Альдис... Она не стала подниматься на ноги, а вдруг упала на землю вниз лицом и затихла. Джелита отпустила руку Саймона.

— Она мертва...

Саймон бросился к телу и перевернул его. Руки его обагрились кровью, и тут же она потекла широкой струей. Лицо Альдис не пострадало, но на груди... зияла страшная рана, на том самом месте, где Альдис носила талисман кольдеров. Джелита вскрикнула. Но Саймон схватил руку Альдис и стал с усилием отгибать стиснутые уже окостеневшие пальцы. На ее ладони он увидел то, ради чего Альдис рассталась с жизнью, — талисман кольдеров.

— Пошли.

Саймон встал и оглядел развалины, стараясь увидеть того, с кем встретилась Альдис.

Джелита наклонилась и набросила на ее лицо лоскут изодранного платья, прикрыв глаза и рану на груди.

Они шли обратно к Воротам как можно быстрее. Саймон все время оглядывался назад, боясь, что их настигнет то существо, которое лишило жизни Альдис. Быть может, обладание талисманом само по себе таило опасность? Саймон почему-то считал, что талисман может навлечь беду.

Они снова спустились на дорогу и остановились перед Воротами. Саймон поднял руку с зажатым в ней талисманом, Джелита положила руки ему на плечи. Саймон шагнул вперед, под перекладину Ворот. Он не знал, что его ожидает, но не удивился, ощутив, что предмет, зажатый в его руке, становится все холоднее и холоднее; ибо все это уж очень напоминало заслон кольдеров против контакта разумов. Но ведь Альдис тоже не была кольдером по крови, а талисман подчинился ей.

Еще один шаг, и они оказались точно между колоннами. Они почувствовали дрожь и провалились в страшную пустоту, враждебную им. Саймон рванулся вперед... И ощутил себя стоящим на четвереньках на скале, еще теплой от солнца. Джелита была рядом.

Хотя солнце почти село, все же тьма не скрыла следов — здесь недавно закончилось сражение, но картина совсем не была похожа на ту, что они застали по другую сторону Ворот. Скала не только была раскалена солнцем, на ней там и тут виднелись выжженные черные полосы, такие же полосы были и вокруг Ворот, а кругом лежали трупы...

Саймон с трудом поднялся на ноги, помог встать Джелите. То, что он сейчас решил сделать, быть может, было ошибкой, но это казалось ему единственным возможным и правильным в борьбе за освобождение этого мира от Кольдера и от того, что кольдеры принесли сюда с собой.

Саймон поднял ружье и выпустил из него всю энергию в основание ближайшей колонны. С минуту ему казалось, что оружие разрядилось, но потом сооружение задрожало, и это мерцание распространялось все дальше, пока не добралось до верхней перекладины, потом до второй колонны. Затем мерцание расцвело целым снопом искр, и Саймон отчаянно вскрикнул:

— Рука!

Он все еще сжимал в руке кольдерский талисман, когда стрелял в Ворота, и вот теперь этот таинственный предмет выпал из его пальцев, оставив на руке обугленную горящую рану. Талисман покатился к Воротам и обратился там в искристое мерцание. А потом раздался взрыв, взметнулось зеленое пламя — и талисман исчез. Но вместе с ним исчезли и Ворота. Саймон и Джелита теперь видели перед собой ровную площадку.

Неверными шагами, поддерживая друг друга, они двинулись вперед. Они направлялись к кольдерскому лагерю, благодаря судьбу за то, что уже достаточно стемнело и никто их не заметит. Саймон опустился на землю возле одного из застывших в неподвижности вездеходов и так бережно прижал больную руку к груди, как Альдис прижимала свой талисман. И тут же его охватила страшная, невыносимая боль. Он ощутил невероятную слабость, а боль становилась все сильнее и сильнее, он даже не мог вздохнуть как следует и — не в силах ее вынести — задыхался...

Боль немного успокоилась, и он притерпелся к ней. Саймон почувствовал во рту влагу, потом что-то жесткое и твердое, и чей-то голос уговаривал его поест. Так сколько же вре-

мени он пробыл в агонии? Саймон не знал этого. Но голова его работала вполне ясно, и он чувствовал, что сейчас темная и холодная ночь. Голова его лежала на коленях у Джелиты, и женщина пыталась привести его в чувство, но слова ее не сразу дошли до сознания.

— ...должны идти. Мы не можем оставаться здесь...

Как приятно было лежать вот так, рука теперь только ныла, а не болела, как раньше. Саймон попытался пошевелить пальцами и увидел повязку. «К счастью, рука левая», — сонно подумал он.

— Прошу тебя, Саймон!

Эта была не только мольба, но и приказ. Джелита нежно гладила его щеки, тормошила, потом подсунула руку под его плечи и попыталась приподнять.

Саймон запротестовал.

— Но мы должны идти! — она наклонилась к нему. — Пожалуйста, Саймон, сюда кто-то приближается.

Память постепенно возвратилась к нему, он сел. Тень, окружавшая их, стала совсем черной, наступала ночь. Он ни о чем не стал больше спрашивать, поднялся на ноги, с минуту размышляя, не стоит ли им воспользоваться вездеходом, но тут же решил, что нет, ведь он не знал, как им управлять. Выпрямившись, Саймон, как ни странно, почувствовал, что стоит на ногах довольно твердо. Они двинулись вперед, спотыкаясь о рытвины, оставленные гусеницами вездехода.

— Кто приближается? Кольдеры?

— Думаю, что нет...

— Те, другие?

— Может быть. Ты разве ничего не ощущаешь?

Саймон ничего не чувствовал в этой ночи, он так и сказал ей. Впервые за долгие часы он вспомнил о тех, кто оставался здесь.

— Лоиса... сулькарцы... Где они?

— Я пыталась найти их. Но здесь развязаны какие-то новые силы, Саймон, что-то уж такое, чего я не могу понять. То возникает барьер, сквозь который мне не пробиться, то внезапно исчезает и появляется в другом месте. Мне кажется, что это Кольдер борется за свою жизнь, что они используют полный арсенал своего оружия, — причем такого, какое нам даже и не представить. К тому же, то, что прорвалось из-за этих Во-

рот, все еще живо, и оно ненавидит и охотится за кольдерами. И если мы не хотим, чтобы нас тоже втянули в эту войну, необходимо держаться в стороне, ибо кольдеры сражаются с кольдерами или с теми, что пришли в этот мир с ними вместе. Наш мир еще не видел подобной войны.

Постепенно к Саймону возвращались силы. Джелита стащила из лагеря еду и питье и сообщила ему об этом совершенно спокойно. Но он понял, как было страшно то, что она там увидела, и привлек ее к себе. Они пошли вперед, поддерживая друг друга, и Саймон был счастлив, что наконец-то они снова едины душой и телом.

Они как раз огибали скалу в том месте, где расстались с сулькарцами и Лоисой, когда сверху упал довольно большой камень. Саймон мгновенно прикрыл собой Джелиту. Ружье, уже бесполезное, он бросил около Ворот, но Джелита отдала ему свой нож. Саймон прислушался, готовый отразить нападение.

— Суль... — это не был боевой клич, а лишь громкий шепот в ночной тишине.

— Суль! — ответил Саймон.

Сверху упало еще несколько камней, вниз скользнула какая-то тень.

— Сигрод, — назвал себя человек. — Мы видели, как вы оба появились откуда-то из пустоты, лорд. Но только тут все кишит какими-то исчадиями ада, и они уничтожают все вокруг, поэтому мы и не осмелились присоединиться к вам.

— Что здесь произошло?

Сигрод рассмеялся:

— Легче ответить, чего не произошло! Эти самые кольдеры прошли в Ворота и тут же исчезли, словно растворились у нас на глазах. А потом... ох, потом словно распахнулись врата ада. Из Ворот вышли те, другие. Они маршировали колонной, словно армия оживших мертвецов, которые поднялись из гроба, чтобы вступить в схватку за дело, такое же гиблое, как они сами! Они направились прямо в лагерь кольдеров — я говорю вам чистую правду, клянусь водами Аспера! Стоило им только взглянуть на человека, как он весь съеживался и умирал! Это было волшебство, леди, но такого я никогда не видал в Эсткарпе. Они бросились прямо в лагерь, а там их встретил такой же луч, как тот, что охотился за нами на берегу, и многие

из демонов обратились в прах. Но на смену им сразу же выходили другие, а потом появилась еще одна группа, они тащили с собой одного кольдера и направлялись к морю. И с тех пор там на берегу происходит что-то странное. Только сейчас со скалы я смог разглядеть кое-что. Леди, ваше сообщение принято — на море появились паруса!

В Саймоне сразу же проснулся боевой офицер.

— Но ведь если флот попадет под этот страшный луч... Как же им послать предупреждение? А может, кольдеры сейчас слишком заняты войной с ожившими скелетами, чтобы отвлечь свои силы на корабли? А сами скелеты — возможно, им все равно, с кем воевать: с кольдерами или с новыми врагами? Необходимо поточнее узнать, что там происходит...

Когда они втроем добрались до укрытия, где находились Инглин и Лоиса, они устроили совет.

— У нас есть возможность без особых усилий добраться до берега, — сообщил им Инглин. — А я, например, чувствую себя намного безопаснее, находясь ближе к воде. Этот остров чересчур хорошо приспособлен для игры в охоту, причем у преследуемого и охотника шансы равны. Уже некоторое время на берегу не видно никаких вспышек. И скелетов тоже становится все меньше. Но у них не такой вид, как у тех, кто боится чего-то или спасается от врага.

— Может быть, они осадили кольдеров в их крепости, — вслух размышлял Саймон. — И если это так, то, направляясь к морю, мы непременно наткнемся на них.

Саймон пытался взвесить все возможности. Сулькарцы были опытными и осторожными моряками. Вряд ли они повели бы свой флот прямо в логово врага, зная, какие хитрости и ловушки тот может им расставить.

Саймон считал, что сейчас настал момент, когда зло может быть вырвано с корнем. Он не верил, что кольдерам удастся быстро соорудить другие Ворота, особенно если учесть панику, которую должно было вызвать это появление выходцев с того света. Значит, отступления для кольдеров нет. И, следовательно, их можно подвергнуть осаде... Однако все это были лишь догадки и предположения. Чтобы они превратились в уверенность, необходимо было отправиться на берег и все увидеть своими глазами.

— Мы должны идти на берег все вместе. Только море даст ответы на все вопросы, — произнесла вдруг Джелита.

Саймон кивнул. Она угадала его мысли.

Идти было трудно, а в темноте опасность увеличивалась вдвое. Пока ночь не наступила окончательно, они спешили изо всех сил. Еще до прихода Саймона и Джелиты сулькарцы побывали в лагере кольдеров и обзавелись хотя и скудными, но все же достаточными запасами пищи и воды. Они подкрепились и почувствовали себя значительно лучше.

Саймон несколько раз забирался повыше на скалу и старался разглядеть корабли, но это ему не удавалось. Когда он сказал об этом Сигроду, тот усмехнулся:

— Ну, значит, они уже высаживаются. Это обычная уловка рейдеров. Флот разделяется на две части, а обе половины делятся еще раз: одни плывут к северу в поисках стоянки, другие — к югу.

Саймон просиял. Это звучало очень обнадеживающе. Если они сумеют связаться хотя бы с одной половиной кораблей... Во всяком случае, те, которые ищут стоянку на юге, вполне могут связаться с ними, оказавшись в пределах досягаемости, только нужно подать условный сигнал с берега.

Инглин вызвался попытаться счастья. Саймон согласно кивнул и тоже отправился в путь — к крепости кольдеров.

Глава 19

«СКРЕСТИТЕ МЕЧИ..

ВВЕРХ ЩИТЫ»

— Чтобы вытряхнуть их оттуда, лорд, вам потребуется больше, чем один флот. Такие стены не сокрушить одним усилием воли...

Сигрод лежал на животе на скалистом пике рядом с Саймоном, рассматривая таинственную крепость кольдеров, — тайну за семью печатями.

Внизу чувствовалось оживление. Очевидно, те, кто прошел через Ворота, собрались перед этими непробиваемыми, неподдающимися даже измерению, стенами, готовые ждать столько, сколько потребуется. Саймон считал, что в случае осады все

преимущества будут на стороне кольдеров. Осаждающие не имели никаких припасов, а вокруг них была пустынная земля. Быть может, они рассчитывали в случае неудачи вернуться обратно? Сколько времени им потребуется, чтобы выяснить, что отступление невозможно?

«Сокрушить стены усилием воли...» — эти слова Сигрода гвоздем засели в мозгу Саймона. За все время, что он провел здесь, он видел всего-навсего четверых кольдеров — двоих в крепости, двоих в вездеходе, проникшем за стену, последние двое — мертвы. Сейчас Саймон думал о том солдате в металлическом шлеме, с которым он вступил в единоборство и победил. Его он мог бы сейчас использовать, чтобы осуществить задуманное. Если, конечно, этот кольдер еще жив...

Саймон дал сигнал Сигроду — пора возвращаться туда, где их ждут Лоиса и Джелита. Он изложил свой план, когда они снова были вместе.

— Эти, в металлических шлемах, они что — контролируют остальных, руководят ими? — спросил Сигрод.

— По крайней мере, они отдают приказы и управляют всеми установками, я в этом совершенно уверен. Пришельцы привели с собой одного такого кольдера, они воспользовались им, чтобы пройти через Ворота.

— Но они не смогли с его помощью попасть в крепость, — сказала Джелита. — Иначе они сейчас не толпились бы у стен.

— Быть может, его убили во время нападения на лагерь? — высказала предположение Лоиса.

— Ты считаешь, что смог бы воздействовать на волю того кольдера, с которым уже однажды сражался? — спросила Джелита.

— Мы вдвоем смогли бы, — поправил ее Саймон.

— Значит, открыть ворота этим демонам, — сказал Сигрод. — Но ведь если даже они и проникнут внутрь, то все равно орешек для нас останется не расколотым, а они ведь той же породы, что и кольдеры, не так ли? Не получится ли, что мы сменим одних кольдеров на других?

— Вот для этого нам и нужен флот. И поэтому будем надеяться, что Инглину удастся привести нам помощь. Подождем.

Саймон привык к такому ожиданию: ведь жизнь каждого военного полна вечного «поспешай не торопясь». Он перевернулся на спину, глядя в темное ночное небо.

— Я покараулю первым, лорд, — сказал Сигрод, спускаясь по склону. Саймон пробормотал слова благодарности и продолжал обдумывать свой план.

Больше всего ему не нравилось то, что многое в плане зависело от случая, — как и большая часть того, что произошло с ним после выезда из Южного Форта. Можно ли причинить кому-то вред, если сильно пожелаешь? Мысли его потекли в другом направлении. Правдивы ли были старинные волшебные сказки его родного мира, в которых рассказывалось, что обратить зло против своего заклятого врага не труднее, чем выпустить стрелу?

Он почувствовал, как прохладная рука коснулась его горячего лба, нежно погладила мокрые от пота пряди волос, прилипшие ко лбу.

— Саймон... — Она всегда произносила его имя так, словно в нем была музыка. — Саймон, только это... больше ничего.

Он поймал рукой прохладные пальцы, прижал к пересохшему рту. Им теперь не нужны были слова. Любовь их всегда была нелегкой. Но теперь Саймон считал, что от этого она становилась только сильнее, и рухнул последний барьер, разделявший их. Он понял, что временами ей просто необходимо уйти в себя, отгородиться от всех молчанием, и что от этого он ничуть не становится ей менее дорог. Значит, это было частью ее, и Саймон был готов принять все как есть. Ведь не бывает так, чтобы один человек занимал абсолютно все мысли и чувства другого. И в нем есть что-то, что будет навсегда закрыто от нее. Но принимать без всяких сомнений все, что она может дать, и возвращать ей свое чувство, без вопросов и ревности — вот это и был их настоящий и прочный союз.

— Отдохни.

Ее рука снова легла ему на лоб. Саймон знал, что она вторит его мыслям слово в слово. Глаза его закрылись, и он уснул.

Утром перед ними была все та же твердыня кольдеров, недоступная, как Иль. С высоты было видно, что привидения из другого мира по-прежнему стоят у стен крепости.

— Они не воспользовались своим огненным лучом, — сказал Сигрод.

— Вероятно, не осмеливаются в такой близости от собственных стен, — возразил Саймон.

— Или же он иссяк...

— На это мы не можем рассчитывать.

— Кольдеры потеряли слишком много одержимых. Возможно, поэтому они не пытаются отбить атаку. Интересно, сколько эти еще будут выжидать?

Саймон пожал плечами. Очень может быть, что эти призраки в состоянии долгое время находиться без пищи и воды, неделями стоять у вражеских стен...

— Саймон? — Лицо Джелиты было обращено к нему, когда он оглянулся.

— Сообщение, Саймон. Наши приближаются!

Он бросил взгляд на море, но там не было парусов. Джелита стояла лицом к южному берегу моря, высоко подняв голову. Лоиса смотрела на нее, как на олицетворение надежды.

— Сигрод!

— Да, лорд?

— Отправляйтесь к югу, чтобы встретить тех, кто идет. Пусть они обойдут кругом и присоединятся к нам, только пусть подойдут сзади, вот так... — Саймон пояснил свою мысль жестом.

— Слушаюсь.

Сулькарец исчез за скалой.

Лоиса вцепилась в рукав кольчуги Джелиты.

— Корис? — Она едва выдохнула это имя.

— Этого я не могу сказать наверняка, сестренка. Топор Кориса еще не раз поднимется, чтобы защитить тебя. Но будет ли это именно здесь — мне не ведомо.

И снова ожидание. Они выпили немного воды, поделили между собой горсточку сухого порошка, который был все же пищей, а тем временем день разгорался. Солнце было закрыто облаками. Саймон не покидал наблюдательного поста, но внизу все оставалось по-прежнему: крепость молчала, осаждающие терпеливо ждали.

Сигрод появился только к полудню, ведя с собой группу воинов. Главным образом, это были сулькарцы, но среди них виднелись крылатые племя сокольничих и еще несколько человек со смуглой кожей, сразу же подбежавших к Саймону. Это были его пограничники.

— Лорд! — Ингвальд отсалютовал ему саблей. — На этой местности нам будет удобно драться.

— Будем надеяться, — сказал Саймон.

Они провели военный совет: четверо сулькарских капитанов, старшие офицеры их команд, командиры отрядов пограничников и сокольничих, которые чувствовали себя среди этих скал, словно в родных горах. И Саймон изложил им тот единственный план, который, как он считал, может открыть перед ними ворота твердыни Кольдера.

— И это можно сделать? — спросил капитан Стимер, но в его голосе не было сомнений. Сулькар слишком много знал о могуществе волшебниц Эсткарпа. Только сокольничьи держались настороже, не слишком доверяя волшебству. Они считали, что власть женщин не может привести ни к чему хорошему, так как в крови у них была непреодолимая брезгливость к слабому полу.

— Мы можем попытаться, — сказал Саймон и посмотрел на Джелиту, которая ответила ему едва заметным кивком.

Из-за спин воинов появилась еще одна фигура в стальной кольчуге и шлеме, как все остальные. Но поверх кольчуги был накинут серый плащ, на котором переливался и сиял волшебный камень — знак волшебницы Эсткарпа.

Она вышла вперед и пытливо оглядела Саймона и Джелиту.

— Вы считаете, что сможете это сделать? — сомнение прозвучало в ее тоне.

— Мы можем это сделать! — голос Джелиты зазвенел. — Мы сделали намного больше за последние дни, сестра!

Волшебница нахмурилась. Было видно, что ей пришлось не по душе сообщение Джелиты, но она была готова ждать и увидеть, как они потерпят неудачу, подумалось Саймону. Такое отношение вызвало у него в душе такой же протест и возмущение, которое слышалось и в тоне Джелиты. Может быть, именно это возмущение даст им новые силы при этой попытке.

Он вызвал в своем воображении картину той комнаты в крепости, в которой разговаривал с двумя кольдерами... Потом сосредоточился только на солдате в металлическом шлеме. И воля его стала могучей, неодолимой. Он собрал ее в кулак, нацелив туда, куда хотел! И сразу же убедился, что страх его был напрасен. Кольдер в шлеме был жив, но от него осталась только пустая оболочка, ибо разум уже покинул его тело. Даже пустую оболочку можно использовать в своих планах! Его воля влилась в тело кольдера, и сразу же Саймон ощутил, что воз-

возможности его становятся все больше, воля крепнет, силы растут, — это пришла на помощь Джелита.

Саймон больше не замечал ни скал, ни людей, столпившихся вокруг него, ни презрительного лица волшебницы, ни даже Джелиты. Сейчас для него существовало только одно: войти вместе с Джелитой в тело кольдера, превратить его в послушное орудие — сделать его таким же «одержимым», как те многие десятки пленных, которых кольдеры захватили в набегах на Горм и Карс, на корабли сулькарцев.

Где-то в глубине крепости кольдер уже задвигался, повинаясь мысленным приказам Саймона. Отвори ворота... Впусти в крепость осаждающих... И это было очень просто: кольдер больше не был собой — он стал одержимым и повиновался.

Перед мысленным взором Саймона мелькали залы и переходы, лестницы и комнаты — кольдер спешил выполнить приказ. Кто-то ему попался на пути, попытался удержать и тут же упал замертво.

И вот наконец Саймон увидел пульт со множеством кнопок, с мерцающими сигнальными огоньками. Руки кольдера торопливо двигались, нажимали кнопки, прикасались к рычагам. Подчиняясь этим движениям, защита крепости нарушилась и... исчезла совсем.

И сразу же на Саймона навалилась холодная тьма и пустота, а когда он пришел в себя, над ним было облачное небо, они с Джелитой держались за руки, и оба еще не оправившись от ужаса погружения в небытие.

— Он мертв. — Это сказала не Джелита, а волшебница. На лице ее тоже отразился ужас. Она медленно подняла руку, приветствуя их. — Вы сделали то, что обещали.

Саймон едва шевельнул сухими губами.

— Этого было достаточно?

— Суль! — раздался крик с наблюдательного пункта. — Демоны зашевелились!

Они и впрямь зашевелились, ибо в стене крепости теперь зияло отверстие, и в этот проход один за другим ныряли живые скелеты, пришедшие через Ворота. Они не издали ни звука, просто молча двинулись вперед. Но прошло внутрь меньше половины — вдруг сверху на брешь стала спускаться стальная завеса, придавив тех, кто оказался под ней. Завеса не успела коснуться земли, как те привидения, у которых были ружья,

принялись стрелять в нее, стальная заслонка задрожала и рассыпалась в прах. А остальные демоны продолжили свой путь внутрь твердыни.

— Вниз и в крепость! — это крикнул один из сулькарских капитанов. — Суль! Суль!

И, подхватив его клич, лавина эсткарпских воинов хлынула вниз.

Трудной и отчаянной была эта битва в стенах крепости, похожая больше на охоту. Неведомое и страшное оружие равно поражало и привидения, и настоящих людей. А потом вдруг все прекратилось, словно крепость кольдеров сдалась, словно сердцу крепости не хватило энергии.

Когда Саймон во главе своих пограничников вместе с отрядом сокольников ворвался в центральный зал, сердце крепости уже замерло, ибо в зале сидели шесть кольдеров в металлических шлемах, подключенных к пультам. И все они сразу умерли, а вместе с ними умерло и сердце крепости.

И тогда началась новая битва, ибо привидения обратили всю свою ярость на воинов Эсткарпа. Воины умирали в муках, но их стрелы и мечи разили без промаха.

Снаружи, за стенами крепости, бушевал шторм, а в стенах ее редела не меньшая буря. Мужчины, уставшие разить и убивать, мужчины, которые в эти часы потеряли многих из тех, с кем были в родстве и боевой дружбе, мужчины, которые сами не верили, что уничтожили твердыню кольдеров с помощью мечей, стрел и топоров, — собрались наконец в центральном зале.

— Кольдер повержен! — Саймон высоко вскинул свой топор и восторженно потряс им. Позади него воины сделали то же самое, ибо они понимали, что свершилось в этот великий день, несмотря на тяжелые потери.

— Кольдер повержен! — эхом откликнулась Джелита. Она вошла вместе с волшебницей и Лоисой в зал вслед за воинами. — Но зло, которое они посеяли, все еще живо. И вот это... — Она кивнула на пульт. — Возможно, придут другие и воспользуются этим.

— Нет, — волшебница сняла с шеи камень и поднесла его к панели управления. — Это не так, сестра. Мы с тобой позаботимся об этом!

Обычно бледные щеки Джелиты порозовели, она подошла к волшебнице, встала рядом с ней, плечом к плечу. Вместе они

устремили пристальный взгляд на волшебный камень. Свет начал постепенно тускнеть, и в зале потемнело.

На пульте управления вдруг вспыхнули крохотные огоньки, в тишине раздались негромкие хлопки взрывов. Искры побежали по всему пульту, вызывая все новые и новые замыкания. В комнате запахло горелой изоляцией, металлические детали стали плавиться на глазах. Энергия волшебства быстро уничтожала созданное кольдерами сооружение, разрушая пульт и все, что было к нему подключено. И, возможно, эта разрушительная энергия достигла большего, уничтожая даже ту паутину, что кольдеры сплели за морями.

Саймон так и сказал, когда вместе с Ингвальдом и капитанами выслушал рапорты тех, кто осматривал самые дальние щели и переходы крепости, удостоверившись, что никто из врагов не остался в живых.

— Паутина останется, — волшебница сидела немного поодаль, лицо ее было усталым, а глаза ввалились — напряжение оказалось огромным. — Хотя соткали ее кольдеры, то, из чего она соткана — ненависть и зависть, — все это было в нашем мире прежде, чем кольдеры воспользовались этим против нас. Карстен охвачен смятением... Некоторое время этот хаос был нам на пользу, ибо великие лорды в тех краях заняты Карстеном и отвратили от нас свои взоры. Но это не может продолжаться вечно.

Саймон кивнул:

— Да, не может. Из такого хаоса непременно появится более могущественный вожак, который вполне может объединить всех остальных лордов против Эсткарпа. А возможно и другое: остальные лорды будут так заняты постоянной войной с ним, что им будет не до нас.

Джелита и волшебница согласно кивнули.

— Что с Ализоном? — впервые за все это время подала голос Лоиса. — Как идет война с Ализоном?

— Сенешаль сражается, словно лев. И дела у него идут лучше, чем мы могли ожидать. Но все же мы не сможем усмирить Ализон, равно как и Карстен, — слишком велика там ненависть к нам. Но нам, Эсткарпу, это вовсе не нужно — пусть только оставят нас в покое мирно доживать свой вечер, ибо мы знаем, что для нас наступает вечер, который постепенно перейдет в ночь, а после нее не будет нового утра. Но

ни одно живое существо не захочет добровольно расстаться с жизнью — велик инстинкт самосохранения, он заложен в нас с рождения от природы. И поэтому наш вечер может стать вечером огней и пожарищ, мучений и смерти. И если нам предстоит ночь, полная сражений... — Она торжественно подняла руку. — Что ж, мы будем драться до конца.

— Так не должно быть! — сама натура Саймона противилась столь мрачной картине будущего.

Волшебница посмотрела на него, потом перевела взгляд на Джелиту, с нее — на капитанов и Ингвальда и улыбнулась:

— Я вижу, все в вас противится этому... Что ж, хотя мы сейчас и пробудили в нашем мире неведомые ранее силы, но все равно — настало время великих перемен. И может быть, из посеянных нами семян вырастут новые могучие плоды. Во всяком случае, скажу вам, товарищи по оружию: то, что вы сделали сегодня, — это великий подвиг, и барды станут прославлять его, и на многие тысячелетия будут славны ваши имена! Нелегко достаются нам победы, и мы гордимся ими! А потому не будем думать о возможных будущих поражениях!

— И все же, кольдерам конец! — воскликнул Ингвальд.

— Кольдерам конец! — согласился Саймон. — У нас впереди еще немало битв, как сказала Мудрая, но и побед будет тоже немало!

Он протянул руку, и Джелита сделала движение навстречу ему. В этот час Саймон не мог ни о чем думать и не видел ничего — ни возможного поражения Эсткарпа, ни его заката. Ибо сейчас во всей Вселенной для него было только одно — то, что принадлежало ему одному...

**ТРОЕ ПРОТИВ
КОЛДОВСКОГО
МИРА**

Глава 1

Вряд ли мои слова помогут отважным сулькарцам атаковать вражеские корабли или закалят мечи бесстрашных воинов Эсткарпа, защищающих Древнюю расу от набегов многочисленных врагов. Мои слова не помогут и тем, кто создает неприступные форты, чтобы спасти свою землю от набегов кровожадных соседей. Но каждому хочется оставить свой, пусть и незначительный, след в истории, чтобы начатое дело не пропало даром, чтобы те, кто придет за тобой, продолжили его, подхватили твой меч, разожгли огонь в родном очаге и смогли понять, во имя чего жили, боролись и погибали их предшественники. Именно поэтому я и решился поведать вам всю правду о «Троих против Эсткарпа», о том, как задумали они сломить колдовскую силу, которая оказывала влияние на Древнюю расу более тысячи лет, затуманивая настоящее и вычеркивая из памяти прошлое. Я расскажу вам о тех великих событиях, в которых мне довелось принимать участие.

Итак, в самом начале нас было трое, только трое — Кемок, Каттея и я, Килан. Мы не принадлежали к Древней расе полностью, и в этом заключалось как наше горе, так и наше спасение. Нас отвергли сразу же после рождения, потому что мы из рода Трегартов. Наша мать — госпожа Джелита, обладательница колдовского Дара, могла вызывать, посылать и применять силы, не подвластные простым смертным. И даже после того, как она стала женой Саймона Трегарта, Хранителя Границ, и родила ему троих детей, она не утратила своего Дара, что не соответствовало никаким прежним представлениям о колдовстве. Хотя Совет и не вернул ей колдовской Камень, на который она потеряла право в момент замужества, им все же пришлось признать, что она по-прежнему оставалась колдуньей.

Наш отец тоже не соответствовал прежним представлениям о Даре. Ведь он пришел в Эсткарп через Ворота́ из другого мира и другого времени. В том мире он был командиром воинов — отдавал приказы другим, но попал в ловушку злой судьбы, и враги загнали его в угол. За ним стали охотиться, и ему пришлось скрываться, уходить от погони. Саймона Трегарта спасли только Ворота, через которые он попал в наш мир, где присягнул на верность Верховной Владычице, стал воином Эсткарпа и с чистым сердцем сражался против кольдеров. Победу над этой нечистой одержали во многом благодаря ему и нашей матери. Саймон и Желита закрыли Ворота, через которые кольдеры проникли в наш мир. После этого род Трегарта стали высоко почитать. Подвиг наших родителей воспели во многих песнях.

С кольдерами было покончено, но Эсткарп продолжал бороться за свое существование, так как окружавшие его со всех сторон враги постоянно покушались на истерзанное в сражениях государство. Древний Эсткарп переживал период заката, и утро могло не наступить никогда. Мы были рождены в сумерках.

До нас Древняя раса не знала рождения тройни. Когда моя мать слегла в постель в последний день уходящего года, она пела заклинания воинов, чтобы подарить Эсткарпу настоящего защитника. Так я и появился на свет, с плачем, словно надо мной сгустились все беды мрачного будущего. Но мучения моей матери на этом не закончились. Все вокруг были обеспокоены ее состоянием, поэтому меня быстро запеленали и отложили в сторону. Родовые муки продолжались долгие часы, и казалось, ни Желита, ни новая жизнь внутри нее не в состоянии больше бороться за свое существование.

В это время к Хранителю Границ пришла неизвестная босая странница, проделавшая, как позднее выяснилось, дальний путь по пыльной дороге. Во внутреннем дворе она громко заявила стражам, что за ней прислали, и она должна увидеть госпожу Желиту. Отец был так напуган состоянием жены, что приказал ее впустить. Из-под плаща она вытащила меч, острое блеснуло на свету, и убийственный холод сковал окружающих. Подняв меч перед лицом моей матери, женщина начала что-то напевать, и все присутствующие почувствовали, что связаны невидимыми нитями воедино по воле незнакомки. Госпожа

Джелита вдруг поднялась из моря забвения и боли и заговорила словно в бреду:

— Воин, мудрец, колдунья — трое — едины! В единстве их сила!

И во втором часу наступившего года на свет друг за другом появились мой брат и сестра, словно связанные между собой. Наша мать была слишком слаба после родов, и жизнь ее висела на волоске. Женщина, колдовавшая при рождении брата и сестры, убрала меч и взяла детей на руки, будто имела на них полное право. И никто не посмел возразить ей. Мать лежала на постели в полном изнеможении. Так Анхорта из селения сокольничих стала нашей кормилицей и приемной матерью и ввела нас в этот мир. Оказалось, что она воспротивилась суровому закону сокольничих и среди ночи ушла из родной деревни, в которой жили одни женщины. У этого странного воинственного народа существовали свои обычаи, неприемлемые для Древней расы, где женщины обладали большой силой и властью. Традиции и обычаи сокольничих вызывали у колдуний Эсткарпа такое отвращение, что они отказали сокольничим в земле в пределах государства, когда те несколько веков назад пришли откуда-то из-за моря. Поэтому владения этого народа находились высоко в горах, между Эсткарпом и Карстеном. Их мужчины жили отдельно от женщин, в боевых отрядах. Смысл жизни сокольничих заключался в войне и набегах, в женщинах они видели лишь бездуховную плоть, непригодную ни для чего, кроме рождения детей. Между мужчиной и женщиной, по их понятиям, не существовало любви или страсти. С любовью мужчины относились только к своим соколам. А женщины жили в долинах, и несколько раз в году избранные мужчины отправлялись в женские поселения, чтобы зачать новое поколение. Что касалось рождения детей, то здесь существовал жесткий отбор, и новорожденного сына Анхорты убили только за то, что у него была повреждена ножка. Женщина покинула свой дом и отправилась в Южный Форт. Но никто так никогда и не узнал, почему она выбрала именно тот день и тот час и каким образом узнала, что нашей матери нужна помощь. Да никто и не осмеливался спросить ее об этом, потому что она смотрела на всех угрюмым, тяжелым взглядом. Нас она окружила теплом и любовью, которую не в состоянии была нам дать родная мать, госпожа Джелита.

С того часа, как на свет появились Кемок и Каттея, она погрузилась в некий транс и так проводила день за днем — ела то, что клали ей в рот, не ведая, что творится вокруг.

Мой отец обратился за помощью к колдуньям, но получил в ответ следующее — Джелита всегда шла своей дорогой, и они не собираются вмешиваться в игры судьбы и не будут догонять того, кто по собственной воле ушел от них так далеко. После этих слов отец стал мрачным и молчаливым. В ратных подвигах он пытался заглушить свое горе. Стали поговаривать, что он упорно ищет дорогу, ведущую к Черным Воротам. До нас ему не было дела, лишь изредка он справлялся о нашем здоровье. Не волновало его и то, что нас воспитывает чужой человек.

Госпожа Джелита поправилась лишь через год, но была еще настолько слаба, что быстро уставала, и ее постоянно клонило в сон. Она казалась омраченной чем-то, словно разум был охвачен непонятной печалью. Наконец беды и тревоги остались позади, и наступили светлые времена. В канун нового года в Южный Форт прибыл сенешаль Корис со своей женой, леди Лоисой, чтобы немного отдохнуть после того, как, благодаря огромным усилиям, удалось добиться перемирия в нескончаемой войне. И впервые за многие годы вдоль границ Эсткарпа не было огня и погонь — ни на севере, где рыскали ализонские волки, ни на юге, где все кипело от бесконечных набегов. Но не успели жители древнего Эсткарпа вздохнуть с облегчением, как через четыре месяца нависла новая угроза, исходящая от Пагара.

В то время Карстен представлял собой огромное поле битвы для многочисленных лордов, рвущихся к власти, так как герцог Ивиан был убит в войне с кольдерами. Леди Лоиса тоже имела все права на это разваливающееся на глазах герцогство. Выданная замуж за герцога насильно — это был ритуальный брачный договор на топоре, — она никогда не претендовала на то, чтобы стать властительницей Карстена, но после смерти супруга она, по закону, могла вступить на престол. Однако ничто не связывало ее с этой страной, кроме перенесенных там страданий. Горячо любя Кориса, она с легким сердцем отказалась от прав на Карстен. Ее вполне устраивала политика Эсткарпа, которая заключалась в том, чтобы сохранить и укрепить древнее королевство, а не идти войной на своих соседей. И Корис с Саймоном, энергично поддер-

живающие гаснущую мощь Древней расы, были против ссор на границе и уповали на то, что распри в герцогстве отвлекут их внимание от соседей.

Но настали другие времена. Пагар, который начинал мелким арендатором на юге, стал набирать в свои войска кого попало, чтобы прийти к власти. Сначала он завладел двумя южными провинциями, затем стал владыкой Карса — разорившиеся местные торговцы готовы были провозгласить своим повелителем кого угодно, кто пообещал бы им восстановить мир. К концу того года, когда мы появились на свет, Пагар был уже достаточно силен, чтобы рискнуть выступить против объединенных сил противника. А еще через четыре месяца его провозгласили герцогом. Он пришел к власти в государстве, раздираемом на части войнами, междоусобицами, распрями. Его окружение состояло из всякого сброда, главным образом — из наемников, которых под знамена Пагара привела лишь жажда наживы. Удержать их можно было только обещая легкую добычу, иначе они в любой момент сами отправились бы на разбой. И Пагар сделал то, чего ожидали и опасались мой отец и Корис: он устремил свой взор за пределы герцогства в поисках доступных земель. И смотрел он на север. Эсткарп стоило хорошенько потрясти. Ивиан, под воздействием кольдеров, изгнал и уничтожил тех людей Древней расы, что давным-давно основали Карстен, так давно, что никто и не помнит точной даты. Они погибали в мучениях или их изгоняли далеко в горы. За их спинами остался лишь страх и унижение. В Карстене были уверены, что в один прекрасный день Эсткарп потребует расплаты за эти жертвы. Теперь Пагару оставалось лишь слегка подыграть таким настроениям, выступить против Древней расы и тем самым сплотить герцогство. Но Эсткарп был грозным противником, и Пагару нужно было еще кое в чем убедиться — дело было не столько в непреклонных и достойных воинах Древней расы, сколько в колдунях Эсткарпа, которые обладали Силой, не подвластной никаким объяснениям. Выступать против них было опасно. К тому же между Эсткарпом и сулькарцами существовал прочный и нерушимый союз, а последние были бесстрашными мореходами, вынудившими Ализон пойти на перемирие после тяжких сражений. В любой момент они могли повернуть свои корабли на юг, и тогда не защищенному со стороны моря Карстену было бы не сдобро-

вать, а это грозило восстанием торговцев Карса. Поэтому Пагар начал готовиться к войне тайно.

В то лето все началось с небольших набегов на Эсткарп — то там, то тут, — достаточно осторожных, чтобы сокольничьи и хранители границы, которыми командовал мой отец, не заподозрили приближение войны. Набеги эти без труда отражали, и похожи они были на укусы комара — потери в несколько человек. Было ясно — это делалось, чтобы понемногу истощать силы Эсткарпа. Мой отец предупреждал об этом. В ответ Эсткарп обратился за помощью к флоту сулькарцев, что заставило Пагара призадуматься. Густвар выставил против него двадцать кораблей, благополучно перенесших шторм благодаря отличной морской практике, и нанес сокрушительный удар по патрульно-сторожевой службе карстенцев, что вывело из строя войско герцога на целый год. За этим последовал мятеж на юге, в тех местах, где когда-то правил Пагар, под предводительством его единокровного брата — так что Пагару пришлось бросить все силы на подавление повстанцев. Таким образом, три года, а может и больше, были отвоеваны, и угрозы хаоса удалось избежать, а закат Эсткарпа не завершился вечной ночью, чего так боялась Древняя раса.

Во время военных действий нас увезли из Форта, но не в Эс, так как мать и отец держались подальше от того города, где правил Совет. Леди Лоиса перебралась в небольшое поместье в Эстфорде и взяла нас к себе. Анхорта по-прежнему заменяла нам родную мать, и с хозяйкой Эстфорда у них установились отношения, основанные на взаимной заботе и уважении. Ведь когда-то леди Лоиса, переодевшись в платье наемника, отважилась вместе с моей матерью пробраться в самое логово врага, в Карсе, и противостоять там герцогу Ивиану и его силам.

Наконец, после затяжного выздоровления, госпожа Джелита совсем поправилась и начала помогать моему отцу, приняв на себя обязанности помощницы Хранителя Границы. Вместе они владели Силой, но не так, как это делали колдуньи. И теперь я знаю, что волшебницы с подозрением и завистью относились к их единому Дару, хотя он был направлен только на благо Древней расы и Эсткарпа. Колдуньи утверждали, что мужчина не может обладать колдовским Даром, и к тому же втайне недолго любили мою мать за то, что

она связала свою судьбу с Саймоном, человеком из другого мира и времени. В то время Совет не проявлял к нам, их детям, никакого интереса. Скорее всего, они просто игнорировали факт нашего существования. Каттею даже не подвергли проверке на обладание Даром, что проделывали со всеми девочками Древней расы по достижении ими шестилетнего возраста.

Я смутно помню нашу мать в те годы. Изредка она появлялась в поместье, в окружении хранителей границы, с интересом наблюдала за тем, как я ползаю по полу, клала мою детскую ручонку на гладкую рукоять меча. Но такое случалось очень редко. Отца же мы почти совсем не видели. Охрана южной границы отнимала у родителей все время. Со всеми вопросами и проблемами мы обращались к Анхорте и были очень привязаны к леди Лоисе. К матери и отцу мы относились с уважением и почитанием, но и только. Отец был не тем человеком, что умеет ладить с детьми, и, мне кажется, в глубине души он считал нас причиной тех страданий, что выпали на долю его жены при родах, а она была для него самым дорогим человеком на свете. Одним словом, с родителями нас не связывали тесные родственные узы, но зато втроем мы были словно одним целым, хотя и сильно отличались друг от друга. По воле матери в этой жизни у меня было предназначение воина, у Кемока — мудреца, а у Каттеи — колдуньи. Кемок, к примеру, столкнувшись с проблемой, не действовал сразу: он все обдумывал и взвешивал и только после этого приходил к какому-либо решению. С ранних лет он начал задавать много вопросов и, если не получал вразумительного и обстоятельного ответа на некоторые из них, сам погружался в глубокие раздумья и докапывался до сути.

Каттея обладала Даром. На ней лежала печать исключительности — не только по отношению к нам, но и ко всему окружающему: животным и людям. Очень часто ее Сила подавляла мои действия или решения Кемока. Не помню точно, когда мы впервые осознали, что обладаем Силой. Втроем мы были едины: я — действие, Кемок — ум, а Каттея — сердце и наши эмоции. Но из какой-то непонятной нам самим осторожности мы ни с кем не делились этой тайной, хотя не сомневаюсь, что Анхорте было хорошо известно о нашей единой Силе.

В шесть лет нам с Кемоком подарили маленькие, специально для нас сделанные мечи и дротики, и мы приступили к освоению искусства владения оружием — все представители Древней расы должны уметь постоять за свою землю в трудные времена. Нашим наставником стал сулькарец по имени Откелл. Его направил отец, чтобы мы получили настоящее боевое образование. Откелл владел в совершенстве почти всеми видами оружия, а во время нападения на Карс он был одним из офицеров Густвара. Несмотря на то, что никому из нас не пришлось по душе секира, что очень разочаровало нашего наставника, мы с Кемоком в совершенстве освоили другие виды оружия, заслужив одобрение Откелла, весьма требовательного к ученикам.

Нам шел двенадцатый год, когда представилась первая возможность проявить на практике боевое искусство. К тому времени Пагар навел порядок в своем герцогстве и решил еще раз попытаться счастья на севере. Флот сулькарцев доблестно сражался с Ализоном, и разведчики, должно быть, сообщили об этом герцогу. Он направил лучшие отряды на север, в горы, чтобы те одновременно атаковали противника в пяти различных местах.

Сокольничьи приняли на себя один из таких ударов, а две оставшиеся шайки добрались до той долины, где до этого не ступала вражеская нога. Отрезанные с тыла, они дрались как безумные, стремясь во что бы то ни стало уничтожить все на своем пути. Горстка этих дикарей добралась до реки Эс, захватила одно судно, предав команду мечу, и направилась вниз по течению, задумав, вероятно, добраться до моря. Их удалось выследить, и в устье реки пришельцев поджидал военный корабль. Они сошли на берег в пяти милях от Эстфорда, и все мужское население с окрестных ферм устроило на них охоту. Откелл запретил нам следовать за ним, и мы не посмели настаивать на своем. Но не прошло и часа после того, как его вооруженный отряд покинул Эстфорд, Каттея получила послание. Оно так резко обрушилось, что она схватилась за голову и вскрикнула от неожиданности, стоя между нами на сторожевой башне. Это было послание колдуньи, предназначавшееся не маленькой девочке в нескольких милях от нее, а опытным колдуньям Древней расы. Но часть этой мысленной мольбы о помощи попала к нам через нашу сестру.

Некогда было задумываться, имеем ли мы на это право: мы поспешили на помощь, оседлав тайком своих коней. Не раздумывая, мы взяли с собой Каттею — она была не просто нашим проводником, мы были одним неделимым целым. Трое детей, но не обычных, а наделенных Силой, поскакали прочь от Эстфорда. Мы помчались к тому месту, где укрылись дикие волки из Карстена, взяв в плен заложницу-колдунью.

В сражении все решает счастливый случай или судьба. Говорят, например, — вот, мол, этому командиру везет, потери у него всегда незначительные, и всегда-то он оказывается в нужном месте в подходящий или самый решающий момент сражения. В чем-то, конечно, это заслуга того, что превосходит обычное умение пользоваться оружием, а именно: стратегии и опыта, ума и сноровки. Но почему-то другим, обладающим теми же качествами, при подобных обстоятельствах никогда не везет. В этот день именно удача сопутствовала нам. Мы обнаружили логово врага и убили охрану — пятерых хорошо обученных и отчаянных бойцов, — так что раненая, истекающая кровью, но при этом гордая колдунья была спасена. Мы почему-то почувствовали себя неловко под ее властным взглядом, и наше единство распалось. Только потом я понял, что мы с Кемоком словно и не существовали для нее: она была полностью сосредоточена на Каттее, и от ее изучающего взгляда исходила некая непонятная нам угроза. Мы были беззащитны перед ней.

За неповиновение Откелл сек нас с Кемоком несколько дней подряд, несмотря на то, что мы так отличились. Но мы были рады, что колдунья снова исчезла из нашей жизни, проведя в Эстфорде всего одну ночь. Намного позже, потерпев первое поражение, мы узнали наконец, что последовало за ее визитом, — оказывается, колдуньи приказали подвергнуть Каттею проверке на обладание Даром, но наши родители отказали им в этом, и Совету пришлось на какое-то время смириться. Колдуньи не потерпели поражение, нет, они никогда не полагались на опрометчивые поступки и считали, что время их союзник. И время работало на них.

Спустя два года Саймон ушел в море на корабле сулькарцев, чтобы проверить сообщение о том, что ализонцы сооружают какие-то странные укрепления на островах. Подозревали, что кольдеры снова дали о себе знать. Больше ни о нем,

ни о корабле ничего не слышали. Из-за того, что мы так мало знали о своем отце, его исчезновение не внесло в нашу жизнь каких-либо существенных изменений. Вскоре в Эстфорд вернулась наша мать, и на сей раз это был не просто короткий визит. Она прибыла в сопровождении личного эскорта и осталась с нами. Говорила она мало, и взгляд ее часто устремлялся куда-то вдаль. В течение нескольких месяцев они с леди Лоисой каждый день на несколько часов запирались в одной из башен. С тех пор леди Лоиса изменилась: она побледнела и исхудала так, словно ее покидала жизненная сила. Моя мать тоже таяла на глазах: черты ее лица обострились, взгляд стал отсутствующим. Потом она вдруг потребовала, чтобы мы втроем пришли к ней в комнату. Там царил полумрак, хотя день был солнечный, и все три окна были раскрыты. Она указала пальцем на портьеры, и они опустились, подчинившись ее воле. Открытым осталось лишь одно окно, выходящее на север. Желита начертила какие-то линии на полу, и они вдруг задрожали и словно ожили, превратившись в замысловатый узор. Потом, не проронив ни слова, она приказала нам встать на него, а сама бросила сухие травы на небольшую жаровню. Повалил дым и заслони́л нас друг от друга. И в тот же миг мы снова стали едины, как тогда, до встречи с колдуньей.

А потом — трудно передать словами то, что мы ощутили — нас метнули словно стрелу. Я утратил чувство времени, пространства и своего «я» — существовали только цель и воля, они поглотили меня целиком. И мы снова стояли перед нашей матерью. Теперь она была уже не той чужой и далекой женщиной, как раньше. Она была живой, близкой. Она протянула к нам руки, слезы бежали по ее впалым щекам.

— Мы дали вам жизнь, — молвила она наконец, — а вы вернули мне Дар, дети мои!

Она взяла со стола маленький пузырек и вылила его содержимое на те угасающие угольки, что остались на жаровне. Вспышка — и все изменилось. Но невозможно было объяснить, что именно. Я моргнул и снова стал самим собой, а не частью кого-то. Мать уже не улыбалась, она была полна решимости. И решимость эта передалась нам.

— Да будет так! Я иду своей дорогой, вы выбираете свою. Я сделаю то, что будет в моих силах, — верьте мне, дети мои! И в том, что судьба разъединяет нас, никто не виноват. Я от-

правляюсь на поиски вашего отца, если он все еще жив. Вам уготована другая участь. Воспользуйтесь тем, что в вас заложено. Пусть меч никогда не подведет вас, а щит всегда сохранит! Быть может, когда-нибудь в конце пути наши дороги сольются. И вопреки всему и всем судьба улыбнется нам!

Глава 2

Итак, в то летнее утро мать умчалась прочь из наших жизней; желтая пыль вздымалась из-под копыт ее коня, и небо над головой было безоблачным. Со сторожевой башни мы провожали ее взглядом, пока она не скрылась вдали. Она оглянулась два раза и на прощанье подняла руку — мы отсалютовали в ответ, клинки наших мечей грозно блеснули на солнце. Но Каття, стоявшая между нами, неожиданно вздрогнула, словно от прикосновения прохладного ветра, неизвестно откуда налетевшего в такой жаркий день. Рука Кемока нашла и накрыла ее руку, вцепившуюся в парапет.

— *Я видела его*, — сказала она, обращаясь к нам мысленно, — *я видела его — совсем одного... Среди скал, высоких скал и бурлящей воды...* — На этот раз ее била крупная дрожь.

— Где? — властно спросил Кемок. Сестра покачала головой.

— Не могу сказать где, но очень далеко — дальше, чем море и суша вместе взятые.

— Этого недостаточно для того, чтобы заставить мать прекратить поиски, — заметил я, сжимая меч. Я ощутил чувство утраты, но как измерить потерю того, чем никогда не обладал? Мои отец и мать, в отличие от многих семей, построили собственный мир. Для них он был всем, и никто не смел в него вторгаться. Ничто — ни Сила, ни добро, ни зло — не могло удержать госпожу Джелиту от поисков мужа, разве что ее собственная смерть. И предложи мы ей свою помощь в поисках, она бы отвергла ее.

— Мы вместе. — Кемок подхватил мою мысль, словно я произнес ее вслух.

— Надолго ли? — Каття снова вздрогнула, и мы обернулись и посмотрели на нее. Я опять сжал рукоять своего меча. Кемок положил руку сестре на плечо.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, но я почувствовал, что ответ мне известен.

— Обладающие Даром Провидения скачут с воинами. Тебе не надо оставаться здесь, когда Откелл позволит нам присоединиться к хранителям границы!

— Обладающие Даром Провидения! — воскликнула она. Кемок еще крепче вцепился в ее плечо.

— Колдуньи не возьмут тебя к себе на обучение! Наши родители запретили!

— наших родителей нет с нами, чтобы отказать им! — резко ответил мне Кемок.

Нас вдруг охватил страх. Ведь колдунью учат совсем другому — не тому, как владеть мечом, стрелами или топором. Она уходит от тех, кто близок ей по крови, удаляется в мир волшебства на многие годы. А когда возвращается, никакие узы родства для нее уже не существуют, она подвластна только зову тех, в чьих руках сокрыто обладание Даром. Возьми они Каттею к себе и облачи ее в серые безликие одежды, мы потеряем сестру навсегда! И Кемок прав: Саймона и Джелиты нет с нами, а кто кроме них сможет воздвигнуть непреодолимый барьер между нашей сестрой и волей Совета?

С того самого часа над нашей жизнью нависла угроза, и страх еще больше укрепил наше единство, словно сжал нас в тугое кольцо. Мы читали мысли друг друга, хотя я владел этим умением в меньшей степени, чем Кемок и Каттея. Но жизнь шла своим чередом, и мы понемногу успокоились, так как страх питают сигналы беды, а их не было. Тогда мы еще не знали, что мать боролась за нас изо всех сил — до тех пор, пока не покинула Эсткарп. Она пошла к Корису и заставила его поклясться на топоре Вольта (наделенном сверхъестественной силой оружия, которое подчинялось только ему и досталось из мертвой руки того, кто был меньше, чем Бог, но больше, чем человек) в том, что он защитит нас от ухищрений Совета. Корис дал клятву, и мы жили в Эстфорде как и прежде.

Шли годы, набеги со стороны Карстена становились все более настойчивыми. Пагар возобновил прежнюю политику постепенного ослабления Эсткарпа. В ту весну, когда мы насчитывали за своими спинами по семнадцать зим, он потерпел крупное поражение, понеся тяжелые потери. В том сражении

мы с Кемоком тоже принимали участие, нас даже хвалили за храбрость. Эсткарпу угрожала опасность; хотя война оказалась делом темным и грязным, если выбора нет, берутся за меч.

В полдень, когда наш отряд шел легким галопом, напав на след неприятеля, мы неожиданно получили послание. Каттея словно наяву стояла передо мной и плакала в отчаянии. И хотя я не видел ее глазами, но чувствовал, как ее голос болью отдается не только в моих ушах, но и во всем теле. И я услышал, как вскрикнул Кемок, прищпоривая коня. Командиром у нас был Дермонт, беженец из Карстена, примкнувший к хранителям границы, когда мой отец организовывал первые отряды. Он преградил нам дорогу. Его смуглое лицо ничего не выражало, но он так решительно встал на нашем пути, что мы остановились.

— Куда? — спросил он.

— Нам нужно уехать, — ответил я, зная, что меня уже ничто не остановит. — Мы получили послание — наша сестра в опасности!

Он изучающе посмотрел мне в глаза и понял, что я говорю правду. Затем отошел влево, освободив проход.

— Скачите! — это был одновременно приказ и разрешение. Знал ли он, чем рискует? Если бы знал, наверняка не отпустил нас. А быть может, он дал нам возможность попытаться счастья, ведь мы были молоды и выносливы, и хотя бы поэтому у нас были шансы добиться успеха. Мы помчались во весь опор, дважды меняли лошадей в лагерях, говоря, что должны передать срочное сообщение. Галоп, шаг, опять галоп... Дремали в седле по очереди, когда лошади шли шагом. Казалось, прошло много времени — целая вечность. Наконец среди бескрайней равнины впереди показался Эстфорд. Больше всего мы боялись встретить налетчиков, но их не было: огонь и меч не дошли до этого места. Но от этого бремя нашей тревоги не стало легче.

В ушах звенело от усталости, но уже стали различимы звуки рога со сторожевой башни, и мы прищпорили своих уставших лошадей, чтобы поспеть на помощь сестре. Белая пыль покрывала нас с ног до головы, но гербы нашего рода на груди были различимы, поэтому мы беспрепятственно преодолели колдовской барьер, и в крепости уже знали, что приближаются свои.

Моя лошадь споткнулась, как только мы въехали во двор, и я едва успел вытащить онемевшие ноги из стремян и соскочить на землю, как она упала на колени. Кемок к тому времени уже спрыгнул со своего коня и помчался в дом. Перед нами стояла, удерживаясь на ногах лишь благодаря последнему усилию воли, не Каттея, — Анхорта. И, заглянув ей в глаза, Кемок остановился как вкопанный. Я встал рядом с ним и опустил руку на его плечо. Первым заговорил мой брат:

— Ее нет — они забрали ее!

Анхорта кивнула — очень медленно, словно малейшее движение причиняло ей нестерпимую боль. Ее длинные косы расплелись, в темных волосах блестела седина. А лицо! — она стала старухой, из которой вырвали желание жить. Проклятие Власти — вот что это было! Анхорта встала между своей воспитанницей и колдовской Силой, она противопоставила всю свою человеческую волю той страшной Силе, что во много раз превышала мощь любого оружия.

— Они... забрали... ее... — в словах ее не было плоти, это были лишь серые призраки человеческой речи, звучащие будто из уст самой смерти. — Они... отделили ее от вас... стеной. Гнаться за ней — это... смерть.

Мы не хотели верить, но это была правда. Колдуньи забрали нашу сестру, и, последуй мы за ней, их преграда убьет наше тело и дух. И смерть наша не спасет Каттею. Кемок так крепко впился в мою руку, что его ногти впились в кожу. Так захотелось ему ответить болью на боль, причинить себе физические страдания... В тот миг нас скорее всего спасло полное изнеможение после долгой и утомительной дороги. И когда Кемок схватился руками за голову и зарыдал, а потом бросился ко мне, мы оба упали на землю без сил. Анхорта умерла через час. Мне кажется, она последним усилием воли цеплялась за жизнь только потому, что ждала нас. Но перед тем как навсегда покинуть этот мир, она снова заговорила, и, успев немного прийти в себя после огромного потрясения, мы внимательно вслушивались в ее слова.

— Вы — воины, — она перевела взгляд с Кемока на меня, потом снова посмотрела на убитое горем лицо брата. — Колдуньи считают, что воины сильны... лишь действиями, а потому смотрят на них свысока. И сейчас... они думают, что вы будете приступом брать их ворота... чтобы высвободить свою

дорогую сестру. Но сейчас сделайте вид... что смирились, и со временем... они поверят в это.

— А сами в это время сделают с Каттеей все, что им нужно, и она станет одной из них — обладательницей Дара, колдуньей. Они лишат ее даже имени! — с горечью воскликнул Кемок.

— Вы недооцениваете свою сестру, — нахмурилась Анхорта. — Она не какая-нибудь послушная девочка, с которой... можно сделать все, что угодно. По-моему, этим колдуньям... она доставит много неприятностей. Сейчас они не ожидают этого.

Мы с детства считали Анхорту женщиной мудрой, к ее словам следовало прислушаться. Но в нас бушевала такая ненависть к проклятой Силе, что мы не могли смириться. В те часы разорваны были последние нити, которые связывали нас с Советом. В тот вечер мы получили еще одно печальное известие — сенешаль Корис, который все эти годы был для Эсткарпа символом непобедимости и нерушимости границ, истекал кровью на юге. Леди Лоиса поспешила к своему раненому мужу, тем самым лишив Каттею последней защиты. И теперь все то, что поддерживало наш маленький собственный мир, исчезло без следа.

— Что нам делать? — задавал Кемок один и тот же вопрос на протяжении всей ночи, когда мы предали прах Анхорты земле и остались одни в комнате.

— Вернемся назад...

— В отряд? Чтобы защищать тех, кто все это сделал?

— Пусть все так думают, ведь в их глазах мы еще зеленые юнцы. Анхорта сказала, что от нас ждут решительных действий, а значит ловушка для нас готова. Но...

Глаза его вдруг блеснули.

— После таких слов, брат, никогда не говори, что ты не способен на глубокие мысли. Ты прав, абсолютно прав! Для них мы дети, а дети слушаются старших. Подыграем им. И еще... — он задумался, потом продолжил, — нам нужно еще кое-чему поучиться у колдуний...

— Но ведь мы мужчины, а Даром обладают только женщины.

— Ты прав. Но Сила может быть разной. Разве наш отец не доказал это? Как бы колдуньи ни хотели, отрицать его Дар

они не могли. Им не принадлежат все знания. Ты слышал что-нибудь о Лормте?

Сначала это название показалось мне незнакомым. Но потом я вспомнил, как однажды случайно услышал разговор между Дермонтом и одним человеком. Лормт, где ведется Летопись.

— Но что мы можем узнать из старых бумаг?

Кемок улыбнулся.

— Кое-что может нам пригодиться, Килан, — твердо ответил он. — Восток, брат мой, восток!

Я недоуменно уставился на него. Восток — зачем нам восток? Восток... Восток. Я пожал плечами. Восток... На севере Ализон, готовый вцепиться нам в горло, на юге Карстен со своими нескончаемыми набегами, на западе корабли сулькарцев бороздят бушующее море, а за горизонтом какие-то острова и неизведанные земли, именно там Саймон и Джелита обнаружили гнездо кольдеров. Но на востоке — пустота, там ничего нет...

— А теперь скажи, почему! — потребовал Кемок. — Ведь у Эсткарпа есть граница и на востоке, но слышал ли ты когда-нибудь хоть малейшее упоминание о ней? Теперь подумай, что может быть там?

Я закрыл глаза и представил карту Эсткарпа, которую часто изучал во время военных действий. Горы?..

— Горы? — нерешительно произнес я.

— А за ними?

— Одни горы, на всех картах, — и ничего больше! — я говорил уже уверенно.

— А почему?

Почему? Действительно, почему? На картах подробно изображали земли за границами Эсткарпа и на севере, и на юге, и на западе. У нас были и морские карты, нарисованные сулькарцами. Но ничего, абсолютно ничего на востоке. И это «ничего» в действительности должно было означать что-то очень важное.

— О востоке даже не задумываются, — продолжил Кемок.

— Как?

— Спроси кого угодно о востоке. О нем не говорят.

— Может быть, но почему?

— Сознание людей заблокировано. Готов поклясться.

— Но зачем?

— Вот это мы и должны узнать. Разве ты не понимаешь, Килан, нам нельзя оставаться в Эсткарпе, если удастся освободить Каттею. Колдуньи никогда добровольно не выпустят ее из своих рук. А куда мы можем уйти? Где спрятаться от них? Ализон или Карстен будут только рады принять нас... но в качестве пленников. Род Трегарта слишком хорошо известен. И сулькарцы не помогут нам, когда колдуньи станут нашими врагами. Но представь, что мы скроемся в той стране или в том месте, существование которого отказываются признавать...

— Конечно! Но не так же все просто на самом деле! Для того, чтобы заблокировать сознание людей, причина должна быть очень серьезной.

— Этого я не отрицаю. И мы откроем эту тайну, чтобы воспользоваться ею в своих целях.

— Но почему же мы?.. — начал было я, а затем сам ответил на собственный вопрос новым вопросом. — Из-за того, что мы — не чистокровные?

— Скорее всего. Давай попытаемся выведать все в Лормте. Я встал. Нужно было действовать, и немедленно.

— Ты думаешь, нам удастся? Неужели Совет позволит вторгаться в то, что нам знать не положено? Я думал, что ты согласился разыгрывать из себя послушных их воле, вернуться в отряд и вести себя так, будто мы признали свое поражение.

Кемок вздохнул.

— Ты не находишь, что быть молодым трудно, брат? — спросил он. — За нами, безусловно, будут наблюдать. Нам неизвестно, насколько они осведомлены о нашем мысленном контакте с Каттеей. Конечно, они догадаются о нем, ведь мы появились в Эстфорде по первому ее зову. Но... после этого случая контакта с ней почему-то не было. — Он не смотрел на меня, потому что знал: я не буду ему возражать. Мы никогда не обсуждали это, но знали, что между Каттеей и Кемок существовала более тесная связь, чем со мной. Казалось, что несколько часов между нашим появлением на свет отделили меня от них.

— Кемок! Та комната в башне, где наша мать...

Но он покачал головой.

— Наша мать много лет изучала колдовство. У нас же нет опыта, нет знаний и силы, чтобы идти этой дорогой, по край-

ней мере сейчас. Будем опираться на то, чем владеем в совершенстве. Что касается Лормта... знаешь, я уверен, что при желании можно открыть любые ворота. Или хотя бы подобрать к ним ключи. Мы...

Что заставило меня поправить его? Вспышка предвидения?

— Ты сделаешь это, Кемок. Я уверен, Лормт покорится тебе.

В Эстфорде нас больше ничто не удерживало. Откелл возглавил небольшой отряд, который доставил леди Лоису в Южный Форт. И никто из горстки оставшихся не возражал, когда мы заявили, что возвращаемся в свой отряд. На следующий день мы покинули Эстфорд, совершенствуя по дороге свои способности — старались общаться, посылая друг другу мысленные сигналы с настойчивостью, которую никогда не проявляли в подобных упражнениях раньше.

Месяц за месяцем мы тренировали себя, скрывая от товарищей эти занятия. От Каттеи по-прежнему не поступало никаких сообщений, хотя мы уже знали, что она находится в абсолютно уединенном месте для новообращенных. Некоторые стороны нашего таланта проявились сами по себе. Так, Кемок обнаружил, что после наших занятий он может легко запоминать очень многое из однажды услышанного или увиденного и вбирать в себя информацию из сознания окружающих. Допросы всех пленников теперь стали доверять только ему. Возможно, Дермонт догадывался о способностях Кемока, но ни о чем не спрашивал. Со своей стороны, не обладая таким талантом, но всем сердцем желая внести свой вклад в побег за горы, я начал медленно осознавать, что от родителей тоже унаследовал некоторые способности. Оказалось, что я могу воздействовать на животных. Я знал лошадей так хорошо, как никто среди воинов. Мог укротить их крутой норой или направить в нужном направлении одним лишь усилием воли.

Казалось, до Лормта добраться невозможно. Схватки на границе учащались, и мы с головой ушли в тактику ведения партизанской войны. Над Эсткарпом сгустились тучи, и мы знали, что наш побег из опустошенной земли — вопрос времени. Корис остался жив, но из-за увечий топор Вольта ему стал не под силу. Рассказывали, как он отправился на юг, к морским скалам, и вернулся оттуда без своего сверхсильного оружия.

С того самого момента удача отвернулась от него, и его люди терпели одно поражение за другим.

Месяцами Пагар водил нас за нос, словно и не собирался наносить решающий удар, а просто получал удовольствие от своих маневров. Говорили, что корабли сулькарцев отправились в неизвестном направлении с представителями Древней расы на борту. Я был уверен, что причиной задержки финального удара являлся давний страх перед Силой и незнание в полной мере того, на что она окажется способна, когда колдуньи объединят всю свою мощь в борьбе с противником. Эскарп может сгореть дотла или поработить весь мир.

Шел второй год, как забрали Каттею. Наконец-то Кемоку удалось открыть путь к Лормту, но не совсем так, как мы это себе представляли. Он попал в засаду и вышел с покалеченной правой рукой. Было неясно, сможет ли он свободно владеть ею в дальнейшем. Перед тем как его отправили на лечение, мы успели поговорить:

— Рана скоро заживет, надо только очень захотеть. Ты тоже приложи свои усилия, брат, — проговорил он, хотя в глазах его застыла печаль. — Очень скоро я буду здоров, и тогда...

Слов больше не требовалось.

— Время в любой момент обернется против нас, — предупредил я его. — Карстен может напасть совершенно неожиданно. Сколько часов у нас в распоряжении?

— Не знаю. А надо делать то, в чем уверен! Будем надеяться на успех!

Мы расстались, но наши сердца были по-прежнему вместе. Расстояние лишь чуть-чуть ослабило нашу связь, заставив приложить новые усилия. Я знал, когда он отправился к Лормту. Затем он сообщил, что мы должны на время прервать контакт, так как он обнаружил, что с Лормтом связаны какие-то ухищрения Силы, а это опасно. Потом — на несколько месяцев — тишина.

На границе было по-прежнему беспокойно, и, несмотря на то, что я был совсем молод, мне доверили небольшой отряд. Нас объединяла постоянная опасность, мы были друзьями. Но я знал, что другое единение сильнее, и если я потеряю Кемока или Каттею, то потеряю все. Я не позволял себе расслабляться и продолжал работать над собой. Я ждал... и казалось, что ждать придется намного дольше, чем я способен выдержать.

Глава 3

Мы исхудали и озлобились, став похожими на ализонских собак, которых специально натаскивали для охоты на людей, и носились по долинам и горам, каждую ночь удивляясь, что все еще сидим в седле, а утром, после короткого сна, снова приветствуем рассвет живыми и невредимыми. Объединись Ализон и Карстен в борьбе против нас, Эсткарпу придет конец, его растопчут и проглотят. Но, похоже, Пагар не желает праздновать победу вместе с Фасселианом из Ализона, — у него, видимо, были свои причины действовать в одиночку. Возможно, мы даже не догадывались о том, на что способна Сила. Но мы знали наверняка, что колдуньи во главе с Верховной Владычицей способны управлять некоторыми людьми. На тот случай, если Сила потеряет свою мощь и влияние на события, в критический момент потребуются люди, которых колдуньи смогут использовать в своих целях.

В конце второго лета, после того, как Кемок покинул нас, они задумали предпринять решающий шаг. На все посты были разосланы сообщения, а затем поползли слухи. Мы должны были отступить, спуститься с гор и сгруппироваться в долинах Эсткарпа, забрав с собой с тех земель, что так долго защищали, всех представителей Древней расы, носящих на своей груди гербы Эсткарпа. Для сторонних глаз все это было просто безумием, но слухи сделали свое дело — мы якобы устраиваем ловушку, да такую, что наш мир никогда не видывал; будто колдуньи, встревоженные постоянным истощением наших сил в этой войне, задумали сконцентрировать всю свою мощь и либо преподнести Пагару урок, который ему не забыть вовеки, либо похоронить всех нас на поле битвы. Нам было приказано отступить так незаметно и быстро, чтобы противник не сразу обнаружил, что в горах никого нет и все дороги открыты. И мы исчезли, отряд за отрядом, группа за группой, под надежным прикрытием. Потребовалось чуть больше недели для того, чтобы вся Древняя раса собралась в долинах.

Сначала люди Пагара насторожились. Слишком уж часто они попадались в наши ловушки и засады. Но вскоре они начали просачиваться через горы. Флот сулькарцев выстроился в той бухте, где в море впадала река Эс; некоторые из кораблей встали на якорь даже около пустынного Горма, где никто не

жил после того, как оттуда изгнали кольцеров, другие — в самом устье реки. Был пущен слух, будто в случае провала всей операции остатки Древней расы поднимутся на борт этих кораблей, чтобы скрыться за морем. Не было сомнений в том, что все эти сплетни предназначались для ушей шпионов Алисона и Карстена, которые, вероятно, были среди нас. Иначе все это действительно походило на безумие, а в Совете не было глупцов. Возможно, поверив в наши замыслы, армия противника поспешила в горы, и вскоре все там кишело воинами Карстена.

По воле случая мой отряд оказался в нескольких милях от Эстфорда, где мы разбили лагерь и выставили пикетчиков. Лошади были беспокойны, и, проходя мимо них, стараясь понять причину их поведения, я тоже ощутил, что над нами сгущается какая-то сила, что все в природе начинает смещаться, терять равновесие. словно земля и то, что на ней находится (люди и звери), — все оказалось под воздействием какой-то энергии... И вдруг меня осенило. Вся жизнь в Эсткарпе словно собиралась вокруг некой сердцевины... и готовилась...

Я старался успокоить лошадей силой своей воли и теперь убедился, что нас вбирают в себя... Гнетущую тишину не нарушало ни пение птиц, ни дуновение ветерка; жара становилась невыносимой. Некая мертвая тишина ожидания. Все чувства обострились, и меня вдруг пронзила мысль. «Килан — Эстфорд — немедленно!» И эта мысль была такой же сильной, как зов о помощи Каттеи несколько лет тому назад. Я отвязал неседланную лошадь, которую держал за гриву, вскочил на нее и помчался во весь опор в замок, который служил нам домом. Позади что-то кричали мне след, но я не оглянулся.

— *Кемок, что случилось?*

— *Скорее!* — прозвучал приказ.

Чувство потери жизненной энергии во всем, что я видел вокруг, охватило меня. Настораживало то, что природа не издавала ни малейшего звука; казалось, мир замер.

Впереди появилась сторожевая башня замка, но флага над ней не было. Я не увидел ни часовых, ни каких-либо признаков жизни у стен. Наконец я добрался до ворот, открытых как раз настолько, чтобы мог въехать всадник.

Кемок ждал меня там, где мы когда-то увидели умирающую Анхорту. Но он не был раздавлен Силой, он был жив. Причем его жизненная энергия кипела и передавалась мне,

словно я, оказавшись вдруг один на один с врагом, услышал воинственный клич товарища по оружию. Нам не требовались слова. Мы — как передать это чувство? — словно слились в один сильный поток.

— Вовремя... — он пошел к дому.

Я спрыгнул с лошади, и она сама направилась в конюшню, словно за конюхом. Я снова оказался под сводами замка Эстфорда. Теперь это было пустынное место, вся домашняя утварь куда-то исчезла. Я помнил, что леди Лоиса живет в Южном Форте вместе с Корисом. Еще раз огляделся вокруг, словно искал что-нибудь родное среди вещей. У большого стола стояла скамья, на нее Кемок выложил галеты и фрукты. Но я не чувствовал голода.

— Потребовалось много времени, — громко сказал брат. — Подобрать ключ к такому замку не так-то легко.

Я не стал спрашивать, достиг ли он успеха: глаза его блестели от радости.

— Сегодня ночью колдуньи выступают против Карстена, — Кемок ерзал на скамье, словно не мог сидеть спокойно. — А через три дня, — он посмотрел на меня, — Каттея должна дать колдовскую Клятву!

У меня перехватило дыхание. Либо мы вырвем сестру из их пут, либо навсегда потеряем, и она станет одной из них.

— У тебя есть план. — Я не спрашивал. Он пожал плечами.

— И, по-моему, преотличный. Мы вызволим ее из Места Власти и отправимся на восток!

Так все просто на словах, но на деле... все может обернуться по-другому. Забрать ее из Места Власти равносильно тому, что пробраться незамеченными в Карс и выкрасть Пагара.

Кемок улыбнулся, прочитав мои мысли. Он показал руку — грубый шрам рассекал ее, и когда он попытался согнуть пальцы, то два из них остались неподвижны.

— Вот мой ключ к Лормту. К тому же мне пригодилось то, что находится здесь. — Он постучал негнушимися пальцами по лбу, на который ниспадали непослушные черные кудри, — все мы унаследовали их от своих родителей. — Мне удалось узнать в Лормте то, что держалось в тайне ото всех. Они даже не представляют, какое направление мы выберем для побега. Ведь Место Власти...

Я горько усмехнулся.

— Да? А что ты скажешь о стражах, расставленных вокруг него? Попади мы самовольно в их владения, нас ничто не спасет. И, говорят, это не обычные люди, против которых можно идти с оружием в руках.

— В чем-то ты действительно прав, брат. Стражи, может быть, и не люди, и это так. Но и мы не безоружны. А завтра они могут потерять былую силу. Знаешь ли ты, что произойдет под покровом темной ночи?

— Совет выступит против...

— Да, но каким образом? Говорю тебе, они используют всю Силу, которая накапливалась несколько поколений. Они обратятся к востоку!

— К востоку? И что тогда?

— Они заставят горы и землю прийти им на помощь. Это будет финальный удар в битве против угрозы смерти.

— Но... смогут ли они сделать это? — Власть может создавать иллюзии, может усилить свое влияние... Но то, о чем так самоуверенно заявил Кемок... что-то не верится.

— Однажды им это удалось, и они попытаются еще раз. Но для того, чтобы осуществить задуманное, они должны собрать такой запас энергии, что на некоторое время наступит истощение. Не могу сказать, умрет ли кто-нибудь из них. Возможно, многие выживут после подобного опустошения, но им потребуется время, чтобы восстановить былую мощь. Значит, все их стражи будут бессильны, и нам удастся победить.

Да, Древняя раса зародилась не в Эсткарпе — они пришли оттуда, из-за гор, так много лет назад, что никто не помнит об этом. Они бежали от какой-то опасности, и за их спинами Сила воздвигла горы, изменила ландшафт, отрезала их от прежнего мира. Сознание заблокировали, внушая людям на протяжении нескольких поколений, что их родина здесь. Скажи, ты хоть раз слышал, чтобы кто-нибудь говорил о востоке?

С тех пор, как Кемок высказал свое предположение относительно востока, я стал прислушиваться к разговорам в отряде, но ни разу не услышал ни слова, ни намека, а стоило мне попытаться навести воинов на подобную тему, я ощущал, что натываюсь на пустоту, словно этой стороны света не существовало вовсе.

— Если они бежали от такой опасности, что им пришлось прибегнуть к... — начал было я.

— Между тем временем и днем настоящим пролегал пропасть в тысячу лет, а может, и больше. Древняя раса сегодня уже не та, какой была раньше. Всякий огонь когда-либо гаснет. Я уверен, что за нами будут охотиться не так, как за шпионами Карстена или налетчиками из Алисона, даже не так, как за кольдерами, если кто-то из них все еще живет в этом времени и в этом мире. Мы для них опаснее. Но никто не последует за нами на восток.

— Мы не чистокровные, не принадлежим к Древней расе полностью — сможем ли мы преодолеть их заграждения?

— Этого мы не узнаем до тех пор, пока не попробуем. Но ведь мы можем думать и говорить о востоке, в отличие от остальных. В Лорнте мне удалось узнать, что даже сами летописцы не верят в эти легенды. Они не догадались, что я прочитал все манускрипты.

Кемоку удалось убедить меня. Другого плана действий у нас не было. Уже пора было отправляться в путь, ведь Место Власти и Эстфорд разделяют многие мили. Я сказал об этом Кемоку.

— У меня есть пять скакунов торских кровей, — ответил он. — Два из них здесь и готовы для дальней дороги, остальные спрятаны в надежном месте. На них мы отправимся на восток.

Он заметил в моих мыслях восторг и уважение и улыбнулся.

— Да, нелегко было их достать. Их покупали по одному в течение года под вымышленными именами.

— Но откуда тебе было известно, что произойдет?

— Я просто верил, что нас ждет успех и мы должны быть готовы ко всему. Ты прав, брат, пора в путь, чтобы гнев колдуний не успел выбить нас из седла.

Торских скакунов вывели в высокогорных районах, поросших вереском, скрывающих своими вершинами Болота торов. Их отличают выносливость и скорость — те качества, которые не всегда встретишь у лошадей. И они так высоко ценятся, что приобрести сразу пять скакунов было практически невозможно, тем более для одного человека. К тому же, сенешаль самолично следил за ними, и все кони были наперечет. С виду они были неприметными, серовато-коричневыми, с темными гривами и матовой шерстью, которая не блестела, как бы ее ни чистили. Но в смелости, выносливости и скорости они не имели равных. Седла на обоих скакунах были легкими — такие

обычно использовали при объездах морского побережья. Под воздействием этой жуткой ночи они возбужденно пританцовывали, чего обычно не делали. Мы вывели их во двор, вскочили верхом и покинули стены замка. Солнце уже почти опустилось за горизонт, но на небе сгустились пурпурно-черные тучи причудливой формы... Надвигалась опасность... Земля же словно притаилась в угрожающей тишине.

Мой брат продумал все, определив в том числе кратчайший маршрут. Но в эту ночь даже торские скакуны не неслись как обычно. Казалось, что мы пробираемся сквозь вязкий песок, и, вместо того, чтобы идти галопом, мы плелись почти шагом. Тучи заволокли все небо, не стало видно ни звезд, ни луны. Какая-то неведомая сила подчинила себе природу. Однажды мне приходилось проезжать мимо Болот торов и наблюдать некое жуткое свечение в полумраке. На этот раз такие же тусклые огоньки стали появляться то там, то тут вокруг нас — на ветках деревьев, на кронах кустарников, на плюще, обвивающем стену. Нас постепенно охватывало мрачное предчувствие. Лошади тоже ощущали приближение чего-то неведомого и жуткого — они стали пофыркивать и вставать на дыбы. Я обратился к Кемоку:

— Надо их успокоить!

Последние полмили я изо всех сил пытался их усмирить мысленно, но тщетно. Мы остановились, спрыгнули на землю, и я встал между двумя скакунами, положив руки на их могучие шеи. Кемок присоединился ко мне, и совместными усилиями нам удалось добиться результата. Хотя они продолжали храпеть и дрожать всем телом, но встали неподвижно.

Сконцентрировавшись на лошадях, я и не заметил, что все вокруг стремительно менялось. Меня вдруг ослепила яркая вспышка в небе. Потом раздался зловещий грохочущий звук, не похожий на гром. Он исходил не сверху, а откуда-то из-под земли, которая внезапно пришла в движение. Лошади заржали, но по-прежнему стояли на месте. Они прижались ко мне, словно в нашем единстве пытались найти якорь спасения в обезумевшем мире. Жуткие вспышки мелькали со всех сторон, озаряя небо. И снова раскаты грома из-под ног. Потом полная тишина, и неожиданно на нас обрушился такой шквал ярости, который невозможно вообразить. Земля стала уходить из-под ног, словно под ее поверхностью по направлению к го-

рам прокатилась огромная волна. Ветер, с утра притаившийся где-то, вдруг обезумел, вырывая с корнем деревья и кустарники, вбирая в себя воздух из наших легких. Бороться с этим было бесполезно — безумство природы лишало нас даже возможности двигаться. Оставалось только выстоять и не терять надежду, очень слабую, что нам удастся спастись и пережить схватку земли, огня, воздуха, а потом и воды — начался дождь, если, конечно, можно назвать дождем такие хлесткие удары воды. Если сила этой бури лишала нас возможности мыслить, то что тогда творилось там, наверху? Этой ночью горы пришли в движение, теряясь в огромных волнах земли, которая пожирала их склоны, превращала равнины в холмы, сдвигала все на своем пути... Барьер, устроенный природой между Эсткарпом и Карстеном, который мы укрепляли на протяжении многих лет, рассыпался у нас на глазах, исчезал под воздействием неведомой разрушительной силы, которой ничто не могло противостоять.

Рука об руку, единые духом, мы с Кемоком стали одним целым, пережив весь этот кошмар. Конец света — вот что это было такое. Из нас вырывали слух и зрение, из последних сил мы боролись за то, чтобы не потерять осязание, ведь потеряв способность чувствовать, мы утратим все остальное, перестанем быть самими собой.

Наступил конец привычного мира — мы уже не смели надеяться на спасение. И тут сумрак ночи стал сменяться тусклым рассветом, верхушки деревьев посеребрились, буря понемногу утихла. Мы все еще стояли на дороге, прижавшись друг к другу, — Кемок, я и лошади — и не могли поверить тому, что остались живы. Земля больше не уходила из-под ног, разум стал постепенно возвращаться к нам, словно выползая откуда-то из укрытия, где пытался спрятаться во время кошмара ночи. К нашему удивлению, следов шторма мы почти не обнаружили — лишь несколько сломанных веток, чуть влажная дорога. Мы посмотрели на юг. Там по-прежнему нависали тучи, рассвет не сменил ночь, и мне показалось, что на горизонте еще появлялись вспышки. Было ясно, что Совет пустил в ход невиданную до сих пор в Эсткарпе Силу, и я почти не сомневался в том, что Пагара наконец остановили. Находиться в горах в такую ночь! Я пригладил мокрую взъерошенную гриву своего коня. Он фыркнул, переступил с ноги

на ногу, словно пробуждаясь после какого-то ужасного сна. Вскочив в седло, я все еще не мог поверить в наше спасение, оно казалось призрачным.

Кемок уже был на коне.

— *Вот наш час!*

Мысленный контакт был более разумным, словно все то, что мы будем предпринимать теперь, сможет пробудить неведомые силы. Мы слегка прищипорили торских скакунов, и на этот раз они рванули с места и помчались словно по ветру с привычной для них скоростью. Занималась заря, неожиданно утреннюю тишину нарушило пение птицы. Напряжение ночи спало. Мы свободны, перед нами только дорога, а время теперь — наш злейший враг.

С основной дороги Кемок свернул на узкую тропу, и здесь нам пришлось перейти на шаг, так как пробираться сквозь завалы, образовавшиеся после бури, было не так-то просто. Но мы упорно двигались вперед, компенсируя задержки на открытых пространствах. То ли мы скакали по тайной дороге, то ли весь Эсткарп в тот день был не в силах опомниться от потрясения, но на пути мы не повстречали ни души, даже около ферм. Мы ехали по опустошенной земле. Удача сопутствовала нам.

К закату мы добрались до заброшенной усадьбы, пустили коней пастись и оседлали тех трех скакунов, что Кемок припрятал до решающего часа. По очереди мы вздремнули, и, когда взошла луна, прикосновение брата разбудило меня.

— Час настал, — полусшепотом произнес он.

А потом, когда мы соскользнули с седел и заглянули в лошину, где роша окружала старинный темный замок, ему можно было и не добавлять:

— Вот это Место!

Глава 4

Чем дальше я смотрел на замок, тем больше ощущал некую вибрацию — словно перед нами висел невидимый занавес. Почти неуловимые искажения тени и света вытянули дерево, удлиннили куст, заставили камень дрожать... В следующий миг все встало на свои места. Кемок протянул мне свою изувеченную руку, я сжал ее. И тут я проник в его мысли так,

как никогда ранее. Он направил послание в самое сердце Места Власти! Но, попав в невидимое ограждение, оно отлетело назад, как стрела, пущенная в крепостную стену Эса. Кемок снова направил всю свою силу и попытался проделать то же самое во второй раз, вобрав одним глотком и мою энергию. На этот раз мы пробили стену, прошли сквозь нее! А потом... Словно в огонь бросили сухую ветку — вспышка, неистовство, радость — Каттея! Если бы я хоть на секунду предположил, что она могла измениться, что ей может не понравиться наше вмешательство, я бы не пытался спасти ее. Она узнала нас, обрадовалась, я ощутил ее безмерное желание стать свободной... Затем, вслед за радостью, появилось мрачное предчувствие и предупреждение. Она не могла сказать нам, что разделяет нас, из ее послания мы лишь поняли, что стражи не являются воинами-людьми. Она не могла пойти нам навстречу и предупредила, что наш мысленный контакт может привлечь внимание охраны. Внезапно она прервала нить нашего общения.

— Пусть будет так, — тихо произнес Кемок. Я разжал руку и опустил ее на рукоять меча, хотя понимал, что в эту ночь сталь не поможет нам в бою.

— *Налево, под деревья, потом быстро добежать до стены вон туда...* — Моя военная выучка взяла верх, я обследовал каждый уголок этого странного искаженного места.

— *Да...*

Кемок полностью положился на мои навыки разведчика, но он и сам не был новичком в подобных делах, и мы спустились со склона по всем правилам военного искусства. Я обнаружил следующее — если быстро посмотреть вперед, а затем, секунду спустя, оглянуться, то искажение вокруг становилось заметно меньше. Мы добрались до роши и снова столкнулись с внешней защитой Места, как будто с размаха ударились лицом о стекло. Его не было видно, даже ощутить его было нельзя, но мы и шага не могли ступить дальше.

— Усилим воли — заставим барьер исчезнуть! — сказал Кемок, обращаясь не ко мне, а как бы подбадривая самого себя.

Переключиться на работу мысли было не так-то легко, но я заставил себя, сказав, что перед нами нет никакой стены, ничего, кроме земли, растущих на ней деревьев, ночи...

Медленно мы начали продвигаться вперед, пробивая барьер волевым усилием. Теперь я поверил в то, что Сила ослабела,

сдвигая прошлой ночью горы. Кемок оказался прав. Невидимая стена неожиданно отступила, мы словно прорвали плотину и по инерции пробежали вперед.

— Это только начало...

Я и сам понимал то, о чем хотел предупредить меня Кемок. Все заграждения и ловушки, устроенные колдуньями вокруг самого сердца Власти, должны быть неожиданными и непредсказуемыми. И, одержав первую победу, нельзя расслабляться, глупо радоваться, ведь главное — впереди.

Среди деревьев возникло какое-то движение. Моя рука снова опустилась на рукоять меча. Это было нечто осязаемое — я видел блеск металла в лунном свете, слышал шаги. Стража? Здесь?.. Шлем сокольного, потом сулькарца... Затем возникли лица. Знакомые черты... Дермонт, Никон... Я знал их всех, воевал с ними бок о бок. Делил с ними скудный паек. А теперь от их лиц исходила угроза, ненависть. Я понимал — они исполняют свой долг, а мы предатели... Рука моя соскользнула с меча, и я чуть было не рухнул перед ними на колени и...

— Килян!

Сквозь накатившую волну вины и стыда я услышал этот крик. Логика взяла верх над чувствами. Их же нет здесь, всех этих товарищей по оружию, чуть не погубивших меня. Я снова обрел ту решительность, с которой пробивал невидимую стену. Передо мной стоял Дермонт. Глаза его блестели от гнева, стрела его была направлена прямо на меня. Но Дермонта здесь нет — на самом деле, это всего-навсего дерево или кустарник. Сила направила против меня собственное сознание. Я увидел, как он выстрелил. Его здесь нет! Все исчезло — стрела, люди, блеск металла! Я услышал приглушенный голос брата.

— Позади второе заграждение.

Мы направились дальше. Интересно, насколько хорошо эти стражи изучили нас, если выставляют передо мной призраки знакомых мне людей? Кемок вдруг засмеялся.

— Разве ты не понимаешь, брат? — он услышал вопрос в моих мыслях и ответил вслух. — Ты же сам подыгрываешь им.

Как же я не догадался! Галлюцинации! Колдуньи любят эти штучки, и человек сам помогает им, порождая в своем мозгу образ.

Мы очутились под стенами замка. Настоящий камень — можно было ощутить его влажность и прохладу. Интересно, что еще приготовили колдуньи? А может, это все?

— Их так легко не победить, — снова раздался смех Кемок. — Я знал, что ты недооценишь их, Килан. Худшее — впереди.

Я встал лицом к стене, а Кемок взобрался мне на плечи и подтянулся. Потом я ухватился за его руку и тоже оказался наверху. Мы заглянули в сад. С одной стороны его окружала стена, на которой мы стояли, с трех других сторон — дом. Было тихо. В лунном свете сад казался сказочным. Музыкальный фонтан, бассейн овальной формы, благоухание цветов и трав... Этот запах, что-то знакомое... Я вспомнил — травы с таким запахом способны усыпить человека, одурманить его...

— *Не думаю.* — Снова Кемок отвечал на мои мысли. — *Они живут здесь, совершенствуют свою Силу. Здесь такого быть не может.* — Он осторожно наклонил голову и глубоко вдохнул этот волшебный аромат.

— *Нет, не надо бояться.*

Мы спрыгнули на землю. Где теперь искать Каттею? В доме темно — еще разбудим кого-нибудь...

— *Может, обратиться к ней?*

— *Нет!* — сердито подумал Кемок. — *Никаких посланий — их сразу же перехватят. Это тоже их оружие!*

Но он не был уверен в том, что предпринять дальше. Здание было погружено в темноту. Мы не знали, в какой комнате находится наша сестра. Теперь... Опять движение, чья-то легкая тень. Кто-то вышел в сад — уверенно, не чувствуя опасности. Только счастливая случайность позволила мне не вскрикнуть, когда я увидел ее в лунном свете. Темные волосы, распущенные по плечам, лицо повернуто к свету, словно она желала, чтобы мы увидели ее черты. Девичье лицо, но повзрослевшее, с печатью того опыта, который был ей неведом, когда я видел ее в последний раз. Каттея разрешила нашу загадку — она сама идет нам навстречу! Кемок подался вперед, раскрыв для объятий руки. Настала моя очередь предупредить его, заставить не поддаваться эмоциям. Инстинкты бывалого разведчика подсказывали мне: здесь что-то не так. Сначала Дермонт, теперь Каттея — она может оказаться таким же мирражом, как и те войны. Разве не о ней мы думали, и наши мысли без труда

могли использовать колдуньи? Она улыбалась, и красота ее могла растопить сердце любого мужчины. Стройная, высокая, шелковистые темные волосы оттеняли бледную кожу, такая изящная походка... Она протянула руки, глаза блестели — она радовалась нашей встрече. Я оттолкнул Кемок. Он даже не оглянулся на меня: все его внимание было приковано к ней.

— Кемок! — голос ее был тихим, чуть громче шепота, и таким манящим, ласковым...

Я схватил брата, он сердито взглянул на меня.

— Каттея! Пусти меня, Килан!

— Каттея... быть может. — Не знаю, что удерживало меня от того, чтобы поверить своим глазам. Но брат либо не слышал меня, либо не хотел понимать.

Она была уже близко, и цветы склонили свои головки, когда она коснулась их подолом своего серого одеяния. Но я до сих пор слышал звук металла и шаги в роще. Как проверить, мираж это или реальность?

— Кемок... — тот же полусшепот. Но я ведь тоже был рядом, почему она зовет только брата? Конечно, связь между ними всегда была более тесной, но теперь ее глаза видели только его, произносила она только его имя — казалось, она вовсе не замечала меня. Почему?

— Каттея? — я тоже понизил голос почти до шепота. Она не отвела глаз от брата, как будто я не существовал для нее. И в тот же миг Кемок вырвался из моих рук, ринулся к ней и обнял. Она глянула поверх его плеча, но по-прежнему не замечала меня, и губы ее расплывались все в той же улыбке. Я все больше сомневался. Если это женщина, а не галлюцинация, то она затеяла какую-то игру. Когда мы мысленно искали нашу сестру, она могла перехватить наш контакт. И то послание, что дошло до нас от Каттеи, было полно радости от предстоящей встречи. Разве можно лгать в мыслях? По-моему, я бы не смог, хотя кто знает, на что способны колдуньи...

— Пойдем! — обняв девушку за талию, Кемок подтолкнул ее впереди себя к стене. Может, я совершаю ошибку, но лучше узнать сейчас, чем потом, когда будет слишком поздно.

— Послушай, Кемок! — я схватил его за плечо, применив гораздо больше силы, чем хотел.

Он попытался вырваться и выпустил ее из рук. Его охватила ярость.

— Не думаю, что это Каттея, — медленно проговорил я, вложив в эти слова всю свою волю. А она стояла чуть поодаль и улыбалась, она видела только его, словно я был невидимым.

— Кемок... — опять она произнесла его имя, ни слова протеста в мой адрес.

— Ты сошел с ума! — лицо моего брата стало белым как мел. Он готов был разорвать меня на куски.

Смогу ли я убедить его сейчас, когда он в таком состоянии? Я заломил его руку за спину, а затем развернул лицом к девушке. Он пытался вырваться, но я держал его мертвой хваткой и снова обратился к нему.

— Да посмотри на нее! Посмотри на нее хорошенько!

Ему пришлось повиноваться. Он посмотрел на ту, что выдавала себя за Каттею. Постепенно он перестал сопротивляться. По-моему, я победил. Каттея, улыбаясь, как ни в чем не бывало, продолжала твердить его имя, словно знала одно-единственное слово.

— Кто... кто она?

Я отпустил его. Теперь и ему было ясно, что это не наша сестра. Но если это мираж, то где настоящая Каттея? И девушка не исчезла после того, как мы узнали правду. Я дотронулся до ее руки и ощутил пальцами плоть, человеческое тепло. Если это галлюцинация, то такой нам еще видеть не приходилось.

— Не знаю, кто это, но не та, кого мы ищем. А если бы мы забрали ее и ушли... — Кемок не договорил...

— Ты прав. Колдуньи одержали бы победу. Но если это двойник, то где наша сестра?

Кемок постепенно приходил в себя после того, как чуть было не совершил ошибку.

— Эта... пришла оттуда. — Он указал на дверь. — Значит, вон там, в противоположной стороне находится та, которую мы ищем.

Похоже, он прав, по крайней мере другой идеи у меня не было.

— Кемок... — она снова протянула к нему руки. Она смотрела на него и звала к стене, показывая, куда нужно бежать. Он вздрогнул, отвернулся.

— Килан, скорее — нужно спешить!

Повернувшись к ней спиной, брат побежал к дому, я — следом, с ужасом представляя, как в любой момент раздастся за нашими спинами крик той, что выдавала себя за нашу сестру, и все проснутся. Вот она, эта дверь. Кемок первым коснулся ее. Я представил, какие крепкие засовы должны быть на ней. Как нам с ними справиться? Но дверь легко поддалась, и Кемок заглянул в темноту.

— Держись за мой пояс, — приказал он, и в его голосе прозвучала такая настойчивость, что я подчинился. Соединившись, мы нырнули в кромешную тьму.

Кемок продвигался быстрыми, решительными шагами, словно знал дорогу. Мое плечо задело косяк еще одной двери. Кемок свернул налево. Я протянул свободную руку в сторону и коснулся стены — наверное, коридор. Затем брат остановился, резко повернул направо, раздался звук открываемой двери. Свет, тусклый и еле различимый, но свет. Мы стояли на пороге маленькой комнаты, похожей на келью. Я выглянул из-за плеча Кемока. На краю узкой кровати сидела она и ждала нас. В ней не было той свежести, улыбочности, нетронутой красоты, что у той, в саду. Опыт тоже отложился на лице этой девушки, но иначе. Эта красота не была похожа на оружие, словно о ней и не догадывались. Губы ее разомкнулись и безмолвно произнесли два имени. После этого Каттея вскочила на ноги и подбежала к нам, протянув руки обоим.

— Быстрее, о, быстрее! — шепот ее был еле слышен. — У нас так мало времени!

На этот раз никаких сомнений не было. Я схватил Каттею за руку, никаких галлюцинаций! Наша сестра! Мы втроем нырнули в темноту, выбрались на свежий воздух ночного сада. Той, второй, Каттеи не было. «К стене, в рошу», — она все время мысленно поторапливала нас. Каттея подобрала длинный подол платья, с треском отдирая его от кустарников, за которые он цеплялся, словно хотел задержать беглянку. Теперь мы уже ни от кого не прятались, главное — скорость. Задыхаясь от усталости, мы добежали до того места, где спрятали своих торских скакунов. Как только мы оседлали лошадей, раздался глухой звук колокола. Чем-то он напоминал те раскаты, что мы слышали прошлой ночью во время движения гор. Лошади наши заржали, будто испугались повторения кошмара. Мы поскакали прочь от этого места, и я прислушивался ко

всем посторонним звукам — но гром не грянул, земля была спокойна. На всякий случай я спросил Каттею:

— Какая будет погоня?

Волосы ее развевались, глаза блестели. Она повернулась ко мне.

— У них есть другие слуги, но сегодня их нет...

Даже торские скакуны еле выдерживали ту скорость, с которой мы неслись по долине. Я знал, что они волнуются и могут встать на дыбы. И на то были свои причины. Я вложил все свое умение обращаться с животными в то, чтобы успокоить их, восстановить равновесие.

— Отпустите поводья! — приказал я. — Они пойдут сами — отпустите поводья!

За наших с Кемоком лошадей я не боялся, но в той, на которой скакала Каттея, уверен не был. Торские скакуны подчинились не сразу. Сначала они продолжали нестись во весь опор, но, почувствовав мой приказ, начали успокаиваться, а затем перешли на шаг. Над головами вдруг раздался режущий ухо вой — услышав хоть раз в жизни голос снежного барса, никогда его не забудешь. Они, безусловно, некоронованные владыки гор. Но непонятно, что ему нужно в здешних краях, так далеко от тех мест, где он привык охотиться. Может быть, тот зов, что заставил нас покинуть границу, услышали животные и покинули привычные места обитания?

Мой конь встал на дыбы, заржал, словно барс очутился перед его мордой. Кемок тоже с трудом справился со своей лошастью. Но скакун моей сестры, как ветер, пронесся мимо нас, и остановить его, как я ни старался, не мог. Его переполнял ужас. Вероятно, он представил, что снежный барс приготовился к прыжку и выбрал его своей жертвой. Необходимо было укротить скакуна Каттеи — я связался мысленно с сестрой и попытался усмирить ее коня. Это оказалось нелегким делом, так как мне нужно было удерживать собственного. Наконец удалось заставить его пересилить страх перед барсом.

Я оглянулся на Кемока и произнес сквозь стиснутые зубы:

— Мы можем не справиться с лошадьми!

— Была ли это уловка колдуний? — спросил он.

— Наверняка. Будем скакать, сколько сможем.

И мы помчались дальше, с Кемоком во главе, по той дороге, что он выбрал заранее. Я держался чуть поодаль на слу-

чай нападения. Лишь усилием воли я удерживал себя в седле, валясь от усталости и напряжения, — я, который верил, что силен настолько, что в состоянии выдержать все, особенно в последние дни существования Эсткарпа. Каттея ехала молча, она давала нам силы двигаться к цели.

Глава 5

Свет! Может быть, занимается заря? Нет, не похоже... Огонь! Прямо перед нами! Кемок натянул вожжи, Каттея поравнялась с ним, чуть позже я встал рядом. Зловещая огненная стена преградила нам путь. Лошади под нами опять забеспокоились, начали пофыркивать, мотать головами! Заставить их пройти сквозь эту стену невозможно. Каттея медленно оглянулась по сторонам, словно искала ворота среди огня. Затем она издала звук, похожий на смех.

— Неужели они решили, что я так глупа? — властно спросила она, но не у нас, а у самой природы. — Не верю! Ничему этому не верю!

— Иллюзия? — спросил Кемок.

Да, но я ощущал запах дыма, слышал, как потрескивают языки пламени. Сестра кивнула. Теперь она смотрела на меня.

— Мне нужен факел!

Лошадь чуть не сбросила меня, потом понеслась прочь. Я с трудом заставил ее остановиться, успев сорвать на ходу сухую ветку. Отдав ее Кемоку, я достал из поясной сумки спички и запалил. Ветка загорелась не сразу, словно не хотела подчиняться моей воле. Наконец она вспыхнула, Каттея выхватила ветку из руки Кемока и начала размахивать ею в воздухе, чтобы получился настоящий факел. И поскакала вперед. Я заставил ее коня ринуться прямо к огню. Каттея размахивала своим необычным оружием из стороны в сторону, и вскоре появилась новая, созданная сестрой, стена пламени. Две огненные преграды шли друг на друга, словно их притягивала какая-то неведомая сила. Но как только яростный огонь столкнулся с тем, что зажгла наша сестра, он моментально исчез!

Продолжал гореть лишь факел... Каттея снова засмеялась, и на этот раз в ее голосе звучало удовлетворение.

— Детские игры! — закричала она. — Не могли придумать что-нибудь получше, колдуны?

Из горла Кемока вырвался крик протеста, он поскакал к ней, протянув свою не сгибающуюся руку вперед.

— Не дразни их! — приказал он. — Нам повезло.

Когда она посмотрела на него, а потом перевела свой взгляд на меня, глаза ее светились, но лицо приняло какое-то отчужденное выражение.

— Вы не понимаете, — холодно повторила она. — Лучше сейчас сразиться с ними, когда они слабы: потом, когда мы устанем, они наоборот соберутся с Силой. Нельзя ждать того момента, когда они сами захотят сразиться!

Она была права. Боюсь, что Кемоку так не казалось. Он, вероятно, решил, что наша сестра, вырвавшись после долгого заточения на свободу, опьянела от нее. Она заговорила снова.

— Нет, братья, свобода не опьянила меня, как того сулькарца, что сошел на берег после долгого плавания и на радостях выпил много вина! Хотя так вполне могло быть. Доверьтесь мне: я узнала достаточно хорошо тех, с кем прожила все это время. Нам бы не удалось спастись сегодня ночью, не потеряй они так много Силы. С ними надо сразиться сейчас, когда они слабы, иначе потом они уничтожат нас.

Она начала напевать какие-то заклинания, опустив поводья. И странно было наблюдать за торским скакуном, который стоял под ней как вкопанный, словно его лишили жизни. Некоторые из слов, которые она напевала, были мне знакомы, имели смысл, другие были непонятными и чужими. Но они значили многое. Я с ужасом ждал чего-то страшного — на вражеской территории, где за каждым камнем нас поджидала смерть, могло произойти все, что угодно. По спине пробежал холодок, нервы были на пределе. В другой ситуации я бы знал, как действовать, но сейчас приходилось сидеть и ждать, а ждать неизвестно чего — это так ужасно! С каждым моментом напряжение нарастало.

Каттея вызывала Силу, притягивая ее невидимыми нитями к себе, как магнитом, чтобы поглотить ее нашей совместной Силой так, как это сделал наш огонь с их иллюзией. Но удастся ли нам победить их на этот раз? Я знал, колдуны способны на многое, и начал сомневаться в том, что Каттея пересилит их. Вот-вот весь мир восстанет против нас. Но в ответ на за-

клинания моей сестры не разразилась буря, сметающая все на своем пути, не появились галлюцинации и иллюзии. Внешне ничего не произошло. Но появился... страх. Черный, сковывающий страх — самое опасное оружие против разума, способное уничтожить все, что живет в душе человека.

— *Киран!* — это был Кемок!

Немного помедлив, я ответил на послание.

Нас было трое, но мы были одним целым, пусть чуть неуклюжим и потрепанным, но целым — против скольких? Но с чувством единения пришла и поддержка Каттеи — нам не нужно нападать, нам придется лишь защищаться. Если мы выстоим, продержимся, не сдадимся, то у нас останется надежда на победу. Это было похоже на схватку борцов, когда один противопоставляет другому всю свою силу. Я утратил чувство собственного «я». Киран Трегарт, капитан разведотряда, стал частью нас троих и ждал... Вдруг, после вечности ожидания, пришло сообщение:

— *Расслабься.*

Я подчинился безоговорочно. Потом неожиданно, откуда-то сверху раздалось резкое:

— *Объединиться! Держитесь!*

Мы чуть не упали. Но как борец может применить какое-то неожиданное движение, для того чтобы свалить противника с ног, так и Каттея выбрала подходящее время и тактику. Она лишила противника равновесия. Еще одно усилие — мы опять устояли на ногах; волна ударов, один за другим, но я чувствовал, что с каждым разом они становились медленнее и слабее. Потом все исчезло. Мы посмотрели друг на друга, оглядели себя с ног до головы — трое людей, три человеческих тела, целы и невредимы. Первым заговорил Кемок.

— На какое-то время...

Каттея кивнула.

— На какое-то время — но на сколько, не могу сказать. Будем надеяться, что мы выиграли достаточно.

Мы отправились дальше, и настоящее утро приветствовало нас рассветом. Торские скакуны устали, и мы не подгоняли их. Перекусили на ходу тем, что осталось от пайков. Мы почти не разговаривали, берегли силы для того, что могло быть впереди.

На горизонте стали вырисовываться восточные горы, темные и мрачные. И я знал, что впереди нас ждет последняя

стена между Эсткарпом и Неизвестностью. Что лежит там? Из того, что удалось выведать в Лормте, было ясно, что за горами ждала какая-то опасность. А может, время уменьшило ее? И лучше ли мчаться от того, что мы знали, в Неизвестность, которая может оказаться во много раз опаснее?

Наступил день. Мы старались держаться подальше от селений. На наше счастье, ферм здесь почти не было. Многие поля поросли лесом. Все реже встречались признаки человеческого вмешательства в природу. Горы стали принимать угрожающие размеры. И хотя мы почти приблизились к их склонам, сами горы были далеко. Казалось, что они покоятся на некой огромной платформе, которая движется со скоростью, равной нашей, и уносит их вперед. Весь день я ожидал следующего проявления Силы, пытаясь разглядеть хоть какие-нибудь признаки охоты на нас. Я не верил, что она была до такой степени истощена, что не в состоянии нас перехватить, не дать уйти на восток. Но мы ехали без чьего-либо вмешательства. Мы остановились, чтобы дать лошадям передохнуть, а самим поспать по очереди, и снова отправились в путь. Все вокруг дышало ожиданием. Вдруг мимо нас пробежала какая-то странная зверюшка и скрылась в зарослях. Чутье подсказывало мне: опять что-то не так. Нас поджидает опасность...

— Может быть, — ворвался в мои мысли Кемок, — они не понимают, что мы не заблокированы против востока, и до сих пор верят в то, что мы направляемся напрямиком в ловушку, и спасения для нас нет — вернемся обратно к ним в руки.

Возможно, брат прав. Но я не мог полностью согласиться с ним. И, устроившись на ночлег, не разжигая огня, на берегу горного ручья, я продолжал всматриваться в ночь с таким чувством, что придет облегчение, если они атакуют нас.

— Думать так, Килан, — прозвучал голос Каттеи, которая склонилась к ручью, чтобы умыться, — значит открыть себя для атаки. Нерешительность человека — это тот рычаг, при помощи которого они могут сломить его.

— Не приняв мер предосторожности, мы не можем ехать дальше, — возразил я.

— Да, но они всегда будут держать открытой маленькую дверь. И эту дверь нам никогда не закрыть, брат. Скажи мне, где находится то место, в котором мы должны укрыться от них?

Каттея удивила меня. Она что, думает, что мы вызволили ее из Места Власти только для того, чтобы вслепую скакать по стране, не имея никакого плана действий?

Она рассмеялась.

— Нет, Килян, я высоко ценю ваши умственные способности. Я знала, что у вас есть определенный план действий с того самого момента, как вы позвали меня из-за крепостной стены Места. Я знаю, все дело в этих горах, к которым мы так стремились. Но теперь настало время мне обо всем узнать.

— Идея принадлежит Кемоку, пусть он...

Она стряхнула капли воды с руки на высохшую под солнцем траву.

— Тогда пусть Кемок расскажет обо всем.

Мы уселись рядом перекусить, и Кемок поведал ей всю историю с самого начала, рассказал о том, что ему удалось узнать в Лормте. Она внимательно слушала, не прерывая его вопросами, потом, когда он закончил, кивнула.

— Я могу продолжить твой рассказ, брат. До последнего часа, до того, как мы добрались до этого места, я ехала вслепую...

— Что ты имеешь в виду?

Она посмотрела на меня.

— Я уже сказала, Килян. Я ехала сквозь мглу. О, иногда я различала дерево, куст или камни. Но в основном это был туман.

— Но ты ничего не сказала!

— Нет, потому что понимала, что это — иллюзия, которая не коснулась вас. — Она завернула часть пирога в салфетку и положила его в сумку. — И это подстроили не они. Вы говорите, что наше сознание не заблокировано против востока, потому что мы не чистых кровей. Я согласна с этим. И мне кажется, что на меня повлияло обучение у колдуний, а если бы я приняла Клятву, то стала бы полностью принадлежать им...

— А если ты и дальше не будешь видеть так, как мы? — взволновался я.

— Тогда вы поведете меня, — тихо ответила она. — Если это вызвано какой-то пустотой, пробелом в сознании, то не верю, что это надолго, — надо только преодолеть барьер, пройти через горы. Но теперь я с тобой полностью согласна, Кемок. Они успокоятся, прекратят охоту на нас, так как убеждены, что мы

вернемся назад. Они не понимают, что по крайней мере двое из нас могут свободно пройти в Никуда!

Я не мог полностью разделить ее убежденности, но из опыта хранителя границы знал: оттого, что будешь гадать о будущем, твоя жизнь не продлится ни на секунду, и ход событий тоже не изменится ни в плохую, ни в хорошую сторону. Ее объяснения по поводу того, что вокруг нее словно туман, были мне понятны. Но сможем ли мы без труда пробраться на свободу? Идти через горы вслепую — поступок отчаянный. Кемок задал вопрос, который крутился у меня в голове.

— Этот туман — какой он? Ты сказала, что видишь какие-то предметы?

— Не знаю. — Каттея покачала головой. — По-моему, это зависит от воли. Стоит мне сосредоточиться на чем-нибудь, чего почти не вижу, на размытых очертаниях, и заставить себя всмотреться, — очертания становятся четче. Но это требует концентрации, которая может сработать против нас.

— Каким образом? — спросил я.

— Потому что я должна слушать...

— Слушать? — я тоже поднял голову и напряг слух.

— Не при помощи ушей, — быстро ответила она, — а внутренним слухом. Сейчас они не надвигаются на нас, они предпочитают выжидать. Но думаете, они будут вести себя так и тогда, когда мы отправимся на восток и они узнают, что их границы нас не удерживают? Думаете, они отступят?

— Интересно, кто-либо раньше отказывался от колдовства? — поинтересовался Кемок. — Совет, должно быть, так удивился, узнав, что ты сбежала, как если бы против них восстал один из камней городской стены Эса. Но зачем им было удерживать тебя против воли?

— Это довольно просто объяснить — я оказалась не совсем такой, как они. Поэтому сначала они не проявляли ко мне особого интереса. Некоторые в Совете считали, что я подорву их авторитет, если окажусь в их рядах. Потом, когда угроза из Карстена стала нарастать, они готовы были на любую дополнительную силу, чтобы их общая Сила приумножилась. Итак, они решили учить меня своему ремеслу, чтобы с моей помощью их Сила, накапливаемая веками, обогатилась. Но до тех пор, пока я не приняла Клятвы и не стала

одной из них, подавив свое «я», они не могли использовать меня в своих целях. Я откладывала этот момент как могла. Но при этом... — Она замолчала, скрыв лицо в руках, лежащих на коленях. Она сцепила пальцы, словно боясь уронить голову. — Я хотела... ну, узнать то, что знают они! Каждой клеточкой своего организма я стремилась впитать все их знания, ведь я была уверена, что тоже могу творить чудеса. Но потом я вдруг вспомнила о том, что, выбрав их путь, я потеряю часть своей жизни. Как вы считаете, тот, кто был частью трех, сможет ли быть счастлив один? И я замкнулась, не отвечала на их вопросы. И наконец пришло то время, когда они решились выступить против Карстена. Они объясняли мне: применение Силы с использованием энергии людей означает, что многие погибнут, они послужат сосудами, из которых будут черпать энергию. Им потребуется замена, поэтому выбора у меня не было. А теперь, после полного истощения, они тем более не позволят мне уйти, если у них хватит сил. И еще... — Она подняла глаза и посмотрела на нас. — С вами обоими они обойдутся безжалостно. Они всегда в глубине души не доверяли нашему отцу и боялись его — я узнала об этом, когда попала туда. Для них противоестественно то, что мужчина может обладать, пусть и частично, Даром. И еще больше они не доверяли нашей матери из-за того таланта, который она обрела с помощью отца, тогда как по всем их правилам она должна была утратить колдовской Дар, отдав свою жизнь мужчине. Они даже испытывали отвращение к этому, так как считали неправильным. Они знают, что вы тоже обладаете неким Даром. И после прошедшей ночи и дня они еще больше озлобятся — и на то у них будет основательная причина. Ни один мужчина не может войти в Место Власти и, тем более, обратиться оттуда. Их охрана, безусловно, была истощена, но они (во что бы то ни стало) должны были убить любого мужчину, проникшего в замок. Итак, вам нельзя доверять, вы враги, которых следует уничтожить!

— Каттея, что за девушка была там, в саду? — неожиданно спросил Кемок.

— Девушка?

— Ты и в то же время — не ты, — ответил он. — Я поверил ей, чуть не забрал ее и не ушел. Килан не позволил мне сле-

лать этого. Почему? — Он повернулся ко мне. — Почему ты не поверил ей?

— Сначала мне просто показалось. Потом... она словно была под гипнозом. Она так вцепилась в тебя, будто перед ней была поставлена задача — удержать...

— Она была похожа на меня? — спросила Каттея.

— Как две капли воды — такая же нежная, улыбалась. Но... теперь я понял — ей не хватало человечности.

— Призрак, мое подобие! В таком случае они ждали вас, знали, что вы попытаетесь прийти мне на помощь и вызволить оттуда! Но для того, чтобы создать такого двойника, требуется очень много времени. Интересно, кто из новообращенных это был на самом деле?

— Перевоплощение? — спросил Кемок.

— Да. Но еще сложнее, ведь они должны были сделать ее такой, чтобы вы ничего не заподозрили. К тому же мы общаемся мысленно — они узнали и об этом? Да, скорее всего! И это многое доказывает — теперь они более чем уверены, что вы враги. Интересно, когда они догадаются, что мы не в ловушке, и кинутся за нами?

На этот вопрос ответа у нас не было. Но на душе стало как-то беспокойно. Ручей журчал в темноте, лошади мирно жевали траву, а мы всматривались в темноту, но ничего подозрительного не видели.

Наступило утро, и для нас с Кемоком оно было солнечным, Каттея же видела сплошной туман перед глазами. Она почти не ориентировалась, когда мы стали взбираться на лошадях на склон горы. Наконец она попросила привязать ее к седлу и вести лошадь — она боялась, что желание повернуть назад станет таким сильным, что захлестнет ее, и она не сможет контролировать себя. Нам тоже было неудобно. Иногда что-то странное начинало твориться с нашим зрением, и казалось — мы смотрим вниз и видим там Место Власти. Возникло такое чувство, будто мы скачем в темноту, но упорно продолжали путь. Мы сделали так, как попросила Каттея, и иногда она пыталась вырваться, один раз закричала, что прямо перед нами притаилась смерть — бездна, — хотя на самом деле ничего подобного не было. Наконец она закрыла глаза и заставила нас завязать их платком, сказала, что, по-

грузившись в себя таким образом, она сможет справиться с приступами страха.

Еле заметная горная тропа вскоре исчезла, и нам пришлось пробираться сквозь настоящие дебри. Я долгое время жил в горах, но меня поразила неестественность природы в здешних местах. Кажется, я понял причину. Горы на юге сдвинули с места, перетрясли; наверное, то же самое проделали и с этими горами.

Наступил вечер второго дня с того момента, как мы покинули привал у ручья; мы наконец добрались до того места, где лошади уже не могли идти, и стало ясно, что наверх придется взбираться пешком. Мы опечалились.

— Почему мы остановились? — спросила Каттея.

— На лошадях дальше не пройти, придется подниматься без них.

— Подождите! — она вытянулась как струна. — Развяжите мне руки!

В ее голосе и движениях была такая решимость, что Кемоку пришлось подчиниться. Словно в состоянии видеть, несмотря на слепоту, ее пальцы коснулись его бровей, потом глаз, которые он закрыл. Она долго держала на них свои руки, прежде чем проговорила:

— Повернись лицом туда, куда следует идти.

Брат медленно повернул голову налево, в сторону отвесной скалы.

— Да, да! Теперь вижу! — в голосе Каттеи чувствовались радость и надежда одновременно. — Этой дорогой нам и нужно идти!

Но каким образом? Мы с Кемоком еще могли справиться с таким подъемом, хотя меня и волновала его поврежденная рука. Но Каттея, ничего не видящая, да к тому же связанная, — это невозможно.

— Не думаю, что меня придется тащить на себе, — возразила Каттея в ответ на мои безмолвные сомнения. — Пусть пройдет эта ночь, дайте мне собрать всю свою силу, а потом, с рассветом, попробуем. Мы пройдем.

Я же не разделял ее уверенности. Скорее всего, с рассветом нам придется не взбираться на гору, а отступать назад и искать другой путь среди кошмарных дебрей древнего поля битвы.

Глава 6

Спать я не мог, хотя понимал, что для тела это необходимо, но разум противился. В конце концов я встал и направился туда, где неподвижно сидел Кемок.

— Ничего, — ответил он, хотя я и не успел задать свой вопрос вслух. — Может быть, мы уже на неведомой земле, и нам не надо больше бояться преследования.

— Хотел бы я знать сейчас, на какой границе мы находимся. — Я посмотрел на вершины, которые завтра нам предстоит покорить.

— Друзья или враги? — он протянул руку к своему мечу, блеснувшему в лунном свете.

— Стрелы тоже нам пригодятся.

Кемок поднял свою поврежденную руку.

— Если ты думаешь об этом, брат, не стоит меня недооценивать. Я научился многому за это время. Если человек настойчив, он может овладеть и левой рукой в совершенстве. Завтра я перевешу клинок на другую сторону.

— У меня такое чувство, что нам придется пробивать себе дорогу мечом.

— Возможно, ты прав. Но лучше меч там, чем то, что осталось за нашими спинами.

Я огляделся. Ярко светила луна. Так ярко, что становилось не по себе. Мы находились в долине между двумя скалами. Кемок занял свой пост на выступе высотой чуть больше человеческого роста. Оттуда можно было видеть то, что располагалось над нами, но все, что находилось ниже, откуда следовало ждать погони, не просматривалось.

— Поднимусь повыше и посмотрю оттуда, — сказал я Кемоку.

При ярком свете луны я хорошо ориентировался. Склон был довольно каменистым, со множеством выступов, и я без особого труда стал взбираться наверх. Наконец остановился и посмотрел на запад. Весь день мы потратили на то, чтобы подняться к этому месту. Теперь дебри уже казались редкими рошицами, все было видно. Я вытащил из-за пояса бинокль и стал внимательно осматривать местность.

Я увидел костры! Преследователи даже не пытались спрятаться, а может, их зажгли специально, чтобы мы знали, что

нас ждут. Я насчитал около двадцати костров и ухмыльнулся. Да, высоко нас ценят те, кто направил за нами такую орду. По опыту службы на границе я знал, что там должно быть больше ста человек. Интересно, а сколько среди преследователей тех, с кем мы воевали бок о бок? Есть ли кто-нибудь из моего небольшого отряда? На юге теперь делать особо нечего, и их могли послать сюда. Но в ловушку мы еще не попали. Я стал изучать отвесную стену над собой. Подъем будет нелегким. А те, кто ждет нас, останутся ли у той линии, что является границей Эсткарпа, или пойдут за нами?

Я спустился к Кемоку.

— *Итак, они там...*

Мысленный контакт моментально передал новость.

— Около сотни воинов, если не больше.

— Интересно, сунутся ли они за нами?

— Лучшего места для подъема я не нашел.

Мне не пришлось выразить свои опасения вслух: Кемок уже услышал меня.

— Поверь Килан, она сможет забраться наверх.

— Не разбирая дороги?

— Нас двое, есть веревки, и не забывай о мысленном контакте, он будет служить ей вместо зрения. Будем продвигаться вперед медленно. И забудем о дороге назад, ее для нас нет.

Я улыбнулся.

— Зачем мы тратим слова? Ты ведь читаешь мои мысли...

— А ты мои?

Я задумался. У нас с ним был контакт, я мог общаться с ним и Каттеей, но только в тех случаях, когда нужно было что-то спросить или ответить, либо если дело касалось нас обоих. Но если он не хотел, я не мог прочесть его мысли.

— Я тоже, — добавил он. — Когда требуется, мы можем быть одним целым, но мы три разных человека — каждый со своими мыслями, чувствами, проблемами, а возможно, и судьбами.

— Но ведь это здорово! — воскликнул я, не раздумывая.

— Иначе и быть не может, не то мы были бы одержимыми — ходячими мертвецами, которых кольдеры использовали, чтобы те работали и воевали за них. Тела их были послушны, а душа и сознание мертвы. Достаточно того, что мы

можем раскрыть часть своих мыслей друг другу, если нужно, но что касается остального — это личное.

— Завтра Каттея будет все видеть, даже если пойдет вслепую?

— Надеюсь. Но дело в том, брат, что открытые для другого мысли должны иметь поддержку воли, тогда мы преодолеем подъем. Не думаю, что ты один справишься с этим, мы разделим усилия воли поровну между собой. И... — он снова протянул к свету свою покалеченную руку, — не верь в то, что это будет мешать мне. Я приучил свое тело и плоть подчиняться духу!

В этом я не сомневался. Кемок встал, пристегнул оружие, и я занял его место, чтобы он немного отдохнул. Мы договорились, что Каттея не будет бодрствовать в эту ночь, ведь ей надо справиться с внутренней преградой, которая возникла во время пребывания у колдуний. Чем больше я всматривался в темноту, тем сильнее притягивала меня долина. Мертвенно-бледный свет действовал ослепляюще — появилось то искажение, что мне уже доводилось видеть. Еще немного, и я поддамся действию чар, затеряюсь среди этих видений. Надо взять себя в руки и не обращать внимания на долину.

Немного погодя я спрыгнул с выступа и начал ходить взад-вперед, стараясь не смотреть ни на камни, ни на кустарники, ни на участки открытой земли. Я подошел к тому месту, где паслись торские скакуны. Двигались они медленно, и я ощутил, что их сознание притуплено. Такого раньше не случилось — и дело не в том, что они были сильно утомлены. Наверное, на животных тоже действовал в какой-то мере тот запрет, который мешал Древней расе даже думать о востоке. Мы не можем взять их с собой. Но они могут послужить нам еще немного. Я быстро развязал путы, затем оседлал и обуздал коней. Они понемногу приходили в себя. Когда я собирался отдать им последние приказания, за моей спиной раздались какие-то странные звуки. Я резко повернулся, схватившись за оружие. Позади стояла Каттея — она срывала повязку с глаз. Последний рывок, и она идет ко мне, вглядываясь в темноту и сию секунду разглядеть меня сквозь пелену тумана.

— Что... — начал было спрашивать я, но она остановила меня нетерпеливым движением руки.

— Для того, чтобы твой план сработал, — тихо произнесла она, — на лошадях должны быть всадники, брат.

— Чучела? Да, я думал об этом, но под рукой нет никакого подходящего материала.

— Чтобы создать иллюзию, он не обязателен.

— Но ведь у тебя нет колдовского Камня, — возразил я. — Разве без него ты сможешь создать подобную иллюзию?

Она нахмурилась.

— Может быть, и не смогу, но убедиться в этом надо, попробовав свои силы. Наша мать утратила свой Камень в день замужества, но много смогла добиться и без него. Возможно, Камень и не является средоточием Силы, как нас заставляли думать колдуньи. Конечно, у меня нет их опыта, но я уверена, что невозможно измерить то, чего можно добиться усилием воли, желания и Силы. Если привыкаешь пользоваться чем-либо, то кажется, что без этого уже не обойтись. Теперь... — она сорвала серебристый листок с ближайшего куста. — Положи сверху несколько волосинок со своей головы, Килан, но вырви их с силой, чтобы они были с корнем — живыми. И смочи их своей слюной.

Тон ее не допускал возражений. Я снял шлем, прикрывавший лоб и шею, ощутил прохладу ночного ветерка. Вырвал несколько волосков, положил их на листок, затем плюнул сверху.

Каття направилась к спящему Кемоку, разбудила его и заставила проделать то же самое. Потом повторила все сама. Держа на ладони три листочка, она пошла к лошадям. Правой рукой она скрутила первый листок и начала бормотать какие-то непонятные заклинания. Потом она сунула его между завязанными поводьями и седлом. И то же самое проделала с оставшимися двумя листками. Затем она отошла в сторону, поднесла руки ко рту — получилось что-то вроде рупора. И в этот живой рупор она запела, сначала полупшепотом, потом все громче и громче. И ритм этих звуков стал частью меня, и я почувствовал их в биении своего сердца, пульсации жил. Лунный свет упал на место, на котором мы стояли, яркой вспышкой. Каття неожиданно оборвала свое пение.

— Теперь прикажи им, брат! Пусть они скачут прочь!

Я направил приказ в затуманенные головы торских коней, и они поскакали по долине, в сторону разоженных костров.

И вдруг я увидел, что они несут в своих седлах троих всадников... Невероятно!

— Похоже, сестра, мы не знаем и половины того, на что способны колдуньи, — заметил Кемок.

Каттея покачнулась и ухватилась за его руку.

— Колдовство имеет свои преимущества. — Она устало улыбнулась. — Мы наверняка выиграли время — ночь, а может, и больше. И теперь мы можем спокойно отдохнуть.

Мы донесли ее до импровизированной постели, которую устроили заранее. Когда она закрыла глаза, Кемок оглянулся и посмотрел на меня. Даже мысленного контакта не потребовалось для того, чтобы понять друг друга, — завтра не стоит рисковать и подниматься в гору. Если те, кто направил за нами погоню, обмануты, то у нас есть время.

Я встретил рассвет на своем сторожевом посту, на выступе скалы. Костры все еще горели, хотя и не так выделялись с восходом солнца. Я искал глазами лошадей. Казалось, что прошла целая вечность, пока я разглядел их в бинокль, — они мчались по долине. Я опешил — всадники на них были словно живыми, и будь я на месте ожидавших нас, то поверил бы в их существование. Их наверняка увидели и обрадовались — беглецы возвращаются. Не буду гадать, насколько реальна иллюзия вблизи. Но на какое-то время мы в безопасности. Кемок присоединился, и мы по очереди стали следить за лошадьми до тех пор, пока они не скрылись за одним из холмов. Затем мы спустились вниз и стали осматривать скалу. Выступов на ней было много, а недалеко от вершины можно было устроить небольшой привал. Но мы не знали, что нас ждет потом, какие препятствия и какие трудности.

Весь день мы отдыхали, собирались с силами, крепко спали по очереди — даже сны не тревожили нас. Каттея за это время восстановила силы, потраченные на создание иллюзии. Под покровом ночи я снова взобрался на скалу. На этот раз костров я не увидел. Это могло означать одно из двух: либо они приняли иллюзии, созданные Каттеей, за реальных людей, либо разгадали нашу уловку, покинули место стоянки и теперь движутся к нам. Но, тщательно обследовав каждый уголок местности при помощи бинокля, я не обнаружил ни единого признака погони.

— Думаю, они действительно ушли, — уверенно сказала Каттея, словно стараясь убедить меня. — Но дело не в этом. Утром мы тоже выступаем, но вверх, в горы.

С рассветом мы отправились в путь. Провизию, оружие и пледы упаковали и взвалили на плечи. Каттею обвязали веревкой — она будет идти между нами, — оставив руки свободными; поклажи у нее не было. Сестра сняла повязку с глаз, но по-прежнему не открывала их, стараясь «смотреть» только при помощи мысленного взора, так как туман все еще застилал ей глаза. Мы медленно начали взбираться на скалу — все осложнялось еще и тем, что приходилось концентрироваться не только на собственных усилиях, но и помогать сестре. Она проявляла удивительную сноровку — несмотря на свою полуслепоту, ни разу не оступилась и точно выполняла все мои мысленные указания. Добравшись до одного из выступов, я почти обессилел и понял, что не смогу дальше подниматься за двоих. Кемок вслед за Каттеей взобрался на выступ и опустил руку на мое трясущееся колено.

— Отдых, — приказал он тоном, который не допускал возражений.

Я не мог рисковать их безопасностью, тратя много сил. Поэтому, отдохнув, мы с Кемокком поменялись местами — теперь он пошел впереди, лицо его стало сосредоточенным, должно быть, у меня было такое же: я вдруг ощутил, как ломит все тело... Кемок пошел первым, и это нас спасло, потому что оставшийся участок подъема оказался просто кошмаром. Я заставлял свое дрожащее тело подчиниться силе воли, прекрасно представляя себе, что может случиться: когда идешь в связке и оступаешься, тянешь за собой впереди идущего. Но наконец мы добрались до вершины, которая оказалась чем-то вроде большого плато.

Здесь дул холодный ветер — он осушил наши потные лица, взбудрил нас. Мы поспешили к расселине между двумя остроконечными вершинами. Каттея вдруг откинула голову назад и открыла глаза, вскрикнув от радости. Нам не потребовались слова, чтобы понять: ее слепота исчезла. Стало заметно холоднее. Кемок поддел носком сапога что-то белое — оказалось, это снег, несмотря на то, что стояло лето и внизу все изнывало от жары. Мы остановились, чтобы достать пледы и накинуть их

на плечи. Это немного согрело, мы двинулись дальше и, дойдя до обрыва, заглянули вниз — в неведомый мир.

Мы глазам своим не поверили. Перед нами предстала искромсанная чужая земля, уходящая далеко вниз, в туман, и нельзя было разглядеть, что там — земля, вода или и то, и другое. Увиденное было похоже на какую-то тряпку, которую сначала изваляли в грязи, потом скомкали и дали высохнуть, и теперь все это было перепутано, смято, расходилось тысячько трещин во все стороны... Раньше я думал, что повидал горы, но представшая перед нашим взором земля была не похожа ни на что из ранее виденного, а склоны, которые мы преодолели до этого, казались просто игрушкой. Катгея глубоко вдыхала незнакомый воздух, но не потому, что задыхалась, — она словно хотела выделить какой-то один запах из множества других, опознать его, как гончая или снежный барс, напавший на след.

— Здесь есть... — начала было она, но затем передумала, — нет, я ничего не могу сказать. Но эта земля перенесла сильную боль по воле или вине человека, а не природы. Только было это давным-давно, и сейчас она понемногу оживает. Давайте уйдем отсюда: я ужасно замерзла.

С одной стороны, испещренная трещинами местность была нашей союзницей — гора уходила вниз огромными каменными ступенями. Катгея обрела зрение, и спускаться будет намного легче, чем подниматься. Но ведь то, что находилось внизу, было окутано туманом, и это не придавало нам уверенности. И вот еще что: на преодоленном нами склоне горы была жизнь. Я видел свежие следы животных, пролетела какая-то птица... Но здесь признаков жизни не ощущалось. Мы спустились пониже и увидели первую растительность на этой земле — выглядела она, правда, как-то странно: узкие листья кустарников были намного светлее тех, к которым мы привыкли у себя на родине, да и вид у них был какой-то болезненный, словно выросли кустарники из пораженных непонятным недугом семян. Мы вышли к скале над долиной и там решили остановиться на ночлег. Местность внизу казалась отсюда еще более неправдоподобной, чем сверху. Сначала вообще было трудно сказать, что это такое. Затем, внимательно оглядевшись вокруг, я понял, в чем дело. Скорее всего, это были деревья, потому что ни один кустарник не вырастает до такой высоты, но деревья

странные. Им наверняка по несколько сотен лет — они заполнили всю долину, верхушки их почти касались наших ног. Когда-то в далеком прошлом это были обычные сажены, но, достигнув высоты приблизительно в десять футов, они вдруг резко отклонились вправо или влево. Развиваясь в новом направлении несколько футов, они снова устремлялись вверх, и так продолжалось бесчисленное количество раз — получились такие многоуровневые скрещенные гиганты, а той земли, на которой они стояли, даже не было видно. Чтобы преодолеть эту долину, нам придется идти по веткам-стволам, как канатоходцам: поскользнешься и либо сломаешь себе шею, либо сядешь на кол — вершину растущего ниже дерева. Я покинул наблюдательный пункт.

— Нам потребуется целый день...

Каттея заслонила глаза рукой от последних солнечных лучей, отражающихся от скал.

— Ты прав. Но здесь холодно — где мы укроемся?

Кемок нашел подходящее место в скале — небольшую расщелину, мы загородили ее камнями и протиснулись туда. Огонь решили не разжигать. Кто знает, чьи глаза увидят костер там, где его не должно быть, и что может случиться? Мы легли на землю, Каттея между нами, и укрылись сверху пледом. Если в дневное время горы казались безжизненными, то ночью они ожили — неожиданно раздался рев снежного барса, упустившего свою добычу, потом крик совы откуда-то из долины. Но более никто и ничто не потревожили наш сон. Мы часто просыпались, прислушивались, потом засыпали снова — так прошла ночь. На этой стороне гор она была намного длиннее.

Глава 7

Рано утром мы доели последние крошки хлеба, осталось лишь по несколько глотков воды во фляжках, которые мы заполнили еще у горного ручья. Кемок встряхнул свою пустую сумку.

— Похоже, теперь у нас есть еще одна причина продвигаться вперед, — заметил он.

Я провел языком по пересохшим губам и попытался вспомнить, когда в последний раз наедался досыта. Это оказалось де-

лом нелегким, так как я перебивался на сухом пайке с тех пор, как по зову Кемока покинул свой отряд. Следы какой-либо дичи нам не попадались — лишь снежный барс был в ночи, а там, где рыщет этот охотник, должна быть добыча. Я представил огромный кусок мяса на вертеле, стекающие с него капли жира... И это дало мне стимул — желание преступить опасную черту и идти в неизвестность...

Мы приняли необходимые меры предосторожности — обвязались веревкой, чтобы, в том случае, если кто-либо из нас поскользнется, подстраховать его. Но переход через эту долину деревьев-уродов не вселял в нас оптимизма. Целью был не противоположный склон, нам нужно было спускаться вниз, держа курс все время на восток. Туман по-прежнему застилал все внизу, и оставалось лишь надеяться, что там есть равнина. Всегда считал себя неплохим скалолазом, но, лазая по горам, я обычно имел дело с камнем и землей. Теперь же под ногами были раскачиваемые ветром и прогибающиеся при каждом шаге гладкие стволы деревьев. И пройдя всего несколько шагов по этому лабиринту, я обнаружил, что кошмарная долина обитаема.

Раздался резкий стрекочущий крик, и с верхней ветки, за которую я только что ухватился, внезапно устремилось вниз какое-то крылатое существо, затем оно снова взмыло вверх и исчезло среди листвы. Каттея вскрикнула, а меня спасло от падения лишь то, что я держался за верхнюю ветку. Наше продвижение еще более замедлилось. Три раза мы отмахивались от этих летающих тварей. Пришлось даже сделать крюк в одном месте, когда мы увидели другого обитателя здешних мест, более уродливого: чешуйчатый, с узким длинным языком, дрожащим в зеленой пасти, кончик которого разделялся на три части; сам серебристо-зеленый, цвета той листвы, среди которой притаился, он смотрел на нас немигающими глазами. Не змея, нет, — с небольшими конечностями и когтистыми лапами, которыми он цеплялся за ствол; тело вытянутое — в нем было что-то зловещее, но он не причинил нам зла.

Однако всему приходит конец. Изможденные, истекающие потом, готовые упасть от усталости, мы шагнули с неустойчивой ветки на каменистый склон. Каттея, тяжело дыша, словно подкошенная рухнула на землю. Тела наши горели от множества царапин и следов хлестких ударов веток. Военная форма

была достаточно крепкой, чтобы выдержать такой переход, но платье Каттеи порвалось во многих местах, а в ее волосах, выбившихся из-под платка, запутались сломанные веточки.

— Я похожа на жительницу Страны Мха, — проговорила она, осмотрев себя с ног до головы, и неопределенно улыбнулась.

Я оглянулся на проделанный нами путь.

— Да, больше эта страна ни на что не похожа, — усмехнулся я. Тишина, повисшая над нами, заставила меня повернуться к своим спутникам. Они оба уставились на меня так, будто я сказал что-то очень важное, сам того не понимая.

— Страна Мха, — повторила Каттея.

— Кроганы, тасы, люди Зеленой Долины, фланнаны... — добавил Кемок.

— Но ведь это все легенды, предания — сказки, которые рассказывают детям, пугают тех, кто не слушается... — возразил я.

— Да, все это чуждо Эсткарпу, — сказала Каттея. — Но что ты скажешь о Вольте? Ведь до тех пор, пока Корис не нашел Пещеру и его самого, сидящего там, все считали, что это выдумка, небылицы. И топор Вольта, который Корис прихватил с собой, разве не из легенды?

— А женщины-моховухи, которые просят матерей понанчить детей, платят за это золотом и наделяют удачей? А летающие существа, предающие пыткам тех, кто пытается проникнуть в их тайны? Создания, живущие в сумрачном подземелье и заманивающие к себе людей, а люди, похожие на деревья... — Я вспоминал всякие обрывки из старых сказок, от которых становилось то смешно, то так страшно, что мороз пробегал по коже. Их рассказывали, собравшись у камина, в замке.

— Истории эти такие же древние, как Эсткарп, — сказал Кемок, — и, вероятно, имеют под собой реальную основу.

— Нам и так хватает всяких ужасов — давайте хоть сказки оставим в покое, — проворчал я. — А то будут мерещиться за каждым кустом всякие призраки!

Но воображение уже работало, да и сама эта земля действительно напоминала старые предания и легенды. Ведь Вольт оказался не выдумкой, а реальностью — Корис доказал это. И чем дальше мы углублялись в эту страну, тем чаще вспоминались фантастические существа из детских сказок.

Мы добрались до нижнего склона, но характер местности не изменился, оставался изрезанным. Главное сейчас — найти воду. И хотя растительность стала значительно богаче, мы не встретили ни ручейка, ни родника, а жара становилась все нестерпимей. Туман не исчез, и мы видели перед собой лишь небольшой участок пути. Этот туман больше напоминал пар. Нам пришлось снять с себя шлемы и кольчуги. Не знаю, в какой момент я осознал, что мы не одни в этом диком мире, окутанном туманом. Наверное, усталость и жажда притупили во мне навыки разведчика. Но ощущение того, что за нами постоянно наблюдают, становилось все отчетливее. Теперь я был уверен в этом, и приказал своим спутникам спрятаться в зарослях, а сам стал пристально всматриваться во все стороны, держа наготове оружие.

— Это где-то там... — Кемок тоже взял в руки меч. Каття сидела, закрыв глаза, чуть приоткрыв рот, и вслушивалась в окружающее, но она слушала не ушами, а всем телом, всем своим нутром.

— Не могу понять, — шепотом произнесла она. — Контакта нет...

— Ушел! — я был уверен, что видел, как притаившееся существо, похожее на то, крылатое, что мы видели в долине, улетело прочь. Надо было продвигаться вперед, подальше от этих тварей. И мы стали спускаться в низину. Туман наконец-то рассеялся. Высокие деревья и кустарники сменились огромной поляной, покрытой густым, пружинящим под ногами сероватым мхом. Идти по нему было приятно, ноги утопали, словно в мягком ковре. Раздавалось пение птиц, то там, то тут пробегали какие-то мелкие зверюшки. Так, дичь мы нашли, но воды по-прежнему не было видно. Затем наткнулись на первые следы человека — полуразрушенную стену, служившую, как мы решили, ограждением, так как за ней находилось, по всей вероятности, поле, заросшее высокой травой, среди которой можно было заметить чахлые колоски пшеницы. Когда-то здесь была ферма. Мы пошли вдоль этой стены и вскоре вышли на открытое пространство. Солнце палило нещадно, и мысли о воде вытесняли все остальное. На ферме могла быть вода. Каття споткнулась и ухватилась за стену.

— Извините, — тихо произнесла она. — Но я не могу идти дальше.

Я прекрасно ее понимал, но оставить ее одну в таком опасном месте, а самим идти на поиски воды... Кемок подхватил ее под руки.

— Вон туда, потерпи немного. — Он указал на деревья, под которыми можно было передохнуть в тени. Добравшись до них, мы огляделись по сторонам и поняли, что удача сопутствует нам: стена в этом месте была увита виноградом. Спелые красные ягоды свисали огромными гроздьями — я знал этот сорт, его сочные плоды были терпкими и вяжущими на вкус, но хорошо утоляли жажду, и мы начали собирать их и отдавать Катте.

— Где-то поблизости должна быть вода. — Я взял с собой оружие и фляжки.

— Килян! — Каттея быстро проглотила полную горсть винограда. — Будь осторожен! Не теряй с нами контакт!

Кемок покачал головой.

— Мысленной связью надо пользоваться только в случае необходимости. Не стоит привлекать к себе внимание.

Значит, он тоже чувствует, что мы пробираемся не сквозь пустой мир, что вокруг нас ощущается чье-то присутствие, — за нами наблюдают, нас изучают, выжидают момент...

— Я буду думать только о воде, ни о чем больше. — Не знаю, почему я прибег к таким заверениям, но они казались мне необходимыми. И я пошел, сконцентрировавшись на мыслях о ручье, на каком-нибудь роднике, рисуя в уме живую картину того, что должен найти.

За этим полем, отгороженным стеной, и за участком, бывшим когда-то дорогой, я увидел другое поле. Присмотрелся повнимательней и разглядел пасущихся там антилоп. Самец был крупнее тех, что обитали у нас в Эскарпе, — его замысловато перекрученные рога отливали красным на солнце. Рядом с ним паслись три самки с небольшими блестящими черными рожками, четверо «подростков» и один годовалый детеныш. Вот он-то и будет моей добычей. Стрелы — оружие бесшумное, лишь чуть свистят в воздухе при выстреле. Моя жертва дернулась и рухнула на землю. Секунду или две его спутники удивленно смотрели на упавшего, изогнув шеи, затем, охваченные страхом, они помчались в другой конец поля. Я перелез через стену и направился к добыче, только что убитому животному. И услышал журчание воды — где-то поблизости

есть ручей! Завернув теплое мясо в содранную шкуру, я направился на этот звук. Не ручей, а целая река открылась моему взору. Я кубарем скатился с высокого берега к воде. Течение было быстрым, дно — каменистым. Я подбежал к воде, опустился на колени и стал жадно пить, черпая воду ладонями. Она была холодной (наверное, река текла с гор), и, утолив наконец жажду, я стал плескать воду на голову и лицо. Я никак не мог оторваться от живительной влаги, потом наполнил обе фляжки до краев и плотно закрыл их крышками, чтобы не потерять ни единой капли. Еда и вода — Каттея и Кемок ждут и то, и другое. Нужно было возвращаться. Но в том месте, где я скатился к воде, берег был слишком крутым, чтобы забраться на него с тяжелой поклажей — мясом и увесистыми фляжками. Я пошел вдоль берега в поисках более пологого склона. Выйдя к тому месту, где река делала поворот, я обнаружил еще одно подтверждение тому, что земля эта была когда-то обжитой. Это были не развалины дома, но какое-то неизвестное мне строение — платформа из массивных блоков, заросшая травой и мхом, какие-то странные колонны, стоявшие не рядами, а концентрическими кругами. Интересно, над ними когда-нибудь была крыша? Из чистого любопытства я шагнул с земли на эту платформу и прошел между двумя колоннами.

Потом... Я прошел медленным размеренным шагом по одному кругу и не смог остановиться! Круг за кругом, по спирали, в глубь лабиринта, откуда исходило не приветствие, а злорадное предвкушение того, что я иду прямо в пасть, в ненасытную утробу. Все во мне противилось этому, но я уже ощущал чье-то мерзкое дыхание, меня словно облизывали... Черное зло... Я закричал что есть силы, как голосом, так и мысленно, моля о помощи... И она пришла — я не был больше одинок. Силы вернулись, соединили меня с общей Силой, теперь я не был один на один с этим чудищем — обитателем каменной паутины. Еще одно послание, и черное зло огрызнулось, облизилось. Я ухватился за колонну, подался назад, нарушив механическое продвижение по спирали. Так, опираясь о колонны, я шел обратно, веря с каждым шагом в то, что имею защиту против этого мерзкого существа, которое даже не видел. Оно потерпело поражение, это выводило его из себя. Добыча была совсем рядом, сама шла в руки. Оно почувствовало сопротивление, мою силу. Я добрался до последнего круга, когда оно

снова напало на меня. Черное существо — я видел, как налетает что-то мерзкое и черное. Кажется, я снова закричал, бросившись к выходу, собрав остатки сил, и упал — в темноту, во мрак, в полную противоположность тому, что значила для меня жизнь.

«Я страшно болен», — первая мысль, которая пришла в голову, когда опомнился. Меня выворачивало наизнанку. Я открыл глаза — Кемок поддерживал меня под руки, потом положил на землю; приподнялся на локте и осмотрелся вокруг, боясь увидеть каменные колонны. Но вокруг было только поле, а над ним солнце, и ни облачка на небе — никакой угрозы. Каттея склонилась надо мной и приложила к губам фляжку с водой. Я попытался поднять руку, но сил не хватило даже на это. Лицо ее было суровым и несколько отчужденным, рот плотно сжат. Кемок опустился на колено рядом с сестрой, глаза его горели.

— Зло... — Каттея обхватила мою голову обеими руками. — Но, благодаря Силе, оно ушло к себе в нору! На этой земле существует опасность. И ее зловоние должно предупредить нас...

— Как я сюда попал? — прошептал я.

— Когда тебя забрали — или хотели забрать, — ты позвал нас. И мы пришли. Ты, шатаясь, выбрался из этой ловушки, и мы утащили тебя подальше от гиблого места, ведь его сила может выходить за границы холодной паутины... — Она подняла руку, посмотрела по сторонам, глубоко вдыхая теплый ветер. — Никого нет, нам ничто сейчас не угрожает, мы в безопасности. Но ты вступил на место зла, очень древнего зла, а там, где есть одно зло, наверняка найдется и другое.

— Какое зло? — спросил я. — Кольдеры? — произнося имя нашего старого заклятого врага, я был уверен, что наткнулся у реки на нечто совсем другое.

— Я никогда не видела кольдеров, но не думаю, что это имеет к ним какое-либо отношение. Это зло, как... зло Силы! — она посмотрела на меня, словно сама не верила в то, что только что выпалила.

— Но такого не может быть! — воскликнул Кемок.

— Я тоже была уверена в этом до сегодняшнего дня. Но говорю вам, что породила это не какая-то посторонняя сила, а то, что мы знали всю свою жизнь, но в искаженном виде. Разве можно не узнать того, что изучала, собственное оружие,

пусть его и изменили? Но опасность таится именно в том, что вид его нам незнаком, в нем лишь крупница привычного нам. Но что все-таки произошло здесь, почему все так изменилось?

Ответа на вопрос не последовало. Она приложила ладонь к моему лбу, пристально посмотрела в глаза. И снова начала напевать что-то, вытягивая из меня, из тела и души, оставшуюся тошноту и ужасные спазмы, — осталось лишь чувство опасности и желание, чтобы случившееся со мной не повторилось в дальнейшем. Постепенно я пришел в себя, набрался сил, и мы двинулись дальше. Открытое поле было своего рода защитой, но приближалась ночь, и нужно было искать какое-нибудь убежище. Пройдя вдоль стены еще немного, мы увидели груды камней, бывших когда-то углом некоего строения. Мы с Кемокком соорудили подобие баррикады, а Каттея собрала немного хвороста. Вернувшись, она положила на камни какие-то травы.

— В этом месте нет плохих запахов — когда-то здесь жил целитель, выращивал травы. Посмотрите, что я нашла. Вот это, — она прикоснулась к каким-то листочкам, — камнеломка, отличное средство от лихорадки, снотворное. А это, — она дотронулась до тонкого стебелька, — трилистник, проясняет ум и обостряет все чувства. Наверняка здесь растут и другие целебные травы, доказательство тому вот эта — дурман, очень сильное снадобье...

Я знал, что по очень старому обычаю весной это растение высаживали у дома, а осенью собирали белые цветы, сушили и вывешивали над дверью и входом в конюшню. Согласно поверью, это приносило удачу, оберегало от зла — их дурманящий запах отпугивал нечистую силу. И если сорвать или разломить это растение, то его резкий запах надолго сохранялся.

Каттея разложила костер. Я хотел было возразить — мы могли привлечь чье-нибудь внимание, но Кемок покачал головой, приложив палец к губам. Затем она растерла между пальцами камнеломку и трилистник и бросила получившийся порошок на хворост. Потом осторожно оторвала несколько цветков с дурмана и положила их сверху. Взяв ветку с оставшимися на ней цветками, сестра начала ходить вдоль нашей баррикады и обмахивать ею камни, затем воткнула ветку в землю, как флаг.

— Разжигайте костер, — приказала она. — Он только поможет нам этой ночью. Темным силам преградят дорогу дым и пламя.

Я поджег сухие ветки. К запаху дыма примешивался терпкий аромат трав. А немного погодя мы почувствовали еще один чудесный запах — жареного мяса. Каттея, наверное, на самом деле отпугнула всех обитателей — я больше не чувствовал на себе чьего-то взгляда, никто не прислушивался к нам, не изучал нас...

Глава 8

Мы всю ночь спали как убитые — даже сны не приходили к нам — и проснулись бодрыми и полными сил, помня лишь о том, что надо быть начеку. Когда я открыл глаза, Каттея уже всматривалась в утреннюю даль, облокотившись на тот барьер, что мы соорудили вечером. Солнце не выглядывало из-за облаков, и в эти ранние часы над землей еще стоял туман. Сестра обернулась, услышав, что я проснулся.

— Килян, как ты думаешь, что это такое?

Я проследил взглядом за движением ее руки. Чуть вдалеке, за небольшой рощицей, я увидел зарево — но не красное, как отблеск пожара или костра, а какое-то зеленоватое, таинственное.

— Оно не меняется — не ослабевает и не усиливается.

— Может быть, сигнальный огонь? — предположил я.

— Может быть. Указывающий путь или предупреждающий — для чего он?! Я не помню, чтобы мы видели его вчера вечером. Слушала — ничего, тихо.

Я знал, что, слушая, она напрягала все свое внутреннее чутье.

— Каттея...

Она обернулась и посмотрела на меня.

— Эта земля может быть полна тех ловушек, в которую угодил я. Наверняка она была закрыта для всех — да и сейчас по какой-то серьезной причине в нее не проникнуть тем, кто одной крови с нашей матерью.

— Ты прав. Я думаю, что нас сюда направила неизвестная внешняя сила, не только ваша воля, Килян. Если судить по тем

злым местам, одно из которых ты обнаружил, это волшебная страна. Оглянись вокруг. Разве ты не замечаешь, что эти поля притягивают к себе, облака манят?

Действительно, хотелось идти и идти по этим древним заросшим полям, погрузить руки в эту землю, ожидающую прикосновения, переполняло желание стащить тяжелые шлем и кольчугу и бежать вприпрыжку, налегке, ощущая ветер и тепло под ногами... как в детстве... У меня не появлялось таких желаний с тех пор, как нас начал обучать Откелл.

Каттея кивнула.

— Видишь, брат? Разве можем мы отвернуться от той земли, что страдает от непонятной болезни? Мы знаем, что здесь есть места зла, но должны узнать и добро. Уверяю тебя, те травы, что я нашла вчера вечером, не могут расти там, где правят только Темные Силы.

— Дело не в том, волшебная это земля или нет, — раздался голос Кемока за нашими спинами, — у человека должно быть две вещи — убежище и запас еды. Не думаю, что мы сможем жить в этих руинах без крыши и стен. И на какое-то время нам придется стать охотниками, чтобы раздобыть себе пропитание. Да и о соседях следует узнать побольше.

Я согласился с ним. Всегда лучше быть уверенным в том, что тень, отбрасываемая деревом, — всего-навсего тень, а не хитрая неприятельская уловка. Мы съели по куску мяса и гроздь винограда и приготовились к дальнейшему путешествию.

Перед тем как покинуть наше убежище, Каттея сорвала еще немного трав и завернула их в лоскут, который оторвала от подола своего платья, — теперь оно было чуть ниже колен.

Солнце по-прежнему едва проглядывало из-за облаков, и мы шли осторожно, стараясь держаться поближе к лесу. Каттея не чувствовала никаких посторонних запахов, лес жил своей обычной жизнью — пели птицы, пробежали какие-то зверюшки. Вскоре лес кончился, и мы вышли на открытое пространство. Перед нами заблестела река. Над ней возвышалось первое настоящее строение, которое мы встретили на этой стороне гор. Оно напоминало те замки, что строили у нас в Эсткарпе, — строгих пропорций, со сторожевыми башнями. Из узких окон-щелей лился свет — там кто-то жил. Рассматривая замок, я поймал себя на мысли, что никакого желания разведать, что там внутри, не возникало. От него не исходило та-

кое зло, как от каменной паутины, в которую я попал... но было явное предупреждение — совать в него свой нос чужаку не стоит. Возможно, там живут не враги, но пришельцам рады не будут. Я не могу объяснить, почему так подумал. Кемок согласился со мной.

Каття погрузилась в себя, потом тряхнула головой.

— Туда не проникнуть даже мысленно... Не стоит пытаться узнать, что там. Всегда существовали силы, которые в действительности не добрые, но и не злые — они могут как убить, так и помочь. Но иметь с ними дело рискованно, лучше не будить их.

Мне показалось, что за нами все-таки наблюдают со сторожевой башни. Мои спутники согласились с тем, что лучше вернуться в лес и под его прикрытием выйти к реке. Мы двинулись вниз по течению. Каття все время принюхивалась к ветру, прислушивалась в постоянном ожидании сигналов опасности. Дождя не было, но тучи сгущались. Стало пасмурно. Я увидел свежие следы крупной лесной птицы, которая считалась отличной добычей у охотников Эсткарпа. Птицы эти очень осторожны, охотиться на них лучше в одиночку. Пообещав соблюдать осмотрительность и не попасть в очередную ловушку, я снял с себя шлем и кольчугу, чтобы бесшумно подкрасться к добыче, отвязал флягу. Птицы продолжали спокойно прохаживаться вдоль реки, я спрятался в камышах. Но вдруг почувствовал опасность. Из-за реки ко мне подкрадывались какие-то черные существа — проворные, стремительные, не похожие на знакомых мне зверей. Они продвигались осторожно, их становилось все больше. Слобно почувствовав мою нерешительность, они ринулись ко мне, нырнув в реку, рассекая воду узкими мордами. Скоро они выйдут на берег, и охотятся они не на птиц — на меня!

— *Опасность — голова не защищена шлемом — к ближайшему полю!* — после этого предупреждения я вскочил и рванулся к открытому пространству. Там с ними можно сразиться, а здесь будут мешать камыши! Кемок подсказал бежать направо. Я последовал его совету, и вовремя, так как несколько секунд спустя первая черная стая появилась из-за кустов у огромного поваленного дерева. Я продирался сквозь колючий кустарник — преотличное место для засады. Животные! Наверное, я все еще не мог прийти в себя после тех кошмарных ко-

лонн. Ведь я могу управлять животными, почему бы не попробовать сейчас. Направил пробную мысль тем, что скрывались за деревом. Нет, это не животные — по крайней мере, не обычные животные! Тогда кто? От них исходило лишь кровожадное стремление убивать, раздирать на куски и пожирать — это не животные, но кто? Они неуправляемы — по отношению к ним испытываешь только отвращение и страх... Я снова допустил ошибку — мысленный контакт разъярил их еще больше, раззадорил аппетит. Их было много, очень много... Я хотел бежать, прорваться сквозь кустарник, который стал моей тюрьмой, не выпускал из своих зарослей, но продвигался медленно. Я приготовил стрелы, чтобы в случае нападения отбиться... Кустарник стал реже, наконец-то я на свободе, на открытом месте. Вдалеке я увидел Каттею и Кемока — они направлялись ко мне. Но за мной гонится целая стая... Сможем ли мы выстоять? Я споткнулся и упал. Каттея вскрикнула — я приподнялся и увидел, что черные твари несутся прямо на меня, безмолвно, не так, как гончие, подающие голос на охоте, и эта тишина была такой жуткой, сверхъестественной. Коротконогие, но при этом быстрые, гибкие и проворные, гладкошерстные, с узкими головами и заостренными мордами; желтые клыки выделялись на фоне темной шкуры. Маленькие глазки горели злобным огнем. Не теряя времени и не вставая, я выстрелил. Вожак стаи закружился на месте, яростно кусая стрелу, вонзившуюся в его плечо. Но даже от боли эта тварь не закричала, не издала ни единого звука. Выстрел заставил всю стаю сначала остановиться, а затем отползти обратно в укрытие. Вожак остался лежать на земле, извиваясь в предсмертной агонии, потом затих. Я побежал к тому месту, где стояли Каттея и Кемок. Кемок держал оружие наготове.

— Охотники, — сказал он. — Откуда они взялись?

— Переплыли через реку, — ответил я. — Никогда не видел таких...

— Разве? — Каттея прижимала к груди пучок трав, словно все эти листочки, веточки и цветы служили защитой от опасности. — Ведь это расти.

— Расти? — Как можно сравнить грызунов величиной с палец с этими хищниками? Хотя, конечно, если не обращать внимание на их размеры, узкомордые похожи на этих грызунов. Ну, может, не совсем расти, но из того же семейства, и при

этом гигантских размеров, еще более злобные, чем их меньшие собратья. Наверное, мутанты. Подумав так, я немного успокоился, чувство страха перед чем-то неизвестным прошло.

— А расти не так-то просто отказываются от своей добычи, — добавил Кемок. — Ты видел когда-нибудь, как они задирают домашнюю птицу?

Действительно, однажды мне довелось быть свидетелем такой схватки. Стало как-то не по себе. Окружали... да, они стали нас окружать, как тогда, на птичьем дворе. Они выползали из укрытия, прижимаясь животами к земле, как змеи...

Кемока предупреждать не надо — он выстрелил. Три черных твари подлетели в воздух, перевернулись и рухнули на землю. Надолго ли нас хватит? Сколько стрел понадобится? Есть мечи, но нельзя допустить, чтобы эти мерзкие существа подступили к нам близко, — тогда против них не выстоять.

— Не могу — Сила не действует на них! — взволнованно проговорила Каттея. — В них нет ничего из того, на что я могу воздействовать!

— Будем действовать вот этим! — Я снова выстрелил. Похоже, природа ополчилась против нас. Резко стемнело, и хлынул ливень, такой сильный, что нас словно били хлыстом. Но враг не отступал.

— Стойте — посмотрите вон туда!

Я промахнулся, оборачиваясь на крик Кемока, и зарычал на него, как снежный барс, упустивший свою добычу. Потом только я заметил, кто приближается к нам. Лошадь — по крайней мере, в такой мгле это было похоже на лошадь — галопом мчалась прямо на нас. На ней всадник. Лошадь проскакала между нами и стаей расти. Потом нас ослепило вспышкой молнии. Наверное, всадник призвал на помощь небесные силы, чтобы избавиться от ползущих тварей. Трижды молния ослепляла нас. Затем я увидел, что всадник на лошади удаляется, — вскоре он скрылся в лесу, а с земли, опаленной грозным оружием, поднимались струйки дыма. Не проронив ни слова, мы с Кемоком подхватили Каттею и побежали прочь — подальше от этого места и от дождя. Мы укрылись под деревом и тесно прижались друг к другу. Каттея тихо произнесла:

— Это... это была Сила — не злая, добрая. Но она не откликнулась на мой зов! — В голосе ее прозвучала обида. — Послушайте, — она обняла нас за плечи, — я вспомнила кое-

что. Бегущая вода! Если мы найдем такое место среди бегущей воды, и поблагодарим его, то мы спасены!

— Но эти расти хорошо плавают, — возразил я.

— Да, но мы будем среди бегущей воды. Надо быстрее найти это место.

У меня не было никакого желания возвращаться к реке. Похоже, все зло исходит именно от нее. Лучше попытаться счастья, направившись вслед за всадником...

— Пошли! — Каттея потянула нас под хлесткие струи воды. — Поверьте, этот мрак, ветер и вода могут высвободить другие силы — нам нужно найти безопасное место.

Ничто не могло остановить нашу сестру, да и Кемок не противился ей. Мы вышли из укрытия, ливень обрушился на нас с тем же неистовством, с каким всадник метал молнии в кровожадных тварей. По крайней мере, мне удалось убедить Каттею в том, что надо идти в направлении, в котором исчез всадник. Лес словно расступился, наверное мы вышли на какую-то дорогу или тропу, которая вскоре вывела нас к реке. Каттея стала пристально всматриваться сквозь пелену дождя в бурлящую воду и наконец увидела небольшой каменный островок. На нем можно было найти укрытие.

— Надо добраться до него сейчас, пока вода не поднялась, — сказал Кемок.

Сможем ли мы перебраться туда с оружием и поклажей на плечах? Каттея, не раздумывая, кинулась в реку. Она была уже по пояс в воде и боролась с течением, когда мы настигли ее. Мы добрались до островка и заползли на него обессиленные. Природа соорудила на острове отличное укрытие от дождя и некое подобие сторожевой башни. Попасть на берег можно было только с одной стороны, с других мы были надежно защищены отвесными скалами и рифами. Если расти сунут сюда свой нос, то для нападения они могут выбрать только одно место и не смогут окружить нас.

— Это место не подвластно злу, — сообщила нам Каттея. — Я тоже сооружу защиту. — Она достала из узелка веточку дурмана, крепко сжала ее в кулаке и прижала к губам. И начала напевать заклинания. Опустившись на колени, она стала водить травой по тому месту, откуда мы вышли из воды, потом вернулась к нам и без сил прислонилась к камню, словно трудилась несколько часов подряд.

Ливень понемногу стихал, хотя вода вокруг нашего островка все еще бурлила. Продолжало моросить, потом все стихло.

Наши мысли занимал тот всадник, что пришел на помощь. Каттея заявила, что он — один из тех, кто использует Власть по назначению, хоть и не так, как она. Он не откликнулся на зов моей сестры, но и не проявил к нам враждебности. То, что нам оказали такую услугу, говорило о добрых намерениях. Всадник был первым жителем этой страны, с кем нам довелось встретиться, если, конечно, не считать обитателя каменной паутины и тех, кто жил в замке. Да и самого всадника мы не успели рассмотреть как следует из-за мрака и пелены дождя, хотя было очевидно, что это человек без злых намерений, и что он знал, как справиться с расти. Больше о нем мы ничего не знали. Присутствие же лошадей в этой стране заставило меня задуматься. С тех пор как я объездил своего первого пони — а было мне тогда всего четыре года, — заставить меня ходить пешком было почти невозможно. Всю свою жизнь я провел в седле. Когда нам пришлось оставить торских скакунов на той стороне горного перевала, я испытал чувство огромной потери. А теперь — если здесь есть лошади, то чем скорее мы их раздобудем, тем лучше! На конях нам нечего бояться расти! Завтра отправимся по следу этого всадника, выследим его, узнаем, что за люди живут в этих местах...

— *Посмотрите! Осторожно...*

Два приказа, отданные Кемоком один за другим. На поверхности бурлящего потока появилась птица. Ее крылья блестяли неестественно ярко — мне никогда не доводилось видеть подобное. Она нырнула, снова появилась на поверхности воды и направилась в сторону нашего прибежища.

— *Еда...*

Мысль Кемока отозвалась во мне чувством голода. Воды теперь хоть отбавляй, но еды у нас нет — во время схватки с расти мы потеряли последние запасы мяса. Конечно, можно поймать какую-нибудь рыбу, но птица — вот она, рядом... Крупная — мы можем неплохо поужинать сегодня вечером. Но стрелять сейчас рано — ее унесет течением. Брат приготовил оружие, но Каттея перехватила его руку.

— Нет! — громко крикнула она.

Птица была уже совсем близко, она снова нырнула и выбралась на берег, потом отряхнулась и заковыляла в нашу сто-

рону. Вблизи ее оперение озаряло все вокруг своим блеском, излучало сверхъестественное сияние. Клюв и ноги были ярко-красными, глаза большими и темными. Птица остановилась и сложила крылья, потом стала внимательно разглядывать нас, словно ждала с нашей стороны каких-то действий. Моментажно расхотелось охотиться на нее. Каттея пристально, изучающе смотрела на птицу. Затем она осторожно подняла правую руку, протянула ее к птице и вырвала блестящее перышко. Наша крылатая гостья вытянула шею и заглянула Каттею в глаза. Сияние стало еще ярче. Моя сестра произнесла какие-то слова — похоже, команду — и хлопнула в ладоши. Перед глазами появился мерцающий туман, затем он рассеялся. Птица исчезла — на каменном выступе покачивалось невиданное существо — ни птица, ни человек.

Глава 9

— Фланнан! — прошептал я, не веря собственным глазам. Существо, стоявшее перед нами, было точь-в-точь из сказки, которую нам рассказывали в детстве, — человек-птица... С красными лапами и ногами, как у птицы, но больших размеров; человеческое тело, руки, но и крылья над ними и маленькие пальчики-коготки. Шея длинная и гибкая, но голова как у нас, хотя на лице вместо носа клюв. Вместо одежды — ослепительно-белое оперение по всему телу, за исключением рук и ног. Фланнан быстро заморгал и протянул к Каттею руки. Фланнан — крылатый человек... Я стал припоминать множество сказок и легенд, в которых упоминалось это крылатое племя. По отношению к людям они дружелюбны. По характеру очень подвижны, им быстро все надоедает, они не умеют на чем-либо долго сосредоточиваться, не доводят до конца ни одно из начинаний. Многие герои и героини в разных историях терпели неудачу, положившись на фланнана и приняв его помощь. Однако он никогда не вступал в союз с темными силами. Каттея начала бормотать, напевать что-то по-птичьи. Фланнан придвинулся к ней поближе, вытянул шею. Затем клюв его открылся, и он стал ворковать что-то в ответ. Сестра моя нахмурилась, задумалась ненадолго, потом ответила —

фланнан защебетал громче. Снова пауза, еще какое-то щебетание — в его голосе чувствовалось нетерпение.

— Он отвечает, — сказала нам Каттея, — на мой зов. Но я не могу понять его. Не думаю, что он меняет облик по собственной воле.

— Он послан для того, чтобы следить за нами? — поинтересовался Кемок.

— Возможно.

— Тогда он может вывести нас на тех, кто направил его! — я по-прежнему думал о всаднике. Каттея засмеялась.

— Только в том случае, если он сам этого захочет, — у тебя ведь не вырастут крылья, и ты не полетишь вслед за ним.

Она развязала узелок с травами, достала из него дурман и протянула его фланнану. Он вопросительно посмотрел сначала на траву, потом на Каттею. Сестра заметно повеселела.

— По крайней мере старые сказки нас не обманывают. Это не посланник какой-либо злой силы. Поэтому... — Она снова запела что-то — медленно, с расстановкой.

Фланнан завертел головой. Когда он защебетал в ответ, даже я смог разобрать некоторые звуки. Несколько раз Каттея одобрительно кивала, словно понимала то, о чем он хочет ей поведать.

— Он прислан, чтобы наблюдать за нами. В этой стране зло и добро существуют бок о бок, и иногда зло может даже захлестывать добро. Он говорит, чтобы мы возвращались туда, откуда пришли.

— Кто направил его? — резко спросил я.

Каттея проворковала что-то. Длинная шея фланнана изогнулась, он посмотрел на меня безучастно и ничего не ответил. Каттея повторила свой вопрос, на этот раз в более резкой форме. Ответа не последовало. Тогда она начертила в воздухе перед собой какой-то знак. Реакция на это действие оказалась неожиданной. Раздался треск, и человеческая часть фланнана как бы испарилась, мы снова увидели перед собой птицу. Она расправила крылья и взмыла в воздух, потом облетела три раза наш островок и каждый раз пронзительно выкрикивала что-то, пролетая над нашими головами. Глаза моей сестры заблестели, она проделала какие-то непонятные движения руками и пропела несколько слов гортанным голосом. Птица зависла в воздухе, потом крикнула и полетела как стрела на север.

— Что ж... ладно, не получится! — заговорила Каттея. — Я не дала Клятвы, не стала настоящей колдуньей, но у меня хватит Силы для того, чтобы не подчиниться им!

— А что он пытался сделать? — спросил я.

— Да так, элементарное колдовство. — Моя сестра издала звук, близкий к презрительному фырканью. — Облетел нас три раза для того, чтобы пригвоздить к этому месту. Если те, кто направил его, способны лишь на такую магию, то мы с ними справимся без труда.

— Он полетел на север, наверное направился к ним? — Кемок высказал вслух тот вопрос, что крутился у меня в голове.

— Думаю, что так оно и есть. Он полетел к ним, чтобы рассказать о нас.

— Тогда на севере находится то, что мы ищем.

— И всадник ускакал в том же направлении, — добавил я.

— А на севере нам может встретиться и каменная паутина, и стража, и всевозможные ловушки. Должно пройти какое-то время, прежде чем мы разберемся... — В ее голосе послышалась неуверенность. Мы повернулись к ней. Каттея смотрела на свои руки, словно пыталась прочесть там будущее, — похоже, оно не было для нас счастливым...

— Быть лишь наполовину кем-либо не так легко, — продолжила она. — Это всем известно. Я не присягала на верность колдуньям, никогда не носила на груди колдовской Камень. Но, несмотря на это, я — колдунья. И хотя я не имею на это права, я могу предпринять еще один шаг. Это наверняка поможет нам, даже спасет!

— Нет! — Кемок уже понял, на что она намекала, я еще нет. Он обхватил руками ее голову, притянул к себе, пытаясь встретиться с ней глазами. — Нет! — повторил он, и это прозвучало громко, как боевой клич.

— Если мы будем продвигаться дальше по этой таинственной стране, что сможет направлять нас по верному пути, вести нас? — спросила она.

— И ты сделаешь это, несмотря на ту опасность, что нам может грозить? Разве ты уверена в успехе? Скольким колдуньям удавалось сделать это, Каттея? И они всегда прибегали к помощи общей Власти...

— Да, Власти!.. — прервала она его. — Неужели ты веришь всему тому, что они говорят, Кемок? Они держат власть над

теми, кто не обладает Даром, любой ценой. Кое-кто из колдуний в Эсткарпе действительно пользовался этим, но сейчас им нечего изучать. Они знают свою собственную страну от и до. На протяжении нескольких сотен лет они не вторгались в чужие земли, а следовательно, им не требовался их посланник. И против кольдеров выступили не колдуньи, а наши отец и мать. Именно они, а не Совет, уничтожили врага на Горме. Но здесь властвует не одна Сила. Мы знакомы лишь с ее частью, да и она могла претерпеть большие изменения. Значит, нам нужно прибегнуть к...

— О чем она говорит? — обратился я к Кемоку.

— О создании посланца, — ответил он. Лицо его было таким же суровым, как в тот момент, когда мы скакали в Место Власти, чтобы спасти нашу сестру.

— Посланца? — переспросил я, ничего не понимая. — Какого посланца?

Каття властным движением отстранилась от Кемока. Она не смотрела на меня, только на него, словно направляя на брата всю свою волю и подчиняя его себе.

— Я должна создать посланца, Килян. Именно он сможет изучить эту страну, но не так как мы видим, понимаем и чувствуем ее сейчас, нет. Наш посланец сможет вернуться в прошлое и выяснить, что произошло здесь и что может спасти нас сейчас.

— И как это сделать? — воскликнул Кемок. — Так же, как женщина рождает ребенка? Возьмешь и создашь существо усилием воли и духа, но не из плоти? Но ведь это будет нечто неживое!

— При родах всегда есть доля риска, — произнесла Каття спокойно. — И если вы оба захотите, то наше усилие утроится, ведь никогда в Эсткарпе не знали такой тройной Силы, как у нас. Разве я не права? Мы можем слиться воедино в случае необходимости. Если вы объединитесь со мной сейчас, то вероятность риска будет минимальной. Я бы и не пыталась предпринять ничего подобного одна, клянусь вам. Только в том случае, если вы по своему желанию и по своей воле захотите помочь мне, — тогда у меня все получится.

— А ты уверена, что делать это необходимо? — спросил я.

— У нас есть выбор — мы можем идти вслепую, как при переходе через перевал, или все видеть и понимать. Семена

Зла в этой стране посеяли в далеком прошлом, и время взлелеяло их и видоизменило. Стоит нам только выкопать эти семена и понять причину их возникновения и развития, мы сможем найти защиту от того, что из них выросло за такое время.

— Я не хочу! — закричал Кемок.

— Кемок... — Она не выпускала из рук его ладони, все крепче сжимая их. — Разве ты говорил «я не хочу», когда тебе нужно было идти воевать?

— Но это совсем другое дело! Я был воином, мужчиной... Я видел своих противников в лицо...

— Почему ты меня так недооцениваешь? — спросила она. — Мои сражения не выиграть при помощи меча и стрел, но я многому научилась за те шесть лет, что мне довелось провести в Месте Власти. И мне пришлось сталкиваться с такими врагами, которых ты себе и представить не можешь. И я не говорю, что справлюсь с этим делом одна. Я призываю вас помочь мне, поддержать в этой битве, это намного легче, чем заставлять вас стоять в стороне и наблюдать, как рискуют жизнью другие.

Он не разжимал губ, но уже не возражал, и я понял, что она одержала победу. Возможно, я не был на его стороне, потому что не знал, что за опасность поджидает ее. Но мое незнание было ей на руку. В такие минуты Каттея не была молодой неопытной девушкой — она словно надевала на себя одеяния власти и становилась старше нас.

— Когда? — Кемок сдался, произнеся это слово.

— Лучше всего здесь и сейчас. Но сначала нам следует подкрепиться. Сила тела поддерживает силу духа и воли.

— Вода-то есть, но еда... — Кемок приободрился, будто нашел в земных потребностях тот аргумент, что сможет опровергнуть все задуманное.

— Килан позаботится об этом. — Она опять даже не посмотрела в мою сторону. Но я знал, что делать, хотя никогда раньше не стоял перед столь сложной задачей, не считая ситуации с торскими скакунами.

Кто обладает Даром или хотя бы частицей Власти, тот знает, что есть предел дозволенного. Но стоит лишь раз попробовать преступить эти границы и одержать победу, как оказывается, что ты способен на большее, ты начинаешь верить в собственные силы. С тех пор, как я понял, что могу управлять живот-

ными на расстоянии, подчинять их своей воле, я ни разу не пользовался этим для охоты на них. У меня был опыт с торскими скакунами, несколько раз удавалось заставить диких животных отступить, но чтобы умертвить животное — в этом было что-то запретное.

Именно это я должен сделать сейчас. Я понимал, что полностью отвечаю за свой поступок. Я заставил себя настроиться на добычу, которую придется заманить. Мозг рыб и рептилий, насколько мне известно, сильно отличается от человеческого, поэтому на них воздействовать не стоит. То, что нам требуется, — млекопитающее. Антилопы умеют плавать... Мысленно я как бы нарисовал антилопу, представил, как она пашется. Держа в уме эту картину, я стал вести поиск. Никогда раньше не доводилось заниматься подобным делом — я либо видел животных перед собой, либо знал, что они где-то близко. Такого рода поиск — не определенного животного, а одного из них — может провалиться.

Но, к моему собственному удивлению, все получилось. Я почувствовал ответную реакцию и инстинктивно напряг волю, стараясь не спугнуть животное. Немного погодя на берег выскочила молоденькая антилопа. Я заставил ее ринуться в реку в том месте, где перебирались мы, чтобы течением ее вынесло прямо на наш островок.

— Нет! — я запретил Кемоку стрелять. За убийство несу ответственность только я один, вина не должна переходить на другого. Я дождался, когда антилопу настигнет смерть, — я мог обеспечить ей только быстрый конец, без мучений.

Катгея пристально наблюдала за тем, как я вытаскиваю мертвое животное на берег. Я спросил ее мысленно:

— *Это в какой-то мере уменьшит Силу?*

Она тряхнула головой, но в глазах ее была тревога.

— Нам нужна только сила тела, Килян. Хотя, конечно, ты взвалил на себя эту ношу... И я не могу сказать, чем тебе придется поплатиться за это...

Наверное, это отразится на снижении моих способностей, но я решил, что не стоит расстраиваться раньше времени, к тому же это не Эсткарп, и правила, которые существуют в этом колдовском мире, могут сильно отличаться от привычных нам. Мы разожгли костер и поджарили мясо, потом сытно поужинали.

— Приближается ночь, — заметил Кемок. — Лучше подождать следующего дня. Наша сила питается светом. Ночью мы можем вызвать только Силу Тьмы.

— Напротив, то, что мы задумали, лучше всего начинать с заката. Если создать посланца в полночь, то он попадет в более раннее время. И не всегда свет и тьма враждуют, Кемок. А теперь слушайте внимательно, я не могу сказать и объяснить вам все. Мы должны взяться за руки и мысленно слиться воедино. Не обращайтесь на меня, главное — не разжимать рук. И... что бы ни случилось, оставайтесь со мной!

Обещаний с нашей стороны не требовалось. Я, как и Кемок, боялся сейчас за нашу сестру. Она слишком неопытна для подобного дела. И хотя Каттея так уверена в успехе и своей силе, она напоминала мне воина, который еще ни разу в жизни не попадал в засаду.

Тучи, нависавшие над нашими головами целый день, раступились, небо прояснилось, закат польхал вовсю. Мы увидели горы, через которые попали в эту загадочную страну. Взявшись за руки, мы объединили наши мысли.

Возникло такое же опущение, как в тот миг, когда наша мать призвала нас троих к себе в комнату. Тогда мы впервые потеряли самих себя, растворились друг в друге, зная, что нельзя с этим бороться. После этого нас качнуло из стороны в сторону... волна... чего?

Не знаю, как долго все это длилось, но я вдруг очнулся, рука моя сильно дергалась. Каттея тяжело дышала, вскрикивала, то и дело ее колотила крупная дрожь. Я схватил ее за плечо свободной рукой, стараясь успокоить. Потом я услышал возглас Кемока. Он стал помогать мне.

Она вскрикнула от боли и стала вырываться так настойчиво, что мы еле сдерживали ее, помня о том, что не должны разъединять своих рук. Я валился с ног от усталости и изнеможения, каждое движение давалось с трудом. Глаза Каттеи были закрыты. Я подумал, что она сейчас где угодно, но только не с нами. Тело сестры боролось с ее волей. В свете гаснущего костра лицо ее было не только бледным, но и немного светилось, и мы стали свидетелями всех ее мучений.

Наконец она вскрикнула в последний раз и выгнулась всем телом. Мне вдруг почудилось, что из нее вылетело пламя

размером с мою ладонь, оно зависло в воздухе, излучая яркий свет, затем качнулось из стороны в сторону, словно огонь свечи на легком ветерке. Каттея снова вздрогнула и открыла глаза, чтобы посмотреть на то, что явилось на свет. Пламя постепенно стало приобретать форму жезла, освещенного ореолом яркого света, напоминающим крылья. Каттея вздохнула и устало произнесла:

— Это не похоже на...

— Зло? — резко спросил Кемок.

— Нет. Форма не совсем та. Хотя она не имеет особого значения. Теперь...

Она потянулась к крылатому жезлу, как тогда, при разговоре с фланнаном. Мы поддерживали ее под руки, чтобы она не упала. Мысленно мы слышали, что она начала произносить какие-то непонятные слова. Она повторяла древнее заклинание для того, чтобы этот ребенок, или больше, чем ребенок, слушался ее, понял то, что ему нужно сделать. Она раскачивалась из стороны в сторону, произнося старые слова, которые подхватывал ветер. Потом вдруг смолкла и выпрямилась. Последнее слово прозвучало, как выстрел стрелы:

— Лети!

Все исчезло, и мы оказались в темноте. Каттея освободилась от нашей поддержки и прижала к себе руки, словно пытаясь заглушить боль. Я подбросил хворост в огонь. В отблесках пламени костра я вдруг заметил, что лицо ее осунулось, постарело, на нем появилась печать страданий — мне доводилось видеть подобное у раненых воинов. Кемок вскрикнул и прижал ее к себе, по щекам ее струились слезы. Каттея медленно подняла руку и дотронулась до своего лица.

— Все закончилось! Мы хорошо поработали, братья! Наше дитя отправилось на поиски времени и места, ничто не может помешать ему, и то, что оно узнает, поможет нам, спасет нас. Я знаю наверняка. А теперь давайте спать...

Каттея уснула, Кемок тоже рухнул на землю без сил. Несмотря на то, что я смертельно устал, что-то не давало покоя. Страх за Каттею? Нет — она выполнила то, что задумала, выстояла в своей битве. Ожидание немедленного нападения? Вряд ли: мы в безопасном месте, можем спать спокойно. Моя собственная вина? Скорее всего. Но из-за этого не стоит будить остальных. Когда-нибудь я расплачусь за то, что совер-

шил, а сейчас лучше выкинуть это из головы. Я лег на плед, закрыл глаза и задремал. Неожиданно приподнялся на локте, отогнал от себя сон — я услышал протяжный, очень знакомый звук в ночи. Недалеко заржала лошадь!

Глава 10

Я услышал стук копыт и на том берегу реки вдруг увидел — а может, мне показалось — вспышку молнии, как тогда, в схватке с расти... Я напряг свою волю и стал думать только о лошади. Интересно, что это означает для нас? Во мне росло чувство уверенности: с рассветом отправлюсь на поиски... Такая мысль словно разрешила все мои волнения, и я уснул. Звуки охоты стихли, если это вообще была охота, и нежный шепот реки убаюкал меня. Я уснул последним, но проснулся раньше всех. От костра остался один только пепел, утро было прохладным и пасмурным, рассвет только-только занимался. Я разложил оставшийся хворост и развел огонь. И, наклонившись, увидел его — он шел к воде...

Торские скакуны, безусловно, самые лучшие в Эсткарпе, но в них нет красоты. Их шкура никогда не блестит, сколько ее ни холишь, да и сами они мелковаты. Но этот... О таком жеребце я мечтал всю свою жизнь! Он приподнял морду от воды — могучий, с изящными ногами и благородной шеей, вороной; его шерсть блестела, как начищенное острие меча, грива и хвост струились, как волосы у девушки...

И стоило мне увидеть этого красавца, как я понял, что завладею им во что бы то ни стало. Он посмотрел на меня, приподняв голову от воды. Без страха, да, скорее с любопытством. Дитя природы, он наверняка не знал, что такое подчиняться чьей-то воле. Он стоял так какое-то время, изучая меня. Я медленно направился к воде. Он снова начал пить — значит, не боится. Зашел в воду, словно ему доставляло удовольствие чувствовать, как прохладный поток обтекает его ноги. Я потерял голову, любуясь его красотой, благородством и независимостью. Попытался мысленно связаться с ним, заставить подождать, вслушаться в мои желания. Он поднял голову, фыркнул, сделал несколько шагов из воды, чуть насторожился. Я попытался коснуться его воспоминаний о всаднике, которого он

нес... Он стоял на берегу и наблюдал за тем, как я зашел в реку, сбросив с себя шлем, кольчугу и оставив на берегу оружие. Я поплыл к нему — жеребец по-прежнему стоял на месте и от нетерпения бил землю копытом, чуть наклонив голову, так что его шелковистая грива струилась на легком ветерке, а длинный хвост слегка развевался. Он ждал меня! Я победил — он мой! Глупо было думать, что я утратил свой дар, никогда еще мое общение с животными не было столь близким и успешным. С таким конем весь мир принадлежит только мне! В это раннее утро мы были с ним одни, ничего больше не существовало...

Я выбрался на берег, не обращая внимания на промокшую одежду и прохладный ветер; я видел перед собой только могучее и прекрасное животное, которое ждало меня — только меня! Он склонил свою благородную голову и фыркнул в ладонь, которую я протянул ему. Затем позволил мне положить руки ему на спину. Он принадлежал мне, словно я воспользовался очень древним приемом приманки, когда животному дают овсяное печенье, которое три дня носят под одеждой, а потом смачивают своей слюной. Нас уже никто и ничто не разлучит. Это было так очевидно, что я без колебаний вскочил на него — он не воспротивился. Конь пошел рысью, и я восхищался мощью его тела, грациозностью движений. За всю свою жизнь мне ни разу не доводилось сидеть верхом на таком изящном, сильном, гордом скакуне. Я опьянел больше, чем от любого вина. Это... это был король, полубог, явившийся откуда-то из небытия.

Река осталась позади, перед нами расстилался весь мир. Нас было двое, свободных и независимых. Двое? Река позади? Что-то важное оставалось там, но что? Могучий круп подо мной напряжился, мы пошли галопом. Я крепче ухватился за развевающуюся гриву, которая хлестала по лицу, и все внутри меня ликовало...

Солнце поднималось над нашими головами, а жеребец скакал все дальше и дальше по долине — казалось, он не знает, что такое усталость. Он мог скакать так часами. Но мое ликование понемногу сменилось тревогой. Река... Я оглянулся через плечо — вон та узкая полоска вдали... Река... а на ней... Что-то шелкнуло в моем мозгу. «Каття! Кемок! Почему, зачем я покинул их? Назад — я должен повернуть назад». Я смогу повернуть жеребца усилием воли, без хлыста и поводьев. Я стал

приказывать ему... Не действует! Могучее животное продолжало мчаться все дальше и дальше от реки, в неизвестность. Я попробовал еще раз, более настойчиво, так как чувство беспокойства сменилось страхом. Но он не сбавил скорости, не повернул. Тогда я решил приложить все свои силы, как тогда, с торскими скакунами или антилопой, которую умертвил. Я словно шел по насту, под которым бурлила совершенно иная субстанция, и стоит наступить чуть посильней на этот хрупкий слой, как ты провалишься в то, что там, под ним. И в эти секунды я узнал правду. Я сел на то, что внешне являлось жеребцом, но не заглянул внутрь, и в действительности оказалось, что подо мной совершенно другое существо. Я не мог сказать, кто это, но оно было противоположным тому, что я знал или хотел знать. Теперь я понимал, что имею над ним такую же власть, как над рекой, которую мне никогда не повернуть вспять и не заставить течь в обратную сторону. Я не управлял конем, а попался в очередную ловушку, потеряв голову при виде этого животного. Может быть, попробовать спрыгнуть с него на ходу? Но я наверняка разобьюсь насмерть — с такой скоростью он несется в неизвестном направлении. Куда он несет меня и зачем? Я попытался заглянуть в его мысли. Меня увлекают в ловушку, а что потом?

Я допустил страшную ошибку, но могу навлечь беду и на остальных. Вдруг те, кто заманил меня в свои сети, воспользуются нашим мысленным контактом? Через меня они смогут воздействовать на Каттею и Кемока. Они — кто это или что это? Кто правит этой землей и чего они хотят от нас? Я не был знаком с той силой, что обманула меня подобным образом. Я уже попадался в западню — в каменную сеть... Скорее всего, это взаимосвязано. И теперь я не должен просить помощи у брата с сестрой, чтобы не причинить им вреда.

Равнина, по которой мы мчались, наконец-то кончилась. Впереди появилась темная полоса деревьев, с каждым шагом вырастающая все выше из земли. Деревья показались мне очень странными — с поблекшей листвой, серыми ветками и стволами, казалось, что-то вытягивает из них последние соки. И от этого мрачного леса исходило какое-то зловоние — как будто некое зло, очень старое и дряхлое, испускало тяжкие вздохи. Жеребец поскакал через этот лес по дороге, которая звенела под его копытами так, словно была сделана из стали.

Он бежал неровно, меня подбрасывало из стороны в сторону, и теперь уже не было никакого желания слететь на землю, так как я был уверен, что в таком случае меня ждет верная гибель, стоит лишь коснуться этой проклятой дороги. А конь все скакал и скакал вперед. Я уже не пытался заглянуть в его сознание. Мне казалось, что лучше приберечь свои силы для борьбы с неизвестностью, для последней битвы за собственную свободу. И я попробовал создать некую оболочку вокруг себя, своего рода панцирь отчаяния, чтобы те, кто захочет прочесть мои мысли, наткнувшись на этот заслон, решили, что сломали меня. Я всегда полагался больше на тело, чем на разум, и поэтому подобные занятия требовали от меня огромного напряжения. Сейчас я должен собрать всю свою волю, спрятать вглубь желание воспротивиться той силе, что поджидает меня, сохранить способность бороться до того момента, когда у меня появится шанс на спасение.

Мы миновали лес, но дорога не кончилась. Она вела нас напрямик к городу — башням, стенам... Это был безжизненный город, если считать жизнью то, что знал я. От него исходила аура холода, полного отвращения к моему существованию. Только взглянув на этот город, я понял — стоит мне, Килану Трегарту, попасть в его серые стены, как наступит конец. В этот момент я думал не только о себе, но и о тех, кого мог вовлечь в беду. Я должен предпринять сейчас невероятное усилие — именно сейчас! Я бросился сквозь ту преграду, что создал сам, внутрь себя, воспротивился воле тех, что поймали меня в свои сети. Моя воля — вот что сейчас самое главное! Спасти можно только так, нельзя позволить затащить себя в ту ловушку, что разверзла зловонную пасть...

Наверное, мне удалось обмануть их. Может быть, они хуже разбираются в таких, как я. А может быть, они расслабились, решили, что без труда завладеют мной. Жеребец свернул с дороги. Я чувствовал, как закипела позади меня их воля, — спину обдало такой вспышкой ярости, что мне даже показалось, что вслед кричат проклятия с городских стен. Отлично, если мне удалось спастись на этот раз, возможно, не все потеряно... Еще один сердитый отголосок, но уже поражения...

Жеребец шел ровно — он опять несет меня к месту смерти. Но человек не умирает покорно, и я буду бороться до последнего. Вдруг я заметил вспышку на небе — появилась какая-то

птица. Сияние... Фланнан! Тот, кто прилетал к нам на остров? Но почему? Он ринулся вниз, и жеребец метнулся в другую сторону, издав при этом злобный крик, и помчался, не сбавляя шага. Вновь и вновь птица кидалась вниз, чтобы сбить животное с дороги; наконец мы взяли курс на север, оставив позади себя мертвый город, туда, где возвышался темный лес — настоящий, зеленый, не изрыгающий зло. Как только жеребец поскакал в этом направлении, фланнан стал сопровождать нас сверху, внимательно следя за животным. И в душе у меня появилась слабая надежда, огонек, который в любой момент может задуть ветер... Фланнан помогал мне, был союзником, и значит, на этой земле есть другая Сила. Ко мне относятся с добром, спасают от зла.

Так хотелось заговорить со своим незнакомым другом, мысленно обратиться к нему. Но я не изучал колдовство, и вряд ли у меня это получится. Я испугался за тех, кто — как я надеялся — еще жив. Но перед тем как решить, что же мне делать дальше, рискнул и обратился к жеребцу. Проникнув в его сознание, я обнаружил пустоту и лишь один приказ — бежать и бежать, — который мне не под силу было изменить. Мы очутились среди ущелий и скал — чем-то местность напоминала изрезанный ландшафт на западе. Жеребец мчался без устали — вот-вот мы свалимся в одно из ущелий, вот она — смерть...

Мы оказались на самом верху, узкая тропинка пролегла между отвесной скалой и бездонной пропастью. Моя надежда угасла, как только фланнан ринулся на нас, — конь споткнулся, и мы начали падать...

Каждый человек рано или поздно задумывается о смерти. Наверное, когда молод, такие мысли редко посещают, но будучи воином нельзя забывать о том, что в любой момент тебя может настигнуть смерть в бою, и меч откроет последние ворота в твоей жизни — а что там, за ними? Некоторые верят в то, что за этими воротами им уготован другой мир, где ждет расплата, где придется выложить на весы все добро и зло, все содеянное тобой в той, прежней жизни. Другие убеждены, что наступит вечный сон и благодать, и ни за что уже не придется платить. Но я и представить себе не мог, что умирать так мучительно больно, — казалось, я вобрал в себя грехи всего этого воинственного мира и буду расплачиваться за них один. Боль... дикая боль... у меня больше не было тела, его сжигал огонь...

Я превратился в факел... Потом я открыл глаза — надо мной небо, голубое, как в той жизни, и горы. Но боль не стихала, за-слоняла собой все вокруг... Боль... и вдруг я понял, что смерть не настигла меня, что она еще впереди, и страдаю я в этой жизни. Закрыв глаза, чтобы не видеть ни это голубое небо, ни вершины гор, и желал только одного — скорее бы наступила смерть. Немного погодя боль стихла, и я открыл глаза, надеясь на то, что смерть уже близко, ведь перед самым концом агония сменяется иногда таким вот затишьем. Увидел птицу на скале — но не фланнана, а настоящую птицу с блестящим изумрудным оперением. Она смотрела на меня, потом подняла голову и позвала — да-да, я не ослышался, она позвала меня. Разве такая сказочная птица может поедать падаль, как зло-вещее черное воронье на полях сражений? Я попытался повернуть голову, но тело не слушалось. Небо, скалы, сказочная птица — вот мой мир. Но небо такое голубое, и птица такая красивая, да и боль уходит... И так же отчетливо, как я слышал зов птицы, я услышал другие звуки. Топот копыт! Конь! Но на этот раз им не удастся заманить меня — я больше не сяду на него... Топот копыт смолк. Послышались другие звуки... Теперь ничего не имеет значения. Уже не было так больно... Я заглянул в лицо, склонившееся надо мной. Этого не опишешь словами. Доводилось ли вам видеть когда-нибудь существа без плоти, состоящие лишь из облака легкого тумана? Что это, дух, явившийся незадолго до смерти? Видение? Боль, неожиданная и острая, пронзила все мое тело. Я вскрикнул и услышал, как мой собственный крик зазвенел в ушах. Почувствовал чье-то холодное прикосновение и провалился в темноту. Но отсрочка оказалась недолгой. Я опять пришел в себя. На этот раз не увидел над собой ни вершин гор, ни птицы — только голубое небо. Боль продолжала мучить истерзанное тело. В меня словно вон-зались стрелы, посланные со всех сторон.

Я застонал. Голову мою приподняли; я заставил себя открыть глаза и сился рассмотреть того, кто причиняет мне столько мучений. Скорее всего, боль размывала то, что было у меня перед глазами, — картина получалась смазанной и зыбкой. Я лежал, лишенный тела, и видел то, что было когда-то моей плотью, — сломанные кости, красное месиво...

Я с трудом разглядел своих мучителей. По крайней мере двое из них были животными — они месили красную вязкую

жигу передними лапами, черпали ее и вываливали на мои беспомощные и сломанные кости. Еще один был весь покрыт чешуей, которая переливалась на солнце. Но четвертый... Дух, явившийся за мной в виде тумана? Он казался то облаком, то вдруг становился реальным, непрозрачным, потом неожиданно таял на глазах, растворяясь в зыбкой дымке... И я не знаю, то ли мое воображение делало его таким, то ли он сам менял свой облик. Но я чувствовал, что от видения исходит добро по отношению ко мне, а не зло.

Они работали сосредоточенно, в полной тишине, возились со сломанными костями и израненным телом. Так не хоронят... Никто из них не смотрел мне в глаза, не обращал внимания на то, что я вижу их действия. Спустя некоторое время мне надоело смотреть — может быть, все это галлюцинации... Только после того, как вся эта престранная четверка закончила колдовать надо мной, а призрачная незнакомка (видение оказалось женщиной) провела по моему подбородку рукой, я встретил ее взгляд... Она по-прежнему казалась нереальной, менялась на глазах: то ее волосы были темными, то вдруг она становилась блондинкой, менялся цвет глаз, овал лица. Казалось, что в одной женщине существует множество других, во власти которой принимать нужный ей облик. Вид ее меня так поразил, что я вновь закрыл глаза. Почувствовал прохладное прикосновение к щеке, затем кончики пальцев коснулись моего лба. Я услышал тихое пение — голос был похож на голос моей сестры, потом изменился, стал напоминать пение птиц. От ее прикосновения по телу моему разлилась приятная прохлада, которая заглушила боль, — я чувствовал, как страдание покидает меня, и, слушая ее волшебный голос, думал уже, что не лежу в страшном месиве, а плыву вне времени и пространства в неизвестность. Там парили силы, неподвластные человеческому восприятию. Дважды я словно возвращался к своему телу, открывал глаза и вглядывался в лицо, склонившееся надо мной, — оно постоянно менялось. Сначала — ночное небо и лунный свет, потом — опять голубое небо, легкие белые облака... И каждый раз я возвращался в то место, за пределы привычного мира, слыша ее пение. Я знал, что это не смерть, скорее — вторая жизнь, второе рождение.

Потом я очнулся — и я был один. С ясной головой, как раньше, до рассвета, до того как я увидел жеребца на берегу

реки. Посмотрел на свое тело — оно было покрыто какой-то коркой, сухой и местами потрескавшейся. Я прикован к земле. Но никто не поет над моей головой, не прикасается ко мне. Это обеспокоило меня. Я с невероятным трудом повернул голову.

Глава 11

Склон, напоминающий по форме блюдце, чуть в стороне — резервуар с той же самой красной жижей, что затвердела на моем теле. Я медленно повернул голову: снова склон и еще один резервуар с густой булькающей субстанцией. Был день — не пасмурный, хотя облака затянули все небо. Я слышал, как булькают и лопаются пузыри в резервуарах. Потом раздался еще один звук — кто-то стонал от страшной боли. Я сразу вспомнил то, что мне довелось пережить самому. Увидел, как какое-то существо с трудом пробирается по краю склона-блюдца, изгибаясь, прилагая невероятные усилия. Я понял, что оно серьезно ранено. Опять резкий вопль. Снежный барс! Его прекрасная белая шкура в крови — на боку зияла глубокая рваная рана. Мне даже показалось, что я вижу обнажившуюся белую кость. Барс полз к ближайшему резервуару, издавая мучительные и леденящие кровь стоны. Из последних сил он скатился в тягучую жижу, которая тут же облепила все тело, и замер, тяжело дыша и высунув набок язык, и больше не издавал никаких звуков. Казалось, он умер... Нет, я отчетливо слышал его тяжелое дыхание.

Я огляделся вокруг и увидел в ложбине еще много таких резервуаров, в которых покоились раненные. И вдруг ощутил, что моя боль стихла. Не было никакого желания двигаться, ломать засохшую корку, сковывающую члены, потому что я почувствовал себя легко, ничто не болело, а тело наполнялось силой. На засохшей жижке остались кое-какие следы. Я присмотрелся к ним повнимательней. Значит, это не сон — я действительно был смертельно ранен, а создания в облике животных, одно из которых было покрыто чешуей, трудились надо мной под руководством меняющего свой облик духа? Эта женщина оставила отпечаток руки — такой отчетливый — над моим сердцем. Длинные тонкие пальцы, узкая ладонь — след человеческой

руки, а не лапы животного. Я попытался вспомнить ту, которая меняла свои обличья...

Глаза снежного барса были закрыты, но он дышал. Жижка вокруг его тела уже почти застыла и образовала защитную корку. Как давно я здесь? В первый раз я подумал о времени. Каття... Кемок! Сколько часов прошло с тех пор, как я покинул их, ускакав на дьявольском коне-приманке?

Надо действовать! Я попытался пошевелиться — застывшая масса не поддавалась. Я был беспомощным пленником, закованным в каменные кандалы. Что делать? Не знаю, почему я не закричал вслух. Мысленно обратился — не к тем, кого оставил на островке, нет, — я позвал духа, которого могло во все и не существовать в этом мире:

— *Зачем я вам нужен?*

Что-то мелькнуло — что-то блестящее, переливающееся всеми цветами радуги, легко и быстро пронеслось над ложбиной, приземлилось на задние лапы и уставилось на меня яркими глазами-бусинками. Я не видел подобных существ в Эсткарпе, оно не напоминало никого из легенд. Ящерица? Конечно, только намного больше, чем обычное золотисто-зеленое пресмыкающееся. По-своему красивое. Существо остановилось у моих ног, дотронулось до них и подбежало на задних лапах к моей голове. Здесь оно снова замерло и стало внимательно изучать меня. И я был уверен, что в его узкой заостренной голове есть разум.

— Приветствую тебя, брат по мечу. — Слова эти вылетели сами по себе.

Он отпрянул назад, из чешуйчатого горла вылетел странный звук. Затем он исчез. Странно, но его приход дал мне почувствовать, что я не пленник. Ящер вовсе не имел по отношению ко мне злобных намерений — как и те, что оставили меня здесь. Ведь я отлично себя чувствую, боль ушла, да и снежный барс приполз сюда не зря. В этом месте лежат раненых животных. И меня тоже спасли от смерти... Но кто? Ящер, другие животные... дух... да, конечно, дух!

И хотя я не умел определять колдовство по запаху, как Каття, я был уверен, что здесь нет места злу — это оазис некой Силы. И я выжил только благодаря ей. Теперь я ощущал каждой клеткой кожи, всем своим существом — что-то должно произойти.

В ложбине появилось несколько ящеров, за ними следом шли два пушистых зверя, задние лапы которых тоже отливали зеленым цветом. Их узкие головы и хвосты-завитки напомнили мне древесных животных, но они были намного крупнее своих собратьев из Эсткарпа. Шествие завершала она. Ее темные волосы ниспадали до пояса — но темные ли? Не отливали ли они красным? Или все это — игра света и волшебство? На ней была зеленая туника, плотно облегающая тело, с широким изумрудным поясом в бледно-золотистых драгоценных камнях; руки и ноги были открыты. Тонкие запястья украшали широкие браслеты с такими же камнями, а через плечо был перекинут колчан со стрелами, с голубовато-зелеными блестящими перьями на концах, в руках она держала лук бледно-золотистого цвета. Ее одеяние вроде бы не менялось, и я сосредоточился на лице, на этом развевающимся облаке волос, и не был уверен, что вижу что-либо отчетливо. Она опустила передо мной на колени.

— Кто ты? — спросил я, так как ее изменчивость начала меня раздражать.

К собственному удивлению, я услышал смех. Она дотронулась до моей щеки, потом лба, и после этого прикосновения мое зрение прояснилось. Я увидел ее лицо — или одно из ее лиц — отчетливо и ясно.

Черты Древней расы не спутать ни с чем: утонченные, с заостренным подбородком, небольшим ртом, огромными глазами, дугообразными бровями. Все это делало ее такой красивой, что могло заставить любого мужчину испытать настоящее влечение. Было в ней нечто, что отличало ее от людей, но это казалось несущественным. Воин понимает в женщинах. Я не сокольник, который свысока смотрит на них, не чистокровный представитель Древней расы, чтобы воспринимать их только как носителей Дара и ставить себя ниже, не относясь к ним и так, как это делают многие сулькарцы, проводя час-другой с вольной спутницей. И теперь, глядя в ее лицо, я испытывал какое-то странное, непривычное чувство — сильное волнение, трепет, — ощущая рядом ее присутствие. Она улыбнулась, потом снова стала серьезной, не отрывая от меня взгляда, и я понял, что она слышит мои мысли. Я смутился.

— Лучше так — кто ты? — ее вопрос прозвучал мягко, но требовательно.

— Килан Трегарт из Эсткарпа, — ответил я формально. Что возникло между нами? Я не мог понять. — А ты? — спросил я во второй раз, более настойчиво.

— У меня много имен, Килан Трегарт из Эсткарпа. — Она подсмеивалась надо мной, но я сделал вид, будто не замечаю этого.

— Назови одно из них или два, или все.

— А ты смелый мужчина, — мягко ответила она. — В нашем мире ко мне не обращаются опрометчиво по имени. — Она снова засмеялась.

— А я и не собираюсь обращаться к тебе опрометчиво. — Я повторил это странное слово.

Она промолчала. Пальцы ее затрепетали, я испугался, что она уберет руку с моего лба — тогда лицо ее может снова стать размытым или измениться.

— Меня зовут Дагона, а также Морканта, некоторые называют меня Зеленой Леди...

— Долины, — закончил я за нее. Легенда... Нет! Она настоящая, живая — я чувствовал прохладу и упругость ее плоти на своем лице.

— Тогда мы знакомы, Килан Трегарт.

— Я знаю тебя по старым преданиям...

— Преданиям? — снова раздался переливчатый смех. — Но предание — это сказка, которая может и не быть правдой. А я живу здесь и сейчас. Эсткарп... храбрый воин, где находится Эсткарп, который знает Дагону по старым легендам?

— На западе, за горами...

Она убрала руку, словно прикосновение обожгло ее. Облик снова расплылся перед моими глазами.

— Я вдруг превратился в чудовище? — прервал я внезапно повисшую тишину.

— Не знаю... — она снова положила руку мне на лоб, и четкость вернулась. — Нет... хотя не знаю, кто ты на самом деле. Те-Кто-Живут-Отдельно хотели, чтобы кеплиан забрал тебя к ним, но тебе удалось спастись. Ты боролся неизвестным мне способом, незнакомец. И потом, я вижу, что в тебе присутствует сила добра, а не зла. Но горы и то, что лежит за ними, это тот барьер, через который может просочиться только зло, — по крайней мере, так говорится в наших легендах. Почему ты пришел к нам, Килан Трегарт из Эсткарпа?

Не было смысла обманывать ее — между нами должна быть только правда.

— В поисках убежища.

— А от чего ты бежал, незнакомец? Какое зло оставил ты позади себя, почему тебе пришлось бежать через горы?

— Потому что отличался от других...

— Да, но ты не один, вас трое — но при этом, как один...

Ее слова отозвались во мне болью.

— Каттея! Кемок? Что...

— Что случилось с ними после того, как ты ускакал на кеплиане, так глупо попавшись на уловку? Они пошли своей дорогой, Килан. Твоя сестра сделала то, чего ей не следовало делать. Мы не любим чужих колдуний, воин. В прошлом это приносило нам зло. Будь она более опытной в колдовстве, она бы не стала тревожить Силы, которые дремлют во Тьме. Она еще не столкнулась с тем, на что не действует ее оружие и защита. Но долго так длиться не может — это Эскор.

— Но ведь ты колдунья. — Я был уверен в этом; хотя не видел на ее груди колдовского Камня, я знал, что она того же происхождения, что и обладательницы Дара в Эсткарпе.

— Существует много видов колдовства, о чем ты, наверное, уже знаешь. Давным-давно в Эскоре дорога раздвоилась, и мы, зеленое племя, выбрали свой путь. Некоторые из нас ушли друг от друга очень далеко, но мы пронесли сквозь годы умение противопоставлять добро злу; нам не требовалось прибегать к новым колдовским хитростям. Потому что в противном случае при малейшем сдвиге можно потревожить те Силы, что дремлют веками, но могут проснуться, и тогда зло победит добро. Именно это попыталась сделать твоя сестра — словно наивный ребенок, который ударяет по поверхности пруда палкой и радуется кругам на воде, разбудив то чудовище, что притаилось в глубине. — Она поджала губы, словно собираясь выносить приговор, и этим полудетским движением растопила отчужденность между нами, она напоминала теперь девушку, такую, как Каттея. — Конечно, мы не можем отнять у нее право на то, что она делает, но мы хотим, чтобы это совершалось не у нас! — Дагона снова улыбнулась. — А теперь, Килан Трегарт, сделаем вот что.

Ее рука скользнула с моего лба на грудь, покрытую запекшейся коркой. Там она начертила ногтем линию, потом про-

должила ее по моим рукам и ногам. Существа, сопровождающие ее, приступили к работе, раздирая корку вдоль этих линий быстро и аккуратно — было видно, что они привыкли к такой работе. Дагона поднялась и направилась к снежному барсу, дотронулась до засохшей жижи, провела рукой между его глазами и за ушами.

Наконец слуги Дагоны освободили меня от покрова и помогли выбраться из углубления, повторяющего форму моего тела. От переломов не осталось и следа, а раны зажили — без помощи Дагоны и этих существ мне бы не выжить.

— Смерть теряет свою силу в этом месте, если ты доберешься до него, — сказала она.

— А как я попал сюда, госпожа?

— Благодаря огромным усилиям, воин. Так что теперь ты в долгу.

— Признаю все долги, — ответил я, как и полагается в таких случаях. Но чувствовал себя при этом несколько неловко, так как на мне ничего не было одето. Интересно, я так и буду ходить голым?

— За тобой еще один долг, воин. — Она засмеялась. — То, что ты ищешь сейчас, ты найдешь вон там.

Она не оставила раненого барса, но показала рукой наверх, на край ложбины-блюдца. Земля под ногами была рыхлой, я послешил на склон в сопровождении двух ящеров. Трава на склоне была по колено, мягкая и сочная, около каменной колонны я нашел зеленый сверток. Развязал его и увидел перед собой новую одежду. Сначала я решил, что она сделана из тонкой кожи, но, присмотревшись повнимательней, понял, что материал мне совершенно не знаком. В свертке я нашел зеленый плащ, странного покроя брюки, куртку с металлической пряжкой, на которой красовался изумруд, похожий на тот, что носила Дагона. На поясе висел не меч, а какая-то металлическая плеть длиной в локоть и еще одно непонятное оружие — с таким иметь дело мне не приходилось.

Одежда сидела на мне отлично — давала телу полную свободу действий, чего нельзя было сказать о кольчуге и кожаном обмундировании Эсткарпа. Но рукам моим было непривычно без меча и стрел, которые сопровождали меня все прошедшие годы. Перекинув плащ через руку, я направился обратно к ложбине. Оказалось, что это место намного просторнее, чем

я представлял. Больше десятка резервуаров, и почти все они не пустовали — я видел в них животных и птиц. Дагона, сидя на корточках, поглаживала барса по голове. Она подняла глаза, посмотрела на меня и помахала свободной рукой. Затем встала и пошла навстречу, разглядывая меня с нескрываемым интересом.

— Да ты настоящий зеленый человек, Килан из рода Трегарта.

— Зеленый человек?

Теперь было нетрудно различать ее черты, но я по-прежнему не мог определить цвет ее волос и глаз.

— Зеленое племя. — Она показала на плащ, который я держал. — Это цвет их одежды, наружность у них другая. Но тебе поможет этот цвет. — Она поднесла руку к губам, как моя сестра при заклинаниях, но издала при этом призывный звук, похожий на звук рога.

Послышался топот копыт — моя рука потянулась за мечом, которого больше не было. Чутье подсказывало — это не тот жеребец, что нес меня на себе, но по телу пробежали мурашки. Животные выбежали из зеленой тенистой рощи, плечом к плечу, двигаясь легко и непринужденно. Без седел и уздечек — только в этом напоминали они того жеребца. Они не были похожи на настоящих лошадей, больше походили на антилоп, да и то не совсем — с обычную лошадь размером и плотно прижатыми к телу хвостами. У них не было гривы — вместо нее торчал распушенный хохолок, прямо над изящным гнутым рогом, отливающим красным. Сами они были чалыми, гладкошерстными. И, несмотря на непривычный вид, я нашел их красивыми. Остановившись перед Дагоной, они чуть склонили головы и посмотрели на меня огромными желтыми глазами. Как и ящер, они обладали интеллектом.

— Шабр, Шабрина, — представила Дагона своих слуг, и они гордо посмотрели на меня.

Из травы выскочил один из ящеров, подбежал к Дагоне. Она взяла его на руки. Он перебрался с рук на плечо.

— Поскачешь на Шабре. — Одно из рогатых существ подошло ко мне. — Не надо бояться этих лошадей.

— Ты направляешь меня к реке?

— К тем, кто ищет тебя, — ответила она. — Удача будет сопутствовать — добрая, не злая.

Не знаю почему, но я хотел, чтобы она отправилась со мной. Я просто не представлял, как расстаться с ней. Это было равносильно тому, когда обрывается веревка, а ты идешь в связке в горах.

— Ты... ты не поедешь со мной?

Она уже сидела верхом на своей лошади. Дагона одарила меня долгим внимательным взглядом.

— Почему?

Ничего кроме правды я не мог ей сказать.

— Потому что мне тяжело расстаться с тобой...

— Ты чувствуешь, что долг передо мной давит на тебя?

— Если считать долгом то, что я должен тебе свою жизнь, то да. Но... даже если бы не мой долг, я бы хотел, чтобы ты была рядом. Если нет, я буду искать тебя.

— Ты не волен поступать так.

Я кивнул.

— Не стоит напоминать мне об этом, госпожа. В этом я действительно не волен. За тобой нет долга — выбирать тебе.

Она закрутила на палец завиток своих длинных волос, ниспадающих до пояса.

— Хорошо сказано. — Что-то рассмешило ее в моем ответе, хотя мне не хотелось, чтобы она смеялась в такой момент. — Мне даже начинает казаться, что, узнав одного из Эсткарпа, я узнаю намного больше. Но твоя сестра может причинить нам много неприятностей... Хорошо, я еду с тобой... на этот раз. Эй! — Ее лошадь рванула вперед.

Я вскочил на Шабра и, вцепившись в подобие гривы, устремился за Дагоной. Солнце выглянуло из-за облаков и, коснувшись ее своими лучами, превратило развевающиеся по ветру волосы Дагоны в золотистый поток — цвета ее драгоценных камней. От нее исходила энергия света и жизни.

Глава 12

Навстречу нам неуклюже бежал какой-то зверь. Он двигался то на трех ногах, то поднимался на негнувшиеся задние, но спотыкался и снова бежал на трех. Дагона осадила свою лошадь и подождала, пока это существо приблизится. Поравнявшись с ней, оно подняло узкую голову, оскалило клыки. На черных

губах выступила пена, пятнистые шея и плечи взмокли. Когда я догнал Дагону, то испытал чувство отвращения и ужаса одновременно. Перед нами было не животное, а нечто среднее между зверем и человеком — оборотень. Человек-волк зарычал на меня.

— Согласно договору. — Слова его больше напоминали хриплый кашель. Он приподнял раненую руку-лапу.

— Согласно договору, — ответила Дагона. — Странно, Фиккольд, что ты рыщешь в наших краях. Дела так плохи, что Тьма ищет помощи у Света?

Страшное существо снова зарычало, глаза его сверкнули злобным огнем: желто-красные вкрапления зла, против которого восставало все человеческое — плоть и дух.

— Придет время... — злобно рыкнул он.

— Да, придет то время, Фиккольд, когда мы померимся силами, и не так, как сейчас, а в открытом бою. Но, похоже, ты уже проиграл сегодня.

Желто-красные глаза оборотня не смогли выдержать властного взгляда Дагоны, и, уставившись на меня, он сердито рыкнул и передернул плечами, словно хотел кинуться и разорвать меня на куски. Рука моя дернулась к мечу, которого не было.

Дагона резко заговорила.

— Ты потребовал законного, Фиккольд. А теперь преступаешь запретную черту?

Полуволк-получеловек обмяк, облизал красным языком пену с губ.

— А ты связалась с одним из них, Морканта? — спросил он в свою очередь. — Серые существа и Те-Кто-Живут-Отдельно будут рады услышать такое. Нет, я не переступил черты, скорее всего; ты сама перешла через барьер, и если ты имеешь дело с ними, не медли, Зеленая Леди, им срочно требуется помощь.

Рыкнув на меня на прощание, Фиккольд заковылял дальше, к целительным резервуарам, прижав раненую лапу к груди.

Значит, Каттея и Кемок, если верить его словам, в опасности. Нужно мчаться по его следу.

— Нет! — Дагона схватила меня за плечо. — Нет! Никогда не двигайся вдоль следа оборотня. Иначе ты сам оставишь свой след открытым для них. Нужно пересекать его, вот так...

Она поскакала зигзагом, то и дело перепрыгивая через кровавый след, оставленный раненым Фиккольдом. И хотя мне

казалось, что тратить драгоценное время на подобные маневры бессмысленно — ведь мой брат с сестрой нуждаются в помощи, — я подчинился ей.

— Он сказал правду? — спросил я, поравнявшись с ней.

— Да, в данном случае Фиккольду лучше было говорить правду. — Она нахмурилась. — И если они почувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы противостоять в открытую Силе, которой обладает твоя сестра, то равновесие действительно нарушено, и силы, дремавшие на протяжении долгого времени, пробудились! Сейчас мы узнаем, кто или что действует...

Она поднесла руки к губам, как тогда, когда звала своих рогатых слуг. Но сквозь пальцы не проник ни один звук. Я услышал его внутри себя — полный отчаяния, боли. Наши лошади высоко подняли головы и захрапели. Я не удивился, увидев в небе сияние, — фланнан в облике птицы летел к нам. Он опустился рядом с Дагоной. Она слушала его какое-то время, потом обернулась ко мне, лицо ее выражало тревогу.

— Фиккольд сказал правду, но на самом деле все значительно хуже, Килан. Люди твоей крови попали в одно из Мест Тишины, и вокруг них наложено тройное кольцо, которое не сломить никаким колдовством, — твоя сестра бессильна сделать что-либо. Там они будут до тех пор, пока смерть не достигнет их тела...

Я уже видел смерть. Но Каттея и Кемок! Нет, пока я дышу, двигаюсь, пока у меня есть руки для того, чтобы держать оружие или сражаться без него, я не допущу их смерти. Я ничего не сказал Дагоне, меня переполняли гнев и решимость. Я бросил их тогда у реки и теперь должен действовать немедленно.

— Я знала, что ты захочешь поступить именно таким образом, — сказала она. — Но, не считая силы телесной, воли, присутствия духа и зова сердца, тебе потребуется еще кое-что. Где твое оружие?

— Найду! — процедил я сквозь стиснутые зубы.

— Вот одно из них. — Дагона показала на металлическую плеть, которая свисала с моего пояса. — Не знаю, подойдет ли оно тебе. Его делали для другой руки и другого восприятия действительности. Попробуй. Это сильное оружие — действуй им, как хлыстом.

Я вспомнил те молнии, что неизвестный всадник посылал в расти. Я стегнул плетью по земле — мелькнула вспышка огня, и земля, обуглившись, почернела. Я вскрикнул от радости. Дагона улыбнулась.

— Похоже, ты вовсе не отличаешься от нас, Килан Трегарт из Эсткарпа. Теперь ты сможешь драться не голыми руками, но тебе придется сражаться одному. Звать подмогу некогда. Тебе надо спешить на помощь. Мы расстанемся здесь, воин. Иди по кровавому следу и делай то, что задумал. У меня свои дела.

Она с места пошла галопом, и ее рогатый скакун сразу исчез из виду — я не ожидал от него такой прыти.

Я последовал дальше, постоянно пересекая кровавый след оборотня. Мы спустились с того места, куда примчал меня жеребец. Ни мертвого леса, ни города — лишь слева от меня вдалеке мелькнуло серое облако. Шабр избегал и многие другие опасные места, огибая нагромождение камней, бесцветное скопление растительности и тому подобное. Я полностью полагался на лошадь в принятии таких решений, потому что это место было в руках незнакомых мне сил. Шабр сбавил скорость. Я подумал о том, как удалось Фиккольду преодолеть такое расстояние с поврежденной лапой. Стая черных крылатых существ поднялась из зарослей кустарника и начала кружить над нами, хрипло крича.

— *Хлыст!*

Откуда пришло это предупреждение? Затем я увидел, что Шабр повернул голову. Я понял: тот, что нес меня на себе, спас и от беды. Я ударил плетью. Яркая вспышка... одна из тварей перевернулась в воздухе и рухнула на землю. Остальные разлетелись в стороны и образовали кольцо. Три раза они пробовали атаковать нас, и каждый раз их останавливал удар хлыста. Потом они улетели вперед, решив, наверное, устроить засаду. Мы продолжали спускаться со склона. Трава была гуще и темнее, чем в горах. Местами она была сильно примята, словно здесь прошло какое-то войско. Навыки разведчика заставили меня насторожиться. Скакать напрямик в лапы неведомой силы неразумно, когда требуется твоя помощь. Я мысленно обратился к Шабру.

— *Они знают, что ты приближаешься. Ты не спрячешься от тех, кто правит здесь.*

Ответ прозвучал отчетливо и вовремя. Я принял во внимание совет лошади. Она перешла на шаг. Затем Шабр высоко задрал голову, ноздри его сильно раздувались — казалось, что по запаху он пытается определить, что ждет нас впереди. Кровавый след вел нас прямо, но лошадь повернула направо.

— *Вдоль колонн. Здесь перемирие.*

Объяснения Шабра были мне непонятны, но я ничего не имел против нашего маршрута. Я не чувствовал в воздухе каких-либо особых запахов. Но что-то заставляло насторожиться — давило на душу, затемняло сознание, и мрак этот нарастал с каждой минутой...

Мы добрались до вершины другого склона, и перед нами открылась равнина, вдаль блестела река. Я увидел колонны-менгиры, но расположенные не по спирали, как в каменной паутине, а образующие одну кольцевую линию колонн, две из которых упали. Колонны словно охраняли каменное возвышение — платформу голубоватого цвета. И на этом возвышении были те, кого я искал. Вокруг них кишела стая всяких тварей — они ползали, рыскали вокруг менгиров, втягивали носами воздух. Черные своры расти шныряли туда-сюда среди примятой травы. Несколько оборотней бегали мимо каменного возвышения — на всех четырех лапах или только на задних. Черные птицы рассекали небо. Какой-то чешуйчатый монстр то и дело поднимал уродливую голову и вытягивал лапы. Собирались и сгущались белые шары тумана. Но все это двигалось за кольцом из камней, не достигая того места, где лежали две колонны. От кольца расходились две каменные линии из колонн — одна к реке, другая на склон холма, чуть правее от нас. Многие колонны упали, некоторые были сломаны, почернели, словно в них попала молния. Шабр поскакал рысью к ближайшим менгирам. Он опять начал петлять — сломанные и почерневшие камни перепрыгивал или обегал, около остальных ускорял шаг. Так мы продвигались к осажденному кругу.

— Килан! — приветствие от тех, кого я искал. Затем: — Будь осторожен! Слева...

Среди тварей возникло замешательство, потом один из монстров неуклюже побежал к нам. Он раскрыл пасть, чтобы обдать огнем и паром. Я стегнул его хлыстом — молния мелькнула над головой чешуйчатого чудовища, но это не остановило

его. Следующий удар пришелся ему по голове, между глаз. Он издал дикий вопль, но все-таки ринулся на нас.

— *Держись!* — Не Кемок, не Каттея — Шабр предупреждал меня.

Животное подо мной напружинилось, прыгнуло и приземлилось у вертикальной колонны. Монстр со всего маха ударился о камень, взвыл еще громче, пытаясь настичь нас. К нему присоединились другие атакующие. Оборотень, пожирающий нас своими желто-красными глазами, шипящие расти, туманный шар...

— *Держись!*

Я ухватился свободной рукой за шею лошади, держа наготове хлыст. Она проскочила через одну из разрушенных колонн, в то время как я стегнул по туману, пытающемуся нас окутать. Яркая вспышка огня. То, что было туманом, исчезло. Расти заверещали и бросились врассыпную, когда плеть настигла двух из них. Мы добрались до следующего безопасного места у колонны. Впереди нас поджидали расти и оборотни. Туман сдался, не хотел больше связываться с моим грозным оружием.

— *Вперед — сейчас!* — это Каттея. Она стояла на голубом камне, прижав руки к губам и напевая заклинания. И хотя я не слышал того, что она пела, но почувствовал, как все мое тело откликается на ее голос, наполняется силой. Мой рогатый друг помчался еще быстрее. Я размахивал плетью по сторонам, прокладывая дорогу. Я услышал, как взвыл человек-волк. Он кинулся на меня, пытаясь сбросить с Шабра. Я опалил его ударом хлыста — удача сопутствовала мне, — но он успел разодрать мне руку. Я умудрился не свалиться с лошади и не выронить свое оружие. Наконец-то мы добрались до круга. Снаружи эти твари завопили от досады и поражения.

Шабр поскакал к голубому каменному возвышению. Кемок полулежал, облокотившись на свернутый плед. Шлема на нем не было, рука перевязана. В другой руке он сжимал меч с обломанным концом. Каттея стояла рядом, прижав руки к груди. Она превратилась в собственную тень, как после многих месяцев тяжелой болезни, ее красоту сменила усталость — я боялся взглянуть ей в глаза. Спрыгнув с лошади, я подошел к ним, бросил хлыст, распахнул для объятий руки — пусть берут всю мою силу, любовь, все, что у меня есть. Кемок приветствовал

меня чуть заметным движением губ, слабым подобием своей прежней улыбки.

— Добро пожаловать обратно, брат. Я должен был знать, что бой — это то, что вернет тебя, когда ничто другое уже не подействует.

Каття подошла к краю камня и упала мне в руки. Она прижалась ко мне — не колдунья, а сестра, которая страшно напугана и ждет сочувствия. Она подняла голову, не открывая глаз.

— Сила. — Она беззвучно произнесла это слово — только губами. — Ты был во власти Силы. Когда? Где? — Любопытство побороло ее усталость.

Кемок приподнялся, стиснув зубы, и медленно встал. Он осмотрел меня с ног до головы, дотронулся до шрамов, которые уже зарубцевались.

— Похоже, это не первая твоя битва, брат. Но... у тебя рана... — Он показал на разорванный рукав и то место, за которое меня ухватил оборотень. Каття взволнованно посмотрела на меня.

Я не чувствовал боли. Наверное, те резервуары давали некий запас целительных сил на будущее, потому что, пока Каття осматривала рану, края ее зарубцевались и она перестала кровоточить.

— Кто помог тебе, брат мой? — спросила она.

— Леди Зеленой Долины.

Сестра подняла на меня удивленные глаза, словно искала намека на шутку.

— Ее также зовут Дагона и Морканта, — добавил я.

— Морканта! — воскликнула Каття. — Зеленое племя, жители лесов! Мы должны узнать больше!

— Вам что-нибудь удалось узнать? — я надеялся, что посланник, которого мы сотворили, уже передал хоть что-нибудь. — Что случилось на этой земле? Как и почему вы попали сюда?

Первым ответил Кемок.

— Отвечаю на твой первый вопрос, брат. Где-то рядом беда. Мы покинули остров, потому что... — Он замолк, отвел глаза.

Я закончил за него:

— Потому что отправились на поиски того, кто стал легкой добычей для врага? Разве я не прав?

И он уважал меня достаточно, чтобы не лгать мне.

— Да. Каттея... Когда мы проснулись, она поняла, что тебя забрало к себе зло.

Каттея тихо спросила:

— Разве не ты открыл ворота, используя свой дар, пусть и во имя добра? Мы не знаем, как тебя забрали к себе. Только то, что мы должны были найти тебя.

— Но посланец... вы должны были ждать его возвращения. Она улыбнулась.

— Не совсем так. Он явится туда, где я... хотя этого еще не произошло. Мы нашли твой след — по крайней мере, след зла. Но куда он ведет... — Она вздрогнула, — нам туда нельзя, у нас нет защиты. Потом явились эти, и мы убегали от них. Сюда им не проникнуть. И мы укрылись здесь, а потом поняли, что сами загнали себя в ловушку, — они поджидают нас снаружи, а мы окружены двумя стенами, одна из которых вражеская.

Она вздохнула и покачнулась — я успел подхватить ее и усадил на плед. Каттея закрыла глаза.

— У тебя, конечно, нет с собой еды, брат? Мы три дня не видели ни крошки. Сегодня утром мы утолили жажду росой. Но такое количество влаги не спасет от пустого желудка!

— Зато у меня есть вот что, — я коснулся хлыста ногой. — Он выведет нас из этого места...

Кемок покачал головой.

— У нас нет сил на такой рывок сейчас. К тому же, стоит только Каттею попытаться выбраться отсюда, как она потеряет свой Дар.

Я не хотел соглашаться с ним.

— Каттею посадим на Шабра, а сами побегим рядом — стоит попробовать! — Но я уже знал, что он прав. Вне защиты этих камней мы не сможем противостоять своре, рыскающей, ползающей и вынюхивающей все вокруг, — свора поджидала нас. Вдобавок ко всему, Кемок и Каттея заперты здесь злыми чарами.

— Ох! — Каттея вдруг вздрогнула, потом ее начало трясти, как в ту ночь, когда она выпустила нашего посланца. Она открыла глаза и уставилась невидящим взглядом куда-то вдаль.

— На камень, рядом с ней! — закричал Кемок. — Там самое безопасное место.

Мы перенесли Каттею на это место, подложили под ее истерзанное тело плед, и сели рядом. Она стонала, размахивала руками, иногда поднимала их вверх и пыталась что-то поймать.

Мощный гул голосов, сопровождавший меня при входе в круг, стих. Дикие твари выстроились в ряд вокруг нас, не проронив ни звука. Каттея ухватилась за руку Кемока, крепко сжала ее. Мысли брата передались мне, и я взял ее за другую руку. Теперь мы слиты воедино, как в ту ночь.

Наступило ожидание. Потом в воздухе появилось какое-то свечение. Оно разрасталось, становилось все ярче, принимало знакомые очертания — крылатый жезл! На некоторое время он завис в воздухе над нашими головами, а потом вдруг стремительно метнулся вниз и превратился в белое пламя. Каттея изогнулась и громко закричала — посланец вернулся к той, что дала ему жизнь. Вслух она ничего не произносила, но мысленно мы слышали ее слова. Потом все исчезло.

Глава 13

Вдруг мы увидели все как бы двойным зрением. Сначала мы зависли в воздухе над этой землей — такой, какой она была в прошлом: под нами раскинулись поля, леса и горы. Прекрасная страна — без намека на царство Тьмы, без Мест Зла. И населяли ее прекрасные люди. Мы увидели цветущие сады и красивые замки, мирные города. На склонах гор разместились высокие башни. Люди Древней расы жили беспечно и радостно.

Другой народ, населявший эту землю, был более древнего происхождения и обладал Даром, за что удостоивался особого почитания. Повсюду лился золотистый свет — казалось, что мы скачем сквозь сумерки, вопреки ветру и темноте, а впереди нас ждут гостеприимные огни замков — там живут друзья. Но между нами лежал временной барьер. Потом все стало меняться. Здесь тоже были колдуны, но они не обладали столь могучей Силой, как в Эсткарпе. В этой стране Дар был не только у женщин, но и у некоторых мужчин.

Откуда же пошло Зло? Из добрых побуждений, не по злому умыслу. Горстка исследователей решила поэкспериментировать с Силами, которые, как они считали, понятны и под-

властны контролю. Их открытия, в свою очередь, еле заметно изменяли дух, ум, а иногда и тело. Они искали новые способы применения Силы, а получили Силу ради Силы; но они не остановились на этом, а продолжали свои опасные опыты.

Годы пролетали перед нашими глазами как мгновения. Появилось множество всяких братств и обществ, сначала тайных, потом открытых, которые занимались подобными экспериментами — сначала с добровольцами, затем по принуждению. Дети, животные, другие существа рождались непохожими на своих родителей. Некоторые были еще красивее и обладали какими-то особыми ценными качествами. Но таких с каждым разом становилось все меньше и меньше. Сначала тех, кто рождался с какими-либо тяжелыми отклонениями, уродствами, уничтожали. Затем предложили оставлять их для дальнейшего изучения и исследования. Позже их выпустили на свободу, чтобы наблюдать в естественной обстановке. А потом этих уродов, чудовищ, мутантов стали использовать в корыстных целях — зло растекалось по всей земле. Их создатели стали целенаправленно производить таких слуг — оружие Зла, — и началась борьба за выживание Света. Часть представителей Древней расы не попала под это зло. Они попытались собрать под свои знамена войска против страшного врага. Но было слишком поздно — они оказались лишь горсткой храбрецов против полчищ нечисти. Войска Древней расы терпели поражение за поражением, их ряды на глазах таяли, и вот-вот они могли окончательно затеряться в этом океане грязи и злобы, утонуть в жутком болоте, в которое превращалась их земля. Шансов на спасение не оставалось.

Некоторые считали, что лучше погибнуть в бою, чем жить под игом врага, способного растоптать все доброе на своем пути, — лучше смерть, чем такое рабство. У них нашлось много сторонников. Мы видели, как они собирают гвардию, держат оборону в замках, а потом на них обрушивается страшная Сила...

Другие решили, что не стоит хоронить себя заживо или идти на верную смерть в бой с неравным противником. Среди этой малой части людей были те, кто обладал Даром и кого побаивался враг. И они, объединив своих сторонников, выбрали собственную дорогу. И вот часть Древней расы, уходившей глубокими корнями в эту землю, покинула ее, вырвав с кор-

нем и забрав с собой жизненные силы и энергию. Им никогда не приходилось странствовать, скитаться по чужим землям, но они смело отправились навстречу неизвестности. Им было страшно уходить, но они были полны решимости и надежды. Они двинулись на запад, к горам. Их преследовали слуги Зла, заставляя повернуть назад. Они теряли мужчин, женщин, целые семьи... но не сворачивали со своего пути, прокладывая дорогу через горы. Наконец они переступили вековой барьер, и горы закрылись за ними на многие столетия.

Оставшись хозяйничать на этой земле, Зло упивалось своей свободой. Но оно не являлось полноправным владельцем мира, хотя то, что притаилось в глубине, еще не давало о себе знать. Древняя раса не взяла с собой ни одного мутанта — ни доброго, ни злого. Некоторые незлые существа отделились и заселили огромные пространства. Остались и те люди, что не принадлежали к Древней расе и жили на этой земле с незапамятных времен. Они были так привязаны к родине, что не смогли покинуть ее.

Были и другие представители Древней расы, которых новые правители остерегались: несмотря на то, что они не выступали против Зла, не помогали активно Добру, эти люди владели той Силой, что не подвластна Злу. Они тоже удалились в уединенные места. Но на большинстве территории всецело правило Зло.

Время текло, как быстрая река. Те, кто упивался своей властью, стали использовать ее все более расточительно. Они ссорились, грызлись друг с другом, так что страну раздирали почти непрерывные ужасные войны с демоническими существами. И так продолжалось столетиями; одни силы поглощали другие, злоба пожирала свои жертвы, не задумываясь. Потом многие опомнились, создание новых чудовищ прекратилось. И лишь годы, века спустя, на измученной земле наступил покой. Силы Зла продолжали существовать, но большинство из них под воздействием многочисленных экспериментов и опытов погрузились в некое странное бездеятельное бытие. И те, кто удалился в свое время от Зла, стали понемногу набирать силу, истощенную многими столетиями самообороны. Они выжили, потому что не сражались со Злом в открытую. Со временем они вновь стали управлять половиной страны, не вступая в прямую конфронтацию со Злом, иногда показы-

вающим зубы. И это длилось так долго, что стало общепринятой нормой жизни.

Потом... в этот уравновешенный мир пришли мы и увидели кое-что из того, что натворили. Колдовство пробудило дремавшие злые силы. И против них мы были так же беспомощны, как пылинка на ветру, ведь Зло жило на этой земле с давних пор, имело здесь прочные корни. Будь мы сильнее — хоть немного, — нам бы удалось выгнать Зло из этого мира, закрыть за ним двери, освободить страну и наполнить ее только добром.

Я открыл глаза и посмотрел на Кемока.

— Ну вот, теперь мы все знаем, — спокойно ответил он. — И нам не стало лучше от этого. Совет, будь он на нашем месте, справился бы со Злом. Но мы не сможем! Эта земля осталась такой же загадочной.

Я разделял ностальгию по той сказочной земле, которая явилась нам вначале. Всю свою жизнь я видел только войны и беды. И с раннего детства знал, что это закат страны, и надежда на выживание ничтожно мала. Но, увидев, как можно было бы жить в мире и согласии, мы омрачились еще больше, так как были не в силах что-либо изменить, спасти эту землю, — мы не могли спасти даже собственные жизни...

Каттея зашевелилась и открыла глаза. Слезы текли по ее впалым щекам.

— Как прекрасно! Как хотелось бы там жить! — прошептала она. — Ах, если бы только у нас была Сила, мы бы вернули все это!

— Будь у нас крылья, — сказал я, — мы бы улетели отсюда! — Я посмотрел через плечо на тех, кто притаился за нашими спасительными камнями. Создания Тьмы по-прежнему рыскали кругом. И я знал, что так будет продолжаться до тех пор, пока нас не станет, — они дождутся нашей смерти.

Темнело, и, хотя в этом месте мы были в безопасности, становилось не по себе от одной только мысли, что ночью наступит их время, и они наберутся сил. Я почувствовал, что проголодался, — представляю, как голодны Каттея и Кемок. Остаться здесь и ждать смерти — нет, я не согласен! Я снова подумал о Шабре. Он доставил меня живым и невредимым сюда — сможет ли он выбраться обратно? Сможет ли послужить нашим посланцем? А Дагона — захочет ли она помочь

нам на этот раз? И сможет ли? Прошло уже несколько часов, а ее все нет... Ведь одним нам не справиться. Опять я подумал о том, что можно посадить Каттею на Шабра, самим бежать рядом...

Раздался слабый голос сестры:

— Разве ты забыл, брат? Они поставили колдовской заслон. Но, может, вы с Кемоком... может быть, вас это не касается...

Втроем мы подумали об одном и том же — либо вместе, либо никто.

— Может быть, их все-таки удастся побороть нашей Силой?

Она покачала головой.

— Я и так натворила слишком много неразумного. Пробудила злые силы — они сейчас охотятся на нас. Ребенок, который играет с мечом, обязательно поранится, потому что у него нет ни навыков, ни силы для того, чтобы им пользоваться. Остается одно, братья мои: черные твари не могут добраться до этого места. Благодаря такой защите нам грозит обычная смерть, а не та, что уготовили нам они.

Вспомнив свои ощущения в тот момент, когда жеребец нес меня напрямик в город мертвой тишины, я принял окончательное решение. Я не собираюсь ждать смерти, какой бы она ни была, буду сопротивляться. Все мои надежды были обращены к прекрасному духу, к той, что спасла мне жизнь и усклала от меня...

Я закрыл глаза и попытался сосредоточиться на ее лице, хоть как-нибудь добраться до нее мысленно, узнать, стоит ли мне надеяться. Если нет, то остается только один отчаянный и, безусловно, последний в моей жизни рывок. Но не так-то просто было представить ее в воображении — слишком изменчивым был ее облик — я видел то неясное лицо, то сразу несколько лиц. Дагона то походила на Древнюю расу, то причудливо менялась. Она наверняка более древних кровей, и человеческого в ней мало.

Шабр привлек мое внимание ржанием. С наступлением вечера менгры начали тускло светиться. Казалось, они обвиты светом, как виноградом. И голубой камень, на котором мы расположились, тоже излучал таинственный свет. В отблесках я увидел, как Шабр оглядывается по сторонам, задирает голову, раздувает ноздри. Его рог засиял красным огнем, потом вдруг лошадь закричала. Что это — вызов невидимому врагу?

Я уже приготовился увидеть черное мерзкое создание, за-тащившее меня в свои каменные сети, среди окружавших нас тварей. Но в ответ на голос Шабра появилось нечто другое — на склоне замерцали огоньки и стали спускаться вдоль колонн. Сомнений не было — удары волшебного хлыста!

— *Дагона!* — я вложил в этот безмолвный призыв всю свою надежду.

Ответа не последовало. Потом еще один удар хлыста, вспышка молнии в небе. Загорелся кустарник. И за нашим кругом вдруг раздался дикий вой — подали голос те, кто сторожил нас.

— *Шабр...* — я попробовал связаться мысленно с лошадью. — *Кто это?*

— *Тише! Разве ты хочешь, чтобы Тьма узнала?* — разда-лось в ответ.

Я удивился. Получалось, что лошадь разговаривает со мной на равных, даже поучает меня, как ребенка. Это не простой контакт с животным. Значит, Шабр — не просто лошадь... Я уловил довольную нотку в ответ на мое удивление. Потом вдруг он словно отгородился от меня, контакт прекратился.

Каття взяла меня за руку, потом ухватила за Кемока и с трудом приподнялась.

— *Приближаются силы,* — молвила она еле слышно. Но свечение колонн мешало нам рассмотреть то, что двигалось к нам. Мы слышали гул злобных голосов. Удары хлыста смолкли.

— Ты можешь связаться?.. — потребовал Кемок.

— Нет, нельзя. Я могу потревожить, разбудить... — Каття чуть помедлила. — Наша Сила — это своего рода смесь. Официальное колдовство, обрядовое, постигается в процессе учебы. Настоящая магия намного древнее, примитивнее, связана тесным образом с природой. Она не разделяется, как это принято у нас, на черное и белое, на добро и зло. В Эскарпе используют и то, и другое, но больший упор делают именно на колдовство, не на магию. Здесь же царит магия, но она претерпела столько изменений, стала как бы нечистой, дьявольской. А колдовство отступило и приняло древнее обличье. Поэтому я всколыхнула своим колдовством неведомые нам силы. Сейчас нам может помочь только магия, а в ней я не сильна.

Скажи нам, Килан, кто она такая, эта Леди Зеленой Долины, и как ты с ней познакомился?

Продолжая внимательно следить за тем, что происходит вокруг, я рассказал то, что со мной приключилось, особенно подробно описав события после моего пробуждения в целебном резервуаре.

— Природные силы, — прервала меня Каттея. — Изменение облика... Она обладает Силой, которая приспособливает...

— Что ты имеешь в виду? — интересно, как моя сестра, ни разу в жизни не видев Дагону, сможет объяснить что-то из ее тайн.

— Зеленая Тишина — страна лесов... их населяют люди зеленого племени. И их колдовство буквально произрастает из ветра, воды, неба и земли. Совсем не так, как мы применяем силы природы, создавая иллюзии, разрушая что-либо, нет, — они чувствуют ритм и настроение природы. Они используют, например, бурю, не вызывая ее, бурлящий поток реки — но в его пределах. И все животные и птицы, даже растения, могут им подчиняться — если только они уже не подчиняются силам Зла... Они принимают тот цвет, что их окружает в природе. Ты можешь не заметить их среди листвы, в воде, даже на открытом месте. Но они не могут жить среди каменных стен, среди привычной нам обстановки — там зеленые люди погибнут. Они — сама жизнь. И они слишком осторожны, чтобы рисковать всерьез. В чем-то они действительно сильнее нас, хотя мы и занимаемся искусством колдовства на протяжении многих веков; а в чем-то более уязвимы. Подобных им нет в Эсткарпе, они бы никогда не смогли покинуть ту землю, в которую глубоко вросли своими корнями. Но в наших легендах о них говорится...

— Легенды — это давно прошедшее, — прервал я сестру. — Дагона... она не может быть той Леди...

— Но послушай, Морканта — это одно из имен, которым мы, колдуя, вызываем ветер, а ты говоришь, что она представилась еще и так. Не забывай и о том, что, несмотря на клятву, она безбоязненно знакомится с тобой, значит, не боится, доверяет тебе. Ей не грозят чужие заклинания...

Над нашими головами раздалось щебетание. Удивленные, мы посмотрели на зеленую птицу — я уже видел ее, когда меня

мучила боль. Три раза она прокружила над нами, издавая красивые трели. Каттея побледнела, вцепилась мне в плечо.

— Они... они действительно всемогущи! Меня заставили... замолчать! — прошептала она.

— Замолчать? — переспросил Кемонок.

— Я не могу использовать свой Дар. При любой попытке колдовства я не смогу произнести ни одного заклинания! Почему, Килан? Зачем они сделали это? Они желают нам зла, брат! Они объединились со Злом!

Она отпрянула от меня и бросилась к Кемоку. Он посмотрел на меня враждебно, как никогда раньше. Не отрицаю, у него были для этого все основания. Я вернулся к ним при помощи этой силы, а она направлена против Каттеи, забирает у нее единственную защиту. И я не принес им спасения, лишь навлек новую беду. Я не хотел верить в то, что нам желают зла, не терял надежды на помощь. Твари продолжали сновать вокруг. На фоне мерцающего ментгира появилась вытянутая голова волка — огромная лапа, растопыренные когти... Каттея убрала руку с плеча Кемока. В глазах ее появился страх.

— Огни... Посмотрите на эти огни!

Я и не заметил, что произошли изменения. Когда мы очнулись после путешествия во времени, воздух был такой же голубой, как каменная платформа. Теперь все вокруг было окутано желтоватым дымом, вселявшим в душу тревогу. Кольцо нечисти вокруг нас начало сужаться. То там, то тут вырисовывались их морды и лапы.

Шабр нетерпеливо забил копытом по земле — почудилось, что бьют в барабаны. Каттея силилась что-то сказать, но не могла. Она размахивала руками, словно пыталась воспротивиться невидимым силам, не подчиниться их воле. Я знал, она отстаивает право использовать собственную Силу...

Лошадь понеслась вдруг рысью по кругу, огибая голубую платформу, потом перешла на галоп. Она громко заржала, и в желтой дымке появилось еще больше обличий зла. Потом я заметил то, что привело меня в замешательство, — Шабр бежал уже не по примятой траве, а по стремительному зеленому потоку. Под его ногами поток бурлил и образовывал водовороты. Не свет, не туман — именно поток, но чего, я не мог понять. И голубой камень под нами вдруг начал нагреваться, голубоватые струйки с четырех сторон изгибались и слива-

лись с зеленым потоком, принимая его цвет. И все это стало надвигаться на желтый туман. Шабр продолжал идти по кругу галопом. У меня закружилась голова от его стремительного бега. Зеленый поток охватил менгиры — последовала вспышка света, напомнившая тот момент, когда я ударил хлыстом по туманному шару. На мгновение меня ослепило, я невольно прикрыл глаза руками. Менгиры превратились в зеленые свечи. Не было видно стражей с их жадными глазами. Колонны начали покачиваться, свет поднимался все выше. Дальше мы ничего не видели, лишь слышали — сначала крик, потом, судя по всему, кто-то побегал... Твари кинулись врассыпную! Я вскочил на ноги, спрыгнул с платформы, нашел свой хлыст.

Колдовство! Может быть, не то, что мы знали, но колдовство пришло к нам на помощь. С хлыстом в руке я всматривался в даль.

— Дагона! — прошептал я и был почти уверен, что она ответит.

Глава 14

Они появились неожиданно между двух свечей-менгиров — словно возникли из воздуха. Дагона — не призрачная, настоящая, в ореоле зеленых волос, точно таких же, как поток под копытами Шабра, с отливающей зеленью кожей. Ее спутники были того же цвета. Они лениво помахивали хлыстами, Дагона держала свое грозное оружие наготове, потом стеганула им по небу.

Мы ничего не увидели, только услышали, как все выше и выше уносится пение птицы, потом оно смолкло в ночном небе, чтобы уже не вернуться. Откуда-то сверху хлынул огненный дождь, разбрасывающий зеленые блестящие брызги между нами и звездами. Эти блески медленно падали, мерцая в воздухе. Трое всадников по-прежнему сидели верхом и задумчиво смотрели на нас.

Дагону сопровождали двое мужчин, внешне похожих на людей, если не считать небольших изогнутых рожек, — не таких, как у их лошадей, а цвета слоновой кости. На них была такая же одежда, как и на мне, но плащи были пристегнуты на плечах и развевались за их спинами. В их облике не было ничего

изменчивого, как у Дагоны, но какое-то отчужденное выражение их лиц ставило между нами барьер.

— *Идите!* — ее зов прозвучал властно и настойчиво. Я чуть было не поддался без раздумий. Но другая половина моего «я» удержала меня на месте. Я обернулся и протянул руку Катте. Теперь они стояли рядом со мной, мой брат и сестра, и смотрели на тех, что ждали нас между менгиров и не делали навстречу ни шага. Я понял, что они не могут — это место не пускало их. Один из спутников Дагоны нетерпеливо ударил хлыстом о землю — посыпались искорки.

— Идите! — на этот раз она позвала нас вслух. — У нас мало времени. Свора отступила ненадолго.

Подхватив Каттею под руки, мы направились к ним. Я вдруг заметил, что взгляд Дагоны обращен не ко мне, а к моей сестре. Каттея тоже пристально смотрела на Дагону.

Всадница подалась вперед. Она протянула руку, и та засветилась зеленым огнем, потом осторожно начертила какие-то линии в воздухе, и они тоже засветились. Каттея с трудом подняла руку. Мы с Кемокком мысленно помогали ей, вливая в нее новые силы. Пальцы ее двигались медленно, очень медленно, но чертили в ответ какие-то линии, которые мерцали голубым светом, а не зеленым, как у Дагоны.

Я услышал, как воскликнули от удивления всадники.

— Иди... сестра... — Дагона протянула руку Катте, и я услышал, как с облегчением вздохнула моя сестра.

Мы прошли через освещенные зеленым сиянием камни, чувствуя, как пощипывает кожу. Маленькие искорки стали отлетать от нас. Я ощутил, как встают дыбом волосы.

— Она поедет со мной! — распорядилась Дагона, подавая руку Катте. — Нужно уезжать немедленно!

Я вскочил на Шабра, Кемокк уселся за мной, и мы помчались прочь от этого места. Впереди скакала Дагона со скоростью ветра, Кемокк и я — за ней, завершали шествие два всадника, размахивающие своими хлыстами. Мы миновали мерцающие менгиры — нас сопровождал зеленоватый туман, застилавший все вокруг. Я пытался разглядеть хоть что-нибудь, но тщетно. Что же, будем полностью полагаться на Дагону. Она мчалась уверенно, не сбиваясь с темпа. Я удивлялся выносливости ее скакуна.

— Куда мы едем? — спросил Кемокк.

— Не знаю, — ответил я.

— Может быть, нам грозят еще большие неприятности, — заметил он мрачно.

— Кто знает, хотя сомневаюсь. Здесь нет зла...

— Что-то не верится. Посмотри на тех, кто скачет сзади, — не очень-то они расположены к нам.

— Они пришли, чтобы спасти нас.

В чем-то брат был прав. Дагона вызволила нас из убежища, которое стало нашей тюрьмой, — оказала услугу. Но что ждет нас впереди? Неизвестно.

Я не видел дороги, но казалось, мы скачем в горы, к целебным резервуарам — наверное, там живут те, кто сопровождает нас.

— Не нравится мне ехать вот так, ничего не видя, вслепую, — проворчал Кемок. — Но не думаю, что они используют такое прикрытие, чтобы сбить нас с толку. Эта земля, которую мы воспринимаем по-своему, словно ослеплена неведением. Килан, если мы нарушили равновесие мира, то должны ответить за это — заплатить жизнью?

Заглядывая в глубь веков, я не мог найти способ что-либо изменить — наши знания ничего не давали для спасения этой земли. Я услышал приглушенный смех брата.

— Отлично, Килан, предлагаешь прийти на помощь этому миру? Разве не наши родители выступили против кольдеров вслепую, обладая лишь внутренней силой? Чем мы хуже их? И нас трое, а не двое. По-моему, мы скачем к неприятелю — но втроем мы выстоим.

Мы не сбавляли шага, и туман стирал ощущение времени и пространства. Наверное, уже утро. Туман медленно таял, мы начали различать деревья, кустарники, траву. А потом нас озарил рассвет. И с первыми лучами солнца мы въехали в узкий проход между двумя скалами. Дорога под ногами наших рогатых лошадей стала ровной, а на скалах я увидел некие символы, которые показались знакомыми, хотя разобрать их я не мог. Я услышал, как Кемок за моей спиной присвистнул.

— Ютаян!

— Что?

— Слово Власти — я встречал его в древних свитках в Лормте. Должно быть, это хорошо защищенное место, Ки-

лан. Ни одна злая или вражеская сила не может проникнуть через такую преграду!

Символы кончились, и вскоре перед нашими взорами предстала прекрасная долина с лесами, равнинами, серебряной извивающейся полоской реки... Сердце мое затрепетало от радости. Такая же картина возникла перед нашими глазами, когда мы увидели эту страну в далеком прошлом, — сказочная золотистая земля, которая не знает Зла... Пьянящий воздух, свежий ветер — добрая страна, свободная от нечисти, полная сердечности и миролюбия.

И этот мир был реальным. Над нами парила птица с изумрудным оперением, — сияющий на солнце фланнан; на камне я заметил двух ящериц, сидящих на задних лапках и провожающих нас взглядом. Рогатые кони мирно паслись на лугах. И над всем этим ощущалась аура такого покоя и благодати, которых я не испытывал за всю свою жизнь.

Мы пошли легким шагом, минуя новый коридор каких-то знаков. По обе стороны дороги благоухали цветы, словно садовники соткали богатый гобелен по случаю праздника. Потом мы выехали к реке и увидели замок. Нет, это было не здание в привычном для нас смысле слова — оно выросло из земли словно специально для того, чтобы стать пристанищем для его обитателей. Стены его — не из камня, не из мертвого леса. Это деревья или мощные высоченные кусты неизвестных нам пород образовывали крепкие перекрытия, поросшие виноградом, цветами, листвой.

Не было ни привычных крепостных стен, ни внутреннего двора. Широкий свод входа обвивал виноград. Но больше всего меня поразила крыша, пронзающая острием небо, она вся была словно соткана из перьев — изумрудных перьев тех птиц, которых мы уже видели.

Мы спешили, и наши рогатые скакуны помчались по своим делам, а для начала — к ручью, напиться воды. Дагона обняла мою сестру за плечи и повела к двери. Мы с Кемоком пошли следом, изрядно устав после длинной дороги. За виноградным занавесом нас ждал зал, устланный упругим мхом. Ширмы, сплетенные из перьев и увитые виноградом, образовывали всевозможные навесы и ниши. И везде мягкий зеленый свет.

— Проходите... — обратился один из стражей к нам с Кемком. Дагона и Каттея успели уже скрыться за одной из ширм. Мы направились в противоположном направлении и вышли к тому месту, где пол переходил в бассейн. Я увидел густую красную жижу — знакомый запах, как в тех резервуарах. Разделся, Кемок последовал моему примеру. Мы погрузились в бассейн — постепенно вся наша усталость и волнения куда-то ушли, наступили покой и благодать как для тела, так и для души.

Потом мы как следует подкрепились тем, что поставили перед нами на гладких деревянных подносах. Наконец глаза наши закрылись, и мы уснули на кушетках, покрытых сухим мхом. И мне приснился сон.

Опять золотистая страна. Не та, в которую привели нас спасители, а та, что существовала когда-то давным-давно, увиденная глазами нашего посланника. Я смотрел на замки, такие знакомые, словно я сам жил в них. Я ехал в окружении других мужчин, тех, чьи лица были мне хорошо известны, — хранителей границы из Эсткарпа, людей Древней расы, с которыми мне доводилось пировать в редкие минуты перемирия, и даже тех, кого я знал в Эстфорде. И, как обычно бывает в снах, реальность и вымысел переплелись, прошлое и настоящее слились воедино, мои детские страхи исчезли, и народ наш был сильным, жизнерадостным, не знал опасностей вражеских нашествий и заката цивилизации. Но в памяти всплывала какая-то война, принесшая нам много страданий и поражений, но выигранная. И эта страшная война стоила всего, чем мы владели.

Потом я проснулся и открыл глаза — надо мной нависла полупрозрачная пелена. Я не мог опомниться после увиденного во сне — казалось, в нем заключалось что-то важное для меня... Я понял в эту минуту, что мне делать!

Кемок безмятежно спал на соседней кушетке. Я даже позавидовал ему, потому что его в данный момент ничто не тревожило. Я не стал будить брата, надел то, что приготовили для нас хозяева, и прошел в зал. Четыре ящерицы сидели вокруг плоского камня, передвигая что-то маленькими лапками, — наверняка играли во что-то занимательное. Они повернули головы в мою сторону и приветствовали меня немигающим взглядом. Были в зале еще двое. Они тоже посмотрели на меня.

Я поднял руку, приветствуя ту, что сидела, скрестив ноги, на большой подушке; рядом с ней стоял кубок.

— Килан Трегарт из Эсткарпа, — произнесла Дагона. — Эфутур из Зеленой Долины, — представила она другого.

Тот, кто сидел рядом с ней, привстал. Он был одного роста со мной, темноглазый. На нем были такие же куртка и брюки, как на мне, но помимо этого он носил украшенные драгоценными камнями пояс и браслеты, как Дагона. Несмотря на то, что у него были рожки чуть побольше, чем у тех, что сопровождали нас от кольца менгиров, он был похож на представителя Древней расы. Я не мог сказать ничего определенного о его возрасте. Может быть, он чуть постарше меня; но, встретив его взгляд и увидев, что скрыто в их глубине, я засомневался. Он обладал властью (или силами) того, кто привык командовать людьми на протяжении многих лет, принимать решения и приказывать, спрашивать с подчиненных по всей строгости. Он походил на полководца — как Корис или мой отец, Саймон Трегарт, насколько я его помню. Он оценивающе оглядел меня с ног до головы. Я выдержал его тяжелый властный взгляд. Затем он протянул ко мне руки, ладонями вверх. Не зная смысла этого жеста, я тоже протянул в ответ свои руки, ладонями вниз. Наши ладони соприкоснулись. Что-то возникло между нами — не тот контакт, что у нас был с Кемом и Каттеей, нет, какое-то другое непонятное единство. Он принял меня.

Дагона перевела взгляд с меня на него, затем улыбнулась. Имело ли для нее значение то, как пройдет наша встреча, — не знаю, но она жестом пригласила меня присесть на соседнюю подушку и налила золотистую жидкость из сосуда в кубок.

— Каттея? — спросил я до того, как прикоснулся к напитку.

— Спит. Ей требуется отдых, она устала не только телом. Она сказала мне, что не давала клятву колдуньи, но она не уступает им ничуть! Она обладает волей и Силой!

— Но не всегда пользуется ими правильно, — промолвил Эфутур.

Я поглядел на него поверх края кубка.

— Она никогда не пользовалась ими неправильно, — возразил я возмущенно.

Он улыбнулся, и снова показалось, что он молод, а не умудрен опытом ведения войн.

— Я имел в виду нечто другое, — мягко сказал он. — Наша страна отличается от вашей — течение здесь опасно и полно неожиданностей. Ваша сестра поймет сама, что новое следует сначала изучить. Однако... — Он помедлил, потом снова улыбнулся. — Вы на самом деле не догадываетесь, что значит для нас ваше появление? Мы прошли по очень узкой тропе между крошечной Тьмой по одну сторону и Хаосом по другую. Сейчас силы тянут нас к опасной черте. Все решит случай — либо мы обретем нечто новое, либо наступит конец. Сегодня мы взвешиваем все свои возможности, Килан. Здесь, в долине, мы в безопасности, так сложилось веками. У нас есть союзники, но нас очень мало. Возможно, враг тоже немногочислен, но тех, кто служит ему, гораздо больше.

— А если ваши ряды пополнятся?

Он поднял свой кубок.

— Может быть, вам неизвестно, но мы не берем к себе тех, кто существует в других измерениях. Это корень всех нынешних бед!

— Да нет. Что если вашими союзниками станут другие люди — из Древней расы? Испытанные в боях войны?

Дагона приблизилась ко мне.

— Они могут поддаться влиянию Сил... А о каких людях ты говоришь? Все живущие в Эскоре уже давным-давно сделали свой выбор. Горстка тех, что присоединились к нам, совсем иссякла, а наша кровь перемешалась, так что чистой Древней расы здесь не найти.

— Вы забываете о западе.

Я заставлю их поверить в то, что задумал. И хотя их лица не выражали эмоций, а мысли были спрятаны от меня, они внимательно слушали.

— Запад закрыт.

— Но мы втроем прошли.

— Вы нечистокровные! Для других этот путь закрыт.

— Но если вести их будет тот, кому дорога открыта?

— Каким образом? — вяло спросил Эфтур.

— Послушайте, возможно, вы не догадываетесь. Мы тоже, подобно вам, шли узкой тропой, но у себя в Эсткарпе... — Я рассказал им о закате Эсткарпа и о том, что это может означать для тех, кто одной крови со мной.

— Нет! — Эфтур с размаха ударил по столику, так что даже кубки подпрыгнули. — Нам не нужны колдуны! Колдовство

откроет двери колдовству. Мы и сами можем покончить жизнь самоубийством!

— А кто говорит о колдуньях? — спросил я. — Я не хочу искать с ними встречи — я поплачусь за это своей жизнью. Но воины Эсткарпа не всегда одного мнения с Советом. Колдуньи живут своей жизнью, в их сердцах нет места для простого воина. — Я пытался убедить их. — Браки там стали редки: колдуньи не хотят лишаться своего Дара, а значит, рождается совсем мало детей. Многие мужчины так и живут всю жизнь без жен и очага...

— Но если там война, то все они на службе, и тебе не найти добровольцев, — возразил Эфутур. — Либо это будут те, кому ты не сможешь доверять...

— Война скорее всего кончилась — по крайней мере, на время. Удар, нанесенный по Карстену, наверняка остановил Ализон. Но я смогу узнать это, увидев Эсткарп собственными глазами.

— Почему? — на этот раз вопрос задала Дагона, и я ответил откровенно:

— Не знаю, почему, но я должен это сделать. И с этого пути не сверну...

— Да! — она поднялась и встала передо мной на колени, обняв меня за плечи, словно удерживала меня. Она заглянула мне в глаза, стараясь разглядеть помыслы. Потом встала и, повернувшись к Эфутуру, произнесла: — Он прав.

— Дагона... — Эфутур вскочил, глаза его заблестели. — Кто знает, что произошло, когда нарушили равновесие? То, что оно нарушено, несомненно. Но... справишься ли ты, Киран Трегарт из Эсткарпа?

— Думаю, да, — ответил я.

Глава 15

Мы скакали по опустошенной земле. Никаких признаков тех, кто держал осаду нашего убежища у менгиров, даже следов на земле не осталось. Но я чувствовал, что за нами продолжают следить, что пустота вокруг — всего лишь короткое затишье...

Люди Эфугура ехали позади, а рядом, как я ни отговаривал ее, — Дагона. Перед нами лежали западные горы, и где-то там впереди был проход между двумя мирами...

Мы почти не разговаривали — за всю дорогу обменялись лишь несколькими незначительными словами, фразами. Дагона иногда показывала мне некоторые ориентиры, по которым легко найти путь. Она была убеждена, что я обязательно вернусь, и мне пригодится знание дороги. Но по мере того как приближались горы, моя уверенность таяла. Я уже не понимал, почему выбрал для себя такой путь. Я уехал тайком, не разбудив Каттею и Кемока, — их жизни не должны подвергаться той опасности, что поджидает меня.

На ночь мы расположились под деревьями, которые хотя и не были такими красивыми и высокими, как те, что росли в Зеленой Долине, но были одной с ними породы, а значит, от них исходило добро. На этот раз никаких снов я не видел, а может быть, просто не запомнил, но утром я еще сильнее поверил в то, что мне предназначено идти вперед. Дагона ехала справа от меня и что-то тихонько напевала, и ей отвечали изумрудные птицы, а возможно — фланнан. Она посмотрела на меня украдкой и улыбнулась.

— У нас тоже есть свои разведчики, воин. Они хорошо справляются со своими обязанностями. Скажи мне, Килан, что движет тобой? Почему ты решился на это?

Я пожал плечами.

— Надеюсь, мне удастся найти тех, кто пойдет за мной.

— Ты уверен, что на твой зов откликнутся?

— Я постараюсь их убедить. Хранители границ, которых я знаю, остались без земли и крова. В Карстене, объявленные вне закона, они бежали, прихватив с собой лишь оружие. Их мечи могут послужить вашей земле.

— Эти войны, должно быть, сильно отчаялись, если поддадутся на твои уговоры. Впрочем, большинство людей ищет место, где можно пустить корни и посадить свое дерево. Но ведь вместо покоя их ждет здесь новая война. Да... ты руководишься в данном случае лишь догадками, а это вещь ненадежная.

Я не смотрел на Дагону. Я не хотел спорить с ней, и чем ближе был час расставания, тем сильнее сомневался в собственном предназначении. Почему я? У меня нет дара слова

и убеждения, нет особых заслуг на полях сражений. Почему я взвалил на себя непосильную задачу?

— В этом твое предназначение...

Она читает мои мысли? Я смутился.

— Ты сможешь нам выстоять.

— Конечно! Но справлюсь ли я?

— Если только избавишься от сомнений, — сдержанно заметила она. — Удача сопутствует тем, кто верит в свои силы. И хотя дорога твоя не из легких, я верю, что ты справишься. Правда, я не знаю... — Она внезапно замолчала. Потом заговорила снова, словно торопилась сказать все, что хотела. — Я не знаю, какие силы смогут помочь тебе там, за горами. Но здесь ты оставляешь тех, кто желает тебе удачи. Мы сделаем все от нас зависящее. Если тебя настигнет беда, вспомни об этом. Я не могу ничего тебе обещать; то, за что ты взялся, неподвластно нашим силам. Но помни: я сделаю все возможное, чтобы прийти к тебе на помощь! О брате и сестре не волнуйся...

Потом она начала рассказывать о себе, о своей жизни — передо мной открылся ее мир, тот, в котором она жила до нашего появления в Эскоре. Казалось, она взяла меня за руку и провела по огромному залу своей жизни, позволила заглянуть в потайные комнаты своей души... Из таинственной властительницы неких сил она превратилась просто в девушку, какой была моя сестра до того, как ее забрали у нас колдуньи, задумав переделать по-своему. Потом Дагона захотела услышать мои воспоминания. Я рассказал ей об Эстфорде, о нашей жизни там, о тех трудных годах, когда мы с братом несли службу на границе. И от того, что мы поделились с ней самым сокровенным, личным, я успокоился.

— Ах, Килан Трегарт, — воскликнула она. — Мы ведь понимаем друг друга. Тебе тоже нравится это?

Я почувствовал, как кровь прилила к моим щекам.

— Я не могу спрятать от тебя свои мысли, Дагона... — мой голос сорвался.

— А разве это нужно делать? — улыбнулась она. — Ведь с первой минуты нашего знакомства все было ясно.

Она произнесла то, о чем я подумал. Меня охватил жар, захотелось сжать ее в объятиях. Но нужно держать себя в руках, я не смею... Надо сосредоточиться на предстоящем...

— Да! Да! — воскликнула она. — Но только будь осторожен и Расскажи мне подробно, как вы шли сюда! Какой дорогой ты пойдешь?

Я вспомнил наш путь во всех деталях.

— Там ты будешь пешим, — Дагона настраивала меня на трудности, что поджидали впереди.

На мне были шлем и кольчуга Кемока, его стрелы — мой собственный меч и стрелы остались на островке. Да, я буду без лошади, почти без оружия...

— Для нас это будет испытанием — проверить, как можно проникнуть через горы, — Дагона вскинула голову и запела. Горы были совсем близко. Зеленая птица пролетела над нашими головами. Она прошебетала что-то в ответ на пение Дагоны и взмыла высоко в небо, взяв курс на запад. Мы наблюдали за ней, пока она не скрылась из вида. Но Дагона и после этого продолжала смотреть в ту сторону. Наконец она радостно воскликнула: — Там нет барьера! Она над проходом. Посмотрим, сможет ли она сделать еще что-нибудь.

Наступил тот момент, когда мне пришлось спрыгнуть с Шабра, Дагона и ее слуги остались в седлах. Она молча проводила меня взглядом, потом подняла руку, как при первой встрече с Каттеей, и начертила в воздухе какой-то знак. Он ослепил меня — черты ее лица снова стали расплывчатыми, изменчивыми...

Я поднял руку, стиснул кулак, потом развернулся и начал взбираться на вершину, зная, что лучше не оглядываться, не медлить, иначе уверенность пропадет, а удача, как сказала Дагона, сопутствует только тем, кто верит в свои силы.

Я ни разу не оглянулся; лишь добравшись до долины деревьев, по веткам-стволам которых мне предстояло пробираться, я обернулся, чтобы запечатлеть в памяти эту землю, словно перед ссылкой в неведомое. Я не чувствовал себя таким оторванным от чего-то родного, когда покидал Эсткарп. Но туман закрыл пеленой все, что лежало за моей спиной. Я ничего не увидел, но даже обрадовался этому. Ночь провел в горах, а с рассветом начал спускаться вниз там, где мы вели ничего не видевшую Каттею. На этот раз все оказалось намного проще, потому что мне приходилось думать только о себе. Однако пробираться дальше пешком не хотелось. Я задумался. Те, кто мне нужен, могут быть все еще в лагере, где я оставил их, когда

помчался на зов Кемока. Но прошло столько времени, что все могло измениться.

К сокольничим лучше не обращаться. Они живут обособленно, поставляют наемников для Эсткарпа и моряков для сулькарцев. Они привязаны к своим горам, имеют устоявшиеся традиции и обычаи. В Эскоре для них не найдется места.

Сулькарцы не представляют себе жизни без моря, они никогда не променяют его на то место, где не бушует шторм, не бьются о берег волны. Значит, вся надежда только на представителей Древней расы, которых вытеснили с юга. Лишь немногие из них просочились в Эсткарп, остальные скитаются вдоль границы, пытаясь отомстить за ту резню, что учинили в Карстене их враги. С тех пор прошло уже четверть века, но они не забыли ужасных дней. В Карстен дорога для них закрыта. Они это понимают. Но если я предложу пойти со мной на новые земли, прихватив с собой мечи, они могут прислушаться к моим словам. Остается только найти их и не попасть при этом к тем, кто предаст меня в руки Совета.

Я забрался на тот выступ, с которого видел костры наших преследователей, и дождался ночи — впереди лишь темнота, но это вовсе не означает, что там нет патрульных. Выдумка Каттеи с торскими скакунами — какую службу она нам сослужила? Я вздрогнул. Колдовство — не мое оружие. У меня есть стрелы, разум и опыт разведчика. Утро — время проверить свои способности. Я поймал себя на том, что в последних лучах заходящего солнца ищу глазами птицу, которую Дагона направила через горы. Что она сможет сделать для меня, я не знал, но ее присутствие означало бы в ту минуту многое. Но среди птиц, обитающих на этой земле, я не увидел ни одной с изумрудным оперением.

Рано утром я отправился в путь — шел той же дорогой, которая привела нас в Эскор. Так хотелось прибавить шаг, но я сдерживал себя, продвигался медленно, осторожно. Иногда останавливался, чтобы утолить жажду из фляги. Никаких искажений предметов, мешавших нам, когда мы шли в прошлый раз, — наверное, они существуют только для тех, кто движется на восток. Я дошел до того места, где когда-то разжигали костры. Лишь пепел и следы людей, ничего больше — преследователи ушли. Здесь мне ничто не угрожает.

Следующую ночь я провел, укрывшись под кряжами. Долго не мог уснуть, рисуя в своем воображении карту местности. Сюда нас вел Кемок, но я внимательно следил за дорогой, примечая детали. Я надеялся, что мне не составит труда проложить путь по этой земле, где я знал каждое поле, лес и холмы. Впереди раскинулась окраина заброшенного селения, там я смогу, наверное, найти пристанище.

Неожиданно в ухе, как будто из-под земли, отозвался стук копыт — я приподнял голову. Патруль? Но почему всадник один? Я спрятался за кряжами. Но лошадь шла прямо на меня. Что это, злой рок? Я выполз из своего укрытия и метнулся вправо, в кустарник, приготовил стрелы. Лошадь как-то заунывно заржала. Я вздрогнул. Она изменила курс и опять пошла напрямиком в мою сторону, словно всадник видел меня при лунном свете! Развернуться, бежать, спрятаться? Нет, лучше встретить Силу лицом к лицу... Странно, что всадник скачет в мою сторону, не скрывая своих намерений. Я притаился за кустом, приготовившись к выстрелу. Увидел седло и уздечку, запекшуюся пену на груди и морде коня, но всадника не было. Испуганное животное! Я вышел из укрытия, лошадь отпрянула назад, но я успел установить с ней контакт. Ее охватила паника, но я не мог определить причину страха. Теперь лошадь стояла с опущенной головой. Я ухватился за вожжи. Возможно, это ловушка — но тогда я бы уловил это в ее мыслях... Я почувствовал, что опасность мне не угрожает. Смогу быстрее продвигаться по стране, да и чувствую себя верхом намного увереннее.

Оседлал коня, и мы понеслись на юг. Я видел, что мое присутствие по душе животному, страх его постепенно уходил прочь. Мы не мчались во весь опор, соблюдали осторожность, держались поближе к лесу. Я не терял с лошадью мысленного контакта, чтобы быть уверенным, что не являюсь добычей колдуний. На ночь снял седло и уздечку с лошади, стреножил ее и пустил пастись, а сам устроился под кустом. Под голову я положил седло и стал гадать, откуда и почему прибежала эта лошадь. Потом вспомнил о крылатом посланце Дагоны, и, как ни странно, мысли эти переплетались. Но в памяти лошади я не нашел никакого воспоминания о птице.

Мой новый друг совсем не походил на торского скакуна, хотя его легкое седло с замысловатым серебристым гербом

было таким же, как у хранителей границы. Гербы сулькарцев обычно простые — голова животного, пресмыкающегося или птицы, иногда — некоего чудища из легенд. Сокольничьи, не признающие семей, изображали только соколов и символы своих отрядов. Герб на седле моей лошади явно принадлежал одному из родов Древней расы, и так как в Эсткарпе они вышли из употребления, то упряжь, вероятно, принадлежала тому, кого я искал, — беженцу из Карстена.

Проверить мои догадки не составляло особого труда. Завтра утром мне нужно будет лишь оседлать своего нового друга, который пасется на лунной опушке и заставить его вернуться к хозяину... Конечно, рискованно ехать на пропавшей лошади в незнакомый лагерь. Но, приблизившись к нему, можно отпустить животное, будто оно только что вернулось назад, а я буду мысленно следовать за ней.

Просто? Безусловно, но что я скажу им? Незнакомец, пришедший из ниоткуда и зовущий присоединиться к нему, покинуть Эсткарп и отправиться в чужие, неведомые земли, — поверят ли они мне? Начало простое, но следом возникает куча проблем. Если бы я смог установить контакт с теми, кого знал, они бы прислушались к моим словам, даже в том случае, если я объявлен вне закона. Дермонт и те, с кем мне доводилось вместе воевать и нести службу. Но где искать их сейчас — вдоль всей границы? Выдумать какую-нибудь правдоподобную историю? Но вдруг я встречу кого-либо из старых знакомых?

Любой самый гениальный план военных действий может провалиться из-за какой-нибудь мелочи. Такая вещь, как упавшее после бури дерево, сводит на нет работу многих дней — это я знал по собственному опыту. «Удачливый» командир тот, кто способен принимать моментальные решения и вырывать победу из рук противника, когда, казалось бы, поражение неизбежно. Мне не доводилось командовать большим отрядом разведчиков, принимать решения, подвергающие опасности жизни многих. Как заставить умудренных опытом воинов поверить мне? Сомнения не покидали, когда я пытался заснуть, чтобы набраться сил перед новым днем.

Наконец я уснул, но сон был таким тревожным, что я почти не отдохнул за ночь. И тогда пришло простое решение: вернуться в тот лагерь, откуда прискакала испуганная лошадь, отпустить животное, самому спрятаться и понаблюдать за теми,

кто там хозяйничает. Что я и сделал, направив лошадь на юг. Мы шли рысью, избегая открытых пространств, держась поближе к естественным укрытиям. Я всматривался в небо и искал глазами зеленую птицу. Меня не оставляла надежда — посланник Дагоны где-то поблизости.

Мы покинули Эсткарп в разгар лета, с тех пор прошло не так много времени, но все вокруг сильно преобразилось, веяло осенней прохладой. И ветер скорее напоминал зимний. Пурпурный цвет листвы, незнакомые горы — раньше казалось, что я хорошо знаю эту местность. Несомненно, Сила изменила все вокруг. Лошадь шла на юг, и вскоре мы приблизились к возделанным полям. Я увидел недавно выкорчеванные деревья, кострища. Спешился, так как лошадь могла, оступившись, легко поранить ногу. Я опустил руку в золу и начертил на своем лбу и груди древний знак. Никогда еще мне не доводилось применять эту колдовскую хитрость — таким образом отпугивать от себя зло. Лошадь подняла голову, и я уловил ее мысль: она дома. Я отпустил поводья, похлопал животное по крупу и отправил на поиски хозяина. Сам же под прикрытием деревьев стал пробираться к краю холма.

Глава 16

То, что я увидел с холма, не было военным лагерем. Посередине сооружено нечто вроде обнесенного частоколом убежища — не на день, не на неделю, а по крайней мере на сезон. Несколько бревен валялось рядом: ограду достраивали.

В загоне я насчитал около двадцати лошадей, теперь к ним присоединился и мой скакун — остальные приветствовали его негромким ржанием. От группы людей, занимающихся строительством убежища, отделился мужчина. Он поймал лошадь за поводья и что-то закричал.

Из укрытия показалась женщина в ярко-желтом платье. Мужчины побросали орудия труда и собрались вокруг лошади. Древняя раса! Правда, более светловолосые — наверное, в их крови есть примесь сулькарской крови. Все они были одеты в кожаные формы воинов. Готов держать пари, что все они в недавнем времени служили на границе. Как разведчик я знал: такая мирная картина свидетельствует о том, что где-то побли-

зости есть часовые и охрана. Если они обнаружат, что я выслеживаю их, мне несдобровать, но идти в открытую, не зная их намерений...

На стене убежища я увидел свеженарисованный герб — такой же замысловатый, что и на седле лошади. Те, что поселились здесь, наверняка не ждут опасности с юга — а значит, Карстен потерпел поражение. Но зачем тогда сооружать частокол? Причем в первую очередь — ведь жилье они только начали строить? Может быть, причина кроется в том, что они слишком долго жили в страхе и не представляют жилище без подобного сооружения? И что мне теперь делать? Наверняка они выбрали это место сами, именно таких людей я ищу. Впрочем, уверенности у меня не было. Они продолжали осматривать лошадь, словно она только что возникла из воздуха, сняли с нее седло и тщательно обследовали его. Потом начали что-то горячо обсуждать, резко повернули головы в мою сторону — они не поверили, что лошадь вернулась сама по себе. Женщина в желтом платье скрылась в убежище, потом появилась снова. Она несла кольчугу, следом за ней шла девушка в розовом платье, в руках у нее были шлемы. Четверо мужчин облачились в доспехи, пятый поднес пальцы ко рту и пронзительно свистнул. Ему ответили по меньшей мере с пяти точек — одна из них прямо за моей спиной, другая слева! Я прижался к земле. Неужели они уже заметили, где я? Если да... почему не набросились на меня? Если не заметили, то малейшее движение может меня выдать. Я принял рискованное решение: лучше самому встать и направиться в лагерь, чем быть пойманным в качестве шпиона. Я встал, подняв руки, подальше от пояса с оружием. И начал спускаться с холма. Они сразу развернулись ко мне.

— Давай, смельчак, пошевеливайся! — раздался резкий голос за моей спиной. — Мы не любим тех, кто приходит без предупреждения!

Я не стал поворачивать голову.

— Вы видите, что в руках у меня нет оружия. Между нами не брошена перчатка...

— Как сказать, воин. Но друг не ползет на животе, как тот, кто является за головой противника и покоряет дух сраженного пулей.

За головой противника! Наверное, этот часовой один из тех фанатиков, что славились в битвах своей свирепостью. Они родом из Карстена, пережили слишком много и поэтому придерживаются теперь варварских обычаев. Свирепый народ!

Я спускался не торопясь. Опытным глазом оценил местоположение их укрепления. Как только они завершат строительство частокола, их жилище превратится в надежную и неприступную крепость. Они поджидали меня в недостроенной части частокола — с оружием в руках, в шлемах и кольчугах... У того, кто стоял в центре, на шлеме были знаки отличия, выложенные желтыми драгоценными камнями. Он был средних лет, как мне показалось, хотя трудно определить возраст людей Древней расы. Я остановился в нескольких шагах от него и снял шлем, чтобы они видели мое лицо.

— Роду вашему — приветствие, принадлежащим роду — удачи, дню — хорошего рассвета и заката, усилиям — поддержку. — Я произнес древнее официальное приветствие и стал ждать ответа. От него зависело во многом то, кем я буду для них — гостем или пленником.

Последовала пауза. Подбородок их предводителя рассекал длинный шрам от удара меча, а на кольчуге виднелась вмятина. Тягостно тянулись минуты ожидания. За моей спиной раздавалось покашливание — наверное, по первому же приказу своего хозяина караульный кинется на меня. Я беззащитен перед ними, и руки подняты — я, Килян Третарт, я!

— Кому род Дальмонта открывает свои ворота?

Я услышал недовольный вздох караульного и опять встал перед сложной дилеммой. Назвать свое настоящее имя и род, к которому принадлежу, — более чем опасно; это может меня погубить, если я объявлен вне закона, а наверняка так и обстоят дела. Называя себя вымышленным именем, можно навлечь еще больший гнев, потому что, минуя их ворота, я наверняка подвергнусь проверке на ложь при помощи специального приспособления. Остается использовать очень старый обычай, сохранившийся со времен войны. Но не знаю, поможет ли это мне здесь и сейчас.

— Род Дальмонта, которому солнца, ветра и богатого урожая желаю, открывает свои ворота посланнику. — Я сказал правду, и в далеком прошлом это означало, что я не могу раскрыть своей тайны, и никто не смеет выпрашивать ее у меня,

иначе меня покарает Сила. Я ждал, пока хозяин примет решение.

— Ворота открыты для того, кто клянется, что не несет беды Дальмонту, его людям, дому, урожаю и лошадям... — Он произносил слова медленно, с расстановкой, словно доставал их из глубин своей памяти.

Я вздохнул с облегчением. Такую клятву я могу дать. Он протянул мне свой меч — это означало, что в случае нарушения клятвы меня ждет смерть от этого оружия. Я преклонил колени и прикоснулся губами к холодному металлу.

— Я не несу беды Дальмонту, его людям, дому, урожаю и лошадям!

Он подал еле заметный знак, и женщина в ярко-желтом платье принесла кубок, наполненный смесью воды, вина и молока, — так обычно встречали гостя. Они действительно придерживаются очень древних обычаев, наверное потому, что оторваны от того, что давным-давно было их домом.

Хозяин сделал несколько глотков, потом протянул кубок мне. Я немного отпил, уронив по обычаю по несколько капель направо и налево — дому и земле, — потом передал по кругу кубок, который переходил от воина к воину, и, наконец, дошел до караульного, который стоял теперь рядом со мной и косился на меня с явным подозрением. Он походил на поджарого волка, выносливого и упрямого, как сталь, из которой сделан его меч. Знал я таких. Итак, меня приняли в доме Дальмонта — в некоем подобии крепости. Хозяина звали лорд Хорван, и, хотя он не говорил об этом, я догадывался, что когда-то он владел огромным поместьем. Леди Крисвита, его вторая жена, вела хозяйство. Его первая семья погибла во время резни в Карстене. Леди Крисвита подарила ему двоих дочерей и сына. Дочери выбрали себе в мужья тех, у кого не было земли, и пополнили род Дальмонта. Люди эти пришли сюда и начали устраивать свою жизнь в новых краях.

— Мы заметили эту долину, когда служили на границе, — сообщил мне Хорван, после того как передо мной поставили еду, — и разбивали здесь лагерь много раз, возводя постепенно вот это укрепление. Может быть, в твоём возрасте не понять этого, но человеку необходимо место, куда он может вернуться, и мы нашли его. Когда горы сдвинулись, а служба наша на границе подошла к концу, мы решили обосноваться здесь.

Я порывался расспросить его о том, что случилось с Эсткарпом за то время, что нас здесь не было. Но понимал, что это невозможно.

— Карстен действительно не опасен? — я рискнул задать только такой вопрос.

Тот, что вел меня с холма, хмыкнул. Его звали Годгар. Хорван улыбнулся.

— Похоже на то. Ничего нового пока не слышно, но если после такого поражения кто-либо из людей Пагара выжил, то он не человек, а дьявол. Потеряв всю армию, не имея прохода в Эсткарп, они придут в себя не скоро. Сокольничие по-прежнему несут службу в горах (вдруг остались какие-нибудь отряды), и их соколы следят за малейшим движением с южной стороны.

— Но Ализон ведь не побежден? — спросил я. На этот раз рассмеялся Годгар.

— Ализон? Эти собаки попрятались в своих конурах. Не думаю, что им придется по нраву что-либо наподобие того удара по Карстену. И раз Сила...

Я заметил, как Хорван метнул в его сторону недовольный взгляд, и Годгар сразу затих, смутившись.

— Да. Сила поработала что надо, — вставил я. — Благодаря колдуньям мы теперь можем вздохнуть свободно.

— Но сами колдуньи при этом пострадали, — раздался голос леди Криствиты, сидевшей рядом с мужем. — Они лишились своей мощи — многие погибли, другие истощены. Знай Ализон об этом, нам несдобровать.

Хорван кивнул.

— Так что правы те, молодой человек, кто называет это перемирие лишь вздохом. — Он опустил глаза. — Возможно, мы зря тратим свои силы, воздвигая все это. Но так трудно терять все...

Рука женщины легла на плечо Хорвана. Затем ее глаза обратились к дочерям, стоявшим поодаль. Я заколебался. Если каким-то чудом мне удастся уговорить этих людей следовать за мной на восток, что предложу я им, кроме новых опасностей и трудностей? Возможны бедствия хуже тех, от которых бежали они из Карстена. Оставить их в этом маленьком, с таким трудом завоеванном мире? Я вспомнил золотистую землю. Ничто не остановит меня, я должен исполнить свой долг.

Годгар кашлянул.

— Молодой человек, куда ты едешь или идешь? Ведь, не смотря на то, что на тебе обувь всадника, тебе пришлось пробираться и пешком.

И тогда я решился открыть им свою тайну, рассказать, зачем явился к ним, преодолев горы, хотя чувствовал, что там, где только-только наступил долгожданный мир, говорить о новых войнах неуместно.

— Я ишу людей...

— Людей, а не человека? — Хорван приподнял брови. Мне показалось, что им движет желание мстить, уходящее корнями в его прошлое.

— Да, людей. Тех, кто захочет попытать счастья на новой земле... — Как заставить их поверить мне, какие слова найти и как при этом не сказать лишнего?

Годгар нахмурился.

— Ты не похож на сулькарца, набирающего рекрутов. Глупо было бы проникать в глубь страны, вместо того чтобы собрать добровольцев вдоль рек и в портах. Если ты затеваешь что-то против Алисона, то знай: сенешаль запретил кому бы то ни было заниматься этим...

— Нет. Я не призываю вас сражаться ни на море, ни в северных краях. Я предлагаю вам землю — хорошую землю, — которую нужно отстоять с мечом в руках.

Леди Крисвита пристально посмотрела на меня. Она подалась вперед, не отрывая глаз, словно была колдуньей и могла разгадать, правду я говорю или лгу.

— И где находится эта твоя земля, странник?

Я провел языком по пересохшим губам. Настало время испытания.

— На востоке, — ответил я.

Недоумение отразилось на лицах окружающих. Неужели их сознание так заблокировано, что я не могу заставить их даже подумать о переходе в Эскор?

— На востоке, — повторила леди Крисвита недоуменно, будто я произнес слово, не имеющее абсолютно никакого смысла. — Восток? — снова переспросила она, но на этот раз резче.

Я рисковал, но вся моя жизнь прошла в постоянных опасностях. Именно сейчас надо узнать, смогу ли я убедить этих

людей. Рассказать им все, что знаю сам? Может быть, эта правда освободит их от пут, что надели на их сознание давным-давно?

И я поведал им о том, что удалось узнать Кемоку в Лормте, о том, что увидели мы за горами, закрытыми для Эсткарпа. Но при этом я не раскрыл своего настоящего имени. Меня прервала леди Крисвита.

— Если бы это была правда, то каким образом вам удалось проникнуть через эти горы, которые мы не помним, о которых нам не дозволено даже знать, и которые были закрыты для нас на протяжении веков? — подозрительно спросила она.

Но теперь заговорил хозяин, словно не услышав слова жены:

— Действительно, я никогда не слышал о востоке. В Карстене — да, но здесь — ни разу. Словно это направление вообще не существует.

— Леди задала вопрос, который требует ответа, — рыкнул Годгар с другой стороны. — Я бы тоже хотел услышать его.

Выхода нет. Чтобы доказать свою правоту, мне придется рассказать им все — раскрыть причину, по которой я ушел на восток.

— Я направился туда по двум причинам. Я объявлен вне закона, — скорее всего так оно и есть, — и я не чистокровный представитель Древней расы.

— Я так и знал! — Годгар сжал кулак. — Вне закона, и он хитростью заставил нас считать его своим гостем. Хозяин! Но он не является таковым! Его надо убить, иначе он принесет нам много неприятностей!

— Возьми себя в руки! — прервал его Хорван. — Как зовут тебя, объявленный вне закона? Тебе придется открыть свое имя!

— Килан из рода Трегартов.

На какое-то мгновение мне показалось, что мое имя ничего им не говорит. Но Годгар вдруг взревел и бросился на меня с кулаками — в голове зазвенело. Шансов на спасение нет — вон их сколько против меня! Еще один удар — темнота, голова раскалывается, тело гудит, опять темнота...

...Еле различимые очертания двери или ворот прямо надо мной, земля под ноющим телом, руки крепко связаны веревкой — наверное, я в каком-то подвале. Я представил подобное

сооружение — глубоко под землей, выложенное камнем или глиной, сверху лаз.

Но почему я до сих пор жив? Почему они не убили меня на месте? Годгару мое имя известно. Но они оставили меня в живых, — значит, решили передать в руки Совета, а это хуже любой смерти. Я потерпел поражение. Свои ошибки начинаешь понимать уже после того, как допустишь их, — они словно щиты завоевателей на стенах побежденного замка. Впрочем, я не рассчитывал самонадеянно на победу. Сколько мне здесь еще находиться? Наверняка до властей добираться больше дня, ведь это окраина страны, даже если они отправились на самых быстрых скакунах. Если только поблизости нет того, кто может общаться с колдуньями на расстоянии.

Я попытался шевельнуться — малейшее движение доставляло нестерпимую боль, раскалывалась голова, подступала тошнота. Тот, кто связывал меня, знал толк в этом деле. Мне не хватит сил выпутаться. Стоит ли надеяться на помощь? Если я попаду в руки Владычиц, то должен кое-что сделать для других. Обратят ли колдуньи взор на восток? Могут. Я не умею заглядывать в будущее. Но я должен предупредить тех, кто ждет меня с той стороны гор... Я сосредоточился, представил в своем воображении Катгею, пытаюсь мысленно найти ее, где бы она ни находилась в настоящий момент. Слабый, слишком слабый отголосок... Тонкая нить... Кемок? Я напрягся — нет, не слышу его. Наш талант не развит до такой степени. Дагона ошибалась, говоря, что в экстренных ситуациях я могу общаться подобным образом. Дагона? Я представил ее такой, какой видел в последний раз. Лишь намек на контакт — не тот, что существовал между мной и Кемоком или Катгеей, когда слова и мысли переходят друг к другу, но достаточный для того, чтобы предупредить об опасности. В ответ раздалось нечто неясное — словно кто-то пытался докричаться до меня, но на чужом языке; непонятное послание. Я почувствовал, как от напряжения выступила испарина на лбу. Потом контакт прервался.

Я тяжело дышал, сердце билось, словно я убежал от врага. Раздался какой-то звук — словно из другого мира, издалека. Неожиданно глаза ослепил луч света — открыли лаз. За мной пришли. Я приготовился к самому худшему. Шелест платья. Я высоко поднял голову. Почему леди Крисвита пришла одна?

Дверь за ней захлопнулась, наступила крошечная тьма. Она подошла ко мне. Я уловил запах сладкой травы, которую женщины обычно кладут между свежевывстиранным бельем. Она приблизилась ко мне вплотную.

— Скажи мне, почему ты бежал из Эсткарпа?

Ее вопрос прозвучал властно. Но почему она решила спросить меня об этом? Какое теперь имеет значение причина нашего бегства? Я рассказал ей обо всем, что знали мы трое. Она слушала, не перебивая.

— Для той земли это шанс на спасение? Кто будет править ею?

— Добро вместо Зла, но этому будет предшествовать война, — озадаченно ответил я. — Но почему это вас так заинтересовало, леди?

— Это может значить многое или абсолютно ничего. Они отправили гонца в замок Эс... Скоро... за тобой придут.

— Я так и думал. — Голос мой не дрогнул. Снова шелест платья. Она покидает меня. Но, поднявшись по лестнице, она заговорила вновь:

— Не все думают одинаково. Вне закона можно оказаться потому, что не всем законам можно подчиняться.

— Что вы имеете в виду?

Она не ответила на мой вопрос, лишь проговорила:

— Пусть удача сопутствует тебе, Килан Трегарт. Ты заставил о многом задуматься.

Я услышал, как она ступила на последнюю перекладину, увидел, как открывается дверь. Опять темнота. Я остался наедине со своими мыслями.

Глава 17

Они пришли за мной утром, когда небо заволочли серые облака и чувствовалось приближение дождя. Годгар и еще трое, но, к моему удивлению, без стражников Совета. Они развязали меня. Не знаю, сколько я пролежал в этом подземелье. Они принесли еду и воду, но проделали все это молча, не проронив ни слова. Я не задавал вопросов. За те проведенные здесь часы я о многом думал. Снов не было, только утром, проснувшись, продолжал видеть перед собой золотистую страну.

Снаружи меня ждал конь — наверное, самый худший из всего табуна. Они привязали меня к седлу, словно боялись, что у меня вдруг вырастут когти и клыки Человека-волка. Кроме этих четверых вокруг не было ни души. Стало не по себе — быть может, Годгар задумал что-то скверное, ведь с первых минут нашего общения было ясно, что он отнесся ко мне крайне подозрительно. Он возглавил шествие, чуть поодаль от меня ехал один из сопровождающих, другие двое держались позади. Все они были среднего возраста и суровостью походили на своего вожака. Они не выражали явной враждебности, но никакой надежды на спасение у меня не оставалось. Мы повернули на север — перед нами раскинулась истерзанная земля. Годгар задавал неторопливый, ровный темп. Я оглянулся на крепость. Из головы не выходили слова леди Крисвиты. Зачем она посетила меня? Я не верил в то, что это поможет, но верил, что там, за оградой, меня кто-то понимает и не осуждает. Но крепость словно вымерла. Ехали молча, и мне не хотелось задавать вопросы. Тучи сгустились, потом начал накрапывать дождь. Казалось, спутникам моим все равно, что солнце, что непогода. Несмотря на безвыходность своего положения, я продолжал изучать сопровождающих и местность, запоминая все детали, которые могли бы мне пригодиться в случае побега. Но руки мои были привязаны к седлу, ноги — к стремянам, а поводья держал тот, что ехал впереди. Шлема на мне не было, лишь кольчуга. На поясе — никакого оружия. Да и лошадь мою догонит любой из их скакунов.

Мы ехали по открытому пространству, где невозможно укрыться. Пожелтевшая трава по обочинам дороги доходила до стремян. Дождь моросил по-прежнему. Кроме антилоп, скачущих вдаль, никакой живности не было. И птицы... Не знаю, почему я начал всматриваться в небо и искать там изумрудную птицу. Вряд ли фланнан неожиданно опустится передо мной. Но каждый раз, стоило только увидеть птицу, как я начинал напрягать зрение.

Годгар остановился и дождался, пока тот, что ехал рядом со мной, не догонит его. Затем он что-то тихо сказал, перехватил вожжи моей лошади и поравнялся со мной. Глаза злобно сверкали сквозь металлическую сетку шлема.

— Кто прислал тебя, нарушающий клятву? Кто направил для того, чтобы причинить неприятности роду Дальмонта?

Я не понимал, чего он добивается.

— Я не нарушал клятвы и не желал роду Дальмонта зла.

Я был привязан и не смог увернуться от его удара, последовавшего в ответ на мои слова, — в глазах потемнело, я покачнулся в седле.

— Ты знаешь, как можно заставить человека говорить, — рявкнул он. — Карстен многому научил нас!

— Наверное, ты можешь заставить человека говорить, — выдал я, — но только если тому есть что сказать.

На мое счастье, кроме жестокости он обладал в определенной степени и умом, хотя привык полагаться на силу. На этот раз он задумался.

— Ты отправляешься в Совет. Если ты тот, за кого себя выдаешь, то знаешь, что тебя ждет.

— Да. — Годгар — воин до мозга костей, а значит, верит в неотвратимость судьбы. Мне оставалось лишь надеяться на чудо.

— Они вытянут все, что тебе известно, и мы рано или поздно узнаем то, что хотим знать. Почему бы не рассказать это сейчас? Кто направил тебя к Хорвану, чтобы очернить его имя?

— Никто. Я пришел для того, чтобы...

— Прискакал на одной из наших лошадей — той, что умчалась вдруг в неизвестном направлении и вернулась через два дня, а вслед за ней — ты. Судя по твоим словам, ты тоже обладаешь частично колдовским Даром, нарушитель клятвы, значит, ты мог подстроить все это. Но зачем? Почему ты хочешь Хорвану зла? Кровная месть? Но мы не враждовали. Кто заставил тебя?

— Я не выбирал вашу крепость преднамеренно, — устало произнес я. Переубедить его невозможно. Он уверен, что я желаю его хозяину только зла. То, что среди представителей Древней расы до сих пор существует кровная месть, удивило меня. Но Годгар ждал объяснений.

— Я понял, что должен помочь Эскору. И отправился сюда для того, чтобы набрать добровольцев, которые пожелали бы освободить ту землю, что некогда была их родиной, от власти Зла.

Я ожидал очередного удара, требований говорить ту правду, которую он ждал от меня. Но, к моему удивлению, Годгар по-

вернул голову и посмотрел на восток. Потом он засмеялся, что больше походило на хриплый лай.

— И ты, объявленный вне закона, думаешь, что твой рассказ поможет тебе набрать воинов и отправиться с ними в никуда? Да я могу придумать массу подобных поводов, которые сослужили бы тебе верную службу!

— Думай что хочешь, — ответил я, устав спорить. — Но вот как все было. Мою сестру силой увезли в Место Власти. Она, как и мы с братом, обладает Даром. И благодаря тому, что ей удалось мысленно связаться с Кемоком и позвать его на помощь, она не успела дать клятву колдуньи. Мы забрали ее из Места Власти, так как колдуньи были истощены после того, как закрыли горы. Отвоевав ее свободу, мы направились на восток, в неизвестность. Мы прошли через горы, там оказался Эскор, который населяют как враги, так и друзья. Там очень нужны люди, чтобы одержать победу над Злом в очень древней войне. Не то чтобы я сам того пожелал — могу поклясться своим гербом или именем, — но на меня словно возложили эту миссию некие Силы. И вот я здесь, ищу тех, кто пойдет со мной через горы. Больше никакая сила ничего не вытянет из меня, так как это чистая правда!

Годгар уже не смеялся. Напротив, он очень внимательно смотрел на меня.

— Я слышал о Хранителе Границ, Саймоне Трегарте...

— И о госпоже Джелите, — добавил я. — И ни для кого не секрет, что он чужестранец и владеет некой Силой, — разве я не прав?

Он неохотно кивнул.

— Так можешь ли ты поверить в то, что мы, плоть от их плоти, тоже обладаем Даром, который не присущ другим? Мы рождены вместе и всегда едины духом, а иногда и мыслями. Когда Каттея позвала нас из Места Власти, мы услышали ее и пришли на помощь. Если за это мы заслужили смерть от меча, что ж...

На этот раз Годгар промолчал, потом рванул вперед. Мы шли рысью по каменистой дороге. Дождь не прекращался. За все длинное утро он больше не проронил ни слова. Днем мы сделали привал среди камней, там, где выступ скалы образовывал естественное укрытие от непогоды, а рядом с почерневшим кольцом камней были приготовлены дрова. Место стоянки.

Я с трудом размял затекшие ноги, когда они спустили меня с лошади. Но, развязав ноги, они оставили путы на руках. Достали хлеб, вяленое мясо, фрукты, потом освободили мои руки, чтобы я смог поесть, но один из них встал при этом за моей спиной; потом меня снова связали. К моему удивлению, они не оседлали коней, а разложили костер, тщательно укладывая дрова. Но для чего? Ведь мы уже поели! Затем Годгар разжег огонь, отошел вправо и стал размахивать своим плащом. Подает сигнал! Влево, вправо, вперед, назад, опять вперед... Я всматривался сквозь пелену дождя, пытаясь разглядеть что-либо вдаль в ответ на эти позывные. Безрезультатно.

Однако мои стражи, казалось, были довольны. Они не стали гасить огонь, а разложили вокруг него свои промокшие плащи. Я не отрываясь смотрел вдаль — кого они ждут и зачем?

Годгар кашлянул — звук гулко отозвался среди камней, ведь после того, как мы спешили, никто не проронил ни слова.

— Мы ждем тех, кто передаст тебя в руки Совета, — обратился он ко мне. — Никто из них не знает, что ты укрывался у Хорвана.

— Но ты же сам говорил, что если они захотят, то узнают все, что им нужно. — Я не понимал, к чему все эти условности, какие-то слова при прощании.

— Может быть.

И тут до меня дошло: из меня не вытянут ни слова только в том случае, если я буду мертв! Они даже не узнают, что это имеет какое-либо отношение к Хорвану.

— Зачем кому-то другому перерезать мне горло? — спросил я. — У тебя у самого в руке меч.

Он не ответил, и я заговорил вновь:

— Или твой меч вспыхнет синим огнем, как только его озарит кровь, и все поймут, что это сделал ты? Твой хозяин наверняка не способен убить человека, когда тот связан, а ты?

Годгар замешкался. Глаза его вспыхнули, он соображал, как поступить. Старые обычаи все еще имели влияние на этих людей. В моем сознании вдруг мелькнуло что-то — словно чей-то голос подсказывал мне слова клятвы, против которой не устоит ни один воин, способный держать в руках меч.

— Ты знаешь меня — я Килан Трегарт. Я служил разведчиком на границе. Слышал ли ты что-нибудь плохое о нашей службе?

Он не понимал, к чему я клоню, и ответил вполне искренне:

— Я слышал, что ты был разведчиком. Ты был воином... и неплохим... но это было давно.

— Тогда слушайте меня внимательно, ты, Годгар, и вы... — Я помолчал, затем медленно и с расстановкой, как сестра, когда произносила свои заклинания, начал говорить. — Пусть меня сразит собственный меч, пронзят собственные стрелы, если я когда-либо замышлял зло против рода Дальмонта или кого-либо из жителей Эсткарпа.

Они удивленно смотрели на меня. Смогу ли я убедить их? Они переступали с ноги на ногу, переводя взгляд с меня друг на друга. Годгар сорвал с себя шлем, как будто снова собиравшись заняться едой.

— Ты хотел зла! — сердито воскликнул он.

— Зла? — резко переспросил я. — Какого зла, Годгар? Я поклялся на мече, что не желаю зла ни тебе, ни кому-то другому. О каком зле ты говоришь? — я повернулся к другим. — Вы верите мне?

Они пожали плечами, потом тот, что стоял в центре, заговорил:

— Верим, потому что должны верить.

— Тогда в чем заключается мое зло?

Годгар сделал несколько шагов взад-вперед, потом остановился и взглянул на меня.

— Мы служим им. Ты — не наш, ты пришел из ниоткуда. Но почему из-за тебя у нас должны возникать неприятности с Советом? Что за колдовство ты применил, объявленный вне закона?

— Никакого колдовства, кроме того, что нас с вами объединяет, — я показал на каждого из них, — с тобой, с тобой и с тобой, Годгар. Я воин, я выполнял свой долг честно. Но Совет объявил меня вне закона. Я пришел сюда, потому что некая Сила заставила меня. Но никто не докажет, что я пришел к вам со злыми намерениями, потому что это не так.

— Слишком поздно. — Один из моих стражников махнул рукой.

К нам приближались всадники. Пять... нет, шесть. Годгар кивнул в их сторону.

— Они наши должники за один бой. Раз ты говоришь, что попал к Хорвану случайно, клянешься на мече... ладно, ты

останешься живым, тебя не убьют. С колдуньями разбирайся сам, хотя не думаю, что тебе повезет. Но это... уже не мое дело, воин!

— Да, не твое дело, — согласился я.

— Подождите! — резко вскрикнул тот же стражник. — Что там?

Со всадниками нас разделяло лишь поле, поросшее высокой травой. Эта трава вдруг затрепетала, стала похожей на неспокойное море. И сквозь него шло такое войско, какого никто из нас никогда не видывал. На нас надвигались антилопы, неуклюжий медведь, барс, еще какие-то звери, которых трудно было различить из-за вздымающейся волнами травы... все они шли прямо на нас!

— Что они собираются делать? — растерянно спросил Годгар, словно никогда не видел перед собой атакующего противника. Все это шествие было сверхъестественным, жутким.

Я подался вперед, и никто из них не остановил меня, они стояли как зачарованные. И так же, как заволновалась трава, пришло в движение небо — вдруг налетели и стали собираться стаями птицы. Они пикировали вниз, галдели и пытались достать нас под навесом. Эти люди видели в своей жизни многое, участвовали во многих сражениях, но подобное им довелось испытать впервые. Я старался мысленно связаться с животными; установив с ними контакт, прочитал в их мыслях решимость, но никак не мог управлять ими. Я отошел от своих спутников, которые прижались к скале. Птицы кружились вокруг меня, били крыльями, щебетали, но не атаковали. Войско животных ходило вокруг, но смотрело не на меня — а на тех, кто привел меня сюда. Я пошел от Годгара и его людей в поле, под дождь.

— Стой! Буду стрелять!

Я оглянулся. Он навел на меня стрелу. Вдруг я увидел то, что искал в небе, — изумрудную птицу. Она ринулась прямо на Годгара. Он вскрикнул и едва успел увернуться от ее удара. Я прошел мимо барса, сердито помахивающего хвостом и рыкающего — он смотрел не на меня, а на тех, кто стоял за моей спиной; мимо антилопы, выбивающей из камня искры, мимо всего этого мохнатого и разномастного войска. Я старался найти того, кто направил эту силу, управлял ею. И я был уверен, что этот кто-то существует. Лошади, на которых мы

прискакали сюда, фыркнули, заржали и умчались, испугавшись этой сверхъестественной мощной атаки. Я услышал за спиной крики, но на этот раз решил не оборачиваться. Если мне суждено умереть от стрелы Годгара, то зачем подставлять ей лицо? Лучше идти навстречу свободе. Но со связанными руками двигаться не так-то просто. Земля под ногами была скользкой от дождя, я боялся упасть, и поэтому приходилось смотреть под ноги. Затем я услышал позади какие-то странные звуки, заставившие меня оглянуться. Когда я пошел прочь от укрытия, за мной поплелись и мои стражники, но не по собственному желанию, а по принуждению. Их вели животные и птицы. Что стало с их оружием, не знаю, но шли они с пустыми руками. Было непривычно видеть их безоружными и беспомощными. Они шли, отбиваясь от птиц, словно в каком-то кошмарном сне. Я держал курс на восток. Так мы и шли гурьбой: над головами — птицы, вокруг — войско животных, больших и поменьше. Они ревели, рычали, выли, хрипели, словно выражали протест против той силы, что их вела. Я посмотрел в ту сторону, откуда появились всадники Совета. Никого! Испугались этой дикой орды? Это было самое странное шествие, которое я видел за всю свою жизнь. Звери шли кто рядом, кто чуть поодаль от меня. Потом маленькие зверюшки отстали, продолжали путь только крупные. Птицы собрались в стаи, громко крича. Но моя изумрудная птица исчезла.

Мы брели и брели по полю, не имея перед собой цели, но явно шли не к крепости Хорвана. Снова и снова я пытался установить мысленный контакт с этой природной силой, чтобы как-то управлять ею. Потом вдруг вспомнил старую-престарую походную песенку:

На суше, на море
 Настигнет любого
 Наш меч суровый!

Оказалось, что я пою ее во весь голос. Рев вокруг меня постепенно стих, птицы тоже замолчали. Так они и шли в полной тишине, сами не понимая, куда идут.

Я повернул голову и посмотрел на людей, идущих следом за мной. Лица их потемнели. Они холодно смотрели на меня,

не понимая, что за сила ведет их в неизвестном направлении против их воли.

— Годгар! — я повысил голос, чтобы вывести его из оцепенения. — Годгар, иди своей дорогой. Она ведет к роду Дальмонта. Говорю тебе, между нами нет кровной вражды, я не держу на тебя зла и за сегодняшний день. Был бы у меня меч, мы бы обменялись с тобой оружием в знак перемирия.

Он помедлил.

— Капитан, — обратился он ко мне почтительно, — если ты предлагаешь мир, мы согласны. Но те, что ведут нас, позволяют ли они?

Этого я не знал.

— Попробуйте, — ответил я.

Внимательно следя за флангами, Годгар и его люди повернули на юг. Медленно и неохотно звери расступились. Увидев это, Годгар распрямил плечи. Он снова посмотрел на меня.

— Об этом придется сообщить, — сказал он.

— Что ж, — ответил я.

— Подожди! — он направился ко мне. Барс оскалил клыки, зашипел. Годгар остановился чуть поодаль. — Я не желаю тебе зла. Но идти с завязанными руками трудно. Я развяжу тебя.

Но барс не позволил ему приблизиться.

— Похоже, наши клятвы здесь недействительны, Годгар. Иди с миром и сообщи о случившемся, как полагается. И повторяю — я не держу зла ни на тебя, ни на твоих людей.

Он вернулся к своим воинам, и они пошли на юг в сопровождении животных. Я понял: их доведут до места. Но мне уготована другая дорога — изумрудная птица снова появилась в небе, призывая меня следовать за ней.

Глава 18

Постепенно сопровождающих меня зверей становилось все меньше. Когда Годгар и его люди скрылись из виду, я огляделся вокруг — оскалившийся барс, фыркающая, бьющая копытом антилопа. В прошлом враги, теперь их объединила одна цель. Барс зарычал; я посмотрел на восток — он затих. Войско таяло на глазах, но я чувствовал, что еще кто-то ведет меня к цели.

Пение птицы над головой — посланник Дагоны предупреждает меня о чем-то. Я свернул с дороги в мокрую траву, больно хлеставшую по рукам и ногам, и скрывавшую иногда моих спутников. Птица все время летела впереди. Дагона прошла через горы? Вряд ли — слишком тесными узами она связана с Эскором, чтобы проникнуть сюда. Кемок? Но я чувствовал, что животными и птицами управлял не Кемок, не Каттея, не чья-то другая колдовская Сила, рожденная в Эсткарпе.

Впереди возвышались темные горы. Этой дорогой я выйду к их склонам. Я попытался освободить руки от веревки. Там, в горах, без помощи рук мне не обойтись. Веревки врезались в кожу, из ран сочилась кровь. Как избавиться от них? Превозмогая страшную боль, я наконец высвободил одну руку, потом другую, поднял опухшие кисти вверх и пошевелил пальцами.

Дождь кончился, но небо не просветлело, наступили сумерки. Меня не столько пугала тьма, сколько то, что из-за дикой усталости я продвигаюсь слишком медленно. Я оглянулся. Антилопа приподняла голову, глаза барса сверкнули злобой. Я сделал шаг или два по направлению к ним. Рычание и шипение — предупреждение. Из травы показались другие звери. Дорога на запад для меня закрыта. Они не пошли за мной дальше, остались стоять в траве — словно перед тем барьером, что разделяет эти земли, за которыми я найду себе подобных. То нас преследовали люди, то изгоняли из Эсткарпа звери. Я добрался до большого камня и присел отдохнуть. Ноги гудели: сапоги для верховой езды неудобны для пешеходов. Я посмотрел на животных — неуклюжий медведь исчез, остальные внимательно следили за мной. Похоже, кто-то или что-то хочет, чтобы я вернулся в Эскор. Все во мне восстало против подобного насилия. Сначала направили в Эсткарп с бесполезной миссией, теперь тащат обратно. Какой смысл? Не очень-то приятно ощущать себя пешкой в чьей-то игре, которую двигают туда-сюда с непонятной целью.

Дермонт как-то рассказывал мне об очень древнем обычае в Карстене, который прекратил свое существование, когда Древняя раса перестала править там, а землю захватили пришельцы с далекого юга. Раз в десять лет устраивали такую игру.

На доске расставляли вырезанные из дерева фигурки. По одну сторону доски садился тот, кто считался великим лордом, по другую — тот, у кого не было ни земли, ни слуг, ничего, но кто хотел испытать свои силы в игре. Этот игрок олицетворял силы разрушения и неудачи, а лорд — силы согласия и успеха. И они начинали игру — на кон ставилось не только все то, чем владел лорд, но и благополучие его земель. И в том случае, если безземельный игрок одерживал победу над лордом, в землях наступал хаос и раздор. Может быть, сейчас играют именно в эту игру, а меня — живого человека — используют вместо пешки? С одной стороны — Эсткарп, с прочными традициями, крепко стоящий на ногах после победы над Карстеном, с другой стороны — Эсмор, с давними проблемами и сложностями. И возможно, за этой древней игрой скрыта некая вечная истина, то колебание весов, в котором одна сила побеждает другую. Так можно додуматься неизвестно до чего, решил я. Интересно, есть ли в моих догадках хоть доля правды? Меня определенно направили в Эсткарп, так же, как теперь выпроваживают. Я покачал головой — только животные могли видеть меня в этот момент — и стал рвать траву для ночлега. Одно ясно — сейчас я никуда не пойду.

Этой ночью я спал крепко. Наверное, слишком устал, а может быть, мой покой кто-то охранял. Если я и видел сны, то, проснувшись рано утром, ничего не вспомнил. Поднявшись с примятой травы, я посмотрел на горы. Да, если я действительно всего-навсего пешка в чьей-то игре, то надо идти на восток. С пустыми руками, без оружия, без еды мне предстоит взобраться по этим скалам. Дважды я оглядывался. Наверное, мой сон охраняли животные, но теперь они исчезли. Однако желания возвращаться в Эсткарп не возникало.

В течение всего дня кто-то постоянно управлял моими действиями — не могу передать словами свои ощущения, но это так. Моей же целью были только горы. Бессмысленно, бессмысленно — повторяла одна половина моего «я». Заставить меня проникнуть туда, потом забрать — чего я добился? Встретил всего-навсего одну крепость, да и там произвел плохое впечатление. Если моей задачей было набрать добровольцев, привести их в Эсмор, я провалил дело. У края скалы я остановился — зачем меня вернули в Эсткарп? Для чего? Пнул камешек — он полетел вниз, гулко отзываясь в полной тишине.

Какова их цель? Для чего меня использовали? Я не нашел ответа. Оставалось одно — продолжать идти вперед, вернуться к тем, кто ждет меня за горами. Я сорвался и побежал, как безумный, испугавшись собственных мыслей, и не находя ответа на свои вопросы.

Наконец упал без сил. Я не смогу убежать от тех страхов, что терзают меня. В отчаянии я стал бить руками о землю, пока не довел себя до изнеможения и не успокоился. И как только кровь перестала стучать в висках, я услышал журчание воды, пошел на этот звук и увидел горный ручей. Начал жадно пить холодную воду, потом плескать ее в лицо. Я приходил в себя. Страх — не помощник, лучше прислушаться к чьим-то таинственным приказам, может тогда узнаю, в чем дело. Возле ручья я обрел некую уверенность. Все это исходит только из Эскора. Войско животных — дело рук не колдуний Эсткарпа. Значит, чем скорее я попаду в Эскор, тем быстрее узнаю, какое место мне отведено во всей этой игре.

Я страшно проголодался. Прошло много времени с тех пор, как я доел последние крошки, оставшиеся от взятых с собой запасов еды. Но здесь никакого пропитания не найти. Что ж, мне часто доводилось голодать, надо продвигаться дальше. Горы... найду ли я ту долину, что вела к перевалу? Иногда, оглядываясь по сторонам, я ничего не узнавал, словно действовали те же силы, искажающие все вокруг, как тогда, когда мы шли с Кемоком и Каттеей в Эскор; а может, причиной тому был голод.

Сумерки не остановили меня, так как мной двигала лишь одна цель — скорее попасть в Эскор. Я не знал, верно ли выбираю дорогу. И вдруг... огонь впереди! Я остановился как вкопанный и протер глаза. Боялся, что все это — плод моего воображения, галлюцинации, а может быть это враги, и меня схватят...

Я перебрал в голове все возможные варианты поведения — обратной дороги нет, возвращаться никак нельзя...

— Брат!

Я был так занят своими мыслями, что не сразу понял значение этого слова. Потом... Кемок! Не знаю, закричал ли я его имя во весь голос, когда побежал к костру, но меня переполняла радость оттого, что меня ждут.

Он пришел, чтобы встретить меня; силы ушли, и я не мог бежать. Он подхватил меня и дотащил до оазиса света и тепла, потом прислонил к кустарнику и поднес к моим губам чашу. Я почувствовал руками тепло ее содержимого и припал к ароматному тягучему напитку.

Кемок — в одежде людей Дагоны, даже хлыст за поясом, но такой же родной, как раньше, когда мы вместе объезжали границу. И то, что меня окружало нечто знакомое, притупило ощущение беспомощности, давления извне, так же как напиток утолил чувство голода.

— Ты знал, что я иду? — я первым нарушил тишину, он словно дал мне время, чтобы успокоиться, прийти в себя.

— Она знала... Леди Зеленой Долины. — В его голосе чувствовалось напряжение. — Она сказала нам, что тебя забрали...

— Да.

— Они не позволили Каттее помогать тебе, поставили мысленный заслон. — Он сердито насупился. — Но они не смогли удержать меня. Они позволили прийти сюда и проверить, как сработало их колдовство.

Интересно, Кемок тоже чувствует, что его привела сюда чья-то воля?

— Их колдовство. — Животные... конечно, это колдовство Дагоны.

— Они не были уверены, что их ждет удача в Эсткарпе. Но похоже, все получилось, ведь ты вернулся, Килан. Но почему ты пошел туда? — он вопросительно посмотрел на меня.

— Потому что я должен был это сделать. — И я рассказал ему обо всем, начав с того самого момента, когда проснулся в Зеленой Долине. Не скрыл от него и мыслей о том, что меня использует какая-то неведомая Сила в неизвестных мне целях.

— Дагона? — спросил он.

Я покачал головой.

— Нет, это была не ее воля. Поверь мне, Кемок, мы участвуем в некоей игре, где не вправе что-либо выбирать или понимать. Не знаю, зачем меня отправили туда, а потом приказали вернуться.

— Говорят, что в Эскоре сгущаются тучи, Зло пришло в движение, и им тоже нужно собирать свои силы. Время перемирия прошло, теперь и те, и другие готовятся к схватке. И по-

верь, брат, я приветствую это, как бы трудно ни пришлось. Не хочу быть просто наблюдателем, я приму участие в этой игре.

— Каття... ты сказал, что они поставили ей мысленный за-слон.

— До тех пор, пока она добровольно не откажется от применения своей Силы. Они говорят, что в противном случае она разбудит то, чего следует бояться. Она ждет нас вместе с остальными, вон там. — Он показал на скалу позади себя. — Днем мы встретимся.

Той ночью я видел сон. Я ехал верхом по полям Эскора — облаченный в кольчугу, вооруженный, готовый сразиться на мечах. За мной следовали те, кого я знал когда-то. Среди них я увидел леди Крисвиту, в боевом одеянии, с оружием в руках, как было принято в периоды великой опасности. Она улыбнулась мне, проезжая мимо, за ней следовали другие люди Древней расы. Мы скакали то вправо, то влево, охваченные тревогой и отчаянием. Над нами развевалось знамя в виде огромной зеленой птицы (а может быть, это была настоящая птица, только в несколько раз больше обычной?), и ветер трепал его так, что оно словно хлопало крыльями. По пятам за нами шла смерть — наши жизни могли потребоваться в виде дани некоему владыке.

— Килан! — я проснулся и почувствовал руку брата. Он тряс меня за плечо. — Тебе приснился плохой сон?

— Как знать, хороший или плохой. Нам предстоит сражаться, Кемок. Мы либо очистим землю от Зла, либо погибнем... — я пожал плечами. — Так или иначе, у нас есть руки, способные держать мечи. И кто знает, может быть, на этот раз удача не отвернется от нас...

Мы стали медленно подниматься на скалу. Оказавшись наверху, я обернулся. Кемок тоже. Он поднес к глазам бинокль и вдруг весь напрягся — он что-то увидел.

— Что там?

Вместо ответа он протянул мне бинокль. Деревья и кустарники замелькали перед глазами. И среди них — люди. Снова идут по моим следам? Но они не смогут пройти, их остановит барьер. Большой отряд... погоня? Потом я навел резкость — один всадник, другой, третий... Не веря своим глазам, я оглянулся и посмотрел на Кемока. Он кивнул, с лица его тоже не сходило удивление.

— Твое зрение тебя не обманывает, брат! В основном это женщины!

— Но почему? Колдуньи сами решили поймать меня?

— Какая колдунья может везти с собой ребенка?

Я снова посмотрел в бинокль — действительно, поперек седла на одной из лошадей была прикреплена люлька, а всадница была одета в походные брюки — значит, отправилась в долгий и трудный путь.

— Силы вторжения... За ними наверняка кто-то гонится... — Я не мог собраться с мыслями.

— Не думаю. Они едут с юго-запада. А вторжения можно ожидать только с севера, из Алисона. Нет, наверняка это добровольцы, за которыми тебя направляли, брат.

— Не может быть... женщины, дети? Я звал только людей из крепости Хорвана, но там меня не стали слушать, узнав, кто я такой. Они не могли...

— Это ты считаешь, что не могли, — поправил он. Не знаю почему, но в этот момент на меня нахлынули детские воспоминания. В Эстфорд приехал наш отец, что случалось редко. Да, именно тогда он привез с собой Откелла, для того чтобы тот начал обучать нас боевому искусству. И он рассказывал о том, что произошло когда-то на Горме. Корабль сулькарцев принесло течением в бухту, вся команда оказалась мертвой. Но они успели написать на бревне, что с ними произошло. Так дошла до других правда о случившемся с ними. Оказалось, что всех их сразила чума, которую они подхватили в далеком порту. Корабль отбуксировали подалее в море, подожгли и затопили вместе с мертвыми. Эта беда случилась из-за одного человека, вернувшегося с берега с семенем смерти.

Наверное, и я был послан в Эсткарп для того, чтобы бросить там какое-то семя, но не смерти и болезни, хотя кто знает, чем все это кончится. И я заразил их необходимостью отправиться вслед за мной в Эскор? Странно, но это, наверное, и дает ответы на все мои многочисленные вопросы. Кемок услышал мою мысль, взял бинокль и еще раз внимательно посмотрел на тех, кто шел к нам с определенной целью.

— Они не похожи на заколдованных или одержимых, — сообщил он. — Твоя «чума» подействовала на них.

Женщины и дети... нет! Ведь мне нужно было набрать воинов, привыкших держать в руках оружие. Но женщины и дети в мире, полном опасностей, в Эскоре — нет!

— Похоже, кто-то решил обновить нацию, — Кемок опустил бинокль.

— Что они задумали, в какую игру играют? — возмущенно воскликнул я, отстраняясь от бинокля, который протянул мне брат. Нет, все это моя вина, и мне одному придется отвечать за случившееся.

— Они не смогут провести с собой лошадей, — сказал Кемок. Меня поразило то, как быстро он сориентировался в ситуации. — Но их упряжь можно поднять при помощи веревок, а там, за долиной деревьев, их пересадят на рогатых скакунов...

— Ты так уверен? Они идут к нам? — спросил я.

— Да, Киран, он прав...

Каття! Она подбежала к нам, схватила меня за руку, потом взяла руку Кемока и мы, трое, вновь соединились.

— Почему? — спросил я, надеясь, что у нее есть ответ на мой вопрос.

— Почему они пришли? Не все захотели, лишь те, кто может услышать зов. Почему тебя послали к ним, Киран? Потому что ты один из нас — способных донести семя этого зова. Но во мне слишком много осталось от колдуний Эсткарпа, я бы не справилась, Кемок слишком тесно связан со мной. Поэтому именно тебе пришлось стать посланцем, сеятелем... И вот он — урожай!

— Они пришли за своей смертью!

— Некоторые из них действительно умрут, не скрою, — согласилась моя сестра, — но разве не все живые существа в конце концов находят свою смерть? Ни один человек не может предсказать заранее, когда наступит его последний час. Все мы подвластны воле случая и многого не понимаем. Разве можно винить меч за то, что он убивает? За ним всегда стоит рука, его держащая, и помыслы, ответственные за смерть!

— Но чья рука и чьи помыслы стоят за нами?

— Разве можно назвать имена Тех-Кто-Вечен?

Ответ ее меня озадачил. Я знал, что некоторые до сих пор верят в сверхъестественные силы, стоящие выше природы, человека и мира. Какое-то колдовство?

— Да, Килан. Я не знаю, под чьим знаменем мы идем сейчас. Вполне возможно, что впереди нас поджидают большие опасности. Но пути назад нет!

Так говорит она — чужестранка в Эскоре. И я — тот, кто привык к звону мечей в битве, — снова возьмусь за оружие. И пусть впереди нас ожидает неизвестность, неведомая нам магия, мы сделали свой выбор. Это лишь начало новой страницы в нашей жизни, семя, которое даст урожай намного позже. И об этом — следующий рассказ.

Содержание

КОЛДОВСКОЙ МИР <i>Перевод С. Степанова</i>	5
ПАУТИНА КОЛДОВСКОГО МИРА <i>Перевод А. Пахомова</i>	197
ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА <i>Перевод А. Пахомова</i>	349

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон
КОЛДОВСКОЙ МИР

Ответственный редактор *Г. Батанов*
Редактор *О. Овчинникова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректоры *В. Авдеева, М. Козлова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.04.2017. Формат 84x108¹/₃₂.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.

Тираж 3 000 экз. Заказ 4136

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-80236-4

9 785699 802364 >

В электронном виде на сайте www.litres.ru

ЛитРес:
Один клик до книги

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department for their orders.

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса:
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

Москва. Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74.

Нижегород. Филиал в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, дом 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Екатеринбург. Филиал в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).

Самара. Филиал в г. Самаре. Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е». Телефон: +7 (846) 269-66-70 (71...73). E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д.44 Б. Телефон: (863) 303-62-10. Режим работы: с 9-00 до 19-00.

Новосибирск. Филиал в г. Новосибирске. Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42.

Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск, пер. Дзержинского, д.24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120.

Тюмень. Филиал в г. Тюмени. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени. Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алебашевская, 9А (ТЦ Перестройка+). Телефон: +7 (3452) 21-53-96 / 97 / 98.

Краснодар. Обособленное подразделение в г. Краснодаре
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet».

Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92. Режим работы: с 10-00 до 22-00.

Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050038, г. Алматы, ул. Домбровского, 3 «А». Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99).

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073, г. Киев, Московский пр-т, д.9. Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Э» можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Неваский пр-т, д.48.
Тел.: +7(812)601-0-801, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 746-89 14.

В
Н

ЛЕРИ ДИ
ФАНАСТИЗИ

Вся
НОРТОН
КОЛДОВСКОЙ
МИР

ISBN 978-5-699-80236-4

